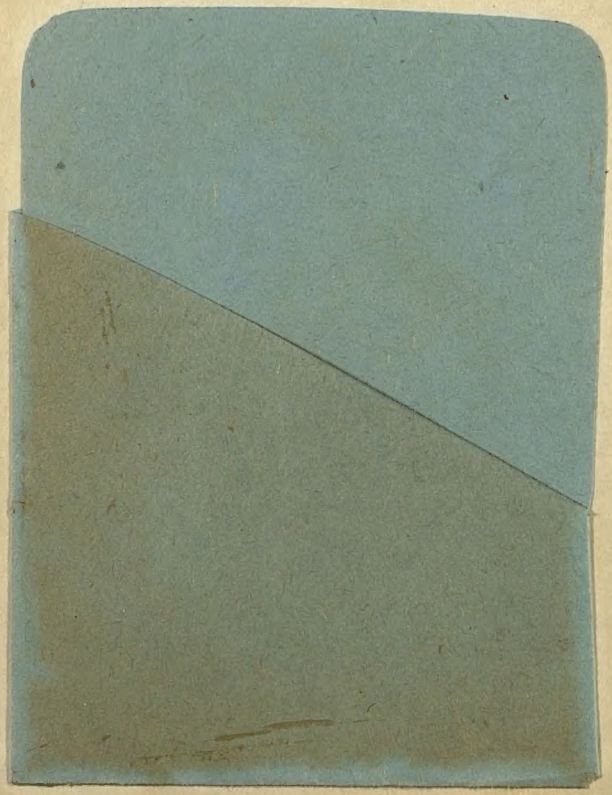
Л 45

В. И. ЛЕНИН

Коммунистический интернационал

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1936



ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ЧАСТЬ I

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
71400

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1936

20

(4)

В. И. ЛЕНИН

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ЧАСТЬ I

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР им. Ленина

ЧАСТЬ I

НА ПУТИ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ 1914—1919

ЧАСТЬ 1

НА ПУТИ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

1914—1919

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія — LE SOCIAL-DEMOCRATE — Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ
РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

№ 33. Женева. 1 Ноября 1914. Цѣна 10 ст.

ПОЛОЖЕНІЕ И ЗАДАЧИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

Тяжелѣе всего въ теперешнемъ кризисѣ — побѣда буржуазнаго націонализма, шовинизма надъ большинствомъ оффиціальныхъ представителей европейскаго соціализма. Не даромъ буржуазныя газеты всѣхъ странъ то издѣваются надъ ними, то снисходительно похваливаютъ ихъ. И нѣтъ задачи важнѣе для того, кто хочетъ остаться соціалистомъ, какъ выясненіе причинъ соціалистическаго кризиса и анализъ задачъ Интернаціонала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризисъ, вѣрнѣе: крахъ II-го Интернаціонала есть крахъ оппортунизма.

Ссылаются на единодушіе, напр., французскихъ соціалистовъ, на полную будто бы перетасовку старыхъ фракцій въ соціализмѣ по вопросу объ отношеніи къ войнѣ. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классовъ, отреченіе отъ идеи соціалистической революціи и отъ революціонныхъ методовъ борьбы, приспособленіе къ буржуазному націонализму, забвеніе исторически преходящихъ границъ національности или отечества, превращеніе въ фетишъ буржуазной легальности, отказъ отъ классовой точки зрѣнія и классовой борьбы изъ боязни оттолкнуть отъ себя „широкія массы населенія" (читай: мелкую буржуазію) — таковы, несомнѣнно, идейныя основы оппортунизма. Именно на этой почвѣ и выросло теперешнее шовинистское, патріотическое настроеніе большинства вождей II-го Интернаціонала. Фактическое преобладаніе оппортунистовъ среди нихъ давно отмѣчалось съ самыхъ различныхъ сторонъ, различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро дѣйствительные размѣры этого преобладанія. Что необычайная острота кризиса вызвала рядъ перетасовокъ въ старыхъ фракціяхъ,— это неудивительно. Но въ общемъ и цѣломъ эти перетасовки коснулись только личностей. Направленія внутри соціализма остались прежнія.

Среди французскихъ соціалистовъ нѣтъ полнаго единодушія. Самъ Вальянъ, ведущій шовинистскую линію вмѣстѣ съ Гедомъ, Плехановымъ, Эрве и др., вынужденъ признать, что онъ получаетъ рядъ писемъ отъ протестующихъ французскихъ соціалистовъ, указывающихъ, что война есть имперіалистская война, что французская буржуазія не менѣе другихъ повинна въ ней. Не надо забывать, что такіе голоса заглушаетъ не только восторжествовавшій оппортунизмъ, но и военная цензура. У англичанъ группа Гайндмана (англійскіе с.-д. — „Брит. соц. партія") вполнѣ скатилась къ шовинизму, какъ и большинство полулиберальныхъ вождей тредъ-юніоновъ. Отпоръ шовинизму даютъ Макдональдъ и Кейръ-Гарди изъ оппортунистической „Независимой Рабочей Партіи". Это — дѣйствительно исключеніе изъ правила. Но нѣкоторые революціонные с.-д., давно боровшіеся съ Гайндманомъ, вышли теперь изъ рядовъ „Бр. соц. Партіи". У нѣмцевъ картина ясна: оппортунисты побѣдили, они ликуютъ, они „въ своей тарелкѣ". „Центръ" съ Каутскимъ во главѣ скатился къ оппортунизму и защищаетъ его особенно лицемѣрными, пошлыми и самодовольными софизмами. Изъ среды революціонныхъ с.-д. раздаются протесты — Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряда безыменныхъ голосовъ въ Германіи и въ нѣмецкой Швейцаріи. Въ Италіи тоже ясная группировка: крайніе оппортунисты, Биссолати и К° за „отечество", за Гэда — Вальяна — Плеханова — Эрве. Революціонные с.-д. („соц. партія") съ Avanti! во главѣ борется съ шовинизмомъ и разоблачаетъ буржуазно-корыстный характеръ призывовъ къ войнѣ, встрѣчая поддержку огромнаго большинства передовыхъ рабочихъ. Въ Россіи крайніе оппортунисты изъ лагеря ликвидаторовъ уже подняли свой голосъ въ защиту шовинизма на рефератахъ и въ печати. П. Масловъ и Е. Смирновъ защищаютъ царизмъ подъ предлогомъ защиты отечества (Германія, видите ли, грозитъ „силой меча" навязать „намъ" торговые договоры, тогда какъ царизмъ, должно быть, не силой меча, кнута и висѣлицы душилъ и душитъ экономическую, политическую и національную жизнь 6/10 населенія Россіи!) и оправдываютъ вступленіе соціалистовъ въ буржуазно-реакціонныя министерства и голосованіе сегодня за военные кредиты, завтра за новыя вооруженія!! Къ націонализму скатился Плехановъ, прикрывая свой русскій шовинизмъ французофильствомъ, и Алексинскій. Мартовъ, если судить по парижскому „Голосу", держится всѣхъ приличнѣе изъ этой компаніи, давая отпоръ шовинизму и германскому и

Буржуазія одурачиваетъ массы, прикрывая имперіалистическій грабежъ старой идеологіей „національной войны". Пролетаріатъ разоблачаетъ этотъ обманъ, провозглашая лозунгъ превращенія имперіалистической войны въ гражданскую войну. Именно этотъ лозунгъ намѣченъ Штутгартской и Базельской резолюціями, которыя какъ разъ предвидѣли не войну вообще, а именно такую войну и которыя говорили не о „защитѣ отечества", а объ „ускореніи краха капитализма", объ использованіи для этой цѣли кризиса, создаваемаго войной, о примѣрѣ Коммуны. Коммуна была превращеніемъ войны народовъ въ гражданскую войну.

Такое превращеніе, конечно, не легко и не можетъ быть произведено „по желанію" отдѣльныхъ партій. Но именно такое превращеніе лежитъ въ объективныхъ условіяхъ капитализма вообще, эпохи конца капитализма въ особенности. И въ этомъ направленіи, только въ этомъ направленіи должны вести свою работу соціалисты. Не вотировать военныхъ кредитовъ, не потакать шовинизму „своей" страны (и союзныхъ странъ), бороться въ первую голову съ шовинизмомъ „своей" буржуазіи, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступилъ кризисъ и буржуазія сама отняла созданную ею легальность, — вотъ та линія работы, которая ведетъ къ гражданской войнѣ и приведетъ къ ней въ тотъ или иной моментъ всеевропейскаго пожара.

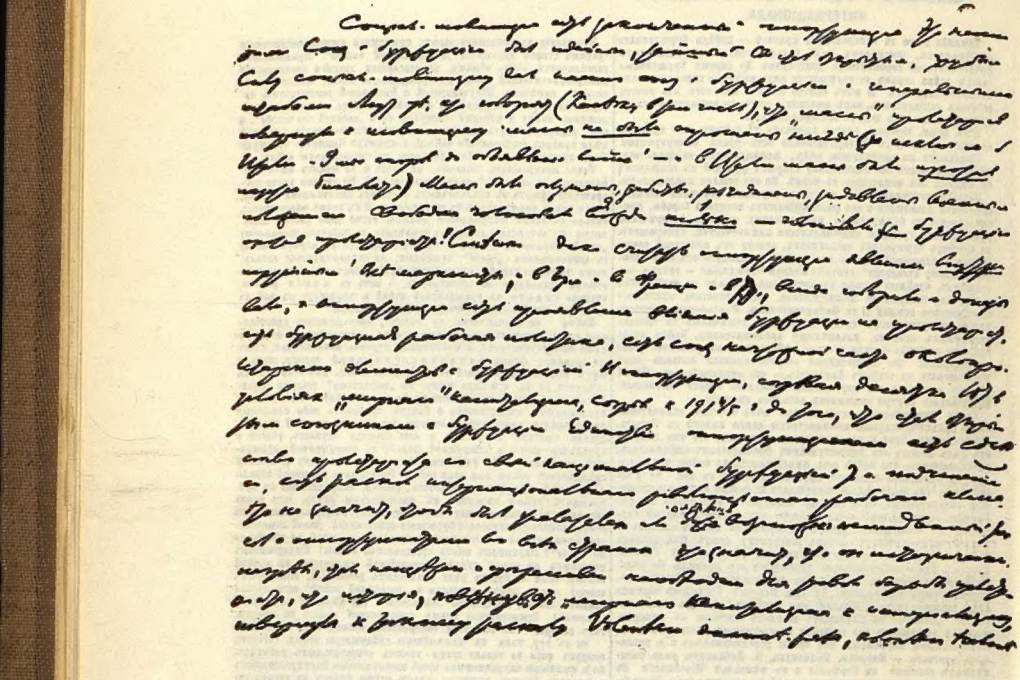
Война не случайность, не „грѣхъ", какъ думаютъ христіанскіе попы (проповѣдующіе патріотизмъ, гуманность и миръ не хуже оппортунистовъ), а неизбѣжная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, какъ и миръ. Война нашихъ дней есть народная война. Изъ этой истины слѣдуетъ не то, что надо плыть по „народному" теченію шовинизма, а то, что и въ военное время, и на войнѣ и по военному продолжаютъ существовать и будутъ проявлять себя классовыя противорѣчія, раздирающія народы. Отказъ отъ военной службы, стачка противъ войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбѣ съ вооруженной буржуазіей, воздыханіе объ уничтоженіи капитализма безъ отчаянной гражданской войны или ряда войнъ. Пропаганда классовой борьбы и въ войнѣ есть долгъ соціалиста; работа, направленная къ превращенію войны народовъ въ гражданскую войну, есть единственная соціалистическая работа въ эпоху имперіалистическаго вооруженнаго столкновенія буржуазіи всѣхъ націй. Долой поповски-сантиментальныя и глупенькія воздыханія о „мирѣ во что бы то ни стало"! Поднимемъ знамя гражданской войны! Имперіализмъ поставилъ на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будетъ ряда успѣшныхъ революцій, послѣдуютъ вскорѣ другія войны — сказка о „послѣдней войнѣ" есть пустая вредная сказка, мѣщанская „миѳологія" (по вѣрному выраженію „Голоса"). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, такъ завтра, — не во время теперешней войны, такъ послѣ нея, не въ эту, такъ въ ближайшую слѣдующую войну, соберетъ вокругъ себя не только сотни тысячъ сознательныхъ рабочихъ, но и милліоны одураченныхъ нынѣ шовинизмомъ полупролетаріевъ и мелкихъ буржуа, которыхъ ужасы войны будутъ не только запугивать и забивать, но и просвѣщать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять къ войнѣ противъ буржуазіи и „своей" страны и „чужихъ" странъ.

II-ой Интернаціоналъ умеръ, побѣжденный оппортунизмомъ. Долой оппортунизмъ и да здравствуетъ очищенный не только отъ „перебѣжчиковъ" (какъ желаетъ „Голосъ"), но и отъ оппортунизма III-ій Интернаціоналъ.

II-ой Интернаціоналъ выполнилъ свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организаціи пролетарскихъ массъ въ долгую „мирную" эпоху самаго жестокаго капиталистическаго рабства и самаго быстраго капиталистическаго прогресса послѣдней трети XIX-го и начала XX-го вѣка. III-му Интернаціоналу предстоитъ задача организаціи силъ пролетаріата для революціоннаго натиска на капиталистическія правительства, для гражданской войны противъ буржуазіи всѣхъ странъ за политическую власть, за побѣду соціализма!

Заголовок № 33 журнала «Социальдемократ» от 1 ноября 1914 г. и страница этого номера со статьей Ленина «Положение и задачи социалистического Интернационала»

УМЕНЬШЕНО



Факсимиле отрывка из рукописи статьи Ленина: «Оппортунизм и крах II Интернационала», написанной в конце 1915 г.

УМЕНЬШЕНО

1914 год

ТЕЗИСЫ О ВОЙНЕ

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

§ 1. Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистской, династической войны. Борьба за рынки и грабеж стран, стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии—таково единственное реальное содержание и назначение войны.

§ 2. Поведение вождей немецкой социал-демократической партии II Интернационала (1889—1914), голосовавших за военный бюджет и повторяющих буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой социал-демократической партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национал-либеральную политику.

§ 3. Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской социал-демократических партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства.

§ 4. Измена социализму большинства вождей II Интернационала (1889—1914) означает идейный крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелко-буржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители пролетариата всех стран. Оппортунисты давно подготовляли крах II Интернационала, отрицая социалистиче-

скую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с ее необходимым, в известные моменты, превращением в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов, проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая азбучную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом Манифесте»,—что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Один из органов международного оппортунизма, «Социалистический Ежемесячник», давно ставший на национально-либеральную позицию, вполне правильно торжествует свою победу над европейским социализмом.

§ 5. Из тех буржуазных и шовинистических софизмов, которыми, в особенности, одурачивают массы буржуазные партии и правительства двух главных соперничающих наций континента—Германии и Франции—и которые рабски повторяют плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты, как откровенные, так и прячущиеся,—следует, в особенности, отметить и заклеймить следующие: когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом II во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут, при всяком исходе войны, направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая—угнетает датчан, поляков и французов (в Эльзас-Лотарингии), ведя наступательную войну против Бельгии и Франции ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который показался им более удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией. Когда французские буржуа ссылаются

точно также на защиту родины и проч., они также лгут, ибо на деле они защищают отсталые в отношении капиталистической техники, более медленно развивающиеся, страны, нанимая на свои миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны, с целью грабежа австрийских и немецких земель. Обе воюющие группы наций не уступают друг другу в жестокости и варварстве при ведении войны.

§ 6. Задачей социал-демократии России является в особенности и в первую голову беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами, кадетами и др., и частью народников. С точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающей Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающей национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакции и варварского правительства царской монархии.

§ 7. Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-первых, всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимость направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и враждебных шовинизму и оппортунизму; во-вторых, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и других, на ряду с превращением всех отдельных государств Европы в Республиканские Соединенные Штаты.

Написано 5—6 сентября (23—24 августа) 1914 г.

Т. XXX, стр. 218—220.

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ

РЕЗОЛЮЦИЯ ГРУППЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

1) Европейская всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии—таково единственное реальное содержание и значение войны.

2) Поведение вождей немецкой с.-д. партии, самой сильной и влиятельной партии 2-го Интернационала (1889—1914), голосовавшей за военный бюджет и повторяющей буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости временного подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой с.-д. партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национально-либеральную политику.

3) Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской с.-д. партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства.

4) Измена социализму большинства вождей 2-го Интернационала (1889—1914) означает идейно политический крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелко-буржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители революционного пролетариата всех стран. Оппортунисты давно подготовляли крах 2-го Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая классовую борьбу, с ее необходимым превращением, в известные моменты, в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом Манифесте», что рабочие не имеют отечества; ограничи-

ваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Один из международных органов оппортунизма, немецкий «Социалистический Ежемесячник», давно ставший на национально-либеральную позицию, вполне правильно торжествует теперь свою победу над европейским социализмом. Так называемый «центр» немецкой социал-демократической партии и других социал-демократических партий на деле трусливо капитулировал перед оппортунистами. Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме.

5) Из тех буржуазных и шовинистических софизмов, коими в особенности одурачивают массы буржуазные партии и правительства двух главных соперничающих наций континента—германской и французской,—и кои повторяют рабски плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты, как откровенные, так и прячущиеся,—следует, в особенности, отметить и заклеймить следующие: когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут, при всяком исходе войны, направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая—угнетает датчан, поляков и французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну с Бельгией и Францией ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который ей казался наиболее удобным для использования последних ее усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией. Когда французские буржуа ссылаются точно также на защиту родины и проч., они также лгут, ибо на деле они защищают более отсталые в отношении капиталистической техники и более медленно развивающиеся страны, нанимая на свои

миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны, т.-е. грабежа австрийских и немецких земель. Обе воюющие группы наций ничуть не уступают друг другу в жестокостях и варварстве войны.

6) Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами, к.-д., частью народников и другими буржуазными партиями.

С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии.

7) Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и в большинстве случаев враждебных оппортунизму и шовинизму; во-2-х, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов республики немецкой, польской, русской и т. д. наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские соединенные Штаты Европы; в 3-х, в особенности борьба с царской монархией и великорусским, панславистским, шовинизмом и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-ми часового рабочего дня.

Группа социал-демократов, членов Р. С.-Д. Р. П.

Т. XVIII, стр. 44—46.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Социалисту всего тяжеле не ужасы войны—мы всегда за «santa guerra di tutti gli oppressi per la conquista delle *loro* patrie!»[1],—а ужасы измены вожаков современного социализма, ужасы краха современного Интернационала.

Разве это не измена, в социал-демократии, когда мы видим у немецких социалистов поразительную перемену фронта (после объявления войны Германией)? лживая фраза об освободительной войне с царизмом? забвение германского империализма? забвение грабежа Сербии? буржуазные интересы войны с Англией? etc. etc. Патриоты, шовинисты, голосуют за бюджет!!

Разве не такая же измена у французских и бельгийских социалистов? Они превосходно разоблачают германский империализм, но, к сожалению, поразительно слепы относительно английского, французского и особенно варварского русского империализма! Они не видят вопиющего факта, что французская буржуазия десятки и десятки лет нанимала за миллиарды черносотенные банды русского царизма,—что этот царизм подавляет инородческое большинство России, грабит Польшу, угнетает рабочих и крестьян великороссов и т. д.?

В такое время социалист отдыхает душой, читая, как «*Avanti!*» мужественно и прямо сказала горькую правду в лицо *Зюдекуму*, правду немецким социалистам, что они *империалисты*, т.-е. шовинисты. Еще более отдыхаешь душой, когда читаешь статью Zibordi («Avanti!» 2 сентября), разоблачающую шовинизм не только немецкий и австрийский (это, ведь, выгодно с точки зрения *итальянской* буржуазии), но и *французский*, признающую войну—войной буржуазии *всех* стран!!

Позиция «*Avanti!*» и статья *Zibordi*—[наравне с резолюцией группы революционных социал-демократов (на недавнем совещании в одной из скандинавских стран[2])]—показывает нам, что̀ есть правильного и неправильного в обычной фразе о крахе Интернационала. Эту фразу повторяют буржуа и

---

[1] «Священную войну всех угнетенных за завоевание *их* отечеств!». *Ред.*

[2] См. настоящий том, стр. 8—10. *Ред.*

оппортунисты («riformisti di destra»[1]) злорадно, социалисты («Volksrecht» в Zürich'e, «Bremer Bürger Zeitung») с горечью. В этой фразе есть большая доля правды!! Крах *вождей* и большинства партий *современного* Интернационала есть *факт*. (Сравните «Vorwärts», «Wiener Arbeiter Zeitung», «Hamburger Echo» versus «L'Humanité», и воззвания бельгийских и французских[2] социалистов versus «ответ» немецкого Vorstand'a[3].) ***Массы еще*** не высказались!!!

Но 1.000 раз прав *Zibordi*, когда говорит, что не «dottrina è sbagliata», не «rimedio» социализма «errato»,— «semplicemente non erano in dose bastante», «gli altri socialisti non sono «abbastanza socialisti»»[4].

Не социализм потерпел крах в лице *современного европейского* Интернационала, а недостаточный социализм, т.-е. *оппортунизм* и *реформизм*. Именно эта «тенденция», имеющаяся *везде*, во всех странах, и так ярко выраженная Биссолати и К⁰ в Италии, потерпела крах, именно она *учила* годами забывать классовую борьбу *и т. д. и т. д.—из резолюции*.

Zibordi прав, когда он главную вину европейских социалистов видит в том, что они «cercano nobilitare con postumi motivi la loro incapacità a prevenire, la loro necessità di partecipare al macello», что они «preferisce fingere di fare per amore ciò ch'è (социализм европейский) costretto a fare per forza», что социалисты «*solidarizzarono* ciascuno con la propria nazione, col Governo *borghese* della propria nazione... in una misura da formare una delusione per noi» (и для всех социалистов *не* оппортунистов) «e un compiacimento per tutti i non socialisti d'Italia»[5] (и не одной Италии, а всех стран: см., например, русский либерализм).

---

[1] «Правые реформисты». *Ред.*

[2] В рукописи ошибочно написано «немецких». *Ред.*

[3] Правления. *Ред.*

[4] Не «теория ошибочна», не «лекарство» социализма «неправильно», а «просто его не было в достаточных дозах», «и иные социалисты не являются «достаточно социалистами»». *Ред.*

[5] Что они «пытаются облагородить позднейшими мотивами свою неспособность предвидения, необходимость для себя принять участие в бойне», что они «предпочитают делать вид, что они с любовью делают то» (социализм европейский), «что принуждены делать поневоле», что социалисты «*солидаризировались* каждый со своей нацией, с *буржуазным* правительством своей нации... в сте-

Да, даже при полной incapacità, неспособности, бессилии европейских социалистов, поведение их вождей измена и подлость: рабочие пошли на бойню, а вожди? голосуют *за*, идут в *министерство!!!* Даже при полном бессилии они должны бы голосовать *против, не идти* в министерство, не говорить шовинистических подлостей, *не* солидаризироваться с своей «нацией», *не* защищать «своей» буржуазии, а разоблачать ее подлости.

Ибо *везде* буржуазия и империалисты, везде подлая подготовка бойни: если *особенно* подлый и варварский русский царизм (более всех реакционен), то и немецкий империализм тоже монархический—феодально-династические цели, грубая буржуазия, менее свободная, чем во Франции. Русские социал-демократы были правы, говоря, что *для них* меньшее зло—поражение царизма, что *их* непосредственный враг—больше всего *великорусский* шовинизм, но социалисты (не оппортунисты) каждой страны должны были видеть своего главного врага в «своем» («отечественном») шовинизме.

Но верно ли, что так уже абсолютно «incapacità»? Так ли? fucilare[1]? Heldentod[2] и подлая смерть?? in vantaggio *di un'altra patria*[3]?? Не всегда!! *Почин* был возможен, был обязателен. Нелегальная пропаганда и гражданская война были бы *честнее*, были бы обязательнее для социалистов (*это* пропагандируют русские социалисты).

Например, утешают себя иллюзией: прекратится война, наладится... Нет!! Чтобы крах современного (1889—1914) Интернационала не был крахом социализма, чтобы *массы* не отвернулись, чтобы не получилось господства анархизма и синдикализма (так же позорно, [как] во Франции), надо смотреть истине в глаза. Кто бы ни победил, Европе угрожает *усиление* шовинизма, «*реванш*» etc. Милитаризм немецкий или великорусский возбуждает контр-шовинизм etc. etc.

Наш долг сделать вывод о полном крахе того оппортунизма, реформизма, который так торжественно провозглашался в

пени, способной привести к разочарованию нас» (и всех социалистов *не* оппортунистов) «и доставить удовольствие всем не социалистам Италии». *Ред.*

[1] Позволять расстреливать? *Ред.*

[2] Геройская смерть. *Ред.*

[3] Ради *чужого отечества?? Ред.*

Италии (и так твердо был отсечен итальянскими товарищами) и[1].

NB вставить, презрительное, пренебрежительное отношение «*Neue Zeit*» к итальянским социалистам и «*Avanti!*»: уступочки оппортунизму!!! «Золотая середина».

[Так называемый «центр» = лакеи оппортунистов.]

Написано во второй декаде сентября 1914 г.

Т. XXX, стр. 221—223.

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[В СТОКГОЛЬМ]

17 октября 1914 г. [Берн]

Дорогой друг!

Прочитал ответ Вандервельду и прилагаю свои мысли по поводу этого ответа[2].

Было бы крайне желательно, чтобы в случае созыва Думы (*правда ли*, что ее созывают через месяц?) наша фракция выступила уже без блока и заявила *последовательную* точку зрения. Отвечайте немедля: 1) будет ли созыв Думы; 2) хороши ли у вас сношения с думской фракцией и сколько дней на это требуется.

21 октября 1914 г.

Продолжаю прерванное письмо. Моя критика ответа, конечно, дело приватное, предназначенное *исключительно для друзей* в целях установления полного взаимопонимания. На днях выйдет Центральный Орган, и мы пришлем его Вам.

Насчет Интернационала не будьте оптимистом и бойтесь интриг ликвидаторов и оппортунистов. Хотя Мартов сейчас и левеет, но это потому, что он один, а что будет завтра? Завтра он скатится к их общему плану: заткнуть рабочим рот (и ум, и совесть) каучуковой резолюцией в духе Каутского, всех и вся оправдывающего. Каутский всех лицемернее, всех

---

[1] На этом рукопись обрывается. Следующие две фразы—приписка на полях. *Ред.*

[2] Приложение не разыскано. *Ред.*

отвратительней и всех вреднее! Интернационализм в том и состоит, изволите видеть, чтобы рабочий каждой страны стрелял в рабочих другой под видом «защиты отечества»!!!

Пусть себе они интригуют,—это же не более как мелкая интрига, теперь, в такой всемирно-исторический момент, думать о дипломатизировании с оппортунизмом и о создании «немецкого» Международного Социалистического Бюро! Надо вести сейчас принципиальную линию. У рабочих Питера лучшие чувства—вражда к изменникам немецкой социал-демократии. Всеми силами надо поддержать и закрепить это чувство и сознание в твердую решимость борьбы с международным оппортунизмом. До сих пор авторитетом была немецкая социал-демократия—теперь *она образец, чего не делать!*

Вы нужны в Стокгольме. Наладьте переписку с Россией получше. Перешлите тому, кто вам дал записку карандашом, мои письма (возможно ли это?), нам надо спеться с ним детальнее. Это сугубо важно. Начинаем выпуск Центрального Органа.

Пишите чаще!

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 137—138.

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[В СТОКГОЛЬМ]

27 октября 1914 г. [Берн]

Дорогой друг!

Сейчас получил Ваше второе письмо и сажусь побеседовать с Вами.

За письмо о С.-ПБ. событиях большое спасибо. Корреспонденция в Ц. О. выйдет отсюда отличная. На днях № Ц. О. выходит, и мы его Вам пришлем. Ждите. Ждите и следующего номера. Надо посидеть Вам в Стокгольме, пока *вполне* не наладится транспорт *через* Стокгольм и писем (1) и людей (2) и литературы (3). Для этого надо систематически подготовить и *испытать* хорошее передаточное лицо в Стокгольме. Годится ли для этого т. Сковно? Она хороша тем, что

большевичка. Не переметнется. А вот деловита ли она, расторопна ли, аккуратна ли?

От души рад, если т. Коллонтай стоит на нашей позиции, как рад и прекрасному (в общем) ведению «Голоса» Мартовым в Париже. Но боюсь смертельно, что Мартов (и иже с ним) переметнется... к позиции Каутского—Трульстры. Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех: поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерье. Ничего-де не случилось, принципы-де не нарушены, все были в праве защищать отечество. Интернационализм—изволите видеть—в том и состоит, чтобы рабочие всех стран стреляли друг в друга «во имя защиты отечества».

Права была Р. Люксембург, давно понявшая, что у Каутского «прислужничество теоретика»—лакейство, говоря проще, лакейство перед большинством партии, перед оппортунизмом. Нет на свете теперь *ничего* более вредного и опасного для *идейной* самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы-ученым многоглаголанием разбуженную совесть рабочих. Если Каутскому это удастся, он станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении. А Трульстра будет за него—о, этот Трульстра оппортунист половчее «добренького» старичка Каутского! Как маневрировал этот Трульстра, чтобы выгнать из голландской партии честных людей и марксистов (Гортера, Паннекука, Вайнкоопа)!! Никогда не забуду, как Роланд-Гольст, бывшая у меня однажды в Париже, сказала про Трульстру: «ein hundsgemeiner Kerl» (gredin, по-французски) [1]... Жалею, что Вы метали бисер перед ним... Трульстра+сволочь оппортунистов в Vorstand'е [2] немецких социал-демократов ведут сейчас пакостную интрижку, чтобы все замазать. Смотрите в оба, не окажитесь невольной жертвой этой интриги!! Не помогите нечаянно этим худшим врагам рабочего движения, в эпоху кризиса защищающим шовинизм «теоретически» и занимающимся мизерной, отвратительной дипломатией. Единственно, кто сказал рабочим правду—хотя и не полным голосом, и не совсем ловко иногда—это Паннекук, статью коего мы Вам послали (пере-

[1] Собачья шельма. *Ред.*
[2] Центральный Комитет. *Ред.*

шлите перевод россиянам). Его слова, что ежели теперь «вожди» убитого оппортунистами и Каутским Интернационала соберутся и станут «склеивать» трещины,—это «не будет иметь никакого значения»,—эти слова—*единственное* социалистическое слово. Это *правда*. Горькая, но правда. А рабочим нужна теперь более, чем когда-нибудь, правда, вся правда, не поганое дипломатничанье, не игра в «склеиванье», не замазывание зла каучуковыми резолюциями.

Для меня ясно, что Каутский, Трульстра плюс Вандервельд (может быть плюс x + y + z или минус x, y, z; это неважно) заняты теперь интригой в таких целях. Перенесение Международного Бюро в Голландию такая же интрига все тех же мерзавцев.

Я буду держаться в стороне от них и от нее,—буду советовать это нашему представителю в Международном Социалистическом Бюро (Litvinoff. 76 High Street. Hampstead [1]. London. N. W.)—и советую это Вам.

«Не ходите на совет нечестивых», не верьте Трульстра [2], и т. п., и т. п., и т. д., и т. д., а ставьте им короткий ультиматум: вот вам манифест (переработка тезисов; пришлем в печатном виде на днях) нашего Ц. К. о войне: хотите напечатать на вашем языке?? Нет? Ну-так adieu [3], нам не по дороге!

Если Коллонтай на нашей стороне, пусть поможет «двинуть» этот манифест на других языках. Познакомьтесь с Höglund'ом [4], молодой шведский социал-демократ, вождь «оппозиции», прочтите ему наш манифест (сошлитесь на меня: мы познакомились в Копенгагене). Попробуйте, не будет ли тут *идейной* близости (он только наивный, сантиментальный антимилитарист: вот этим людям и надо сказать—либо лозунг гражданской войны, либо оставайтесь с оппортунистами и шовинистами).

Весь гвоздь задачи в России теперь—организовать идейный

---

[1] Слово «Hampstead» вписано рукой Н. К. Крупской. *Ред.*

[2] В рукописи, после слова «Трульстра» вычеркнуто чернилами: «(Каутскому)». *Ред.*

[3] Прощай. *Ред.*

[4] Хёглундом. К слову «Höglund» рукой Н. К. Крупской сделана сноска «Z. Höglund. Upplandsgatan. 7». *Ред.*

отпор оппортунистам Интернационала и Каутскому. Весь гвоздь в этом. Не переметнется ли тут Мартов??... Боюсь!..

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 143—145.

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[В СТОКГОЛЬМ]

[31 октября 1914 г. Берн]

Für Alexander[1]

Дорогой друг!

Дня через два-три Вы получите наш Центральный Орган, и тогда, надеюсь, будет уже полная «спетость» в наших взглядах. Я побаиваюсь, откровенно говоря, не истолкуют ли ваши некоторые шаги в том смысле, будто Вы обходите нашего законного представителя в Международном Социалистическом Бюро—Mr. Litvinoff. 76. High Street. Hampstead. London. N. W. Конечно, такое истолкование будет злостным перетолкованием, но все же будьте осторожнее.

Трульстра Вас обманул или ввел в заблуждение. Он—архи-оппортунист и агент интриг самого подлого центра самых подлых оппортунистов—немецких социал-демократов (с Каутским во главе, подло защищающим оппортунистов) и с их подлейшим Форштандом. Ни на какие конференции, ни на какие шаги по инициативе подобных мерзавцев мы не пойдем, а отстранимся: пусть срамят сами себя! А они себя, осрамивши раз, осрамят и дальше. Французы уже отвергли их интриги, а без французов возможна лишь грязная комедия грязных негодяев.

Ларин, по всей видимости, вас надувает безбожно. Если он выражает «доверие» немецкому Форштанду, то я понимаю, что Трульстра это «записал». Еще бы!! Доверие самым поганым оппортунистам!! Ради бога, исправьте, что можно исправить, и ни малейшего доверия ни прямо, ни косвенно не выражайте никому из оппортунистов, ни немцам, ни францу-

[1] Для Александра. *Ред.*

зам. Паннекук прав: II Интернационал окончательно умер. Убили его оппортунисты (а не «парламентаризация», как выразился неловкий Паннекук). «Заклеивание» разногласий есть лишь мизерная интрига, и ***мы*** в ней ***никакого*** участия, ни прямого, ни косвенного, принимать не должны.

Постараемся послать Вам парочку листовок вскоре. Не уезжайте, потерпите. Наладьте все, о чем я Вам писал, дождитесь того, когда Центральный Орган будет в России, дождитесь того, когда и с русскими коллегами (и с Каменевым и с др.) мы *вполне* споемся, после получения ими Центрального Органа. Раньше, чем все это будет сделано, нечего и думать о Вашем отъезде. Наш переезд пока преждевременен. Выясните между прочим, возможно ли печатать социал-демократические вещи в Швеции (вроде нашего Центрального Органа).

Бедный Горький! Как жаль, что он осрамился, подписав поганую бумажонку российских либералишек. К ним же скатился и Мешковский, и Плеханов и т. д. (Маслов и Смирнов в том числе).

Достаньте непременно и перечитайте (или попросите Вам перевести) Weg zur Macht[1] Каутского—что он писал там о революции наших дней!!

А теперь, как он сподличал, отрекаясь от всего этого!

Наше дело теперь—беспощадная война с шовинизмом, прикрываемым (болтовней о защите «отечества» и т. п.), особенно с «социалистическим шовинизмом» Плеханова, Гэда, Каутского (самый подлый из всех, лицемер!) и К°. Отстаивая революцию (буржуазную в России и социалистическую на Западе), мы ее проповедуем и на войне. Лозунг наш—гражданская война. Все это—чистейшие софизмы, будто сей лозунг неподходящий и т. д., и т. п. Мы не можем ее «сделать», но мы ее проповедуем и в этом направлении работаем. В каждой стране—в первую голову борьба с шовинизмом *данной* страны, возбуждение ненависти к *своему* правительству, призывы (повторные, настойчивые, многократные, неустанные) к солидарности рабочих воюющих стран, к *совместной* их гражданской войне против буржуазии.

Никто не решится *ручаться*, когда и насколько «оправдается» сия проповедь практически: *не в этом дело* (только

[1] — «Путь к власти». *Ред.*

подлые софисты отрекаются от революционной агитации из-за неизвестности того, когда будет революция). Дело в такой *линии* работы. *Только* эта работа—социалистическая, не шовинистская. И она *одна* принесет социалистические плоды, плоды революционные.

Лозунг мира теперь нелеп и ошибочен (*особенно* после *измены* почти всех вождей вплоть до Гэда, Плеханова, Вандервельда, Каутского). Он на деле означал бы мещанское нытье. А мы *и на военной почве*—должны остаться революционерами. И в войске проповедывать *классовую борьбу*.

Жму руку. Пишите чаще.

Ваш *Ленин*.

Т. XXIX, стр. 146—147.

ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы

и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые», демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается

возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага),—тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий—в особенности немецкой—граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс *слить* свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в

правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что́ может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий,— то и в этом случае нельзя было присоединяться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство—Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция в Гос. Думе—сочло своим безусловным социалистическим долгом не

голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистскую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной социал-демократии в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии и во Франции; если оппортунисты в лице, например, германского «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»), давно стоящие на национал-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом—то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной социал-демократией люди (подобно «центру» в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (т. наз. «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом;—отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов;—проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или

отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества;—ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран;—превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма,—столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской точке зрения,—анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников вплоть до с.-р. и «правых» с.-д. В особенности обязательно заклеймить шовинистские выступления, напр., Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью.

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бес-

смысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской.

В России задачами с.-д. в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма. Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измены своим убеждениям,—революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Т. XVIII, стр. 61 — 66.

ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Тяжелее всего в теперешнем кризисе—победа буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма. Не даром буржуазные газеты всех стран то издеваются над ними, то снисходительно похваливают их. И нет задачи важнее для того, кто хочет остаться социалистом, как выяснение причин социалистического кризиса и анализ задач Интернационала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризис, вернее, крах II Интернационала есть крах оппортунизма.

Ссылаются на единодушие, напр., французских социалистов, на полную будто бы перетасовку старых фракций в социализме по вопросу об отношении к войне. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя «широкие массы населения» (читай: мелкую буржуазию)—таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патриотическое настроение большинства

вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон, различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро действительные размеры этого преобладания. Что необычайная острота кризиса вызвала ряд перетасовок в старых фракциях,—это не удивительно. Но в общем и целом эти перетасовки коснулись только личностей. Направления внутри социализма остались прежние.

Среди французских социалистов нет полного единодушия. Сам Вальян, ведущий шовинистскую линию вместе с Гэдом, Плехановым, Эрвэ и др., вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней. Не надо забывать, что такие голоса заглушают не только восторжествовавший оппортунизм, но и военная цензура. У англичан группа Гайндмана (английские социал-демократы—«Британская социалистическая партия») вполне скатилась к шовинизму, как и большинство полулиберальных вождей трэд-юнионов. Отпор шовинизму дают Макдональд и Кейр-Гарди из оппортунистической «Независимой Рабочей Партии». Это—действительно исключение из правила. Но некоторые революционные социал-демократы, давно боровшиеся с Гайндманом, вышли теперь из рядов «Британской социалистической партии». У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они «в своей тарелке». «Центр» с Каутским во главе скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных социал-демократов раздаются протесты—Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряда безыменных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии. В Италии тоже ясная группировка: крайние оппортунисты, Биссолати и К°, за «отечество», за Гэда—Вальяна—Плеханова—Эрвэ. Революционные социал-демократы («социалистическая партия») с «Avanti» во главе борются с шовинизмом и разоблачают буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих. В России крайние оппортунисты из лагеря ликвидаторов уже подняли свой голос в защиту шовинизма на рефератах и в печати. П. Маслов и Е. Смирнов защищают царизм под предлогом защиты отечества (Германия, видите ли, грозит «силой

меча» навязать «нам» торговые договоры, тогда как царизм, должно быть, *не* силой меча, кнута и виселицы душил и душит экономическую, политическую и национальную жизнь $^{9}/_{10}$ населения России!) и оправдывают вступление социалистов в буржуазно-реакционные министерства и голосование сегодня за военные кредиты, завтра за новые вооружения!! К национализму скатился Плеханов, прикрывая свой русский шовинизм французофильством, и Алексинский, Мартов, если судить по парижскому «Голосу», держится всех приличнее из этой компании, давая отпор шовинизму и германскому и французскому, восставая и против «Vorwärts'а», и против г. Гайндмана, и против Маслова, но боясь объявить решительную войну всему международному оппортунизму и его «влиятельнейшему» защитнику, «центру» немецкой социал-демократии. Попытки представить волонтерство, как осуществление социалистических задач (см. декларацию группы русских волонтеров в Париже, социал-демократов и социал-революционеров, а также польских социал-демократов, Ледера и др.), встретили защиту только Плеханова. Большинство Парижской секции нашей партии осудило эти попытки. Позицию Ц. К. нашей партии читатели видят из передовой статьи настоящего номера [1]. К истории того, как сложилась формулировка взглядов нашей партии, мы должны—во избежание недоразумений—установить следующие факты: группа членов нашей партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала «тезисы» и 6—8 сентября нового стиля пустила их в обращение между товарищами. Затем она передала их через швейцарских социал-демократов двум членам итало-швейцарской конференции в Лугано (27 сентября). Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения Ц. К. партии. Передовая статья этого номера есть окончательная редакция «тезисов».

Таково, вкратце, положение дел в европейской и российской социал-демократии. Крах Интернационала на-лицо. Полемика в печати между французскими и немецкими социалистами окончательно доказала это. Не только левые социал-демократы (Меринг и «Bremer Bürgerzeitung»), но и умеренные швейцарские органы («Volksrecht» [2]) признали это.

[1] См. настоящий том, стр. 20—27. *Ред.*

[2] — «Народное Право». *Ред.*

Попытки Каутского затушевать этот крах—трусливая увертка. И этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии.

Позиция буржуазии ясна. Не менее ясно и то, что оппортунисты просто повторяют слепо ее доводы. К сказанному в передовице остается разве добавить простое указание на издевательские речи «Neue Zeit», будто интернационализм состоит как раз в стрельбе рабочих одной страны против рабочих другой во имя защиты отечества!

Вопрос об отечестве—ответим мы оппортунистам—нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война империалистическая, т.-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи *конца* капитализма. Рабочий класс должен сначала «устроиться в пределах наций»—говорит «*Коммунистический Манифест*», указывая при этом *границы и условия* нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит Коммунистический Манифест: «рабочие не имеют отечества». Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну.

Именно этот лозунг намечен Штутгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено «по желанию» отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму «своей» страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом «своей» буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность,—вот та *линия* работы, которая *ведет* к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и повоенному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сантиментальные и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны! Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной,

если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны—сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология» (по верному выражению «Голоса»). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков» (как желает «Голос»), но и от оппортунизма III Интернационал.

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!

Опубликовано 1 ноября 1914 г. *Т. XVIII, стр. 67—71.*

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[В СТОКГОЛЬМ]

14 ноября 1914 г. [Берн.]

Дорогой друг!

Очень рад был вести от Вас, что Ц. О. получен и пойдет куда следует.

Насчет речи Вашей на съезде шведских социал-демократов могу посоветовать одно: либо не говорить вовсе, либо сказать, что приветствуете братскую партию шведских рабочих

и желаете ей всякого успеха *в духе революционной интернациональной социал-демократии.* Если нельзя *этого* сказать, тогда не стоит вовсе говорить. А если можно, конечно, лучше бы добавить, что русские рабочие (1) выразили свой взгляд через социал-демократическую фракцию, которая *не* вотировала бюджета; (2) что они выпускают *нелегальные* прокламации в С.-Петербурге, Риге, Москве, на Кавказе; (3) что орган их партии, Ц. К. и Ц. О. выступили против международного оппортунизма.

«Принято» ли это?—Гм... Конечно, Брантингу это не понравится, но не наше дело «нравиться» оппортунистам. Если Вам дадут 10—12 минут и *свободу* слова, тогда следует сказать *против немецкого* (и другого) оппортунизма, не задевая, конечно, ни единым словом ни шведских социал-демократов, ни их «молодых» и т. п. О восстановлении Интернационала советовал бы ни прямо, ни косвенно *не* говорить. Посылаю Вам статью (очень хорошую!) на эту тему (переведите и перешлите статью в Россию). Будем молчать по вопросу о восстановлении Интернационала и держаться в сторонке. Выждать надо. У немцев шевелятся *левые: если* у них будет раскол, *тогда*, может быть, Интернационал будет спасен от гниения...

О лозунге «мира» Вы ошибаетесь, будто буржуазия не хочет и слышать. Сегодня читал английский «Экономист». *Умные* буржуа передовой страны—*за* мир (конечно, ради *усиления* капитализма). А мы не должны давать смешивать нас с мелкими буржуа, сантиментальными либералами etc. Эпоха *штыка* наступила. Это—факт, значит, *и таким орудием* надо бороться.

Лозунг мира завтра-послезавтра подхватит *немецкая* буржуазия и особенно *оппортунисты*. Нам надо стоять за лозунг *революционного пролетариата*, способного на *борьбу* за *свои* цели, а это и есть гражданская война. Это тоже—*очень* конкретный лозунг, и *только на нем* вскрываются безошибочно основные направления: за пролетарское дело или за буржуазное.

Насчет долга шведам ни я, ни Надежда Константиновна решительно ничего не помним. Но я *вполне* мог и не знать или забыть. Поэтому какое-либо письмо любезное, благодарственное и направленное к тому, чтобы сей долг был «по-

жертвован», было бы очень хорошо. Я думаю Вам самим это вполне можно сделать—от имени Петербургского Комитета, напр., плюс *нескольких* социал-демократических депутатов, Вас уполномочивших в Питере. Это—наилучшая форма, по-моему. И насчет займа Вам, я думаю, так же орудовать. Письмо от меня я бы не советовал двигать (пойдут «*фракционные*» дрязги!!!). Если будете настаивать, я пришлю письмо, но мой совет: не надо. *Без* меня Вам *лучше* дадут, право! Сошлитесь на Петровского, от него (если надо) достаньте письмо, это лучше, ей-ей!

Крепко, крепко жму руку и желаю всего лучшего!

Ваш *Н. Ленин.*

P. S. Если Коллонтай переведет на немецкий манифест Ц. К. (из № 33 Ц. О.), может быть, пришлете нам копию?

P. S. К вопросу о лозунге «мира». Интересная статья Бернштейна в последнем № «Neue Zeit» показывает, что в Англии, где буржуазия всего умнее, всех свободнее и т. д., есть течение *за мир* с точки зрения архи-оппортунизма. То-есть, мир лучше гарантирует «социальный мир», т.-е. *подчинение* пролетариата буржуазии, успокоение пролетариата, *продолжение* существования капитализма. У Бернштейна это не развито. Но очевидно, что *таких* миротворцев много среди либеральных и радикальных *буржуа* всех стран. Прибавьте к этому (1), что *все* шовинисты тоже за мир (только на *каких* условиях)—а в подцензурной печати *не дадут* говорить о наших условиях!! (2) что *дворы* германский и русский тоже (втайне сегодня, полуоткрыто завтра) за особый мир друг с другом; (3) что все сантиментальные буржуа и обыватели «за мир» с точки зрения «антиреволюционной», обывательской, рабской и т. д.

Спрашивается, *объективно*, кому же теперь сыграет на руку лозунг мира? Во всяком случае не пропаганде идей *революционного* пролетариата! Не идее *использовать* войну для *ускорения* краха капитализма!

Добавьте победу оппортунистов-шовинистов почти во всех странах; только этим людям *поможет выпутаться* лозунг мира!

Т. XXIX, стр. 149—151.

МЕРТВЫЙ ШОВИНИЗМ И ЖИВОЙ СОЦИАЛИЗМ

КАК ВОССТАНОВЛЯТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛ?

Для социал-демократии России, несколько больше даже, чем для социал-демократии всего мира, образцом была в течение последних десятилетий немецкая социал-демократия. Понятно поэтому, что нельзя отнестись сознательно, т.-е. критически, к царящему теперь социал-патриотизму или «социалистическому» шовинизму без самого точного выяснения своего отношения к ней. Чем она была? что она есть? чем она будет?

На первый вопрос ответ может дать изданная в 1909 г. и переведенная на многие европейские языки брошюра К. Каутского «Путь к власти», самое цельное, самое благоприятное для немецких социал-демократов (в смысле подаваемых ими надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи, принадлежащее перу самого авторитетного во II Интернационале писателя. Напомним поподробнее эту брошюру; это будет тем полезнее, чем чаще теперь позорно отбрасывают «забытые слова».

Социал-демократия есть «революционная партия» (первая фраза брошюры) не только в том смысле, в каком революционна паровая машина, но «еще в другом смысле». Она стремится к завоеванию политической власти пролетариатом, к диктатуре пролетариата. Осыпая насмешками «сомневающихся в революции», Каутский писал: «Разумеется, при всяком значительном движении и восстании мы должны считаться с возможностью поражения. Перед борьбой только дурак может считать себя вполне уверенным в победе». «Прямой изменой нашему делу» был бы отказ считаться с возможностью победы. Революция в связи с войной возможна и во время войны и после нее. Когда именно обострение классовых противоречий приведет к революции, определить невозможно, но «я могу совершенно определенно утверждать, что революция, которую несет с собой война, разразится или во время войны, или непосредственно после нее»: нет ничего пошлее теории «мирного врастания в социализм». «Нет ничего ошибочнее мнения, будто познание экономической необходимости означает ослабление воли». «Воля, как желание борьбы, определяется: 1) ценой борьбы; 2) чувством силы

и 3) действительной силой». Когда знаменитое предисловие Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» пробовали (между прочим в «Vorwärts») истолковать в смысле оппортунизма, то Энгельс возмущался и называл «позорным» допущение, что он «мирный поклонник законности во что бы то ни стало». «Мы имеем все основания думать, что мы вступаем в период борьбы за государственную власть»; борьба эта может тянуться десятилетия, это нам неизвестно, но «по всей вероятности она приведет в недалеком будущем к значительному усилению пролетариата, если не к диктатуре его в Западной Европе». Революционные элементы растут: в 1895 году из 10 миллионов избирателей Германии было 6 миллионов пролетариев и 3½ миллиона заинтересованных в частной собственности. В 1907 году число последних возросло на 0,03 миллиона, а первых на 1,6 миллиона! И «темп движения вперед сразу становится очень быстрым, когда наступают времена революционного брожения». Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются, растет дороговизна, неистовствует империалистское соревнование, милитаризм. Близится «новая эра революций». Сумасшедший рост налогов «давно уже привел бы к войне, как единственной альтернативе революции... если бы именно эта альтернатива революции за войной не стояла еще ближе, чем за вооруженным миром». «Всемирная война становится угрожающе близкой; а война означает также и революцию». Еще в 1891 г. Энгельс мог бояться преждевременной революции в Германии, но с тех пор «положение сильно изменилось». Пролетариат «не может уже говорить о *преждевременной* (курсив Каутского) революции». Мелкая буржуазия очень ненадежна и все более враждебна пролетариату, но в эпоху кризиса она «способна массами перейти к нам». Все дело в том, чтобы социал-демократия «оставалась непоколебимой, последовательной, непримиримой». Несомненно, что мы вступили в революционный период.

Вот как писал Каутский в давно-давнопрошедшие времена, целых пять лет тому назад. Вот чем была или, вернее, обещала быть немецкая социал-демократия. Вот какую социал-демократию можно и должно было уважать.

Посмотрите, что пишет теперь сей Каутский. Вот важнейшие заявления из его статьи: «Социал-демократия во время войны» («Neue Zeit» № 1, 2/X 1914): «Наша партия гораздо

реже обсуждала вопрос о том, как вести себя во время войны, чем о том, как помешать войне»... «Никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны». «Военное время всего менее удобно для спокойного обсуждения». «Практический вопрос теперь: победа или поражение собственной страны». Соглашение между партиями в воюющих странах о действии против войны? «Практически что-либо подобное никогда еще не было испытано. Мы всегда оспаривали возможность этого»... Расхождение между французскими и немецкими социалистами «не принципиальное» (и те и другие защищают отечество)... «Социал-демократы всех стран имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества: ни одна нация не должна упрекать за это другую»... «Интернационал обанкротился»? «Партия отказалась от прямой защиты своих партийных принципов во время войны?» (Слова Меринга из того же номера.) Ошибочное мнение... Нет никаких оснований к такому пессимизму... Расхождение не принципиальное... Единство принципов остается... Неповиновение законам военного времени повело бы «просто к запрещению нашей прессы». Повиновение этим законам «так же мало означает отказ от защиты партийных принципов, как подобная же работа нашей партийной печати под дамокловым мечом исключительного закона против социалистов».

Мы нарочно привели подлинные цитаты, ибо нелегко поверить, что подобные вещи могли быть написаны. Нелегко найти в литературе (кроме разве «литературы» прямых ренегатов) такой самодовольной пошлости, такого постыдного... уклонения от истины, таких некрасивых уверток для прикрытия самого явного отречения и от социализма вообще, и от точных международных решений, принятых единогласно (напр., в Штутгарте и особенно в Базеле) как раз в виду европейской войны именно теперешнего характера! Было бы неуважением к читателю, если бы мы стали брать «всерьез» доводы Каутского и пробовать «анализировать» их: ибо если европейская война во многом не похожа на простой и «маленький» еврейский погром, то «социалистические» доводы в защиту участия в этой войне *вполне* похожи на «демократические» доводы в защиту участия в еврейском погроме. Доводов в защиту погрома не разбирают: на них лишь

указывают, чтобы выставить их авторов к позорному столбу перед всеми сознательными рабочими.

Но как *могло* случиться, спросит читатель, чтобы крупнейший авторитет II Интернационала, чтобы писатель, защищавший приведенные в начале статьи взгляды, опустился до такого положения «хуже ренегатского»? Это непонятно, ответим мы, лишь для того, кто—может быть бессознательно—стоит на той точке зрения, что в сущности ничего особенного не случилось, что не трудно «помириться и забыть» и т. д., т.-е. именно на ренегатской точке зрения. Но, кто серьезно и искренно исповедывал социалистические убеждения и разделял взгляды, изложенные в начале статьи, тот не удивится тому, что «умер» «Vorwärts» (выражение Л. Мартова в парижском «Голосе») и «умер» Каутский. Крах отдельных лиц не диковинка в эпохи великих всемирных переломов. Каутский, несмотря на свои громадные заслуги, никогда не принадлежал к тем, кто во время больших кризисов сразу занимал боевую марксистскую позицию (вспомним его колебания по вопросу о мильеранизме).

А мы переживаем именно такую эпоху. «Стреляйте первыми, гг. буржуа!» писал в 1891 г. Энгельс, защищая (и вполне справедливо) использование нами, революционерами, буржуазной легальности в эпоху так называемого мирного конституционного развития. Мысль Энгельса была яснее ясного: мы, сознательные рабочие, будем стрелять вторыми, нам выгоднее теперь использовать для перехода от избирательного бюллетеня к «стрельбе» (т.-е. к гражданской войне) момент нарушения самой буржуазией того легального базиса, который ею создан. И Каутский выражал в 1909 г. бесспорные мнения всех революционеров социал-демократов, когда говорил, что *преждевременною* революция теперь в Европе быть не может и что война означает революцию.

Но десятилетия «мирной» эпохи не прошли бесследно: они создали неизбежно оппортунизм во всех странах, обеспечив ему преобладание среди «вождей» парламентских, профессиональных, журналистских и т. д. Нет ни одной страны в Европе, где бы не шла долгая и упорная борьба, в той или иной форме, против оппортунизма, который вся буржуазия поддерживала миллионами путей для развращения и обессиления революционного пролетариата. Тот же самый Каутский писал 15 лет тому назад, в начале бернштейниады, что, если

бы оппортунизм из настроения стал направлением, раскол стал бы на очередь дня. А у нас в России создавшая Социал-Демократическую Партию рабочего класса старая «Искра» писала в № 2, в начале 1901 года, в статье «На пороге XX века», что революционный класс XX века имеет (подобно революционному классу XVIII века, буржуазии) свою *Жиронду* и свою *Гору*.

Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты. (В этом, в скобках сказать, состоит благодетельное и прогрессивное действие всяких кризисов, непонятное только тупым поклонникам «мирной эволюции».) II Интернационал, успевший за 25—45 лет (смотря по тому, считать ли с 1870 или 1889 года) сделать чрезвычайно важную и полезную работу распространения социализма вширь и подготовительной, первоначальной, простейшей организации его сил, сыграл свою историческую роль и умер, побежденный не столько фон-Клюками, сколько оппортунизмом. Пусть теперь мертвые хоронят мертвых. Пусть пустые хлопотуны (если не интриганские лакеи шовинистов и оппортунистов) «трудятся» теперь над тем, чтобы свести Вандервельдов и Самба с Каутским и Гаазе, как будто б перед нами был Иван Иваныч, сказавший «гусака» Ивану Никифорычу и нуждающийся в приятельском «подталкивании» к противнику. Интернационал состоит не в том, чтобы сидели за одним столом и писали лицемерную и крючкотворскую резолюцию люди, которые считают истинным интернационализмом, когда немецкие социалисты оправдывают призыв немецкой буржуазии стрелять во французских рабочих, а французские—призыв французской стрелять в немецких «во имя защиты отечества»!!! Интернационал состоит в том, чтобы сближались между собой (сначала идейно, а потом, в свое время, и организационно) люди, способные в наши трудные дни отстаивать социалистический интернационализм на деле, т.-е. собирать свои силы и «стрелять вторыми» против правительств и командующих классов каждый *своего* «отечества». Это—не легкое дело, которое потребует немалой подготовки, больших жертв, не обойдется без поражений. Но именно потому, что это не легкое дело, надо

делать его только с теми, кто *хочет* его делать, не боясь полного разрыва с шовинистами и защитниками социал-шовинизма.

Больше всего делают для искреннего, а не для лицемерного, восстановления социалистического, а не шовинистского, интернационала такие люди, как Паннекук, написавший в статье «Крах Интернационала»: «если вожди съедутся и попытаются склеить разногласия, это не будет иметь никакого значения».

Скажем открыто то, что есть: война все равно *заставит* не завтра, так послезавтра сделать это. Есть три течения в международном социализме: 1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма, которые во всех странах уже начинают заявлять о себе (оппортунисты разбили их большей частью на-голову, но «разбитые армии хорошо учатся») и которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше всего вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шутите!) оправдать оппортунизм. Часть гибнущих в этом третьем течении может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, «защиту отечества», «подчинение законам военного времени», удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны. Только те, кто ведет *эту* политику, на деле строят Интернационал социалистический. Мы, с своей стороны, установив сношения с русской коллегией Ц. К. и с руководящими элементами питерского рабочего движения, обменявшись мыслями с ними и убедившись, что есть солидарность в основном, можем, как редакция Ц. О., заявить от нашей партии, что только в таком направлении ведомая работа есть партийная и социал-демократическая работа.

Раскол немецкой социал-демократии кажется мыслью, которая слишком пугает многих своей «необычайностью». Но объективное положение ручается за то, что либо произойдет это необычайное (заявили же Адлер и Каутский на последнем заседании Международного Социалистического Бюро в июле 1914 года, что они не верят в чудеса и потому не

верят в европейскую войну!),—либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что было некогда немецкой социал-демократией. Тем, кто чересчур привык «верить» в *(бывшую)* немецкую социал-демократию, мы напомним еще только в заключение, как люди, много лет бывшие нашими противниками по целому ряду вопросов, подходят к мысли о таком расколе;—как Л. Мартов писал в «Голосе»: «умер «Vorwärts»»; «социал-демократия, объявляющая об отказе от классовой борьбы, лучше бы сделала, если бы открыто признала то, что есть, временно распустила свою организацию, закрыла свои органы»;—как Плеханов, по отчету «Голоса», говорил на реферате: «я большой противник раскола, но если из-за целости организации жертвуют принципами, тогда лучше раскол, чем фальшивое единство». Плеханов сказал это про немецких радикалов: он видит сучок в глазу немцев и не видит бревна в своем собственном глазу. Это его индивидуальная особенность, к которой мы все слишком привыкли за последние 10 лет Плехановского радикализма в теории и оппортунизма на практике. Но если даже люди с *такими* индивидуальными... странностями заговаривают о расколе у немцев, то это—знамение времени.

Опубликовано 12 декабря 1914 г. *Т. XVIII, стр. 74—79.*

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[Конец декабря 1914 г. Берн.]

Дорогой друг!

Получил я (и Надежда Константиновна[1]) письмо от Коллонтай. Собираемся ей ответить.

Письма мои к Вам, верно, пропадают или запаздывают: я писал неоднократно на Кобецкого. Справьтесь еще раз.

Рукопись Вашу получили—думаем пустить в Центральном Органе (или брошюркой).

Видаете ли «Голос»? Там теперь уже виден поворот Мартова,—потуги Аксельрода «помирить» (Мартова с

[1] Н. К. Крупская. *Ред.*

Зюдекумом, т.-е. Плехановым),—а рядом Троцкий «*против*» «амнистии»!

Ну, и каша! И они же нас ругают за «фракционность» (сами мирясь с социал-шовинизмом ради фракционности!!).

Скверная, скучная картина.

Если будете на конференции, держитесь осторожнее. Если будете говорить, советую *повторить* речь в Стокгольме, добавив, что и вступление в министерство бельгийцев и французов тоже измена (пусть со *смягчающими* обстоятельствами). Иначе подумают, что мы из *русского* шовинизма ругаем *только* немцев.

Отчета, по-моему, посылать *не стоит, не следует.*

А послать для информации (только)—и от имени *Литвинова* (Litvinoff. 76. High Street. 76. Hampstead. London. N. W.) полный перевод манифеста и сообщения об аресте 5-ти (и 11). Надеюсь, Вы уже списались теперь с Литвиновым?

Крепко жму руку. Ваш *Ленин.*

P. S. Как отнеслась Коллонтай к «документу» и последним (80—86 и след.) №№ «Голоса»?

P. S. Сейчас прочел, что конференция будет 17 января и что швейцарская партия ***отказалась.*** Я думаю, если так, лучше *вовсе* не участвовать.

P. P. S. Каутский в «Labour-Leader» *за лозунг мира.* Вот мой ответ товарищу Коллонтай! Неужели она и теперь будет за этот лозунг??

Т. XXIX, стр. 159—160.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Конец декабря 1914 г. Берн.]

Уважаемый и дорогой товарищ! Очень благодарен Вам за присылку листка (я могу пока только передать его здешним членам редакции «Работницы»,—они послали уже письмо Цеткиной, однородного, видимо, с Вашим содержания) и за предложение прислать для Ц. О. сведения об Англии. Я переписываюсь с лондонским товарищем (Mr. Litvinoff [1]), который

[1] Литвинов. *Ред.*

представляет Ц. К. нашей партии в М. С. Б., но, разумеется, чем больше связей с представителями левой части Интернационала, тем лучше. Вполне согласен с Вами, что этим представителям надо держаться ближе, общаться. И именно до осуществления этой цели я позволю себе воспользоваться Вашим любезным письмом для продолжения начатой Вами беседы.

Вы соглашаетесь с лозунгом гражданской войны, повидимому, не вполне, а отводя ему, так сказать, подчиненное (и пожалуй даже: условное) место позади лозунга мира. И Вы подчеркиваете, что «нам надо выдвигать такой лозунг, который *объединял* бы всех».

Скажу откровенно, что я всего более боюсь в настоящее время такого огульного объединительства, которое, по моему убеждению, наиболее опасно и наиболее вредно для пролетариата. Вот ведь Каутский уже сочинил в «Neue Zeit» архи-«объединительную» теорию ко...[1].

Т. XXIX, стр. 162.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Конец декабря 1914 г. Берн.]

Уважаемый товарищ! Получил Ваше письмо и английское приложение.

Большое спасибо!

Посылаю Вам обе вещицы, о которых Вы пишете. Сообщите,—если переведете и отошлете,—о судьбе.

Говорят, в «Hamburger Echo» была передовица «Über unseren Verrath an die Internationale»[2] и там сказано, что немцы (т.-е. немецкая оппортунистическая сволочь)—все и *за них* Плеханов, Маслов и Чхеидзе.

Правда ли? И что Вы об этом думаете?

Привет и лучшие пожелания.

В. Ильин.

---

[1] На этом заканчивается письмо. *Ред.*

[2] «О нашей измене Интернационалу». *Ред.*

P. S. Попросите Александра познакомиться с Кобецким, Kobezky, Kapelwej. 51 Kjobenhavn VI и взять у него мое письмо к нему (Александру).

Бесполезно выставлять добренькую программу благочестивых пожеланий о мире, если не выставлять в то же время и на первом месте проповедь нелегальной организации и гражданской войны пролетариата против буржуазии.

Н. Ленин.

Европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и низости оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза.

Н. Ленин.

Т. XXIX, стр. 164.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

О ЗАДАЧАХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОППОРТУНИЗМУ И СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМУ

Величайший кризис, который вызвала всемирная война в европейском социализме, породил сначала (как и полагается при больших кризисах) громадную растерянность, затем наметил целый ряд новых группировок среди представителей разных течений, оттенков и взглядов в социализме, наконец, поставил с особенной остротой и настойчивостью вопрос о том, какие именно изменения в *основах* социалистической политики вытекают из кризиса и требуются им. Эти три «стадии» пережиты с августа по декабрь 1914 г. особенно наглядно и социалистами России. Все мы знаем, что в начале растерянность была немалая и что она усугублялась преследованиями царизма, поведением «европейцев», переполохом войны. Месяцы сентябрь и октябрь были тем периодом, когда в Париже и в Швейцарии, где было всего больше эмигрантов, всего больше связей с Россией и всего больше свободы, наиболее широко и полно шла в дискуссиях, на рефератах и в газетах новая размежевка по вопросам, поднятым войной. Можно с уверенностью сказать, что не осталось ни одного оттенка взглядов ни в едином течении (и фракции) социализма (и почти-социализма) в России, которые бы не нашли себе выражения и оценки. Все чувствуют, что пришла пора точных, положительных выводов, способных служить основой для систематической практической деятельности, пропаганды, агитации, организации: положение определилось, все высказались; разберемся же наконец, *кто с кем и кто куда?*

23 ноября нового стиля, на другой день после того, как в Питере было опубликовано правительственное сообщение об аресте Р. С.-Д. Р. Фракции, на съезде шведской социал-

демократической партии в Стокгольме произошел случай, который окончательно и бесповоротно поставил на очередь дня именно эти два, подчеркнутые нами, вопроса. Читатели найдут ниже описание этого случая, именно: полный перевод, с официального шведского социал-демократического отчета, как речей Беленина (представителя Ц. К.) и Ларина (представителя О. К.), так и прений по вопросу, поднятому Брантингом.

Впервые после войны на конгрессе социалистов нейтральной страны встретились представитель нашей партии, ее Ц. К., и представитель ликвидаторского О. К. Чем отличались их выступления? Беленин занял вполне определенную позицию по больным, тяжелым, но зато и великим вопросам современного социалистического движения и, сославшись на Ц. О. партии «Социал-Демократ», выступил с самым решительным объявлением войны оппортунизму, назвал поведение немецких социал-демократических вождей (и «многих других») *изменою*. Ларин никакой позиции не занял и суть дела совершенно обошел молчанием, отделавшись теми шаблонными, пустыми и гнилыми фразами, которым обеспечены хлопки со стороны оппортунистов и социал-шовинистов всех стран. Зато Беленин совершенно промолчал о нашем отношении к другим социал-демократическим партиям или группам в России: наша позиция, дескать, такова, а о других помолчим, подождем, *как* они определятся. Наоборот, Ларин развернул знамя «единства», пролил слезу по поводу «горьких плодов раскола в России», обрисовал пышно яркими красками «объединительную» работу О. К., объединившего и Плеханова, и кавказцев, и бундистов, и поляков *и так далее*. О том, что́ мог здесь иметь в виду Ларин, будет речь особо (см. ниже заметку: «Какое единство провозгласил Ларин?»). Сейчас нас интересует принципиальный вопрос о единстве.

Перед нами два лозунга. Один: война оппортунистам и социал-шовинистам, они—изменники. Другой: единство в России, в частности с Плехановым (который, в скобках заметим, ведет себя у нас совершенно так же, как Зюдекум[1] у немцев, Гайндман у англичан и т. д.). Не ясно ли, что Ларин, боясь

[1] Только что полученная нами брошюрка Плеханова «О войне» (Париж, 1914) особенно наглядно подтверждает сказанное в тексте. К этой брошюрке мы еще вернемся.

назвать вещи своим именем, выступил по сути дела за оппортунистов и социал-шовинистов?

Но рассмотрим вообще значение лозунга: «единство» в свете современных событий. Единство пролетариата есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелко-буржуазные элементы, способные *мешать* борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для дела пролетариата. Современные события показали как раз, что, с одной стороны, назрели объективные условия империалистической (т.-е. соответствующей высшей, последней стадии капитализма) войны, а с другой стороны, десятилетия так называемой мирной эпохи накопили во всех странах Европы *массу* мелко-буржуазного, оппортунистического навоза *внутри* социалистических партий. Уже около пятнадцати лет, со времени знаменитой «бернштейниады» в Германии,—а во многих странах и раньше—вопрос об этом оппортунистическом, *чуждом*, элементе в пролетарских партиях стал на очередь дня, и едва ли найдется хоть один видный марксист, который бы не признавал много раз и по разным поводам, что оппортунисты действительно враждебный социалистической революции, непролетарский элемент. Особенно быстрый рост этого социального элемента за последние годы не подлежит сомнению: чиновники легальных рабочих союзов, парламентарии и прочие интеллигенты, удобно и спокойно устроившиеся при массовом легальном движении, некоторые слои наилучше оплачиваемых рабочих, мелких служащих и т. д. и т. п. Война показала наглядно, что в момент кризиса (а эпоха империализма неизбежно будет эпохой всяких кризисов) внушительная масса оппортунистов, поддерживаемая и частью прямо направляемая буржуазией (это особенно важно!), перебегает на ее сторону, изменяет социализму, вредит рабочему делу, губит его. При всяком кризисе буржуазия всегда будет помогать оппортунистам, подавлять—ни перед чем не останавливаясь, самыми беззаконными, жестокими *военными* мерами подавлять революционную часть пролетариата. Оппортунисты, это—буржуазные враги пролетарской революции, которые в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, ютясь внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса

сразу оказываются открытыми союзниками *всей* объединенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической, от свободомыслящей до религиозной и клерикальной. Кто не понял этой истины *после* переживаемых нами событий, тот безнадежно обманывает и себя и рабочих. Личные переметывания при этом неизбежны, но надо помнить, что значение их определяется существованием *слоя* и *течения* мелко-буржуазных оппортунистов. Социал-шовинисты Гайндман, Вандервельд, Гэд, Плеханов, Каутский не имели бы никакого значения, если бы их бесхарактерные и пошлые речи в защиту буржуазного патриотизма не подхватывались целыми общественными слоями оппортунистов и целыми тучами буржуазных газет и буржуазных политиков.

Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособлявшийся к революционным рабочим, *перенявший* у них их марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки. Этот тип пережил себя. Если война кончится в 1915 году, то найдутся ли среди социалистов с головой охотники в 1916 году начать снова восстановлять рабочие партии *вместе* с оппортунистами, *зная по опыту*, что при следующем кризисе какого бы то ни было рода они *поголовно* (плюс еще все бесхарактерные и растерявшиеся люди) будут за буржуазию, которая непременно найдет предлог для запрещения разговоров о классовой ненависти и классовой борьбе?

В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Биссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались *превосходны:* люди разных направлений не обманывали рабочих, не засоряли им глаза пышными цветами красноречия о «единстве», а шли каждый своей дорогой. Оппортунисты (и перебежчики из рабочей партии вроде Муссолини) упражнялись в социал-шовинизме, прославляя (подобно Плеханову) «героическую Бельгию» и прикрывая этим политику не героической, а буржуазной Италии, желающей ограбить Украину и Галицию... то-бишь Альбанию, Тунис и т. д. и т. п. А социалисты *против них* вели войну с войной, подготовку *гражданской* войны. Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистиче-

ской партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный *факт*, что рабочие большинства европейских стран оказались *обмануты фиктивным единством* оппортунистов и революционеров, и что Италия есть счастливое исключение—страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и *станет* правилом для III-го. Пролетариат всегда будет находиться,—пока держится капитализм—по соседству с мелкой буржуазией. Неумно отказываться иногда от временных союзов с ней, но *единство* с ней, единство с оппортунистами могут *теперь* защищать только враги пролетариата или одураченные рутинеры пережитой эпохи.

Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 года, безусловного отделения рабочих партий от партии оппортунистов. Что именно мы понимаем под оппортунистами, это ясно сказано в Манифесте Ц. К. № 33 «Война и Росс. соц.-дем.»[1].

А что мы видим в России? Полезно или вредно для рабочего движения нашей страны единство между людьми, которые так или иначе, более или менее последовательно, борются с шовинизмом и пуришкевическим, и кадетским, и людьми, которые подпевают этому шовинизму, подобно Маслову, Плеханову, Смирнову? Между людьми, которые противодействуют войне, и людьми, которые заявляют, что не противодействуют ей, подобно влиятельным авторам «документа» (№ 34)? Затрудниться в ответе на этот вопрос могут только люди, которые хотят закрывать глаза.

Нам возразят, пожалуй, что в «Голосе» Мартов полемизировал с Плехановым и, вместе с рядом других друзей и сторонников О. К., воевал с социал-шовинизмом. Мы не отрицаем этого и в № 33 Ц. О. выразили прямо приветствие Мартову. Мы были бы очень рады, если бы Мартова не «поворачивали» (см. заметку «Поворот Мартова»), мы очень желали бы, чтобы решительно анти-шовинистская линия стала линией О. К. Но дело не в наших *и не в чьих бы то ни*

[1] См. XXVIII том Сочинений, стр. 61—66. *Ред.*

было желаниях. Каковы объективные факты? Во-первых, официальный представитель О. К., Ларин, почему-то молчит о «Голосе», но называет социал-шовиниста Плеханова, называет Аксельрода, написавшего одну статью (в «Berner Tagwacht»), чтобы не сказать ни единого определенного слова. А Ларин, кроме своего официального положения, находится *не* в одной только географической близости к влиятельному ядру ликвидаторов в России. Во-вторых, возьмем европейскую прессу. Во Франции и Германии газеты молчат о «Голосе», но говорят о Рубановиче, Плеханове и Чхеидзе («Hamburger Echo»—один из самых шовинистских органов шовинистской «социал-демократической» печати Германии—в № от 12 декабря называет Чхеидзе сторонником Маслова и Плеханова, на что намекали и некоторые газеты в России. Понятно, что все сознательные друзья Зюдекумов вполне оценивают идейную поддержку, которую оказывает Зюдекумам Плеханов). В России миллионы экземпляров буржуазных газет разнесли «народу» весть о Маслове-Плеханове-Смирнове и никаких вестей о течении «Голоса». В-третьих, опыт легальной рабочей прессы 1912—1914 гг. вполне доказал тот факт, что источник известной общественной силы и влияния ликвидаторского течения коренится не в рабочем классе, а в слое буржуазно-демократической интеллигенции, который выделил основное ядро легалистов-писателей. О национал-шовинистском настроении этого слоя, *как слоя*, свидетельствует вся пресса России в согласии с письмами питерского рабочего (№№ 33—35 «Социал-Демократа») и «документом» (№ 34). Очень возможны большие личные перегруппировки внутри этого слоя, но совершенно невероятно, чтобы, как слой, он *не* был «патриотическим» и оппортунистическим.

Таковы объективные факты. Считаясь с ними и вспоминая, что всем буржуазным партиям, желающим влиять на рабочих, очень выгодно иметь показное левое крыло (особенно если оно не официально), мы должны признать мысль о единстве с О. К. вредной для рабочего дела иллюзией.

Политика О. К., который в далекой Швеции выступает 23/XI с заявлением о единстве с Плехановым и с речами, приятными сердцу всех социал-шовинистов, а в Париже и Швейцарии ни с 13/IX (день выхода «Голоса») по 23/XI, ни с 23/XI по сие число (23/XII) не дает о себе знать ровнехонько ничем, очень похожа на худшее политиканство. А надежды

на партийно официальный характер обещанных «Откликов» в Цюрихе разрушаются прямым заявлением в «Berner Tagwacht» (от 12/XII), что *такого* характера эта газета носить не будет... (Кстати: в № 52 «Голоса» редакция его заявляет, что было бы худшим «национализмом» продолжение теперь раскола с ликвидаторами; эта фраза, лишенная грамматического смысла, имеет лишь тот политический смысл, что редакция «Голоса» предпочитает единство с социал-шовинистами сближению с людьми, которые относятся к социал-шовинизму непримиримо. Плохой выбор сделала редакция «Голоса».)

Нам остается, для полноты картины, сказать пару слов об с.-р. «Мысли» в Париже, которая *тоже* воспевает «единство», прикрывает (сравни «Социал-Демократ» № 34) социал-шовинизм своего партийного вождя Рубановича, защищает бельгийско-французских оппортунистов и министериалистов, умалчивает о патриотических мотивах речи Керенского, одного из самых левых среди русских трудовиков, и печатает невероятно избитые мелко-буржуазные пошлости о пересмотре марксизма в народническом и оппортунистическом духе. Сказанное об с.-р. в резолюции Летнего совещания Р. С.-Д. Р. П. 1913 г. вполне и сугубо подтверждается этим поведением «Мысли».

Некоторые русские социалисты, видимо, думают, что интернационализм состоит в готовности принять с распростертыми объятиями ту резолюцию об интернациональном оправдании социал-национализма всех стран, которую готовятся составить Плеханов с Зюдекумом, Каутский с Эрве, Гэд с Гайндманом, Вандервельде с Биссолати и т. д. Мы позволяем себе думать, что интернационализм состоит только в недвусмысленно интернационалистской политике внутри своей партии. Вместе с оппортунистами и социал-шовинистами нельзя вести действительно интернациональной политики пролетариата, нельзя проповедывать противодействие войне и собирать силы для этого. Отмалчиваться или отмахиваться от этой горькой, но необходимой для социалиста истины вредно и гибельно для рабочего движения.

Опубликовано 9 января 1915 г. *Т. XVIII, стр. 84—89.*

ДЕКЛАРАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П., ОГЛАШЕННАЯ НА ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Граждане! Ваша конференция называет себя конференцией социалистических партий союзных воюющих стран, Бельгии, Англии, Франции и *России*. Позвольте мне прежде всего обратить ваше внимание на тот факт, что с.-д-тия России, как организованное целое, представленное Ц. К-том и аффилиированное (официально входящее) к М. С. Бюро, не получила от вас приглашения. Российская С.-Д-тия, взгляды которой были выражаемы членами Росс. С.-Д. Рабочей Фракции в Думе, арестованными в настоящее время царским правительством (Петровский, Муранов, Самойлов, Бадаев, Шагов,— представители рабочих Петербургской, Екатеринославской, Харьковской, Костромской и Владимирской губ.), не имеет ничего общего с вашей конференцией. Мы надеемся, что вы публично заявите это, чтобы не подвергнуться обвинению в извращении истины.

Позвольте мне теперь сказать несколько слов по поводу цели Вашей конференции, т.-е. сказать, чего ждали бы от вас сознательные с.-д. рабочие России.

Мы думаем, что прежде чем входить в какое-либо обсуждение вопроса о восстановлении Интернационала, прежде чем пытаться восстановлять международную связь между социалистическими рабочими, наш социалистический долг заставляет нас требовать:

1) Чтобы Вандервельде, Гэд и Самба немедленно вышли из буржуазных министерств Бельгии и Франции.

2) Чтобы бельгийская и французская социалистические партии порвали т.-наз. «национальный блок», который является отречением от социалистического знамени и служит прикрытием для справляемых буржуазией оргий шовинизма.

3) Чтобы все социалистические партии прекратили свою политику игнорирования преступлений русского царизма и возобновили свою поддержку той борьбе против царизма, которую ведут рабочие России, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

4) Чтобы, во исполнение резолюций Базельского конгресса, было заявлено, что мы протягиваем руку тем революционным социал-демократам Германии и Австрии, которые на объ-

явление войны ответили подготовкой пропаганды революционного действия. Вотирование военных кредитов должно быть безусловно осуждено.

Социал-демократы Германии и Австрии совершили чудовищное преступление по отношению к социализму и Интернационалу, вотируя военные кредиты и заключив «гражданский мир» с юнкерами, попами и буржуазией, но бельгийские и французские социалисты поступили нисколько не лучше. Мы вполне понимаем, что возможны такие обстоятельства, когда социалисты, будучи в меньшинстве, вынуждены подчиниться буржуазному большинству, но ни при каких обстоятельствах социалисты не должны переставать быть социалистами и присоединяться к хору буржуазных шовинистов, забывать о рабочем деле и входить в буржуазные министерства.

Германские и австрийские социалисты совершают великое преступление против социализма, когда, следуя примеру буржуазии, лицемерно утверждают, что Гогенцоллерны и Габсбурги ведут войну за освобождение «от царизма».

Но не меньшее преступление совершают и те, кто утверждает, что царизм становится более демократичным и цивилизованным, кто обходит молчанием тот факт, что царизм душит и разоряет несчастную Галицию, совершенно так же, как немецкий император душит и разоряет Бельгию,—и те, кто молчит о том, что царская шайка бросила в тюрьму парламентских представителей рабочего класса России и совсем недавно осудила на 6 лет каторги нескольких московских рабочих за одну принадлежность к с.-д. партии; что царизм угнетает Финляндию хуже прежнего, что рабочие газеты и рабочие организации в России закрыты, что миллиарды, требуемые войной, выколачиваются царской кликой из голодающих крестьян и неимущих рабочих.

Рабочие России товарищески протягивают руку социалистам, которые действуют, как Карл Либкнехт, как социалисты Сербии и Италии, как британские товарищи из «Нез. Раб. Партии» и некоторые члены «Бр. Соц. П.», как арестованные товарищи наши из Росс. С.-Д. Раб. Партии.

На этот путь зовем мы вас, на путь социализма. Долой шовинизм, губящий пролетарское дело! Да здравствует международный социализм!

Опубликовано 29 марта 1915 г. *Т. XVIII, стр. 122—123.*

ИЗ РЕШЕНИЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЗАГРАНИЧНЫХ СЕКЦИЙ Р. С.-Д. Р. П.

ОППОРТУНИЗМ И КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Крах второго Интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос, как продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как использование парламентаризма и всех легальных возможностей, создание массовых экономических и политических организаций, широкой рабочей прессы и т. д. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к признанию буржуазного патриотизма и т. д. Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплуатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке), а также мелко-буржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означает срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму.

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. «центр», с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, напр., в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партии дало возможность выступить

с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

Р. С.-Д. Р. П. должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех анти-шовинистских элементов Интернационала.

Опубликовано 29 марта 1915 г. *Т. XVIII, стр. 126—127.*

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[В СТОКГОЛЬМ]

11 февраля [1915 г. Берн.]

Дорогой друг! Получил два Ваших письма от 4 и 5 февраля. Большое спасибо. Насчет посылки «Социал-Демократа» дали Ваше письмо прочесть секретарю экспедиционной комиссии. Завтра лично ему напомню, и надеюсь, что все сделают.

Плехановскую брошюрку обещали послать Вам парижане, и мы очень удивлены, что Вы не получили. Закажем еще раз и добудем себе, чтобы послать самим.

Здесь были двое плехановцев, о коих Вы писали. Калякали с ними. Обратите внимание на беленького (они едут назад тем же путем)—его, видимо, Плеханов оттолкнул еще больше, чем черненького. Последний, кажись, безнадежный говорун. А первый все молчит, и не узнаешь, что̀ у него на уме.

Из «Нашего Слова» (выходящего в Париже вместо «Голоса») получили сегодня письмо с планом общего протеста против «официального социал-патриотизма» (по поводу проекта лондонской конференции социалистов de la Triple Entente [1]). Будет ли эта конференция, не знаем; имели на днях от Литвинова пересланное им письмо Гюйсманса, который затевает нечто странное, созывая на 20 февраля Исполнительный Комитет Международного Социалистического Бюро

[1] Тройственного согласия—Антанты. *Ред.*

в Гааге, а 20—25 февраля организуя там же личные переговоры (!!) с делегатами Англии, Франции и России!! Чудно!! Похоже на какие-то подготовки к чему-то франкофильски-патриотическому (кстати: Вы вполне правы, что теперь есть много «филов», а мало социалистов. Для нас и франкофилы, и германофилы, одинаково,= патриоты, буржуа или их лакеи, а не социалисты. Бундовцы, напр., большей частью германофилы и рады поражению России. Но чем же они лучше Плеханова? Оба—оппортунисты, социал-шовинисты, только разных цветов. И Аксельрод тоже).

Мы ответили «Нашему Слову», что рады его предложению, и послали свой проект декларации. Надежды на соглашение с ними немного, ибо Аксельрод, говорят, в Париже, а Аксельрод (см. №№ 86 и 87 «Голоса» и № 37 «Социал-Демократа»)—социал-шовинист, желающий помирить на почве социал-шовинизма франкофилов и германофилов. Посмотрим, что́ дороже для «Нашего Слова»—антишовинизм или приязнь Аксельрода.

Я думаю, что и у нас в России и во всем мире намечается новая основная группировка внутри социал-демократии: шовинисты («социал-патриоты») и их друзья, их защитники,—и антишовинисты. В основном, это деление соответствует делению на оппортунистов и революционных социал-демократов, но оно plus précis [1] и представляет, так сказать, высшую, более близкую к социалистическому перевороту, стадию развития. И у нас старая группировка (ликвидаторы и правдисты) устаревает, сменяясь новой, более разумной: социал-патриоты и антипатриоты. Кстати, говорят: Дан—*немецкий* «социал-патриот», т.-е. германофил, т.-е. *за Каутского.* Правда ли это? Очень похоже на правду. Это курьез, что в Организационном Комитете раскол по линии *буржуазной:* франкофилы (Плеханов + Алексинский + Маевский + «Наша Заря») и германофилы (Бунд + + Аксельрод + Дан?? etc.).

Если не достанете денег у шведов, пишите: мы вышлем 100 frs. Обдумайте хорошенько, где лучше (т.-е. полезнее для дела и безопаснее для Вас: это очень важно; Вы должны оберечь себя!!) переждать в Лондоне или в Норвегии и т. п. Транспорт хоть понемногу налаживать архиважно. С плеха-

[1] Более точно. *Ред.*

новцами, кои недели через 2—3 будут у Вас, надо бы Вам повидаться и условиться обо всем этом.

Крепко жму руку и желаю бодрости и всего лучшего.

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 173 – 174.

ПЕРВОЕ МАЯ И ВОЙНА

КОНСПЕКТ РЕФЕРАТА

ВВЕДЕНИЕ

1. Демонстрация интернационального пролетарского движения приходится в этом году во время величайшей европейской войны.

2. Может быть, нечего делать в 1915 г. для «смотра сил»? для сличения «успехов и поражений»? для противоставления мира буржуазного и мира пролетарского?—ибо кажимость = *все* развалилось.

3. Но это не так. Война = величайший кризис. *Всякий* кризис означает (при возможности *временной* задержки и регресса)

(α) ускорение развития
(γ) (β) обострение противоречий
(β) (γ) обнаружение их
(δ) крах всего г н и л о г о и т. д.

Вот с этой точки зрения и надо рассматривать кризис (в день первого мая): нет ли в нем прогрессивных, полезных черт *всякого* кризиса.

КРАХ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТЕЧЕСТВ

4. «Защита отечества» и действительный характер войны. В чем суть? Национализм versus империализм.

5. 1789—1871 (около 100 лет)...
и 1905—?

6. «Защита отечеств» (Бельгия? Галиция? Из-за дележа рабовладельческой добычи)

versus «долой границы». Крах национальных отечеств? Туда им и дорога!!

7. Империализм старый и новый,—*Рим* и *Англия versus Германия.*

{ Грабеж земель
Колонии
Раздел мира
Вывоз капитала }

8. Зрелость объективных условий для социализма.

9. Как отстаивать status quo?

Как вести революционную борьбу за социализм?

10. Национальная свобода versus империализм. Пролетариат угнетающих и угнетенных наций.

11. «Международность» в отношении к войнам. ((«Какая буржуазия лучше»? или самостоятельное выступление пролетариата?))

12. Назад (к национальному отечеству) или вперед (к социалистической революции). [$\Sigma^1 =$ крах национальной узости.]

КРАХ ОФИЦИАЛЬНЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

13. Все чувствуют (если не сознают) перелом в истории рабочего движения. Кризис и крах Интернационала. В чем дело? Единым ли был Интернационал или две тенденции?

14. Обзор отношений к войне внутри рабочего движения главнейших стран:

{ Германия: 4 августа versus Borchardt и «*Die Internationale*»
Англия:
Франция: (Гэд + Самба versus Merrheim)
Россия:
Италия:
Швейцария:
Швеция: } [На деле две партии везде]

[1] Сумма, итог. *Ред.*

15. В чем суть? Сравни английское и германское рабочее движение =

Буржуазные тенденции и влияние в рабочем движении.

16. 15-тилетняя борьба с оппортунизмом и рост его в Западной Европе. Крах оппортунизма полезен для рабочего движения.

((Гэд—Гайндман—Каутский—Плеханов)).

17. Кризис официального марксизма (1895—1915). Не воскрешать трупа, а развивать революционный марксизм против оппортунистического «тоже-марксизма».

18. Марксизм versus струвизм...

Диалектика versus эклектика...

19. Разорванное знамя? Штутгарт 1907
Хемниц 1910
(потеря иллюзий) Базель 1912

20. «Все возможности» *кроме* революционного действия.

21. Анархизм = оппортунизм (мелко-буржуазный). «*La Bataille Syndicaliste*»

{ Cornelissen
Grave
Kropotkine }

22. Abdankung der deutschen Sozialdemokratie [1].

Сломались или, вернее, погибли ***негодные*** организации—очищать почву для лучших. «Перезревание» (не то, что не дозрел пролетариат): сравни 1907.

КРАХ МЕЛКО-БУРЖУАЗНЫХ ИЛЛЮЗИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО КАПИТАЛИЗМА

23. Война представляется, как единое национальное дело,—с одной стороны,—с другой стороны, как ненормальность, нарушение «мирного» капитализма etc.

Обе иллюзии вредны. И обе иллюзии губит война.

24. «Burgfrieden» [2], «национальный блок», «l'union sacrée» [3] во время войны??

---

[1] Отречение германской социал-демократии. *Ред.*
[2] «Гражданский мир». *Ред.*
[3] «Священный союз». *Ред.*

25. Война—«ужасная» вещь? Да. Но она ужасно *прибыльная* вещь.

160 миллиардов > 60 миллиардов рублей.

Mehrwert[1] *= 10 — 20 миллиардов* рублей.

26. «Приспособление» индустрии к военным условиям.

(Разорение. Быстрая концентрация.)

27. Война и основы капитализма.

«Мирный демократизм», «культура», «правовой порядок» etc. versus ужасы войны??

Неверно.

Частная собственность и обмен. Залог разорения одних, залог и основа насилия.

28. Колонии и концессии.

«Честный концессионер»?

«Гуманный» колонизатор?

29. Война = ужасно прибыльная вещь = прямой и неизбежный продукт капитализма.

30. Вредные иллюзии способны лишь тормозить борьбу с капитализмом.

КРАХ МЕЧТАНИЙ ПАЦИФИЗМА

31. Капитализм *без* империализма? (Назад смотреть?)

32. Теоретически (абстрактно) возможно и без колоний etc.

33. Как и с 4-часовым рабочим днем, 3.000 рабочих minimum...

a d[2] *33* «Капитализм *может* развиваться *без* империализма, без войн, без колоний, при полной свободе торговли».

Да?

Капитализм *может* давать десятки миллиардов не на войну, а на помощь пауперам и рабочим, увековечивая этим господство класса капиталистов!

Теоретически одинаковые положения. «Принудительное давление рабочего класса и гуманитарные меры буржуа». В том-то и суть, что к таким вещам не может принудить давление *вообще,* а нужно *давление* с силой настоящей революции. А революция и контр-революция обострят борьбу до более существенного.

---

[1] Прибавочная стоимость. *Ред.*

[2] к. *Ред.*

Все сводится к борьбе за реформы. Сия борьба законна и нужна в определенных границах, viz.[1]:

1) отсутствие революционной ситуации;—2) частичный характер улучшений, не обостряющий борьбы классов до революции.—

34. Из-за чего? из-за ужасов войны? (а ужасные прибыли?) Из-за давления пролетариата? (а измена оппортунизма?)

35. Мир без аннексий, разоружение etc. etc. «Уничтожение секретной дипломатии»?

Объективный смысл: *поповские утешения* ((Фейербах: религия утешает. Полезно ли?))

36. Борьба за реформы? «Utopia or hell»[2]?
Да. — Ее пределы. NB [Отзыв «Volksrecht» о ***Forel***]
Частное

Эпоха реформ, *отсутствие* ***революционной ситуации.***

В этом гвоздь.

ПЛОДЫ КРАХА ИЛЛЮЗИЙ

37. Революционные ситуации
(α) низы не хотят, верхи не могут
(β) обострение бедствий
(γ) экстраординарная активность.

38. Медленность и извилистость роста.
Сравни 1900 versus 1905.

39. Грабеж капиталистов и обман правительств? «Kriegssklaverei»[3]

40. Война и чудеса техники?

41. Война и перегруппировка.
(рабочие versus крестьяне).

42. Три психологии
(α) отчаяние и религия
(β) ненависть к врагу
(γ) ненависть к капитализму не только вообще, но к *своему* правительству и буржуазии.

---

[1] Viz—английское сокращение латинского слова «videlicet», означает «а именно». *Ред.*

[2] «Утопия или ад?». *Ред.*

[3] «Военное рабство». *Ред.*

43. «Гапонада».
44. Письмо: «Mundspitzen»[1] («Kamarades»)[2].
45. Всякий кризис одних надламывает, других *закаляет*.
46. Закалит — ***для*** социалистической революции (ΣΣ)

ΣΣ =
Крах вредного, гнилого в рабочем движении = устранение помех революционным битвам.

Прибыли капиталистов

Между прочим. 10-миллиардный заем в Германии. Заем даст 5%. Правительство устроило так, что *сберегательные* кассы (для подписки на этот заем) получают деньги от *ссудных* касс (Darlehenkassen), платя им $5^1/_4$%. А ссудным кассам дает деньги правительство!! Обман. «*Das Volksrecht*» (Zürich), den 27 April 1915.

Нелепость «добреньких» утопий: без секретной дипломатии,—скажем цели войны—мир без аннексий etc. etc. Вздорность сантиментальная и реакционная.

Старые нации (respective[3] буржуазные государства) *versus* «долой границы»!

Опыт России: 1900 versus 1905.

Долой самодержавие (1900) и «народ»...

Революционные лозунги и рост революционного движения...

Написано в последних числах апреля 1915 г.

Т. XXX, стр. 224—229.

О БОРЬБЕ С СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМОМ

Наиболее интересный и наиболее новый материал по этому злободневному вопросу доставлен закончившейся недавно международной женской социалистической конференцией в Берне. Читатели найдут ниже описание ее и тексты резолюций—

[1] «Готовиться свистать». *Ред.*
[2] «Товарищи». *Ред.*
[3] «Собственно». *Ред.*

принятой и отвергнутой. В настоящей статье мы намерены остановиться лишь на одной стороне дела.

Представительницы женских организаций при О. К., голландки из партии Трульстра, швейцарки из организаций, резко воюющих с «Berner Tagwacht» за чрезмерную будто бы левизну этой газеты, французская представительница, не желающая ни в чем, сколько-нибудь важном, разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистской точке зрения, англичанки, враждебные мысли о ясном отделении пацифизма от революционной пролетарской тактики,— все они сошлись с «левыми» немецкими социал-демократками на одной резолюции. Представительницы женских организаций при Центральном Комитете нашей партии разошлись с ними, предпочитая остаться на время в одиночестве, чем участвовать в *таком* блоке.

В чем была суть разногласия? Каково принципиальное и общеполитическое значение этого расхождения?

На первый взгляд, «средняя» резолюция, объединившая оппортунистов и часть левых, кажется очень благовидной и принципиально правильной. Война признана империалистической, идея «защиты отечества» осуждена, рабочие призваны к массовым демонстрациям и т. д., и т. д. Казалось бы, отличие нашей резолюции *только* в нескольких более резких *выражениях*, вроде «измена», «оппортунизм», «выход из буржуазных министерств» и т. п.

Несомненно, именно с этой точки зрения и будут критиковать отделение делегаток женских организаций при Центральном Комитете нашей Партии.

Достаточно отнестись к делу повнимательнее и не ограничиваться «формальным» признанием той или другой истины, чтобы увидеть полную несостоятельность такой критики.

На конференции столкнулись два миросозерцания, две оценки войны и задач Интернационала, две тактики пролетарских партий. Один взгляд: не произошло краха Интернационала, нет глубоких и серьезных препятствий к возврату от шовинизма к социализму, нет сильного «внутреннего врага» в виде оппортунизма, нет прямой, несомненной, очевидной измены его социализму. Отсюда вывод: не будем никого осуждать, дадим «амнистию» нарушителям Штутгартской и Базельской резолюций, ограничимся советом взять курс полевее, призвать массы к демонстрациям.

Другой взгляд по всем перечисленным здесь пунктам—совершенно противоположный. Нет ничего вреднее и губительнее для пролетарского дела, чем продолжение внутри-партийной *дипломатии* с оппортунистами и социал-шовинистами. Резолюция большинства потому и оказалась приемлемой для оппортунисток и сторонниц теперешних официальных партий, что она насквозь пропитана духом дипломатии. Рабочим массам, которыми *теперь* руководят именно официальные социал-патриоты, засоряют глаза подобной дипломатией. Рабочим массам внушают безусловно ошибочную и вредную мысль, будто теперешние социал-демократические партии с их теперешними правлениями *способны* переменить курс и вместо неправильного взять правильный.

Это не так. Это глубочайшее и гибельнейшее заблуждение. Теперешние социал-демократические партии и их правления *не способны* серьезно изменить курс. *На деле* все останется по-старому, и высказанные в резолюции большинства «левые» пожелания останутся невинными пожеланиями—это учли верным политическим инстинктом сторонницы партии Трульстра или теперешнего правления французской партии, голосуя за такую резолюцию. Призыв масс к демонстрациям только при самой активной поддержке теперешних правлений социал-демократических партий может получить практически, на деле, серьезное значение.

Можно ли ждать такой поддержки? Ясно, что нет. Известно, что ожесточенное (и большей частью *прикрытое*) противодействие, а вовсе не поддержку встретит такой призыв со стороны правлений.

Если бы это было сказано прямо рабочим, тогда рабочие знали бы *правду*. Они знали бы, что для проведения *в жизнь* «левых» пожеланий нужна коренная перемена курса социал-демократических партий, нужна упорнейшая борьба с оппортунистами и их «центровыми» друзьями. А теперь рабочих *убаюкали* левыми пожеланиями, *отказавшись* назвать громко и ясно то зло, без борьбы с которым эти пожелания неосуществимы.

Дипломаты-главари, проводники шовинистской политики в теперешних социал-демократических партиях, превосходно используют слабость, нерешительность, недостаточную определенность резолюции большинства. Они, как ловкие парламентарии, поделят между собой роли; одни скажут: не оценены,

не разобраны «серьезные» доводы Каутского и К⁰, давайте обсуждать в более широком составе; другие скажут: смотрите, не правы ли мы были, говоря, что нет глубоких разногласий, если сторонницы партии Трульстра и партии Гэда—Самба сошлись с левыми немками?

Конференция женщин должна была не помогать Шейдеману, Гаазе, Каутскому, Вандервельду, Гайндману, Гэду и Самба, Плеханову и т. д. усыплять рабочие массы, а, наоборот, должна была будить их, провозгласить решительную войну с оппортунизмом. Только тогда практический результат был бы не надежда на «исправление» названных «вождей», а собирание сил для трудной и серьезной борьбы.

Возьмите вопрос о нарушении оппортунистами и «центровиками» резолюций Штутгартской и Базельской: ведь в этом *гвоздь!* Представьте себе прямо и ясно, без дипломатии, как было дело.

Предвидя войну, Интернационал собирается и единогласно решает, в случае наступления войны, работать над «*ускорением краха капитализма*», работать в духе *Коммуны, октября и декабря 1905 года* (точные слова Базельской резолюции!!!), работать в духе признания за «*преступление*» стрельбы «рабочих одной страны в рабочих другой».

Линия работы в духе интернациональном, пролетарском, революционном, указана здесь вполне ясно—так ясно, что яснее сказать, соблюдая легальность, нельзя было.

Наступает война—именно такая, именно по той линии, как предвидели в Базеле. Официальные партии действуют прямо в противоположном духе: не как интернационалисты, а как националисты; по-буржуазному, а не по-пролетарски; не революционно, а архи-оппортунистически. Если мы говорим рабочим: совершена прямая *измена* делу социализма, то этими словами мы сразу отметаем все отговорки и увертки, все софизмы à la Каутский и Аксельрод, мы ясно указываем глубину и силу зла, ясно зовем к борьбе, а не к примирению с ним.

А резолюция большинства? Ни звука осуждения изменникам, ни словечка об оппортунизме, простое *повторение* идей Базельской резолюции!!! Точно ничего серьезного не случилось,—была случайная ошибочка, достаточно *повторить* старое решение,—возникло непринципиальное неглубокое расхождение, достаточно *заклеить* его!!!

Да ведь это же прямая *издевка* над решениями Интернационала, издевка над рабочими. Социал-шовинисты ничего иного, по сути дела, и не добиваются, как простого *повторения* старых решений, лишь бы ничего не изменять на деле. Это и есть, в сущности, молчаливая и лицемерно-прикрытая *амнистия* социал-шовинистским сторонникам большинства теперешних партий. Мы знаем, что есть «тьма охотников» пойти именно этим путем, ограничиться несколькими левыми фразами. Нам с такими людьми не по дороге. Мы шли и пойдем *другим* путем, мы хотим помогать рабочему движению и строительству рабочей партии *на деле* в духе непримиримом по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму.

Часть немецких делегаток, повидимому, боялась вполне определенной резолюции по соображениям, исключительно относящимся к *темпу* развития борьбы с шовинизмом внутри одной только, именно их собственной партии. Но такие соображения были явно неуместны и ошибочны, ибо международная резолюция вообще не касалась и не могла касаться ни темпа, ни конкретных условий борьбы с социал-шовинизмом в *отдельных* странах; в этой области автономия отдельных партий непререкаема. Надо было с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере социал-демократической работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по *этому* пути мы не пойдем.

Опубликовано 1 июня 1915 г. *Т. XVIII, стр. 165—168.*

ПИСЬМО КАРЛУ РАДЕКУ

[В БЕРН].

[Конец июня 1915 г. Зоренберг.]

Werter Genosse [1]!

Наши письма, очевидно, разминулись. Одновременно с тем, как Вы писали мне, я писал Вам (открытку), посылая Сборник. Надеюсь, получили?

[1] Уважаемый товарищ! *Ред.*

Насчет конференции левых:

Я не-член Международного Социалистического Бюро ***с 1912 г.*** (от Ц. К член М. С. Б.—Максимович[1], в Лондоне, с 1912 года). Но, конечно, от имени Ц. К. мы здесь с Григорием[2] сделаем все необходимое, что потребуется.

Вы пишете, что «Grimm macht das (= обход Ц. К.?) ohne Absicht»[3]...

Гм, гм! Es scheint mir wenig glaubhaft zu sein. Ist Grimm wirklich ein Kind? *Nach* zwei Konferenzen in Bern[4]??

Но Вам, конечно, в Берне виднее, и я был бы рад, если бы оказалось, что я ошибаюсь, а Вы правы.

Итак, *если* Grimm macht *das* ohne Absicht, тогда дело просто: Grimm ***должен написать*** в Ц. К. (официальный адрес печатается на нашем Ц. О.—Bibliothèque russe. 7. Rue Hugo de Senger. 7. *Genève*. Für das Kom. Central[5]).

(Можно, конечно, и по моему адресу; это прямее.)

Не делая этого, Grimm поступит *нечестно* (ибо писать в *Лондон* Максимовичу значит терять время и рисковать провалом письма: полиция перехватит!).

А напрашиваться нам неприлично: мы не хотим навязываться. Мы *не можем* этого делать!

Теперь по существу Вы пишете: «Da wird Grimm und vielleicht (?? sicher meines Erachtens!) auch andere die Sache so abwechseln (nur? richtiger: zertreten und verraten!) wollen, dass nur ein Aktionsprogramm (soll heissen: Ermattungsprogramm, программа отказа от борьбы, программа отваживания рабочих *от* революции, программа *успокоения* рабочих *левыми* фразами) für die Stunde kommt»[6].

Мое мнение, что «поворот» Каутского + Бернштейн + К⁰ (+ 500 + 1000 + ??) есть поворот говна (= *Dreck*), которое

---

[1] М. М. Литвинов. *Ред.*

[2] Г. Е. Зиновьевым. *Ред.*

[3] «Гримм делает это (= обход Ц. К.?) не преднамеренно». *Ред.*

[4] «Мне кажется это мало вероятным. Разве Гримм действительно ребенок? *После* двух конференций в Берне??». *Ред.*

[5] Русская библиотека. Ул. Гюго дэ Санже, № 7. *Женева.* Для Центрального Комитета. *Ред.*

[6] В таком случае Гримм, а может быть (?? по моему мнению, наверняка!) и другие, захотят повернуть дело так (только? вернее: подавить и предать!), что в данный момент будет выдвинута только программа действия (вернее назвать: программа истощения...). *Ред.*

почуяло, что массы дольше не потерпят, что «надо» повернуть налево, дабы продолжать *надувать* массы.

Это ясно.

и Renaudel в «L'Humanitè»[1] «левеет»!!

Съедутся говняки, скажут, что они «против политики 4 августа», что они «за мир», «против аннексий» и... и... тем *помогут* буржуазии тушить зачатки революционного настроения.

Из Вашего письма заключаю, что и Вы так думаете.

Ergo[2], наша программа должна быть:

1) идти, коль позовут.

2) сплотить *заранее* «левых», *т.-е.* сторонников *революционных действий* против *своего* правительства.

3) преподнести каутскианским говнякам *наш* проект резолюции (голландцы[3] + мы + левые немцы + 0, и то не беда, а будет *потом* не ноль, а все!).

4) выставить 2—3 оратора на конференции (если Вы *добьетесь*, что Вы будете, то это возможно).

Нельзя ли собрать *нескольких* немецких левых *против* Каутского и К⁰? *за подобную* программу?

Пишите, что̀ думаете о сей программе. Суть ее = против тупоумного и предательского лозунга мира.

Приезжайте!

Ваш *Ленин*.

Не *ясно ли*, что О. К. будет с Drehscheibe-Kautsky & C⁰ ??? [4] *А?*

А уверены ли Вы, что Грэй + Бетман Гольвег не «кивнули» Зюдекуму + Вандервельду: пора, ребята, *за* мир, а то революция будет???

P. S. У нас в отеле (Hotel Marientahl)[5] есть *телефон* (№ 111). Если что̀ спешно, звоните—в 8½ ч. утра *всегда* дома.

P. P. S. Перешлите, пожалуйста, прилагаемое, прочитав.

Т. XXIX, стр. 295—297.

---

[1] Ренодель в «Юманите». *Ред.*
[2] Следовательно. *Ред.*
[3] А. Паннекук, Г. Гортер и Д. Вайнкоп. *Ред.*
[4] Поворотный круг для паровозов-Каутский и К⁰. *Ред.*
[5] Отель Мариенталь. *Ред.*

ИЗ БРОШЮРЫ «СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА»

Из главы I

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ?

Социал-шовинизм есть защита идеи «обороны отечества» в данной войне. Из этой идеи вытекает, далее, отказ от классовой борьбы во время войны, вотирование военных кредитов и т. под. На деле социал-шовинисты проводят антипролетарскую, буржуазную политику, ибо на деле отстаивают они не «оборону отечества» в смысле борьбы с чуженациональным гнетом, а «право» тех или иных «великих» держав грабить колонии и угнетать чужие народы. Социал-шовинисты повторяют буржуазный обман народа, будто война ведется из-за защиты свободы и существования наций, и тем переходят на сторону буржуазии против пролетариата. К социал-шовинистам принадлежат как те, которые оправдывают и прикрашивают правительства и буржуазию *одной* из воюющих групп держав, так и те, кто, подобно Каутскому, признают одинаковое право социалистов во *всех* воюющих державах «защищать отечество». Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий «своей» (или всякой вообще) империалистской буржуазии, представляет из себя полную измену всем социалистическим убеждениям и решению Международного Социалистического Конгресса в Базеле.

БАЗЕЛЬСКИЙ МАНИФЕСТ

Манифест о войне, принятый единогласно в 1912 г. в Базеле, имеет в виду как раз ту войну между Англией и Германией, с их теперешними союзниками, которая и разразилась в 1914 г. Манифест прямо заявляет, что никакой народный интерес не может оправдать такой войны, ведущейся «ради прибылей капиталистов и выгод династий» на почве империалистской, грабительской политики великих держав. Манифест прямо заявляет, что война опасна «для правительств» (всех без исключения), отмечает их боязнь «пролетарской революции», указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября—декабря 1905 г., *т.-е. на пример революции и гражданской войны.* Таким образом Базельский манифест как раз для данной войны

устанавливает тактику революционной борьбы рабочих в интернациональном масштабе против своих правительств, тактику пролетарской революции. Базельский манифест повторяет слова Штутгартской резолюции, что, в случае наступления войны, социалисты должны использовать создаваемый ею «экономический и политический кризис» для «ускорения падения капитализма», т.-е. использовать созданные войной затруднения правительств и возмущение масс для социалистической революции.

Политика социал-шовинистов, их оправдание войны с буржуазно-освободительных точек зрения, их допущение «защиты отечества», голосование за кредиты, вступления в министерство и проч. и проч. есть прямая измена социализму, объясняемая лишь, как мы увидим ниже, победой оппортунизма и национал-либеральной рабочей политики внутри большинства европейских партий.

ЛОЖНЫЕ ССЫЛКИ НА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Социал-шовинисты русские (с Плехановым во главе) ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 г.;—немецкие (типа Ленча, Давида и К⁰) на заявления Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе;—наконец, социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854—55 до 1870—71 и 1876—77 г.г., на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась.

Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома и К⁰ искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870—71 года была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев. Да и в начале этой войны Маркс и Энгельс одобряли

отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата. Перенесение оценки этой войны, буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, на современную империалистскую войну есть издевательство над истиной. То же относится с еще большей силой к войне 1854—5 г.г. и всем войнам XIX века, когда не было *ни* современного империализма, *ни* созревших объективных условий социализма, *ни* массовых социалистических партий во *всех* воюющих странах, т.-е. не было именно тех условий, из которых Базельский манифест выводил тактику «пролетарской революции» *в связи* с войной между великими державами.

Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи *прогрессивной* буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества»—словах, относящихся *именно* к эпохе реакционной, отжившей буржуазии, к эпохе социалистической революции, тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной.

КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Социалисты всего мира торжественно заявили в 1912 г. в Базеле, что они считают грядущую европейскую войну «преступным» и реакционнейшим делом *всех* правительств, которое должно ускорить крушение капитализма, неминуемо порождая революцию против него. Наступила война, наступил кризис. Вместо революционной тактики большинство с.-д. партий повело реакционную, становясь на сторону своих правительств и своей буржуазии. Эта измена социализму означает крах II (1889—1914) Интернационала, и мы должны дать себе отчет в том, чем вызван этот крах, чем порожден социал-шовинизм, что дало ему силу.

СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ ЕСТЬ ЗАКОНЧЕННЫЙ ОППОРТУНИЗМ

В течение всей эпохи II Интернационала повсюду шла борьба внутри с.-д. партий между революционным и оппортунистическим крылом. В ряде стран был раскол по этой линии (Англия, Италия, Голландия, Болгария). Ни один

марксист не сомневался в том, что оппортунизм выражает буржуазную политику в рабочем движении, выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «*своей*» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных.

Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности в раболепство перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партий много мелко-буржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый. При этом военные власти повсюду ввели военные положения и намордник для рабочей массы, старые вожди которой почти поголовно перешли к буржуазии.

Экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же: интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибылей, полученных «их» национальной буржуазией от грабежа чужих наций, от выгод ее великодержавного положения и т. д.

Идейно-политическое содержание оппортунизма и социал-шовинизма одно и то же: сотрудничество классов вместо борьбы, их отказ от революционных средств борьбы, помощь «своему» правительству в затруднительном его положении вместо использования его затруднений для революции. Если взять все европейские страны в целом, если обратить внимание не на отдельных лиц (хотя бы и самых авторитетных), то окажется, что именно оппортунистическое *течение* стало главным оплотом социал-шовинизма, а из лагеря революционеров почти повсюду раздается более или менее последовательный протест против него. И если взять, например, группировку направлений на Штутгартском международном социалистическом конгрессе 1907 г., то окажется, что международный марксизм был против империализма, а международный оппортунизм уже тогда был за него.

ЕДИНСТВО С ОППОРТУНИСТАМИ ЕСТЬ СОЮЗ РАБОЧИХ СО «СВОЕЙ» НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИЕЙ И РАСКОЛ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

В прошлую эпоху, до войны, оппортунизм считался нередко хотя и «уклонением», «крайностью», но все же законной составной частью с.-д. партии. Война показала невозможность этого в будущем. Оппортунизм «дозрел», довел до конца свою роль эмиссара буржуазии в рабочем движении. Единство с оппортунистами стало сплошным лицемерием, пример которого мы видим в германской с.-д. партии. Оппортунисты во всех важных случаях (например, при голосовании 4 августа) являются со своим ультиматумом, проводя его в жизнь при помощи своих многочисленных связей с буржуазией, своего большинства в правлениях профессиональных союзов и т. д. *Единство* с оппортунистами означает теперь *на деле* подчинение рабочего класса «своей» национальной буржуазии, союз с ней для угнетения чужих наций и для борьбы за великодержавные привилегии, будучи *расколом* революционного пролетариата всех стран.

Как бы ни тяжела была в отдельных случаях борьба с господствующими во многих организациях оппортунистами, как бы своеобразен ни был в отдельных странах процесс очищения рабочих партий от оппортунистов, этот процесс неизбежен и плодотворен. Социализм реформистский умирает; социализм возрождающийся «будет революционным, непримиримым, повстанческим», по верному выражению французского социалиста Павла Голэя.

«КАУТСКИАНСТВО»

Каутский, наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм». Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все*, *кроме* революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примиряет» основную

мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. п. Каутский, в 1909 году писавший целую книгу о приближении эпохи революций и о связи войны с революцией, Каутский, в 1912 году подписывавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной роли, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле.

В разных странах эта основная фальшь «каутскианства» проявляется в разных формах. В Голландии Роланд-Гольст, отвергая идею защиты отечества, отстаивает единство с партией оппортунистов. В России Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистской группой «Нашей Зари». В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму, как виновнику краха Интернационала, в то же время готов признать законность идеи защиты отечества. Все это—проявления того зла, которое голландские марксисты (Гортер, Паннекук) назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике.

ЛОЗУНГ МАРКСИСТОВ—ЛОЗУНГ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Война несомненно породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии *всех* стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации

неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг—помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую, и *всякая* последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому. Нельзя знать, в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении.

Базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской Коммуны, т.-е. превращения войны правительств в войну гражданскую. Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не назрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло, увлечение части парижских рабочих «национальной идеологией» (традицией 1792 года) было мелко-буржуазной слабостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Коммуны. Полвека спустя после нее отпали ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров.

ПРИМЕР БРАТАНЬЯ В ТРАНШЕЯХ

Буржуазные газеты всех воюющих стран приводили примеры братанья солдат воюющих наций даже в траншеях. А издание военными властями (Германии, Англии) драконовских указов против такого братанья доказало, что правительства и буржуазия придавали ему серьезное значение. Если при полном господстве оппортунизма в верхах с.-д. партий Западной Европы и при поддержке социал-шовинизма всей с.-д. прессой, всеми авторитетами II Интернационала, были возможны случаи братанья, то это показывает нам, насколько возможно было бы сократить теперешнюю преступную, реакционную и рабовладельческую войну и организовать революционное интернациональное движение при систематической работе в этом направлении хотя бы только левых социалистов всех воюющих стран.

ЗНАЧЕНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Виднейшие анархисты всего мира не менее, чем оппортунисты, опозорили себя социал-шовинизмом (в духе Плеханова и Каутского) в этой войне. Одним из полезных результатов ее будет, несомненно, то, что война эта убьет и оппортунизм и анархизм.

Не отказываясь ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах от использования самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма, с.-д. партии должны порвать с раболепством перед легальностью. «Стреляйте первыми, господа буржуа», писал Энгельс, намекая именно на гражданскую войну и на необходимость нарушения легальности нами *после* того, как ее нарушит буржуазия. Кризис показал, что буржуазия нарушает ее во всех, даже самых свободных странах, и что нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальной организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы. В Германии, например, все, что делается *честного* социалистами, делается против подлого оппортунизма и лицемерного «каутскианства» и делается именно нелегально. В Англии посылают на каторгу за печатные призывы не идти в войско.

Считать совместимым с принадлежностью к с.-д. партии отрицание нелегальных приемов пропаганды и высмеивание их в легальной печати есть измена социализму.

Глава III

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Как восстановить Интернационал? Но—сначала несколько слов о том, как *не надо* восстановлять Интернационал.

Метод социал-шовинистов и «центра»

О, социал-шовинисты всех стран—большие «интернационалисты»! Они с самого начала войны обременены заботой об Интернационале. С одной стороны, они уверяют, что толки о *крахе* Интернационала «преувеличены». На самом деле ничего особенного не случилось. Послушайте Каутского: просто Интернационал есть «орудие мирного времени», есте-

ственно, что на время войны этот инструмент оказался несколько не на высоте. С другой стороны, социал-шовинисты всех стран нашли одно очень простое—и главное: интернациональное—средство, чтобы выйти из создавшегося положения. Средство несложное: надо только подождать конца войны, до окончания войны социалисты каждой страны должны защищать свое «отечество» и поддерживать «свои» правительства, а по окончании войны—друг друга «амнистировать», признать, что *все* были правы, что во время мира мы живем, как братья, а во время войны мы—на точном основании таких-то резолюций—зовем немецких рабочих истреблять своих французских братьев и наоборот.

На этом одинаково сходятся и Каутский, и Плеханов, и Виктор Адлер, и Гейне. Виктор Адлер пишет, что, «когда мы переживем это тяжелое время, нашей первой обязанностью будет не ставить друг другу каждое лыко в строку». Каутский утверждает, что «ни с какой стороны до сих пор не раздалось голосов серьезных социалистов, которые заставили бы опасаться» за судьбу Интернационала. Плеханов говорит, что «неприятно пожимать руки германских с.-д., пахнущие кровью невинно-убитых». Но тут же предлагает «амнистию»: «тут вполне уместно будет,—пишет он,—подчинение *сердца рассудку*. Ради своего великого дела Интернационал должен будет принять во внимание даже и запоздалые сожаления». Гейне называет в «Sozialistische Monatshefte» поведение Вандервельда «мужественным и гордым» и ставит его в пример немецким левым.

Словом, когда кончится война, назначьте комиссию из Каутского и Плеханова, Вандервельда и Адлера, и мигом будет составлена «единогласная» резолюция в духе взаимной амнистии. Спор будет благополучно затушеван. Вместо того, чтобы помочь рабочим разобраться в происшедшем, их обманут показным бумажным «единством». Объединение социал-шовинистов и лицемеров всех стран названо будет восстановлением Интернационала.

Нечего скрывать от себя: опасность такого «восстановления» очень велика. Социал-шовинисты всех стран одинаково в нем заинтересованы. Все они одинаково не хотят, чтобы сами рабочие массы их страны разобрались в вопросе: социализм *или* национализм. Все они одинаково заинтересованы в том, чтобы прикрыть грехи друг друга. Все они ничего другого

не могут предложить, кроме того, что предлагает виртуоз «интернационального» лицемерия Каутский.

А между тем в этой опасности отдают себе мало отчета. За год войны мы видели ряд попыток восстановления интернациональных связей. Мы не будем говорить о конференциях в Лондоне и Вене, где собирались определенные шовинисты, чтобы помочь генеральным штабам и буржуазии своих «отечеств». Мы имеем в виду конференции в Лугано, в Копенгагене, интернациональную женскую конференцию и интернациональную конференцию юношества. Эти собрания были одушевлены лучшими пожеланиями. Но они совершенно не видели указанной опасности. Они не наметили боевой линии интернационалистов. Они не указали пролетариату на ту опасность, которая грозит ему от социал-шовинистского способа «восстановления» Интернационала. Они в лучшем случае ограничились повторением старых резолюций, не указав рабочим, что без борьбы против социал-шовинистов дело социализма безнадежно. Они в лучшем случае были *шагом на месте*.

Положение дел среди оппозиции

Нет никакого сомнения в том, что наибольший интерес для всех интернационалистов представляет собой положение дел среди германской с.-д. оппозиции. Официальная германская социал-демократия, которая была наиболее сильной и руководящей партией во II Интернационале, нанесла самый чувствительный удар международной организации рабочих. Но в германской социал-демократии вместе с тем оказалась наиболее сильная оппозиция. Из числа больших европейских партий в ней первой подняли громкий голос протеста товарищи, оставшиеся верными знамени социализма. С радостью читали мы журналы: «Lichtstrahlen» и «Die Internationale». Еще с большей радостью мы узнавали о распространении в Германии нелегальных революционных воззваний, как, например, воззвания: «Главный враг в собственной стране». Это говорило о том, что среди германских рабочих жив дух социализма, что в Германии есть еще люди, способные отстаивать революционный марксизм.

В недрах германской социал-демократии с наибольшей наглядностью обрисовался раскол в современном социализме. Мы видим здесь со всей отчетливостью 3 течения: оппорту-

нисты-шовинисты, которые нигде не дошли до такой степени падения и ренегатства, как в Германии; каутскианский «центр», который показал себя здесь вполне беспомощным выполнять какую-либо другую роль, кроме прислужника оппортунистов; и—левую, представляющую собою единственных социал-демократов в Германии.

Больше всего нас, естественно, интересует положение дел в среде немецкой левой. Мы видим в ней наших товарищей, надежду всех интернационалистских элементов.

Каково же это положение?

Журнал «Die Internationale» был совершенно прав, когда сказал, что в немецкой левой все еще находится в процессе брожения, что предстоят еще большие перегруппировки, что в лоне ее есть более решительные и менее решительные элементы.

Мы, русские интернационалисты, ни в малой степени, разумеется, не претендуем на то, чтобы вмешиваться во внутренние дела наших товарищей немецких левых. Мы понимаем, что только они сами вполне компетентны определить свои способы борьбы против оппортунистов, считаясь с условиями времени и места. Мы считаем только своим правом и своим долгом высказать откровенно свое мнение о положении дел.

Мы убеждены, что глубоко прав был автор передовой статьи в журнале «Die Internationale», когда он утверждал, что каутскианский «центр» приносит больше вреда делу марксизма, чем открытый социал-шовинизм. Кто затушевывает теперь разногласия, кто под видом марксизма проповедует теперь рабочим то, что проповедует каутскианство, тот усыпляет рабочих, тот вреднее, чем Зюдекумы и Гейне, которые ставят вопрос ребром и заставляют рабочих разбираться.

Фронда против «инстанций», которую в последнее время позволяют себе Каутский и Гаазе, никого не должна вводить в заблуждение. Разногласия между ними и Шейдеманами не принципиальные разногласия. Одни считают, что Гинденбург и Макензен *уже* победили и что теперь можно уже себе позволить роскошь протеста против аннексий. Другие считают, что Гинденбург и Макензен *еще* не победили и что поэтому надо «продержаться до конца».

Каутскианство ведет против «инстанций» лишь показную борьбу,—именно для того, чтобы после войны затушевать

перед рабочими принципиальный спор и замазать дело 1001-ой пухлой резолюцией в неопределенно-«левом» духе, на который такие мастера дипломаты II Интернационала.

Вполне понятно, что в своей трудной борьбе против «инстанций» немецкая оппозиция должна использовать и эту непринципиальную фронду каутскианства. Но пробным камнем для всякого интернационалиста должно остаться отрицательное отношение к неокаутскианству. Лишь тот действительно интернационалист, кто борется против каутскианства, кто понимает, что «центр» *и после* мнимого поворота его вождей остается в принципиальном отношении *союзником шовинистов и оппортунистов.*

Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы—преимущественно социалисты *пацифистского* оттенка—существуют и в нейтральных странах, и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, Независимая Рабочая Партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это—*только* попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба. На международных совещаниях нельзя ограничивать своей программы тем, что́ приемлемо для этих элементов. Иначе мы сами попадем в плен к колеблющимся пацифистам. Так было, например, на женской международной конференции в Берне. Немецкая делегация, придерживавшаяся точки зрения т. Клары Цеткин, фактически сыграла на этой конференции роль «центра». Женская конференция сказала только то, что было приемлемо для делегаток из оппортунистской голландской партии Трульстры и для делегаток из I. L. P. (Независимая Раб. Партия), которая—не забудем этого—на Лондонской конференции шовинистов «согласия» голосовала за резолюцию Вандервельде. Мы выражаем свое величайшее уважение I. L. P. за мужественную борьбу против английского правительства во время войны. Но мы знаем, что эта партия не стояла и не стоит на почве марксизма. А мы считаем, что главной задачей с.-д. оппозиции в настоящий момент является—поднять знамя революционного марксизма, сказать рабочим твердо и определенно, как мы смотрим на империалистские войны, выдви-

нуть пароль массовых революционных действий, т.-е. превращения эпохи империалистских войн в начало эпохи войн гражданских.

Революционно социал-демократические элементы, несмотря ни на что, существуют во многих странах. Они существуют и в Германии, и в России, и в Скандинавии (влиятельное направление, представителем которого является тов. Хёглунд), и на Балканах (партия болгарских «тесняков»), и в Италии, и в Англии (часть британской соц. партии), и во Франции (сам Вальян признал в «L'Humanité», что он получал протестующие письма интернационалистов, но он ни одного из них не напечатал полностью), и в Голландии (трибунисты) и т. д. Сплотить эти марксистские элементы—как бы немногочисленны ни были они вначале—от их имени напомнить забытые теперь слова подлинного социализма, призвать рабочих всех стран порвать с шовинистами и стать под старое знамя марксизма—вот задача дня.

Совещания с так называемыми программами «действия» сводились до сих пор только к тому, что на них с большей или меньшей полнотой провозглашалась программа простого пацифизма. Марксизм не пацифизм. Бороться за скорейшее прекращение войны необходимо. Но только при призыве к *революционной* борьбе требование «мира» получает пролетарский смысл. Без ряда революций так называемый демократический мир есть мещанская утопия. Действительной программой действия была бы только *марксистская* программа, дающая массам полный и ясный ответ на то, что случилось, разъясняющая, что́ такое империализм и как с ним бороться, заявляющая открыто, что к краху II Интернационала привел оппортунизм, призывающая открыто строить марксистский Интернационал без и *против* оппортунистов. Только такая программа, которая показала бы, что мы верим в себя, верим в марксизм, объявляем оппортунизму борьбу не на живот, а на смерть, обеспечила бы нам раньше или позже сочувствие подлинных пролетарских масс.

Российская социал-демократическая рабочая партия и III Интернационал

Р.С.-Д.Р. Партия давно раскололась со своими оппортунистами. Русские оппортунисты теперь стали еще и шовинистами. Это только укрепляет нас во мнении, что раскол

с ними в интересах социализма необходим. Мы убеждены, что у социал-демократов нынешние расхождения с социал-шовинистами нисколько не меньше, чем они были у социалистов с анархистами, когда с.-д. раскалывались с этими последними. Оппортунист Monitor в «Preussische Jahrbücher»[1] правильно сказал, что для оппортунистов и буржуазии выгодно нынешнее единство, ибо оно заставляет левых подчиняться шовинистам и мешает рабочим разобраться в спорах и создать свою действительно рабочую, действительно социалистическую партию. Мы глубочайше убеждены, что при нынешнем положении дел раскол с оппортунистами и шовинистами является первым долгом революционера—так же, как раскол с желтыми, с антисемитами, с либеральными рабочими союзами и т. д. необходим был именно в интересах скорейшего просвещения отсталых рабочих и привлечения их в ряды с.-д. партии.

Третий Интернационал по нашему мнению должен был бы создаться именно на такой революционной базе. Для нашей партии не существует вопроса о целесообразности разрыва с социал-шовинистами. Он для нее решен бесповоротно. Для нее существует только вопрос осуществимости этого в ближайшее время в интернациональном масштабе.

Совершенно понятно, что для осуществления *международной* марксистской организации надо, чтобы существовала готовность создания самостоятельных марксистских партий в *разных* странах. Германия, как страна наиболее старого и сильного рабочего движения, имеет решающее значение. Ближайшее будущее покажет, назрели ли уже условия для создания нового марксистского Интернационала. Если да, наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма, III Интернационал. Если нет, это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала—пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма.

Мы не знаем и не можем знать, как пойдет развитие в

[1] «Прусские Ежегодники». *Ред.*

ближайшие годы на международной арене. Но что мы знаем наверное, в чем мы убеждены непоколебимо, это—в том, что *наша* партия в *нашей* стране среди *нашего* пролетариата будет неутомимо работать в указанном направлении и всей своей повседневной деятельностью будет создавать российскую секцию *марксистского* Интернационала.

У нас в России тоже нет недостатка в откровенных социал-шовинистах и в группах «центра». Эти люди будут бороться против создания марксистского Интернационала. Мы знаем, что Плеханов стоит на одной принципиальной почве с Зюдекумом и уже сейчас протягивает ему руку. Мы знаем, что так называемый «Организационный Комитет», руководимый Аксельродом, проповедует каутскианство на русской почве. Под видом единства рабочего класса эти люди проповедуют единство с оппортунистами и через них—с буржуазией. Но все то, что мы знаем о настоящем рабочего движения в России, дает нам полную уверенность в том, что сознательный пролетариат России попрежнему останется с *нашей партией.*

Глава IV

ИСТОРИЯ РАСКОЛА И ТЕПЕРЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ С.-Д-ИИ В РОССИИ

Изложенная выше тактика Р. С.-Д. Р. П. в отношении к войне представляет из себя неизбежный результат тридцатилетнего развития социал-демократии в России. Нельзя правильно понять этой тактики, как и теперешнего положения социал-демократии в нашей стране, не вдумываясь в историю нашей партии. Вот почему мы должны и здесь напомнить читателю основные факты из этой истории.

Как идейное течение, социал-демократия возникла в 1883 году, когда впервые были систематически изложены за границей группой «Освобождение Труда» социал-демократические взгляды в применении к России. До начала 90-х годов социал-демократия оставалась идейным течением, без связи с массовым рабочим движением в России. В начале 90-х годов общественный подъем, брожение и стачечное движение среди рабочих сделали социал-демократию активной политической силой, неразрывно связанной с борьбою (как

экономической, так и политической) рабочего класса. И с этого же времени начинается раскол социал-демократии на «экономистов» и «искровцев».

«Экономисты» и старая «Искра» (1894—1903)

«Экономизм» был оппортунистическим течением в русской социал-демократии. Его политическая сущность сводилась к программе: «рабочим—экономическая, либералам—политическая борьба». Его главной теоретической опорой был т. наз. «легальный марксизм» или «струвизм», который «признавал» «марксизм», совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. Ссылаясь на неразвитость массы рабочих в России, желая «идти с массой», «экономисты» ограничивали задачи и размах рабочего движения экономической борьбой и политической поддержкой либерализма, не ставя себе самостоятельных политических и никаких революционных задач.

Старая «Искра» (1900—1903) победоносно провела борьбу с «экономизмом» во имя принципов революционной социал-демократии. Весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры». За несколько лет до революции социал-демократия выступила с самой последовательной и непримиримой программой. И борьба классов, выступление масс во время революции 1905 года подтвердили эту программу. «Экономисты» приспособлялись к отсталости масс. «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы. Нынешние доводы социал-шовинистов (о необходимости считаться с массой, о прогрессивности империализма, об «иллюзиях» революционеров и т. п.) все были уже выдвинуты экономистами. С оппортунистической переделкой марксизма под «струвизм» социал-демократическая Россия познакомилась 20 лет тому назад.

Меньшевизм и большевизм (1903—1908)

Эпоха буржуазно-демократической революции породила новую борьбу течений среди социал-демократии, которая была прямым продолжением предыдущей. «Экономизм» видоизменился в «меньшевизм». Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм».

В бурные 1905—1907 годы меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму—в этом была его суть. Напротив, большевизм ставил задачей социал-демократических рабочих поднимать на революционную борьбу демократическое крестьянство вопреки шатаниям и изменам либерализма. И рабочие массы, как это признавали неоднократно сами меньшевики, шли во время революции с большевиками при всех крупнейших выступлениях.

Революция 1905-го года проверила, укрепила, углубила и закалила непримиримо-революционную социал-демократическую тактику в России. Открытое выступление классов и партий неоднократно обнаруживало связь социал-демократического оппортунизма («меньшевизма») с либерализмом.

Марксизм и ликвидаторство (1908—1914)

Контр-революционная эпоха в совершенно новой форме опять поставила на очередь дня вопрос об оппортунистической и революционной тактике социал-демократии. Главное русло меньшевизма, вопреки протестам многих лучших его представителей, породило течение ликвидаторства, отречение от борьбы за новую революцию в России, от нелегальной организации и работы, презрительные насмешки над «подпольем», лозунгом республики и т. д. В лице группы легальных литераторов журнала «Нашей Зари» (гг. Потресов, Череванин и т. д.) сплотилось независимое от старой социал-демократической партии ядро, которое тысячами способов поддерживала, рекламировала и холила либеральная буржуазия России, желавшая отучить рабочих от революционной борьбы.

Эту группу оппортунистов исключила из партии Январская Конференция Р. С.-Д. Р. П. 1912 года, которая восстановила партию вопреки бешеному сопротивлению целого ряда заграничных групп и группок. В течение более чем двух лет (начало 1912 года—половина 1914) шла упорная борьба двух с.-д. партий: Ц. К., выбранного в январе 1912 г., и «Организационного Комитета», который не признавал Январской Конференции и хотел иначе восстановить партию, сохра-

няя единство с группой «Нашей Зари». Упорная борьба шла между двумя ежедневными рабочими газетами («Правдой» и «Лучом» с их преемниками) и между двумя с.-д. фракциями IV Госуд. Думы («Р. С.-Д. Р. Фр.» правдистов или марксистов и «с.-д. фракцией» ликвидаторов с Чхеидзе во главе).

Отстаивая верность революционным заветам партии, поддерживая начавшийся подъем рабочего движения (после весны 1912 года особенно), соединяя легальную и нелегальную организацию, печать и агитацию, «правдисты» сплотили вокруг себя подавляющее большинство сознательного рабочего класса, тогда как ликвидаторы,—действуя, как политическая сила, исключительно в лице группы «Нашей Зари»,—опирались на всестороннюю поддержку либерально-буржуазных элементов.

Открытые денежные взносы рабочих групп в газеты обеих партий, будучи в ту эпоху приспособленной к русским условиям (и единственной легально допустимой, свободно всеми контролируемой) формой *членских взносов* с.-д., наглядно подтвердили пролетарский источник силы и влияния у «правдистов» (марксистов), буржуазно-либеральный у ликвидаторов (и их «О. К.»). Вот краткие данные об этих взносах, напечатанные подробно в книге «Марксизм и ликвидаторство», а в сокращении в немецкой с.-д. газете «Лейпцигская Народная Газета» от 21 июля 1914 года.

Число и сумма взносов в ежедневные петербургские газеты, марксистские (правдистские) и ликвидаторские, от 1 января по 13 мая 1914 г.:

	Правдисты		Ликвидаторы	
	Число взносов	Сумма руб.	Число взносов	Сумма руб.
От рабочих групп . . .	2 873	18 934	671	5 296
Не от рабочих групп . .	713	2 650	423	6 760

Таким образом наша партия объединила к 1914 году $^4/_5$ сознательных рабочих России вокруг революционной с.-д.

тактики. За весь 1913 год число взносов от рабочих групп было 2.181 у правдистов и 661 у ликвидаторов. С 1 января 1913 г. по 13 мая 1914 г. получается сумма: 5.054 взноса от рабочих групп у «правдистов» (т.-е. у нашей партии) и 1.332, т.-е. 20,8%, у ликвидаторов.

Марксизм и социал-шовинизм (1914—15)

Великая европейская война 1914—15 г.г. дала всем европейским, а также русским с.-д. возможность проверить их тактику на кризисе всемирного размера. Реакционный, грабительский рабовладельческий характер войны со стороны царизма еще несравненно нагляднее, чем со стороны других правительств. Тем не менее основная группа ликвидаторов (единственная, кроме нашей, имеющая серьезное влияние в России, благодаря ее либеральным связям) повернула к социал-шовинизму! Обладая довольно долгое время монополией легальности, эта группа «Нашей Зари» повела проповедь в массах в смысле «непротиводействия войне», пожелания победы тройственного (теперь четверного) согласия, обвинения в «сверхсметных грехах» германского империализма и т. п. Плеханов, с 1903 года дававший многократно образцы своей крайней политической бесхарактерности и перехода к оппортунистам, занял еще резче ту же позицию, расхваливаемый всей буржуазной печатью России. Плеханов опустился до того, что объявлял войну справедливой со стороны царизма и в правительственных газетах Италии помещал интервью, втягивая ее в войну!!

Правильность нашей оценки ликвидаторства и исключения главной группы ликвидаторов из нашей партии была таким образом вполне подтверждена. Реальная программа ликвидаторов и реальное значение их направления состоит теперь не только в оппортунизме вообще, но и в том, что они защищают великодержавные привилегии и преимущества великорусских помещиков и буржуазии. Это—направление *национал-либеральной* рабочей политики. Это—союз части радикальных мелких буржуа и ничтожной доли привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариата.

Теперешнее положение дел в с.-д. России

Как мы уже говорили, ни ликвидаторы, ни целый ряд заграничных групп (Плеханова, Алексинского, Троцкого и др.), ни так называемые «национальные» (т.-е. невеликорусские) с.-д. не признали нашей Январской Конференции 1912 года. Из бесчисленных ругательств, которыми нас осыпали, всего чаще повторялось обвинение в «узурпаторстве» и «раскольничестве». Наш ответ на это состоял в приведении точных и допускающих объективную проверку цифр, доказывающих, что наша партия объединила $^4/_5$ сознательных рабочих России. Это немало—при всех трудностях нелегальной работы в контр-революционную эпоху.

Если бы «единство» было возможно в России на основе с.-д. тактики, без исключения группы «Нашей Зари», то отчего же не осуществили его *даже между собой* наши многочисленные противники? С января 1912 года прошло целых $3^1/_2$ года, и за все это время наши противники не смогли создать, при всем своем желании, с.-д. партию против нас. Этот факт есть лучшая защита нашей партии.

Вся история с.-д. групп, борющихся с нашей партией, есть история развала и распада. В марте 1912 года все без исключения «объединились» на брани против нас. Но уже в августе 1912 года, когда был создан так называемый «августовский блок» против нас, у них начался распад. Часть групп от них отпадает. Они не могут создать партии и Ц. К. Они создают лишь О. К. «для восстановления единства». Но на деле этот О. К. оказался бессильным прикрытием ликвидаторской группы в России. За весь период громадного подъема рабочего движения в России и массовых стачек 1912—1914 годов единственной группой из всего августовского блока, ведшей работу в массах, остается группа «Нашей Зари», силу которой составляют ее либеральные связи. И в начале 1914 года из «августовского блока» формально выходят латышские с.-д. (польские с.-д. не были в нем), а Троцкий, один из вождей блока, вышел из него неформально, создав опять свою особую группу. В июле 1914 г. на конференции в Брюсселе, при участии Исполнительного Комитета М. С. Б., Каутского и Вандервельда, против нас составлен так наз. «Брюссельский блок», в который не вошли латыши и от которого тотчас отпали польские с.-д.—оппо-

зиция. После войны этот блок распадается. «Наша Заря», Плеханов, Алексинский, вождь кавказских с.-д. Ан становятся открытыми социал-шовинистами, проповедуя желательность поражения Германии. О. К. и Бунд защищают социал-шовинистов и основы социал-шовинизма. Фракция Чхеидзе, хотя и голосовавшая против военных кредитов (в России даже буржуазные демократы, трудовики, голосовали против них), остается верным союзником «Нашей Зари». Наши крайние социал-шовинисты, Плеханов с Алексинским и К⁰, вполне довольны фракцией Чхеидзе. В Париже образуется газета «Наше Слово» (раньше «Голос») при участии главным образом Мартова и Троцкого, желающих совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», О. К. или фракцией Чхеидзе. После 250 №№ этой газеты она сама вынуждена признать свой распад: одна часть редакции тяготеет к нашей партии, Мартов остается верным О. К., который публично порицает «Наше Слово» за «анархизм» (как оппортунисты в Германии, Давид и К⁰, «Internationale Korrespondenz», Легин и К⁰ обвиняют в анархизме тов. Либкнехта); Троцкий объявляет о своем разрыве с О. К., но желает идти вместе с фракцией Чхеидзе. Вот программа тактики фракции Чхеидзе, изложенная одним из ее лидеров. В № 5 «Современного Мира» 1915 г., журнала с направлением Плеханова и Алексинского, Чхенкели пишет: «*Сказать, что германская социал-демократия была в состоянии помешать военному выступлению своей страны и этого не сделала, значило бы или скрытно желать, чтобы она на баррикадах нашла не только свое, но и своего отечества последнее издыхание, или смотреть на предметы, рядом лежащие, сквозь анархический телескоп*»[1].

В этих немногих строках выражена вся сущность социал-шовинизма: и принципиальное оправдание идеи «защиты отечества» в настоящей войне, и насмешки—с позволения военных цензоров—над проповедью и подготовкой революции.

[1] «С. М.», 15, № 5, стр. 148. Троцкий недавно заявил, что считает своей задачей подымать авторитет в Интернационале фракции Чхеидзе. Несомненно, Чхенкели, с своей стороны, будет столь же энергично подымать в Интернационале авторитет Троцкого...

Вопрос совсем не в том, в состоянии ли была германская социал-демократия помешать войне, как и не в том, могут ли вообще революционеры ручаться за успех революции. Вопрос в том, вести ли себя, как социалисты, или доподлинно «издыхать» в объятиях империалистской буржуазии.

Задачи нашей партии

Социал-демократия в России возникла перед буржуазно-демократической революцией (1905) в нашей стране и окрепла во время революции и контр-революции. Отсталость России объясняет чрезвычайное обилие течений и оттенков мелко-буржуазного оппортунизма у нас, а влияние марксизма в Европе и прочность легальных с.-д. партий до войны сделали из наших образцовых либералов почти-поклонников «разумной», «европейской» («нереволюционной»), «легальной» «марксистской» теории и социал-демократии. Рабочий класс в России не мог сложить своей партии иначе как в решительной, тридцатилетней борьбе со всеми разновидностями оппортунизма. Опыт всемирной войны, принесший позорный крах европейского оппортунизма и закрепивший союз наших национал-либералов с социал-шовинистским ликвидаторством, еще более укрепляет нас в убеждении, что наша партия и дальше должна идти по тому же последовательно революционному пути.

Т. XVIII, стр. 199—205, 212—223.

КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Под крахом Интернационала иногда разумеют просто формальную сторону дела, перерыв интернациональной связи между социалистическими партиями воюющих стран, невозможность собрать ни международной конференции, ни Международного Социалистического Бюро и т. п. На этой точке зрения стоят некоторые социалисты нейтральных, маленьких стран, вероятно, даже большинство официальных партий в них, затем оппортунисты и их защитники. В русской печати, с заслуживающею глубокой признательности откровенностью, выступил на защиту этой позиции г. Вл. Коссовский в № 8 «Информационного Листка» Бунда, причем редакция «Листка»

ни единым словом не оговорила своего несогласия с автором. Можно надеяться, что защита национализма г. Коссовским, который договорился до оправдания немецких социал-демократов, голосовавших за военные кредиты, поможет многим рабочим окончательно убедиться в буржуазно-националистическом характере Бунда.

Для сознательных рабочих социализм—серьезное убеждение, а не удобное прикрытие мещански-примирительных и националистически-оппозиционных стремлений. Под крахом Интернационала они разумеют вопиющую измену большинства официальных социал-демократических партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям в речах на Штутгартском и Базельском Международных Конгрессах, в резолюциях этих Конгрессов и т. д. Не видеть этой измены могут только те, кто *не хочет* видеть ее, кому это не выгодно. Формулируя дело научным образом, т.-е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство социал-демократических партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата. Это—событие всемирно-исторической важности, и на возможно более всестороннем анализе его нельзя не остановиться. Давно признано, что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях. Несомненную пользу начала тоже приносить человечеству и европейская война 1914—15 года, показав передовому классу цивилизованных стран, что в его партиях назрел какой-то отвратительный гнойный нарыв, и несется откуда-то нестерпимый трупный запах.

I

Есть ли на-лицо измена главных социалистических партий Европы всем своим убеждениям и задачам? Об этом не любят говорить, разумеется, ни сами изменники, ни те, кто твердо знает—или смутно догадывается—что ему придется дружить и мириться с ними. Но, как бы ни было это

неприятно разным «авторитетам» II Интернационала или их фракционным друзьям среди российских социал-демократов, мы должны прямо взглянуть на вещи, назвать их своими именами, сказать рабочим правду.

Есть ли фактические данные по вопросу о том, как перед настоящей войной и в предвидении ее смотрели социалистические партии на свои задачи и на свою тактику? Бесспорно, есть. Это—резолюция Базельского Международного Социалистического Конгресса в 1912 году, которую мы перепечатываем, вместе с резолюцией Хемницкого германского социал-демократического съезда того же года, как напоминание о «забытых словах» социализма. Подводя итог громадной пропагандистской и агитационной литературе всех стран против войны, эта резолюция представляет собой самое точное и полное, самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне. Нельзя назвать иначе, как изменой, уже тот факт, что ни один из авторитетов вчерашнего Интернационала и сегодняшнего социал-шовинизма, ни Гайндман, ни Гэд, ни Каутский, ни Плеханов, не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места ее, обходя все существенное. Самые «левые», архиреволюционные резолюции—и самое бесстыдное забвение их или отречение от них, вот одно из самых наглядных проявлений краха Интернационала,—а вместе с тем и одно из самых наглядных доказательств того, что верить в «исправление» социализма, в «выпрямление его линии» путем одних резолюций могут теперь лишь люди, у которых беспримерная наивность граничит с хитрым желанием увековечить прежнее лицемерие.

Гайндмана еще вчера, можно сказать, когда он повернул перед войной к защите империализма, все «порядочные» социалисты считали свихнувшимся чудаком, и никто не говорил о нем иначе, как в тоне пренебрежения. А теперь к позиции Гайндмана целиком скатились,—отличаясь между собой только в оттенках и в темпераменте,—виднейшие социал-демократические вожди всех стран. И мы никак не в состоянии оценить и охарактеризовать сколько-нибудь парламентским выражением гражданского мужества таких людей, как, напр., писатели «Нашего Слова», когда они пишут о «господине»

Гайндмане в тоне презрения, а о «товарище» Каутском говорят—или молчат—с видом почтения (или подобострастия?). Разве можно примирить такое отношение с уважением к социализму и к своим убеждениям вообще? Если вы убеждены в лживости и гибельности шовинизма Гайндмана, то не следует ли направить критику и нападки на *более влиятельного* и более опасного защитника подобных взглядов, Каутского?

Взгляды Гэда в последнее время выразил едва ли не всего подробнее гэдист Шарль Дюма в своей брошюрке: «Какого мира мы желаем». Этот «начальник кабинета Жюля Гэда», подписавшийся так на заглавном листе брошюры, разумеется, «цитирует» прежние заявления социалистов в патриотическом духе (как цитирует подобные же заявления и немецкий социал-шовинист Давид в своей последней брошюре о защите отечества), но Базельского манифеста он не цитирует! Об этом манифесте молчит и Плеханов, преподнося с необыкновенно самодовольным видом шовинистские пошлости. Каутский подобен Плеханову: цитируя Базельский манифест, он *опускает* все революционные места в нем (то-есть все его существенное содержание!)—вероятно, под предлогом цензурного запрещения... Полиция и военные власти, своими цензурными запретами говорить о классовой борьбе и о революции, пришли «кстати» на помощь изменникам социализма!

Но, может быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося безусловно к данной конкретной войне?

Как раз наоборот. В Базельской резолюции меньше, чем в других, пустого декламаторства, больше конкретного содержания. Базельская резолюция говорит *именно* о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых *империалистических* конфликтах, которые разразились в 1914—15 гг. Конфликты Австрии и Сербии из-за Балкан, Австрии и Италии из-за Албании и т. д., Англии и Германии из-за рынков и колоний вообще, России с Турцией и пр. из-за Армении и Константинополя—вот о чем говорит Базельская резолюция, предвидя именно теперешнюю войну. Как раз про теперешнюю войну между «великими державами

Европы» говорит Базельская резолюция, что *эта* война «*не может быть оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса*»!

И если теперь Плеханов и Каутский—берем двоих самых типичных и самых близких для нас, пишущего по-русски или переводимого ликвидаторами на русский, авторитетных социалистов—подыскивают (при помощи Аксельрода) разные «народные (или, вернее, простонародные, взятые из уличной буржуазной прессы) оправдания» войне, если они с ученым видом и с запасом фальшивых цитат из Маркса ссылаются на «примеры», на войны 1813 и 1870 гг. (Плеханов) или 1854—1871, 1876—7, 1897 годов (Каутский),—то, поистине, только люди без тени социалистических убеждений, без капельки социалистической совести могут брать «всерьез» подобные доводы, могут *не* назвать их неслыханным иезуитизмом, лицемерием и проституированием социализма! Пусть немецкое правление партии («Vorstand») предает проклятию новый журнал Меринга и Розы Люксембург («Интернационал») за правдивую оценку Каутского, пусть Вандервельд, Плеханов, Гайндман и К⁰, при помощи полиции «тройственного согласия», так же третируют своих противников,—мы будем отвечать простой перепечаткой Базельского манифеста, изобличающего такой поворот вождей, для которого нет другого слова, кроме измены.

Базельская резолюция говорит не о национальной, не о народной войне, примеры которых в Европе бывали, которые даже типичны для эпохи 1789—1871 гг., не о революционной войне, от которых социал-демократы никогда не зарекались, а о *теперешней* войне, на почве «капиталистического империализма» и «династических интересов», на почве «завоевательной политики» *обеих* групп воюющих держав, и австро-германской и англо-франко-русской. Плеханов, Каутский и К⁰ прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для нее из области исторических примеров *не* империалистских войн.

Вопрос об империалистическом, грабительском, противопролетарском характере данной войны давно вышел из стадии

чисто-теоретического вопроса. Не только теоретически оценен уже, во всех своих главных чертах, империализм, как борьба гибнущей, одряхлевшей, сгнившей буржуазии за дележ мира и за порабощение «мелких» наций; не только повторялись тысячи раз эти выводы во всей необъятной газетной литературе социалистов *всех* стран; не только, напр., представитель «союзной» по отношению к нам нации, француз Дэлэзи, в брошюре о «Грядущей войне» *(1911 года!)* популярно разъяснял грабительский характер настоящей войны и со стороны французской буржуазии. Этого мало. Представители пролетарских партий всех стран единогласно и формально выразили в Базеле свое непреклонное убеждение в том, что грядет война именно империалистского характера, сделав из этого *тактические* выводы. Поэтому, между прочим, должны быть отвергнуты сразу, как софизмы, все ссылки на то, что отличие национальной и интернациональной тактики недостаточно обсуждено (сравни последнее интервью Аксельрода в №№ 87 и 90 «Нашего Слова»), и т. д. и т. п. Это—софизм, ибо одно дело всестороннее научное исследование империализма; такое исследование только начинается, и оно, по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще. Другое дело—основы социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров социал-демократических газет и в решении Интернационала. Социалистические партии—не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата, и когда ряд батальонов перешел на сторону неприятеля, их надо назвать и ославить изменниками, не давая себя «поймать» лицемерными речами о том, что «не все одинаково» понимают империализм, что вот шовинист Каутский и шовинист Кунов способны написать об этом томы, что вопрос «недостаточно обсужден» и проч. и т. п. Капитализм во *всех* проявлениях своего грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей *никогда* не будет изучен *до конца;* о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить. «На этом основании» отказываться от социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно,— а что же другое предлагают нам Каутский, Кунов, Аксельрод и т. п.?

Никто даже и не попытался ведь разобрать теперь, после войны, Базельскую резолюцию и показать ее неправильность!

II

Но, может быть, искренние социалисты стояли за Базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, а события опровергли их, и революция оказалась невозможной?

Именно таким софизмом пытается оправдать свой переход в лагерь буржуазии Кунов (в брошюре «Крах партии?» и в ряде статей), а в виде намеков мы встречаем подобные «доводы» почти у всех социал-шовинистов с Каутским во главе. Надежды на революцию оказались иллюзией, а отстаивать иллюзии не дело марксиста, рассуждает Кунов, при чем сей струвист ни единым словом не говорит об «иллюзии» всех подписавших Базельский манифест, а как отменно-благородный человек, старается свалить дело на крайних левых, вроде Паннекука и Радека!

Рассмотрим, по существу, тот довод, что авторы Базельского манифеста искренно предполагали наступление революции, но события опровергли их. Базельский манифест говорит—1) что война создаст экономический и политический кризис; 2) что рабочие будут считать свое участие в войне преступлением, преступной «стрельбой друг в друга ради прибылей капиталистов, ради честолюбия династий, ради выполнения тайных дипломатических договоров», что война вызывает среди рабочих «негодование и возмущение»; 3) что указанный кризис и указанное душевное состояние рабочих социалисты обязаны использовать для «возбуждения народа и для ускорения краха капитализма»; 4) что «правительства—все без исключения—не могут начать войны «без опасности для себя»; 5) что правительства «боятся пролетарской революции»; 6) что правительствам «следует вспомнить» о Парижской Коммуне (т.-е. о гражданской войне), о революции 1905 г. в России и т. д. Все это—совершенно ясные мысли; в них нет *ручательства*, что революция будет; в них положено ударение на точную характеристику *фактов* и *тенденций*. Кто по поводу таких мыслей и рассуждений говорит, что ожидавшееся наступление революции оказалось иллюзией, тот обнаруживает не марксистское, а струвистское и полицейски-ренегатское отношение к революции.

Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция—по общему правилу—невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революции на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».

Таковы марксистские взгляды на революцию, которые много, много раз развивались и признавались за бесспорные всеми марксистами и которые для нас, русских, особенно наглядно подтверждены опытом 1905-го года. Спрашивается, что предполагалось в этом отношении Базельским манифестом в 1912 году и что наступило в 1914—15 году?

Предполагалась революционная ситуация, кратко описанная

выражением «экономический и политический кризис». Наступила ли она? Несомненно, да. Социал-шовинист Ленч (который прямее, откровеннее, честнее выступает с защитой шовинизма, чем лицемеры Кунов, Каутский, Плеханов и К⁰) выразился даже так, что «мы переживаем своеобразную *революцию*» (стр. 6 его брошюры «Германская социал-демократия и война», Берлин, 1915). Политический кризис налицо: ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все правительства живут на вулкане, все апеллируют *сами* к самодеятельности и героизму масс. Политический режим Европы весь потрясен, и никто, наверное, не станет отрицать, что мы вошли (и входим все глубже—я пишу это в день объявления войны Италией) в эпоху величайших политических потрясений. Если Каутский, через два месяца после объявления войны, писал (2 октября 1914 в «Neue Zeit»), что «никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны», то это один из образчиков подделки исторической науки Каутским в угоду Зюдекумам и прочим оппортунистам. Никогда правительство не нуждается так в согласии всех партий господствующих классов и в «мирном» подчинении этому господству классов угнетенных, как во время войны. Это—во-1-х; а во-2-х, если «при начале войны», особенно в стране, ожидающей быстрой победы, правительство *кажется* всесильным, то никто никогда и нигде в мире не связывал ожиданий революционной ситуации исключительно с моментом «начала» войны, а тем более не отождествлял «кажущегося» с *действительным*.

Что европейская война будет тяжелой не в пример другим, это все знали, видели и признавали. Опыт войны все более подтверждает это. Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушения. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах»—все это на-лицо. А чем дальше затягивается и об-

остряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, *но зато просвещает и закаляет других*, при чем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых.

Заключение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а, напротив, во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самых отсталых масс населения.

Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы—на-лицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось *вполне*. Отрицать эту истину прямо или косвенно или замалчивать ее, как делают Кунов, Плеханов, Каутский и К°, значит говорить величайшую неправду, обманывать рабочий класс и услуживать буржуазии. В «Социал-Демократе» (№№ 34, 40, 41) мы приводили данные, показывающие, что люди, *боящиеся* революции, христианские попы-мещане, генеральные штабы, газеты миллионеров вынуждены констатировать признаки революционной ситуации в Европе.

Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только *опыт* развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата. Тут не может быть и речи ни вообще о каких-либо «иллюзиях», ни об их опровержении, ибо ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему перехо-

дить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении.

Никогда ни один влиятельный и ответственный социалист не смел усомниться в том, что такова именно обязанность социалистических партий, и Базельский манифест, не распространяя и не питая ни малейших «иллюзий», именно об этой обязанности социалистов говорит: возбуждать, «встряхивать» народ (а не усыплять его шовинизмом, как делают Плеханов, Аксельрод, Каутский), «использовать» кризис для «*ускорения*» краха капитализма, руководствоваться *примерами* Коммуны и октября-декабря 1905 года. Неисполнение современными партиями этой своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей роли, их переход на сторону буржуазии.

III

Но как *могло* быть, что виднейшие представители и вожди II Интернационала изменили социализму? На этом вопросе мы остановимся подробно ниже, рассмотрев сначала попытки «теоретически» оправдать эту измену. Попробуем охарактеризовать главные теории социал-шовинизма, представителями которых можно считать Плеханова (он повторяет преимущественно доводы англо-французских шовинистов, Гайндмана и его новых сторонников) и Каутского (он выдвигает доводы гораздо более «тонкие», имеющие вид несравненно большей теоретической солидности).

Едва ли не всех примитивнее теория «зачинщика». На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это—перепев заявлений всех правительств и декламаций всей буржуазной и желтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на «диалектику»: во имя учета конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы (см. брошюру Плеханова «О войне», Париж, 1914, и повторение ее рассуждений у Аксельрода в «Голосе» №№ 86 и 87). В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один

из «доводов», и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой социал-демократической печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию,—и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчет Галиции, Армении и т. д., Плеханов молчит. У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики *обеих* воюющих ныне групп держав[1].

---

[1] Крайне поучительна книга английского пацифиста Брэйлсфорда, который не прочь даже корчить из себя социалиста: «Война стали и золота» (Лондон, 1914; книга помечена мартом 1914 г.!). Автор совершенно ясно сознает, что вопросы национальные, в общем, стоят позади, уже решены (35), что дело теперь не в этом, что «типичный вопрос современной дипломатии» (36)—Багдадская дорога, поставка рельс для нее, рудники в Марокко и т. п. Одним из «поучительнейших инцидентов в новейшей истории европейской дипломатии» автор справедливо считает борьбу французских патриотов и английских империалистов против попыток Кайо (в 1911 и 1913 гг.) помириться с Германией на основе соглашения о разделе колониальных сфер влияния и о допущении германских бумаг на парижскую биржу. *Английская* и *французская* буржуазия *сорвала* такое соглашение (38—40). Цель империализма—вывоз капитала в более слабые страны (74). Прибыль от такого капитала в Англии была 90—100 милл. ф. ст. в 1899 г. (Джиффен), 140 милл. в 1909 г. (Пэйш), а Ллойд-Джордж в недавней речи считал ее, добавим от себя, в 200 милл. ф. ст., почти 2 миллиарда рублей.—Грязные проделки и подкупы турецкой знати, местечки для сынков в Индии и Египте—вот в чем суть (85—87). Ничтожное меньшинство выигрывает от вооружений и войн, но за него общество и финансисты, а за сторонниками мира раздробленное население (93). Пасифист, ныне толкующий о мире и разоружении, завтра оказывается членом партии, вполне зависимой от военных подрядчиков (161). Окажется сильнее тройственное согласие, оно возьмет Морокко и разделит Персию,—Тройственный Союз возьмет Триполи, укрепится в Боснии, подчинит себе Турцию (167). Лондон и Париж дали миллиарды России в марте 1906 г.,

В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что «*война есть просто продолжение политики другими*» (именно насильственными) «*средствами*». Такова формулировка Клаузевитца[1], одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую* войну рассматривавших как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав—и *разных классов* внутри них—в данное время.

Грубый шовинизм Плеханова стоит совершенно на той же самой теоретической позиции, как более тонкий, примирительно-слащавый шовинизм Каутского, когда сей последний освящает переход социалистов всех стран на сторону «своих» капиталистов следующим рассуждением:

Все вправе и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией... (см. «Neue Zeit», 2 октября 1914, и другие сочинения того же автора).

Это бесподобное рассуждение есть такое безгранично-пошлое издевательство над социализмом, что лучшим ответом на него было бы заказать медаль с фигурами Вильгельма II и Николая II на одной стороне, Плеханова и Каутского на

помогая царизму задавить освободительное движение (225—8); Англия помогает теперь России душить Персию (229). Россия разожгла балканскую войну (230).—Все это не ново, не правда ли? Все это общеизвестно и 1 000 раз повторялось в социал-демократических газетах всего мира? Накануне войны англичанин-буржуа яснее ясного видит это. Но каким неприличным вздором, каким непереносным лицемерием, какой слащавой ложью оказываются перед лицом этих простых и общеизвестных фактов теории Плеханова и Потресова о виновности Германии или Каутского о «перспективах» разоружения и длительного мира при капитализме!

[1] *Karl von Clausewitz:* «Vom Kriege», Werke, I Bd., S. 28. Ср. т. III, стр. 139—140: «Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств».

другой. Истинный интернационализм, видите ли, состоит в оправдании того, чтобы французские рабочие стреляли в немецких, а немецкие в французских во имя «защиты отечества»!

Но если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевитцем около 80 лет тому назад: с началом войны прекращаются исторически подготовленные политические отношения между народами и классами, наступает совершенно иное положение! «просто» нападающие и защищающиеся, «просто» отражение «врагов отечества»! Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистскими народами, конкуренция между буржуазией этих стран ради дележа добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение—это все сразу исчезло из поля зрения Плеханова и Каутского, хотя именно такую «политику» обрисовывали они сами в течение десятилетий перед войной.

Облыжные ссылки на Маркса и Энгельса составляют при этом «козырный» довод обоих главарей социал-шовинизма: Плеханов вспоминает национальную войну Пруссии в 1813 году и Германии в 1870 г., Каутский с ученейшим видом доказывает, что Маркс решает вопрос о том, успех какой стороны (т.-е. какой буржуазии) желательнее в войнах 1854—5, 1859, 1870—1, а марксисты также в войнах 1876—7 и 1897 годов. Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям. Прежние войны, на которые нам указывают, были «продолжением политики» многолетних национальных движений буржуазии, движений против чужого, инонационального, гнета и против абсолютизма (турецкого и русского). Никакого иного вопроса, кроме вопроса о предпочтительности успеха той или другой буржуазии, тогда и быть не могло; к войнам подобного типа марксисты могли *заранее звать* народы, *разжигая* национальную ненависть, как звал Маркс в 1848 г. и позже к войне с Россией, как разжигал Энгельс в 1859 году национальную ненависть немцев к их угнетателям, Наполеону III и к русскому царизму[1].

[1] Кстати г. Гарденин в «Жизни» называет «революционным шовинизмом», но все же шовинизмом со стороны Маркса, что он

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, *то-есть* империалистской, *то-есть* ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии—значит сравнивать аршины с пудами. Это похоже на сравнение «представителей буржуазии» Робеспьера, Гарибальди, Желябова с «представителями буржуазии» Мильераном, Саландрой, Гучковым. Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом. И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского, говорящих о «защите отечества» по поводу удушения немецкими империалистами Бельгии или по поводу сделки империалистов Англии, Франции, России и Италии о грабеже Австрии и Турции.

Еще одна «марксистская» теория социал-шовинизма: социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма. Такую, струвистскую, теорию развивает у нас Плеханов, у немцев Ленч и другие. Каутский спорит против этой грубой теории, против прямо защищающего ее Ленча, против прикрыто отстаивающего ее Кунова, но спорит только для того, чтобы добиться примирения социал-шовинистов всех стран на основе более тонкой, более иезуитской шовинистской теории.

стоял в 1848 г. за революционную войну против показавших себя на деле контрреволюционными народов Европы, именно: «славян и русских особенно». Такой упрек Марксу доказывает только лишний раз оппортунизм (или—а вернее *и*—полную несерьезность) сего «левого» социал-революционера. Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за *революционную* войну против *контрреволюционных* народов. Например, если социализм *победит* в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут *тогда* против нас—сначала хотя бы дипломатически—своих Бисмарков, мы будем *за* наступательную, революционную войну с ними. Вам это странно, г. Гарденин? Революционер-то вы вроде Ропшина!

Нам не приходится долго останавливаться на разборе этой грубой теории. «Критические заметки» Струве вышли в 1894 году, и за 20 лет русские социал-демократы познакомились досконально с этой «манерой» образованных русских буржуа проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма»,—*очищенного* от революционности. Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы-признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, только его революционность.

Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата. Понятно поэтому, что сознательные рабочие должны уделять громадное внимание процессу подмены марксизма струвизмом. Двигательные силы этого процесса многочисленны и разнообразны. Мы отметим только главные три. 1) Развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а якобы признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии, святую «икону». 2) Развитие оппортунизма среди социал-демократических партий поддерживает такую «переделку» марксизма, подгоняя его под оправдание всяческих уступок оппортунизму. 3) Период империализма есть раздел мира между «великими», привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепадают, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к «струвизму», ибо он дает им оправдание их союза со «своей» национальной буржуа-

зией против угнетенных масс *всех* наций. Об этом нам придется еще говорить ниже в связи с вопросом о причинах краха Интернационала.

IV

Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность, теорией социал-шовинизма является выдвинутая Каутским теория «ультраимпериализма». Вот самое ясное, самое точное и самое новое изложение ее самим автором:

«Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала,—все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новою, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» («Neue Zeit» № 5, 30-IV. 1915, стр. 144).

«...Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить слабые зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружение и стремление обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну. Тогда то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре: «Путь к власти», осуществится в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание (буквально: «отхозяйничание, Abwirtschaftung», крах) капитализма»... Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто-на-просто «вражду» к капитализму со стороны «промежуточных слоев между пролетариатом и финансовым капиталом», именно: «интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов»,.. «Но война может кончиться иначе. Она

может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма». «Ее уроки» (это заметьте!) «могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть». Новая фаза, разумеется, принесет с собой «новые бедствия» для пролетариата, «может быть еще более худшие», но «на время» «ультраимпериализм» «мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма» (стр. 145).

Каким образом выводится из этой «теории» оправдание социал-шовинизма?

Довольно странным—для «теоретика»—именно следующим образом:

Левые социал-демократы в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. «Правые» социал-демократы грубо заявляют: раз империализм «необходим», надо быть империалистами и нам. Каутский, в роли «центра», примиряет:

«Крайние левые»,—пишет он в своей брошюре: «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (Нюрнберг, 1915),—хотят «противопоставить» неизбежному империализму социализм, т.-е. «не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь *оттолкнуть всякого*, кто *не верит* в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма» (стр. 17, курсив наш).

Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский «осуществляет» передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии *немедленной* пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма».

Из необходимости империализма левые выводят необходи-

мость революционных действий. «Теория ультраимпериализма» служит Каутскому *для оправдания оппортунистов*, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто «не верят» в немедленный социализм, ожидая, что перед нами «может быть» новая «эра» разоружения и длительного мира. «Теория» сводится к тому и *только* к тому, что *надеждой* на *новую* мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов и официальных социал-демократических партий к буржуазии и их отказ от революционной (то-есть пролетарской) тактики во время *настоящей бурной эры*, вопреки торжественным заявлениям Базельской резолюции!

Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий,—а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «*осуществимости*» новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те «тенденции» к новой эре, которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит «стремления к разоружению»! Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притупления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. «Ультраимпериализм» Каутского,—это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать,—означает громадное *притупление* противоречий капитализма. «Ослабление протекционизма в Англии и Америке»—говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Америки ослаблен, но протекционизм остался, как остались и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии. Вспомним, на чем основана смена предыдущей, «мирной», эпохи капитализма современною, империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной мир поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, при чем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во *всей* данной отрасли

промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий (вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился? едва ли даже Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его), делает *невозможной* прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара *заставляет* от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за *передел* колоний и сфер влияния. Смешно и думать, что *ослабление* протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в *двух* странах за несколько лет. Эти две страны, Франция и Германия, по статистике, напр., Хармса в 1912 году, имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше[1]. Рост вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело, или чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, напр., крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

«Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала». Это—единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных «пушечных» (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, напр., Армстронга. Недавно английский «Экономист» (от 1 мая 1915) сообщал, что *прибыли* этой фирмы с 606 тысяч фунтов стерлингов (около 6 миллионов рублей) в 1905/6 г. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 *(9 миллионов рублей)*

[1] См. *Bernhard Harms*, «Probleme der Weltwirtschaft». Jena. 1912 (*Бернгард Гармс*, «Проблемы мирового хозяйства». Иена. 1912. *Ред.*). *George Paish*, «Great Britains Capital Investments in Colonies etc.», в «Journal of the Royal Statist. Soc.», vol. LXXV, 1910/11, p. 167 (*Георг Пэйш*, «Вложение английского капитала в колониях». «Журнал королевского статистического общества», том LXXV, 1910—11, стр. 167. *Ред.*). Ллойд-Джордж в речи в начале 1915 г. считал английские капиталы за границей в 4 мд. ф. ст.; т.-е. около 80 мд. марок.

в 1914 году. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает; немецкие капиталисты «участвуют» в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению—значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их.

V

Каутский говорит об «уроках» войны в совершенно филистерском духе, представляя эти уроки в смысле какого-то морального ужаса перед бедствиями войны. Вот, напр., его рассуждение в брошюре «Национальное государство» и проч.:

«Не подлежит сомнению и не требует доказательств, что есть слои, заинтересованные самым настоятельным образом в всемирном мире и разоружении. Мелкие буржуа и мелкие крестьяне, даже многие капиталисты и интеллигенты не привязаны к империализму такими интересами, которые бы были сильнее вреда, испытываемого этими слоями от войны и вооружений» (стр. 21).

Это написано в феврале 1915 года! Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции», а Каутский, точно человек в футляре, с необыкновенно самодовольным видом отмахивается от фактов посредством слащавых слов. Он судит об интересах мелкой буржуазии не по ее *поведению*, а по *словам* некоторых мелких буржуа, хотя эти слова на каждом шагу опровергаются их делами. Это совершенно то же самое, как если бы об «интересах» буржуазии вообще мы судили не по ее делам, а по любвеобильным речам буржуазных попов, которые клянутся и божатся, что современный строй пропитан идеалами христианства. Каутский применяет марксизм таким образом, что всякое содержание из него выветривается, и остается лишь словечко «интерес» в каком-то сверхъестественном, спиритуалистическом значении, ибо имеется в виду не реальная экономика, а невинные пожелания об общем благе.

Марксизм судит об «интересах» на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни. Мелкая буржуазия мечтает и болтает о притуплении противоречий, выставляя «доводы», что обострение их влечет «вредные последствия». Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их *заинтересованы* в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации[1].

Нельзя жить по-старому в сравнительно спокойной культурной, мирной обстановке плавно эволюционирующего и расширяющегося постепенно на новые страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал *вытесняет* и вытеснит данную страну из ряда великих держав, отнимет ее колонии и ее сферы влияния (как грозит сделать Германия, пошедшая войной на Англию), отнимет от мелкой буржуазии ее «великодержавные» привилегии и побочные доходы. Это факт, доказываемый войной. К этому *привело* на деле то обострение противоречий, которое всеми давно признано и в том числе тем же Каутским в брошюре «Путь к власти».

И вот, когда вооруженная борьба за великодержавные привилегии стала фактом, Каутский начинает *уговаривать*

---

[1] Э. Шульце сообщает, что к 1915 году считали сумму ценных бумаг во всем мире в 732 миллиарда франков, считая и государственные и коммунальные займы, и закладные, и акции торгово-промышленных обществ и т. д. Из этой суммы на Англию падало 130 мд. фр., на Соединенные Штаты Америки—115, на Францию—100 и на Германию—75,—следовательно, на все эти четыре великие державы 420 мд. фр., т.-е. больше половины всей суммы. Можно судить по этому, как велики выгоды и привилегии передовых, великодержавных наций, обогнавших другие народы, угнетающих и грабящих их (*Dr Emil Schultze*, «Das französische Kapital in Russland» в «Finanz Archiv», Berlin 1915, Jahrg. 32, S. 127) (*Д-р Э. Шульце*, «Французский капитал в России», «Финансовый Архив», Берлин, 1915, 32 год издания, стр. 127. *Ред.*). «Защита отечества» великодержавных наций есть защита права на добычу от грабежа чужих наций. В России, как известно, слабее капиталистический, но зато сильнее военно-феодальный империализм.

капиталистов и мелкую буржуазию, что война вещь ужасная, а разоружение вещь хорошая, совершенно так же и с совершенно такими же результатами, как христианский поп с кафедры уговаривает капиталистов, что человеколюбие есть завет бога и влечение души и моральный закон цивилизации. То, что Каутский называет экономическими тенденциями к «ультраимпериализму», на самом деле есть именно мелкобуржуазное *уговаривание* финансистов не делать зла.

Вывоз капитала? *Но* капитала вывозится больше в самостоятельные страны, напр., в Соединенные Штаты Америки, чем в колонии. Захват колоний? *Но* они уже все захвачены, и почти все стремятся к освобождению: «Индия может перестать быть английским владением, но она никогда не достанется, как цельная империя, другому чужому господству» (стр. 49 цитированной брошюры). «Всякое стремление какого-либо промышленного капиталистического государства приобрести себе колониальную империю, достаточную для того, чтобы быть независимым от заграницы в получении сырья, должно было бы объединить против него все другие капиталистические государства, запутать его в бесконечные, истощающие войны, не приводя его ближе к своей цели. Эта политика была бы вернейшим путем к банкротству всей хозяйственной жизни государства» (стр. 72—73).

Разве это не филистерское уговаривание финансистов отказаться от империализма? Пугать капиталистов банкротством это все равно, что советовать биржевикам не играть на бирже, ибо «многие теряют так все свое состояние». От банкротства конкурирующего капиталиста и конкурирующей нации капитал *выигрывает*, концентрируясь еще сильнее; поэтому, чем обостреннее и «теснее» экономическая конкуренция, т.-е. экономическое подталкивание к банкротству, тем сильнее стремление капиталистов добавить к этому *военное* подталкивание соперника к банкротству. Чем меньше осталось стран, в которые можно вывозить капитал так выгодно, как в колонии и в зависимые государства, вроде Турции,—ибо в *этих* случаях финансист берет тройную прибыль по сравнению с вывозом капитала в свободную, самостоятельную и цивилизованную страну, как Соединенные Штаты Америки,—тем *ожесточеннее* борьба за подчинение и за раздел Турции, Китая и проч. Так говорит экономическая теория об эпохе финансового капитала и империализма. Так говорят факты.

А Каутский превращает все в пошлую мещанскую «мораль»: не стоит-де особенно горячиться, а тем более воевать за раздел Турции или за захват Индии, ибо «все равно не надолго», да и лучше бы развивать капитализм по-мирному... Разумеется, еще лучше было бы развивать капитализм и расширять рынок путем увеличения заработной платы: это вполне «мыслимо», и усовещевать финансистов в этом духе— самая подходящая тема для проповеди попа... Добрый Каутский почти совсем убедил и уговорил немецких финансистов, что не стоит воевать с Англией из-за колоний, ибо эти колонии все равно очень скоро освободятся!..

Вывоз и ввоз Англии из Египта рос с 1872 по 1912 г. слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Мораль «марксиста» Каутского: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов» (72). «Стремления капитала к расширению» «*лучше всего* могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а *мирной демократией*» (70).

Какой замечательно серьезный, научный, «марксистский» анализ! Каутский великолепно «поправил» эту неразумную историю, «доказал», что англичанам вовсе не надо было отнимать у французов Египта, а немецким финансистам решительно не стоило начинать войны и организовывать турецкий поход, вместе с другими мероприятиями, для того, чтобы выгнать англичан из Египта! Все это недоразумение, не более того,—не смекнули еще англичане, что «лучше всего» отказаться от насилия над Египтом и перейти (в интересах расширения вывоза капитала *по Каутскому!*) к «мирной демократии»...

«Разумеется, это была иллюзия буржуазных фритредеров, если они думали, что свобода торговли совсем устраняет порождаемые капитализмом экономические противоречия. Ни свободная торговля, ни демократия устранить их не могут. Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти противоречия изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудящиеся массы меньше всего страданий и жертв» (73)...

Подай, господи! Господи, помилуй! Что такое филистер?— спрашивал Лассаль—и отвечал известным изречением поэта:

«филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалится».

Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп *уговаривает* капиталистов перейти к мирной демократии—и называет это диалектикой: если в начале была свободная торговля, а потом монополии и империализм, то отчего бы не быть «ультраимпериализму» и опять свободной торговле? Поп *утешает* угнетенные массы, разрисовывая блага этого «ультраимпериализма», хотя этот поп не берется даже сказать, «осуществим» ли таковой! Справедливо указывал Фейербах защищавшим религию тем доводом, что она утешает человека, на реакционное значение утешений: кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам.

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контр-революционную теорию, в самую грязную поповщину. В 1909 году, в брошюре «Путь к власти» он признает—никем не опровергнутое и неопровержимое—обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций, нового «революционного периода». Не может быть,—заявляет он,—«преждевременной» революции и объявляет «прямой изменой нашему делу» отказ считаться с возможностью победы при восстании, хотя перед борьбой нельзя отрицать и возможного поражения.

Пришла война. *Еще более* обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров. Война затягивается, и поле ее все расширяется. Каутский пишет брошюру за брошюрой, покорно следует велениям цензора, не приводит данных о грабеже земель и ужасах войны, о скандальных прибылях военных поставщиков, о дороговизне, о «военном

рабстве» мобилизованных рабочих, но зато утешает и утешает пролетариат—утешает примерами тех войн, когда буржуазия была революционна или прогрессивна, когда «сам Маркс» желал победы той или другой буржуазии, утешает рядами и столбцами цифр, доказывающих «возможность» капитализма без колоний и без грабежа, без войн и вооружений, доказывающих предпочтительность «мирной демократии». Не смея отрицать обострения бедствий масс и наступления на деле, перед нашими глазами, революционной ситуации (говорить об этом нельзя! цензура не разрешает...), Каутский лакействует перед буржуазией и перед оппортунистами, рисуя «перспективу» (за «осуществимость» ее он *не ручается*) таких форм борьбы в новой фазе, когда будет «меньше жертв и страданий»... Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (Mädchen für alle).

* * *

В августе 1905 г. в России была на-лицо революционная ситуация. Царь обещал Булыгинскую Думу, чтобы «утешить» волнующиеся массы. Булыгинский законосовещательный режим можно бы назвать «ультрасамодержавием», если можно называть «ультраимпериализмом» отказ финансистов от вооружений и соглашение между ними о «длительном мире». Допустим на минуту, что завтра сотня крупнейших финансистов мира, «переплетенных» в сотнях колоссальных предприятий, *обещают* народам стоять за разоружение после войны (мы делаем на минуту такое допущение, чтобы проследить политические выводы из глупенькой теории Каутского). Даже тогда было бы прямой изменой пролетариату отсоветовать ему революционные действия, без которых все посулы, все добрые перспективы один мираж.

Война принесла классу капиталистов не только гигантские прибыли и великолепные перспективы новых грабежей (Турция, Китай и проч.), новых миллиардных заказов, новых займов на условиях повышения процентов. Мало того. Она принесла классу капиталистов еще большие политические выгоды, расколов и развратив пролетариат. Каутский помогает этому развращению, освещает этот интернациональный *раскол* борющихся пролетариев *во имя единства* с оппортунистами

«своей» нации, Зюдекумами! И находятся люди, которые не понимают, что лозунг единства старых партий означает «единство» национального пролетариата с своей национальной буржуазией и *раскол* пролетариата разных наций...

VI

Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел в свет № «Neue Zeit» от 28 мая (№ 9) с заключительным рассуждением Каутского о «крахе социал-демократии» (§ 7 его возражения Кунову). Все старые и один новый софизм в защиту социал-шовинизма Каутский свел и подытожил сам следующим образом:

«Это просто не правда, будто война чисто империалистская, будто альтернатива при наступлении войны стояла так: империализм или социализм, будто социалистические партии и пролетарские массы Германии, Франции, во многих отношениях также Англии без размышления, по одному только призыву горстки парламентариев бросились в объятия империализма, предали социализм и вызвали таким образом беспримернейший во всей истории крах».

Новый софизм и новый обман рабочих: война, изволите видеть, не «чисто» империалистская!

По вопросу о характере и значении современной войны Каутский колеблется поразительно, при чем все время точные и формальные заявления Базельского и Хемницкого съездов обходятся сим партийным вождем так же осторожно, как вор обходит место своей последней кражи. В брошюре о «Национальном государстве и т. д.», писанной в феврале 1915 г., Каутский утверждал, что война «все же в последнем счете империалистская» (стр. 64). Теперь вносится новая оговорка: не *чисто* империалистская—а какая же еще?

Оказывается, еще—национальная! Каутский договорился до этой вопиющей вещи посредством вот какой «Плехановской» тоже-диалектики:

«Теперешняя война—детище не только империализма, но и русской революции». Он, Каутский, еще в 1904 году предвидел, что русская революция возродит панславизм в новой форме, что «демократическая Россия неизбежно должна сильно разжечь стремление австрийских и турецких славян к достижению национальной независимости... Тогда и польский

вопрос станет острым... Австрия тогда развалится, ибо с крахом царизма распадется тот железный обруч, который связывает ныне стремящиеся прочь друг от друга элементы» (последняя цитата приводится теперь самим Каутским из его статьи 1904 года)... «Русская революция... дала новый могучий толчок национальным стремлениям Востока, прибавила к европейским проблемам азиатские. *Все эти проблемы* во время *теперешней* войны бурно заявляют о себе и приобретают сугубо решающее значение для настроения *народных* масс, в том числе *и пролетарских*, тогда как в господствующих классах преобладают империалистские тенденции» (стр. 273; курсив наш).

Вот вам еще образчик проституирования марксизма! *Так как* «демократическая Россия» разожгла бы стремление наций на Востоке Европы к свободе (это неоспоримо), *поэтому* теперешняя война, которая ни одной нации не освобождает, а при всяком исходе многие нации порабощает, не есть «чисто» империалистская война. *Так как* «крах царизма» означал бы распад Австрии в силу недемократичности ее национального строения, *поэтому* временно окрепший контрреволюционный царизм, грабя Австрию и неся *еще большее* угнетение нациям Австрии, придал «теперешней войне» не чисто империалистский, а в известной мере национальный характер. *Так как* «господствующие классы» надувают тупых мещан и забитых крестьян сказками о национальных целях империалистской войны, *поэтому* человек науки, авторитет «марксизма», представитель II Интернационала вправе примирять массы с этим надувательством посредством «формулы»: у господствующих классов империалистские тенденции, а у «народа» и у пролетарских масс «национальные» стремления.

Диалектика превращается в самую подлую, самую низменную софистику!

Национальный элемент в теперешней войне представлен *только* войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии). Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «национальных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т.-е. не связана с обще-европейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все

социалисты *обязаны* были бы желать успеха сербской *буржуазии*—это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне. Но софист Каутский, находящийся ныне в услужении у австрийских буржуа, клерикалов и генералов, этого вывода как раз не делает!

Далее. Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то-есть однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны *никакого* серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь. Если победит Германия, она задушит Бельгию, еще часть Польши, может быть часть Франции и пр. Если победит Россия, она задушит Галицию, еще часть Польши, Армению и т. д. Если будет «ничья», останется старое национальное угнетение. Для Сербии, то-есть какой-нибудь сотой доли участников теперешней войны, война является «продолжением политики» буржуазно-освободительного движения. Для $^{99}/_{100}$ война есть продолжение политики империалистской, т.-е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций. Тройственное согласие, «освобождая» Сербию, *продает* интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии.

Все это общеизвестно, и все это бессовестно извращено Каутским ради оправдания оппортунистов. «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может—об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть *примеси* то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь. Поэтому вспоминать о том, что война не «чисто» империалистическая, когда речь идет о вопиющем обмане «народных масс» империалистами, заведомо прикрывающими цели голого грабежа «национальной» фразеологией,—значит быть бесконечно тупым педантом или крючкотвором и обманщиком. Вся суть дела именно в том, что Каутский *поддерживает* обман народа империалистами, когда говорит, что «для народных масс, и пролетарских в том числе, решающее значение имели» национальные

проблемы, *а* для господствующих классов «империалистические тенденции» (стр. 273), и когда «подкрепляет» это якобы-диалектической ссылкой на «бесконечно разнообразную действительность» (стр. 274). Несомненно, действительность бесконечно разнообразна, это—святая истина! Но так же несомненно, что в этом бесконечном разнообразии две главные и коренные струи: объективное содержание войны есть «продолжение политики» империализма, то-есть грабежа одряхлевшею буржуазией «великих держав» (и их правительствами) чужих наций, «субъективная» же преобладающая идеология есть «национальные» фразы, распространяемые для одурачения масс.

Старый софизм Каутского, повторяемый им снова, будто «левые» изображали дело так, что альтернатива стояла «при наступлении войны»: империализм или социализм, мы уже разбирали. Это бесстыдная передержка, ибо Каутский прекрасно знает, что левые ставили *иную* альтернативу: присоединение партии к империалистскому грабежу и обману или проповедь и подготовка революционных действий. Каутский знает также, что *только* цензура защищает его от разоблачения «левыми» в Германии вздорной сказки, распространяемой им из лакейства перед Зюдекумами.

Что же касается до отношения между «пролетарскими массами» и «горсткой парламентариев», то здесь Каутский выдвигает одно из самых избитых возражений:

«Оставим в стороне немцев, чтобы не защищать самих себя; но кто захотел бы серьезно утверждать, что такие люди, как Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов, в один день сделались империалистами и предали социализм? Оставим в стороне парламентариев и «инстанции»»... (Каутский намекает явно на журнал Розы Люксембург и Фр. Меринга «Интернационал», где осыпают заслуженным презрением политику инстанций, т.-е. официальных верхов германской социал-демократической партии, ее Ц. К.—«Vorstand'а», ее парламентской фракции и т. д.)—...«Но кто решится утверждать, что для 4 миллионов сознательных немецких пролетариев достаточно одного приказа горстки парламентариев, чтобы в 24 часа повернуть направо кругом, прямо против своих прежних целей? Если бы это было верно, тогда это свидетельствовало бы, конечно, об ужасном крахе, но не только нашей партии, а и *массы* (курсив Каутского). Если бы масса была таким

бесхарактерным стадом овец, тогда мы могли бы дать себя похоронить» (стр. 274).

Политически и научно авторитетнейший Карл Каутский уже похоронил себя своим поведением и подбором жалких увертюк. Кто не понимает или, по крайней мере, не чувствует этого, тот безнадежен в отношении социализма, и именно поэтому единственно правильный тон взяли в «Интернационале» Меринг, Роза Люксембург и их сторонники, третируя Каутского и К⁰, как самых презренных субъектов.

Подумайте только: об отношении к войне *могли* высказаться сколько-нибудь свободно (т.-е. не будучи прямо схвачены и отведены в казарму, не стоя пред непосредственнейшей угрозой расстрела) *исключительно* «горстка парламентариев» (они голосовали свободно, по праву, они вполне могли голосовать против—за это даже в России не били, не громили, даже не арестовывали), горстка чиновников, журналистов и т. д. Теперь Каутский благородно сваливает на *массы* измену и бесхарактерность этого общественного *слоя*, о *связи* которого с тактикой и идеологией оппортунизма тот же самый Каутский писал десятки раз в течение ряда лет! Самое первое и основное правило научного исследования вообще, Марксовой диалектики в особенности требует от писателя рассмотрения *связи* теперешней борьбы *направлений* в социализме—того направления, которое говорит и кричит об измене, бьет в набат по поводу нее, и того, которое измены не видит,—с той борьбой, которая шла перед этим *целые десятилетия*. Каутский и не заикается об этом, не хочет даже поставить вопроса о направлениях и *течениях*. До сих пор были течения, теперь их более нет! Теперь есть только громкие имена «авторитетов», которыми всегда и козыряют лакейские души. Особенно удобно при этом ссылаться друг на друга и приятельски покрывать свои «грешки» по правилу: рука руку моет. Ну, какой же это оппортунизм,—восклицал Л. Мартов на реферате в Берне (см. № 36 «Социал-Демократа»), когда... Гэд, Плеханов, Каутский! Надо быть поосторожнее с обвинением в оппортунизме таких людей, как Гэд,—писал Аксельрод («Голос» № 86 и 87). Не буду защищать себя,—вторит в Берлине Каутский,—но... Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов! Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

В пылу лакейского усердия Каутский дописался до того,

что даже у Гайндмана поцеловал ручку, изобразив его только день тому назад ставшим на сторону империализма. А в том же «Neue Zeit» и в десятках социал-демократических газет всего мира об империализме Гайндмана писали уже *много лет!* Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им *лиц*, он должен бы припомнить, не было ли в этой биографии таких черточек и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготовляли переход к империализму, не бывал ли Вальян в плену у жоресистов, а Плеханов у меньшевиков и ликвидаторов? не умирало ли у всех на глазах *направление* Гэда в образцово-безжизненном, бездарном, неспособном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гэдистском журнале «Социализм»? не проявлял ли Каутский (добавим для тех, кто и его ставит—вполне справедливо—рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о мильеранизме, в начале борьбы с бернштейниадой и т. д.?

Но ни малейшей даже тени интереса к научному исследованию биографии данных вождей мы не видим. Нет и попытки рассмотреть, *своими* ли доводами защищают теперь себя эти вожди или повторением доводов оппортунистов и буржуа? Приобрели ли серьезное политическое значение поступки этих вождей вследствие их особой влиятельности или вследствие того, что они присоединились к чужому, действительно «влиятельному» и поддержанному военной организацией течению, именно буржуазному? У Каутского нет даже приступа к исследованию вопроса; он заботится о том, чтобы пустить пыль в глаза массам, оглушить их звоном авторитетных имен, помешать им ясно поставить спорный вопрос и всесторонне разобрать его[1].

[1] Ссылка Каутского на Вальяна и Гэда, Гайндмана и Плеханова характерна еще в одном отношении. Откровенные империалисты, вроде Ленча и Гениша (не говоря уже об оппортунистах), ссылаются именно на Гайндмана и Плеханова в оправдание *своей* политики. И они *вправе* ссылаться на них, они говорят *правду* в том отношении, что это действительно одна и та же политика. Каутский же с пренебрежением говорит о Ленче и Генише, этих радикалах, повернувших к империализму. Каутский благодарит бога, что он не похож на этих мытарей, что он не согласен с ними, что он остался революционером—не шутите! А *на деле* позиция Каутского такая же. Лицемерный шовинист Каутский, с слащавыми фразами, гораздо омерзительнее простоватых шовинистов Давида и Гейне, Ленча и Гениша.

«...4-х-миллионная масса по приказу горстки парламентариев повернула направо кругом»...

Тут что ни слово, то неправда. В партийной организации у немцев было не 4, а 1 миллион, при чем единую волю этой организации масс (как и всякой организации) выражал *только* ее единый политический центр, «горстка», которая предала социализм. Эту горстку спрашивали, призывали голосовать, она могла голосовать, могла писать статьи и т. д. Массы же не были опрошены. Им не только не позволяли голосовать, их разъединяли и гнали «*по приказу*» вовсе не горстки парламентариев, а по приказу военных властей. Военная организация была налицо, в *ней* измены вождей не было, она призывала «массу» *по одиночке*, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей) или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания *новой* организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию.

Каутский старается побить своих противников, левых, приписывая им бессмыслицу: будто бы они ставят вопрос так, что «в ответ» на войну «массы» должны были «в 24 часа» сделать революцию, ввести «социализм» против империализма, иначе «массы» проявили бы «бесхарактерность и измену». Ведь это же просто вздор, которым до сих пор «побивали» революционеров составители безграмотных буржуазных и полицейских книжонок и которым теперь щеголяет Каутский. Левые противники Каутского отлично знают, что революцию нельзя «сделать», что революции *вырастают* из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории, что массы без организации лишены единой воли, что борьба с сильной, террористической, военной организацией централизованных государств—трудное и длительное дело. Массы *не могли* при измене их вождей в критическую минуту сделать ничего; а «горстки» этих вождей *вполне могли* и должны были голосовать против кредитов, выступать против «гражданского мира» и оправдания войны, высказываться за поражение *своих* правительств, налаживать международный аппарат для пропаганды братанья

в траншеях, организовывать нелегальную литературу[1], проповедующую необходимость перехода к революционным действиям, и т. д.

Каутский превосходно знает, что «левые» в Германии имеют в виду именно такие или вернее *подобные* действия, и что *прямо*, открыто говорить о них они при военной цензуре не в состоянии. Желание во что бы то ни стало защитить оппортунистов доводит Каутского до беспримерной подлости, когда, прячась за спину военных цензоров, он приписывает левым явный вздор в уверенности, что цензора защитят его от разоблачения.

VII

Серьезный научный и политический вопрос, который Каутский сознательно, путем всяческих уловок, обходил, доставляя этим громадное удовольствие оппортунистам, состоит в том, как *могли* виднейшие представители II Интернационала изменить социализму?

Вопрос этот мы должны ставить, разумеется, не в смысле личной биографии таких-то авторитетов. Будущие их биографы должны будут разобрать дело и с этой стороны, но социалистическое движение заинтересовано сейчас вовсе не в этом, а в изучении исторического происхождения, условий, значения и силы социал-шовинистского *течения*. 1) Откуда взялся социал-шовинизм? 2) что дало ему силу? 3) как с ним бороться? Только такая постановка вопроса серьезна, а перенесение дела на «личности» означает на практике простую увертку, уловку софиста.

Для ответа на первый вопрос надо рассмотреть, во-1-х, не стоит ли идейно-политическое содержание социал-шовинизма *в связи* с каким-либо прежним течением в социализме?

---

[1] Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть *все* социал-демократические газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал «Vorwärts», было подлостью и трусостью. «Vorwärts» *политически* умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и *не социал-демократические*, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. *не политические газеты*. Нелегальная социал-демократическая литература с *оценкой* войны и легальная рабочая *без такой оценки*, не говорящая неправды, но молчащая о правде,—почему бы это было невозможно?

во-2-х, в каком отношении находится, с точки зрения фактических политических делений, теперешнее деление социалистов на противников и защитников социал-шовинизма к прежним, исторически предшествующим, делениям?

Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это—*одно и то же* течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—15 года и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя притом к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием: это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переметывание многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего, национального, капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за *привилегии* великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса—вот естественное продолжение мелко-буржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот эко-

номическая основа социал-империализма наших дней[1]. И, разумеется, сила привычки, рутина сравнительно «мирной» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них—все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих и оппортунизм и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила, так сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив.

---

[1] Несколько примеров того, как империалисты и буржуа высоко ценят значение «великодержавных» и национальных привилегий для раскалывания рабочих и отвлечения их от социализма. Английский империалист Люкас в сочинении: «Великий Рим и Великая Британия» (Оксфорд 1912) признает неполноправие краснокожих в современной Британской империи (стр. 96—97) и замечает «в нашей Империи, когда белые рабочие работают рядом с краснокожими, они работают не как товарищи, а белый рабочий является скорее надсмотрщиком краснокожего» (98).—Эрвин Бельгер, бывший секретарь имперского союза против социал-демократов, в брошюре: «Социал-демократия после войны» (1915) хвалит поведение социал-демократов, заявляя, что они должны стать «чисто рабочей партией» (43), «национальной», «немецкой рабочей партией» (45) без «интернациональных, утопических», «революционных» идей (44).—Немецкий империалист Сарториус фон Вальтерсхаузен в сочинении о помещении капитала за границей (1907) порицает немецких социал-демократов за игнорирование «национального блага» (438)—состоящего в захвате колоний—и хвалит английских рабочих за их «реализм», напр., за их борьбу против иммиграции.—Немецкий дипломат Рюдорфер в книге об основах мировой политики подчеркивает общеизвестный факт, что интернационализация капитала нисколько не устраняет обостренной борьбы национальных капиталов за власть, влияние, за «большинство акций» (161), и отмечает, что эта обостренная борьба втягивает рабочих (175). Книга помечена октябрем 1913 г., и автор с полнейшей ясностью говорит об «интересах капитала» (157), как причине современных войн, о том, что вопрос о «национальной тенденции» становится «гвоздем» социализма (176), что правительствам нечего бояться интернационалистских манифестаций социал-демократов (177), которые на деле становятся все национальнее (103, 110, 176). Международный социализм победит, если вырвет рабочих из-под влияния национальности, ибо одним насилием ничего не сделаешь, но он потерпит поражение, если национальное чувство возьмет верх (173—174).

Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва *по-прежнему* внутри социалистических партий стало невозможным.

Люди, не хотящие видеть самой тесной и неразрывной связи социал-шовинизма с оппортунизмом, ловят отдельные случаи и «казусы»—такой-то, де, оппортунист стал интернационалистом, а такой-то радикал—шовинистом. Но это—прямо-таки не серьезный довод в вопросе о развитии *течений*. Во-1-х, экономическая основа шовинизма и оппортунизма в рабочем движении одна и та же: союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегий «своего» национального капитала против массы пролетариев, массы трудящихся и угнетенных вообще. Во-2-х, идейно-политическое содержание обоих течений одно и то же. В-3-х, в общем и целом старое, свойственное эпохе II Интернационала (1889—1914), деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное *соответствует* новому делению на шовинистов и интернационалистов.

Чтобы убедиться в верности этого последнего положения, надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о *массовых* явлениях, а не об единичных случаях. Возьмите 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Францию, Бельгию. В 8 первых странах новое деление социалистов (по интернационализму) соответствует старому (по оппортунизму): в Германии крепость оппортунизма, журнал «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte»), стала крепостью шовинизма. Идеи интернационализма поддержаны крайними левыми. В Англии в Британской Социалистической Партии около $^3/_7$ интернационалистов (66 голосов за интернациональную резолюцию против 84, по последним подсчетам), а в *блоке* оппортунистов (Рабочая Партия + Фабианцы + Независимая Рабочая Партия) *менее* $^1/_7$ интернационалистов[1]. В России основное ядро

[1] Обычно сравнивают *одну* «Независимую Рабочую Партию» с «Британской Социалистической Партией». Это неправильно. Надо брать не организационные формы, а суть дела. Возьмите ежедневные газеты: их было *две*—одна («Daily Herald») у Британской Социалистической Партии, другая («Daily Citizen») у блока оппортунистов. Ежедневные газеты выражают фактическую работу пропаганды, агитации, организации.

оппортунистов, ликвидаторская «Наша Заря», стало основным ядром шовинистов. Плеханов с Алексинским более шумят, но мы знаем хотя бы по опыту пятилетия 1910—1914, что они неспособны вести систематическую пропаганду в массах в России. Основное ядро интернационалистов в России—«правдизм» и Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция, как представитель передовых рабочих, воссоздавших партию в январе 1912 года.

В Италии партия Биссолати и К°, чисто оппортунистическая, стала шовинистской. Интернационализм представлен *рабочей* партией. *Массы* рабочих за эту партию; оппортунисты, парламентарии, мелкие буржуа за шовинизм. В Италии можно было в течение ряда месяцев свободно делать выбор, и выбор сделан был не случайно, а сообразно с различием классового положения массовика-пролетария и мелко-буржуазных слоев.

В Голландии оппортунистическая партия Трульстры мирится с шовинизмом вообще (не надо давать себя в обман тем, что в Голландии мелкие буржуа, как и крупные, особенно ненавидят Германию, способную скорее всего «проглотить» их). Последовательных, искренних, горячих, убежденных интернационалистов дала марксистская партия с Гортером и Паннекуком во главе. В Швеции оппортунистский вождь Брантинг возмущается обвинением немецких социалистов в измене, а вождь левых Хёглунд заявляет, что среди его сторонников есть люди, которые именно так смотрят (см. «Социал-Демократ» № 36). В Болгарии противники оппортунизма, «тесняки», печатно обвиняют германских социал-демократов в своем органе («Новом Времени») в «сотворении пакости». В Швейцарии сторонники оппортуниста Грейлиха склонны оправдывать немецких социал-демократов (см. их орган, цюрихское «Народное Право»), а сторонники гораздо более радикального Р. Гримма создали из бернской газеты («Berner Tagwacht») орган немецких левых. Исключением являются только две страны из 10, Франция и Бельгия, при чем и здесь мы наблюдаем собственно не отсутствие интернационалистов, а чрезмерную (отчасти по причинам вполне понятным) слабость и придавленность их; не забудем, что сам Вальян признавался в «L'Humanité» в получении им от своих читателей писем интернационалистского направления, из коих он *ни одного* не напечатал полностью!

В общем и целом, если брать течения и направления, нельзя

не признать, что именно оппортунистское крыло европейского социализма предало социализм и ушло к шовинизму. Откуда взялась его сила, его кажущееся всесилие в официальных партиях? Каутский, который очень хорошо умеет ставить исторические вопросы, особенно когда речь идет о древнем Риме и тому подобных, не слишком близких к живой жизни материях,—теперь, когда дело коснулось его самого, лицемерно прикидывается, будто не понимает этого. Но дело яснее ясного. Гигантскую силу оппортунистам и шовинистам дал *их союз* с буржуазией, правительствами и генеральными штабами. У нас в России очень часто забывают об этом и смотрят на дело так, что оппортунисты—*часть* социалистических партий, что всегда были и будут два крайние крыла в этих партиях, что все дело в избежании «крайностей» и т. д., и т. п., как пишут во всех филистерских прописях.

В действительности формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям нисколько не устраняет того, что они являются—объективно—политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении. Когда геростратовски знаменитый оппортунист Зюдекум наглядно продемонстрировал эту социальную, классовую истину, многие добрые люди ахнули. Французские социалисты и Плеханов стали показывать пальцами на Зюдекума,—хотя стоило бы Вандервельду, Самба и Плеханову взглянуть в зеркало, чтобы увидать *именно Зюдекума*, с чуточку иным национальным обличием. Немецкие цекисты («Vorstand»), которые хвалят Каутского и которых хвалит Каутский, поспешили осторожно, скромно и вежливо заявить (не называя Зюдекума), что они «несогласны» с линией Зюдекума.

Это смешно, ибо на деле в практической политике германской социал-демократической партии один Зюдекум оказался в решающий момент сильнее сотни Гаазе и Каутских (как одна «Наша Заря» сильнее всех течений Брюссельского блока, боящихся раскола с ней).

Почему? Да именно потому, что за спиной Зюдекума стоит буржуазия, правительство и генеральный штаб великой державы. Политику Зюдекума они поддерживают тысячами способов, а политику его противников пресекают всеми средствами вплоть до тюрьмы и расстрела. Голос Зюдекума разносится буржуазной печатью в миллионах экземпляров

газет (как и голос Вандервельда, Самба, Плеханова), а голоса его противника *нельзя* услышать в легальной печати, ибо на свете есть военная цензура!

Все соглашаются, что оппортунизм—не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи. Но не все вдумываются в значение этой истины. Оппортунизм выращен легализмом. Рабочие партии эпохи 1889—1914 годов должны были использовать буржуазную легальность. Когда наступил кризис, надо было перейти к нелегальной работе (а такой переход невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей). Чтобы помешать этому переходу, достаточно *одного* Зюдекума, ибо за него весь «старый мир», говоря историко-философски,—ибо он, Зюдекум, всегда выдавал и всегда выдаст буржуазии все военные планы ее классового врага, говоря практически-политически.

Это—факт, что вся немецкая социал-демократическая партия (и то же относится к французам *и т. д.*) делает *только* то, что приятно Зюдекуму, или что может быть терпимо Зюдекумом. Ничего иного *нельзя* делать легально. Все, что делается *честного*, действительно социалистического, в германской социал-демократической партии, делается *против* ее центров, *в обход* ее Ц. К. и ее Ц. О., делается *с нарушением* организационной дисциплины, делается *фракционно* от имени анонимных новых центров новой партии, как анонимно, напр., воззвание немецких «левых», напечатанное в «Berner Tagwacht» от 31 мая т. г. Фактически растет, крепнет, организуется *новая* партия, действительно рабочая, действительно революционно-социал-демократическая, а не старая, гнилая, национал-либеральная партия Легина-Зюдекума-Каутского-Гаазе-Шейдемана и К[0][1].

---

[1] Крайне характерно то, что произошло перед историческим голосованием 4-го августа. Официальная партия набросила на это покрывало казенного лицемерия: большинство решило и все голосовали, как один человек, *за*. Но Штребель в журнале «Die Internationale» разоблачил лицемерие и рассказал правду. В социал-демократической фракции было *две* группы, пришедшие с готовым *ультиматумом*, т. е. с фракционным, т. е. с раскольническим решением. Одна группа, оппортунистов около 30 человек, решила—*во всяком случае* голосовать *за*; другая, левая, около 15 человек, решила—менее твердо—голосовать против. Когда не имеющий

Поэтому такую глубокую историческую правду выболтал нечаянно оппортунист Monitor в консервативном «Прусском Ежегоднике», когда заявил, что оппортунистам *(читай: буржуазии)* вредно было бы, если бы теперешняя социал-демократия *поправела*,—ибо тогда рабочие ушли бы от нее. Оппортунистам (и буржуазии) нужна именно теперешняя партия, *соединяющая* правое и левое крыло, официально представляемая Каутским, который все на свете сумеет примирить гладкими и «совсем-марксистскими» фразами. На словах социализм и революционность—для народа, для массы, для рабочих; на деле—зюдекумовщина, т. е. присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Мы говорим: *всякого* кризиса, ибо не только по случаю войны, но и по случаю всякой серьезной политической стачки и «феодальная» Германия, и «свободно-парламентарная» Англия или Франция *немедленно* введут, под тем или иным названием, военные положения. В этом не может сомневаться ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти.

Отсюда вытекает ответ на поставленный выше вопрос: как бороться с социал-шовинизмом? Социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепнувший и обнаглевший за длинную эпоху сравнительно «мирного» капитализма, настолько определившийся идейно-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что *нельзя* мириться с нахождением *такого течения внутри* социал-демократических рабочих партий. Если можно еще мириться с тонкими и слабыми подошвами, когда ходить приходится по культурным тротуарам маленького провинциального города, то нельзя обойтись без толстых подбитых гвоздями подошв, идя в горы. Социализм в Европе вышел из стадии сравнительно мирной и ограниченной тесными национальными пределами. Он вошел с войной 1914/5 г.г. в стадию революционных действий, и полный разрыв с оппортунизмом, изгнание его из рабочих партий назрели безусловно.

Разумеется, из этого определения задач, которые ставит перед социализмом новая эпоха его мирового развития, не

никакой твердой позиции «центр» или «болото» голоснул с оппортунистами, левые оказались разбитыми на голову и... подчинились! «Единство» германской социал-демократии есть сплошное лицемерие, прикрывающее фактически неизбежное подчинение ультиматумам оппортунистов.

вытекает еще непосредственно, с какой именно быстротой и в каких именно формах пойдет в отдельных странах процесс отделения рабочих революционно-социал-демократических партий от мелко-буржуазно-оппортунистических. Но отсюда вытекает необходимость ясно сознать, что такое отделение неизбежно, и именно под этим углом зрения направлять всю политику рабочих партий. Война 1914/5 г.г. есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму *не может* остаться старым. Нельзя сделать небывшим того, что было, нельзя вычеркнуть ни из сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих партий, которые перешли на сторону буржуазии. Оппортунизм—если говорить в общеевропейском масштабе—был, так сказать, в юношеском состоянии до войны. С войной он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять «невинным» и юным. Созрел целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который *сросся* со своей национальной буржуазией и которого вполне сумела оценить и «приспособить» эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя—можно и должно безбоязненно итти вперед, от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом, организаций рабочего класса к революционным, умеющим *не* ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неправильно смотрят на дело те, кто ослепляет свое сознание и сознание рабочих вопросом, как быть с такими-то виднейшими авторитетами II Интернационала, с Гэдом, Плехановым, Каутским и т. д. В действительности тут нет никакого вопроса: если эти лица не поймут новых задач, им придется остаться в стороне или пребывать в плену у оппортунистов, в каком они находятся в данное время. Если эти лица освободятся из «плена», едва ли встретятся *политические* препятствия к их возвращению в лагерь революционеров. Во всяком случае нелепо заменять вопрос о борьбе течений и смене эпох рабочего движения вопросом о роли отдельных лиц.

VIII

Легальные массовые организации рабочего класса являются едва ли не важнейшим отличительным признаком социалистических партий эпохи II Интернационала. В германской партии они были всего сильнее, и здесь война 1914/5 г. создала перелом всего более острый, поставила вопрос всего более ребром. Ясно, что переход к революционным действиям означал роспуск легальных организаций полицией, и старая партия, от Легина до Каутского включительно, принесла в жертву революционные цели пролетариата сохранению теперешних легальных организаций. Сколько бы ни отрицали этого, факт на-лицо. За чечевичную похлебку теперешним полицейским законом разрешенных организаций продали право пролетариата на революцию.

Возьмите брошюру Карла Легина, вождя социал-демократических профессиональных союзов Германии: «Почему чиновники профессиональных союзов должны принимать больше участия во внутренней жизни партии?» (Берлин, 1915). Это—доклад, прочтенный автором 27 января 1915 г. перед собранием чиновников профессионального движения. Легин прочитал в своем докладе и перепечатал в брошюре один интереснейший документ, который иначе никогда не пропустила бы военная цензура. Этот документ—так называемый «материал для референтов округа Нидербарним» (предместья Берлина)—есть изложение взглядов левых немецких социал-демократов, их протест против партии. Революционные социал-демократы—говорится в этом документе—не предвидели и не могли предвидеть одного фактора, именно:

«Что вся организованная сила германской социал-демократической партии и профессиональных союзов встала на сторону ведущего войну правительства, вся эта сила была употреблена в целях подавления революционной энергии масс» (стр. 34 брошюры Легина).

Это—безусловная правда. Правда и следующее утверждение того же документа:

«Голосование социал-демократической фракции 4-го августа означало, что другой взгляд, даже если бы он глубоко коренился в массах, мог бы проложить себе дорогу только не под руководством испытанной партии, а лишь против воли партийных инстанций, лишь под условием преодоле-

ния сопротивления партии и профессиональных союзов» (Там же).

Это безусловная истина.

«Если бы социал-демократическая фракция 4-го августа выполнила свой долг, тогда, вероятно, внешняя форма организации была бы уничтожена, но дух остался бы, тот дух, который одушевлял партию во время исключительного закона и помог ей преодолеть все трудности» (Там же).

В брошюре Легина отмечается, что та компания «вождей», которую он собрал слушать свой доклад и которая называется руководителями, чиновниками профессиональных союзов, *хохотала*, слушая это. Им *смешна* мысль о том, что можно и должно создать нелегальные (как при исключительном законе) революционные организации в момент кризиса. А Легин, как вернейший сторожевой пес буржуазии, бил себя в грудь и восклицал:

«Это—явно анархическая мысль: взорвать организации, чтобы вызвать решение вопроса массами. Для меня нет никакого сомнения, что эта идея анархическая».

«Верно!» кричали хором (там же, стр. 37) лакеи буржуазии, именующие себя вождями социал-демократических организаций рабочего класса.

Поучительная картина. Люди развращены и отуплены буржуазной легальностью до того, что не могут даже *понять* мысли о необходимости *других* организаций, *нелегальных*, для руководства революционной борьбой. Люди дошли до того, что вообразили себе, будто легальные союзы, по полицейским разрешениям существующие, есть предел, его же не прейдеши,—будто мыслимо вообще *сохранение* таких союзов в эпоху кризиса, как *руководящих* союзов! Вот вам живая диалектика оппортунизма: простой рост легальных союзов, простая привычка туповатых, но добросовестных филистеров ограничиваться ведением конторских книг, привели к тому, что в момент кризиса эти добросовестные мещане оказались предателями, изменниками, *душителями* революционной энергии масс. И это не случайность. Перейти к революционной организации необходимо, этого требует изменившаяся историческая ситуация, этого требует эпоха революционных действий пролетариата,—но переход этот возможен только *через головы* старых вождей, душителей революционной энергии, *через голову* старой партии, путем *разрушения* ее.

А контр-революционные мещане, разумеется, вопят: «анархизм!»—как оппортунист Эд. Давид вопил об «анархизме», разнося Карла Либкнехта. Честными социалистами остались, видимо, в Германии лишь те вожди, которых оппортунисты бранят за анархизм...

Возьмем современное войско. Вот—один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она—*гибка,* умея вместе с тем миллионам людей давать *единую волю.* Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам, в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации—и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям летчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы.

То же самое относится к борьбе рабочего класса против буржуазии. Сегодня нет на-лицо революционной ситуации, нет условий для брожения в массах, для повышения их активности, сегодня тебе дают в руки избирательный бюллетень—бери его, умей организоваться для того, чтобы бить им своих врагов, а не для того, чтобы проводить в парламент на теплые местечки людей, цепляющихся за кресло из боязни тюрьмы. Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку,—бери эти оружия смерти и разрушения, не слушай сантиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что *должно* быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса, и, если в массах нарастает злоба и отчаяние, если на-лицо революционная ситуация, готовься создать новые организации и *пустить в ход* столь полезные орудия смерти и разрушения *против своего* правительства и *своей* буржуазии.

Это не легко, слов нет. Это потребует трудных подгото-

вительных действий. Это потребует тяжелых жертв. Это—*новый* вид организации и борьбы, которому тоже *надо научиться*, а наука не дается без ошибок и поражений. Этот вид классовой борьбы относится к участию в выборах, как штурм относится к маневрам, маршам или к лежанию в траншеях. Этот вид борьбы становится в истории на очередь дня *очень не часто*,—зато его значение и его последствия простираются на десятилетия. *Те дни*, когда можно и должно поставить в порядке борьбы *такие* приемы ее, равняются *20-тилетиям* других исторических эпох.

...Сопоставьте с К. Легиным К. Каутского:

«Пока партия была мала,—пишет он,—всякий протест против войны действовал в пропагандистском отношении, как мужественный поступок... поведение русских и сербских товарищей в последнее время встретило всеобщее признание. Чем сильнее становится партия, тем больше переплетаются в мотивах ее решений пропагандистские соображения с учетом практических последствий, тем труднее становится отдать должное в равной мере мотивам обоего рода, а между тем нельзя пренебрегать ни теми, ни другими. Поэтому, чем сильнее мы становимся, тем легче возникают разногласия между нами при всякой новой, сложной ситуации» («Интернациональность и война», стр. 30).

От Легиновских рассуждений эти рассуждения Каутского отличаются только лицемерием и трусостью. Каутский, по сути дела, поддерживает и оправдывает подлое отречение Легинов от революционной деятельности, но делает это исподтишка, не высказываясь определенно, отделываясь намеками, ограничиваясь поклонами и в сторону Легина, и в сторону революционного поведения русских. Такое отношение к революционерам мы, русские, привыкли встречать только у либералов: либералы всегда готовы признать «мужество» революционеров, но вместе с тем ни за что не откажутся они от своей архи-оппортунистической тактики. Революционеры, уважающие себя, не примут «выражения признательности» от Каутского, а отвергнут с негодованием подобную постановку вопроса. Если на-лицо не было революционной ситуации, если не обязательно было проповедывать революционные действия, тогда поведение русских и сербов *неверно*, тогда их тактика неправильна. Пусть же такие рыцари, как Легин и Каутский, имеют хоть мужество своего мнения, пусть скажут это прямо.

Если же заслуживает «признания» тактика русских и сербских социалистов, тогда непозволительно, преступно оправдывать *противоположную* тактику «сильных» партий, немецкой и французской и т. д. Посредством намеренно неясного выражения: «практические последствия», Каутский *прикрыл* ту простую истину, что большие и сильные партии *испугались* роспуска их организаций, захвата их касс, ареста их вождей правительством. Это значит, что Каутский оправдывает измену социализму соображением о неприятных «практических последствиях» революционной тактики. Разве это не простит-уирование марксизма?

Нас арестовали бы—заявил, говорят, на рабочем собрании в Берлине один из голосовавших 4-го августа за кредиты социал-демократических депутатов. А рабочие кричали ему в ответ: «ну, что же тут было бы дурного?»

Если нет другого *сигнала* для передачи рабочим массам и Германии *и Франции* революционного настроения и мысли о необходимости готовить революционные действия, то арест депутата за смелую речь сыграл бы полезную роль, как призывный клич для *объединения* в революционной работе пролетариев разных стран. Такое объединение *нелегко:* тем обязательнее было именно стоящим наверху, видящим всю политику, депутатам *взять на себя почин.*

Не только при войне, но, безусловно, при всяком обострении политического положения, не говоря уже о каких-либо революционных действиях масс, правительство *самой свободной* буржуазной страны всегда будет грозить распущением легальных организаций, захватом касс, арестом вождей и прочими такого же рода «практическими последствиями». Как же быть? Оправдывать ли на этом основании оппортунистов, как делает Каутский? Но это значит освящать превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии.

Для социалиста вывод может быть только один: чистый легализм, только-легализм «европейских» партий изжил себя и превратился, в силу развития капитализма доимпериалистической стадии, в основу буржуазной рабочей политики. Необходимо дополнить его созданием нелегальной базы, нелегальной организации, нелегальной социал-демократической работы, не сдавая при этом ни единой легальной позиции. *Как* именно это сделать,—покажет опыт, была бы охота всту-

пить на этот путь, было бы сознание необходимости его. Революционные социал-демократы России в 1912—14 г.г. показали, что эта задача разрешима. Рабочий депутат Муранов, лучше других державшийся на суде и отправленный царизмом в Сибирь, показал наглядно, что кроме парламентаризма *министериабельного* (от Гендерсона, Самба, Вандервельда до Зюдекума и Шейдемана, которые тоже «министериабельны» вполне и вполне, их только дальше передней не пускают!) есть еще парламентаризм *нелегальный и революционный*. Пусть Коссовские и Потресовы восхищаются «европейским» парламентаризмом лакеев или мирятся с ним,—мы не устанем твердить рабочим, что *такой* легализм, *такая* социал-демократия Легинов, Каутских, Шейдеманов заслуживает лишь презрения.

IX

Подведем итоги.

Крах II Интернационала выразился всего рельефнее в вопиющей измене большинства официальных социал-демократических партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям в Штутгарте и Базеле. Но этот крах, означающий полную победу оппортунизма, превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии, есть лишь результат всей исторической эпохи II Интернационала, конца XIX и начала XX века. Объективные условия этой эпохи—переходной от завершения в Западной Европе буржуазных и национальных революций к началу социалистических революций—порождали и питали оппортунизм. В одних странах Европы мы наблюдаем за это время раскол в рабочем и социалистическом движении, идущий—в общем и целом—именно по линии оппортунизма (Англия, Италия, Голландия, Болгария, Россия), в других длительную и упорную борьбу течений по той же линии (Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Швейцария). Кризис, созданный великой войной, сорвал покровы, отмел условности, вскрыл нарыв, давно уже назревший, и показал оппортунизм в его истинной роли, как союзника буржуазии. Полное, организационное, отделение от рабочих партий этого элемента стало необходимым. Империалистская эпоха не мирится с сосуществованием в одной партии передовиков революционного

пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации. Старая теория об оппортунизме, как «законном оттенке» единой, чуждой «крайностей», партии превратилась теперь в величайший обман рабочих и величайшую помеху рабочему движению. Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и проч. Виднейший представитель этой теории и вместе с тем виднейший авторитет II Интернационала, Каутский, проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма. В миллионной немецкой партии не осталось сколько-нибудь честных и сознательных и революционных социал-демократов, которые бы не отворачивались с негодованием от такого «авторитета», пылко защищаемого Зюдекумами и Шейдеманами.

Пролетарские массы, от которых, вероятно, около $^{9}/_{10}$ старого руководительского слоя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры. Но объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 года с «гапонадой», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата. Нельзя знать, разовьется ли могучее революционное движение вскоре после *этой* войны, во время нее и т. п., но во всяком случае *только* работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы. Лозунгом, обобщающим и направляющим эту работу, помогающим объединению и сплочению тех, кто хочет помогать революционной борьбе пролетариата против своего правительства и своей буржуазии, является лозунг гражданской войны.

В России полное отделение революционно-социал-демокра-

тических пролетарских элементов от мелко-буржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу ему оказывают те, кто отмахивается от этой истории и, декламируя против «фракционности», лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма. Из всех «великих» держав, участвующих в теперешней войне, Россия одна только в последнее время пережила революцию: ее буржуазное содержание, при решающей роли пролетариата, не могло не породить раскола буржуазных и пролетарских течений в рабочем движении. В течение всего, приблизительно двадцатилетнего (1894—1914) периода, который российская социал-демократия просуществовала, как организация, связанная с массовым рабочим движением (а не только в виде идейного течения 1883—1894 г.г.), шла борьба пролетарски-революционных и мелко-буржуазно-оппортунистических течений. «Экономизм» эпохи 1894—1902 годов был, несомненно, течением последнего рода. Целый ряд аргументов и черт его идеологии—«струвистское» извращение марксизма, ссылки на «массу» в оправдание оппортунизма и т. д.—поразительно напоминают теперешний, опошленный, марксизм Каутского, Кунова, Плеханова и проч. Было бы очень благодарной задачей напомнить теперешнему поколению социал-демократии старую «Рабочую Мысль» и «Рабочее Дело» в параллель с теперешним Каутским.

«Меньшевизм» следующего (1903—1908) периода был непосредственным, не только идейным, но и организационным, преемником «экономизма». Во время русской революции он проводил тактику, объективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелко-буржуазные оппортунистические тенденции. Когда в следующий за тем период (1908—1914) главный поток меньшевистского течения породил ликвидаторство,—это классовое значение данного течения стало настолько очевидным, что лучшие представители меньшевизма все время протестовали против группы «Нашей Зари». А эта группа,—единственная, которая вела *против* революционно-марксистской партии рабочего класса систематическую работу в массах за последние 5—6 лет,—оказалась в войне 1914—15 г.г. *социал-шовинистскою!* И это в стране, где живо самодержавие, где не

завершена далеко еще буржуазная революция, где 43% населения угнетают большинство «инородческих» наций. «Европейский» тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция, и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей» нации, не мог не сказаться и в России.

К «интернационалистской», т.-е. действительно революционной и последовательно революционной, тактике рабочий класс и рабочая социал-демократическая партия России подготовлены всей своей историей.

P. S. Эта статья была уже набрана, когда в газетах появился «манифест» Каутского и Гаазе, вкупе с Бернштейном, которые увидали, что массы левеют, и готовы теперь «помириться» с левыми—конечно, ценой сохранения «мира» с Зюдекумами. Поистине, Mädchen für alle!

Т. XVIII, стр. 239–281.

ПИСЬМО КАРЛУ РАДЕКУ

[В БЕРН]

[Конец июля 1915 г. Зоренберг.]

Werter Genosse[1]!

Посылаю письмо о «Vorkonferenz»[2].

Снимите копию для «Lichtstrahlen»[3]—или поручите Wynkoop'у[4] (*если Вы уверены* в его аккуратности) переслать им.

N.B. Сие все vertraulich[5]. Дайте обещание не говорить ни Гримму, ни Балабановой, ни Троцкому и вообще никому!

Письмо мое Wynkoop'у прочтите и отошлите. Надеюсь, отослали предыдущее! Черкните об этом.

---

1 Уважаемый товарищ. *Ред.*
2 Предварительная конференция. *Ред.*
3 «Лучи Света». *Ред.*
4 Вайнкопу. *Ред.*
5 Секретно. *Ред.*

Либо немецкие левые сплотятся теперь (хотя бы для *идейного* выступления от имени *анонимной* группы «Stern» или как хотите: рабочие потом будут *примыкать* к этой группе), либо надо плюнуть на них.

(Я понимаю, что «Lichtstrahlen» нельзя выступать прямо. Но почему группе «Stern» *из* X + Y + Z не выступить с *резолюциями* или *манифестом??* А потом приватно и тайком распространить сие?)

Не понимаю, как Вы *прозевали* Vorkonferenz в Бернe?! А еще меня усовещевали!?

Ваш *Ленин.*

P. S. Не трудно ли Вам читать по русски? *Все* ли понимаете?

P. S. Бернские резолюции (перевод) либо прямо пошлите Wynkoop'y (если у вас есть копия) или пришлите сюда: мы снимем копию.

Крайне бы важно нам с Вами посовещаться приватно с частью немецких левых. Не устроите ли это? Кстати, не приедете ли сюда?

Т. XXIX, стр. 298—299.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

Дорогой товарищ! Вопрос о конференции «левых» двигается. Была уже 1-ая Vorkonferenz и *на-носу* 2-ая, решающая. Крайне важно привлечь левых шведов *(Хёглунда)* и норвежцев.

Будьте добры черкнуть (1), солидарны ли мы с вами (или Вы с Ц. К.), если нет, то в чем, и (2) возьметесь ли привлекать «левых» скандинавов.

Ad 1. Нашу позицию Вы знаете из «Социал-Демократа». В русских делах мы *не* будем за единство с фракцией Чхеидзе (чего хочет и Троцкий, и О. К., и Плеханов с К°: см. «Войну»), ибо это есть прикрытие и защита «Нашего Дела». В интернациональных делах мы *не* будем за сближение с Haase—Bernstein—Kautsky [1] (ибо они *на деле* хотят

[1] Гаазе—Бернштейн—Каутский. *Ред.*

единства с Зюдекумами и прикрытия их, хотят отделаться левыми фразами и ничего не изменить в старой гнилой партии). Мы не можем стоять за *лозунг* мира, ибо считаем его архи-путаным, пацифистским, мещанским, помогающим правительствам (они хотят теперь одной рукой быть «за мир», чтобы выпутаться) и тормозящим революционную борьбу.

По-нашему, левые должны выступить с общей *идейной* декларацией (1) с обязательным осуждением социал-шовинистов и оппортунистов; (2) с программой революционных действий (сказать ли: гражданская война, или революционные массовые действия—не так уже важно)—(3) против лозунга «защиты отечества» и т. д. Идейная декларация «левых» от имени нескольких стран имела бы *гигантское* значение (конечно, не в духе Цеткинской пошлости, проведенной ею на женской конференции в Берне: Цеткина *обошла* вопрос об осуждении социал-шовинизма!! из желания «мира» с Зюдекумами + Kautsky??).

Если не согласны с этой тактикой, черкните тотчас 2 слова.

Если согласны, возьмитесь перевести (1) манифест Ц. К. (№ 33 «Социал-Демократа») и (2) бернские резолюции (№ 40 «Социал-Демократа») на шведский и норвежский и снестись с Хёглундом,—согласны ли они на такой базе (из-за частностей, понятно, мы не разойдемся) готовить *общую* декларацию (или резолюцию). Спешить с этим надо ***сугубо.***

Итак, жду ответа.

Всяческие приветы.

Ваш *Ленин.*

Т. XVIII, стр. 179—130.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

Дорогая А. М.! Очень рады мы были заявлению норвежцев и Вашим заботам о шведах. Дьявольски важно было бы совместное интернациональное выступление *левых* марксистов! (Принципиальное заявление—главное и, пока, единственно возможное.)

Роланд-Хольст, как и Раковский (видали его французскую брошюру?), как и Троцкий, по-моему, *все* вреднейшие «каут-

скианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах *прикрашивают* оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма.

Ваша критика проекта декларации, по-моему, не показывает (если я не ошибаюсь) серьезных расхождений между нами. Я считаю ошибочным теоретически и вредным практически *не* различать типов войн. Мы не можем быть против национально-освободительных войн. Вы берете пример—Сербии. Но будь сербы *одни* против Австрии, разве мы не были бы *за* сербов?

Гвоздь дела теперь—борьба *между* великими державами за передел колоний и подчинение мелких держав.

Война Индии, Персии, Китая и т. п. с Англией или Россией? Разве мы не были бы *за* Индию против Англии etc.? Называть *это* «гражданской войной» неточно; явная натяжка. Крайне вредно растягивать понятие гражданской войны до чрезмерности, ибо это *затушевывает* гвоздь дела: «войну» наемных рабочих против капиталистов *данного* государства.

Именно скандинавы, видимо, впадают в мещанский (и захолустный, kleinstaätisch [1]) пацифизм, отрицая «войну» вообще. Это не по-марксистски. С этим надо бороться, как и с их отрицанием милиции.

Еще раз привет и поздравление за норвежскую декларацию!

Ваш *Ленин.*

Написано летом 1915 г. *Т. XVIII, стр. 181.*

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Август 1915 г. Зоренберг.]

Дорогая А. М.!

Vorkonferenz (II) отложена до 5 сентября.

Хёглунд и левые норвежцы (а датчане что же?) *должны* сами добиться приглашения. А свои заявления, просьбы,

[1] Мелко-государственный. *Ред.*

декларации *послать нам* (для Ц. К.) письменно, за подписями, с печатями, на одном из трех интернациональных языков.

Большущие приветы Александру[1] (что это он *только* критикует мой проект? Давайте Ваши поправки, s'il vous plaît[2]!)—и Вам за успешную работу среди левых Скандинавии.

Ваш *Ленин.*

Я думаю, едва ли скоро выйдет, если выйдет, конференция. Но пусть Хёглунд *готовится* серьезно и *спешно.*

А согласны ли на общий наш манифест левых разных стран (независимо от конференции)?

Т. XXIX, стр. 188.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[Конец августа 1915 г. Зоренберг.]

Дорогая А. М.!

Оказывается, 5 сентября будет не Vorkonferenz, а самая конференция. Итак, время не терпит.

Вы должны напречь все усилия, чтобы постараться послать сюда Хёглунда или самого левого и самого прочного норвежца, так чтобы не позже 3 сентября они наверное были здесь (мне надо телефонировать из Берна в Sörenberg, отель Mariental *(Kanton Lüzern)*, Telefon *1.11—(1.11)*)[3].

Если *абсолютно* невозможно никому из них приехать, тогда пусть тотчас (чтобы 2—3 сентября было у меня *наверное*) шлют заказным письмом либо передачу мандата нашему Ц. К. (формальный мандат (немецкий или французский))—либо (если они не согласны дать мандат) свое заявление о солидаризации с Ц. К. + свое Prinzipienerklä-

[1] А. Г. Шляпникову. *Ред.*
[2] Пожалуйста. *Ред.*
[3] Зёренберг, отель Мариенталь *(Кантон Люцерн)*, телефон 1.11—(1.11). *Ред.*

rung[1] + (непременно) письмо к конференции, с поручением нашему Ц. К. огласить его (respective голосовать, ежели можно).

Гвоздем борьбы будет: объявлять ли в Prinzipienerklärung беспощадную (вплоть до раскола) борьбу *оппортунизму* = социал-шовинизму. Добейтесь именно по этому пункту *возможно большей* ясности и твердости формулировки.

Черкните тотчас открытку о том, получили ли это письмо, надеетесь ли (уверены ли?) в том, что выполнят то-то и то-то. (Привет Александру!) Salut!

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 189

ПИСЬМО В. М. КАСПАРОВУ

[Конец августа 1915 г. Зоренберг.]

Дорогой Каспаров!

5 сентября будет конференция левых в Берне.

Было бы *крайне* важно, чтобы наша брошюра по-немецки вышла *до* этого времени.

Не можете ли Вы посодействовать этому?

—во 1-х, сходив к Радеку, помочь ему читать манускрипт и подстрекнуть его засесть за перевод (русских корректур *не удастся* иметь до тех пор, к сожалению).

—во 2-х, похлопотав о договоре с типографией немецкой (Радек знает, в чем дело).

—в 3-х, сходив к Кинкелю, показав ему это письмо и *попросив его помочь в переводе* (взять на себя часть).

Я знаю, что Кинкель почти ненавидит меня за мои обращения к нему с просьбой о переводе. Но дело экстренное, важное, помощь нужна спешная, авось и он не будет чересчур сердиться.

Черкните ответ открыткой поскорее.

Всяческие приветы.

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 190.

[1] Принципиальное заявление. *Ред.*

ПИСЬМО КАРЛУ РАДЕКУ

[В БЕРН]

[Конец августа 1915 г. Зоренберг.]

Дорогой т. Радек!

При сем Ваш проект. Ни слова о социализме-шовинизме и (=) оппортунизме и о борьбе с ними!! Зачем такое прикрашивание зла и прикрытие от рабочих масс их главного врага в социал-демократических партиях?

Будете ли Вы ультимативно настаивать на том, чтобы ни одного слова не сказать открыто о беспощадной борьбе против оппортунизма?

Я надеюсь *приехать дня на два раньше* (т.-е. 2—3 сентября), если Вы мне сообщите, что немцы приедут также (иначе приедет один Зиновьев).

(Ваш проект слишком «академичен», не боевой призыв, не боевой манифест.)

Пошлете ли Вы свой проект Вайнкопу? *Требуете ли* Вы, чтобы они (голландцы) приехали?

Пожалуйста, пошлите мне сейчас же перевод (немецкий) *моего проекта* (о котором Вы писали Вайнкопу) и перевод нашей резолюции 1913 г. (национальный вопрос). Итак, *две вещи.*

Мы должны приложить *все* усилия к тому, чтобы выпустить нашу брошюру (по-немецки) до 5 сентября. Я пишу сегодня Каспарову, чтобы он помог Вам и нашел еще одного переводчика (в Берне—т. Кинкеля). Можете ли вы (с Каспаровым) «по-курьерски» работать и перевести эту брошюру в течение недели? А печатание? Можно ли напечатать в 3—4 дня? Мы должны приложить *все* усилия и сделать это!

Прошу немедленного ответа.

Ваш *Н. Ленин.*

Т. XXIX, стр. 303.

ПИСЬМО Е. И. РИВЛИНОЙ

[В ЛОЗАННУ]

[Начало сентября 1915 г. Зоренберг.]

Дорогой товарищ! На днях писал Вам насчет Голея[1]. Теперь дело двигается, так сказать, с другой стороны. *Не* предварительное совещание, а самая конференция левых (международная) назначена на 5 сентября. Будет *Merrheim*[2] из Парижа (это все entre nous[3], конечно). Будут «нашесловцы». Почему бы Голею и Нэну, представителям левого социализма в французской Швейцарии, не быть там (раз будет Гримм, гораздо более половинчатый, чем Нэн и Голей)? Постарайтесь повидать, пожалуйста, поскорее обоих, покалякайте по душам и черкните мне пару слов в ответ, по возможности поскорее, насчет того, в каком настроении оба сии левые француза. Вы понимаете, конечно, что *именно* французы антишовинисты имели бы *теперь*—а еще более в присутствии Merrheim'a—сугубо важное значение на конференции.

Итак, спешите с ответом!

Привет Ривлину!

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 191.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ ЛЕВОЙ

Современная война порождена империализмом. Капитализм достиг этой, наиболее высокой, стадии. Производительные силы общества и размеры капитала переросли узкие рамки отдельных национальных государств. Отсюда—стремление великих держав к порабощению чужих наций, к захвату колоний, как источников сырья и мест вывоза капитала. Весь мир сливается в один хозяйственный организм, весь мир разделен между горсткой великих держав. Объективные условия социализма вполне созрели, и теперешняя война есть

[1] Письмо Ленина не разыскано. *Ред.*
[2] Меррхейм. *Ред.*
[3] Между нами. *Ред.*

война капиталистов за привилегии и монополии, которые бы могли отсрочить крах капитализма.

Стремясь к освобождению труда от гнета капитала, отстаивая всемирное братство рабочих, социалисты борются против всякого угнетения и неравноправия наций. В эпоху, когда буржуазия была прогрессивна, когда на исторической очереди дня стояло свержение феодализма, абсолютизма, чуженационального гнета, социалисты, будучи всегда самыми последовательными и самыми решительными демократами, признавали в этом смысле и только в этом смысле «защиту отечества». И в настоящее время, если бы на востоке Европы или в колониях возникла война угнетенных наций против их угнетателей, великих держав, сочувствие социалистов было бы всецело на стороне угнетенных.

Но теперешняя война порождена совсем иной исторической эпохой, когда буржуазия из прогрессивной стала реакционной. Со стороны обеих групп воюющих держав эта война есть война рабовладельцев за сохранение и укрепление рабства: за передел колоний, за «право» угнетать чужие нации, за привилегии и монополии великодержавного капитала, за увековечение наемного рабства путем раскола рабочих разных стран и реакционного подавления их. Поэтому речи о «защите отечества» со стороны обеих воюющих групп есть обман народа буржуазией. Ни победа какой бы то ни было группы, ни возврат к status quo не может ни охранить свободы большинства наций мира от империалистского угнетения их горсткой великих держав, ни обеспечить рабочему классу даже теперешних его скромных культурных завоеваний. Эпоха сравнительно мирного капитализма миновала безвозвратно. Империализм несет рабочему классу неслыханное обострение классовой борьбы, нужды, безработицы, дороговизны, гнета трестов, милитаризма, политическую реакцию, которая поднимает голову во всех, даже самых свободных странах.

Действительное значение лозунга «защиты отечества» в данной войне есть защита «права» «своей» национальной буржуазии на угнетение чужих наций, есть национал-либеральная рабочая политика, есть союз ничтожной части привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариев и эксплуатируемых. Социалисты, ведущие такую политику, на деле являются шовинистами, социал-шовинистами. Политика голосования военных кредитов, всту-

пления в министерство, Burgfrieden и т. п. есть измена социализму. Оппортунизм, взращенный условиями миновавшей «мирной» эпохи, дозрел теперь до полного разрыва с рабочим движением, он превратился в самого сильного врага освободительного движения пролетариата. Рабочий класс не может достигнуть своих всемирно-исторических целей, не ведя самой решительной борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом (большинство социал-демократических партий Франции, Германии, Австрии, Гайндман, фабианцы и тред-юнионисты в Англии, Рубанович, Плеханов и «Наша Заря» в России и т. д.).

Базельский манифест 1912 г., единогласно принятый социалистами всего мира в предвидении именно такой войны между великими державами, которая теперь наступила, определенно признал империалистский, реакционный характер этой войны, заявил, что считает преступлением, чтобы рабочие одной страны стреляли в рабочих другой, и провозгласил приближение *пролетарской революции* именно в связи с этой войной. И действительно, война создает революционную ситуацию, порождает революционные настроения и брожения в массах, вызывает повсюду в лучшей части пролетариата сознание гибельности оппортунизма и обостряет борьбу с ним. Растущее в трудящихся массах желание мира выражает их разочарование, крах буржуазной лжи о защите отечества, начало прояснения их революционного сознания. Используя это настроение для своей революционной агитации, социалисты не будут обманывать народ надеждой на возможность скорого, сколько-нибудь прочного демократического, исключающего угнетение наций, мира, без революционного низвержения теперешних правительств. Только социальная революция пролетариата открывает дорогу к миру и свободе наций.

Империалистская война открывает собой эру социальной революции. Все условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата. Долг социалистов—не отказываясь ни от единого средства легальной борьбы рабочего класса, соподчинить их все этой насущной и главнейшей задаче, развивать революционное сознание рабочих, сплачивать их в интернациональной революционной борьбе, поддерживать и двигать вперед всякое революционное выступление, стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну

угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма.

Написано в августе 1915 г. *Т. XXX, стр. 230—232.*

ТРИ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА МАНИФЕСТА ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

I

Против пацифизма

[Написано между 6 и 8 сентября 1915 г.]

Доводы против лозунга демократического или пролетарского мира

1) скрывается истинное положение вещей: империалистская политика, подготовляющая империалистский мир...

2) корни этой политики в экономических условиях империализма.

3) предлагается реформистское решение вопросов, которые поставлены революционно.

4) внушается доверие к буржуазии... усиливается оппортунизм...

5) пролетариат отвлекается от революционной борьбы.

II

Манифест

2 абзаца на 1-ой странице
(1) нет решительных результатов
(2) война бесполезна
долой.

III

... *Защита отечества...*

Прибавить:

+ *прибыли капиталистов* никаких стонов, борьба за мир
+ *кредиты*
Базельский манифест.

Ленинский сборник XIV, стр. 182—183.

ПРОЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ПЕРВОЙ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОБ ОТКЛОНЕНИИ ВОЕННЫХ КРЕДИТОВ

Конференция выражает пожелание, чтобы присутствующие здесь члены социал-демократической фракции Рейхстага внесли формальное заявление о том, что они впредь безусловно обязуются отклонять военные кредиты.

Этого мы *не* внесли.

Написано 5–8 сентября 1915 г. *Ленинский сборник XIV, стр. 184.*

ДОБАВЛЕНИЯ К ЗАЯВЛЕНИЮ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ ЛЕВОЙ

№ 1 ни важнейшего вопроса об оппортунизме не затрагивает, ни особо вредную роль с.-д. центра не вскрывает.

№ 2. Мы голосуем за в частности потому, что желаем пойти навстречу двум французским товарищам, которые выдвинули важное соображение. Именно они указали на чрезвычайную придавленность рабочих во Франции, на крайнюю развращенность их анархической революционной фразой, на необходимость медленного и осторожного перехода к решительной тактике. [Если Франция] Однако в Европе в целом врагом рабочего движения является именно оппортунизм.

Написано 8 сентября 1915 г. *Ленинский сборник XIV, стр. 185.*

ПЛАН СТАТЬИ О ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

NB:

(1) доклад Аксельрода: защита и прикрытие *Нашей Зари*.

(2) » болгарина: восстание солдат 1912 в балканской войне.

(3) «крах» Моргари («simpliste»[1], *за* Германию etc.).

[1] Односторонний в своих взглядах и выводах. *Ред.*

(4) Bourderon: Lenine, vous voulez donner *la formule de la III Internationale*[1], мы не для этого пришли.

(5) частное совещание в субботу (мир—иллюзия и фраза при теперешних правительствах).

(6) Попытка Каутского (и К⁰)—их поездка в Берн—вырвать дело восстановления II Интернационала из рук Гримма и К⁰.

(7) Доклад латыша.

(8) » Ц. К.

(9) Поведение бундиста.

(10) Письмо Liebknecht'a («*Bürgkrieg*»)...[2] 2 цитаты из «En Garde»[3].

(11) Вотирование против кредитов (истерика Ледебура).

(12) Полемика с Ледебуром.

(13) «Каутскианство» в немецкой делегации.

(14) Ожидание революционных битв (и *Ledebour* и *Meerheim*).

(15) Слово Роллланд Гольст (раз в жизни блок направо).

(16) Доклад Meerheim'a: борьба с *Jouhaux* и с *L'Humanité*.

(17) Наше заявление протеста против «ультиматума» Ледебура.

(18) Turati (резиньяция) и К⁰ в итальянской партии.

Написано в сентябре 1915 г. *Ленинский сборник XIV, стр. 188.*

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Между 8 и 13 сентября 1915 г. Зоренберг.].

Дорогая Александра Михайловна! Очень будет жаль, если Ваша поездка в Америку окончательно расстроится. Мы строили на этой поездке немало надежд и на издание в Аме-

---

[1] Бурдерон: Ленин, вы хотите дать *формулу III Интернационала. Ред.*

[2] «Гражданская война». *Ред.*

[3] Слова: «2 цитаты из «En Garde» написаны на полях. *Ред.*

рике нашей брошюры («Социализм и война»; получите на-днях), и на связи с издателем Charles Kerr в Чикаго вообще, и на сплочение интернационалистов, и наконец на финансовую помощь, которая так чрезвычайно нужна нам для всех тех насущных дел *в России,* о которых Вы пишете (и справедливо подчеркиваете их насущность в связи с желательностью большей близости нашей к России: препятствия тому *в первую* голову финансовые, во-вторых, полицейские: можно ли доехать безопасно...).

Если вопрос о поездке решился у Вас окончательно в отрицательном смысле, то постарайтесь обдумать, нельзя ли Вам (через сношения с Charles Kerr и т. п.) помочь нам издать по-английски нашу брошюру? Возможно это *только* в Америке. Немецкое издание нашей брошюры Вам *посылаем.* Сделайте все возможное для продажи в скандинавских странах (нам чертовски важно вернуть хоть часть расходов на нее, ибо иначе мы *не можем* издать по-французски!).

Пишите *детальнее,* конкретнее и чаще (если не едете в Америку) о том, каковы именно конкретные вопросы выплывают в России, кто их ставит, как, в каких случаях, при какой обстановке. Все это было бы крайне важно для издания листовок—дела *насущного,* Вы правы. О конференции левых (где мы сплотились хорошо в оппозицию, хотя и подписали манифест) Вам частью расскажет посланный *Вами* делегат, частью мы еще напишем.

(Денег нет, денег нет!! *Главная* беда в этом!)

Лучшие приветы.

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 195.

ПИСЬМО КАРЛУ РАДЕКУ

19 сентября [1915 г. Зоренберг.]

Дорогой Радек!

Большое спасибо за манифест и отчет.

1) Нельзя ли получить *бесплатно* 20 экземпляров этого номера «*Berner Tagwacht*» для рассылки группам нашей партии?

2) В манифесте слова «*революционная* пролетарская классовая борьба» заменены словом «*непримиримая*». Разве это *лойяльно* со стороны Гримма?

3) В отчете *не* говорится о том, что и часть ($^1/_{10}$) *немецкой* делегации (и $^1/_3$ швейцарцев) подписалась под проектом нашей резолюции.

Разве это лойяльно со стороны Гримма?

Пожалуйста, Ваше мнение: не следует ли нам *официально* написать об этом Гримму?

4) Гарантирует ли Гримм, что в *подробном* отчете (протоколе) наш проект и наше заявление будут помещены полностью?

Да или нет?

5) Много неточностей в отчете, о голосовании (нашего проекта) *ни слова!!*

Вопрос о расколе и роспуске *этого* бюро (Гримм и К⁰) *не* голосовался.

Мы должны что-то сделать.

Ваш *Ленин.*

•

P. S. Пожалуйста, пошлите мне наш проект и наше заявление.

О нашей брошюре (= докладе) Гримм ***ни слова.*** Ну и жулик!!

Т. XXIX, стр. 305.

ПИСЬМО КАРЛУ РАДЕКУ

[В БЕРН]

20 сентября [1915 г. Зоренберг.]

Дорогой Радек!

Письмо Вайнкопу послано[1].

Григорию также отчет *с Вашим* письмом.

Вы вероятно не имеете *копии нашего заявления* (что мы недовольны манифестом, недостаточно далеко идет и т. д.)? Мы передали его в бюро, и Гримм огласил его. Нам *обяза-*

[1] Письмо это не разыскано. *Ред.*

тельно нужна копия этого заявления. Не разрешит Вам Гримм сделать эту копию? Если нет, то это просто скандал!!!

P. S. И «конспирация» Гримма! Весь мир знает уже все! И эти глупые итальянцы в «Avanti». Стыд и срам!

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 307.

ПИСЬМО Г. Л. ШКЛОВСКОМУ

[В БЕРН]

[Конец сентября—начало октября 1915 г. Зоренберг.]

Дорогой Г. Л.!

Я решительно не понимаю, что с Радеком. *Много* раз прошу у него:

1) копию с нашего (т.-е. Ц. К. + латышской + P. S. D. + + шведской + норвежской + Borchard [1] + Platten [2] *проекта* резолюции (по-немецки).

2) копию с нашего (тех же групп) заявления на конференции о голосовании (почему мы, не согласные с манифестом, голосуем *за*).

3) копию с нашего (те же группы + Roland Holst [3]) заявления протеста против ультиматума Ледебура.

Радек не отвечает!

А мне *необходимо* для Центрального Органа.

Ради бога, сходите и выясните дело. Если нет у Радека, неужели Гримм *не* дает *для копии?* Это верх наглости!

Привет! Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 209.

---

[1] Борхардт. *Ред.*
[2] Платтен. *Ред.*
[3] Роланд-Гольст. *Ред.*

ПИСЬМО КАРЛУ РАДЕКУ

[В БЕРН]

[Конец сентября 1915 г. Зоренберг.]

Дорогой Радек!

Спасибо за бюллетень.

Вопрос о деньгах обсудим с Григорием. Мы сейчас сидим без денег!!

Но самое важное: почему Вы молчите о нашем *(последнем) проекте резолюции.* Мне он нужен *обязательно немедленно* (и наше заявление по поводу голосования манифеста)!!!

У Вас же должен быть экземпляр! Почему Вы мне не посылаете его?

Или Гримм? Неужели он Вам не разрешает снять копию? *Прошу ответить.*

«*Лойяльность*» Гримма—лишь фраза. Борхардта он нарочно не упоминает—безобразие.

Привет. Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 308.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Медленно движется вперед развитие интернационального социалистического движения в эпоху неимоверно тяжелого кризиса, вызванного войной. Но все же движется именно в сторону разрыва с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Международная Социалистическая Конференция в Циммервальде (Швейцария) 5—8 сентября 1915 г. ясно показала это.

В течение целого года среди социалистов воюющих и нейтральных стран наблюдался процесс колебаний и выжиданий: боялись признаться самим себе в глубине кризиса, не хотели взглянуть прямо в лицо действительности, оттягивали тысячами способов неизбежный разрыв с господствующими в официальных партиях Западной Европы оппортунистами и каутскианцами.

Но та оценка событий, которую мы дали год тому назад в манифесте Центрального Комитета (№ 33 «Социал-Демо-

крата») [1], оказалась верна; события доказали ее правильность; события *пошли* именно таким путем, что на первой Международной Социалистической Конференции оказались представленными протестующие элементы меньшинства (Германии, Франции, Швеции, Норвегии), действующие *вопреки* решениям официальных партий, то-есть фактически действующие раскольнически.

Итоги работы Конференции состоят в манифесте и в резолюции сочувствия арестованным и преследуемым. Оба эти документа напечатаны в этом номере «Социал-Демократа». Конференция отклонила, 19 голосами против 12, сдачу в комиссию проекта резолюции, предложенного нами и другими революционными марксистами, а наш проект манифеста сдали в комиссию вместе с двумя другими для выработки общего манифеста. Читатель найдет в другом месте данного номера оба наши проекта, сличение которых с принятым манифестом явно указывает на то, что ряд основных мыслей революционного марксизма удалось провести.

Принятый манифест фактически означает шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Но в то же время этот манифест, как покажет его разбор, страдает непоследовательностью и недоговоренностью.

Манифест объявляет войну империалистическою, отмечая два признака этого понятия: стремление капиталистов *каждой* нации к прибыли, к эксплоатации; стремление великих держав к разделу мира и к «порабощению» слабых наций. Самое существенное из того, что̀ надо сказать об империалистском характере войны и что̀ сказано в нашей резолюции, здесь повторено. Манифест в этой своей части только *популяризирует* нашу резолюцию. Популяризация—вещь полезная, бесспорно. Но если мы хотим добиваться ясности мысли рабочего класса, если мы придаем значение систематической, упорной пропаганде, то надо точно и полно устанавливать те принципы, которые должны быть популяризуемы. Не делая этого, мы рискуем повторить именно ту ошибку, тот грех II Интернационала, который породил его крах, именно: мы оставляем место для двусмысленностей и кривотолков. Например, можно ли отрицать, что выраженная

[1] См. настоящий том, стр. 20—27. *Ред.*

в резолюции мысль о зрелости объективных предпосылок социализма имеет существенное значение? В «популярном» изложении манифеста она опущена; попытка соединить в одно ясную и точную принципиальную резолюцию с воззванием не удалась.

«Капиталисты всех стран... утверждают, что война служит защите отечества... Они лгут...» Так продолжает манифест. Опять-таки это прямое объявление «ложью» основной идеи оппортунизма в данной войне, идеи «защиты отечества», есть повторение самой существенной мысли из резолюции революционных марксистов. И опять-таки получается обидная недоговоренность, какая-то робость, боязнь сказать всю правду. Кто же не знает теперь, после года войны, что действительной бедой для социализма явилось *повторение и поддержка* лжи капиталистов не только капиталистической печатью (на то она и капиталистическая, чтобы повторять ложь капиталистов), но и большей частью социалистической печати? Кто не знает, что не «ложь капиталистов» вызвала величайший кризис европейского социализма, а *ложь* Гэда, Гайндмана, Вандервельда, Плеханова, *Каутского?* Кто не знает, что *ложь* именно таких вождей доказала внезапно всю силу оппортунизма, увлекшего их за собой в решительный момент?

Посмотрите, что получается. Для популярности широким массам говорят, что идея обороны отечества в данной войне есть ложь капиталистов. Но ведь массы в Европе не безграмотны, и почти все, читающие манифест, слышали и слышат *именно эту ложь* от сотен социалистических газет, журналов, брошюр, повторяющих ее за Плехановым, Гайндманом, Каутским и К⁰. Что же подумают читатели манифеста? Какие мысли придут им в голову от этого наглядного демонстрирования робости авторов манифеста? Не слушайтесь капиталистической лжи о защите отечества—учит рабочий манифест. Хорошо. Почти все ответят или подумают про себя: ложь *капиталистов* нас давно перестала смущать, а вот ложь Каутского и К⁰...

А дальше манифест повторяет еще одну существенную мысль нашей резолюции, говоря, что социалистические партии и рабочие организации разных стран «*попрали* обязательства, вытекающие из решений конгрессов в Штутгарте, Копенгагене, Базеле», что также *не исполнило своего долга*

Международное Социалистическое Бюро, что это неисполнение долга состояло в голосовании кредитов, в участии в министерстве, в признании «гражданского мира» (манифест называет подчинение ему *рабским*, т.-е. обвиняет Гэда, Плеханова, Каутского и К⁰ в замене проповеди социализма проповедью *рабских* идей).

Спрашивается, последовательно ли это: говорить в «популярном» манифесте о нарушении своего долга рядом партий—общеизвестно, что речь идет о сильнейших партиях и рабочих организациях всех самых передовых стран, Англии, Франции, Германии—и не давать объяснения этому поразительному, неслыханному и невиданному факту? Неисполнение своего долга большинством социалистических партий и самим Международным Социалистическим Бюро! Что же это? Случайность и крах отдельных лиц? Или это перелом целой эпохи? Если первое, если *мы* допускаем в массах подобную мысль, это равняется *нашему* отречению от основ социалистического учения? Если второе, как же можно не сказать об этом прямо? Всемирно-исторический момент, крах всего Интернационала, перелом целой эпохи, а мы *боимся* сказать массам, что надо искать и разыскать всю правду, что надо додумывать свои мысли до конца, что нелепо и смешно допускать предположение о крахе Международного Социалистического Бюро и ряда партий *без* связи этого явления с длительной историей возникновения, роста, созревания и *пере*зревания общеевропейского оппортунистического течения, имеющего глубокие экономические корни, глубокие не в смысле неразрывной связи его с массами, а в смысле связи с определенным слоем общества.

Переходя к «борьбе за мир», манифест заявляет: «эта борьба есть борьба за свободу, за братство народов, за социализм»—и дальше поясняется, что на войне рабочие приносят жертвы «на службе господствующим классам», а надо уметь приносить жертвы «*за свое дело*» (дважды подчеркнуто в манифесте), «за священные цели социализма», а в резолюции о симпатии борцам, арестованным и преследуемым, говорится, что «Конференция торжественно обязуется чтить этих живых и умерших борцов *подражанием* их примеру, и что она ставит задачей «будить революционный дух в международном пролетариате».

Все эти мысли есть повторение той существенной мысли

нашей резолюции, что борьба за мир *без* революционной борьбы есть пустая, лживая фраза, что единственный путь к избавлению от ужасов войны заключается в революционной борьбе за социализм. И опять недоговоренность, непоследовательность, робость: звать массы *подражать* революционным борцам, объявлять, что пятеро осужденных на ссылку в Сибирь членов Р. С.-Д. Р. Фракции продолжали «славные революционные традиции России», провозглашать необходимость «будить революционный дух» и... *не говорить* прямо, открыто, определенно о революционных средствах борьбы.

Следовало ли нашему Центральному Комитету подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест? Мы думаем, что да. О нашем несогласии,—о несогласии не только Центрального Комитета, но всей левой, *международной, революционно-марксистской* части Конференции,—сказано открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест. Мы не скрыли ни иоты из своих взглядов, лозунгов, тактики. На конференции было роздано немецкое издание брошюры: «Социализм и война». Мы распространили, распространяем и будем распространять наши взгляды не менее, чем будет распространяться манифест. Что этот манифест делает *шаг вперед* к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед *вместе* с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего[1]; было бы плохой военной тактикой отказаться итти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма, из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только» один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг

---

[1] А что «О. К.» и социал-революционеры подписали манифест, как дипломаты, сохраняя все свои связи—*и всю свою связанность*—с «Нашей Зарей», Рубановичем и июльской (1915 г.) конференцией народных социалистов и социал-революционеров в России—это нас не пугает. Мы имеем достаточно возможности бороться с гнилой дипломатией и разоблачать ее. Она сама все более разоблачает себя. «Наша Заря» и фракция Чхеидзе *помогают* нам разоблачать Аксельрода и К°.

назад, пойти на мир со старым Международным Социалистическим Бюро. Готовность мириться с оппортунистами есть пока только пожелание, не более. Согласятся ли оппортунисты на мир? Возможен ли, *объективно*, мир между расходящимися все глубже и глубже *течениями* социал-шовинизма, каутскизма и революционного интернационалистского марксизма? Мы думаем, что нет, и мы поведем и дальше свою линию, ободренные *успехом* ее на конференции 5—8/IX.

Ибо успех нашей линии несомненен. Сравните факты. В сентябре 1914 г. манифест нашего Центрального Комитета—как будто одинокий. В январе 1915 года международная женская конференция с бедной пацифистской резолюцией, за которой слепо идет О. К. В сентябре 1915 г. мы сплачиваемся в целую группу международной левой, выступаем со своей тактикой, проводим ряд основных наших идей в общем манифесте, участвуем в образовании И. С. К. (Интернациональной Социалистической Комиссии), т. е. фактически нового Международного Социалистического Бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого.

Рабочие России, которые в подавляющем большинстве шли за нашей партией и ее Центральным Комитетом еще в 1912—1914 годах, увидят теперь на опыте международного социалистического движения, что наша тактика подтверждается и на более широкой арене, что наши основные идеи разделяются все более и более обширной и лучшей частью пролетарского Интернационала.

Опубликовано 11 октября 1915 г. *Т. XVIII, стр. 297—301.*

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАРКСИСТЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 5—8 СЕНТЯБРЯ 1915 г.

Идейная борьба на Конференции шла между сплоченной группой интернационалистов, революционных марксистов и колеблющимися почти-каутскианцами, составлявшими правый фланг конференции. Сплочение указанной группы—один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции. После целого года войны *единственным* течением в Интернационале, которое выступало с вполне

определенной резолюцией,—а также с основанным на ней проектом манифеста,—и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией.

Какие же доводы были выдвигаемы против нас колеблющимися? Немцы признавали, что мы идем навстречу революционным битвам, но—говорили они—о таких вещах, как братанье в траншеях, политические стачки, уличные демонстрации, гражданская война, не надо кричать на весь мир. Это делают, но об этом не говорят. А другие добавляли: это—ребячество, это—вспышкопускательство.

За эти до смешного, до неприличного противоречивые и уклончивые речи немецкие полу-каутскианцы наказали сами себя, приняв выражение симпатии и заявление о необходимости «подражать» членам Р. С.-Д. Р. Фракции, которые как раз распространяли наш Ц. О. «Социал-Демократ», «кричавший на весь мир» о гражданской войне.

Вы поступаете по дурному примеру Каутского, отвечали мы немцам: на словах признание грядущей революции, на деле—отказ от того, чтобы говорить массам прямо о ней, звать к ней, намечать самые конкретные средства борьбы, которые масса испытывает, узаконяет в ходе революции. Маркс и Энгельс *из-за границы*—немецким филистерам казалось ужасным, что о революционных средствах борьбы хотят говорить из-за границы!—в 1847 году, в знаменитом «Манифесте Коммунистической Партии», звали к революции, говорили прямо и открыто о применении насилия, объявили «презренным» делом сокрытие своих революционных целей, задач и приемов борьбы. Революция 1848 г. доказала, что *только* Маркс и Энгельс подходили к событиям с верной тактикой. В России, за несколько лет до революции 1905 г., в старой «Искре» 1901 г. Плеханов, бывший тогда марксистом, писал в статье, шедшей без подписи, как выражение взглядов всей редакции, о грядущем восстании и о таких путях подготовки его как уличные демонстрации, и даже о таких технических приемах, как употребление проволоки для борьбы с кавалерией. Революция в России доказала, что только старые «искровцы» подходили к событиям с верной тактикой. И теперь: одно из двух. Либо мы действительно твердо убеждены, что война создает в Европе революцион-

ную ситуацию, что вся экономическая и социально-политическая обстановка империалистской эпохи ведет к революции пролетариата. Тогда наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее «технике». Этот наш безусловный долг не зависит от того, будет ли революция достаточно сильна и наступит ли она в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной и т. п. Либо мы не уверены в том, что ситуация революционна, и тогда нечего по-пустому употреблять слова о войне с войной. Тогда мы на деле национал-либеральные рабочие политики Зюдекумо-Плехановского или Каутскианского оттенка.

Французские делегаты тоже заявили, что, по их убеждению, теперешнее положение дел в Европе приведет к революции. Но,—говорили они,—мы пришли сюда не затем, чтобы «давать формулу III Интернационала», это во-1-х; а во-2-х, французский рабочий «не верит никому и ни во что»; он развращен и пресыщен анархистской и эрвеистской фразой. Первый довод неразумен, ибо в общем компромиссном манифесте все же «дана формула» III Интернационала, только непоследовательная, недоговоренная, недодуманная. Второй довод очень важен, как серьезный фактический довод, учет особого положения Франции—не в смысле обороны отечества и нашествия неприятеля, а в смысле «больных мест» французского рабочего движения. Но из этого учета вытекло бы лишь то, что французские социалисты, может быть, *медленнее* подходили бы к общеевропейским революционным выступлениям пролетариата, а вовсе не то, что эти действия не нужны. Вопрос о том, с какой *быстротой* пролетариат разных стран, каким путем, в каких особых формах способен совершать переход к революционным действиям, этот вопрос вовсе не ставился на конференции, да и нельзя было его ставить. Нет еще данных для него. Наше дело пока—сообща *проповедывать* верную тактику, а там события покажут *темп* движения и видоизменения (национальные, локальные, профессиональные) общего русла. Если французский пролетариат развращен анархической фразой, то он развращен также и мильеранизмом, и не наше дело *усиливать* это развращение *недомолвками* манифеста.

Не кто иной, как сам Мергейм обронил характерную и глубоко верную фразу: «партия (социалистическая), Жуо (секретарь Генеральной Конфедерации Труда) и правительство—это три головы под одним колпаком». Это правда. Это факт, доказанный годичным опытом борьбы французских интернационалистов с партией и с гг. Жуо. Но выход отсюда только один: нельзя бороться с правительством, не борясь с партиями оппортунистов и главарями анархо-синдикализма. А задачи этой борьбы общий манифест, в отличие от нашей резолюции, только наметил, но не договорил до конца.

Один итальянец, возражая против нашей тактики, сказал: «ваша тактика является либо слишком поздно (ибо война уже начата), либо слишком рано» (ибо война еще не породила условий революции); и притом вы предлагаете «изменение программы» Интернационала, ибо всегда вся наша пропаганда велась «против насилия». Нам легко было ответить на это цитатой из «En garde» («На страже») Жюля Гэда, что никогда ни один влиятельный вождь II Интернационала не отрицал применения насилия и непосредственно революционных приемов борьбы вообще. Всегда все говорили, что легальная борьба, парламентаризм и восстание взаимно связаны и *неизбежно должны* переходить друг в друга, смотря по изменению условий движения. Кстати, из той же книги «En garde» была приведена нами цитата из речи Гэда 1899 года, где он говорит о вероятности войны из-за рынков, колоний и т. п., указывая при этом, что если бы при такой войне оказались на-лицо Мильераны французский, немецкий, английский, то «что сталось бы с интернациональной солидарностью пролетариата?». Гэд заранее осудил сам себя этой речью. А что касается до «несвоевременности» проповеди революции, то это возражение покоится на обычном у романских социалистов смешении понятий: началу революции они смешивают с открытой и прямой проповедью ее. В России начало революции 1905 года никто не признает ранее 9 января 1905 года; а революционная проповедь в самом узком смысле пропаганды и подготовки массовых выступлений, демонстраций, стачек, баррикад велась *годами* до этого. Например, старая «Искра» с конца 1900 года вела эту проповедь, как Маркс вел ее с 1847 года, когда о *начале революции* в Европе не могло быть еще и речи.

Когда революция уже началась, тогда ее «признают» и либералы, и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее. Революционеры, *до* наступления революции предвидя ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее.

Ирония истории сделала так, что именно Каутский и его друзья, пытавшиеся прямо вырвать из рук Гримма созыв конференции, пытавшиеся прямо сорвать конференцию левых (ближайшие друзья Каутского совершали даже *поездки* для этой цели, что было разоблачено Гриммом на конференции), именно *они* толкнули конференцию *влево*. Оппортунисты и каутскианцы *своей* практикой доказывают правильность позиции, занятой нашей партией.

Опубликовано 11 октября 1915 г. *Т. XVIII, стр. 302—305.*

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

9 ноября 1915 г. [Берн.]

Дорогая Александра Михайловна! Вчера только получили Ваше письмо от 18 октября из Milwaukee[1]. Ужасно долго ходят письма! Вы еще до сих пор не получили моего письма (и №№ 45—46 и 47 «Социал-Демократа») о Циммервальде и со всеми ответами на Ваши вопросы; а писано было это письмо мной более месяца тому назад. Постарайтесь хоть рассчитать (примерно через $1\frac{1}{2}$ месяца), где Вы будете, и давайте адреса (для писем к Вам) такие, чтобы приходили поближе к Вам.

Насчет «Volkszeitung» нью-йоркской Гримм уверял меня сегодня, что они будто бы вполне каутскианцы! Так ли это? Я думаю, наша *немецкая* брошюра могла бы Вам помочь определять «крепость» интернационализма. Имеете ли Вы ее? (500 экземпляров Вам послано).

Мы издаем здесь на-днях (по-немецки, а затем *надеемся* пустить по-французски и, если удастся извернуться с деньгами, по-итальянски) маленькую брошюрку от имени

[1] Мильвоки. *Ред.*

Циммервальдской левой. Под этим именем мы хотели бы пустить возможно шире в международное обращение нашу левую группу в Циммервальде (Ц. К. + P. S. D.[1] + латыши + + шведы + норвежцы + 1 немец + 1 швейцарец) с ее *проектом резолюции и манифеста* (напечатано в № 45—46 «Социал-Демократа»). Маленькая брошюрка (20—30—35 тыс. букв) будет содержать эти два документа и небольшое введение. Надеемся на Вас, что Вы издадите это в Америке *и по-английски* (ибо в Англии это сделать безнадежно: туда надо вести ***из*** Америки) и, если можно, на других языках. Это должно быть первое выступление *ядра левых* социал-демократов *всех* стран, имеющих ясный, точный полный *ответ* на вопрос, что̀ делать и куда идти. Было бы архиважно, если бы удалось в Америке издать это, пустить пошире и *завязать прочные связи издательские (Charles Kerr* (NB) в Chicago[2]; Appeal to Reason в *Kansas*[3] ***и т. п.)***, ибо вообще нам архиважно выступать на разных языках (Вы в этом отношении могли бы *много* сделать).

Попробуйте связаться с ними—хоть письменно, если не будете в Канзасе. Газетка их иногда *недурна*. Пощупайте их непременно с нашей резолюцией «Циммервальдской левой». А что такое Eugene *Debs*[4]? Пишет он иногда революционно. Или тоже тряпка à la Каутский? Пишите, *когда* будете *еще* в Нью-Йорке и *сколько* дней? Старайтесь *везде* видеть (хоть на 5 минут) местных *большевиков*, «освежать» и *связывать их с нами*.

Насчет денег с огорчением увидал из Вашего письма, что пока Вам ничего не удалось для Ц. К. собрать. Авось сей «манифест левых» поможет...

Что Хилквит будет за Каутского и даже *правее* его, я не сомневался, ибо видел его в Штутгарте (1907 г.) и *слышал*, как он *после* того защищал запрещение ввоза желтых в Америку («интернационалист»)...

Сам Циммервальдский манифест *недостаточен:* Каутский и К⁰ готовы примириться с ним на *условии:* «ни шагу дальше». Мы на это *не* идем, ибо это—*сплошное лицемерие*. Так что, если в Америке есть люди, боящиеся *даже* Цим-

---

[1] П. С.-Д.—Польская социал-демократия. *Ред.*
[2] Чарльз Керр в Чикаго. *Ред.*
[3] «Призыв к разуму» в Канзасе. *Ред.*
[4] Евгений Дебс. *Ред.*

мервальдского манифеста, то Вы на них плюньте, а подбирайте только тех, кто *левее Циммервальдского манифеста*.

Жму крепко руку и желаю всяческих успехов!

Ваш *Ленин*.

(Uljanow. Seidenweg. 4-a III. Bern.)

Т. XXIX, стр. 214—215.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

В НЬЮ-ЙОРК

22 ноября 1915 г. [Берн.]

Дорогая Александра Михайловна! По забывчивости, я не докончил письма к Вам, отправленного сегодня. Вот адрес: Mr. C. W. Fitzgerald, Secretary of the «Socialist Propaganda League». 20. Baker Street. 20. *Beverly. Mass* [1].

Я ошибся, значит, говоря, что он живет в Бостоне. Но в его листке есть адреса всех 18 членов этой Лиги и среди них есть живущие в Бостоне. Надеюсь, Вы употребите все усилия, чтобы разузнать про них все как можно подробнее и постараться создать из них (или *и* из них, или: из кого-либо из них) один из опорных пунктов «Циммервальдской левой» в Америке.

Крепко жму руку.

Ваш *Ленин*.

Т. XXIX, стр. 216.

ПИСЬМО В. А. КАРПИНСКОМУ и С. Н. РАВИЧ

В ЖЕНЕВУ

[Конец ноября—начало декабря 1915 г. Берн.]

Дорогие друзья! Посылаю листок № 1.

Помогите распространению.

Адрес издателя на листке (сотрите, сняв копию). Ознакомьте французов, Гильбо и проч.

[1] С. В. Фитцджеральд, секретарю «Лиги Социалистической Пропаганды». 20, ул. Бекер, 20. *Бивердэ. Массачусетс. Ред.*

Как идет швейцарский референдум? Есть ли отклики (в Женеве) на борьбу противников и защитников «защиты отечества»?

Лучшие приветы и пожелания!

Ваш *Ленин*.

Т. XXIX, стр. 217.

ИСТИННЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ: КАУТСКИЙ, АКСЕЛЬРОД, МАРТОВ

Незадолго до Циммервальдской конференции вышла в Цюрихе по-немецки брошюра П. Аксельрода: «Кризис и задачи международной с.-д-тии». В Цюрихской газете «Народное Право» появились затем две хвалебные статьи об этой брошюре, принадлежащие Л. Мартову. Мы не знаем, выступят ли оба автора по-русски с этими произведениями. Лучшей иллюстрации того, какими доводами защищают вожди О. К. оппортунизм и социал-шовинизм, не найти.

Красной нитью через всю брошюру проходит борьба против «опасностей, грозящих единству партии». «Раскол и смута»—вот чего боится Аксельрод, вот о чем он говорит с бесконечными повторениями до назойливости часто. Не подумайте, что смутой и расколом кажется ему теперешнее положение с.-д-тии, союз ее вождей с той или иной национальной буржуазией. Нет! Смутой называет Аксельрод ясное размежевание и разделение с социал-шовинистами. Каутского Аксельрод зачисляет в разряд товарищей, «коих интернациональное чувство и сознание выше всякого сомнения». При этом на протяжении 46 страниц ни тени попытки свести воедино взгляды Каутского, точно процитировать их, взвесить, не заключается ли шовинизм в признании идеи защиты отечества в данной войне. Ни слова по существу. Ни звука о наших доводах. Зато «донос по начальству»: Ленин на реферате в Цюрихе называл де Каутского шовинистом, филистером, изменником (стр. 21)... Это же не литература, любезные Мартов и Аксельрод, а какая-то «письменность» **полицейского участка!**

«На Западе»... «нет той разновидности сверхчеловеков, которые используют всякий партийный кризис, всякое трудное

положение, чтобы выступить в роли единоспасителя партии от гибели и чтобы с легким сердцем вести внутреннюю партийную политику смуты и дезорганизации» (22). Что это такое? литература?

Но если «на Западе» нет таких сверхчудовищ, которые «самого» Каутского и Аксельрода считают шовинистами и оппортунистами и при мысли о которых любезный Аксельрод трепещет от злобы и изливает потоки такой изящной и благоуханной... «лирики», то как же мог Аксельрод двумя страницами раньше написать:

«Если принять во внимание растущее возмущение во все более широких партийных кругах, особенно в Германии и Франции, против той политики «держаться до конца», которую ведут наши ответственные партийные учреждения, то представляется отнюдь не невозможным, что практические тенденции ленинской пропаганды в состоянии проникнуть различными каналами и в ряды западной с.-д.».

Значит, дело не в истинно-русских сверхчудовищах, обижающих любезного Аксельрода! Значит, *интернациональный* шовинизм официальных партий—и в Германии, и во Франции, как признал сам Аксельрод, это заметьте!—вызывает возмущение и отпор *интернациональных* революционных с.-д. Перед нами, следовательно, *два течения*. Оба интернациональны. Аксельрод сердится и бранится потому, что не понимает неизбежности обоих течений, неизбежности решительной борьбы между ними, а затем потому, что ему совестно, неловко и невыгодно открыто признать его собственную позицию, состоящую в стремлении *казаться* интернационалистом, а *быть* шовинистом.

«Проблема интернационализирования рабочего движения не тождественна с вопросом о революционизировании наших форм и методов борьбы»... это, видите ли, «идеологическое объяснение» сводить все к оппортунизму и игнорировать «громадную силу» «патриотических идей», «являющихся продуктами тысячелетнего исторического процесса»... «надо стремиться создать в рамках этого буржуазного, общества реальную *действительность* (курсив Аксельрода), объективные жизненные условия, по крайней мере для борющихся рабочих масс, каковые условия могли бы ослаблять указанную зависимость», именно: «зависимость масс от исторически сложившихся национальных и территориальных общественных

образований». «Например,—поясняет свою глубокую мысль Аксельрод,—законодательство об охране труда и о страховании, а также различные другие важные политические требования, наконец, и культурно-просветительные потребности и стремления рабочих должны стать объектом *интернациональных* (курсив Аксельрода) действий и организаций» пролетариев отдельных стран. Все дело в «интернационализации именно «будничной» борьбы за требования сегодняшнего дня»...

Ну, вот и прекрасно! А то какие-то сверхчудовища придумали там борьбу с оппортунизмом! Истинный интернационализм—курсивом—и настоящий «марксизм», не удовлетворяющийся «идеологическими» объяснениями, состоит в заботе об интернационализации страхового законодательства!! Какая гениальная мысль... без всякой «борьбы, расколов, смуты» все интернациональные оппортунисты, все интернациональные либералы, от Ллойда-Джорджа до Фр. Наумана и от Леруа-Болье до Милюкова, Струве, Гучкова, обеими руками подпишут этот научный, глубокий объективный «интернационализм» Аксельрода, Мартова и Каутского.

Перлы «интернационализма»: Каутский—если я защищаю свое отечество в империалистской войне, т.-е. войне из-за грабежа и порабощения чужих стран, и признаю за рабочими других воюющих стран право на защиту их отечества, то это и есть истинный интернационализм. Аксельрод—не увлекаясь «идеологическими» нападками на оппортунизм, надо реально бороться с тысячелетним национализмом посредством (тоже тысячелетнего) интернационализирования будничной работы в области страховых законов. Мартов согласен с Аксельродом!

Фразы Аксельрода о тысячелетних корнях национализма и т. п. имеют совершенно такое же политическое значение, как речи русских крепостников перед 1861-м годом о тысячелетних корнях крепостного права. Эти фразы—вода на мельницу реакционеров и буржуазии, ибо Аксельрод умалчивает,—скромно умалчивает,—о том, что десятилетия капиталистического развития, особенно после 1871-го года, создали именно те *объективные* интернациональные связи между пролетариями всех стран, которые как раз теперь, как раз в данный момент надо реализовать в интернационально-революционных действиях. Аксельрод против таких действий.

Он за напоминание о тысячелетних корнях кнута и против действий, направленных к уничтожению кнута!

Ну, а как же быть с пролетарской революцией? Базельский манифест 1912 года говорит о ней в связи с этой, грядущей,—и через два года вспыхнувшей—войной. Аксельрод считает, должно быть, этот манифест легкомысленной «идеологией»—*выраженьице* совсем в духе «марксизма» à la Струве и Кунов!—и не говорит о нем *ни словечка*. От революции же он отделывается следующим образом:

«Тенденция видеть рычаг к преодолению национализма единственно и исключительно в бурных революционных массовых действиях или восстаниях имела бы еще известное оправдание, если бы мы стояли непосредственно накануне социальной революции, подобно тому, например, как дело было в России со времени студенческих демонстраций 1901-го года, бывших предвестниками приближения решающих битв против абсолютизма. Но даже те товарищи, которые строят все свои надежды на быстром наступлении бурного революционного периода, не рискуют утверждать наверное, что решающее столкновение пролетариата с буржуазией предстоит непосредственно. Напротив, они тоже рассчитывают на период, длящийся десятилетия» (стр. 41). И дальше, разумеется, громы против «утопии» и «бакунистов» в русской эмиграции.

Но пример, взятый Аксельродом, разоблачает нашего оппортуниста бесподобно. Мог ли кто-нибудь, не сойдя с ума, «утверждать наверное» в 1901 году, что решающая борьба с абсолютизмом в России предстоит «непосредственно»? Никто не мог, никто не утверждал. Никто не мог тогда знать, что *через четыре года* предстоит *одна* из решающих битв (декабрь 1905 г.); а следующая «решающая» битва с абсолютизмом «предстоит», может быть, в 1915—16 гг., а может быть и позже.

Если никто не утверждал, не только наверное, а и вообще не утверждал в 1901 году, что решающая битва предстоит «непосредственно», если мы утверждали тогда, что «истерические» крики Кричевского, Мартынова и К⁰ о «непосредственной» битве несерьезны, то мы, революционные с.-д., утверждали тогда *наверное* иную вещь: мы утверждали тогда, что только безнадежные оппортунисты могли в 1901 году не понимать задачи *непосредственной поддержки*

революционных демонстраций 1901-го года, поощрения, развития их, пропаганды самых решительных революционных лозунгов для них. И история оправдала нас, только нас, осудив оппортунистов и выкинув их на деле вон из рабочего движения, хотя «непосредственно» решающей битвы *не* предстояло, хотя первая решающая битва произошла *только* через четыре года и все же оказалась не последней, значит, нерешающей.

Совершенно то же самое, буквально то же самое переживает Европа теперь. Ни тени сомнения не может быть, что в Европе 1915-го года есть налицо революционная ситуация, как была в России 1901-го года. Мы не можем знать, произойдет ли первая «решающая» битва пролетариата с буржуазией через четыре года или через два или через десять и более лет,—последует ли «вторая» «решающая» битва еще через десятилетие. Но мы твердо знаем и «наверное» утверждаем, что теперь наш немедленный и непосредственный долг поддерживать родившееся брожение и демонстрации, которые *уже* начались. В Германии толпа освистывала Шейдемана, во многих странах толпа демонстрировала против дороговизны. От этой прямой и безусловной обязанности с.-д. Аксельрод увертывается и отговаривает рабочих. Если брать политический смысл и итог рассуждений Аксельрода, то вывод может быть только один: Аксельрод *вместе* с вождями социал-патриотизма и социал-шовинизма *против* немедленной пропаганды и подготовки революционных действий. В этом суть. Все остальное—слова.

Мы стоим, *несомненно*, накануне социалистической революции. Это признавали и «осторожнейшие» теоретики вроде Каутского еще в 1909 году («Путь к власти»), это признал и единогласно принятый Базельский манифест 1912 года. Как в 1901 г. мы не знали, продолжится ли с этого времени «канун» первой русской революции четыре года, так мы не знаем этого и теперь. Революция может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска, с промежутками контр-революционных судорог буржуазного строя. Вся соль теперешнего политического положения состоит всецело в том, использовать ли революционную ситуацию, которая уже есть налицо, поддержкой и развитием *революционных* движений. Да или нет. По этому вопросу делятся сейчас, политически, социал-шо-

винисты и революционные интернационалисты. И в этом вопросе Каутский, Аксельрод и Мартов на стороне социал-шовинистов, несмотря на революционные фразы всех их, как пяти заграничных секретарей О. К.

Свою защиту социал-шовинизма Аксельрод прикрывает необыкновенно щедрой фразеологией. Его брошюра годится в образец—для иллюстрации того, *как* прикрывают свои воззрения, *как* пользуются языком и печатным словом для сокрытия своих мыслей. Аксельрод бесчисленное количество раз склоняет слово интернационализм, он порицает и социал-патриотов и их друзей за нежелание подвинуться влево, он намекает, что он «левее» Каутского, он говорит и о необходимости III Интернационала, который должен быть так силен, чтобы на попытки буржуазии зажечь мировой пожар войны ответить «не угрозами, а воспламенением революционного штурма» (14) и т. д. и т. п. без конца. На словах Аксельрод готов признать все, что́ угодно, вплоть до революционного штурма, а на деле он хочет единства с Каутским и, следовательно, с Шейдеманом в Германии, с шовинистским и контр-революционным «Нашим Делом» и фракцией Чхеидзе в России, на деле он *против* того, чтобы *сейчас* поддерживать и развивать *начинающееся революционное движение*. На словах все, на деле ничто. Клятва и божба, что мы «интернационалисты» и революционеры, а на деле поддержка социал-шовинистов и оппортунистов всего мира в их борьбе против революционных интернационалистов.

Написано осенью 1915 г. *Т. XVIII, стр. 306—310.*

ПИСЬМО ЛИГЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В АМЕРИКЕ

...оппортунистов, которые должны быть исключены из партии, особенно теперь после их предательского поведения во время войны. Если бы в каждом данном кризисе маленькая группа (в настоящее время наш Ц. К. представляет маленькую группу) могла действовать, направляя массы в *сторону революции*, это было бы очень хорошо. Во *всех* кризисах массы не могут действовать непосредственно, массы нужда-

ются в помощи со стороны маленьких групп центральных учреждений нашей партии. С самого начала войны, с сентября 1914 года, наш Ц. К. внушал массам, чтобы они не принимали лжи об «оборонительной войне», чтобы они порвали с соглашателями и так называемыми «джинго-социалистами» (так мы называем «социалистов», которые стоят *теперь* за оборонительную войну). Мы думаем, что эти централистические мероприятия нашего Центрального Комитета были полезны и необходимы.

Мы соглашаемся с Вами, что мы должны быть против ремесленных союзов и за промышленные союзы, т.-е. за крупные, централизованные трэд-юнионы и за наиболее деятельное участие *всех* членов партии в экономической борьбе и во *всех* трэд-юнионистских и кооперативных организациях рабочего класса. Но таких людей, как г. Легин в Германии и г. Гомперс в С. Ш. А., мы считаем буржуями, и их политику—не социалистической политикой, а националистической политикой среднего класса. Гг. Легин, Гомперс и подобные им люди представляют не рабочий класс: они представляют лишь аристократию и бюрократию рабочего класса.

Мы всецело сочувствуем Вашему требованию массового «выступления» рабочих. Германские революционеры и интернационалисты-социалисты также требуют этого. В нашей прессе мы стараемся подробнее определить, что именно нужно понимать под «политическим массовым выступлением», как напр., политическая забастовка (очень обычная в России), уличная демонстрация и гражданская война, которая подготовляется настоящей империалистской международной войной.

Мы не проповедуем союза с *современными* (преобладающими во II Интернационале) социалистическими партиями. Наоборот, мы настаиваем на *разрыве* с соглашателями. Война, это—лучший наглядный урок. Во *всех* странах соглашатели, их лидеры, их наиболее влиятельные газеты и журналы стоят *за* войну, другими словами, они действительно *заключили союз* с «их» национальной буржуазией (средний класс, капиталисты) против пролетарских масс. Вы говорите, что в Америке есть также социалисты, которые высказываются в пользу оборонительной войны. Мы убеждены, что союз с этими людьми—преступление. *Это*—союз с национальным средним классом и капиталистами и *разрыв* с международным рево-

люционным рабочим классом. А мы стоим за разрыв с националистскими соглашателями и за союз с международными революционерами-марксистами и партиями рабочего класса.

Мы никогда не возражали в нашей прессе против объединения Социалистической Партии и Социалистической Рабочей Партии (SP and SLP) в Америке. Мы всегда ссылались на письма Маркса и Энгельса (особенно к Зорге, активному члену американского социалистического движения), где оба осуждают сектантский характер С. Р. П. (SLP).

Мы вполне согласны с Вашей критикой старого Интернационала. Мы участвовали в Циммервальдской конференции (Швейцария 5—8-IX—1915 г.). Мы образовали там *левое крыло* и предложили *нашу резолюцию* и проект манифеста. Мы только что опубликовали эти документы в Германии, и я посылаю их Вам (с немецким переводом нашей брошюрки «Социализм и война»), надеясь, что в Вашей Лиге есть товарищи, знающие немецкий язык. Если б Вы могли помочь нам издать эти вещи на английском языке (это возможно только в Америке, и после того мы пошлем их в Англию), мы охотно приняли бы Вашу помощь.

В нашей борьбе за истинный интернационализм против «джинго-социалистов» мы, в нашей прессе, всегда указываем на соглашательских вождей С. П. (SP) в Америке, которые стоят за ограничение иммиграции китайских и японских рабочих (особенно после Конгресса в Штутгарте в 1907 г. *вопреки* его решениям). Мы думаем, что никто не может быть интернационалистом и в то же время стоять за подобные ограничения. Мы утверждаем, что если только американские и особенно английские социалисты, принадлежащие к правящей и *угнетающей* нации, не против каких бы то ни было ограничений иммиграции и обладания колониями (Гавайские острова), если они не стоят за полную независимость последних, то такие социалисты в действительности—«джинго».

В заключение еще раз повторяю лучшие пожелания и приветствия Вашей Лиге. Мы были бы очень рады и далее получать от Вас информации и *соединить* нашу борьбу против соглашателей за истинный интернационализм.

Ваш *Н. Ленин.*

В России две соц.-дем. партии. Наша партия (Центр. Комитет) против соглашателей. Вторая партия (*Организационный* Комитет) оппортунистична. Мы против союза с нею. Вы можете писать на наш официальный адрес (Русская Библиотека. Для Ц. К.—7, rue Hugo de Senger, Женева. Швейцария). Но лучше пишите на мой личный адрес: *Владимир Ульянов*. Зейденвег 4-а. III. *Берн*. Швейцария.

Написано в ноябре 1915 г. *Т. XVIII, стр. 329–331.*

ОППОРТУНИЗМ И КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Поучительно сопоставить отношение разных классов и партий к краху Интернационала, обнаруженному войной 1914—1915 г.г. Буржуазия, с одной стороны, расхваливает, превозносит до небес тех социалистов, которые высказываются за «защиту отечества», т.-е. за войну и за помощь буржуазии. С другой стороны, более откровенные или менее дипломатичные представители буржуазии злорадствуют по поводу краха Интернационала, краха «иллюзий» социализма. Среди социалистов, «защищающих отечество», те же два оттенка: «крайние», вроде немцев В. Кольба и В. Гейне, признают крах Интернационала, обвиняя в этом крахе «революционные иллюзии» и стремясь к воссозданию *еще более* оппортунистического Интернационала. Но на практике они сходятся с «умеренными» и осторожными социалистическими «защитниками отечества» типа Каутский, Ренодель, Вандервельд, которые упорно отрицают крах Интернационала, считают его лишь временно приостановленным, защищают жизнеспособность и право на существование именно II Интернационала. Революционные с.-д. разных стран признают крах II Интернационала и необходимость строить третий.

Чтобы решить, кто прав, возьмем исторический документ, который относится как раз к настоящей войне и подписан единогласно, притом официально *всеми* социалистическими партиями мира. Документ этот — Базельский манифест 1912 года. Замечательно, что в теории ни один социалист не решится отрицать необходимости конкретно-исторической оценки каждой войны в отдельности. Но теперь никто, кроме малочисленных «левых» с.-д., не решается ни прямо, открыто,

определенно отречься от Базельского манифеста, объявить его ошибочным, ни проанализировать его добросовестно, сравнивая его положения с поведением социалистов после войны.

Почему это? Потому, что Базельский манифест беспощадно разоблачает всю фальшь рассуждений и поведения большинства официальных социалистов. *Ни единого словечка* этот манифест не говорит ни о «защите отечества», ни о различии наступательной и оборонительной войны!! *Ни звука* о том, о чем больше всего говорят, кричат и вопиют официальные вожди с.-д. как Германии, так и четверного согласия. Базельский манифест совершенно точно, ясно, определенно оценивает именно те конкретные конфликты интересов, которые вели к войне в 1912 г. и привели к ней в 1914 году. Манифест говорит, что это—конфликты на почве «капиталистического империализма», конфликты Австрии и России из-за «преобладания на Балканах», Англии, Франции и Германии из-за их (их *всех!*) «завоевательной политики в Малой Азии», Австрии и Италии из-за стремлений «втянуть Албанию в сферу их влияния», подчинить ее своему «господству», Англии и Германии из-за их общего «антагонизма», далее из-за «покушений царизма на Армению, Константинополь и т. п.». Всякий видит, что это относится целиком именно к теперешней войне. Чисто завоевательный, империалистский, реакционный, рабовладельческий характер этой войны признан яснее ясного в манифесте, который сделал и неизбежный вывод: война не может быть «оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса», война готовится «ради прибылей капиталистов и честолюбия династий»; будет со стороны рабочих «преступлением стрелять друг в друга».

В этих положениях содержится все существенное, что необходимо для понимания коренной разницы двух великих исторических эпох. Одна—эпоха 1789—1871 г.г., когда войны в Европе большей частью были связаны, несомненно, с *важнейшим* «народным интересом», именно: с могучими, затрагивающими миллионы буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета. На этой почве, и только на ней выросло понятие «защиты отечества», защита освобождающейся буржуазной нации против средневековья. Только

в этом смысле признавали социалисты «защиту отечества». И теперь *в этом смысле* нельзя не признать ее, например, защиты Персии или Китая от России или Англии, Турции от Германии или России, Албании от Австрии и Италии и т. п.

Война 1914—15 г., как это ясно сказано в Базельском манифесте, принадлежит совершенно иной исторической эпохе, носит совершенно иной характер. Война между хищниками из-за раздела добычи, из-за порабощения чужих стран. Победа России, Англии, Франции несет удушение Армении, Малой Азии и т. д.—это *сказано* в Базельском манифесте. Победа Германии—удушение Малой Азии, Сербии, Албании и пр. Это *сказано* там же, это признали все социалисты! Лживы, бессмысленны и лицемерны всякие фразы об оборонительной войне или защите отечества со стороны великих держав (читай: великих хищников), воюющих из-за господства над миром, из-за рынков и «сфер влияния», из-за порабощения народов! Неудивительно, что «социалисты», признающие защиту отечества, *боятся* вспомнить и точно процитировать Базельский манифест, ибо он *изобличает* их лицемерие. Базельский манифест *доказывает*, что социалисты, способные признавать «защиту отечества» в войне 1914—1915 г.г.—социалисты на словах лишь, а на деле шовинисты. Они социалисты-шовинисты.

Из признания войны, связанной с интересом национального освобождения, вытекает одна тактика социалистов. Из признания войны империалистскою, завоевательною, хищническою—другая. И Базельский манифест ясно очертил эту другую тактику. Война вызовет «экономический и политический кризис»,—говорит он. Этот кризис надо «использовать» для «ускорения падения господства капитала»: в этих словах *признано*, что социальная революция *назрела*, что она *возможна*, что она *грядет* в связи с войной. «Господствующие классы» боятся «пролетарской революции», гласит манифест, ссылаясь прямо на пример Коммуны и 1905-го года, т.-е. на примеры революций, стачек, гражданской войны. Лгут те, кто говорит, что социалисты «не обсуждали», «не решили» вопроса об отношении к войне. Базельский манифест *решил* эту тактику: тактику пролетарски-революционных действий и гражданской войны.

Ошибкой было бы думать, что Базельский манифест пустая декламация, казенная фраза, несерьезная угроза. Так готовы заявить те, кого этот манифест изобличает! Но это неправда!

Базельский манифест есть сводка гигантского пропагандистского и агитационного материала за всю эпоху II Интернационала, 1889—1914 г.г. Этот манифест *резюмирует десятки миллионов*[1] прокламаций, газетных статей, книг, речей социалистов всех стран. Объявить ошибкой этот манифест значит объявить ошибкой весь II Интернационал, всю работу десятилетий и десятилетий с.-д. партий. Отмахнуться от Базельского манифеста значит отмахнуться от всей истории социализма. Базельский манифест не говорит ничего *особенного*, ничего *экстраординарного*. Он дает то и только то, *чем* социалисты *вели за собой массы:* признание «мирной» работы *подготовкой* к пролетарской революции. Базельский манифест повторил то, что говорил на конгрессе Гэд в 1899 г., высмеивая министериализм социалистов *на случай* войны из-за рынков, «brigandages capitalistes»[2] («En Garde» p. 175—6), или Каутский в 1909 г. в «Пути к власти», указывая на конец «мирной эпохи», на наступление эпохи войн и революций, борьбы пролетариата за власть.

Базельский манифест доказывает неопровержимо полную *измену* социализму со стороны социалистов, голосовавших за кредиты, вступавших в министерство, признававших защиту отечества в 1914—1915 г. Факт измены неоспорим. Отрицать его могут лишь лицемеры. Вопрос лишь в том, как *объяснить* ее.

Было бы нелепо, ненаучно, смешно сводить дело к *личностям*, ссылаться на Каутского, Гэда, Плеханова («даже» такие люди!). Это—жалкая уловка. Серьезное объяснение требует разбора *экономического* значения данной политики, затем анализа ее основных *идей*, наконец изучения истории *направлений* в социализме.

В чем *экономическая* сущность «защиты отечества» в войне 1914—1915 г.? Ответ дан уже в Базельском манифесте. Войну ведут *все* великие державы из-за грабежа, раздела мира, из-за рынков, из-за порабощения народов. Буржуазии это несет увеличение прибылей. Маленькому слою рабочей бюрократии и аристократии, затем мелкой буржуазии (интеллигенция и т. п.), «примкнувшей» к рабочему движению, это обещает

[1] В оригинале приписано над строкой карандашом рукой В. И.: «без преувеличения, *миллионы и миллионы*». *Ред.*

[2] «Капиталистические разбои». *Ред.*

крохи этих прибылей. Экономическая основа «социал-шовинизма» (этот термин точнее, чем социал-патриотизм, последний прикрашивает зло) и оппортунизма одна и та же: союз ничтожного слоя «верхов» рабочего движения с «своей» национальной буржуазией *против* массы пролетариата. Союз *слуг* буржуазии с буржуазией против *класса*, эксплуатируемого буржуазией. Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм.

Политическое содержание социал-шовинизма и оппортунизма одно и то же: сотрудничество классов, отречение от диктатуры пролетариата, отказ от революционных действий, преклонение перед буржуазной легальностью, недоверие к пролетариату, доверие к буржуазии. Те же политические идеи. То же политическое содержание тактики. Социал-шовинизм—прямое продолжение и завершение мильеранизма, бернштейнианства, английской либеральной рабочей политики, их сумма, их итог, их результат.

Два основных направленья в социализме, оппортунистическое и революционное, мы видим за всю эпоху 1889—1914 г.г. Два направления по вопросу об отношении к социализму есть и теперь. Отбросьте манеру буржуазных и оппортунистических лгунов, ссылающихся на *лиц;* возьмите *направления* в целом ряде стран. Берем 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Бельгию, Францию. В 8 первых странах деление на оппортунистическое и революционное *направления* соответствует делению на социал-шовинистов и революционных интернационалистов. Основные *ядра* социал-шовинизма в социальном, политическом смысле—«Socialistische Monatshefte»[1] и К⁰ в Германии, фабианцы и раб. партия в Англии (Независимая рабочая партия шла в *блоке* с ними, и в этом блоке гораздо больше влияния социал-шовинизма, чем в Британской Социалистической Партии, в коей ок. $^3/_7$ интернационалистов: 66 и 84), «Наша Заря» и О. К. (и «Наше Дело») в России, партия Биссолати в Италии, партия Трульстры в Голландии, Брантинг и К⁰ в Швеции, «широкие» в Болгарии, Грейлих и «его» люди в Швейцарии. Именно среди революционных с.-д. во *всех* этих странах уже раздался более или менее резкий протест против социал-шовинизма. Исключение: 2 страны из 10, но и в этих странах интернационалисты *слабы*, а не отсутствуют, факты

[1] «Социалистический Ежемесячник». *Ред.*

скорее неизвестны (Вальян признавал, что получает письма интернационалистов, но не печатал их), чем не существуют.

Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм. Это неоспоримо. Союз с буржуазией был идейный, тайный. Он стал открытым, грубым. Силу социал-шовинизму дал именно союз с буржуазией и генеральными штабами. Лгут те, кто говорят (Каутский в том числе), что «массы» пролетариев повернули к шовинизму: массы *не были* опрошены нигде (за исключением, может быть, Италии—9 мес. споров до объявления войны!—и в Италии массы были *против* партии Биссолати). Массы были оглушены, забиты, разъединены, задавлены военным положением. Свободно голосовали *только* вожди—голосовали *за* буржуазию против пролетариата! Смешно и дико считать оппортунизм явлением *внутри*-партийным! Все марксисты, и в Германии и во Франции и т. д., всегда говорили и доказывали, что оппортунизм есть проявление влияния буржуазии на пролетариат, есть буржуазная рабочая политика, есть союз ничтожной части около-пролетарских элементов с буржуазией. И оппортунизм, созревая десятки лет в условиях «мирного» капитализма, созрел к 1914—5 г. до того, что стал открытым союзником с буржуазией. Единство с оппортунизмом есть единство пролетариата со своей национальной буржуазией, т.-е. подчинение ей, есть раскол интернационального революционного рабочего класса. Это не значит, чтобы был желателен или хотя бы лишь возможен немедленный раскол с оппортунистами во всех странах: это значит, что он исторически назрел, стал неизбежен и прогрессивен, необходим для революционной борьбы пролетариата, что история, повернув от «мирного» капитализма к империализму, повернула к такому расколу. Volentem ducunt fata, nolentem trahunt [1].

Буржуазия всех стран, и воюющих в первую голову, вполне объединилась с начала войны на расхваливании социалистов, признающих «защиту отечества», т.-е. защиту грабительских интересов буржуазии в империалистской войне *против пролетариата*. Посмотрите же, как этот основной и самый существенный интерес международной буржуазии пролагает себе дорогу, находит себе выражение *внутри* социалистических

[1] Латинская поговорка, дословно: рок ведет того, кто хочет идти, и тащит упирающегося. *Ред.*

партий, *внутри* рабочего движения. Пример Германии здесь особенно поучителен, ибо в этой стране эпоха II Интернационала создала самую сильную партию, но в других странах мы видим вполне и целиком *то же самое*, что́ в Германии, лишь с ничтожными различиями формы, обличья, внешности.

В апреле 1915 г. консервативный германский журнал «Preussische Jahrbücher»[1] поместил статью *социал-демократа,* члена с.-д. партии, который скрылся под псевдонимом *Monitor'a*. И этот оппортунист выболтал правду, открыто сказал то, в чем состоит *суть* политики *всей* всемирной буржуазии по отношению к рабочему движению XX века. Ни отмахнуться от этого движения, ни подавить его грубой силой уже нельзя. Его надо развратить изнутри, *купив* верхний слой его. Именно так поступала уже десятилетия англо-французская буржуазия, покупая трэд-юнионистских вождей, Мильеранов, Брианов и К°. Именно так поступает теперь и немецкая. С.-д. партия,—говорит Monitor перед лицом буржуазии (и по сути дела, *от имени* буржуазии)—ведет себя «безукоризненно» во время войны (т.-е. безукоризненно *служит* буржуазии против пролетариата). «Процесс перерождения» с.-д. партии в национал-либеральную рабочую партию идет вперед великолепно. Но *опасно* было бы для буржуазии, если бы эта партия *поправела:* «Характер рабочей партии с социалистическими идеалами она должна сохранить. Ибо в тот день, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая воспримет программу, от которой старая прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку» (Pr. J. 1915 г. № 4, 50—1).

В этих словах открыто выражено то, что́ всегда и повсюду прикрыто делала буржуазия. Массам *нужны* «радикальные» *слова*, чтобы массы верили в них. Оппортунисты готовы повторять их лицемерно. Им полезны, нужны *такие* партии, каковы были с.-д. партии II Интернационала, ибо они породили *защиту буржуазии* социалистами в кризис 1914—1915 г.г.! Совершенно ту же политику, как немец Monitor, ведут фабианцы и либеральные вожди трэд-юнионов в Англии, оппортунисты и жоресисты во Франции. Monitor—оппортунист откровенный или циничный. Посмотрите на другой оттенок, на оппортуниста прикрываемого или «честного». (Энгельс спра-

[1] «Прусские Ежегодники». *Ред.*

ведливо сказал однажды, что «честные» оппортунисты самые опасные для рабочего движения.) Образчик таковых—Каутский.

В № 9 N. Z. 26/XI 1915 г. он пишет, что большинство официальной партии нарушает ее программу (сам Каутский защищал политику этого большинства целый год после войны и оправдывал ложь «защиты отечества»!). «Оппозиция против большинства растет» (272). («Die Opposition gegen die Mehrheit im Wachsen ist»). Массы «оппозиционны» («oppositionnel»). «Nach dem Kriege»... (nur *nach* dem Kriege?)... «werden die Klassengegensätze sich so verschärfen, dass der Radikalismus in den Massen die Oberhand gewinnt» (272)... Es «droht uns nach dem Kriege» (nur *nach* dem Kriege?) «die Flucht der radikalen Elemente aus der Partei u. ihr Zustrom zu einer Richtung antiparlamentarischen» (?? soll heissen: ausserparlamentarischen) «Massenaktionen»... «So zerfallt unsere Partei in zwei Extreme, die nichts Gemeinsames haben» [1].

Каутский хочет представлять «золотую середину», примирять эти «2 крайности», «*не имеющие между собой ничего общего*»!! Он признает теперь (16 месяцев после начала войны), что массы революционны. И, осуждая тут же революционные действия, называя их «Abenteuer» «in den Strassen» (S. 272) [2], Каутский хочет «примирить» революционные массы с «неимеющими с ними ничего общего» оппортунистами—вожаками—примирить *на чем?* На словах! На «левых» словах «левого» меньшинства в рейхстаге!! Пускай меньшинство осуждает, как Каутский, революционные *действия*, называет их *авантюрой*, но кормит массы левыми *словами*—и тогда в партии будет единство и мир... с Зюдекумами, Легинами, Давидами, Monitor'ами!!

Да ведь это целиком та же программа Monitor'а, программа буржуазии, лишь выраженная «добрым голосом», «сладенькими фразами»!! И эту программу проводил также Wurm, когда в заседании с.-д. фракции рейхстага 8/III 1915 «er warnte die Fraktion den Bogen zu überspannen; in den Arbeitermassen

[1] «После войны» (только *после* войны?) «классовые противоречия так обострятся, что в массах перевес окажется на стороне радикализма...» «Нам угрожает после войны» (только *после* войны?) «бегство радикальных элементов из партии и их причаливание к направлению противопарламентских» (не значит ли это—внепарламентских??) «массовых действий...» «Так распадается наша партия на две крайности, не имеющие между собой ничего общего»... *Ред.*

[2] «Уличными авантюрами». *Ред.*

wachse die Opposition gegen die Fraktionstaktik; es gelte, beim marxistischen Zentrum zu verharren». S. *67* «Klassenkampf «gegen» den Krieg» Material zum «Fall Libknecht». Als Manuskript gedruckt[1].

Заметьте, что здесь от имени всего «марксистского центра» (Каутский в том числе) признается, что массы революционны! И это 8/III 1915!!! *Через 8½ месяцев*, 26/XI 1915 Каутский опять предлагает успокоить революционные массы новыми речами!!

Оппортунизм Каутского отличается от оппортунизма Monitor'а только словами, только оттенками, только способами достижения *одной* цели: *сохранения* влияния оппортунистов (т.-е. буржуазии) на массы, сохранить *подчинение* оппортунистам (т.-е. буржуазии) пролетариата!! Очень метко назвали Паннекук и Гортер позицию Каутского «пассивным радикализмом» (verbiage[2], как говорят французы, прекрасно изучившие *эту* разновидность революционности на своих «родных» образцах!!). Но я бы предпочел назвать это прикровенным, робким, лицемерным, слащавым оппортунизмом.

По сути дела 2 направления в с.-д-ии отличаются теперь вовсе не словами и не фразами. По части соединения «защиты отечества» (т.-е. защиты грабежей буржуазии) с фразами о социализме, интернационализме, свободе народов и т. п. Вандервельд, Ренодель, Самба, Гайндман, Гендерсон, Ллойд-Джордж не уступят Легину, Зюдекуму и Каутскому с Гаазе! Действительное различие начинается именно с полного отрицания защиты отечества в данной войне, с признания революционных действий в связи с ней, *во время* нее *и после* нее. И в этом, единственно серьезном вопросе, единственно деловом, Каутский и Кольб с Гейне едино суть.

Сравните фабианцев в Англии и каутскианцев в Германии. Первые почти либералы, никогда не признававшие марксизма. Энгельс писал о фабианцах 18 января 1893 г.:... «шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желаю-

[1] «Он предупреждал фракцию, чтобы она не натянула слишком вожжей, ибо в рабочих массах растет оппозиция против тактики фракции; надлежит остаться при марксистском центре» (стр. *67* «Классовая борьба «против» войны»—материал к «Делу Либкнехта», на правах рукописи). *Ред.*

[2] Болтовня. *Ред.*

щих доверить эту исполинскую работу исключительно незрелому пролетариату... Их основной принцип—страх перед революцией...» И 11 ноября 1893 г.: «высокомерные буржуа, милостиво снисходящие к пролетариату, чтобы освободить его сверху, если бы только он захотел понять, что такая серая необразованная масса не может сама себя освободить и ничего не может достигнуть без милости этих умных адвокатов, литераторов и сантиментальных баб»... Как далеки от них каутскианцы по своей «теории»! А на практике, в их отношении к войне, те и другие *вполне совпадают!* Наглядное доказательство того, как выветрился весь марксизм у каутскианцев, как превратился он в мертвую букву, в лицемерную фразу.

Какими явными софизмами опровергали каутскианцы после войны тактику революционных пролетарских действий, единогласно принятую социалистами в Базеле, можно видеть из следующих примеров. Каутский выдвинул теорию «ультраимпериализма». Он разумел под этим замену «борьбы национальных финансовых капиталов между собой общею эксплуатациею мира интернационально объединенным финансовым капиталом» (N. Z. № 5, 30/IV 1915, S. 144). При этом сам Каутский добавлял: «Осуществима ли подобная новая фаза капитализма, для решения этого нет еще достаточных предпосылок»!! На основании того, что «мыслима» новая фаза, которую сам же ее сочинитель не решается даже объявить «осуществимой», отрицаются революционные задачи пролетариата теперь, во время заведомо наступившей *фазы* кризиса и войны! И отрицает революционные действия тот самый авторитет II Интернационала, который в 1909 г. писал целую книгу «Путь к власти», переведенную почти на все главные европейские языки и доказывавшую *связь* грядущей войны с революцией, доказывавшую, что «революция *не может быть* преждевременной»!!

В 1909-м году Каутский доказывает, что миновала эпоха «мирного» капитализма, грядет эпоха войн и революций. В 1912-м году Базельский манифест именно этот взгляд кладет в основу всей тактики социалистических партий мира. В 1914 году наступает война, наступает «экономический и политический кризис», предвиденный Штутгартом и Базелем. И Каутский выдумывает теоретические «отговорки» *против* революционной тактики!

П. Б. Аксельрод проводит те же идеи в чуточку более

«левой» фразеологии: он пишет в свободной Швейцарии и желает влиять на русских революционных рабочих («die Krise und die Aufgaben der internationalen Socialdemokratie». Zürich, 1915 г.[1]). Здесь мы читаем приятное для оппортунистов и буржуа всего мира открытие, что «das Internationalisierungsproblem der Arbeiterbewegung ist mit der Frage der Revolutionisierung unserer Kampfesformen und Methoden nicht identisch» (37) и что «Der Schwerpunkt des Internationalisierungsproblems der proletarischen Befreiungsbewegung liegt in der weiteren Entwickelung u. Internationalisierung eben jener Altagspraxis» (40... «*beispielsweise* müssen die Arbeiterschutz- u. Versicherungsgesetzgebung... zum Objekt ihrer (der Arbeiter) *internationalen* Aktionen u. Organisationen werden» (39)[2].

Разумеется, не только Зюдекумы, Легины и Гайндманы с Вандервельде, но и Ллойд-Джорджи, Науманы и Брианы всецело одобрят такой «интернационализм»! (Аксельрод защищает «интернационализм» Каутского, не приведя и не разобрав ни одного довода его за защиту отечества. Аксельрод — как и франко-фильские социал-шовинисты — боится даже вспомнить, что Базельский манифест говорит именно о революционной тактике). Для будущего,—неопределенного, неизвестного будущего—Аксельрод готов бросить самые левые, ррреволюционные фразы о том, как будущий Интернационал выступит—entgegentreten wird (den Regierungen im Falle der Kriegsgefahr) «mit der Entfachung eines revolutionären Sturmes»... Einleitung der socialistischen Revolution (14)[3]. Не шутите!! А когда речь идет о применении именно теперь, во время теперешнего кризиса, революционной тактики, Аксельрод отвечает «ganz à la Kautsky[4]: «revolutionäre Massen-

[1] «Кризис и задачи международной с.-демократии». Цюрих, 1915 г. *Ред.*

[2] «Проблема интернационализирования рабочего движения не тожественна с вопросом революционизирования наших форм и методов борьбы» и что «центр тяжести проблемы интернационализирования пролетарского освободительного движения лежит в дальнейшем развитии и интернационализировании именно той будничной практики»... «*примерно* законодательство по охране труда и страхованию должно стать объектом их (рабочих) *интернациональных* действий и организаций». *Ред.*

[3] Выступит (против правительств в случае опасности войны) «с развязыванием революционного штурма»... Пролог социалистической революции. *Ред.*

[4] «Совсем по Каутскому». *Ред.*

aktionen»... эта тактика... «hätte noch eine gewisse Berechtigung, wenn wir unmittelbar am Vorabend der socialen Revolution ständen, ähnlich wie es etwa in Russland seit den Studentendemonstrationen des J. 1901 der Fall war, die das Herannahen entscheidender Kämpfe gegen den Absolutismus ankündigten»[1]... (40—41) и дальше громы против «Utopien»[2], «Bakunismus»[3], вполне в духе Кольба, Гейне, Зюдекума и Легина!! Но пример России особенно наглядно разоблачает Аксельрода. С 1901 по 1905 г. прошло 4 года, и никто не мог ручаться в 1901 г., что революция в России (первая революция против абсолютизма) наступит через 4 года. Совершенно таково же положение Европы перед соц. революцией. Никто не может ручаться, наступит ли первая революция этого рода через 4 года. Но что революционная ситуация есть *налицо*, это факт, предсказанный в 1912 г. и наступивший в 1914 г. Демонстрации рабочих и голодающих горожан в России и в Германии 1914 г. также несомненно «ankündigen des Herannahen entscheidender Kämpfe»[4]. Прямой и безусловный долг социалистов—поддерживать и развивать *эти* демонстрации и всякого рода «революционные массовые действия» (стачки, экономические и политические движения в войске вплоть до восстания и гражданской войны), давать им ясные лозунги, создавать нелегальную организацию и литературу, без которой *нельзя* звать массы к революции, помогать им осознать ее, организоваться для нее. Именно так поступили с.-д. в России 1901 г. перед «Am Vorabend»[5] буржуазной революции (которая началась в 1905 г., но не кончилась и в 1915 г.). Именно так обязаны поступать с.-д. в Европе 1914—5 г. «am Vorabend der socialistischen Revolution»[6]. Революции никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспыхивают сразу. Им предшествует всегда процесс

[1] «Революционные массовые действия»... эта тактика... «имела бы еще известное оправдание, если бы мы стояли непосредственно накануне социальной революции, подобно тому, например, как дело было в России со времен студенческих демонстраций 1901 года, бывших предвестниками приближения решающих битв против абсолютизма». *Ред.*

[2] «Утопий». *Ред.*

[3] «Бакунизма». *Ред.*

[4] «Предвещают приближение решающих битв». *Ред.*

[5] «Накануне». *Ред.*

[6] «Накануне социалистической революции». *Ред.*

брожений, кризисов, движений, возмущений, *начала* революции, при чем это начало *не всегда* развивается до конца (напр., если слаб революционный класс). Аксельрод выдумывает отговорки, отвлекая с.-д. от их *долга* помогать развитию революционных движений, уже начинающихся на почве уже наличной революционной ситуации. Аксельрод защищает тактику Давида и фабианцев, только прикрывая свой оппортунизм левыми фразами.

«Den Weltkrieg in einen Bürgerkrieg umwandeln zu wollen wäre Wahnsinn gewesen»[1], пишет вождь оппортунистов Э. Давид. («Deutsche Socialdemokratie und der Weltkrieg», Brl. 1915, S. 172)[2], возражая на манифест Ц. К. нашей партии Р. С.-Д. Р. П., опубликованный 1/XI—1914 и бросивший этот лозунг и добавивший «Wie gross die Schwierigkeiten dieser Umwandlung zur gegebenen Zeit auch sein mögen,—die Socialisten werden niemals ablehnen, die Vorarbeiten in der bezeichneten Richtung *systematisch*, *unbeugsam* und energisch auszuführen falls der Krieg zur Tatsache geworden ist»[3] (zitiert bei David. S. 171). Заметим, что за месяц до выхода книги Давида (1/V—1915 г.) наша партия опубликовала (№ 40 «С.-Д.», 29/III) резолюцию о войне: систематические «шаги по пути превращения империалистской войны в гражданскую» определялись в них следующим образом: 1) отказ от вотирования военных кредитов etc.; 2) разрыв «Burgfrieden»[4]; 3) создание нелегальной организации; 4) поддержка братанья солдат в траншеях; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Вполне согласную с Давидом оценку революционной тактики дал Плеханов, типичный представитель социал-шовинистов «4-ного согласия». Он назвал мысли о...[5]

Написано в конце 1915 г. *Т. XVIII, стр. 339—350.*

---

[1] «Было бы безумием захотеть превратить мировую войну в гражданскую». *Ред.*

[2] «Немецкая социал-демократия и мировая война», Берлин. 1915 год. *Ред.*

[3] «Как бы велики ни были трудности этого превращения, социалисты никогда не откажутся от *систематической*, *непреклонной* и энергичной предварительной работы в этом направлении в том случае, когда война станет фактом». (Цитировано у Давида, стр. 171). *Ред.*

[4] «Гражданского мира». *Ред.*

[5] Конец рукописи не сохранился. *Ред.*

1916 год

ОППОРТУНИЗМ И КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

I

Действительно ли перестал существовать II Интернационал? Авторитетнейшие его представители, как Каутский и Вандервельде, упорно отрицают это. Ведь ничего не случилось, за исключением разрыва сношений; все обстоит благополучно; такова их точка зрения.

Для того, чтобы выяснить истину, обратимся к *Манифесту Базельского конгресса* 1912 года, который относится как раз к данной империалистской мировой войне и был принят всеми социалистическими партиями мира. Следует отметить, что ни один социалист не посмеет в теории отрицать необходимость конкретно-исторической оценки каждой войны.

Теперь, когда война разразилась, ни откровенные оппортунисты, ни каутскианцы не решаются ни отрицать Базельский Манифест, ни сопоставлять с его требованиями поведение социалистических партий во время войны. Почему? Да потому, что манифест полностью разоблачает и тех, и других.

В нем нет ни единого словечка ни о защите отечества, ни о различии между наступательной и оборонительной войной, ни одного слова обо всем том, о чем теперь на всех перекрестках твердят миру оппортунисты и каутскианцы[1] Германии и Тройственного Союза. Манифест и не мог об этом говорить, так как то, что он говорит, абсолютно исключает всякое применение этих понятий. Он вполне конкретно указывает на ряд экономических и политических конфликтов, которые подгото-

---

[1] Речь идет не о личностях сторонников Каутского в Германии, а о том международном типе мнимых марксистов, которые колеблются между оппортунизмом и радикализмом, а в действительности служат лишь фиговым листочком для оппортунизма.

вляли эту войну в течение десятилетий, вполне выявились в 1912 г. и вызвали войну 1914 г. Манифест напоминает о русско-австрийском конфликте из-за «гегемонии на Балканах», о конфликте между «Англией, Францией и Германией» (между *всеми* этими странами!) в связи с их «завоевательной политикой на Ближнем Востоке», об австро-итальянском конфликте из-за «стремления к владычеству» в Албании и т. д. Манифест определяет одним словом все эти конфликты, как конфликты на почве «капиталистического империализма». Таким образом, в манифесте совершенно ясно формулируется захватнический, империалистический, реакционный, рабовладельческий характер данной войны, т.-е. тот характер, который превращает допустимость защиты отечества в теоретическую бессмыслицу и практическую нелепость. Идет борьба крупных акул из-за поглощения чужих «отечеств». Манифест делает неизбежные выводы из бесспорных исторических фактов: эта война не может быть «ни в какой мере оправдана под каким бы то ни было предлогом народных интересов»; она подготовляется «в интересах прибыли капиталистов, честолюбия династий». Было бы «преступлением», если бы рабочие «стали стрелять друг в друга». Так говорит манифест.

Эпоха капиталистического империализма является эпохой созревшего и перезревшего капитализма, стоящего накануне своего крушения, назревшего настолько, чтоб уступить место социализму. Период 1789—1871 г.г. был эпохой прогрессивного капитализма, тогда когда на порядке дня истории стояло низвержение феодализма, абсолютизма, освобождение от чужеземного ига. На этой почве, и *только* на ней, была допустима «защита отечества», т.-е. борьба с угнетением. Это понятие можно было бы применить и теперь к войне *против* империалистических великих держав, но было бы абсурдом применять его к войне *между* империалистическими великими державами, к войне, в которой дело идет о том, кто сумеет больше разграбить Балканские страны, Малую Азию и т. д. Поэтому нечего удивляться, что «социалисты», признающие «защиту отечества» в этой данной войне, обходят Базельский манифест, как вор то место, где он украл. Ведь манифест доказывает, что они—социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле, которые помогают «своей» буржуазии грабить чужие страны, порабощать другие нации. Это и есть существенное в понятии «шовинизма», что защищают «свое» оте-

чество даже тогда, когда его действия направлены к порабощению чужих отечеств.

Из признания войны войной за национальное освобождение вытекает одна тактика, из признания ее империалистской другая. Манифест ясно указывает на эту другую тактику. Война «приведет к экономическому и политическому кризису», который надо «использовать»: не для смягчения кризиса, не для защиты отечества, а наоборот, для «*встряски*» масс, для «ускорения устранения капиталистического классового господства». Нельзя ускорить то, для чего еще не созрели исторические условия. Манифест признавал, что социальная революция *возможна*, что ее предпосылки *созрели*, что она придет именно в *связи* с войной: «господствующие классы» боятся «пролетарской революции, следующей за мировой войной», заявляет манифест, ссылаясь на пример *Парижской коммуны и революции 1905 г.* в России, т.-е. на примеры массовых стачек, гражданской войны. Это—ложь, когда утверждают, подобно Каутскому, что отношение социализма к *этой* войне не было выяснено. Вопрос этот не только обсуждался, но и был решен в Базеле, где была принята тактика революционно-пролетарской массовой борьбы.

Является возмутительным лицемерием, когда совершенно, или в наиболее существенных частях, обходят Базельский манифест и вместо того цитируют речи вождей или резолюции отдельных партий, которые, во-первых, говорились *до* Базеля, во-вторых, не были решениями партий всего мира, в-третьих, относились к различным *возможным* войнам, только не к этой данной войне. Ядро вопроса состоит в том, что эпоха национальных войн между европейскими большими державами сменилась эпохой империалистических войн между ними, и что Базельский манифест впервые должен был официально признать этот факт.

Было бы ошибочно предполагать, что нельзя будет расценивать Базельский манифест таким образом, будто это лишь торжественная декламация или пышная угроза. Так хотели бы поставить вопрос те, кого этот манифест изобличает. Но это неправда. Манифест есть лишь результат большой пропагандистской работы всей эпохи II Интернационала, лишь сводка всего, что социалисты бросали в массы в сотнях тысяч своих речей, статей и воззваний на всех языках. Он только повторяет то, что писал, напр., *Жюль Гэд* в 1899 г., когда

он бичевал социалистический министериализм на случай войны: он говорил о войне, вызванной «капиталистическими пиратами» (*En garde*[1], стр. 175); только то, что писал *Каутский* в 1908 г. в «Пути к власти», где он признавал окончание «мирной» эпохи и начало эпохи войн и революций. Представлять Базельский манифест в виде фразы или ошибки, это значит считать фразой или ошибкой всю социалистическую работу за последние 25 лет. Противоречие между манифестом и его неприменением потому так и невыносимо для оппортунистов и каутскианцев, что оно вскрывает глубочайшее противоречие в работе II Интернационала. Относительно «мирный» характер периода 1871 до 1914 г. давал питание оппортунизму сначала как *настроению*, потом как *направлению* и, наконец, как *группе или слою* рабочей бюрократии и мелкобуржуазных попутчиков. Эти элементы могли подчинять рабочее движение лишь таким образом, что они на словах признавали революционные цели и революционную тактику. Они могли завоевать доверие масс только путем клятвенных уверений, будто вся «мирная» работа является лишь *подготовкой* к пролетарской революции. Это противоречие было нарывом, который когда-нибудь должен был лопнуть, и он лопнул. Весь вопрос состоит в том, надо ли пытаться, как это делают Каутский и К⁰, снова вогнать этот гной в организм во имя «единения» (с гноем)—или же, чтобы помочь полному оздоровлению организма рабочего движения, надо как можно скорее и тщательнее удалить этот гной, несмотря на временную острую боль, причиняемую этим процессом.

Предательство социализма со стороны тех, которые принимали военные кредиты, вступали в министерство и защищали идею обороны отечества в 1914/15 г., очевидно. Отрицать этот факт могут только лицемеры. Необходимо его объяснить.

II

Было бы нелепо рассматривать весь вопрос как вопрос о личностях. Какое это имеет касательство к оппортунизму, если такие люди, как *Плеханов* и *Гэд* и т. д.?—спрашивал *Каутский* («Neue Zeit» 18 мая 1915 г.). Какое это имеет касательство к оппортунизму, если *Каутский* и т. д.?—отвечал Аксельрод

[1] «На страже». *Ред.*

от имени оппортунистов тройственного союза («Die Krise der Sozialdemokratie»[1], Цюрих, 1915 г., стр. 21). Все это комедия. *Чтобы объяснить кризис всего движения, необходимо рассмотреть, во-первых, экономическое значение данной политики, во-вторых, идеи, лежащие в ее основании, и в-третьих, ее связь с историей направлений в социализме.*

В чем состоит экономическая сущность оборончества во время войны 1914/15 г.? Буржуазия *всех* крупных держав ведет войну в целях раздела и эксплуатации мира, в целях угнетения народов. Небольшому кругу рабочей бюрократии, рабочей аристократии и мелкобуржуазных попутчиков могут перепасть кое-какие крохи от крупных прибылей буржуазии. Классовая подоплека социал-шовинизма и оппортунизма одна и та же: союз небольшого слоя привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией *против* масс рабочего класса, союз лакеев буржуазии с нею самой *против* эксплуатируемого ею класса.

Политическое содержание оппортунизма и социал-шовинизма одно и то же: сотрудничество классов, отказ от диктатуры пролетариата, отказ от революционных действий, безоговорочное признание буржуазной законности, недоверие к пролетариату, доверие к буржуазии. *Социал-шовинизм—прямое продолжение и завершение английской либеральной рабочей политики, миллеранизма и бернштейнианства.*

Борьба двух основных тенденций в рабочем движении революционного и оппортунистического социализма наполняет всю эпоху с 1889 до 1914 года. И теперь также во всех странах существуют два главных течения по вопросу об отношении к войне. Оставим буржуазную и оппортунистическую манеру ссылаться на личности. Возьмем *направления* в ряде стран. Мы возьмем десять европейских государств: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Бельгию, Францию. В первых восьми странах деление на оппортунистов и радикалов соответствует делению на социал-шовинистов и интернационалистов. В Германии опорными пунктами социал-шовинизма являются «Sozialistische Monatshefte» и Легин и К⁰; в Англии—фабианцы и Рабочая Партия (I. L. P. была всегда в блоке с ними, поддерживала

[1] «Кризис социал-демократии». *Ред.*

их орган и в этом блоке всегда была слабее, чем социал-шовинисты, между тем как в B. S. P. интернационалисты составляют три седьмых); в России это течение представлено «Нашей Зарей» (теперь «Наше Дело»), Организационным Комитетом, думской фракцией под руководством Чхеидзе; в Италии—реформистами во главе с Биссолати; в Голландии—партией Трульстры; в Швеции—большинством партии, руководимым Брантингом, в Болгарии—партией «широких»; в Швейцарии—Грейлихом и К⁰. Напротив, во всех этих странах мы слышали более или менее последовательный протест против социал-шовинизма из противоположного радикального лагеря. Исключение составляют только две страны: Франция и Бельгия, в которых однако интернационализм также существует, но только очень слаб.

Социал-шовинизм, это—завершенный оппортунизм. Он созрел для открытого, часто вульгарного союза с буржуазией и генеральными штабами.

И именно этот союз дает ему большую силу и монополию легального печатного слова и обманывания масс. *Нелепо еще и теперь считать оппортунизм явлением внутри нашей партии.* Нелепо помышлять о проведении базельской резолюции вместе с Давидом-Легином, Гайндманом, Плехановым, Веббом. Единство с социал-шовинистами есть единство с «собственной» национальной буржуазией, эксплуатирующей другие нации, есть раскол интернационального пролетариата. Это не значит, что разрыв с оппортунистами повсюду возможен немедленно, это значит только, что исторически он назрел, что он необходим и неизбежен для революционной борьбы пролетариата, что история, которая привела от «мирного» к империалистическому капитализму, подготовила этот разрыв. *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt*[1].

III

Умные представители буржуазии прекрасно это поняли. Поэтому они так хвалят теперешние социалистические партии, во главе которых стоят «защитники отечества», т.-е. защитники империалистического грабежа. Поэтому правительства и оплачивают социал-шовинистических вождей то министер-

[1] Желающего судьба ведет, не желающего—тащит. *Ред.*

скими постами (во Франции и Англии), то монополией легального беспрепятственного существования (в Германии и России). Поэтому-то в Германии, где социал-демократическая партия была наиболее сильной и где ее превращение в национал-либеральную *контр-революционную* рабочую партию было наиболее очевидным, дело дошло до того, что в борьбе между «меньшинством» и «большинством» прокуратура видит «возбуждение классовой ненависти»! Поэтому умные оппортунисты больше всего озабочены сохранением прежнего «единства» старых партий, оказавших такие большие услуги буржуазии в 1914—15 г. Один из членов германской социал-демократии, опубликовавший в апреле 1915 г. под псевдонимом «*Монитор*» статью в реакционном журнале «*Preussische Jahrbücher*», с заслуживающей благодарности откровенностью выражает воззрения этих оппортунистов во всех странах мира. Монитор полагает, что для буржуазии было бы очень опасно, если бы социал-демократия пошла *еще дальше вправо:* «Она (социал-демократия) должна сохранить свой характер рабочей партии с социалистическими идеалами, так как в тот самый день, когда она его утратит, возникла бы новая партия, которая примет отброшенную программу, в более радикальной формулировке» («Preussische Jahrbücher» 1915, № 4, стр. 51).

Монитор попал в самую точку. Английские либералы и французские радикалы этого именно и хотели всегда: революционно звучащие фразы, чтобы обманывать массы, чтобы они оказывали доверие Ллойд-Джорджам, Самба, Реноделям, Легинам и Каутским, людям, способным проповедывать «оборону отечества» в грабительской войне.

Но Монитор представляет только одну разновидность оппортунизма: откровенную, грубую, циническую. Другие действуют скрыто, тонко, «честно». Энгельс однажды сказал: «честные» оппортунисты—наиболее опасные для рабочего класса... Вот один пример:

Каутский пишет в «*Neue Zeit*» (26-го ноября 1915 г.): «Оппозиция против большинства растет; массы настроены оппозиционно». «После войны (только *после* войны? *Н. Л.*) классовые противоречия настолько обострятся, что радикализм среди масс возьмет верх». «После войны (только *после* войны? *Н. Л.*) нам угрожает бегство радикальных элементов из партии и отлив их в партию антипарламентских (?? надо понимать: внепарламентских) массовых действий». «Таким образом, наша

партия распадается на два крайних лагеря, не имеющих ничего общего между собой». Во имя спасения единства, Каутский старается уговорить большинство в рейхстаге, чтобы они позволили меньшинству произнести несколько радикальных парламентских речей. Это значит, что Каутский хочет при помощи нескольких радикальных парламентских речей примирить революционные массы с оппортунистами, которые «не имеют ничего общего» с революцией, которые уже давно руководят профсоюзами, а теперь, опираясь на тесный союз с буржуазией и правительством, овладели и партийным руководством. Чем по существу отличается это от «программы» Монитора? Ничем, кроме сладких фраз, проституирующих марксизм.

На заседании фракции рейхстага 18-го марта 1915 г. каутскианец *Вурм* «предостерегал» фракцию от «слишком сильного натягивания струны; в рабочих массах растет оппозиция против фракционного большинства; необходимо держаться марксистского» (?! вероятно, опечатка: надо читать «монитор-ского») «центра» («Klassenkampf gegen den Krieg. Material zum Fall Liebknecht»[1]. Издано на правах рукописи. Стр. 67). Таким образом мы видим, что *факт* революционности *масс* был признан от имени *всех* каутскианцев (так называемого «центра») *уже в марте 1915 г!!* А через $8\frac{1}{2}$ месяцев Каутский снова выступает с предложением «примирить» массы, которые хотят бороться с оппортунистической, контр-революционной партией, и притом с помощью нескольких революционно звучащих фраз!!

Война часто тем полезна, что она вскрывает гниль и отбрасывает условности.

Сравним английских фабианцев с германскими каутскианцами. Вот что писал о первых *настоящий* «марксист», Фридрих Энгельс, 18-го января 1893 г..... «шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желающих доверить эту исполинскую работу исключительно незрелому пролетариату... Их основной принцип—страх перед революцией»... (Переписка с Зорге, стр. 390).

А 11-го ноября 1893 г. он пишет: «Эти высокомерные бур-

[1] «Классовая борьба против войны. Материалы к «Делу Либкнехта». *Ред.*

жуа, милостиво снисходящие к пролетариату, чтобы освободить его сверху, если бы только он захотел понять, что такая серая необразованная масса не может сама себя освободить и ничего не может достигнуть без милости этих умных адвокатов, литераторов и сентиментальных баб»... (там же, стр. 401).

В теории Каутский смотрит на фабианцев с презрением, как фарисей на бедного мытаря. Потому что он ведь клянется «марксизмом». Но какая разница между ними на практике? Оба подписали Базельский манифест, и оба поступили с ним, как Вильгельм II с бельгийским нейтралитетом. А Маркс всю свою жизнь бичевал тех людей, которые стараются погасить революционный дух рабочих.

Каутский противопоставил революционным марксистам новую теорию «ультраимпериализма». Он понимает под этим вытеснение «борьбы национальных финансовых капиталов между собой» и ее замену «совместной эксплуатацией мира международным финансовым капиталом» («N. Z.» 30 апреля 1915 г.). Но добавляет: «у нас еще нет достаточных предпосылок для того, чтобы решить, осуществима ли эта новая фаза капитализма». Итак, на основании одних только предположений о «новой фазе», не решаясь прямо заявить, что она «осуществима», изобретатель этой «фазы» отвергает свои собственные революционные заявления, отвергает революционные задачи и революционную тактику пролетариата *теперь* в «фазе» *уже начавшегося* кризиса, войны, неслыханного обострения классовых противоречий! Разве это не гнуснейшее фабианство?

Лидер русских каутскианцев, *Аксельрод*, видит «центр тяжести проблемы интернационализации пролетарского освободительного движения в интернационализации повседневной практики»: напр., «законодательство об охране труда и страховое законодательство должно стать объектом интернациональных действий и организации рабочих» (Аксельрод, «Кризис социал-демократии», Цюрих, 1915 г., стр. 39/40). Совершенно ясно, что не только Легин, Давид, Веббы, но даже сам Ллойд-Джордж, Науман, Бриан и Милюков вполне присоединятся к такому «интернационализму». Как и в 1912 г. Аксельрод для далекого, далекого будущего, готов преподнести самые революционные фразы, если будущий Интернационал «выступит (против правительств, в случае войны) и подымет революционную бурю». Скажите, пожалуйста, какие мы храбрые! Но

когда дело идет о том, чтоб *теперь* поддерживать и развертывать начинающееся в массах революционное брожение, тогда Аксельрод отвечает, что эта тактика революционных массовых выступлений «имела бы еще некоторое оправдание, если бы мы стояли непосредственно накануне социальной революции, подобно тому, как это было, напр., в России, где студенческие беспорядки 1901 года возвещали приближающиеся решительные бои с «абсолютизмом». А в данный момент все это—«утопии», «бакунизм» и т. д., совершенно в духе Кольба, Давида, Зюдекума и Легина.

Милейший Аксельрод забывает только, что в 1901 г. в России никто не знал и не мог знать, что первый «решительный бой» наступит через четыре года,—не забудьте: через *четыре* года—и останется «*не*решенным». И тем не менее тогда только мы, революционные марксисты, были правы: мы высмеивали Кричевских и Мартыновых, призывавших немедленно к штурму. Мы только советовали рабочим повсюду гнать в шею оппортунистов и всеми силами поддерживать, обострять и расширять демонстрации и другие массовые революционные выступления. Совершенно аналогично теперешнее положение в Европе: было бы бессмысленным призывать к «немедленному» штурму. Но было бы позором называться социал-демократом и не посоветовать рабочим разорвать с оппортунистами и всеми силами укреплять, углублять, расширять и обострять начинающееся революционное движение и демонстрации. Революция никогда не падает с неба совершенно готовой, и в начале революционного брожения никто никогда не знает, приведет ли оно и когда к «настоящей», к «доподлинной» революции. Каутский и Аксельрод дают рабочим старые, истасканные, контр-революционные советы. Каутский и Аксельрод кормят массы надеждой на то, что *будущий* Интернационал уже наверное будет революционным,—только бы *теперь* охранить, прикрыть и приукрасить господство контр-революционных элементов—Легинов, Давидов, Вандервельде, Гайндманов. Разве не ясно, что «единство» с Легином и К⁰ является наилучшим средством для подготовки «будущего» революционного Интернационала?

«Стремление превратить мировую войну в гражданскую войну было бы безумием», заявляет лидер германских оппортунистов *Давид* («Die Sozialdemokratie und der Weltkrieg»—«Социал-демократия и мировая война», 1915, стр. 172), отвечая

на манифест Центрального комитета нашей партии от 1-го ноября 1914 г. В этом манифесте между прочим сказано:

«Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом»[1].

(Цитируется и у Давида, стр. 171.) За месяц до появления книги Давида наша партия опубликовала резолюции, в которых «систематическая подготовка» разъяснялась следующим образом: 1. Отказ в кредитах. 2. Разрыв гражданского мира. 3. Образование нелегальных организаций. 4. Поддержка выражений солидарности в окопах. 5. Поддержка всех революционных массовых выступлений[2].

Давид почти такой же храбрец, как и Аксельрод: в 1912 г. он не считал «безумием» на случай войны ссылку на Парижскую коммуну.

Плеханов, типичный представитель антантовских социал-шовинистов, рассуждает о революционной тактике так же, как Давид. Он называет ее «грезофарсом». Но послушаем *Кольба*, откровенного оппортуниста, который писал: «Результатом тактики людей, окружающих Либкнехта, была бы доведенная до точки кипения борьба внутри германской нации». («Die Sozialdemokratie am Scheidewege»—«Социал-демократия на распутьи», стр. 50.)

Но что такое борьба, доведенная до точки кипения, как не гражданская война?

Если бы тактика нашего Ц. К., которая в своих основных чертах совпадает с тактикой циммервальдской левой, была «безумием», «мечтой», «авантюрой», «бакунизмом»—как это утверждали Давид, Плеханов, Аксельрод, Каутский и др.—она никогда не могла бы привести «к борьбе внутри наций», тем более доведенной до точки кипения. Анархические фразы нигде в мире не приводили к борьбе внутри нации. Зато факты говорят о том, что как раз в 1915 г., на почве кризиса, вызванного войной, растет революционное брожение в массах, растут стачки и политические демонстрации в России, стачки в Италии и Англии, голодные и политические демонстрации

[1] См. XVIII том Сочинений, стр. 66. *Ред.*
[2] См. *там же*, стр. 126. *Ред.*

в Германии. Разве это не начало революционных массовых выступлений?

Укрепление, развитие, расширение, обострение массовых революционных действий, создание нелегальных организаций, вне которых даже в «свободных» странах нет возможности сказать народным массам правду: *вот вся практическая программа социал-демократии в этой войне.* Все остальное является ложью или фразой, какими бы оппортунистическими или пацифистскими теориями оно ни украшалось [1].

Когда нам говорят, что эта «русская тактика» (выражение Давида) не подходит к Европе, тогда мы обычно отвечаем указанием на факты. 30 ноября в Берлине в президиум партии пришла депутация наших товарищей, берлинских женщин, и заявила, «что теперь, при наличности большого организационного аппарата можно гораздо легче, чем во времена законов против социалистов, распространять нелегальные брошюры и прокламации и устраивать «неразрешенные собрания». «Недостатка в средствах и путях не имеется, но, очевидно, нет желания». (Berner Tagwacht, 1915 г. № 271.)

Разве этих дурных товарищей сбили с пути истинного русские «сектанты» и т. д.? Разве настоящие *массы* представлены не этими товарищами, а Легином и Каутским? Легином, громившим в своем докладе 27 января 1915 года «анархическую» идею образования подпольных организаций; Каутским, который стал контр-революционером до такой степени, что 26 ноября, за *четыре* дня до десятитысячной демонстрации в Берлине, квалифицировал уличные демонстрации, как «авантюру»!!

Довольно фраз, довольно проституированного «марксизма» à la Каутский! После 25 лет существования II Интернационала, после Базельского манифеста рабочие не станут больше верить фразам. Оппортунизм перезрел, он окончательно перешел в лагерь буржуазии, превратившись в социал-шовинизм: духовно и политически он порвал с социал-демократией. Он порвет

[1] На Бернском международном женском конгрессе в марте 1915 г. представительницы Ц. К. нашей партии указывали на абсолютную необходимость создания нелегальных организаций. Это было отвергнуто. Англичанки смеялись над этим предложением и прославляли английскую «свободу». Но через несколько месяцев получились английские газеты, как, напр., «Labour Leader» с белыми местами, а затем пришли известия о полицейских обысках, конфискациях брошюр, арестах и драконовских приговорах, вынесенных товарищам, которые говорили в Англии о мире, только о мире!

с ней и организационно. Рабочие требуют уже «нелегальных» брошюр и «неразрешенных» собраний, т.-е. тайной организации для поддержки революционного движения масс. Только такая «война войне» социал-демократическое дело, а не фраза. И, несмотря на все трудности, временные поражения, ошибки, заблуждения, перерывы, это дело приведет человечество к победоносной пролетарской революции.

Т. XIX, стр. 5—15.

РЕЧЬ НА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ МИТИНГЕ В БЕРНЕ 8 ФЕВРАЛЯ 1916 г.

Товарищи! Вот уже более полутора лет свирепствует европейская война. И с каждым дальнейшим месяцем, с каждым дальнейшим днем войны для рабочих масс становится все яснее, что Циммервальдский манифест сказал правду, когда он сказал, что фраза о «защите отечества» и тому подобное являются не чем иным, как обманом со стороны капиталистов. С каждым днем становится яснее, что это *война капиталистов, крупных разбойников*, которые спорят друг с другом о том, кто из них получит больше добычи, ограбит больше стран, подавит и поработит больше наций.

Это звучит неправдоподобно, в особенности для швейцарских товарищей, но тем не менее это верно, что и у нас *в России* не только кровавый царизм, не только капиталисты, но и часть так называемых или бывших социалистов говорит о том, что Россия ведет «оборонительную войну», что Россия борется только против германского нашествия. Между тем в действительности весь мир знает, что царизм уже в течение десятилетий угнетает в России более сотни миллионов людей других национальностей, что Россия уже в течение десятилетий ведет разбойничью политику против Китая, Персии, Армении, Галиции. *Ни Россия, ни Германия и никакая другая великая держава не имеют права говорить об «оборонительной войне»:* все великие державы ведут империалистическую, капиталистическую войну, разбойничью войну, войну для угнетения малых и чужих народов, войну, в интересах прибыли капиталистов, которые из ужасающих страданий масс, из пролетарской крови выколачивают чистое золото своих миллиардных доходов,

Четыре года тому назад, в ноябре 1912 г., когда уже стало ясно, что надвигается война, представители социалистов всего мира собрались на Международный социалистический конгресс в Базеле. Уже тогда нельзя было сомневаться, что грядущая война будет войной между великими державами, между великими хищниками, что вина за войну лежит на правительствах и капиталистическом классе *всех* великих держав. И Базельский Манифест, единогласно принятый социалистическими партиями всего мира, открыто высказал эту истину. *Базельский Манифест ни одним словом не упоминает об «оборонительной войне», о «защите отечества»*. Он бичует правительства и буржуазию *всех* великих держав без исключения. Он говорит открыто, что война будет величайшим преступлением, что рабочие считают преступлением стрелять друг в друга, что ужасы войны, возмущение рабочих против них неизбежно должны привести к *пролетарской революции*.

Когда война действительно разразилась, тогда увидали, что в Базеле правильно определили характер этой войны. Но социалистические и рабочие организации не пошли единодушно за базельскими постановлениями, а раскололись. Во всех странах мира мы видим теперь, как социалистические и рабочие организации разделились на два больших лагеря. Меньшая часть, а именно вожди, функционеры и чиновники, изменили социализму и стали на сторону правительств. Другая часть, к которой принадлежат сознательные рабочие массы, продолжает собирать свои силы и бороться против войны за пролетарскую революцию.

Взгляды этой второй части нашли свое выражение между прочим в Циммервальдском манифесте.

У нас в России с самого начала войны *рабочие депутаты* в Думе вели решительную революционную борьбу против войны и царской монархии. Пять рабочих депутатов: Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и Самойлов, распространяли революционные воззвания против войны и энергично вели революционную агитацию. Царизм приказал арестовать этих 5 депутатов, предал суду и приговорил к пожизненному поселению в Сибири. Уже месяцы вожди рабочего класса России томятся в Сибири, но дело их не разрушено, их работа в том же направлении продолжается сознательными рабочими всей России.

Товарищи! Вы здесь слышали представителей различных стран, которые говорили вам о революционной борьбе рабочих против войны. Я хочу только привести вам еще пример величайшей и богатейшей страны, а именно Соединенных Штатов Америки. Капиталисты этой страны получают теперь колоссальные прибыли от европейской войны. И они также агитируют за войну. Они говорят, что Америка тоже должна готовиться к участию в войне, сотни миллионов долларов народных денег должны быть выкачены на новые вооружения, на вооружения без конца. И в Америке часть социалистов следует этому лживому, этому преступному призыву. Но я прочитаю вам, что пишет товарищ *Евгений Дебс*, популярнейший вождь американских социалистов, кандидат американской социалистической партии на пост президента республики.

В американской газете «Appeal to Reason» («Призыв к разуму») от 12 сентября 1915 г. он говорит: «*Я не капиталистический солдат, я пролетарский революционер, я принадлежу не к регулярной армии плутократии, а к иррегулярной армии народа. Я отказываюсь идти на войну за интересы капиталистического класса. Я против всякой войны, кроме одной, за одну эту войну я высказываюсь от всей души: за мировую войну во имя социальной революции. В этой войне я готов участвовать, если господствующие классы сделают войну вообще необходимой*».

Так пишет американским рабочим их любимый вождь, американский Бебель, тов. *Евгений Дебс*.

И это снова показывает вам, товарищи, что *во всех странах мира действительно подготовляется собирание сил рабочего класса*. Ужасы и страдания народа на войне невероятны, но мы не должны, и у нас нет никакого основания с отчаянием смотреть на будущее.

Не напрасно падут миллионы жертв на войне и из-за войны. Миллионы, которые голодают, миллионы, которые жертвуют своею жизнью в окопах, они не только страдают, но и собирают силы, размышляют об истинных причинах войны, закаляют свою волю и приходят к все более и более ясному революционному пониманию. Растущее недовольство масс, растущее

брожение, стачки, демонстрации, протесты против войны,—все это происходит во *всех* странах мира. *И это служит нам ручательством, что после европейской войны наступит пролетарская революция против капитализма.*

Опубликовано 9 февраля 1916 г. *Т. XIX, стр. 16–20.*

О ЗАДАЧАХ ОППОЗИЦИИ ВО ФРАНЦИИ

ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ САФАРОВУ

10/II 1916.

Дорогой товарищ! Ваша высылка из Франции, отмеченная, между прочим, с протестом даже в шовинистской газете «*La Bataille*», которая, однако, не пожелала сказать правды, именно что Вы высланы за сочувствие к оппозиции, эта высылка снова и снова напомнила мне больной вопрос о положении и задачах оппозиции во Франции.

Я видел в Циммервальде Бурдерона и Мергейма. Я слышал их отчеты и читал в газетах об их работе. Для меня невозможно ни малейшее сомнение в их искренности и преданности делу пролетариата. Но тем не менее очевидно, что их тактика ошибочна. Оба они больше всего боятся раскола. Ни одного шага, ни одного слова, которые бы могли вести к расколу социалистической партии или рабочих синдикатов во Франции или к расколу II Интернационала, к созданию III Интернационала,—таков лозунг и Бурдерона и Мергейма.

Между тем раскол рабочего движения и социализма во всем мире есть факт. Налицо две непримиримых тактики и политики рабочего класса по отношению к войне. Закрывать глаза на это смешно. Пытаться примирить непримиримое значит осуждать всю свою работу на бессилие. В Германии даже депутат Otto Rühle, товарищ Либкнехта, открыто признал неизбежность раскола партии, ибо теперешнее большинство ее, официальные «верхи» немецкой партии встали на сторону буржуазии. Возражения, с которыми выступили против Рюле и против раскола так называемые представители «центра» или «болота» (le marais), Каутский и «Vorwärts», состоят только из лжи и лицемерия, как бы «благонамеренно» это лицемерие

ни было. Каутский и «Vorwärts» не могут и даже не пытаются опровергнуть того факта, что большинство немецкой партии ведет на деле политику *буржуазии*. Единство с таким большинством вредно для рабочего класса. Такое единство есть подчинение рабочего класса буржуазии «своей» нации, есть раскол международного рабочего класса. И на деле Рюле прав, что в Германии *две партии*. Одна, официальная, ведет политику буржуазии. Другая, меньшинство, издает нелегальные воззвания, устраивает демонстрации и т. д. Во всем мире та же картина, и бессильные дипломаты или «болото» вроде Каутского в Германии, Лонге во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая *фикцию* единства и тем *мешая* назревшему, насущному объединению *оппозиции* всех стран, созданию III Интернационала. В Англии даже такая умеренная газета, как «Labour Leader», печатает письма Russel Williams'a о необходимости *раскола* с «вождями» рабочих синдикатов и с «Рабочей Партией» (Labour Party), «продавшей» интересы рабочего класса. И ряд членов «Независимой Рабочей Партии» (Independent Labour Party) печатно заявляет о своем сочувствии Russel Williams'у. В России даже «примиритель» Троцкий вынужден теперь признать неизбежность раскола с «патриотами», т.-е. партией «Организационного Комитета», О. К., оправдывающими вхождение рабочих в военно-промышленные комитеты. И только из ложного самолюбия Троцкий продолжает защищать «единство» с думской фракцией Чхеидзе, которая является вернейшим другом, прикрытием, защитой «патриотов» и «О. К.».

Даже в Соединенных Штатах Америки на деле полный раскол. Ибо одни социалисты стоят там за армию, за «подготовку» («preparadness»), за войну. Другие, в том числе самый популярный вождь рабочих Евгений Дебс (Debs), кандидат социалистической партии на пост президента республики, проповедуют гражданскую войну против войны народов!

И посмотрите на *дела* самих Бурдерона и Мергейма! На словах они против раскола. А прочитайте резолюцию, которую Бурдерон внес на конгресс французской социалистической партии. В этой резолюции требуется выход социалистов из министерства!! Резолюция прямо «desapprouve» и C. A. P. и G. P. (C.A.P.= Com. Adm. Perm., G.P= Groupe

Parlem.)[1]!!! Ясно, как день, что принятие такой резолюции означало бы раскол *и* социалистической партии *и* синдикатов, ибо гг. Ренодели, Самба, Jouhaux et C⁰ никогда не могут примириться с этим.

Bourderon и Meerheim разделяют ошибку, слабость, робость *большинства* Циммервальдской конференции. С одной стороны, это большинство *косвенно* призывает в своем манифесте к *революционной* борьбе, но боится сказать это прямо. С одной стороны, оно пишет: капиталисты *всех* стран *лгут*, говоря о «защите отечества» в данной войне. С другой стороны, большинство побоялось прибавить очевидную правду, которую все равно прибавит каждый мыслящий рабочий, именно: что *лгут* не только капиталисты, но и Ренодельм, Самба, Лонге, Hyndman, Kautsky, Plechanoff et C⁰!! Большинство Циммервальдской конференции *хочет* снова помириться с Вандервельдом, Гюисмансом, Реноделом и К⁰. Это *вредно* для рабочего класса, и «Циммервальдская левая» поступила правильно, *открыто* сказав правду рабочим.

Посмотрите, как лицемерят les socialistes-chauvins[2]: во Франции они хвалят *немецкое* «minorité»[3], в Германии—*французское!!*

Какое бы громадное значение имело выступление французской оппозиции, если бы она прямо, безбоязненно, открыто заявила перед всем миром: мы солидарны *только с немецкой* оппозицией, ***только с Рюле*** и его единомышленниками!! Только с теми, кто безбоязненно рвет и с прямым и с прикрытым социал-шовинизмом, socialisme chauvin[4], т.-е. со всеми «защитниками отечества» в данной войне!! Мы сами *не боимся* разрыва с французскими «патриотами», называющими «защитой отечества» защиту колоний, и мы зовем *к такому же разрыву* социалистов и синдикалистов всех стран!! Мы протягиваем руку Otto Rühle и Либкнехту, им и *только* их единомышленникам, мы клеймим и французское и немецкое «majorité»[5] и «le marais»[6]. Мы провозглашаем великое международное

---

[1] Дезавуирует Постоянную Административную Комиссию и Парламентскую Группу. *Ред.*
[2] Социал-шовинисты. *Ред.*
[3] Меньшинство. *Ред.*
[4] Социал-шовинизм. *Ред.*
[5] Большинство. *Ред.*
[6] Болото. *Ред.*

объединение тех социалистов всего мира, которые в данной войне порвали с лживой фразой о «защите отечества» и работают над проповедью и подготовкой всемирной пролетарской революции!

Такое воззвание имело бы гигантское значение. Оно бы разогнало лицемеров, вскрыло и разоблачило международный обман, дало бы величайший толчок сближению *действительно* оставшихся верными интернационализму рабочих во всем мире.

Во Франции всегда много вредила анархистская фраза. Но теперь анархисты-патриоты, анархисты-chauvin, вроде Кропоткина, Grave, Cornelissen и прочих рыцарей de la «Bataille *Chauviniste*»[1], помогут исцелить очень и очень многих рабочих от анархистской фразы. Долой социалистов-патриотов и социалистов-chauvins,—как «долой анархистов-патриотов» и анархистов-chauvins! этот клич *будет* находить отзыв в сердцах рабочих Франции. Не анархистская фраза о революции, а длительная, серьезная, упорная, настойчивая, систематическая работа по созданию *повсюду* нелегальных организаций среди *рабочих,* по распространению *свободной,* т.-е. нелегальной литературы, по подготовке движения *масс* против своих правительств. Во что нужно рабочему классу всех стран!

Неправда, что «французы неспособны» на систематическую нелегальную работу. Неправда! Французы быстро научились прятаться в траншеях. Быстро научатся они и *новым* условиям нелегальной работы и систематической подготовке *революционного* движения *масс.* Я верю в французский революционный пролетариат. Он подтолкнет и французскую оппозицию.

Лучшие пожелания. Ваш *Ленин.*

P. S. Предлагаю французским товарищам издать *отдельным листком* перевод этого моего письма (полный перевод).

Т. XIX, стр. 21–24.

РАСКОЛ ИЛИ ГНИЕНИЕ?

Так поставил вопрос «Социал-Демократ» еще в № 35[2], развивая, в применении к германской социал-демократической

[1] «Шовинистской Битвы». *Ред.*

[2] См. XVIII т. Сочинений, стр. 79. *Ред.*

партии, основные идеи манифеста о войне, выпущенного Ц. К. нашей партии[1]. И посмотрите, как *факты* подтверждают этот вывод.

Явно гниет германская социал-демократическая партия. За раскол, не говоря уже о группе «Интернациональных Социалистов Германии» (I. S. D.), *последовательно* воюющей с лицемерными каутскианцами, высказался *открыто* ближайший товарищ К. Либкнехта *Отто Рюле*. В ответ ему «Vorwärts» не мог привести ни единого серьезного, ни единого честного довода. На деле в Германии *две* рабочие партии.

В Англии даже на страницах умеренного, пацифистского «Labour Leader» (центральный орган «независимой рабочей партии») высказался Т. Россель Вильямс и его поддержали многие голоса местных работников. В примиренческом парижском «Нашем Слове» т. *Орнатский*, снискавший себе большую заслугу интернационалистской работой в Англии, высказался за немедленный раскол там. Нечего и говорить, что мы вполне согласны с *Орнатским* в его полемике с занявшим каутскианскую позицию *Ф. Ротштейном*, сотрудником «Коммуниста».

Во Франции Бурдерон—ярый противник раскола, *но*... предлагает съезду партии резолюцию с прямым дезавуированием и Ц. К. партии и парламентской фракции! Принятие такой резолюции означало бы немедленный раскол партии.

В Америке формальное единство «социалистической партии». На деле одни члены ее, как Россель и др., проповедуют «подготовленность», стоят за войну, за войско и флот. Другие, как Евгений Дебс, кандидат партии на президентский пост, открыто проповедуют *гражданскую войну* «на случай» империалистской войны или, вернее, в связи с таковой.

Во всем мире фактически теперь две партии. Интернационала фактически сейчас уже два. И если циммервальдское большинство боится признать это, мечтает о единстве с социал-шовинистами, заявляет о своей готовности идти на такое единство, то эти «добрые пожелания» на деле остаются лишь пожеланиями, выражением непоследовательности и робости мысли. Сознание отстает от бытия.

Написано в марте — апреле 1916 г. *Т. XXX, стр. 240—241.*

---

[1] См. XVIII т. Сочинений, стр. 61—66. *Ред.*

ПИСЬМО ГЕНРИЭТЕ РОЛАНД-ГОЛЬСТ

[Начало 1916 г.]

Уважаемый товарищ!

Тов. Радек только что показал нам письмо т. Паннекука и «Введение».

Это письмо и Введение существенно *изменяют* ранее условленную конституцию «Обозрения». Раньше было условлено, что Обозрение появляется, как орган *двух* групп, а именно: 1) Группы Роланд-Гольст и Троцкого (возможно, что Роланд-Гольст и ее друзей без Троцкого, если Троцкий не захочет войти); 2) Группы Циммервальдской левой (бюро которой состоит из трех товарищей: Радек, Ленин и Зиновьев). Тов. Паннекук был назначен представителем этой второй группы.

Теперь, вследствие вышеуказанных документов (письма и Введения), конституция изменяется: «Обозрение» является органом *двух товарищей:* Паннекука и Роланд-Гольст.

Если т.т. Паннекук и Роланд-Гольст решили принять это изменение, то мы принимаем это к сведению. Собственница «Обозрения» имела полное право произвести это изменение.

Мы не отказываемся от совместной работы при этих новых условиях, но должны требовать известных гарантий. «Обозрение» появляется в первый раз как орган Циммервальдской левой или «на платформе Циммервальдской левой». Всеми присутствующими в Циммервальде членами Циммервальдской левой (кроме Платтена) мы *избраны* представителями этой левой. Поэтому мы думаем,—и в *этом* пункте мы все трое пришли к единогласному решению—что эта гарантия сама собою разумеется и без сомнения будет Вами дана. Гарантия заключается в том, что если между нами произойдут принципиальные разногласия, редакция статьи, которая от Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (представитель...) [1]

Т. XXIX, стр. 309.

---

[1] Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

19 марта 1916 г. [Цюрих.]

Дорогая А. М.! Получили Ваше письмо и еще раз поздравляем с успехом[1].

Я дьявольски злился, что «благородная» Франция *конфисковала* (факт!) ряд моих заказных писем к вам в Америку. Ничего не поделаешь. Теперь Вы должны приналечь *изо всех сил* на сношения с Америкой.

Ведь Вы мне писали, что «Internationales Flugblatt» № 1 по-немецки Вы получили в Америке и что постараетесь издать их по-английски! А теперь *ни звука* о них??

Что сие означает?!

Неужели в Америке не нашлось сочувствующих и *нельзя* было издать «Internationales Flugblatt» по-английски????

Невероятно!

Но если это все же так, надо издать в Норвегии (по-английски). Возьметесь ли перевести и сколько будет стоить издать?

Затем я вам писал в Америку, что я получил из Boston Mass.[2] листок «Socialist Propaganda League[3] (подпись: 20 социалистов *с адресами*, S. r. в Massachusets)[4]. Эта лига—интернационалистская, с программой, явно клонящей влево.

Я послал им *громадное* английское письмо (и «Internationales Flugblatt» по-немецки). Ответа нет. Конфисковала «благородная» Франция?

Если Вы *не* получили и *не* знаете ничего о них, пошлю Вам их адрес и копию моего письма. Возьметесь переслать в Америку?

А Socialist *Labour* Party[5]? Ведь они интернационалисты (хотя и с узким, сектантским душком). Доставили ли им «Internationales Flugblatt»? Есть ли *с ними* у Вас связи??

---

[1] Письмо А. М. Коллонтай не разыскано. *Ред.*

[2] Бостон Массачузетс. *Ред.*

[3] Лига Социалистической Пропаганды. *Ред.*

[4] Массачузетс. *Ред.*

[5] Социалистическая *рабочая* партия. *Ред.*

Далее. Вы писали, что *начали* переговоры с *Charles* Kerr. Итог? Обещал-де *часть* нашей брошюры (Ленина и Зиновьева) печатать.

А теперь вы молчите об этом... Как это понять?

«Internationale Korrespondenz» печатал, что «New Review» в Америке взялся печатать статьи Циммервальдской левой. Верно ли? Знаете ли Вы «New Review»?

Отвечайте скорее и пообстоятельнее. О *прямых* почтовых пароходах из Норвегии в Америку Вы, конечно, *все* разузнаете архиподробно.

Относительно Хёглунда и норвежцев *я до сих пор* не мог добиться толку, получили ли они «Internationales Flugblatt», издали ли их по-шведски и норвежски, присоединились ли к Циммервальдской левой ***официально*** (так, как Rev. Soc. Verband»[1] Роланд-Гольст)? Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите! Пусть Бухарин сообщит Вам то, что́ мы ему писали в особом письме о циммервальдцах, а Вы понаблюдите за исполнением.

Привет! Ваш *Ленин.*

Адрес: Herrn Uljanow (Schuhladen Kammerer). Spiegelgasse. 12. *Zürich.* I.

P. S. Какие привезли интересные книги и брошюры? Историю чартизма Шлютера? А еще?

P. S. Посылаю наши «тезисы» (из Vorbote № 2).

Втолкуйте это скандинавам.

Т. XXIX, стр. 234—235.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Март 1916 г. Цюрих.]

Дорогая А. М.! Очень благодарю за Ваше письмо. Адрес «Socialist Propaganda League» пошлю, если он не остался

[1] Революционный Социалистический Союз. *Ред.*

у меня в Берне: тогда из Берна уже пошлю (т.-е. через 2—3 недели).

Откажется ли «Appeal to Reason» перепечатать «Internationales Flugblatt» № 1? Стоит ли попробовать?

А Socialist *Labóur* Party согласится издать на *наши* деньги? Безнадежные сектанты эти люди или нет? Есть ли у Вас связи с ними? Почему они *не шлют нам* копии с их бумаг в Internationale Socialistische Komission [1]? (Я видел случайно часть.) Или они—маньяки своей «idée fixe» [2] насчет особой «экономической» организации рабочих?

Вы спрашиваете, насколько желательно, чтобы на конференцию посылала официально норвежская партия? Конечно, в 1000 раз лучше сознательный и толковый *левый* от молодежи, чем правый или ½-каутскианец от партии.

Это ясно. Если можете, повлияйте в этом духе.

Очень и очень огорчен, что мы расходимся по вопросу о самоопределении. Давайте, попробуем поспорить обстоятельно *безсклоки* (кою нам готовит кое-кто по этому вопросу изо всех сил)... Entre nous [3]: может быть Александр Вам покажет мой ответ на замечания Н. И. Бухарина (этот раздор должен пока остаться строжайше в самом тесном кругу, но на Вашу дискретность я полагаюсь).

Вопрос этот («самоопределение») архиважен. Кроме того он *неразрывно* связан с вопросом об ***аннексиях***.

Жму крепко руку и шлю лучшие приветы!

Ваш *Ленин*.

P. S. Александру послал на днях толстущее письмо. Получил ли он его?

Т. XXIX, стр. 237—238.

---

1 Интернациональная Социалистическая Комиссия. *Ред.*
2 Навязчивая идея. *Ред.*
3 Между нами. *Ред.*

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П. ВТОРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, СОЗЫВАЕМОЙ I. S. K. [1] (БЕРНСКОЙ)

(ТЕЗИСЫ ПО ПУНКТАМ ПОРЯДКА ДНЯ 5, 6, 7A, и 7B и 8)

Первоначальный проект

Объявляя о созыве второй международной социалистической конференции, I.S.K. опубликовало следующие важнейшие пункты порядка дня:

5. «борьба за окончание войны»
6. «вопросы мира»
7a. парламентская «акция» } «агитация и
7b. массовая » } пропаганда»
8. Международное Социалистическое Бюро.

I. S. K. пригласило организации обсудить эти вопросы и присылать свои предложения. Вот ответ Ц. К. нашей партии на это приглашение:

1. Как всякая война есть лишь продолжение средствами насилия той политики, которую вели воюющие державы и господствующие классы в них долгие годы или десятилетия до войны, так и мир, заканчивающий любую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в результате данной войны.

2. Поэтому величайшей нелепостью и тупоумием являются, с точки зрения теории, с точки зрения учения социализма, и величайшим обманом рабочего класса на практике всякие разговоры об оценке данной войны на основе «простых» понятий обороны и нападения и об оценке грядущего мира на основе «простых» благочестивых пожеланий о прочном, демократическом, почетном и т. п. мире.

3. Настоящая война есть империалистская война, т.-е. война, порожденная противоречиями на почве высоко развитого, монополистического, созревшего для перехода в социализм, капитализма. Эта война ведется ради мировой гегемонии, т.-е. ради нового угнетения слабых наций, нового раздела мира, раздела колоний, сфер влияния и

---

[1] I. S. K.—Internationale Sozialistische Kommission—Международная Социалистическая Комиссия. *Ред.*

проч.—такого раздела, при котором бы старые грабительские державы, Англия, Франция, Россия, уступили долю своей добычи молодой и более сильной грабительской державе, Германии.

4. Поэтому, если революция пролетариата не свергнет теперешних правительств и теперешних господствующих классов воюющих «великих» держав, то *абсолютно невозможен никакой иной* мир, кроме более или менее кратковременного перемирия между империалистскими державами, мир, сопровождающийся *усилением* реакции внутри государств, *усилением* национального гнета и порабощения слабых наций, *увеличением* горючего материала, подготовляющего новые войны и проч. и т. п. Ибо из объективного содержания той политики, которая порождена всей эпохой империализма и которую вела буржуазия *всех* воюющих «великих» держав как перед *этой* войной, так и *во время нее*, с неизбежностью вытекает мир на основе нового и худшего угнетения наций и т. д.

5. Возбуждать в народных массах мысли или надежды на возможность прочного или демократического и т. п. мира между теперешними правительствами и теперешними господствующими классами (т.-е. буржуазией в союзе с помещиками), как это делают большинство официальных социалистических партий, значит не только бесстыдно обманывать народ, но и усыплять его, отвлекать его от революционной борьбы, которая фактически уже начинается в виде стачечного и демонстрационного движения.

6. Именно такой характер обмана народа и отвлечения пролетариата от революционной борьбы имеет та «программа мира», которую «единодушно» выставляют теперь и официальный представитель II Интернационала Гюйсманс на съезде Sozialdemokratische Arbeiter Partei[1] Голландии в Arnheem'е и влиятельнейший теоретик II Интернационала, влиятельнейший защитник социал-патриотов и социал-шовинистов всех стран, Каутский. Их программа состоит в слоновесном и лицемерном признании нескольких демократических благопожеланий: отрицание аннексий и контрибуций, самоопределение наций, демократизация внешней политики, третейские суды для разбора конфликтов между

[1] Социал-демократической Рабочей Партии. *Ред.*

государствами, разоружение, Соединенные Штаты Европы и т. д. и т. п.

7. Наиболее наглядным подтверждением того, что эта «программа мира» является сплошным лицемерием, является, с одной стороны, словесное признание ее рядом буржуазных пацифистов и демагогических министров воюющих стран, с другой, повторение ее заведомыми (notorisch) шовинистами на конференциях «социалистов» одной группы воюющих держав в Лондоне (февраль 1915 г.) и другой в Вене (апрель 1915 г.). Именно те «социалисты», которые вступают в буржуазные министерства, ведущие грабительскую войну, вотировали военные кредиты, помогали войне участием в различных организациях и учреждениях и т. п., именно они, ведущие *на деле* политику защиты старых и новых аннексий, колониального угнетения и проч., провозглашают перед всем миром свою «программу мира», состоящую в отрицании аннексий и т. д.

8. Если самый большой авторитет II Интернационала, Каутский, объявил перед всем миром 21 мая 1915 г. («Neue Zeit»), что это согласие и «единодушие» «социалистов» в Лондоне[1] и в Вене насчет принципа «самостоятельности» или самоопределения наций доказывает «единодушие» и «жизненность» II Интернационала в «программе мира», то эта защита и санкция самого вопиющего, самого наглого лицемерия и обмана рабочих представляет из себя отнюдь не случайность, а систематическую политику, которую в целом ряде стран ведут люди, на словах выдающие себя за «интернационалистов», на деле же прикрашивающие империалистскую войну применением к ней идеи «защиты отечества» и укрепляющие господство над рабочим движением изменивших социализму социал-шовинистов проповедью «единства» с ними. Эту политику, наиболее вредную и опасную для рабочего класса, ведут Каутский, Гаазе и проч. в Германии, Лонгэ, Прессман и др. во Франции, большинство вождей в Англии, Аксельрод, Мартов и Чхеидзе с К⁰ в России, Тревес и др. в Италии (см. угрозу центрального органа итальянской партии «*Avanti!*» от 5 марта 1916 г. разоблачить Тревеса и других «реформистов-поссибилистов» в том, кто «пустил в ход все средства, чтобы помешать действию правления партии и Оддино Мор-

[1] В рукописи описка: «в Копенгагене». *Ред.*

гари, направленному к Циммервальдскому объединению и к самому новому Интернационалу»). Эта всемирная политика, наиболее опасная для рабочего класса, может быть названа, по имени ее авторитетнейшего представителя, *каутскианской* политикой.

9. Социалисты не могут отказаться от борьбы за реформы. Они должны голосовать, между прочим, и в парламентах за всякие, хотя бы даже ничтожные, улучшения в положении масс, например, за увеличение пособий жителям разоренных областей, за ослабление национального гнета и т. п. Но, очевидно, что на почве *данной* войны и вытекающего *из нее* мира подобная реформистская деятельность за улучшение положения масс возможна лишь в миниатюрных размерах. Было бы вопиющим обманом масс внушать им, прямо или косвенно, мысль о возможности реформистского решения вопросов, поставленных *данной* войной. Ибо *эта* война создала революционную ситуацию в Европе, поставив на очередь *самые коренные* вопросы империализма, которые не могут не быть решены по-империалистски, за исключением случая революционного свержения теперешних правительств и господствующих классов Европы. Поэтому главной и основной задачей в борьбе за прочный и демократический мир со стороны социалистов должно быть: 1°, разъяснение массам необходимости *революционной массовой борьбы*, систематическая пропаганда ее и создание соответствующей организации; 2°, разоблачение *лицемерия* и *лжи* как буржуазно-пацифистских, так и социалистических, особенно каутскианских, фраз насчет мира и «единодушия» II Интернационала в вопросе о «программе мира». Такие фразы вдвойне лицемерны со стороны «социалистов», отрицающих, вслед за буржуазией, возможность превращения данной империалистской войны в гражданскую войну за социализм и противодействующих всякой революционной работе в этом направлении.

10. Центральным пунктом господствующего ныне лицемерия насчет «программы мира» является якобы единодушное признание борьбы против *старых и новых аннексий*. Но говорящие об аннексиях и борьбе с ними не умеют или не хотят большей частью подумать, *что такое аннексия*. Ясно, что аннексией нельзя назвать всякое присоединение «чужой» территории, ибо социалисты, вообще говоря, сочувствуют

устранению границ между нациями, сближению и слиянию наций, образованию более крупных государств. Ясно, что аннексией нельзя считать всякое нарушение status quo: это было бы величайшей реакционностью и насмешкой над основными понятиями исторической науки. Ясно, что аннексией нельзя считать всякое насильственное, военное, присоединение, ибо против насилия, если оно применяется в интересах массы населения и в интересах прогресса человечества, социалисты возражать не могут. Ясно, что аннексией можно и должно считать лишь присоединение территории *вопреки воле* ее населения. Другими словами, понятие аннексии неразрывно связано с понятием *самоопределения наций.*

11. Именно на почве *данной* войны, в силу того, что она является империалистской со стороны *обеих* групп воюющих «великих» держав, должно было вырасти и выросло то явление, что буржуазия и социал-шовинисты усиленно «*борются*» с «аннексиями», *если* их совершило или совершает *неприятельское* государство. Зюдекум и его австро-германские друзья и защитники, вплоть до Гаазе и Каутского, молчат об аннексии, совершенной Германией по отношению к Эльзас-Лотарингии, Дании, Польше и проч., но очень часто «борются против аннексий», совершенных Россией по отношению к Финляндии, Польше, Украине, Кавказу и т. д., Англией по отношению к Индии и т. п. С другой стороны, английские, французские, итальянские и русские Зюдекумы, т.-е. Гайндман, Гэд, Вандервельд, Ренодель, Тревес, Плеханов, Аксельрод, Чхеидзе и К⁰, молчат об аннексиях Англии по отношению к Индии, Франции по отношению к Ницце или Марокко, Италии по отношению к Триполи или Албании, России по отношению к Польше, Украине и проч., но за то *большей частью* «борются против аннексий», совершаемых Германией.

Ясно, что подобная «борьба против аннексий» со стороны социал-шовинистов и каутскианцев носит насквозь лицемерный характер, а подобной борьбе буржуазия помогает и прямо, ассигнуя миллионы и миллионы на шовинистскую пропаганду, и косвенно, давая монополию легальности только социал-шовинистам и каутскианцам.

Ясно, что и французские «социалисты», оправдывающие войну за Эльзас-Лотарингию, и немецкие, не требующие сво-

боды отделения Эльзас-Лотарингии от Германии, одинаково являются аннексионистами, как бы они ни клялись в обратном. Ясно, что русские «социалисты», говорящие или пишущие против «распада России», или оправдывающие ныне, прямо или косвенно, войну из-за того, кто поработит Польшу, во имя лозунга «мир без аннексий», являются такими же аннексионистами и т. д. и т. д.

12. Чтобы не превращать «борьбу против аннексий» в пустую фразу или в отвратительное лицемерие, социалисты должны: *1°*, разъяснять массам необходимость революционной борьбы за завоевание политической власти пролетариатом и совершение социалистического переворота, который вырастает из всех условий империалистской эпохи и данной империалистской войны и который один только в состоянии прочно и повсюду обеспечить самоопределение наций, т.-е. освободить угнетенные нации и осуществить сближение и слияние наций не на основе насилия, а на основе равноправия и согласия пролетариата и трудящихся масс всех наций;—*2°*, должны немедленно повести самую широкую пропаганду и агитацию против прикрытого шовинизма и аннексионизма официальных социалистических партий, особенно в «великих» державах. Социалисты должны разъяснять массам, что только на словах является социалистом и интернационалистом, а на деле шовинистом и аннексионистом тот английский социалист, который не борется тотчас за свободу отделения Ирландии, Индии и т. д.,—тот французский социалист, который не борется за свободу французских колоний, против войны за присоединение Эльзаса и Лотарингии и т. д.,—тот немецкий социалист, который не борется за свободу отделения Эльзаса-Лотарингии, датчан, поляков, бельгийцев, сербов и проч.,—тот русский социалист, который не борется за свободу отделения Украины, Финляндии и проч., против войны из-за Польши,—тот итальянский социалист, который не борется за свободу отделения Триполи, Албании и т. д.,—тот голландский социалист, который не борется за свободу отделения и независимость голландской Индии,—тот польский социалист, который не борется за полную свободу и равноправие угнетенных поляками евреев и украинцев, и т. д.

13. Из Циммервальдского манифеста и из циркуляра I. S. K. от 10 февраля 1916 г. (Бюллетень № 3) вытекает с неиз-

бежностью, что всякая «война с войной» и «борьба за мир» является *лицемерием,* если она не связана неразрывно с немедленной *революционной массовой борьбой,* с пропагандой и подготовкой таковой. Но этот вывод надо изложить прямо и определенно. Надо, во-первых, разъяснить массам, к чему может и *должно* (muss) привести развитие революционной массовой борьбы в обстановке европейской войны. Оно ведет неизбежно к превращению империалистской войны в гражданскую войну за социализм. На это *намекают* все речи о том, что рабочие должны лучше гибнуть за свое, а не за чужое дело. Но намека недостаточно. Надо ясно поставить перед массами великую, хотя, быть может, и не близкую, цель. Надо знать, куда и зачем идти. Во-вторых, если мы зовем массы бороться с их правительствами «независимо от военного положения данной страны», то мы тем самым не только отвергаем в принципе допустимость «защиты отечества» в *данной* войне, но и признаем *желательность* поражения всякого *буржуазного* правительства для превращения этого поражения в революцию. И это надо сказать прямо: революционная массовая борьба не может стать интернациональной, если сознательные представители ее не объединятся открыто меж собой во имя поражения и свержения *всех* буржуазных правительств. В-третьих—и это самое главное—*нельзя* вести революционной массовой борьбы, не создав повсюду, не на верхах только, а и в массах, нелегальной организации для пропаганды, подготовки, обсуждения хода и условий ее. Если в Германии были уличные демонстрации, если во Франции был ряд писем с фронта, призывающих *не* подписываться на военный заем, если в Англии, не говоря уже о России, были массовые стачки, то для помощи этой борьбе, для ее интернационального сплочения безусловно необходимо освещать в *свободной, т.-е. нелегальной,* печати *каждый* шаг по этому пути, проверять успехи, взвешивать их условия, сплачивать и развивать борьбу. Без нелегальной организации и нелегальной печати признание «массового действия» останется (как это и есть в Швейцарии) голой фразой [1].

14. По вопросу о парламентской борьбе (Aktion) социалистов надо иметь в виду, что циммервальдская резолюция не

[1] Пункты 12 и 13 в рукописи вычеркнуты. *Ред.*

только выражает симпатию пяти социал-демократическим депутатам Государственной Думы, принадлежащим к нашей партии и осужденным на ссылку в Сибирь, но и *солидаризуется* с их тактикой. Признавать революционную борьбу масс и мириться с *исключительно* легальной, *исключительно* реформистской деятельностью социалистов в парламентах невозможно; это ведет лишь к законному недовольству рабочих и к их уходу от социал-демократии в антипарламентский анархизм или синдикализм. Необходимо сказать ясно и во всеуслышание, что социал-демократы в парламентах должны пользоваться своим положением *не только* для выступлений в парламентах, но и для всестороннего, *внепарламентского* содействия нелегальной организации и революционной борьбе рабочих, и что *массы* сами должны, через свою нелегальную организацию, *проверять* такую деятельность своих вождей.

15. Вопрос о созыве Международного Социалистического Бюро, поставленный в порядок дня созываемой второй международной социалистической конференции, неизбежно возбуждает более основной и принципиальный вопрос, возможно ли единство старых партий и II Интернационала? Чем шире растут в массах симпатии к Циммервальдскому объединению, тем более непонятна становится для масс, тем более вредна для развития их борьбы непоследовательность и робость той позиции, которая по существу дела отожествляет старые партии и II Интернационал с буржуазной политикой в рабочем движении (см. Циммервальдский манифест и циркуляр I. S. K. от 10 февраля 1916), а, с другой стороны, боится раскола с ними и обещает распустить I. S. K., как только соберется старое Международное Социалистическое Бюро.

Это обещание *не было* проголосовано и не обсуждалось даже в Циммервальде.

За полгода, протекшие после Циммервальда, стало еще более ясно, что раскол неизбежен, что нельзя вести в единстве с старыми партиями той работы, которую Циммервальдский манифест рекомендует, что боязнь раскола тормозит всякий шаг на этом пути. В Германии не только группа I. S. D.[1] осудила боязнь раскола и открыто выступила против лицемерия проповедников единства, но и *член Reichstags-*

[1] И. С. Д.—Интернациональные Социалисты Германии. *Ред.*

fraction[1], Otto Rühlé, ближайший товарищ К. Либкнехта, открыто выступил за раскол. И против Рюле «Vorwärts» не сумел выдвинуть ни одного серьезного, ни одного честного довода. Во Франции член социалистической партии Бурдерон на словах против раскола, на деле же предложил конгрессу резолюцию, которая прямо «désapprouve (дезавуирует) C. A. P. (Comité Administratif Permanent = Ц. К. партии) и G. P.» (Groupe Parlementaire=парламентскую группу). Ясно, что принятие такой резолюции означало бы немедленный и безусловный раскол партии. В Англии на страницах даже умеренного «Labour Leader» T. Russel Williams открыто высказывался и не раз за неизбежность раскола, встречая поддержку у ряда членов партии. В Америке, при формальном единстве социалистической партии, одни члены ее высказываются за милитаризм и войну (так наз. preparedness[2]), другие, в том числе E. Debs, бывший социалистический кандидат в президенты, открыто проповедуют гражданскую войну за социализм *в связи* с грозящей войной.

Во всем мире фактически *есть* уже раскол, и закрывание глаз на это только вредит циммервальдцам, делая их смешными в глазах масс, которые отлично знают, что каждый шаг *их работы* в духе Циммервальда означает продолжение и углубление раскола.

Необходимо иметь мужество открыто признать неизбежное и совершившееся, отказаться от вредных иллюзий о возможном единстве с «защитниками отечества» в данной войне, помочь массам освободиться от влияния тех вождей, которые «вводят их в заблуждение» (см. циркуляр I. S. K. от 10 февраля 1916) или готовят путем «амнистии» «заговор» (Pakt) *против* социализма.

Таково наше предложение по вопросу порядка дня о созыве Международного Социалистического Бюро в Гааге.

Написано в начале апреля 1916 г. *Т. XXX, стр. 242—249.*

[1] Фракция рейхстага. *Ред.*
[2] Подготовленность. *Ред.*

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П. 2-ой СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ТЕЗИСЫ ПО ПУНКТАМ ПОРЯДКА ДНЯ: 5, 6, 7a, 7b и 8, БОРЬБА ЗА ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ, ОТНОШЕНИЕ К ВОПРОСАМ МИРА, К ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И К МАССОВОЙ БОРЬБЕ, К СОЗЫВУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО.

INTERNATIONALE SOZIALISTISCHE KOMMISSION, ОБЪЯВИВ О СОЗЫВЕ ИМ. 2-ОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРИГЛАСИЛО ОРГАНИЗАЦИИ ОБСУЖДАТЬ ЭТИ ВОПРОСЫ И ПРИСЫЛАТЬ СВОИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ТЕЗИСЫ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ИЗ СЕБЯ ОТВЕТ НАШЕЙ ПАРТИИ НА ЭТО ПРИГЛАШЕНИЕ

1. Как всякая война есть лишь продолжение, средствами насилия, той политики, которую вели воюющие государства и господствующие классы в них долгие годы, иногда десятилетия, до войны, так и мир, заканчивающий любую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в ходе и в результате данной войны.

2. Империалистская война, пока остаются неприкосновенными основы теперешних, т.-е. буржуазных общественных отношений, может вести только к империалистскому миру, т.-е. к укреплению, расширению и усилению угнетения слабых наций и стран финансовым капиталом, который особенно гигантски вырос не только перед данной войной, но и в ходе ее. Объективное содержание той политики, которую вели буржуазия и правительства *обеих* групп великих держав и до войны и во время нее, ведет к усилению экономического гнета, национального порабощения, политической реакции. Поэтому мир, заканчивающий данную войну, при любом исходе ее, не может не состоять в закреплении этого ухудшения экономического и политического положения масс, раз сохраняется буржуазный общественный строй.

Допускать возможность демократического мира, вытекающего из империалистской войны, значит—в теории—ставить вульгарную фразу на место исторического изучения той политики, которая велась перед данной войной и ведется во время нее;—значит на практике обманывать народные массы, затемняя их политическое сознание, прикрывая и прикрашивая действительную политику господствующих классов, подготовляющих грядущий мир, скрывая от масс главное,

именно: невозможность демократического мира без ряда революций.

3. Социалисты не отказываются от борьбы за реформы. Они должны голосовать, напр., и теперь в парламентах за всякие, хотя бы небольшие, улучшения в положении масс, за увеличение пособий жителям разоренных областей, за ослабление национального гнета и т. п. Но простым буржуазным обманом является проповедь реформы для решения вопросов, которые историей и действительным политическим положением вещей поставлены революционно. Именно таковы вопросы, поставленные на очередь дня данной войной.—Это коренные вопросы империализма, т.-е. самого существования капиталистического общества, вопросы об отсрочке краха капитализма путем нового раздела мира, соответственно новым отношениям силы между «великими» державами, которые развивались за последние десятилетия не только колоссально быстро, но и—что̀ особенно важно—чрезвычайно неравномерно. Действительная политическая деятельность, изменяющая соотношение сил общества, а не обманывающая только массы словами, возможна теперь лишь в одной из двух форм: либо помогать «своей» национальной буржуазии грабить чужие страны (и называть эту помощь «защитой отечества» или «спасением страны»), либо помогать социалистической революции пролетариата, поддерживая и развивая то брожение среди масс, которое начинается во всех воюющих странах, содействуя начинающимся стачкам и демонстрациям и т. д., расширяя и обостряя эти, пока еще слабые, проявления революционной массовой борьбы в общий натиск пролетариата за свержение буржуазии.

Так же как все социал-шовинисты обманывают теперь народ, затушевывая вопрос о действительной, т.-е. империалистской, политике капиталистов, продолжаемой в данной войне, лицемерными фразами о «бесчестном» нападении и о «честной» обороне той или иной группы капиталистических хищников,—точно так же исключительно обману народа служат фразы о «демократическом мире», как будто бы грядущий мир, подготовляемый уже теперь капиталистами и дипломатами, мог «просто» устранить «бесчестное» нападение и восстановить «честные» отношения, а не был продолжением, развитием и закреплением той же, империалистской, политики, т.-е. политики финансового грабежа, колониальных

разбоев, национального угнетения, политической реакции, всяческого обострения капиталистической эксплуатации. Капиталистам и их дипломатам как раз и нужны теперь такие «социалистические» слуги буржуазии, которые бы оглушали, одурачивали и усыпляли народ фразами о «демократическом мире», прикрывали этими фразами ее действительную политику, затрудняли раскрытие глаз массам на ее суть, отвлекали массы от революционной борьбы.

4. Именно таким буржуазным обманом и лицемерием является та программа «демократического» мира, сочинением которой заняты теперь виднейшие представители II Интернационала. Например, Гюисманс на съезде в Arnheem и Каутский в «Neue Zeit», как один из наиболее авторитетных, официальных и «теоретических» представителей этого Интернационала, формулировали эту программу: отказ от революционной борьбы до того времени, пока империалистские правительства заключат мир, а пока словесное отрицание аннексий и контрибуций, самоопределение наций, демократизация внешней политики, третейские суды для разбора международных конфликтов между государствами, разоружение, Соединенные Штаты Европы и т. д. и т. п. С особенной наглядностью действительное политическое значение этой «программы мира» обнаружил Каутский, когда в доказательство «единодушия Интернационала» по этому вопросу привел тот факт, что конференция Лондонская (II. 1915) и Венская (IV. 1915) единодушно признали главный пункт этой программы, именно: «самостоятельность наций». Каутский открыто санкционировал таким образом перед всем миром заведомый обман народа социал-шовинистами, которые соединяют словесное, лицемерное, ни к чему не обязывающее и ни к чему не ведущее признание «самостоятельности» или самоопределения наций с поддержкой в империалистской войне «своих» правительств, хотя эта война с *обеих* сторон ведется с систематическим нарушением «самостоятельности» слабых наций и *ради* укрепления и расширения гнета над ними.

Объективное значение этой, наиболее ходкой, «программы мира» состоит в укреплении подчинения рабочего класса буржуазии путем «примирения» начинающих развивать революционную борьбу рабочих с их шовинистскими вождями, путем затушевывания глубины кризиса в социализме ради возвращения к тому состоянию социалистических партий,

которое было до войны и которое именно породило переход большинства вождей на сторону буржуазии. Опасность этой «каутскианской» политики тем сильнее для пролетариата, что она прикрывается благовидными фразами и ведется не в одной Германии, а во всех странах. Напр., в Англии эту политику ведет большинство вождей; во Франции Лонге, Прессман и др.; в России Аксельрод, Мартов, Чхеидзе и пр.; Чхеидзе прикрывает шовинистскую идею «защиты страны» в данной войне выражением «спасение страны» и, с одной стороны, одобряет на словах Циммервальд, с другой стороны, в официальном заявлении фракции восхваляет пресловутую речь Гюисманса в Arnheem'е и на деле не возражает ни с думской трибуны, ни в печати против участия рабочих в военно-промышленных комитетах и продолжает состоять сотрудником газет, ведущих защиту такого участия. В Италии подобную же политику ведет Тревес: см. угрозу центрального органа итальянской социалистической партии *Avanti!* от 5. III. 1916 разоблачить Тревеса и других «реформистов-поссибилистов», разоблачить, «кто пустил в ход все средства, чтобы помешать действию правления партии и Оддино Моргари, направленному к Циммервальдскому объединению и к созданию нового Интернационала», и т. д. и т. д.

5. Главным из «вопросов мира» является в настоящее время вопрос об аннексиях. И именно на этом вопросе всего нагляднее видно как господствующее ныне социалистическое лицемерие, так и задачи действительно социалистической пропаганды и агитации.

Необходимо разъяснить, что такое аннексия, почему и как социалисты должны бороться с аннексиями. Аннексией нельзя считать ни *всякое* присоединение «чужой» территории, ибо социалисты, вообще говоря, сочувствуют устранению границ между нациями и образованию более крупных государств;—ни всякое нарушение status quo, ибо это было бы величайшей реакционностью и насмешкой над основными понятиями исторической науки;—ни всякое военное присоединение, ибо насилия и войны в интересах большинства населения социалисты отрицать не могут. Аннексией должно считать лишь присоединение территории *вопреки воле* ее населения; другими словами, понятие аннексии неразрывно связано с понятием самоопределения наций.

Но на почве данной войны, именно потому, что она является империалистской со стороны *обеих* групп воюющих держав, должно было вырасти и выросло то явление, что буржуазия и социал-шовинисты усиленно «борются» против аннексий, когда их совершает или совершило неприятельское государство. Ясно, что подобная «борьба против аннексий» и подобное «единодушие» в вопросе об аннексиях есть сплошное лицемерие. Ясно, что *аннексионистами* являются *на деле* и те французские социалисты, которые защищают войну из-за Эльзаса-Лотарингии, и те немецкие социалисты, которые не требуют свободы отделения Эльзаса-Лотарингии, немецкой Польши и т. п. от Германии, и те русские социалисты, которые называют «спасением страны» войну за новое порабощение царизмом Польши, требуя присоединения Польши к России во имя «мира без аннексий», и т. д. и т. д.

Чтобы борьба против аннексий не была лицемерием или пустой фразой, чтобы она действительно воспитывала массы в духе интернационализма, для этого необходима такая постановка этого вопроса, которая бы раскрывала массам глаза на царящий ныне обман в вопросе об аннексиях, а не прикрывала этот обман. Недостаточно, чтобы социалист каждой нации на словах признавал равноправие наций или декламировал, божился и клялся, что он против аннексий. Необходимо, чтобы социалист каждой нации требовал немедленно и безусловно *свободы отделения* колоний и наций, угнетенных *его собственным* «отечеством».

Без этого условия и в Циммервальдском манифесте признание самоопределения наций и принципов интернационализма останется, в лучшем случае, мертвой буквой.

6. «Программа мира» социалистов, равно как и их программа «борьбы за окончание войны», должна исходить из разоблачения той лжи на счет «демократического мира», миролюбивых намерений воюющих и т. п., с которой обращаются ныне к народу демагогические министры, пацифистские буржуа, социал-шовинисты и каутскианцы всех стран. Всякая «программа мира» есть обман народа и лицемерие, если она не базируется в первую голову на выяснении массам необходимости революции и на поддержке, содействии, развитии начинающейся повсюду революционной борьбы масс (брожение, протесты, братанье в траншеях, стачки, демонстрации, письма с фронта к родным,—напр., во

Франции—чтобы они не подписывались на военный заем, и т. д. и т. п.).

Поддержка, расширение и углубление всякого народного движения за окончание войны есть долг социалистов. Но в действительности этот долг выполняют только те социалисты, которые, как Либкнехт, с парламентской трибуны призывают солдат сложить оружие, проповедуют революцию, превращение империалистской войны в гражданскую войну за социализм.

Как положительный лозунг, вовлекающий массы в революционную борьбу и разъясняющий необходимость революционных мер для возможности «демократического» мира, должен быть выставлен лозунг отказа от платежа государственных долгов.

Недостаточно того, что Циммервальдский манифест намекает на революцию, говоря, что рабочие должны нести жертвы ради своего, а не чужого дела. Необходимо ясно и определенно указать массам их путь. Надо, чтобы массы знали, куда и зачем идти. Что массовые революционные действия во время войны, при условии их успешного развития, могут привести лишь к превращению империалистской войны в гражданскую войну за социализм, это очевидно, и скрывать это от масс вредно. Напротив, эту цель надо указать ясно, как бы трудно ни казалось достижение ее, когда мы находимся только в начале пути. Недостаточно сказать, как сказано в Циммервальдском манифесте, что «капиталисты лгут, говоря о защите отечества» в данной войне, и что рабочие в революционной борьбе не должны считаться с военным положением своей страны; надо сказать ясно то, что здесь выражено намеком, именно что не только капиталисты, но и социал-шовинисты и каутскианцы лгут, когда допускают применение понятия защиты отечества в данной, империалистской, войне;—что революционные действия во время войны невозможны без угрозы поражением «своему» правительству, и что всякое поражение правительства в реакционной войне облегчает революцию, которая одна в состоянии принести прочный и демократический мир. Необходимо наконец сказать массам, что без создания ими самими нелегальных организаций и свободной от военной цензуры, т.-е. нелегальной, печати немыслима серьезная поддержка начинающейся революционной борьбы, ее развитие, критика ее

отдельных шагов, исправление ее ошибок, систематическое расширение и обострение ее.

7. По вопросу о парламентской борьбе (Aktion) социалистов надо иметь в виду, что Циммервальдская резолюция не только выражает симпатию 5 социал-демократическим депутатам Государственной Думы, принадлежащим к нашей партии и осужденным на ссылку в Сибирь, но и солидаризируется с их тактикой. Признавать революционную борьбу масс и мириться с исключительно легальной деятельностью социалистов в парламентах невозможно. Это ведет лишь к законному недовольству рабочих и к их уходу от социал-демократии в антипарламентский анархизм или синдикализм. Необходимо сказать ясно и во всеуслышание, что социал-демократы в парламентах должны пользоваться своим положением не только для выступлений в парламентах, но и для всестороннего внепарламентского содействия нелегальной организации и революционной борьбе рабочих и что массы сами должны, через свою нелегальную организацию, проверять такую деятельность своих вождей.

8. Вопрос о созыве Международного Социалистического Бюро сводится к основному и принципиальному вопросу, возможно ли единство старых партий и 2-го Интернационала. Каждый шаг вперед, делаемый международным рабочим движением по пути, намеченному в Циммервальде, показывает все яснее непоследовательность той позиции, которую заняло циммервальдское большинство: с одной стороны, политика старых партий и 2-го Интернационала отождествляется с *буржуазной* политикой в рабочем движении, с политикой, проводящей интересы буржуазии, а не интересы пролетариата (сюда относятся, напр., слова Циммервальдского манифеста, что «капиталисты» лгут, говоря о «защите отечества» в данной войне, затем ряд еще более определенных заявлений в циркуляре Internationale Sozialistische Kommission[1] от 10. II. 1916 г.); с другой стороны Internationale Sozialistische Kommission боится раскола с Международным Социалистическим Бюро и официально обещает, что Internationale Sozialistische Kommission распустится, если это Бюро вновь соберется.

[1] Международная Социалистическая Комиссия. *Ред.*

Мы констатируем, что такое обещание не только не голосовалось, но и не обсуждалось в Циммервальде.

Полгода, протекшие после Циммервальда, доказали, что *фактически* работа в духе Циммервальда—мы не говорим о пустых словах, а только о работе—во всем мире связана с углублением и расширением раскола. В Германии нелегальные прокламации против войны издаются вопреки решениям партии, т.-е. раскольнически. Когда депутат Otto Rühle, ближайший товарищ К. Либкнехта, заявил открыто, что фактически партий уже две: одна помогающая буржуазии, другая борющаяся с ней, то Рюле за это многие, в том числе каутскианцы, бранили, но никто его не опроверг. Во Франции член социалистической партии Бурдерон решительный противник раскола, и в то же время он предлагает своей партии такую резолюцию—дезавуировать ЦК партии и парламентскую группу (désapprouver Comm. Adm. Perm. et Gr. Parl.),—которая вызвала бы безусловный и немедленный раскол, если бы была принята. В Англии на страницах умеренного «Labour Leader» член I. L. P. T. Russel Williams открыто признает неизбежность раскола, встречая поддержку в письмах местных работников. Пример Америки, может быть, еще более поучителен, потому что там, даже в нейтральной стране, обнаружилось уже два непримиримо враждебных течения в социалистической партии: с одной стороны, сторонники так называемого «preparadness», т.-е. войны, милитаризма и маринизма, с другой стороны, такие социалисты, как Евгений Дебс, бывший кандидат социалистической партии в президенты, открыто проповедующий гражданскую войну за социализм именно в связи с грядущей войной.

Во всем мире фактически есть уж раскол, обнаружились уже две, совершенно непримиримые, политики рабочего класса по отношению к войне. Закрывать глаза на это нельзя; это поведет только к запутыванию рабочих масс, к затемнению их сознания, к затруднению той революционной массовой борьбы, которой все циммервальдцы официально сочувствуют, к усилению влияния на массы тех вождей, которых Internationale Sozialistische Kommission в циркуляре от 10. II. 1916 прямо обвиняет в том, что они «вводят в заблуждение» массы и готовят «заговор» («Pakt») *против* социализма.

Восстановлять обанкротившееся Международное Социалистическое Бюро будут социал-шовинисты и каутскианцы всех

стран. Задача социалистов разъяснять массам неизбежность раскола с теми, кто ведет политику буржуазии под флагом социализма.

Написано в начале апреля 1916 г. *Т. XIX, стр. 57—63.*

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ].

[Весна 1916 г. Цюрих.]

Дорогая А. М.! Вы знаете, конечно, что Гюисманс на 26 июня созывает нейтральных. Надо постараться, чтобы от скандинавских стран был кто-либо из «наших», и хорошо обдумать его поведение. Черкните, пожалуйста, поскорее (чтобы мы успели списаться), есть ли надежда на это.

Видаете ли немецкие социал-демократические газеты? Хорошо ответил Гюисмансу «Volksfreund» (Braunschweig), а орган правых Chemnitzer «Volksstimme» заявило, что *согласно вполне* с критикой циммервальдцев у Гюисманса.

Нет надежды на отмену приговора над Хёглундом? Свирепость неслыханная, невероятная!!

Крепко жму руку.

Ваш *Ленин.*

Большой привет Ник. Ивановичу[1], от коего была телеграмма, а письма не было. Желаю от души скорее ему отдохнуть и выправиться. Как его финансы?

P. S. Не дорого ли 75 крон за брошюру на английском? Не подождать ли?

Т. XXIX, стр. 245.

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Май 1916 г. Цюрих.]

Дорогой Александр! Закончилась конференция, опубликован (от 1 мая) ее манифест. Надеюсь, Вы получаете «Berner

[1] Н. И. Бухарину. *Ред.*

Tagwacht»—или другую швейцарскую газету? Если нет, черкните, мы вышлем французский текст.

Григорий[1] готовит обстоятельное письмо о конференции, которое будет Вам послано.

В общем принятый манифест—шаг вперед, *ибо* французские депутаты (трое, из них один полушовинист Бризон) приняли. Принята резолюция с критикой пацифизма и резолюция о Международном Социалистическом Бюро с резкой критикой его. В общем, это *все же*, несмотря на тьму недостатков, шаг к разрыву с социал-патриотами.

Левая была сильнее на этот раз: серб, трое швейцарцев, один француз (не депутат; *не* от группы, а от себя) усилили нашу левую. Затем два немца (от группы «Интернационал») шли с нами в главном.

Видели манифест Гюисманса? Там явно злой «намек» на нас! Хорошо ответил ему «Volksfreund» (Braunschweig).

Насчет японцев[2], мы решили сделать еще одну, последнюю, надеюсь, попытку соглашения: 1) все старые договоры (устные) отменяются; 2) соглашение между редакцией Центрального Органа, редактирующей номер, и *издателями* от книжки до книжки, т.-е. на каждую книжку отдельно; 3) издать номер в Берне (в Стокгольме явно нельзя).

Попытайте—выйдет или нет. Если нет, издадим «Сборник «Социал-Демократа»». Ждать нельзя.

Вот план № 3:

1) Материалы из России (до 3 листов).

2) Тезисы редакции Центрального Органа о самоопределении.

3) Статья Ленина о том же.

4) 2-ая Циммервальдская конференция. Григорий Зиновьев или Ленин.

5) Бухарин: экономическая тема.

6) Лялин[3] о дороговизне.

7) Александр[4]—из России.

8) Серб и итальянец обещали статьи.

9) Русские темы. Григорий Зиновьев.

---

[1] Г. Е. Зиновьев. *Ред.*
[2] Г. Л. Пятаков и Е. Бош. *Ред.*
[3] Г. Л. Пятаков. *Ред.*
[4] А. Г. Шляпников. *Ред.*

10) Радек—продолжение (?? едва ли стоит. По моему, нет) [1].

10) Коллонтай—из Америки.

11) Латыш.

12) Варин.

13) Женское рабочее движение.

14) Библиография.

15) О Троцком, Мартове и фракции Чхеидзе...

Обдумайте, *исследуйте почву*, разузнайте тактичнее и отвечайте скорее.

Крепко жму руку и желаю всяких успехов.

Ваш *Ленин.*

P. S. Насчет еврейского сборника, как Надя [2] уже писала, я согласен с Вами. О материалах Надя писала в Берн неоднократно. Привет Александре Михайловне [3]!!

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 251—252.

ПИСЬМО А. Г. ШЛЯПНИКОВУ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Июнь 1916 г. Цюрих.]

Дорогой Александр!

Видимо в нашей переписке заминка и *целый ряд* недоразумений вызван неполучением Вами второго нашего письма, посланного в Стокгольм. Иначе не могу объяснить себе, *как* Вы можете писать, что мы не отвечаем на запросы. Мы на *все* отвечали архи-подробно; *Вы* нам *не* отвечали. Надежда Константиновна пишет паки и паки; придется запастись терпением и повторить кое-что, дабы добиться результатов. Списаться необходимо.

Насчет «Коммуниста» Вы пишете мне, что раскол с Чхеидзе не вызывает сомнений. У кого? У Бухарина и К°!

---

[1] В рукописи эта строка зачеркнута. *Ред.*

[2] Н. К. Крупская. *Ред.*

[3] А. М. Коллонтай. *Ред.*

Да ведь я писал, что это относится *не* к Бухарину и К⁰, а к *Радеку и К⁰*.

«Коммунист» был временным блоком нашим с двумя группами или элементами: 1) Бухариным и К⁰; 2) Радеком и К⁰. Пока можно было идти вместе с ними, это *следовало* делать. Теперь *нельзя;* и надо *временно* разойтись или вернее отодвинуться.

Поляки вынесли *летом* 1915 г. (***после*** № 1—2 «Коммуниста») и напечатали *только в 1916 г.* резолюцию, показавшую снова их шатания в вопросе о Чхеидзе. Расчет ли *теперь* давать им *возможность* и ***право*** (они ведь сотрудники «*Коммуниста*»*!!*) лезть в журнал и портить его склокой??

По-моему, не расчет. Гораздо полезнее для дела взять другую фирму («Сборник «Социал-Демократа»») и *переждать*, пока поляки доучатся (или пока они отойдут к Германии) или пока изменится ситуация.

Далее. Насчет Бухарина и К⁰. Я непременно пришлю Вам (хотя и не очень быстро, ибо это зависит от поездки в Берн) *весенние* 1915 г. «тезисы» Бухарина. Тогда Вы увидите, в чем суть:

1) весной 1915 г. Бухарин пишет (на конференции!) тезисы, где катится в *болото* явно. Японцы[1] *против* него. (Поэтому мы идем временно на максимум поблажек в «Коммунисте», чтобы создать форму, удобную для *выяснения* дела: удастся ли преодолеть «товарищески» колебания Бухарина? поможет ли Е. Б.[2], называющая себя большевичкой, этому, или нет?)

2) Летом 1915 г. (или под осень) Бухарин + *японцы* уже втроем подписывают тезисы о самоопределении. *Архиневерно,* по нашему убеждению, и *повторение* ошибок Бухарина.

3) В начале 1916 г. Бухарин по вопросу о «голландской программе» (из № 3 Бюллетеня И. С. К.)[3] *опять* возвращается к идеям весенних тезисов 1915 г.!!!

Вывод? Блок невозможен *и* здесь: надо *выждать,* пока бухаринские колебания закончатся. Журнал, как орган польско-бухаринских колебаний, *вреден.* Было бы при таком

---

[1] Г. Л. Пятаков и Е. Б. Бош. *Ред.*
[2] Е. Б. Бош. *Ред.*
[3] Интернациональная Социалистическая Комиссия в Берне. *Ред.*

положении вредно держаться за старую фирму и не суметь выбрать иную фирму («Сборник «Социал-Демократа»»).

Непартийность, недобросовестность поведения японцев в том, что они хотят *на нас* свалить ответственность за *свои* колебания. Извините, любезные, этого мы не позволим Вам! Если хотите быть партийными, то Вы поможете частично деньгами изданию «Сборника «Социал-Демократа»», где мы (мы ведь не колеблемся) товарищески разберем Ваши ошибки, *не* называя вас, *не давая* врагам возможности ликовать и злорадствовать.

А кроме того японцы, если бы они относились серьезно к архисерьезному вопросу о разногласиях (за границей il n'y a qu'un pas[1], до особой фракции!! Поверьте мне, я это около 20 лет наблюдаю!!),—они бы заставили себя поработать над разногласием, обдумать, заняться (они *не* думали и *не* занимались, а просто *ляпнули*). Они бы изложили цельно *свои* разногласия либо в рукописи для тесного круга руководящих товарищей (которые могли бы помочь *не* вынесению вопроса в печать), либо в брошюре, если ***они*** хотят «печататься» (деньги у них есть).

Тогда за свои «идеи» отвечали бы *они сами*. Это необходимо. Хочешь учить рабочих новым истинам,—*отвечай за них*, а не сваливай ответственность на нас, не прячься (мы-де ничего, пусть Ленин и К⁰ отвечает перед партией за «дискуссию», т.-е. за ликование врагов).

Нет, любезные!! Этот номер не пройдет!! *Я* отвечать за *Ваши* колебания не стану. «Сборник «Социал-Демократа»» мы издадим даже без Вашей, господа японцы, помощи. Мы вам дадим *отсрочку:* подумайте, разберитесь, *решите*, наконец, хотите вы на себя взять ответственность за новую путаницу или нет. Если вы хотите только «*стравить*» ***нас*** в русской печати с поляками и голландцами, этого мы вам *не* позволим.

Вот положение дела, вот мои соображения; и повторяю, что я непременно пришлю Вам весенние тезисы Бухарина, чтобы Вы могли судить обо всем положении *по документам*.

О самоопределении пишет сегодня Надежда Константиновна. Мы *не* за дробление. А вопрос об *аннексиях?* Бухарин и К⁰ (как и Радек с Розой Люксембург и Паннекуком) не по-

[1] Только один шаг. *Ред.*

думали, что значит быть «против старых и новых аннексий» (формула *в печати*, данная Радеком)?? Ведь это и *есть* «самоопределение наций» только *иными* словами выраженное!

Ну, пока до следующего раза.

Ваш *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 263—265.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

[Июнь 1916 г. Цюрих.]

Дорогая А. М.! Очень рад Вашим вестям и сообщениям. Насчет Америки придется потерпеть: издавать стоит *только* там.

Насчет левых шведов и норвежцев, надеюсь, Вы все сделаете, чтобы закрепить дело. Пока ничего еще не закреплено. Ничего! Все слова. Нет ни формального присоединения к левой, ни правильных сношений с нами, ни-че-го. И это после Хёглунда!! Что за люди?

Насчет собрания нейтральных 26 июня в Гааге у меня такой план: ясно, что безъязычные и неэнергичные, сонные норвежцы ничего *не смогут* сделать. Почему бы не поехать *и* Вам?

Почему бы Ц. К. норвежской партии не мог назначить икса *плюс* Вас? Икс необходим, местный, а Вы *плюс*. Хотя бы даже переводчицей. Вы были бы архиполезны, ибо *все* узнали бы. А то я уверен, что даже полного, точного, ясного, верного *отчета* о бывшем мы *не* получим (и рабочие всего мира *не* получат). Подумайте об этом. И сделайте все возможное для этого.

Жму крепко руку.

Ваш *Ленин.*

P. S. Брошюры Рыбалки не читал: некогда. Скажите: глупые брошюры эс-эров *ослабляли* значение революционной борьбы эс-эровских крестьян?? Провокатор Гапон *ослабил* значение революционной борьбы гапоновских рабочих?? Назвать ирландское восстание «путшем» (видели K. Radek в

«Berner Tagwacht»?)—и Вы *миритесь* с этим!!?? Не понимаю. Окончательно не понимаю. Если где, то именно здесь доказано неприличное педантство и неумное доктринерство K. Radek в «Berner Tagwacht» и «иже с ним».

Если Ваша поездка *невозможна*, нельзя ли провести хоть решение Центрального Комитета норвежской партии, чтобы делегат *тщательно* и *на месте же* записал ***все*** происходящее?

Т. XXIX, стр. 266—267.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

25 июля 1916 г. [Флюмс.]

Дорогая А. М.! Из-за переезда в горы, вызванного болезнью Нади[1], опоздал с ответом на Ваше письмо. Я вполне согласен с Вами, что роль левого на совещании с Гюисмансом будет таким образом осведомительная. Это важнее всего. Делать заметки *тут же* и обо всем—самое главное. Собирать все и всяческие документы; ни минуты не забывать о необходимости *полного* осведомления. Записывать все (хотя бы вкратце) тут же, на месте, в особую тетрадь—единственное средство. Гримм не едет: не дали паспорта. Значит, левый будет один. Тем больше ответственность его. Чтобы вести линию одному, нужна большая решительность и полная сознательность: Вам виднее, есть ли эти качества. Если есть, хорошо бы «поставить» парочку вопросов resp.[2] голосований: одобрить Циммервальд;—тоже Кинталь; осудить социал-патриотов, Гайндмана и К⁰; Самба и К⁰; Легина и К⁰; Плеханова и К⁰. Тоже можно и в виде вопросов. Вам виднее, осуществимо ли это.

Черкните, пожалуйста, пару слов о получении этой открытки.

Александр, наверное, взял все адреса и постарается узнать, напечатано ли что-либо в Америке о Циммервальдской левой; достать это; связаться с «Socialist Propaganda League»; тоже

---

[1] Н. К. Крупской. *Ред.*

[2] Относительно. *Ред.*

с Socialist Labour Party; тоже с «International Socialist Review»; тоже с «Appeal to Reason». Если получите эту открытку и ответите, может быть мы еще снесемся о том, что именно удобно поручить ему там.

Одна личная просьба: нет ли у Вас издательских связей? У меня нет. Для заработка хотелось бы иметь либо *перевод*, либо *педагогическо*-литературную работу Наде (ибо ее болезнь требует *длительной* жизни в горах, а это стоит дорого).

Крепко жму руку и желаю всего лучшего. Надя шлет привет.

Ваш *В. Ульянов.*

Т. XXIX, стр. 270—271.

О БРОШЮРЕ ЮНИУСА

Наконец-то в Германии вышла нелегально, без приспособления к подлой юнкерской цензуре, социал-демократическая брошюра, посвященная вопросам войны! Автор, принадлежащий, очевидно, к «леворадикальному» крылу партии, подписался Юниус (что значит по-латыни: младший) и назвал свою брошюру: «Кризис социал-демократии». В приложении напечатаны те «тезисы о задачах международной социал-демократии», которые были уже внесены в Бернскую И. С. К. (Интернациональную Социалистическую Комиссию) и напечатаны в номере 3-ем ее бюллетеня; они принадлежат группе «Интернационал», издавшей весной 1915 г. один номер журнала под этим заглавием (со статьями Цеткиной, Меринга, Р. Люксембург, Талгеймера, Дункер, Штребеля и др.) и устроившей зимой 1915—16 г.г. совещание социал-демократов из всех частей Германии, принявшее эти тезисы.

Брошюра написана в апреле 1915 г., как говорит автор в введении, помеченном 2 января 1916 г., и печаталась «без всяких изменений». Издать ее раньше помешали «внешние обстоятельства». Посвящена она не столько «кризису социал-демократии», сколько анализу войны, опровержению легенды о ее освободительном, национальном характере, доказательству того, что это—империалистская и со стороны Германии и со стороны других великих держав война, затем рево-

люционной критике поведения официальной партии. Написанная чрезвычайно живо, брошюра Юниуса, несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей социал-демократической партии Германии, и мы от всей души приветствуем автора.

Русскому читателю, который знаком с социал-демократической литературой, напечатанной по-русски за границей в 1914—16 г.г., брошюра Юниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь эту брошюру, сопоставляя с аргументами немецкого революционного марксиста, то, что было изложено, например, в манифесте Центрального Комитета нашей партии (сентябрь—ноябрь 1914) [1], в бернских резолюциях (март 1915 г.) [2] и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неполноте аргументов Юниуса и в двух ошибках его. Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом—прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер.

Главным недостатком брошюры Юниуса и прямым шагом назад по сравнению с легальным (хотя и запрещенным тотчас после выхода) журналом «Интернационал» является умолчание о связи социал-шовинизма (автор не употребляет ни этого термина, ни менее точного выражения социал-патриотизм) с оппортунизмом. Автор вполне правильно говорит о «капитуляции» и крахе германской социал-демократической партии, об «измене» «официальных вождей» ее, но далее не идет. А между тем уже журнал «Интернационал» дал критику «центра», т.-е. каутскианства, вполне справедливо осыпав насмешками его бесхарактерность, проституирование им марксизма, лакейство перед оппортунистами. И тот же журнал *начал* разоблачение действительной роли оппортунистов, опубликовав, напр., важнейший факт, что 4-го августа 1914 г. оппортунисты явились с ультиматумом, с готовым решением

[1] См. XVIII т. Сочинений, стр. 44—47 и 57—67. *Ред.*
[2] См. там же, стр. 124—128. *Ред.*

голосовать во *всяком* случае *за* кредиты. Ни в брошюре Юниуса, ни в тезисах *не* говорится ни об оппортунизме ни о каутскианстве! Это теоретически неверно, ибо нельзя *объяснить* «измены», не поставив ее в связь с оппортунизмом, как *направлением*, имеющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала. Это практически-политически ошибочно, ибо нельзя ни понять «кризиса социал-демократии», ни преодолеть его, не выяснив значения и роли *двух направлений:* открыто оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрыто оппортунистического (Каутский и К⁰). Это шаг назад по сравнению, напр., с исторической статьей Отто Рюле в «Vorwärts» от 12 января 1916 г., где он прямо, открыто доказывает *неизбежность* раскола социал-демократической партии Германии (редакция «Vorwärts'а» ответила ему повторением слащавых и лицемерных каутскианских фраз, не найдя ни единого аргумента по существу против того, что на-лицо *уже* две партии и что примирить их нельзя). Это—поразительно непоследовательно, ибо в 12-ом тезисе «Интернационала» говорится *прямо* о необходимости создать «новый» Интернационал ввиду «измены» и «перехода на почву буржуазно-империалистской политики» «официальных представителей социалистических партий руководящих стран». Ясно, что говорить об участии в «новом» Интернационале старой социал-демократической партии Германии или партии, мирящейся с Легином, Давидом и К⁰, просто смешно.

Чем объясняется этот шаг назад группы «Интернационал», мы не знаем. Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству. Это тем более необходимо, что у немецких революционных социал-демократов отняты теперь две последних ежедневных газеты: бременская («Bremer Bürger-Zeitung») и брауншвейгская («Volksfreund»), которые обе перешли к каутскианцам. *Только* группа: «Интернациональные социалисты Германии» (I. S. D.) остается на своем посту—ясно и определенно для всех.

Некоторые члены группы «Интернационала», видимо, скатились опять в болото беспринципного каутскианства. Напр.,

Штребель дошел до того, что в «Neue Zeit» расшаркивался перед Бернштейном и Каутским! А совсем на-днях, 15 августа 1916 г. он поместил в газетах статью «Пацифизм и социал-демократия», с защитой пошлейшего каутскианского пацифизма. Что касается Юниуса, он восстает против каутскианского прожектерства в духе «разоружения», «уничтожения тайной дипломатии» и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе «Интернационал» есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства.

Из ошибочных положений Юниуса первое закреплено в 5-ом тезисе группы «Интернационал»: ...«В эпоху (эру) этого разнузданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу: империализму»... Начало 5-го тезиса, который оканчивается этим положением, посвящено характеристике *данной* войны, как империалистской. Возможно, что отрицание национальных войн вообще есть либо недосмотр либо случайное увлечение при подчеркивании совершенно правильной мысли, что *данная* война есть империалистская, а не национальная. Но так как возможно и обратное, так как ошибочное отрицание *всяких* национальных войн по случаю облыжного представления *данной* войны в виде национальной замечается у различных социал-демократов, то на этой ошибке нельзя не остановиться.

Юниус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние «империалистской обстановки» в *данной* войне, когда он говорит, что за Сербией стоит Россия, «за сербским национализмом стоит русский империализм», что участие, напр., Голландии в войне было бы *тоже* империалистским, ибо она, во-1-х, защищала бы свои колонии, а во-2-х, была бы союзницей одной из *империалистских* коалиций. Это бесспорно—по отношению к *данной* войне. И когда Юниус подчеркивает при этом особенно то, что для него в первую голову важно: борьбу с «фантомом национальной войны», который в настоящее время господствует над социал-демократической политикой» (стр. 81), то нельзя не признать рассуждения его и правильными и вполне уместными.

Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при

империализме войны, забвение национальных движений *против* империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: «национальных войн больше быть не может» является тот, что мир поделен между горсткой «великих» империалистских держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была вначале национальной, *превращается* в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций (стр. 81 у Юниуса).

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистскую *и обратно*. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила—и в истории греческой философии—мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война, 1914—16 г.г., превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие *вперед*, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но *невозможным* такое превращение объявить нельзя: *если бы* пролетариат *Европы* оказался лет

на 20 бессильным; *если бы* данная война *кончилась* победами вроде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; *если бы* внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, напр., в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы *назад* на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это *не* невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно.

Далее. Не только вероятны, но *неизбежны* в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т.-е. *больше половины* населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний *неизбежно* будут национальные войны с их стороны *против* империализма. Такие войны *могут* повести к империалистской войне теперешних «великих» империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств.

Пример: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.-е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высокоразвитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних Соединенных Штатов, из вражды к Англии, т.-е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии Штатами. Французские войска вместе с американскими бьют англичан. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения, элементом,—обратное тому, что мы видим в войне 1914—16 г.г. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значе-

ния по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализм шаблонным образом, выводя из него «невозможность» национальных войн. Национально-освободительная война, напр., союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, при чем превращение такой войны в империалистскую войну между теперешними империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. «Эпоха империализма» сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта «эпоха» нисколько не исключает национальных войн, напр., со стороны маленьких (допустим, аннектированных или национально-угнетенных) государств *против* империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы. Про Австрию, напр., Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только «экономическое», а и своеобразно политическое, отмечая «внутреннюю нежизнеспособность Австрии», признавая, что «габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов», и что «ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития». С некоторыми балканскими государствами и с Россией дело обстоит не лучше. И при условии сильного истощения «великих» держав в данной войне или при условии победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике *не* при всех условиях, это с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают «с-кандачка»: война маленького государства против гиганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а затем, известные явления внутри «гигантов»—

напр., начало революции—могут «безнадежную» войну сделать очень «надежной».

Мы остановились подробно на неверности положения, будто «больше не может быть национальных войн», не только потому, что оно явно ошибочно теоретически. Было бы, конечно, глубоко печально, если бы «левые» стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе не-вульгаризованного марксизма. Но и в практически-политическом отношении эта ошибка очень вредна: из нее выводят нелепую пропаганду «разоружения», ибо будто бы никаких войн, кроме реакционных, быть не может; из нее выводят еще более нелепое и прямо реакционное равнодушие к национальным движениям. Такое равнодушие становится шовинизмом, когда члены европейских «великих» наций, т.-е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы-ученым видом: «национальных войн более быть не может»! Национальные войны *против* империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и *прогрессивны*, *революционны*, *хотя*, конечно, для *успеха* их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр., парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата).

Надо заметить однако, что было бы несправедливо обвинять Юниуса в равнодушии к национальным движениям. Он отмечает, по крайней мере, в числе грехов социал-демократической фракции ее молчание по поводу казни за «измену» (очевидно, за попытку восстания по случаю войны) одного вождя туземцев в Камеруне, подчеркивая в другом месте (специально для гг. Легинов, Ленчей и т. п. негодяев, числящихся «социал-демократами»), что колониальные нации суть тоже нации. Он заявляет с полнейшей определенностью: «социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими

судьбами»; «международный социализм признает право свободных, независимых, равноправных наций, но только он может создать такие нации, только он может осуществить право наций на самоопределение. И этот лозунг социализма—справедливо замечает автор—служит, как и все остальные, не к оправданию существующего, а как указатель пути, как стимул к революционной, преобразующей, активной политике пролетариата» (стр. 77 и 78). Глубоко ошиблись бы, следовательно, те, кто подумал бы, что все левые немецкие социал-демократы впали в ту узость и карикатуру на марксизм, до которого дошли некоторые голландские и польские социал-демократы, отрицая самоопределение наций даже при социализме. Впрочем, о *специальных* голландско-польских источниках *этой* ошибки мы говорим в другом месте.

Другое ошибочное рассуждение Юниуса связано с вопросом о защите отечества. Это—кардинальный политический вопрос во время империалистской войны. И Юниус подкрепил нас в том убеждении, что наша партия дала единственно правильную постановку этого вопроса: пролетариат против защиты отечества в этой, империалистской войне *в виду* ее грабительского, рабовладельческого, реакционного характера, *в виду* возможности и необходимости противопоставить ей (и стремиться превратить ее в) гражданскую войну за социализм. Юниус же, с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистский характер данной войны, в отличие от национальной, а с другой стороны впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к *данной, не* национальной, войне! Это звучит почти невероятно, но это факт.

Казенные социал-демократы, как легиновского, так и каутскианского оттенка, лакействуя перед буржуазией, которая всего более кричала об иностранном «нашествии», чтобы обмануть народные массы насчет империалистского характера войны, повторяли с особенным усердием этот довод о «нашествии». Каутский, уверяющий теперь наивных и доверчивых людей (между прочим, через российского окиста, Спектатора), что он с конца 1914-го года перешел к оппозиции, продолжает ссылаться на этот «довод»! Стараясь опровергнуть этот довод, Юниус приводит поучительнейшие исторические примеры, чтобы доказать, что «нашествие и классовая борьба в буржуазной истории являются не противоречием, как гласит

официальная легенда, а одно является средством и проявлением другого». Примеры: Бурбоны во Франции вызывали иностранное нашествие против якобинцев, буржуа в 1871 г.— против Коммуны. Маркс писал в «Гражданской войне во Франции»:

«Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается—отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах».

«Классическим примером всех времен является—пишет Юниус, ссылаясь на 1793-ий год,—Великая Французская Революция». Изо всего этого делается вывод: «Вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороной страны против внешнего врага.

Практический вывод Юниуса: «Да, социал-демократы обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина социал-демократической фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 г.: «В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины», а в то же самое время отреклась от своих слов. Она *оставила* родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа и поражение одинаково губительны, сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью перманентного (беспрерывного) заседания народного представительства на все время войны, чтобы обеспечить бдительный контроль народного представительства за правительством и народа

за народным представительством; требовать немедленной отмены всех политических правоограничений, ибо только свободный народ может с успехом защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе войны,—программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т.-е. к сохранению реакции в Европе и в Германии,— старую истинно-национальную программу патриотов и демократов 1848-го года, программу Маркса, Энгельса и Лассаля: лозунг единой великой немецкой республики. Таково было знамя, которое следовало бы развернуть перед страной, которое было бы истинно национальным, истинно освободительным, находилось бы в соответствии с лучшими традициями Германии и международной классовой политики пролетариата»... «Таким образом тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата, трагический конфликт, который побудил наших парламентариев «с тяжким сердцем» встать на сторону империалистской войны, есть чистое воображение, буржуазно-националистическая фикция. Напротив, между интересами страны и классовыми интересами пролетарского Интернационала существует и во время войны и во время мира полная гармония: и война и мир требуют самого энергичного развития классовой борьбы, самого решительного отстаивания социал-демократической программы».

Так рассуждает Юниус. Ошибочность его рассуждений бьет в глаза, и если наши открытые и прикрытые лакеи царизма, господа Плеханов и Чхенкели, а может быть даже гг. Мартов и Чхеидзе, с злорадством ухватятся за слова Юниуса, помышляя не о теоретической истине, а о том, чтобы вывернуться, замести следы, набросать песку в глаза рабочим, то нам надо остановиться подробнее на выяснении *теоретических* источников ошибки Юниуса.

Империалистской войне он предлагает «противопоставить» национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему! В 1793 и 1848 г.г. и во Франции и в Германии и во всей Европе *объективно* стояла на очереди *буржуазно*-демократическая революция. Этому *объективному* историческому положению вещей соответствовала «истинно-национальная», т.-е. национально-*буржуазная* программа тогдашней демократии, которую в 1793 г. осуществили наиболее революционные элементы

буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодально-династическим войнам противопоставлялись тогда, *объективно*, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы *объективное* положение иное. Развитие вперед—если не иметь в виду возможных, временных, шагов назад—осуществимо лишь к *социалистическому* обществу, к *социалистической революции*. Империалистски-буржуазной войне, войне высоко развитого капитализма *объективно* может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война *против* буржуазии, т.-е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, война, *без* которой серьезного движения вперед быть *не может*, а затем—лишь при известных, особых условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств. Поэтому те большевики (к счастью, совсем единичные и немедленно сданные нами призывцам), которые готовы были стать на точку зрения условной обороны, обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России, оставались верны *букве* большевизма, но изменяли *духу* его; ибо втянутая в империалистскую войну передовых европейских держав Россия и в республиканской форме вела бы *тоже* империалистскую войну!

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юниус применил марксову диалектику лишь на половину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия,—это верно *и* по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, *и* по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению *ко всякому* классовому угнетению, это *слишком обще* и потому *недостаточно* по отношению к данному *особому* случаю. Гражданская война против буржуазии есть *тоже* один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествий. «Велико-германская республика», если бы она

существовала в 1914—16 г.г., вела бы *такую же* империалистическую войну.

Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии за социализм и, точно побоявшись сказать всю правду до конца, повернул *назад*, к фантазии «национальной войны» в 1914, 15, 16 годах. Если взглянуть на вопрос не с теоретической, а с чисто практической стороны, то ошибка Юниуса станет не менее ясна. Все буржуазное общество, все классы Германии вплоть до крестьянства стояли *за* войну (в России, по всей вероятности, *тоже*—по крайней мере большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма). Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении «провозгласить» программу республики, перманентного парламента, выбора офицеров народом («вооружение народа») и пр. значило бы *на практике*—«*провозгласить*» *революцию* (с *неверной* революционной программой!).

Юниус говорит здесь же, вполне правильно, что революцию «сделать» нельзя. Революция стояла на очереди в 1914—16 г.г., таясь в недрах войны, *вырастая* из войны. Надо было «*провозгласить*» это от имени революционного класса, указать до конца, безбоязненно, *его* программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архиреакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, *безусловно осуществимые* при *всяком* темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв «гражданского мира»; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс[1]. Успех *всех* этих шагов *неминуемо* ведет к гражданской войне.

Провозглашение великой исторической программы имело, несомненно, гигантское значение; только не старой и устаревшей для 1914—16 г.г. национально-германской программы, а пролетарски-интернациональной и социалистической. Вы,

[1] См. XVIII т. Сочинений, стр. 126. *Ред.*

буржуа, воюете для грабежа; мы, рабочие *всех* воюющих стран, объявляем войну вам, войну за социализм,—вот содержание речи, с которой должны были выступить 4 августа 1914 г. в парламентах социалисты, не изменившие пролетариату, как Легины, Давиды, Каутские, Плехановы, Гэды, Самба и т. д.

Повидимому, двоякого рода ошибочные соображения могли вызвать ошибку Юниуса. Несомненно, Юниус решительно против империалистской войны и решительно *за* революционную тактику: этого *факта* не устранят никакие злорадства гг. Плехановых по поводу «оборончества» Юниуса. На возможные и вероятные клеветы этого рода необходимо ответить сразу и прямо.

Но Юниус, во-первых, не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги[1]. Это—ошибочная боязнь, и левые социал-демократы Германии должны будут избавиться и *избавятся* от нее. Ход их борьбы с социал-шовинистами *приведет* к этому. А они борются с *своими* социал-шовинистами решительно, твердо, *искренне*, в этом их громадное, принципиальное, коренное отличие от тт. Мартовых и Чхеидзе, которые одной рукой (à la Скобелев) развертывают знамя с приветом «Либкнехтам всех стран», а другой рукой нежно обнимают Чхенкели и Потресова!

Во-2-х, Юниус хотел, повидимому, осуществить нечто вроде меньшевистской, печальной памяти, «теории стадий», хотел *начать* проводить революционную программу с ее «наиболее удобного», «популярного», приемлемого для *мелкой буржуазии* конца. Нечто вроде плана «перехитрить историю», перехитрить филистеров. Дескать, против *лучшей* обороны истин-

---

[1] Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему: что лучше, победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа. Если говорить о «революционном вмешательстве» пролетариата—а об этом, хотя, к сожалению, слишком обще, говорит и Юниус и тезисы группы «Интернационала»—то *обязательно* было поставить вопрос с *иной* точки зрения: 1) возможно ли «революционное вмешательство» без риска поражения? 2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство *своей* страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?

ного отечества никто не может быть: а истинное отечество есть великогерманская республика, лучшая оборона *есть* милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз принята, такая программа сама собой повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции.

Вероятно, подобные рассуждения сознательно или полусознательно определили тактику Юниуса. Нечего и говорить, что они ошибочны. В брошюре Юниуса чувствуется *одиночка*, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток—было бы глубоко неправильно забывать это—не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости *всех* немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, *несмотря* на свое одиночество, *приступить* к изданию нелегальных листков и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути.

Написано в августе 1916 г. *Т. XIX, стр. 176—190.*

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Дорогие товарищи!

От имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. я приветствую съезд итальянской социалистической партии и желаю ему успеха в его работах.

Итальянской социалистической партии *первой* из социалистических партий воюющих стран удалось сделать то, что могли и должны были бы сделать все социалистические партии этих государств, если бы они не изменили социализму и не перешли на сторону буржуазии, именно: собрать свой съезд, совещание или конференцию вне пределов досягаемости «отечественной» военной цензуры, военного начальства, в свободной стране, где можно свободно обсудить и высказать социалистическое отношение к войне. Позвольте мне выразить надежду, что свободному—от патриотических намордни-

ков—съезду итальянской социалистической партии удастся так же много и еще больше сделать для борьбы с изменой социализму почти всех европейских социалистических партий, чем сделала до сих пор вся итальянская социалистическая партия.

Представители нашей партии работали вместе с представителями вашей партии в Циммервальде и Кинтале. И единственным серьезным разногласием, которое разделяло нас, было разногласие о неизбежности и необходимости раскола с социал-шовинистами, т.-е. социалистами на словах и шовинистами на деле, именно: всеми теми, кто представляет или оправдывает «защиту отечества» в настоящей империалистской войне, кто прямо или косвенно поддерживает «свое» правительство и «свою» буржуазию в этой реакционной, разбойнической войне из-за дележа колоний и из-за господства над миром. Мы считаем раскол с социал-шовинистами исторически неизбежным и необходимым для искренней и не ограничивающейся словесными протестами революционной борьбы пролетариата за социализм. Представители вашей партии стояли на той точке зрения, что можно еще надеяться на победу пролетариата над социал-шовинистами («sciovinisti») *без* раскола с ними.

Мы хотели бы надеяться, что развитие событий во всемирном социализме все более и более устраняет почву для этого разногласия между нами.

С одной стороны, во всем мире, не только в воюющих странах, но и в главных нейтральных, например, в передовой капиталистической стране, Соединенных Штатах Америки, рабочее движение все более и более раскалывается *фактически* на сторонников и противников «защиты отечества» в данной империалистской войне и в следующих империалистских войнах, которые подготовляются и взращиваются всей политикой всех современных так называемых «великих» держав.

С другой стороны, недавно мы прочли в «*Avanti!*», центральном органе социалистической партии, с особенным удовольствием редакционную статью: «La chiusura della conferenza socialista tedesca»[1]. Эта конференция немецкой социал-демократической партии есть одно из самых выдающихся

[1] «Закрытие конференции немецких социалистов». *Ред.*

событий во всемирном социализме за последние месяцы, ибо на ней столкнулись *три* главные направления не только немецкого, но и *всемирного* социализма: во-первых, направление открытых социал-шовинистов, таких, как Легин, Давид и К⁰ в Германии, Плеханов, Потресов, Чхенкели в России, Ренодель и Самба во Франции, Биссолати и его партия в Италии; во-вторых, направление, разделяющее основную идею социал-шовинизма, именно «защиту отечества» в данной войне, и желающее примирить эту идею с действительным социализмом и интернационализмом, направление Гаазе-Каутского, и в-третьих, направление действительно социалистическое и интернационалистское, групп «Интернационал» и «Интернациональных Социалистов Германии» в Германии.

Оценивая эти три направления, «*Avanti!*» в указанной статье (№ 269, 27 сентября 1916 г.) писал:

«... il proletariato tedesco finirà indubbiamente per trionfare contro i Legien, gli Ebert ed i David, che anno preteso di compromettere la sua azione di classe nei tristi pattegiamenì coi Bethmann-Hollweg e gli altri fautori della guerra. Di questo noi abbiamo la più schietta certezza».

Noi abbiamo la medesima certezza.

«Piuttosto—продолжает «Avanti!»—la conferenza dei socialisti tedeschi ci lascia incerti circa l'atteggiamento prossimo di una parte della opposizione quella che ebbe per esponente principale l'Haase».

«Il gruppo «Internazionale» con Liebknecht, con Mehring, con Klara Zetkin, con Rosa Luxemburg—con tutti gli altri «sabotatori e trrditori della patría» è perfettamente a posto».

...«*Meno conseguente ci è parso Haase*»[1].

И «Avanti!» объясняет, что оно видит «непоследовательность» Гаазе и его группы, которую мы называем в своей

[1] «Немецкий пролетариат, несомненно, в конце концов восторжествует над Легинами, Эбертами и Давидами, которые пытались скомпрометировать его классовую борьбу жалкими сделками с Бетман-Гольвегами и другими сторонниками войны. В этом мы искренно убеждены».

Мы в этом так же убеждены.

«Но все же конференция немецких социалистов не дает нам уверенности в том, каково будет дальнейшее поведение той части оппозиции, главным представителем которой является Гаазе».

«Группа «Интернационал» с Либкнехтом, Рингом, Кларой Цеткин, Розой Люксембург—со всеми другими «саботажниками» и «изменниками отечеству»—неизменно остается на своем посту».

...«*Менее последовательным нам кажется Гаазе*». *Ред.*

печати *каутскианским* направлением всемирного социализма,— в том, что «*essi non accettano le logiche e naturali conseguenze cui sono giunti Liebknecht e compagni*»[1].

Так пишет «*Avanti!*».

Мы от всей души приветствуем эти заявления «Avanti!». Мы уверены, что ошибается «Forwärts», центральный орган немецких социал-демократов и главный орган каутскианского направления, когда пишет в № 276 от 7 октября 1916 г. по поводу этих слов «Avanti!», «dass der «Avanti!» über die Parteiverhältnisse und Parteivorgänge in Deutschland *nicht ganz zutreffend informiert ist*»[2].

Мы уверены, что «*Avanti!*» информировано «ganz zutreffend»[3] и что оно не случайно находит неправой группу Гаазе и правой группу Либкнехта. Мы надеемся поэтому, что итальянская социалистическая партия может занять выдающееся место в международном социализме своей защитой принципов и тактики Либкнехта.

Наша партия находится в неизмеримо более трудных условиях, чем итальянская. Вся наша печать задушена. Но и из эмиграции нам удалось помочь борьбе наших товарищей в России. Доказательством того, что эта борьба против войны со стороны нашей партии в России была борьбой действительно передовых *рабочих* и рабочих *масс*, являются два факта: во-первых, рабочие депутаты нашей партии, выбранные от рабочих в самых промышленных губерниях России, Петровский, Шагов, Бадаев, Самойлов и Муранов, сосланы в Сибирь царским правительством за революционную пропаганду против войны. Во-вторых, долго спустя после их ссылки, передовые рабочие в Петербурге, принадлежащие к нашей партии, решительно отвергли участие в военно-промышленных комитетах.

В январе 1917 г. собирается конференция Entente-Sozialisten»[4]. Мы сделали однажды опыт участия в подобной

---

[1] Они не принимают тех логических и естественных выводов, к которым пришли Либкнехт с товарищами. *Ред.*

[2] «Что «Avanti!» *не вовсем правильно информирована* о жизни и делах партии в Германии». *Ред.*

[3] «Вполне правильно». *Ред.*

[4] «Социалистов Согласия». *Ред.*

конференции в Лондоне, но нашего представителя лишили слова, как только он дерзнул сказать правду об измене европейских социалистов. Мы думаем поэтому, что на подобных конференциях место только господам Биссолати, Плеханову, Сабма и tutti quanti[1]. Мы намерены поэтому отказаться от посещения конференции и обратиться с письмом к европейским рабочим с разоблачением обмана народа социал-шовинистами.

Еще раз приветствую съезд итальянской социалистической партии и выражаю пожелание успеха в его работах.

Написано в первой половине октября 1916 г.

Т. XXX, стр. 264—267.

ПИСЬМО ФРАНЦУ КОРИЧОНЕРУ

(В ВЕНУ)

25 октября 1916 г. Цюрих.

Дорогой друг! Мы очень сожалеем, что Вы нам до сих пор не написали ни одной строки. Надо надеяться, что крупные события в Вене побудят Вас наконец написать нам подробно.

В «Berner Tagwacht» (а затем в других газетах) было опубликовано известие, что на военном заводе в Шпейере (Австрия) бастовало 24 000 рабочих, что чешские солдаты стреляли, и убито 700 (семьсот!) рабочих. Какая в этом доля правды? Пожалуйста, сообщите об этом возможно более обстоятельно.

Что касается поступка Фридриха Адлера, то я просил бы Вас сообщить подробности.

Здешние газеты («Berner Tagwacht» и «Volksrecht»—получаете ли Вы обе? или ни одной из них?) прославляют этот акт. «Avanti» (попадает ли к Вам «Avanti»?) сообщает, что Фридрих Адлер—автор знаменитого манифеста австрийских интернационалистов. Верно ли это? И удобно ли уже говорить об этом открыто?

(1) Говорил ли Фридрих Адлер с кем-либо о своем плане? (2) Не передал ли он какому-нибудь другу документы,

[1] Всем им подобным. *Ред.*

письма, заявления с тем, чтобы они были позднее опубликованы? (3) Верно ли то, что пишет Венская «Arbeiter Zeitung», будто он повсюду (и в железнодорожном клубе, и в других местах) оставался в меньшинстве (и как велико было это меньшинство?); 4)—что его положение в организации стало «невыносимым» (?), 5)—что на последней партийной конференции он получил только семь голосов? 6)—что на последних двух собраниях доверенных лиц[1] он чрезвычайно резко нападал на партию и требовал демонстраций? (каких именно?).

Пожалуйста, напишите возможно подробнее обо всех этих вопросах и вообще—побольше информации и подробностей о Фридрихе Адлере. Если вы не дадите особых указаний, то мы будем печатать в наших газетах все, что будет получено от Вас (и опубликуем также—в качестве нашего редакционного материала—в здешней немецкой печати).

Что касается политической оценки акта, то мы остаемся, разумеется, при нашем старом подтвержденном опытом десятилетий убеждении, что индивидуальные террористические покушения являются нецелесообразными средствами политической борьбы.

«Killing is no murder»[2] писала наша старая «Искра» о покушениях: мы *вовсе не против* политического убийства (в этом смысле просто омерзительны лакейские писания оппортунистов «Vorwärts» и венской «Arbeiter Zeitung»), но в качестве революционной тактики индивидуальные покушения нецелесообразны и вредны. Только массовое движение можно рассматривать, как действительную политическую борьбу. Только в прямой, непосредственной связи с массовым движением могут и должны принести пользу и индивидуальные террористические действия. В России террористы (против которых мы всегда боролись) совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 г., когда дело, наконец, дошло до массового движения, до восстания,—когда нужно было помочь массе применить насилие,—тогда-то как раз «террористы» и отсутствовали. В этом ошибка террористов.

---

[1] Социал-демократический партийный актив. *Ред.*

[2] Умерщвление—не убийство. *Ред.*

Адлер принес бы гораздо больше пользы революционному движению, если бы, не боясь раскола, систематически перешел к нелегальной пропаганде и агитации. Было бы очень хорошо, если бы нашлась какая-нибудь левая группа, которая опубликовала бы в Вене листовку и в ней сообщила рабочим свой взгляд: заклеймила бы самым резким образом лакейство венской «Arbeiter Zeitung» и «Vorwärts», оправдала бы морально акт Адлера: («Killing is no murder»), но разъяснила бы рабочим: не терроризм, а систематическая длительная, самоотверженная работа революционной пропаганды и агитации, демонстрации и т. д. и т. д. против лакейской, оппортунистической партии, против империалистов, против собственных правительств, против войны—вот что нужно.

Сообщите нам, пожалуйста, насколько правильно было бы рассматривать акт Адлера, как акт отчаяния? Я думаю, что политически это так. Он изверился в партию, он не мог вынести того, что с этой партией работать невозможно, что невозможно работать вместе с Виктором Адлером, он не мог помириться с идеей раскола, взять на себя тяжелую задачу борьбы против партии. И в результате отчаяния—покушение.

Акт отчаяния со стороны каутскианца («Volksrecht» пишет, что Адлер не был сторонником циммервальдских левых, а скорее каутскианцем).

Но мы, революционеры, не можем отчаиваться. Мы не боимся раскола. Напротив: мы признаем необходимость раскола, мы разъясняем массам, почему раскол неизбежен и необходим, мы призываем к работе против старой партии, к революционной массовой борьбе.

Какие течения (или какие индивидуальные оттенки) существуют в Вене и Австрии в оценке адлеровского поступка?

Я опасаюсь, что венское правительство объявит Фридриха Адлера душевнобольным и не допустит судебного процесса. Но если дело дойдет до суда, то нужно будет обязательно организовать распространение листовок.

Пишите больше и подробнее и точно соблюдайте все технические меры предосторожности.

Наилучший привет.

Ваш *Н. Ленин.*

Т. XXIX, стр. 311—313.

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ 4 НОЯБРЯ 1916 г.

Недавно социал-демократическая партия Швейцарии имела честь навлечь на себя гнев вождя официальной датской социал-демократической партии—господина министра Стаунинга. Последний в письме на имя другого—также quasi[1]-социалистического—министра Вандервельде, от 19 сентября с. г. заявляет, что «мы (датская партия) резко и определенно отмежевались от дезорганизаторской раскольнической работы, которая под именем «Циммервальдского движения» по инициативе итальянской и швейцарской партии инсценирована».

Приветствуя от имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. съезд швейцарской социал-демократической партии, я делаю это в надежде, что эта партия будет и впредь поддерживать международное объединение революционных социал-демократов, которое началось в Циммервальде и должно окончиться полным разрывом социализма с его министерскими и социал-патриотическими предателями.

Этот раскол назревает во всех странах развитого капитализма. В Германии единомышленник Карла Либкнехта т. Отто Рюле подвергся нападениям оппортунистов и так называемого центра, когда он заявил в центральном органе германской партии, что раскол стал неизбежен («Vorwärts» 12 января 1916 г.). Но факты все яснее говорят за то, что тов. Рюле был прав, что в Германии действительно имеются две партии: одна помогает буржуазии и правительству в ведении грабительской войны, другая, развертывающая свою деятельность преимущественно нелегально, распространяет действительно социалистические воззвания среди действительных масс, организует массовые демонстрации и политические забастовки.

Во Франции «Комитет для восстановления международных[2] связей» недавно опубликовал брошюру: «Циммервальдские социалисты и война», в которой мы читаем, что во Франции внутри партии развились три главных течения. Первое, к которому принадлежит большинство, заклеймено в брошюре как социалисты-националисты, социал-патриоты, вступившие

---

[1] Лже. *Ред.*

[2] В немецком тексте: национальных. *Ред.*

в «священное единение» с нашими классовыми врагами. Второе направление, по данным этой брошюры, составляет меньшинство, это—сторонники депутатов Лонге и Прессмана, идущие в важнейших вопросах заодно с большинством и бессознательно льющие воду на мельницу большинства, привлекая к себе недовольные элементы усыплением их социалистической совести и заставляя их следовать за официальной политикой партии. В качестве третьего направления брошюра указывает циммервальдистов. Последние признают, что Франция вовлечена в войну не объявлением войны со стороны Германии, а собственной империалистской политикой, которая договорами и займами привязала ее к России. Это третье направление недвусмысленно провозглашает, что «*защита отечества не социалистическое дело*».

Так же и у нас, в России, равно как и в Англии, и в нейтральных Соединенных Штатах Америки, словом, во всем мире, создались по существу те же три направления. Борьба этих направлений определит судьбу рабочего движения на ближайшее время.

Разрешите мне несколькими словами коснуться еще одного пункта, о котором в эти дни особенно много говорят и относительно которого мы, русские социал-демократы, обладаем особенно богатым опытом; это—вопрос о терроре.

Мы не имеем еще никаких известий об австрийских революционных социал-демократах, которые и там имеются налицо, но о которых сведения вообще весьма скудны. Вследствие этого мы не знаем, является ли убийство Штюркгатов. Фрицем Адлером применением террора как тактики, которая состоит в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс, или же это убийство является лишь отдельным шагом в переходе от оппортунистической несоциалистической тактики официальных австрийских социал-демократов с их обороной отечества к тактике революционного массового действия. Это второе предположение, повидимому, более соответствует обстоятельствам, и вследствие этого заслуживает полной симпатии приветствие Фрицу Адлеру, предложенное Центральным Комитетом Итальянской партии и опубликованное в «Avanti» 29 октября.

Во всяком случае, мы убеждены, что опыт революции и контр-революции в России подтвердил правильность более

чем 20-летней борьбы нашей партии против террора, как тактики. Но не следует забывать, что эта борьба велась в тесной связи с беспощадной борьбой против оппортунизма, который был склонен отвергать всякое применение насилия со стороны угнетенных классов против угнетателей. Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой. Во-вторых, мы связали борьбу против терроризма с многолетней, начавшейся за много лет до декабря 1905 г., пропагандой вооруженного восстания. В вооруженном восстании мы видели не только лучший ответ пролетариата на политику правительства, но также и неизбежный результат развития классовой борьбы за социализм и демократию. В-третьих, мы не ограничивались принципиальным признанием применения насилия и пропагандой вооруженного восстания. Так, напр., еще за четыре года до революции мы поддерживали применение насилия со стороны масс против их угнетателей, особенно во время уличных демонстраций. Мы старались, чтобы урок каждой такой демонстрации усвоила вся страна. Мы стали все больше задумываться над организацией выдержанного и систематического сопротивления масс полиции и армии, над вовлечением посредством этого сопротивления возможно большей части армии в борьбу между пролетариатом и правительством, над привлечением крестьянства и войска к сознательному участию в этой борьбе. Вот та тактика, которую мы применяли в борьбе против терроризма и которая, по нашему глубокому убеждению, увенчалась успехом.

Я кончаю, товарищи, повторением моего привета съезду социал-демократической партии Швейцарии и пожеланием успеха вашей работе (Аплодисменты).

Т. XIX, стр. 277—279.

ЦЕЛЫЙ ДЕСЯТОК «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ» МИНИСТРОВ

Секретарь Международного Социал-Шовинистского Бюро Гюисманс послал приветственную телеграмму датскому министру без портфеля Стаунингу, вождю датской якобы «социал-демократической» партии: «Вижу из газет, что Вы назначены министром. Мои сердечные поздравления. Итак, мы

имеем уже десять социалистических министров во всем свете. Дела идут вперед! Лучшие приветы».

Дела идут вперед, слов нет. Второй Интернационал двигается быстро—к полному слиянию с национал-либеральной политикой. Боевой орган немецких крайних оппортунистов и социал-шовинистов, хемницкий «Народный Голос», приводя эту телеграмму, замечает не без ядовитости: «Секретарь Международного Социалистического Бюро приветствует, без оговорок, принятие социал-демократом поста министра. А незадолго до войны все партийные съезды и международные конгрессы резко высказались против этого! Времена меняются, взгляды тоже—и по этому пункту».

Хейльманы, Давиды, Зюдекумы имеют полное право презрительно похлопывать по плечу Гюисмансов, Плехановых, Вандервельдов...

Стаунинг недавно опубликовал свое письмо к Вандервельду, полное язвительности немцофильствующего социал-шовиниста против французского социал-шовиниста. В этом письме, между прочим, Стаунинг гордится тем, что «мы (датская партия) резко и определенно отреклись от организационно-вредной раскольнической работы, осуществляемой по инициативе итальянской и швейцарской партии, так называемым циммервальдским движением». Буквально так!

В Дании образование национального государства относится к XVI веку. Массы датского народа давно уже проделали буржуазно-освободительное движение. В Дании население состоит более чем на $^{96}/_{100}$ из датчан, родившихся в Дании. Датчан в Германии нет и двухсот тысяч. (Населения в Дании 2,9 миллиона.) Можно судить поэтому, каким грубым буржуазным обманом являются разговоры датской буржуазии на тему о «самостоятельном национальном государстве», как задаче дня! Это говорят в XX веке буржуа и монархисты Дании, *владеющие колониями,* население которых почти равняется числу датчан в Германии и которыми *торгует* теперь датское правительство.

Кто это сказал, что людьми не торгуют в наше время? Отлично торгуют. Дания продает Америке за столько-то миллионов (еще не сторговались) три острова—все населенные, конечно.

Специфической чертой датского империализма является кроме того получение сверхприбылей вследствие монопольно-

выгодного положения рынка молочных и мясных продуктов: сбыт самым дешевым морским путем в Лондон, самый крупный рынок мира. Благодаря этому датская буржуазия и датские богатые крестьяне (чистейшие буржуа, вопреки россказням русских народников) превратились в «процветающих» захребетников английской империалистской буржуазии, в участников ее особо-спокойных и особо-жирных прибылей.

Этой интернациональной обстановке целиком поддалась датская «социал-демократическая» партия, которая горой стояла и стоит за правое крыло, за оппортунистов немецкой социал-демократии. Датские социал-демократы голосовали буржуазно-монархическому правительству кредиты—«для охраны нейтральности», как это благовидно говорится. На съезде 30 сентября 1916 г. большинство в $^{9}/_{10}$ высказалось за участие в министерстве, за сделку с правительством! Корреспондент бернской социалистической газеты сообщает, что оппозицию министериализму в Дании представляли Герсон Трир и редактор И. П. Сундбо. Трир в блестящей речи защищал революционно-марксистские взгляды и, когда партия решила участвовать в министерстве, вышел и из Центрального Комитета и из партии, заявив, что не желает быть членом *буржуазной* партии. За последние годы датская «социал-демократическая» партия ничем не отличалась от буржуазных радикалов.

Привет товарищу Г. Триру! «Дела идут вперед», Гюисманс прав,—вперед к «отчетливому, ясному, политически-честному, социалистически-необходимому разделению между революционными марксистами, представителями *масс* революционного пролетариата, и плехановски-потресовски-гюисмансовскими союзниками и агентами империалистской буржуазии, имеющими большинство *«вождей»*, но представляющими интересы не массы угнетенных, а меньшинство привилегированных рабочих, уходящих на сторону буржуазии.

Захотят ли русские сознательные рабочие, те, что выбрали депутатов, сосланных в Сибирь, те, что голосовали против участия в военно-промышленных комитетах для поддержки империалистской войны, захотят ли они числиться в «Интернационале» *десяти* министров? В Интернационале *Стаунингов?* В Интернационале, из коего уходят *Триры?*

Опубликовано 6 ноября 1916 г. *Т. XIX, стр. 287—289.*

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

ЗАМЕТКА

Под этим заглавием выходит в Швейцарии с 1 сентября 1915 г. на немецком языке «Боевой и пропагандистский Орган Международного Союза Социалистических Организаций Молодежи». Всего вышло уже 6 номеров этого издания, которое необходимо вообще отметить и затем усиленно рекомендовать вниманию всех членов нашей партии, имеющих возможность соприкасаться с заграничными социал-демократическими партиями и с организациями молодежи.

Большинство официальных социал-демократических партий Европы стоит теперь на позиции самого низменного и подлого социал-шовинизма и оппортунизма. Таковы партии немецкая, французская, фабианская и «рабочая» в Англии, шведская, голландская (партия Трульстры), датская, австрийская и пр. В швейцарской партии, несмотря на выделение (к великому благу рабочего движения) крайних оппортунистов в *не*партийный «Грютлисоюз», внутри самой социал-демократической партии остались многочисленные оппортунистические, социал-шовинистские и каутскианского толка вожди, имеющие *громадное* влияние на дела партии.

При таком положении дел в Европе, союзу социалистических организаций молодежи выпадает громадная, благодарная—но зато и трудная—задача борьбы *за* революционный интернационализм, *за* истинный социализм против царящего оппортунизма, перешедшего на сторону империалистской буржуазии. В «Интернационале Молодежи» помещен ряд хороших статей в защиту революционного интернационализма, и все издание проникнуто превосходным духом горячей ненависти к изменникам социализма, «защищающим отечество» в настоящей войне, самым искренним стремлением к очищению международного рабочего движения от разъедающих его шовинизма и оппортунизма.

Разумеется, теоретической ясности и твердости в органе молодежи *еще* нет, а может быть и никогда не будет именно потому, что это—орган кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. Но к недостатку теоретической ясности *таких* людей надо относиться совсем иначе, чем мы относимся—и должны относиться—к теоретической каше в головах и к отсутствию

революционной последовательности в сердцах наших «окистов», «социал-революционеров», толстовцев, анархистов, всеевропейских каутскианцев («центра») и т. п. Одно дело—сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других: с ними необходима *беспощадная* борьба. Другое дело—организации *молодежи,* которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело—готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно *убеждения,* а не борьбы. Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе,* не *тем* путем, *не в той форме, не в той* обстановке, как ее отцы. Поэтому, между прочим, *за организационную самостоятельность* союза молодежи мы должны стоять безусловно *и не только* вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь *не сможет* ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед.*

За полную самостоятельность союзов молодежи, но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Льстить молодежи мы не должны.

К числу ошибок названного нами превосходного органа принадлежат, в первую голову, следующие три:

1) По вопросу о разоружении (или «обезоружении») занята неверная позиция, которую мы критикуем выше, в особой статье[1]. Есть основания думать, что ошибка вызвана исключительно хорошим стремлением подчеркнуть необходимость стремиться к «полному уничтожению милитаризма (что вполне верно) при забвении роли гражданских войн в социалистической революции».

2) По вопросу о различии социалистов и анархистов в их отношении к государству в статье тов. Nota-Bene (№ 6) сделана очень крупная ошибка (как и по нескольким другим вопросам, напр., о *мотивировке* нашей борьбы против лозунга «защиты отечества»). Автор хочет дать «ясное пред-

[1] См. настоящий том, стр. 281—291. *Ред.*

ставление о государстве вообще» (на-ряду с представлением об империалистическом разбойничьем государстве). Он цитирует несколько заявлений Маркса и Энгельса. Он приходит, между прочим, к следующим двум выводам:

а)...«Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые сторонники, вторые—противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная социал-демократия хочет сорганизовать новое общественное производство, как централизованное, т.-е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме предприятий». Это неверно. Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов *к государству,* а отвечает *не* на этот, а на *другой* вопрос, в чем различие их отношения к экономической основе будущего общества. Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать *главное* в различии отношения социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, *тоже* государством, является диктатура пролетариата.

Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» («sprengen») его, как выражается в одном месте т. Nota-Bene, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты—автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса—признают отмирание, «постепенное» «засыпание» государства *после* экспроприации буржуазии.

б) «Для социал-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более, чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству... Теперешняя война показала, как глубоко корни государственности проникли в души рабочих». Так пишет т. Nota-Bene. Чтобы «подчеркивать» «принципиальную враждебность» к государству, надо действительно «ясно» понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о «корнях государственности» совсем уже путаная, не марксистская и не социалистическая. Не «госу-

дарственность» столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т.-е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулась с революционной социал-демократической политикой (т.-е. с революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения). Это вещи совсем, совсем различные. К этому крайне важному вопросу мы надеемся вернуться в особой статье.

3) В «принципиальном заявлении международного союза социалистических организаций молодежи», напечатанном в № 6, как «проект секретариата», немало отдельных неточностей и совсем нет *главного:* ясного сопоставления тех *трех* коренных направлений (социал-шовинизм; «центр»; левые), которые борются теперь в социализме всего мира.

Еще раз: эти ошибки надо опровергать и разъяснять, изо всех сил ища соприкосновения и сближения с организациями молодежи, всячески помогая им, но подходить к ним надо *умеючи.*

Т. XIX, стр. 294—297.

Опубликовано в декабре 1916 г.

ИМПЕРИАЛИЗМ И РАСКОЛ СОЦИАЛИЗМА

Есть ли связь между империализмом и той чудовищно-отвратительной победой, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?

Это основной вопрос современного социализма. И после того, как мы вполне установили в нашей партийной литературе, во-1-х, империалистский характер нашей эпохи и данной войны; во-2-х, неразрывную историческую связь социал-шовинизма с оппортунизмом, а равно их идейно-политическое одинаковое содержание, можно и должно перейти к разбору этого основного вопроса.

Начать приходится с возможно более точного и полного определения империализма. Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть (1)—монополистический капитализм; (2)—паразитический или загнивающий капитализм; (3)—умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть

коренная экономическая черта, *суть* империализма. Монополизм проявляется в 5 главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников сырья трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями *начался.* Таких международных картелей, владеющих *всем* мировым рынком и делящих его «полюбовно»,—пока война не *пере*делила его—насчитывают уже свыше *ста!* Вывоз капитала, как особенно характерное явление в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) *закончился.*

Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1900—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 г.—вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории.

Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется, прежде всего, в тенденции к загниванию, отличающей *всякую* монополию при частной собственности на средства производства. Разница между республикански-демократической и монархически-реакционной империалистской буржуазией стирается именно потому, что та и другая гниет заживо (чем нисколько не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды). Во-2-х, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя *рантье,* капиталистов, живущих «стрижкой купонов». В четырех передовых империалистских странах, Англии, Северной Америке, Франции и Германии, капитал в ценных бумагах составляет по 100—150 *миллиардов* франков, что означает ежегодный доход не менее 5—8 миллиардов на страну. В-3-х, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-4-х, «финансовый капитал стремится

к господству, а не к свободе». Политическая реакция по *всей* линии—свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, панама всех видов. В-5-х, эксплуатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплуатация колоний горсткой «великих» держав все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Римский пролетарий жил на счет общества. Теперешнее общество живет на счет современного пролетария. Это глубокое замечание Сисмонди Маркс особенно подчеркивал. Империализм несколько изменяет дело. Привилегированная прослойка пролетариата империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов.

Понятно, почему империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая *из* капитализма, есть *уже* умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское *обобществление* труда империализмом (то, что апологеты—буржуазные экономисты зовут «переплетением») означает то же самое.

Выставляя это определение империализма, мы приходим в полное противоречие с К. Каутским, который отказывается видеть в империализме «фазу капитализма» и определяет империализм как *политику,* «предпочитаемую» финансовым капиталом, как стремление «промышленных стран аннектировать «аграрные» страны»[1]. Это определение Каутского теоретически насквозь фальшиво. Особенность империализма—господство как раз *не* промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз *не* только аграрных, а *всяких* стран. Каутский *отрывает* политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде «разоружения», «ультра-империализма» и тому подобного вздора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводится к тому, чтобы затушевать *самые глубокие* противоречия империализма и оправдать таким образом теорию «единства» с апо-

[1] «Империализм есть продукт высоко развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении всякой промышленной капиталистической нации подчинять и присоединять себе все больше и больше *аграрных* областей, без отношения к тому, какой нацией населены они» (Каутский в «Neue Zeit» 11/IX 1914).

логетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами.

На этом разрыве Каутского с марксизмом мы уже достаточно останавливались и в «Социал-Демократе», и в «Коммунисте». Наши российские каутскианцы, «окисты» с Аксельродом и Спектатором во главе, не исключая Мартова и в значительной степени Троцкого,—предпочли обойти молчанием вопрос о каутскианстве, как направлении. Защищать то, что писал Каутский во время войны, они побоялись, отделываясь либо простым восхвалением Каутского (Аксельрод в своей немецкой брошюре, которую О. К. *обещал* напечатать по-русски), либо частными письмами Каутского (Спектатор), где он уверяет, что принадлежит к оппозиции, и иезуитски пробует свести на-нет свои шовинистские заявления.

Заметим, что в своем «понимании» империализма,—которое равносильно подкрашиванию его—Каутский идет назад не только по сравнению с «Финансовым капиталом» Гильфердинга (как бы усердно сам Гильфердинг ныне ни защищал Каутского и «единство» с социал-шовинистами!), но и по сравнению с социал-либералом Дж. А. Гобсоном. Этот английский экономист, не имеющий и тени претензий на звание марксиста, гораздо глубже определяет империализм и вскрывает его противоречия в своем сочинении 1902-го года [1]. Вот что писал этот писатель (у которого можно найти почти все пацифистские и «примирительные» пошлости Каутского) по особенно важному вопросу о паразитизме империализма:

Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению Гобсона, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое обстоятельство есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет:

«Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма» (в устах социал-либерала Гобсона эти песенки о «слепоте» империалистов уместнее, чем у «марксиста»

[1] J. A. Hobson. «Imperialism», London, 1902.

Каутского) «является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывала у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькие кучки богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дела всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие приученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой «теории» (надо было сказать: перспективы) «как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю по-

добных групп финансистов, «поместителей капитала» (рантье), их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они будут работать в направлении именно такого завершения процесса».

Социал-либерал Гобсон не видит того, что это «противодействие» может оказать *только* революционный пролетариат и *только* в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902-м году к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают *лицемерные каутскианцы* разных стран, именно: что *оппортунисты* (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией *как раз* в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, что *оппортунисты* объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, *подкупленную* на средства империалистской сверх-прибыли, превращенную в *сторожевых псов* капитализма, в *развратителей* рабочего движения.

На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос! Мартов, напр., еще в своих рефератах пускал в ход софизм, который в «Известиях заграничного секретариата О. К.» (№ 4 от 10 апреля 1916 г.) выражен следующим образом:

...«Дело революционной социал-демократии было бы очень плохо, даже безнадежно, если бы наиболее приблизившиеся по умственному развитию к «интеллигенции» и наиболее

квалифицированные группы рабочих фатально уходили от нее к оппортунизму»...

Посредством глупенького словечка «фатально» и некоторой «подтасовочки» *обойден* тот *факт,* что *известные* прослойки рабочих *отошли* к оппортунизму и к империалистской буржуазии! А софистам О. К. только и надо *обойти* этот факт! Они отделываются тем «казенным оптимизмом», которым ныне щеголяет и каутскианец Гильфердинг и многие другие: дескать, объективные условия ручаются за единство пролетариата и за победу революционного течения! дескать, мы «оптимисты» насчет пролетариата!

А на самом-то деле они, все эти каутскианцы, Гильфердинг, окисты, Мартов и К°—*оптимисты*... насчет *оппортунизма.* В этом суть!

Пролетариат есть детище капитализма—мирового, а не только европейского и не только империалистского. В мировом масштабе, 50 лет раньше или 50 лет позже—с точки зрения *этого* масштаба вопрос частный—«пролетариат», конечно, «будет» един и в нем «неизбежно» победит революционная социал-демократия. Не в этом вопрос, гг. каутскианцы, а в том, что *вы* сейчас, в империалистских странах Европы *лакействуете* перед оппортунистами, которые *чужды* пролетариату, как классу, которые суть слуги, агенты, проводники влияния буржуазии, и *без освобождения* от которых рабочее движение остается *буржуазным рабочим движением.* Ваша проповедь «единства» с оппортунистами, с Легинами и Давидами, Плехановыми или Чхенкели и Потресовыми и т. д. есть, объективно, защита *порабощения* рабочих империалистскою буржуазиею через посредство ее лучших агентов в рабочем движении. Победа революционной социал-демократии в мировом масштабе абсолютно неизбежна, но она идет и пойдет, происходит и произойдет только *против* вас, будет победой *над* вами.

Те две тенденции, даже *две* партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире в 1914—1916 гг., были *прослежены Энгельсом и Марксом в Англии* в течение ряда *десятилетий,* приблизительно с 1858 по 1892 год.

Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше как в 1898—1900 годах. Но особенностью Англии было уже

с половины XIX века то, что по крайней мере *две* крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились на-лицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце-концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». В письме к Зорге от 21 сентября 1872 г. Энгельс сообщает, что Хэйльз (Hales) поднял в федеральном совете Интернационала великий скандал и провел вотум порицания Марксу за его слова, что «английские рабочие вожди продались». Маркс пишет к Зорге от 4 апреля 1874 г.: «Что касается городских рабочих здесь (в Англии), то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи». Энгельс говорит в письме к Марксу от 11 августа 1881 г. о «худших английских трэдюнионах, которые позволяют руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею». В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

7-го декабря 1889 г. Энгельс пишет Зорге: ...«Самое отвратительное здесь (в Англии)—перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтенность» (respectability)... даже Том Мэн, которого я считаю наилучшим из всех, говорит охотно о том, что он будет завтракать с лордом-мэром. Когда сравниваешь с этим французов,—видишь, что значит революция».

В письме от 19 апреля 1890 г.: «движение (рабочего класса в Англии) идет вперед *под* поверхностью, захватывает всё более широкие слои и при том большею частью среди неподвижной доселе *самой низшей* (курсив Энгельса) массы, и не далек уже день, когда эта масса *найдет сама себя*, когда ей ясно станет, что именно она сама является этой колоссальной двигающейся массой». 4 марта 1891 г.: «неудача распавшегося союза докеров, «старые», консервативные трэд-юнионы, *богатые* и именно потому трусливые, остаются одни на поле битвы»... 14 сентября 1891 г.: на нью-кастльском конгрессе трэд-юнионов побеждены старые юнионисты, противники 8-мичасового рабочего дня», «и буржуазные газеты признают поражение *буржуазной рабочей партии*» (курсив везде Энгельса)...

Что эти мысли Энгельса, повторяемые в течение десятилетий, высказывались им и публично, в печати, доказывает предисловие его ко второму изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892-го года. Здесь говорится об «аристократии в рабочем классе», о «привилегированном меньшинстве рабочих» в противоположность «широкой массе рабочих». «Маленькое, привилегированное, охраняемое меньшинство» рабочего класса одно только имело «длительные выгоды» от привилегированного положения Англии в 1848—68 г.г., «широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением»... «С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение»... Члены «новых» юнионов, союзов необученных рабочих «имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще девственной почвой, совершенно свободной от унаследованных, «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных «старых юнионистов»... «Так называемыми рабочими представителями» называют в Англии людей, «которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма»...

Мы нарочно привели довольно подробные выписки из прямых заявлений Маркса и Энгельса, чтобы читатели могли *в целом* изучить их. А их необходимо изучить, в них стоит внимательно вдуматься. Ибо здесь *гвоздь* той тактики в ра-

бочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистской эпохи.

Каутский и здесь уже попытался «замутить воду» и подменить марксизм сладеньким примиренчеством с оппортунистами. В полемике с открытыми и наивными социал-империалистами (вроде Ленча), которые оправдывают войну со стороны Германии, как разрушение монополии Англии, Каутский *«исправляет»* эту очевидную фальшь посредством другой столь же очевидной фальши. На место циничной фальши он ставит слащавую фальшь! *Промышленная* монополия Англии давно сломана, говорит он, давно разрушена, ее нечего и нельзя разрушать.

В чем фальшь этого аргумента?

В том, что, во-1-х, обойдена *колониальная* монополия Англии. А Энгельс, как мы видели, уже в 1882 году, 34 года тому назад, вполне ясно указал на нее! Если промышленная монополия Англии разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена! Посредством своей сладенькой лжи Каутский протаскивает буржуазно-пацифистскую и оппортунистически-мещанскую идейку, что де «воевать не из-за чего». Напротив, *капиталистам* теперь не только есть из-за чего воевать, но и *нельзя не* воевать, если хотеть сохранить капитализм, ибо без насильственного передела колоний *новые* империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые *(и менее сильные)* империалистские державы.

Во-2-х. Почему монополия Англии объясняет победу оппортунизма (на время) в Англии? Потому, что монополия дает *сверхприбыль,* т.-е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли. Из этой сверхприбыли капиталисты *могут* выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить *своих* рабочих, создать нечто вроде союза (вспомните знаменитые «аллиансы» английских трэд-юнионов со своими хозяевами, описанные Уэббами)— союза рабочих данной нации со своими капиталистами *против* остальных стран. Промышленная монополия Англии разрушена еще в конце XIX века. Это бесспорно. Но *как* произошло это разрушение? Так ли, что всякая монополия исчезла?

Если бы это было так, то примиренческая (с оппорту-

низмом) «теория» Каутского получала бы известное оправдание. Но в том-то и суть, что это *не* так. Империализм *есть* монополистический капитализм. Каждый картель, трест, синдикат, каждый гигантски-крупный банк *есть* монополия. Сверх-прибыль не исчезла, а осталась. Эксплуатация одною, привилегированною, финансово-богатою, страною *всех* остальных осталась и усилилась. Горстка богатых стран—их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительно гигантски-крупном, «современном» богатстве: Англия, Франция, Соединенные Штаты и Германия—эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает *сверх*прибыль в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, «едет на спине» сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за дележ особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом как раз экономическая и политическая суть империализма, глубочайшие противоречия коего Каутский притушевывает, а не вскрывает.

Буржуазия «великой» империалистской державы *экономически может* подкупать верхние прослойки «своих» рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее *сверх*прибыль составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими министрами, «рабочими-депутатами» (вспомните великолепный анализ этого понятия у Энгельса), рабочими участниками военно-промышленных комитетов, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узко-цеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., это уже вопрос второстепенный.

В 1848—68 г.г. и частью позже монополиею пользовалась только Англия; *поэтому* в ней мог на десятилетия победить оппортунизм; других стран ни с богатейшими колониями, ни с промышленной монополией *не было*.

Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистской эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал *не* одной, а нескольких, очень немногих, великих держав. (В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала.) Из этой разницы вытекает то, что монополия Англии *могла* быть *неоспоренной* десятилетия. Монополия современного финан-

сового капитала бешено оспаривается; началась эпоха империалистских войн. Тогда рабочий класс *одной* страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй даже невозможно, но зато *меньшие* (чем в Англии 1848—68 г.г.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает *каждая* империалистская «великая» держава. Тогда *«буржуазная рабочая партия»*, по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране, ибо только одна имела монополию, но зато надолго. Теперь *«буржуазная рабочая партия» неизбежна* и типична для *всех* империалистских стран, но, ввиду их отчаянной борьбы за дележ добычи, невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран. Ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и проч., *позволяя* подкупать горстки верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают *массу* пролетариата и полупролетариата.

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс,* угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения. Ибо первая тенденция не случайна, а экономически «обоснована». Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во *всех* странах. Различия между оформленной партией, напр., Биссолати в Италии, партией вполне социал-империалистской, и, скажем, полуоформленной почти партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и К°,—эти различия несущественны. Важно то, что экономический откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился, а политическую форму себе, ту или иную, этот экономический факт, эта передвижка в отношениях между классами найдет без особого «труда».

На указанной экономической основе политические учреждения новейшего капитализма—пресса, парламент, союзы, съезды и пр.—создали соответствующие экономическим

привилегиям и подачкам для почтительных, смиренных, реформистских и патриотических служащих и рабочих *политические* привилегии и подачки. Доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях «солидных» легальных газет или в правлениях не менее солидных и «буржуазно-послушных» рабочих союзов—вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников «буржуазных рабочих партий».

Механика политической демократии действует в том же направлении. Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,—лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии. Я бы назвал эту систему ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы в классической стране «буржуазной рабочей партии», английского министра Ллойд Джорджа. Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие угодно, даже ррреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд Джордж служит буржуазии великолепно[1] и служит ей именно *среди* рабочих, проводит ее влияние *именно* в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы.

А велика ли разница между Ллойд Джорджем и Шейдеманами, Легинами, Гендерсонами и Гайндманами, Плехановыми, Реноделями и К⁰? Из последних, возразят нам, некоторые вернутся к революционному социализму Маркса. Это возможно, но это—ничтожная разница в степени, если брать вопрос в политическом, т.-е. массовом масштабе. Отдельные

[1] Недавно в одном английском журнале я встретил статью тори, политического противника Ллойд Джорджа: «Ллойд Джордж с точки зрения тори». Война открыла глаза этому противнику на то, какой превосходный приказчик буржуазии этот Ллойд Джордж! Тори помирились с ним!

лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к пролетариату. Но *течение* социал-шовинистское или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни «вернуться» к революционному пролетариату. Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение, эта «буржуазная рабочая партия», будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка, любой вывески, любой рекламы. В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетенных классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетенных классов.

Факт тот, что «буржуазные рабочие партии», как политическое явление, создались уже во *всех* капиталистических передовых странах, что без решительной, беспощадной борьбы по всей линии против этих партий—или, все равно, групп, течений и т. п.—не может быть и речи ни о борьбе с империализмом, ни о марксизме, ни о социалистическом рабочем движении. Фракция Чхеидзе, «Наше дело», «Голос Труда» в России и «окисты» заграницей—не более как разновидность одной из *таких* партий. Мы не имеем ни тени оснований думать, что эти партии могут исчезнуть *до* социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционного—массового потока против оппортунистического—мещанского. Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, усиливается примирить пролетариат с «буржуазной рабочей партией», отстоять единство его с ней, поднять тем авторитет ее. За открытыми социал-шовинистами массы уже не идут. Ллойд Джорджа освистали в Англии на рабочих собраниях, Гайндман ушел из партии, Реноделей и Шейдеманов, Потресовых и Гвоздевых защищает полиция. Прикрытая защита социал-шовинистов каутскианцами всего опаснее.

Один из самых распространенных софизмов каутскианства—ссылка на «массы». Мы-де не хотим оторваться от

масс и массовых организаций! Но вдумайтесь в постановку этого вопроса Энгельсом. «Массовые организации» английских трэд-юнионов были в XIX веке на стороне буржуазной рабочей партии. Маркс и Энгельс не мирились с ней на этом основании, а разоблачали ее. Они не забывали (1), что организации трэд-юнионов непосредственно обнимают *меньшинство пролетариата*. И в Англии тогда и в Германии теперь не более $^1/_5$ пролетариата состоит в организациях. Серьезно думать о том, что при капитализме возможно включить в организации большинство пролетариев, не доводится. Во-2-х,—и это главное—вопрос не столько в числе членов организации, сколько в реальном, объективном, значении ее политики: массы ли представляет эта политика, массам ли служит, т.-е. освобождению масс от капитализма, или представляет интересы меньшинства, его примирение с капитализмом? Именно последнее было верно для Англии в XIX веке,—верно теперь для Германии и пр.

От «буржуазной рабочей партии» *старых* трэд-юнионов, от привилегированного меньшинства Энгельс отличает *низшую* массу», действительное большинство, апеллирует к нему, *не* зараженному «буржуазной почтенностью». Вот в чем суть марксистской тактики!

Мы не можем—и никто не может—усчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью, что «защитники отечества» в империалистской войне *представляют* лишь меньшинство. И наш долг поэтому, если мы хотим остаться социалистами, идти *ниже* и *глубже*, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы. Разоблачая, что оппортунисты и социал-шовинисты на деле предают и продают интересы массы, что они отстаивают временные привилегии меньшинства рабочих, что они проводят буржуазные идеи и влияние, что они на деле союзники и агенты буржуазии,—мы тем самым учим массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все, долгие и мучительные, перипетии империалистских войн и империалистских перемирий.

Разъяснять массам неизбежность и необходимость раскола

с оппортунизмом, воспитывать их к революции беспощадной борьбой с ним, учитывать опыт войны для вскрытия всех мерзостей национал-либеральной рабочей политики, а не для прикрытия их,—вот единственная марксистская линия в рабочем движении мира.

В следующей статье мы попытаемся подытожить главные отличительные особенности этой линии в противовес каутскианству.

Написано осенью 1916 г. *Т. XIX, стр. 301—313.*

О ЛОЗУНГЕ «РАЗОРУЖЕНИЯ»

В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, напр., в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» новым: «разоружение». В органе международной организации молодежи: «Jugend-Internationale» («Интернационал молодежи») помещена в номере 3 редакционная статья за разоружение. В «тезисах» Р. Гримма по военному вопросу, составленных для съезда швейцарской социал-демократической партии, находим уступку идее «разоружения». В швейцарском журнале «Neues Leben» («Новая Жизнь») за 1915 г. Роланд-Гольст выступает якобы за «примирение» обоих требований, на деле за такую же уступку. В органе международной левой «Vorbote» («Предвестник») помещена в номере 2 статья голландского марксиста Вейнкопа за старое требование вооружения народа. Скандинавские левые, как видно из печатаемых ниже статей, принимают «разоружение», признавая иногда, что в нем есть элемент пацифизма.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

I

Одной из основных посылок в пользу разоружения является не всегда высказываемое прямо соображение: мы против войны, вообще против всякой войны, а самое определенное, ясное, недвусмысленное выражение этого нашего взгляда и есть требование разоружения.

На неправильности этого соображения мы остановились в статье о брошюре Юниуса[1], куда и отсылаем читателя. Социалисты не могут быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, напр., угнетенных наций против угнетающих их за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных стран.

Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма *помимо* социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на *насилие*. Насилие в эпоху XX века,—как и вообще в эпоху цивилизации,—это не кулак и не дубина, а *войско*. Поставить в программу «разоружение» значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом так же нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия!

Заметим, что международная дискуссия по данному вопросу велась главным образом, если не исключительно, на немецком языке. А по-немецки употребляются два слова, различие между которыми не легко передать по-русски. Одно значит собственно «разоружение» и употребляется, например, Каутским и каутскианцами в смысле сокращения вооружений. Другое значит собственно «обезоружение» и употребляется преимущественно левыми в смысле отмены милитаризма, отмены всякой милитаристской (военной) системы. Мы говорим в этой статье о *втором*, обычном среди некоторых *революционных* социал-демократов, требовании.

Каутскианская проповедь «разоружения», обращенная именно к теперешним правительствам империалистских великих держав, есть пошлейший оппортунизм, буржуазный пацифизм, служащий на *деле*—вопреки «благим пожеланиям» сладеньких каутскианцев—отвлечению рабочих от револю-

[1] См. XIX т. Сочинений, стр. 176—190. *Ред.*

ционной борьбы. Ибо рабочим внушается подобной проповедью та мысль, будто теперешние, буржуазные правительства империалистских держав *не* опутаны тысячами нитей финансового капитала и десятками или сотнями соответственных (т.-е. грабительских, разбойничьих, готовящих империалистскую войну) *тайных договоров* между собою.

II

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе, и что из него нет и быть не может иного выхода кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса.

Во всяком классовом обществе,—будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде—угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция—даже в самых демократических буржуазных республиках, напр., в Швейцарии—есть вооружение буржуазии *против* пролетариата. Это—такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска (республикански-демократической милиции в том числе) против стачечников, явление, общее всем без исключения капиталистическим странам. Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества.

И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагают, чтобы они выставили «требование» «разоружения»! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это—единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего *объективного развития* капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь *после* того, как

пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но только тогда, никоим образом не раньше.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа *только* ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца*. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет *конец с ужасом*, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему объективному значению, «требование» разоружения—вернее сказать: мечтание о разоружении—в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготовляется единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что это оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 г. и декабрьское восстание 1905 г. в России, с другой.

Дело буржуазии—развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но *как* боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!

Это рассуждение, учитывающее *объективный ход* развития, применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от

жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уже плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!» Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на-ряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций—вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами,—вырастает, несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно, интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира,—он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

«Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев—не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма,—а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения *ее*».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше

вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны.

III

Сторонники разоружения выступают против программного пункта «вооружение народа», между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму. Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба—главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинталя, одна из основных причин возможного фиаско (неудачи, краха) этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил—на время—внутри европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-1-х, откровенный, циничный и поэтому менее опасный социал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легинов, Альбертов Тома и Самба, Вандервельдов, Гайндманов, Гендерсонов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский—Гаазе, и «социал-демократическая трудовая группа» в Германии; Лонгэ, Прессман, Майерас и пр. во Франции; Рамсэй Макдональд и др. вожди «Независимой Рабочей Партии» в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза, начиная от участия

в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первым при помощи благовидно звучащих тоже-«марксистских» словечек и пацифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на *всех* поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профессиональные союзы, стачки, военное дело и т. д.

В чем же состоит главная особенность, отличающая *обе* эти формы господствующего оппортунизма?

В том, что замалчивается, прикрывается, или трактуется с оглядкой на полицейские запреты конкретный вопрос о *связи теперешней войны с революцией и другие конкретные вопросы революции.* И это—несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно *этой* грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально и в базельском манифесте официально.

Главный же недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

IV

Далее. Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживет—на худой конец—еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы сторонники такой программы реформ, которая *тоже* должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее.

Кстати: один из крупных недостатков в постановке вопроса, напр., о защите отечества у некоторых левых состоит в недостаточной конкретности ответа. Гораздо вернее

теоретически и неизмеримо важнее практически сказать, что в *данной* империалистской войне защита отечества есть буржуазно-реакционный обман, чем выдвинуть «общее» положение против «всякой» защиты отечества. Это и неверно и не «бьет» непосредственного врага рабочих внутри рабочих партий: оппортунистов.

По вопросу о милиции мы должны были бы сказать, вырабатывая конкретный и практически необходимый ответ: мы не за буржуазную милицию, а только за пролетарскую. Поэтому «ни одного гроша и ни одного человека» не только на постоянное войско, но и на буржуазную милицию, даже в таких странах, как Соединенные Штаты или Швейцария, Норвегия и т. п. Тем более, что мы видим в самых свободных республиканских странах (напр., в Швейцарии) все большее и большее опруссачение милиции, проституирование ее для мобилизации войска против стачечников. Мы можем требовать: выбора офицеров народом, отмены всякой военной юстиции, уравнения в правах заграничных рабочих и туземных (особенно важный пункт для тех империалистических государств, которые подобно Швейцарии все в большем числе и все бесстыднее эксплуатируют иностранных рабочих, оставляя их бесправными), далее: права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать свободные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для *себя*, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата. Русская революция доказала, что всякий успех, хотя бы даже и частичный успех революционного движения,— напр., завоевание известного города, известного фабричного поселка, известной части армии,—неизбежно *заставит* победивший пролетариат осуществить именно такую программу.

Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собою разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к бессовестной революционной фразе (см. теперешнее отношение Каутского и К⁰ к Базельскому манифесту). Подходя

с этой стороны к требованию разоружения, мы должны прежде всего поставить вопрос об его *объективном* значении. Разоружение, как социальная идея,—т.-е. такая, которая порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной или кружковой причудой,—порождена, очевидно, особыми, в виде исключения «спокойными» условиями жизни отдельных мелких государств, которые стояли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и остаться в сторонке. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься, напр., в аргументацию норвежских сторонников разоружения: «мы де страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав» (а поэтому также бессильны против насильственного вовлечения в империалистский *союз* с той или иной группой великих держав!), «мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную политику, требовать разоружения, обязательных третейских судов, постоянной нейтральности и т. п.» («постоянной»—должно быть вроде бельгийской?).

Мелкое стремление мелких государств остаться в сторонке, мелкобуржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскорузлой пассивности—вот *объективная* общественная обстановка, которая может обеспечивать идее разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и покоится сплошь на иллюзиях, ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики.

Поясним это на примере Швейцарии. Ее империалистская обстановка объективно предписывает ей *две* линии рабочего движения. Оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монопольный союз для получения прибыли от туристов империалистской буржуазии и чтобы это «спокойное» монопольное положение использовать как можно выгоднее и как можно спокойнее. На деле эта политика есть политика союза небольшого привилегированного слоя рабочих небольшой, поставленной в привилегированное положение, страны

с буржуазией своей страны *против* масс пролетариата. Действительные социал-демократы Швейцарии стремятся к тому, чтобы использовать сравнительную свободу Швейцарии, ее «международное» положение (соседство наиболее высококультурных стран), затем то обстоятельство, что Швейцария говорит, славу богу, не на «своем самостоятельном» языке, а на трех мировых языках, для расширения, упрочения, укрепления *революционного* союза революционных элементов пролетариата всей Европы. Поможем своей буржуазии удержаться подольше в монопольном положении архиспокойной торговли прелестями Альп, авось, нам тоже перепадет копеечка—вот *объективное* содержание политики швейцарских оппортунистов. Поможем союзу революционного пролетариата среди французов, немцев, итальянцев для свержения буржуазии—вот объективное содержание политики швейцарских революционных социал-демократов. К сожалению, эта политика проводится «левыми» в Швейцарии далеко еще недостаточно, и прекрасное решение съезда их партии в Аарау 1915 года (признание революционной массовой борьбы) остается пока больше на бумаге. Но речь идет у нас сейчас не об этом.

Интересующий нас сейчас вопрос стоит так: соответствует ли требование разоружения революционному направлению среди швейцарских социал-демократов? Очевидно, нет. Объективно, «требование» разоружения соответствует оппортунистической, узко-национальной, ограниченной кругозором маленького государства линии рабочего движения. Объективно, «разоружение» есть самая национальная, специфически-национальная программа мелких государств, отнюдь не интернациональная программа интернациональной революционной социал-демократии.

* * *

P. S. В последнем номере английского «Социалистического Обозрения»—«The Socialist Review» (сентябрь 1916), органа оппортунистической «Независимой Рабочей Партии», мы находим, на стр. 287, резолюцию Ньюкастльской конференции этой партии: отказ от поддержки *какой бы то ни было* войны со стороны *какого бы то ни было* правительства, хотя бы «номинально» это и была война «оборонительная». А на стр. 205 встречаем следующее заявление в редакционной

статье: «Мы не одобряем восстания син-фениев» (ирландского восстания 1916 года). «Мы не одобряем никакого вооруженного восстания, как не одобряем мы никакой другой формы милитаризма и войны».

Надо ли доказывать, что *эти* «антимилитаристы», *подобные* сторонники разоружения не в маленькой, а в большой державе, суть злейшие оппортунисты? А ведь теоретически они вполне правы, когда они рассматривают вооруженное восстание тоже как «одну из форм» милитаризма и войны.

Написано в начале октября 1916 г. *Т. XIX, стр. 314—322.*

ПИСЬМО АРТУРУ ШМИДТУ

1 декабря 1916 г. [Цюрих].

Уважаемый товарищ!

Позволите ли мне сделать одно предложение?

Я должен сознаться, что вчера недостаточно обратил внимание на один очень важный пункт Ваших объяснений. А именно, на мысль о том, что одной из особенностей Швейцарии является между прочим ее бо́льшая демократичность (всенародное голосование) и что это своеобразие надо использовать *также и* для пропаганды. Эта мысль очень важна и, по моему мнению, совершенно правильна.

Нельзя ли было бы использовать эту идею таким образом, чтобы наши разногласия (вероятно, очень незначительные) исчезли? Например:

Если мы поставим вопрос о референдуме *только* таким образом: за полное устранение или против?—то получим мешанину из пацифистских (буржуазно-пацифистских и т. д.) и социалистических голосов, т.-е. не прояснение социалистического сознания, а только его затемнение, не применение идеи и политики *классовой борьбы* к этому специальному вопросу (именно к вопросу о милитаризме), а отказ от точки зрения классовой борьбы по вопросу о милитаризме.

Но если мы поставим на референдум вопрос таким образом: за экспроприацию крупных капиталистических предприятий в промышленности и сельском хозяйстве, *как единственный*

путь к полному устранению милитаризма, или против экспроприации?

В этом случае мы в нашей практической политике будем говорить то же самое, что мы все признаем теоретически, а именно, что полное устранение милитаризма может мыслиться и осуществиться только в связи с устранением капитализма.

Следовательно, должна быть примерно такая формулировка: 1) Мы требуем *немедленной* экспроприации крупных предприятий—может быть, в форме прямого союзного имущественного и подоходного налога с такими высокими, революционно-высокими, ставками по отношению к крупным состояниям, что капиталисты фактически будут экспроприированы.

2) Мы заявляем, что такое социалистическое преобразование Швейцарии экономически возможно уже теперь, непосредственно, а вследствие невыносимой дороговизны оно и настоятельно необходимо,—и что для политического проведения такого преобразования Швейцария нуждается не в буржуазном, а в пролетарском правительстве, которое опиралось бы не на буржуазию, а на широкие массы наемных рабочих и беднейших слоев, и что революционная массовая борьба, начало которой мы видим, напр., в цюрихских массовых стачках и уличных демонстрациях и которая признана Аарауским решением, преследует *именно* эту задачу—положить *действительный* конец невыносимому положению масс.

3) Мы заявляем, что такое преобразование Швейцарии *совершенно неизбежно вызовет* подражание и самую решительную, воодушевленную поддержку рабочего класса и массы эксплуатируемых во *всех* цивилизованных странах, и что *только* в связи с таким преобразованием *полное уничтожение милитаризма*, к которому мы стремимся, и которого теперь в особенности инстинктивно жаждут широкие массы в Европе, станет не пустой фразой, не добреньким пожеланием, а действительным, практически осуществимым, политически само собой разумеющимся мероприятием.

Что Вы думаете по этому поводу?

Не полагаете ли Вы, что при такой постановке вопроса (как в практической агитации, так и в парламентских речах и в проектах инициативы и референдума) мы избежим *той* опасности, что буржуазные и «социалистические» пацифисты

ложно поймут и перетолкуют наш антимилитаристический лозунг в том смысле, будто мы считаем возможным полное уничтожение милитаризма в *буржуазной Швейцарии*, с ее *империалистским* окружением, *без* социалистической революции (что является, конечно, бессмыслицей, которую мы все единодушно отвергаем).

С партийным приветом *Н. Ленин.*

Wl. Uljanow.

Spiegelgasse 14/II (bei Kammerer). Zürich I.

Т. XXIX, стр. 315—316.

ТЕЗИСЫ ОБ ОТНОШЕНИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К ВОПРОСУ О ВОЙНЕ

1. Современная мировая война является войной империалистской, которая ведется в целях политической и экономической эксплуатации мира, за рынки сбыта, источники сырья и новые области вложения капитала, угнетение слабых народов и т. д.

Фразы обеих воюющих коалиций о «защите отечества» являются не чем иным, как буржуазным обманом народов.

2. Швейцарское правительство является управляющим делами швейцарской буржуазии, которая всецело зависит от международного финансового капитала и самым тесным образом связана с империалистской буржуазией великих держав.

Поэтому отнюдь не случайность, а необходимый результат этих экономических фактов то, что швейцарское правительство с каждым днем—и так происходит уже в течение десятилетий—ведет все более и более реакционную политику и тайную дипломатию, оттесняя и нарушая демократические права и свободы народа, пресмыкается перед военной кликой и интересы широких масс населения систематически и бесстыдно приносит в жертву интересам кучки финансовых магнатов.

Вовлечение Швейцарии в настоящую войну возможно теперь в любой момент, благодаря этой зависимости швейцарского буржуазного правительства от интересов финансовой

олигархии, а также под сильным нажимом той или иной из коалиций империалистских держав.

3. Поэтому и в отношении к Швейцарии «защита отечества» является теперь не чем иным, как лицемерной фразой, потому что в действительности речь идет не о защите демократии, независимости и интересов широких народных масс и т. д., а наоборот, о подготовке к бойне рабочих и мелкого крестьянства в целях удержания монополий и привилегий буржуазии, об усилении господства капиталистов и политической реакции.

4. Исходя из этих фактов, социал-демократическая партия Швейцарии принципиально отклоняет «защиту отечества», требует немедленной демобилизации и призывает рабочий класс ответить на военные приготовления швейцарской буржуазии, равно как и на войну, если таковая наступит, самыми резкими средствами пролетарской классовой борьбы.

В качестве таких средств надо в особенности указать на следующие:

(a) Никакого гражданского мира; обострение принципиальной борьбы со всеми буржуазными партиями, а также и Грютлианским союзом, как союзом агентов буржуазии внутри рабочего движения, равно как и с грютлианскими тенденциями внутри социалистической партии.

(b) Отклонение всех военных кредитов как во время мира, так и во время войны, под каким бы предлогом они ни испрашивались.

(c) Поддержка всех революционных движений и всякой борьбы рабочего класса воюющих стран против войны и против своих правительств.

(d) Содействие революционной массовой борьбе внутри Швейцарии, стачке, демонстрациям, вооруженному восстанию против буржуазии.

(e) Систематическая пропаганда в войске, создание с этой целью особых социал-демократических групп в армии, а также из допризывной молодежи.

(f) Создание самим рабочим классом нелегальных организаций, как ответ на всякую урезку или уничтожение политических свобод правительством.

(g) Систематическая подготовка, путем планомерного разъяснения рабочим, такого положения, чтобы руководство всеми без исключения организациями рабочих и служащих пере-

шло в руки лиц, которые признают и будут в состоянии проводить вышеуказанную борьбу против войны.

5. В качестве цели революционной массовой борьбы, признанной уже на партейтаге 1915 г. в Аарау, партия выдвигает социалистический переворот в Швейцарии. Этот переворот экономически может быть осуществлен немедленно. Он представляет единственное действительное средство освобождения масс от ужасов дороговизны и голода. Он приближается как результат кризиса, переживаемого теперь всей Европой, он абсолютно необходим для полного устранения милитаризма и всех войн.

Партия заявляет, что все буржуазно-пацифистские и социалистически-пацифистские фразы против милитаризма и войн, без признания этой цели и революционных путей к ней, представляют иллюзии или ложь, которые ведут лишь к тому, чтобы отвлечь рабочий класс от всякой серьезной борьбы против основ капитализма.

Не прекращая борьбы за улучшение положения наемных рабов, партия призывает рабочий класс и его представителей поставить на очередь дня пропаганду немедленного социалистического переворота в Швейцарии путем массовой агитации, парламентских выступлений, инициативных предложений и т. д., доказывая необходимость замены буржуазного правительства пролетарским, опирающимся на массу неимущего населения, и разъясняя настоятельную необходимость таких мероприятий, как экспроприация банков и крупных предприятий, отмена всех косвенных налогов, введение единого прямого налога с революционно-высокими ставками для крупных доходов и т. д.

Написано в начале декабря 1916 г. *Т. XXX, стр. 268—272.*

ЗАДАЧИ ЛЕВЫХ ЦИММЕРВАЛЬДИСТОВ В ШВЕЙЦАРСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ

Цюрихский съезд с.-д. партии в Швейцарии (4—5/XI 1916) окончательно доказал, что решения этой партии о присоединении к Циммервальду и о признании *революционной массовой борьбы* (резолюция съезда в Аарау, 1915) остаются только на бумаге и что внутри партии вполне сложился

«центр», т.-е. направление, соответствующее направлению Каутского—Гаазе и «Arbeitsgemeinschaft»[1] в Германии, Longuet—Pressemanne[2] и К° во Франции. Этот «центр», во главе которого оказался Р. Гримм, соединяет «левые» заявления с «правой», т.-е. оппортунистической тактикой.

Поэтому задачей левых циммервальдцев в швейцарской с.-д. партии является немедленно и безусловно сплотить свои силы для систематического воздействия на партию в таком духе, чтобы решения съезда в Аарау не оставались мертвой буквой. Такое сплочение сил левых циммервальдцев тем более настоятельно необходимо, что и аарауский и цюрихский съезд не оставляют ни тени сомнения в революционных и интернационалистских симпатиях швейцарского пролетариата. Недостаточно принимать резолюции сочувствия Либкнехту; надо взять всерьез его лозунг, что теперешние с.-д. партии нуждаются в *возрождении* (Regeneration).

Платформа левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии должна бы быть приблизительно следующая:

I. ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ И К БУРЖУАЗНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВООБЩЕ

1. «Защита отечества» со стороны Швейцарии как в настоящей империалистской войне, так и в готовящихся новых империалистских войнах есть не что иное, как буржуазный обман народа, ибо на деле участие Швейцарии в теперешней войне и в других подобных войнах было бы лишь участием в грабительской и реакционной войне в союзе на стороне *одной* из империалистских коалиций, а отнюдь не войной за «свободу», «демократию», «независимость» и т. п.

2. Отношение швейцарской с.-д. партии к буржуазному швейцарскому правительству и ко всем буржуазным партиям Швейцарии должно быть отношением полного недоверия. Ибо это правительство (а) находится в самой тесной экономической и финансовой связи и полной зависимости от буржуазии «великих» империалистских держав; (б) оно давно уже и по всей линии повернуло к политической реакции в международных и внутренних делах (политическая полиция;

---

[1] «Трудовое содружество». *Ред.*
[2] Лонгэ—Прессман. *Ред.*

раболепство перед европейской реакцией и европейскими монархиями и т. д.); (с) оно доказало всей своей политикой за целый ряд лет (военная реорганизация 1907 г. и т. д.; «дела» Эгли, де-Ло и пр. и пр.), что оно все больше и больше превращается в пешку в руках реакционнейшей швейцарской военной партии и военной клики.

3. В силу этого насущнейшей задачей с.-д. партии в Швейцарии является разоблачать истинный характер раболепствующего перед империалистской буржуазией и военщиной правительства, раскрывать обман им народа посредством фраз о демократии и пр., выяснять полнейшую возможность того, что это правительство (с согласия всей правящей Швейцариею буржуазии) продаст интересы швейцарского народа той или иной империалистской коалиции.

4. Поэтому в случае вовлечения Швейцарии в данную войну обязанность социал-демократии безусловно отвергать «защиту отечества» и разоблачать обман народа этим лозунгом. Не за свои интересы и не за демократию, а за интересы империалистской буржуазии стали бы умирать рабочие и крестьяне в такой войне. Социалисты Швейцарии как и других передовых стран могут и должны признать военную защиту отечества *лишь*, когда это отечество будет перестроено социалистически, т.-е. защиту пролетарской, социалистической революции против буржуазии.

5. Ни в мирное, ни в военное время социал-демократическая партия и депутаты ее никоим образом не могут голосовать за военные кредиты, какими бы обманными речами о «защите нейтральности» и пр. такое голосование ни оправдывалось.

6. Ответом на войну со стороны пролетариата должна быть пропаганда, подготовление и осуществление революционных массовых действий с целью низвержения господства буржуазии, завоевания политической власти и осуществления социалистического строя, который один избавит человечество от войн и решимость осуществить который зреет в сознании рабочих *всех* стран с невиданной раньше быстротой.

7. В числе революционных действий должны быть демонстрации и массовые стачки, но никоим образом не отказ от военной службы. Напротив, не отказ брать оружие, а только обращение оружия против *своей* буржуазии может отвечать задачам пролетариата и соответствовать лозунгам лучших представителей интернационализма, напр., К. Либкнехта.

8. Малейшие шаги правительства перед войной или во время войны к отмене или стеснению политических свобод должны повести к образованию социал-демократическими рабочими нелегальных организаций, имеющих целью систематическую, настойчивую, не останавливающуюся перед жертвами, пропаганду войны войне и разъяснение массам истинного характера войны.

II. ДОРОГОВИЗНА И НЕВЫНОСИМОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАСС

9. Не только в воюющих странах, но и в Швейцарии война привела к неслыханному, скандальному обогащению кучки богатых и к невероятной нужде масс вследствие дороговизны и недостатка жизненных припасов. Главной задачей социал-демократической партии должна быть не реформистская, а революционная борьба против этого бедствия,—систематическая и настойчивая, не останавливающаяся перед неизбежными временными трудностями и поражениями, пропаганда и подготовка такой борьбы.

10. В ответ на многочисленные буржуазные проекты финансовых реформ главной задачей социал-демократической партии должно быть разоблачение попыток буржуазии свалить на рабочих и беднейших крестьян тяжести мобилизации и войны.

Ни в каком случае и ни под какими предлогами не может социал-демократия соглашаться на косвенные налоги. И решение съезда в Аарау (1915) и резолюция Huber-Grimm[1] на съезде в Цюрихе (1916), допускающие согласие социал-демократии на косвенные налоги, должны быть отменены. Все социал-демократические организации должны тотчас же начать самую энергичную подготовку к съезду партии в феврале 1917 г. в Берне и выбирать на съезд только таких делегатов, которые согласны на такую отмену.

Это—задача либеральных чиновников, а никоим образом не революционной социал-демократии—помогать буржуазному правительству вывернуться из теперешних трудностей при сохранении капиталистического строя, т.-е. при увековечении нужды масс.

---

[1] Губера-Грима. *Ред.*

11. Социал-демократы должны как можно шире пропагандировать перед массами насущную необходимость единого федерального поимущественного и подоходного налога с высокими и возрастающими ставками, *не ниже* следующих:

Имущество	Доход	Процент налога
20 000 фр.	5 000	Свобода от налога
50 000 »	10 000	10%
100 000 »	25 000	40%
200 000 »	60 000	60% и т. д.

Налог на пользующихся пансионами:

до 4 фр. в день — свобода от налога.
в 5 » » » 1%
» 10 » » » 20%
» 20 » » » 25% и т. д.

12. Социал-демократы должны беспощадно бороться с той буржуазной ложью, которую распространяют и многие оппортунисты среди социал-демократической партии и которая состоит в том, будто «непрактично» пропагандировать революционно-высокие ставки поимущественного и подоходного налога. Напротив, это есть единственно практичная и единственно социал-демократическая политика, ибо, во-первых, мы должны не приспособляться к тому, что «приемлемо» для богатых, а апеллировать к широким массам бедных и неимущих, относящихся равнодушно или с недоверием к социал-демократической партии в значительной степени именно в силу реформистского и оппортунистического характера ее. Во-вторых, единственный способ добиться уступок от буржуазии состоит не в «сделках» с ней, не в «приспособлении» к ее интересам или к ее предрассудкам, а в подготовке революционных *сил* масс *против* нее. И чем большую часть народа убедим мы в справедливости революционно-высоких ставок налога и в необходимости борьбой завоевать их, тем скорее пойдет на уступки буржуазия, а мы воспользуемся каждой даже маленькой уступкой для неуклонной борьбы за полную экспроприацию буржуазии.

13. Установление предельного максимума для жалованья

всех без исключения служащих и чиновников, Bundesräte[1] и пр., в размере 5—6 тыс. франков в год, смотря по числу членов семьи. Запрещение всякой кумуляции других доходов под угрозой тюремного заключения и конфискации этих доходов.

14. Принудительное отчуждение фабрик и заводов—в первую голову необходимых для обеспечения средств к жизни населению—а также всех сельско-хозяйственных предприятий, имеющих свыше 15 *ha* земли (свыше 40 «Jucharten») (число таких предприятий в Швейцарии всего 22 тыс. из 252 тыс., т.-е. менее $^1/_{10}$ всего числа сельско-хозяйственных предприятий). Систематические меры на почве этих преобразований для повышения производства съестных припасов и обеспечения народа дешевыми продуктами.

15. Немедленное принудительное отчуждение в пользу государства всех водных сил Швейцарии, с применением к этому, как и к другим отчуждениям, вышеуказанных ставок поимущественного и подоходного налогов.

III. ОСОБО НАСУЩНЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

16. Использование парламентской трибуны и права инициативы и референдума не реформистски, т.-е. не для защиты реформ, «приемлемых» для буржуазии и потому бессильных устранить главные и коренные бедствия масс, а для пропаганды социалистического преобразования Швейцарии, которое вполне осуществимо экономически и становится все более настоятельно-необходимым как вследствие невыносимой дороговизны и гнета финансового капитала, так и в силу международных отношений, создаваемых войной и толкающих пролетариат всей Европы на путь революции.

17. Отмена *всех* без исключения ограничений политических прав женщин по сравнению с правами мужчин. Разъяснение массам особой насущности этого преобразования в такое время, когда война и дороговизна волнуют широкие народные массы и привлекают в особенности интересы и внимание женщин к политике.

---

[1] Союзного Совета. *Ред.*

18. Введение принудительного перехода иностранцев в швейцарское подданство (Zwangseinbürgerung), без всяких расходов. Каждый иностранец, пробывший 3 месяца в Швейцарии, становится швейцарским подданным, если он в силу особо уважительных причин не будет ходатайствовать об отсрочке не более как на 3 месяца. Разъяснение массам особой насущности такой реформы для Швейцарии не только с общедемократической точки зрения, но и в виду того, что империалистская обстановка Швейцарии сделала ее государством с наибольшим во всей Европе процентом иностранцев. $^{9}/_{10}$ этих иностранцев говорят на одном из 3-х языков Швейцарии. Политическое бесправие иностранных рабочих и отчужденность их усиливает и без того растущую политическую реакцию и ослабляет интернациональную солидарность пролетариата.

19. Немедленный приступ к агитации за то, чтобы кандидаты от социал-демократической партии на выборах 1917 г. в Nationalrat[1] выставлялись лишь на основе предварительного и всестороннего обсуждения перед избирателями политической платформы, в особенности вопроса об отношении к войне и к защите отечества, и вопроса о реформистской или революционной борьбе с дороговизной.

IV. ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ, АГИТАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ

20. Действительное проведение в жизнь Аарауского решения о революционной борьбе масс невозможно без систематической и упорной работы над расширением с.-д. воздействия на массы, без вовлечения *новых* слоев трудящейся и эксплуатируемой массы в движение. Пропаганда и агитация за социальную революцию должны вестись более конкретно, наглядно, непосредственно-практически, так чтобы быть понятными не только для организованных рабочих, которые всегда останутся при капитализме меньшинством пролетариата и угнетенных классов вообще, но и для большинства эксплуатируемых, неспособных в силу ужасного гнета капитализма к систематической организации.

21. Для воздействия на более широкие массы партия

[1] Национальный совет. *Ред.*

должна перейти к более систематическому изданию раздаваемых даром летучих листков, разъясняющих массам, что революционный пролетариат борется за социалистическое преобразование Швейцарии, необходимое для $^{9}/_{10}$ населения и лежащее в его интересах. Организация открытого соревнования всех секций партии и особенно организаций молодежи в деле распространения таких листков, агитация по улицам, домам и квартирам; усиление внимания и энергии, обращаемых на агитацию среди сельских рабочих, батраков и поденщиков, а также беднейшей части крестьян, которая не эксплуатирует наемных рабочих и не наживается на дороговизне, а страдает от нее. Требование от парламентских представителей партии (National-, Kantons-, Gross- и пр. Räte), чтобы они использовали свое особо выгодное политическое положение не столько для реформистского празднословия в парламенте, законно вызывающего скуку и недоверие рабочих, сколько для проповеди социалистической революции среди *наиболее отсталых* слоев пролетариата и полупролетариата в городе и особенно в деревне.

22. Решительный разрыв с теорией «нейтральности» экономических организаций рабочего класса, служащих и т. д. Разъяснение массам той истины, которую особенно наглядно подтвердила война, именно: что так называемая «нейтральность» есть буржуазный обман или лицемерие, что она означает на деле *пассивное* подчинение буржуазии и ее особо гнусным предприятиям вроде империалистской войны. Усиление социал-демократической работы среди всех и всяких союзов рабочего класса и беднейших слоев мелкой буржуазии или служащих, образование особых групп социал-демократов внутри всех таких союзов, систематическая подготовка такого положения дела, чтобы во всех этих союзах революционная социал-демократия была в большинстве и имела правления в своих руках. Разъяснение массам особой важности этого условия для успеха революционной борьбы.

23. Расширение и усиление социал-демократической работы в войске как перед вступлением молодежи в ряды его, так и во время отбывания службы. Создание социал-демократических групп во всех воинских частях. Разъяснение исторической неизбежности и законности, с точки зрения социализма, употребления оружия в единственно-законной войне, именно войне пролетариата с буржуазией за освобождение

человечества от наемного рабства. Пропаганда против изолированных *аттентатов* (покушений) во имя связи борьбы революционной части войска с широким движением пролетариата и эксплуатируемых в населении вообще. Усиление пропаганды той части Ольтенского решения, которое рекомендует солдатам отказ в повиновении при употреблении войска против стачечников, а равно необходимости не ограничиваться пассивным отказом в повиновении.

24. Разъяснение массам неразрывной связи между практической работой в последовательном революционно-социал-демократическом направлении, развитом выше,—и систематической *принципиальной* борьбой между *тремя главными* направлениями современного рабочего движения, сложившимися во *всех* цивилизованных странах и окончательно обрисовавшихся также в Швейцарии (особенно на Цюрихском съезде 1916 г.). Эти три направления: 1) социал-патриоты, т.-е. открыто признающие «защиту отечества» в данной, империалистской, войне, 1914—6 г.г. Это оппортунистическое направление агентов буржуазии в рабочем движении; 2) левые циммервальдисты, принципиально отвергающие «защиту отечества» в империалистской войне, стоящие за раскол с социал-патриотами, как с агентами буржуазии, и за революционную борьбу масс в связи с *полной* реорганизацией с.-д. тактики применительно к пропаганде и подготовке такой борьбы; 3) так называемый «центр» (Каутский—Гаазе, «Arbeitsgemeinschaft» в Германии; Longuet—Pressemanne во Франции) [1], стоящий за единство 1-го и 2-го направления. Такое «единство» лишь связывает руки революционной социал-демократии, не позволяя ей развернуть работы и развращая массы отсутствием неразрывной полной связи между принципами партии и ее практикой.

(Разъяснение массам значения речей Грейлиха, Нэна и Платтена на съезде в Цюрихе 1916 г., соглашавшихся в признании наличности 2-х главных направлений, но с разных сторон подходивших к оценке их и не делавших всех выводов до конца.)

На съезде швейцарской социал-демократической партии в Цюрихе в 1916 г. в трех речах по вопросу о Nationalratsfrak-

[1] В немецкой социал-демократической печати «центр» приравнивают иногда, и совершенно справедливо, *к правому* крылу «циммервальдцев».

tion [1], именно в речах Платтена, Нэна и Грейлиха, особенно ясно выразилось признание того, что борьба различных направлений социал-демократической политики внутри социал-демократической партии Швейцарии *давно стала фактом*. Сочувствие большинства делегатов было явно на стороне Платтена, когда он говорил о необходимости стоять последовательно за работу в духе революционной социал-демократии. Нэн прямо, точно, определенно заявил, что внутри Nationalratsfraktion борются постоянно два направления и что рабочие организации должны сами позаботиться о посылке в Nationalrat действительно солидарных между собою сторонников революционного направления. Когда Грейлих говорил о том, что партия бросила своих старых «любимчиков» (Lieblinge) и нашла себе новых «любимчиков», он признал тот же факт существования и борьбы разных направлений. Но с «теорией любимчиков» не согласится ни один сознательный и думающий рабочий. Именно для того, чтобы неизбежная и необходимая борьба направлений не вырождалась в состязание «любимчиков», в личные конфликты, в мелкие заподазревания, в скандальчики, именно для этого обязаны все члены с.-д. партии заботиться об *открытой принципиальной* борьбе различных направлений с.-д. политики.

25. Усиленная борьба против Grütli-Verein'a [2] *с принципиальной* точки зрения, как с наглядным проявлением на швейцарской почве тенденций *буржуазной* рабочей политики, именно: оппортунизма, реформизма, социал-патриотизма, развращения масс буржуазно-демократическими иллюзиями. Разъяснение массам всей ошибочности и всего вреда политики социал-патриотизма и «центра» на примере конкретной деятельности Grütli-Verein'a.

26. Немедленный приступ к подготовке выборов на февральский (1917 г.) съезд партии в Берне, с тем чтобы эти выборы происходили не иначе, как на основании обсуждения каждой организацией партии принципиальных и конкретно-политических платформ. Таковой платформой последовательных революционных социал-демократов интернационалистов должна явиться настоящая платформа.

---

[1] Фракции Национального Совета. *Ред.*

[2] Союза Грютли. *Ред.*

Выборы должностных лиц на все руководящие посты партии, в Presskommission [1], во все представительные учреждения, во все правления и пр. не иначе как на основании такого же обсуждения платформ.

Внимательный контроль каждой местной организации за местным партийным органом печати с точки зрения проведения взглядов и тактики не только социал-демократии вообще, а именно *точно определенной платформы* с.-д. политики.

V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАДАЧИ ШВЕЙЦАРСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

27. Чтобы признание интернационализма швейцарскими социал-демократами не оставалось пустым, ни к чему не обязывающим словом,—таким же пустым словом, каким всегда ограничиваются сторонники «центра» и вообще социал-демократы эпохи II Интернационала,—для этого необходимо, во-1-х, последовательно и неуклонно бороться за организационное сближение и слияние в одних и тех же союзах и за полное (гражданское и политическое) равноправие рабочих иностранных и рабочих швейцарских. Специфическая особенность империализма в Швейцарии состоит именно в растущей эксплуатации бесправных иностранных рабочих швейцарской буржуазией, которая строит свои надежды на отчуждении этих двух разрядов рабочих.

Во-2-х, необходимо все усилия приложить, чтобы среди немецких, французских и итальянских рабочих Швейцарии выработалось *единое*, на деле, во всей *практике* рабочего движения, единое *интернационалистское* направление, борющееся одинаково решительно и одинаково принципиально с социал-патриотизмом и французским (романской Швейцарии) и немецким и итальянским. Настоящая платформа должна лечь в основу общей и единой платформы рабочих *всех трех* главных наций или языков, живущих в Швейцарии. Без такого слияния рабочих, стоящих на стороне революционной социал-демократии, во всех нациях Швейцарии интернационализм есть пустое слово.

Для облегчения проведения в жизнь такого слияния надо

[1] Комиссия по делам печати. *Ред.*

добиться издания приложений (хотя бы еженедельных (ежемесячных) и только в 2 страницы для начала) ко всем социал-демократическим газетам (и ко всем органам экономических союзов рабочих, служащих и т. п.) Швейцарии, перепечатываемых *на трех языках* и развивающих, в связи с политикой каждого дня, настоящую платформу.

28. Швейцарские социал-демократы должны поддержать *только* революционно-интернационалистские, стоящие на почве циммервальдской левой, элементы всех других социалистических партий, при чем эта поддержка не должна оставаться платонической. Особенно важно переиздание в Швейцарии воззваний, печатаемых тайно против правительства в Германии, Франции, Италии, перевод их на все 3 языка и распространение как среди швейцарского пролетариата, так и среди пролетариата всех соседних стран.

29. Социал-демократическая партия Швейцарии должна не только провести на съезде в Берне (февраль 1917) присоединение, и притом безоговорочное, к решениям Кинтальской конференции, но и требовать, с своей стороны, немедленного, полного, организационного разрыва с I. S. B. в Гааге, которое является оплотом оппортунизма и социал-патриотизма, непримиримо враждебных интересам социализма.

30. Социал-демократическая партия Швейцарии, находящаяся в исключительно благоприятных условиях для ознакомления с происходящим в рабочем движении передовых стран Европы и для объединения революционных элементов этого рабочего движения, должна не ждать пассивно развития внутренней борьбы внутри него, а *идти впереди* такой борьбы. Именно: она должна идти по тому пути циммервальдской левой, правильность которого с каждым днем все нагляднее обнаруживается ходом событий в социализме Германии, Франции, Англии, Соединенных Штатов и всех вообще цивилизованных стран.

Написано в декабре 1916 г. *Т. XIX, стр. 333—342.*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БОРИСУ СУВАРИНУ

Гражданин Суварин заявляет, что письмо свое он адресует также и мне. Я отвечаю ему с тем большим удовольствием, что его статья затрагивает важнейшие вопросы международного социализма,

Суварин считает «апатриотической» точку зрения тех, кто думает, что «защита отечества» несовместима с социализмом. И, в свою очередь, он «защищает» точку зрения Турати, Ледебура, Бризона, которые, голосуя против военных кредитов, заявляют себя сторонниками «защиты отечества», т.-е. точку зрения направления, называемого «центром» (я сказал бы скорее «болотом»), или,—по имени главного теоретического и литературного представителя этого направления, Карла Каутского,—каутскианством. Замечу мимоходом, что Суварин неправ, утверждая, что «они (т.-е. русские товарищи, говорящие о крахе II Интернационала) отождествляют таких людей, как Каутский, Лонгэ и т. д... с националистами типа Шейдемана и Реноделя». Никогда ни я, ни партия, к которой я принадлежу (Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.), не отождествляли точку зрения социал-шовинистов с точкой зрения «центра». В официальных заявлениях нашей партии, в манифесте Ц. К., опубликованном 1 ноября 1914 г.[1], и в резолюциях, принятых в марте 1915 г. (оба эти документа воспроизведены *in extenso*[2] в нашей брошюре «*Социализм и война*», знакомой Суварину), мы всегда проводили различие между социал-шовинистами и «центром». Первые, по нашему мнению, перешли на сторону буржуазии. По отношению к ним мы требуем не только борьбы, но и раскола. Вторые же,—это нерешительные, колеблющиеся, наносящие наибольший ущерб пролетариату своими усилиями объединить социалистические массы с шовинистическими вождями.

Суварин говорит, что он хочет «рассматривать факты с марксистской точки зрения».

Но с марксистской точки зрения такие общие и отвлеченные определения, как «апатриотизм», абсолютно никакой цены не имеют. Отечество, нация—это категории исторические. Если во время войны речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию. Социалисты всегда становятся на сторону угнетенных и, следовательно, они не могут быть противниками войн, целью которых является демократическая или социалистическая

[1] См. настоящий том, стр. 20—27. *Ред.*
[2] Полностью; буквально—в распространенном виде. *Ред.*

борьба против угнетения. Таким образом, было бы прямо-таки смешным отрицание законности войн 1793 г., войн Франции против реакционных европейских монархий, или гарибальдийских войн и т. д.... Было бы точно так же смешным нежелание признавать законность войн угнетенных народов против их угнетателей, которые могли бы разразиться в настоящее время, например, восстания ирландцев против Англии, или восстания Марокко против Франции, Украины против России и т. д...

С марксистской точки зрения необходимо в каждом отдельном случае, для каждой войны особо, определить ее политическое содержание.

Но как определить политическое содержание войны?

Всякая война есть лишь продолжение политики. Продолжением какого рода политики является настоящая война? Является ли она продолжением политики пролетариата, который с 1871 по 1914 г. был единственным представителем социализма и демократии во Франции, в Англии и в Германии? Или же она является, скорее, продолжением империалистской политики, политики колониального грабежа и угнетения слабых народов реакционной, клонящейся к упадку и умирающей буржуазии?

Стоит лишь определенно и правильно поставить вопрос, чтобы получить совершенно ясный ответ: настоящая война—война империалистская, это война рабовладельцев, которые поссорились из-за своего рабочего скота и хотят укрепить и увековечить рабство. Эта война—тот «капиталистический разбой», о котором говорил Жюль Гэд в 1899 г., осуждая тем самым заранее свою собственную измену в будущем. Гэд говорил тогда:

«Есть другие войны... которые возникают каждый день, это войны за рынки сбыта. С этой стороны война не только не исчезает, но грозит стать непрерывной. Это—война капиталистическая по преимуществу, война между капиталистами всех стран из-за прибыли, из-за овладения мировым рынком ценою нашей крови. И вот представьте себе, что в каждой из капиталистических стран Европы во главе подобной взаимной резни ради грабежа находится социалист! Представьте себе английского Мильерана, итальянского Мильерана, немецкого Мильерана в дополнение к Мильерану французскому, втягивающих пролетариев друг против друга в этот капиталистический разбой! Что осталось бы, я вас спрашиваю, товарищи, от международной солидарности? В тот день, когда это стало бы общим явлением, нужно было бы сказать

«прости» всякому интернационализму и стать националистом, каким ни вы, ни я никогда не согласимся быть» (см. «На страже» («En Garde») Жюля Гэда, Париж, 1911, стр. 175—176).

Неверно, что Франция борется в эту войну 1914—1917 г.г. за свободу, национальную независимость, демократию и т. д... Она борется за удержание своих колоний, за удержание колоний Англией, на которые Германия имела бы гораздо больше прав,—конечно, с точки зрения буржуазного права. Она борется за то, чтобы отдать России Константинополь и т. д... Эту войну ведет, следовательно, не Франция демократическая и революционная, не Франция 1792, не Франция 1848 г.г. и не Франция Коммуны. Ведет войну Франция буржуазная, Франция реакционная, союзница и друг царизма, «всемирный ростовщик» (выражение—не мое, оно принадлежит сотруднику «L'Humanité» Лизису), защищающий свою добычу, свое «священное право» на колонии, на «свободу» эксплуатировать весь мир при помощи своих миллиардов, отданных взаймы слабым или менее богатым народам.

Не говорите, что трудно отличить войны революционные от войн реакционных. Вы хотите, чтобы помимо научного критерия, который я уже указал, я указал бы и чисто практический, понятный всем критерий?

Вот он: всякая, сколько-нибудь значительная война подготовляется заранее. Когда готовится революционная война, демократы и социалисты *не боятся наперед заявить,* что они стоят за «защиту отечества» в подобной войне. Когда же, напротив, готовится реакционная война, ни один социалист *не решается заранее,* т.-е. до объявления войны, определить, что он будет за «защиту отечества» в подобной войне.

Маркс и Энгельс не боялись призывать немецкий народ к войне против России в 1848 и 1859 годах.

Между тем, напротив, в Базеле, в 1912 г., социалисты не осмеливались говорить о «защите отечества» в войне, наступление которой они уже предвидели и которая, действительно, наступила в 1914 году.

Наша партия не боится заявить публично, что она встретит сочувствием войны или восстания, которые Ирландия могла бы начать против Англии, Марокко, Алжир, Тунис—против Франции, Триполи—против Италии, Украина, Персия Китай—против России и т. д.

А социал-шовинисты? А «центристы»? Осмелятся ли они

открыто и официально заявить, что они стоят или будут стоять за «защиту отечества» в случае, ежели, например, разразится война между Японией и Соединенными Штатами, война вполне империалистская, которая грозит многим сотням миллионов людей и подготовляется в продолжение десятков лет? Пусть попробуют! Я готов биться об заклад, что они не сделают этого, ибо они слишком хорошо отдают себе отчет в том, что если бы они на это решились, то стали бы посмешищем рабочих масс, были бы освистаны ими и выгнаны из социалистических партий. Вот почему социал-шовинисты и «центристы» будут избегать всякого открытого заявления по этому вопросу и будут продолжать вилять, лгать, запутывать вопрос и отделываться софизмами вроде того, который принят последним конгрессом французской партии в 1915 г.: «Страна, подвергшаяся нападению, имеет право обороняться».

Как будто суть в том—*кто напал первым*, а не в том, *каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут*. Можно ли, например, допустить, что социалисты могли бы, находясь в здравом уме, признать в 1796 г. право на «защиту отечества» за Англией, когда революционные французские войска стали брататься с ирландцами? А между тем, ведь, именно французы нападали в этот момент на Англию, и французская армия готовилась даже к десанту в Ирландии. И можно ли было бы завтра признать право на «защиту отечества» за Россией и за Англией, если вслед за тем, как они получили урок от Германии, на них напала бы Персия в союзе с Индией, Китаем и другими революционными народами Азии, совершающими свой 1789 и свой 1793 годы?

Таков мой ответ на прямо-таки смешное обвинение, сделанное нам, будто мы разделяем идеи Толстого. Наша партия отвергла как толстовское учение, так и пацифизм, заявив, что социалисты должны в настоящей войне стремиться превратить ее в гражданскую войну пролетариата против буржуазии, за социализм.

Если вы мне скажете, что это утопия, я вам отвечу, что, очевидно, буржуазия Франции, Англии и т. д. не разделяет вашего мнения, ибо она не стала бы, конечно, играть гнусную и смешную роль, доходя до заключения в тюрьму и мобилизации «пацифистов», если бы она не предчувствовала и не

предвидела неотвратимого и непрестанного нарастания революции и ее близкого наступления.

Это приводит меня к вопросу о расколе, поднимаемому также Сувариным. Раскол! Это пугало, которым социалистические вожди стремятся напугать других и которого они сами так боятся! «Какую пользу принесло бы *теперь* создание нового Интернационала?»—говорит Суварин.—«Деятельность его была бы поражена бесплодием, так как численно он был бы очень слаб».

Но, ведь, именно «деятельность» Прессмана и Лонгэ во Франции, Каутского и Ледебура в Германии поражена бесплодием, что̀ подтверждается ежедневными фактами, *как раз потому, что они боятся раскола!* И как раз потому, что К. Либкнехт и О. Рюле в Германии не боялись раскола, заявили открыто о его *необходимости* (см. письмо Рюле в «Форвертсе» от 12 января 1916 г.) и не поколебались осуществить его—их деятельность имеет столь великое значение для пролетариата, *несмотря на их численную слабость*. Либкнехт и Рюле—это только 2 против 108. Но эти двое представляют миллионы людей, эксплуатируемые массы, огромное большинство населения, будущее человечества, революцию, которая с каждым днем растет и зреет. 108 представляют лишь дух подхалимства небольшой кучки лакеев буржуазии в среде пролетариата. Деятельность Бризона, когда он разделяет слабости центра или болота, поражена бесплодием. И, напротив, деятельность Бризона перестает быть бесплодной, она организует пролетариат, пробуждает и встряхивает его, когда Бризон на деле разрушает «единство» и когда в парламенте он мужественно восклицает «долой войну!» или когда он публично говорит правду, заявляя, что союзники дерутся для того, чтобы отдать России Константинополь.

Истинно-революционные интернационалисты численно слабы? Рассказывайте! Возьмем в качестве примера Францию 1780 г. и Россию 1900 года. Сознательные и решительные революционеры, которые в первом случае были представителями буржуазии—революционного класса той эпохи,—а во втором случае были представителями революционного класса настоящего времени—пролетариата, были чрезвычайно слабы численно. Это были лишь единицы, составлявшие максимум лишь $^1/_{10\,000}$ или даже $^1/_{100\,000}$ своего класса. А спустя несколько лет эти самые единицы, это самое, якобы столь

ничтожное, меньшинство повело за собой массы, миллионы и десятки миллионов людей. Почему? Потому что это меньшинство представляло действительно интересы этих масс, потому что оно верило в грядущую революцию, потому что оно было готово беззаветно ей служить.

Численная слабость? Но с каких это пор революционеры ставят свою политику в зависимость от того факта, в большинстве ли они или в меньшинстве? Когда в ноябре 1914 г. наша партия объявила о необходимости раскола с оппортунистами, заявив, что этот раскол будет единственно честным и достойным ответом на их измену в августе 1914 г., это заявление казалось многим лишь сектантским сумасбродством людей, которые окончательно оторвались от жизни и от действительности. Прошло два года, и—посмотрите, что происходит. В Англии раскол—совершившийся факт; социал-шовинист Гайндман должен был покинуть партию. В Германии раскол развивается у всех на глазах. Организации Берлина, Бремена и Штутгарта имели даже честь быть исключенными из партии... из партии лакеев кайзера, из партии немецких господ Реноделей, Самба, Тома, Гэдов и К°. А во Франции? С одной стороны, партия этих господ заявляет о том, что она остается сторонницей «защиты отечества»; с другой, циммервальдцы заявляют в своей брошюре «Социалисты Циммервальда и война», что «защита отечества» не социалистична. Разве это не раскол?

И как могли бы добросовестно работать бок-о-бок в одной партии люди, которые после двух лет этого великого мирового кризиса дают диаметрально противоположные ответы на самый важный вопрос современной тактики пролетариата?

Взгляните и на Америку—страну, к тому же, нейтральную. Не начался ли там раскол: в то время как, с одной стороны, Евгений Дэбс, этот «американский Бебель», заявляет в социалистической печати, что он признает лишь один вид войны, войну гражданскую за победу социализма, и что он предпочел бы дать себя расстрелять, нежели голосовать хотя бы за один цент на военные расходы Америки (см. «Appeal to Reason» № 1032, от 11 сентября 1915 г.), в то же время, с другой стороны, американские Ренодели и Самба провозглашают «защиту отечества» и «подготовленность к войне». Американские же Лонгэ и Прессманы—бедняги!—стремятся

помирить социал-шовинистов с революционными интернационалистами.

Два Интернационала уже существуют. Один—Самба-Зюдекума-Гайндмана-Плеханова и К⁰ и второй—К. Либкнехта, Маклина (шотландский учитель, осужденный английской буржуазией на каторгу за поддержку классовой борьбы рабочих), Хеглунда (шведский депутат, осужденный на каторгу за свою революционную агитацию против войны, бывший в Циммервальде одним из основателей «Циммервальдской левой»), пяти депутатов Государственной Думы, осужденных на вечную ссылку в Сибирь за их агитацию против войны, и т. д. Это, с одной стороны, Интернационал тех, *которые помогают своим правительствам вести империалистскую войну,* а с другой стороны, Интернационал тех, *которые ведут революционную борьбу против этой войны.* И ни красноречие парламентских болтунов, ни «дипломатия» «государственных мужей» социализма не смогут объединить эти два Интернационала. Второй Интернационал отжил свой век. Третий Интернационал уже родился. И если он еще не освящен первосвященниками и папами II Интернационала, а, наоборот, проклят ими (см. речи Вандервельде и Стаунинга), это все же не мешает ему приобретать день ото дня новые силы. Третий Интернационал даст возможность пролетариату избавиться от оппортунистов, и он же приведет массы к победе в социальной революции, которая назревает и приближается.

Прежде чем закончить, я должен ответить несколько слов на личную полемику Суварина. Он просит (социалистов, находящихся в Швейцарии) умерить личную критику, направленную против Бернштейна, Каутского, Лонгэ и т. д.... Со своей стороны я должен сказать, что я не могу присоединиться к этой просьбе. И прежде всего, я укажу Суварину, что я выступаю против «центристов» не с личной критикой, а с критикой политической. Влияния на массы гг. Зюдекумов, Плехановых и т. д. уже не спасешь: их авторитет настолько уже подорван, что повсюду полиции приходится их защищать. Но «центристы» своею пропагандой «единства» и «защиты отечества», своим стремлением к соглашению, своими усилиями прикрыть словами самые глубокие расхождения причиняют величайший ущерб рабочему движению, задерживая окончательное банкротство морального авторитета социал-шовинистов, поддерживая, таким образом, их влияние

на массы, оживляя труп оппортунистов II Интернационала. По всем этим соображениям я считаю, что борьба против Каутского и других представителей «центра» является для меня социалистическим долгом.

Суварин, на ряду с другими, «обращается к Гильбо, к Ленину, ко всем тем, которые пользуются преимуществом находиться «в стороне от схватки», преимуществом, часто позволяющим здраво судить о людях и делах социализма, но заключающим в себе также, быть может, некоторые неудобства».

Намек прозрачен. В Циммервальде Ледебур высказал эту мысль без обиняков, обвиняя нас, «левых циммервальдцев», в том, что мы из-за границы бросаем в массы революционные призывы. Я повторю гражданину Суварину то же, что я сказал Ледебуру в Циммервальде. Минуло 29 лет с тех пор, как я был [впервые] арестован в России. В продолжение этих 29 лет я не переставал бросать в массы революционные призывы. Я делал это из моей тюрьмы, из Сибири, а позднее—из-за границы. И я часто встречал в революционной печати такие же «намеки», как и в речах царских прокуроров, «намеки», обвинявшие меня в недостатке честности, так как, проживая за границей, я обращаюсь с революционными призывами к массам России. Эти «намеки» со стороны царских прокуроров никого не удивят. Но я признаюсь, что ожидал иных аргументов со стороны Ледебура. Ледебур, вероятно, забыл, что Маркс и Энгельс, когда они писали в 1847 г. свой знаменитый «Коммунистический манифест», также бросали из-за границы революционные призывы германским рабочим! Революционная борьба часто бывает невозможна без эмиграции революционеров. Франция неоднократно проделывала этот опыт. И гражданин Суварин поступил бы лучше, не следуя плохому примеру Ледебура и... царских прокуроров.

Суварин говорит еще, что Троцкий, «которого мы (французское меньшинство) считаем одним из самых крайних элементов крайней левой Интернационала, просто-напросто клеймится Лениным, как шовинист. Следует признать, что здесь есть некоторое преувеличение».

Да, конечно, «здесь есть некоторое преувеличение», но не с моей стороны, а со стороны Суварина. Ибо я никогда не клеймил позицию Троцкого, как шовинистическую. В чем

я его упрекал—это в том, что он слишком часто представлял в России политику «центра». Вот факты. С января 1912 г. раскол в Р. С.-Д. Р. П. существует формально. Наша партия (группирующаяся вокруг Ц. К.) обвиняет в оппортунизме другую группу, О. К., самые известные вожди которой—Мартов и Аксельрод. Троцкий принадлежал к партии Мартова и покинул ее лишь в 1914 году. В это время наступила война. Думская фракция нашего направления, состоявшая из пяти членов (Муранов, Петровский, Шагов, Бадаев, Самойлов), сослана в Сибирь. Наши рабочие в Петрограде голосуют *против* участия в военно-промышленных комитетах (самый важный практический вопрос для нас; для России он столь же важен, как во Франции вопрос об участии в правительстве). С другой стороны, самые известные и самые влиятельные литераторы О. К.—Потресов, Засулич, Левицкий и другие—высказываются за «защиту отечества» и за участие в военно-промышленных комитетах. Мартов и Аксельрод протестуют и высказываются против участия в этих комитетах, но не порывают со своей партией, одна фракция которой, ставшая шовинистической, соглашается на участие. Поэтому мы и упрекали Мартова в Кинтале в том, что он хотел быть представителем О. К. в целом, в то время, как в действительности он может быть представителем лишь одной фракции этого направления. Представительство этой партии в Думе (Чхеидзе, Скобелев и др.) разделилось. Часть этих депутатов—за «защиту отечества», другая—против. Все они—за участие в военно-промышленных комитетах, и они употребляют двусмысленную формулу необходимости «спасения родины», что является, в сущности, лишь иными словами выраженным лозунгом «защиты отечества» Зюдекума и Реноделя. Более того, они никак не протестуют против позиции Потресова (в действительности она аналогична позиции Плеханова; Мартов публично протестовал против Потресова и отказался от сотрудничества в его журнале, потому что тот пригласил Плеханова сотрудничать в нем).

А Троцкий? Порвав с партией Мартова, он продолжает упрекать нас в том, что мы раскольники. Он понемногу двигается влево и предлагает даже порвать с вождями русских социал-шовинистов, но он не говорит нам окончательно, желает ли он единства или раскола по отношению к фракции Чхеидзе. А это как раз один из самых важных вопросов. На

самом деле, если завтра наступит мир, у нас послезавтра будут новые выборы в Думу. И немедленно перед нами встает вопрос, идем ли мы вместе с Чхеидзе или против него. Мы против этого союза. Мартов—за. А Троцкий? Неизвестно. В 500-х нумерах выходящей в Париже русской газеты «*Наше Слово*», одним из редакторов которой является Троцкий, не было сказано решительного слова. Вот почему мы не согласны с Троцким.

Но дело идет не только о нас. В Циммервальде Троцкий не хотел присоединиться к «Циммервальдской левой». Троцкий с т. Г. Роланд-Гольст представляли «центр». А вот что пишет ныне т. Роланд-Гольст в социалистической голландской газете «Трибуна» (№ 159 от 23 августа 1916 г.): «Те, кто, подобно Троцкому и его группе, хотят вести революционную борьбу против империализма, должны преодолеть последствия эмигрантских разногласий, по большей части носящих в достаточной степени личный характер и разъединяющих крайнюю левую, и должны присоединиться к ленинцам. «Революционный центр»—невозможен».

Я извиняюсь в том, что так много говорил о наших отношениях с Троцким и Мартовым, но социалистическая французская печать говорит об этом довольно часто, и информация, которую она дает читателям, часто очень неточна. Нужно, чтобы французские товарищи были лучше осведомлены о фактах, касающихся социал-демократического движения в России.

Написано во второй половине декабря 1916 г.

Т. XXX, стр. 283—291.

ПАЦИФИЗМ БУРЖУАЗНЫЙ И ПАЦИФИЗМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) I

ПОВОРОТ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Есть признаки, что такой поворот наступил или наступает. Именно: это—поворот от империалистской войны к империалистскому миру.

Несомненное сильное истощение обеих империалистских коалиций; трудность продолжать войну дальше; трудность для капиталистов вообще и для финансового капитала в частности содрать с народов еще сколько-нибудь кроме двух и более шкур, содранных в виде скандальных «военных» прибылей; пресыщение финансового капитала нейтральных стран, Соединенных Штатов, Голландии, Швейцарии и др., который нажился гигантски на войне и которому не легко продолжать дальше это «выгодное» хозяйство в виду недостатка сырых материалов и съестных припасов; усиленные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, того или другого союзника; пацифистские выступления германского правительства, а за ним и ряда правительств нейтральных стран—вот главнейшие из этих признаков.

Имеются ли шансы на быстрое окончание войны или нет? На этот вопрос очень трудно ответить положительно. Две возможности вырисовываются, по нашему мнению, довольно определенно:

Первая—сепаратный мир между Германией и Россией заключен, хотя бы и не в обычной форме письменного формального договора. Вторая—такого мира не заключено, Англии и ее союзникам действительно под-силу продержаться еще и год и два и т. п. В первом случае война не теперь, так в ближайшем будущем неминуемо прекращается и серьезных

изменений в ходе ее ждать нельзя. Во втором случае возможно неопределенно долгое продолжение ее.

Остановимся на первом случае.

Что переговоры о сепаратном мире между Германией и Россией совсем недавно велись, что сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира, что в всемирной политике обрисовался поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии, все это не может подлежать сомнению.

Смена Штюрмера Треповым, публичное заявление царизма, что «право» России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского— эти признаки указывают как будто на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей. Может быть, царизм вел эти переговоры *только* для того, чтобы шантажировать Англию, чтобы добиться от нее формального и недвусмысленного признания «прав» Николая Кровавого на Константинополь и тех или иных «серьезных» гарантий этого права?

Так как главным, основным содержанием данной империалистской войны является дележ добычи между тремя главными империалистскими соперниками, тремя разбойниками, Россией, Германией и Англией, то ничего невероятного в таком предположении нет.

С другой стороны, чем больше вырисовывается для царизма фактическая, военная невозможность вернуть Польшу, завоевать Константинополь, сломать железный германский фронт, который Германия великолепно выравнивает, сокращает и укрепляет своими последними победами в Румынии, тем более *вынуждается* царизм к заключению сепаратного мира с Германией, *то-есть* к переходу от империалистского союза с Англией против Германии к империалистскому союзу с Германией против Англии. Почему бы нет? Была же Россия на волосок от войны с Англией из-за империалистского соревнования обеих держав насчет дележа добычи в Средней Азии! Велись же между Англией и Германией переговоры о союзе *против* России в 1898 году, причем Англия и Германия тайно условились тогда разделить между собой колонии Португалии «на случай», что она не исполнит своих финансовых обязательств!

Усиленное стремление руководящих империалистских кругов Германии к союзу с Россией против Англии определилось уже несколько месяцев тому назад. Основой союза явится, очевидно, дележ Галиции (царизму очень важно удушить центр украинской агитации и украинской свободы), Армении и, *может быть, Румынии!* Проскользнул же в одной немецкой газете «намек» на то, что Румынию можно бы разделить между Австрией, Болгарией и Россией! Германия могла бы согласиться и еще на какие-либо «уступочки» царизму лишь бы реализовать союз с Россией, а может быть еще и с Японией против Англии.

Сепаратный мир мог быть заключен между Николаем II и Вильгельмом II тайно. История дипломатии знает примеры тайных договоров, о которых не знал никто, даже министры, за исключением 2—3 человек. История дипломатии знает примеры, когда «великие державы» шли на «общий европейский» конгресс, предварительно договорив тайком главное между главными соперниками (напр., тайное соглашение России с Англией насчет грабежа Турции перед берлинским конгрессом 1878 года). Не было бы ровно ничего удивительного в том, если бы царизм отверг формальный сепаратный мир правительств между прочим по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским, и в то же время заключил тайный, не формальный, но не менее «прочный» договор с Германией о том, что обе «высокие договаривающиеся стороны» ведут совместно *такую-то* линию на будущем конгрессе мира!

Верно это предположение или нет, решить нельзя. Но во всяком случае оно в тысячу раз больше содержит в себе *правды*, характеристики *того, что есть*, чем бесконечные добренькие фразы о мире между теперешними и вообще между буржуазными правительствами на основе отрицания аннексий и т. п. Эти фразы—либо невинные пожелания либо лицемерие и ложь, служащие для сокрытия истины. Истина данного времени, данной войны, данного момента попыток заключить мир состоит *в дележе империалистской добычи*. В этом суть, и понять эту истину, высказать ее, «высказать то, что есть»,—такова коренная задача социалистической политики в отличие от

буржуазной, для коей главное скрыть, затушевать эту истину.

Обе империалистские коалиции награбили известное количество добычи, при чем именно два главных и наиболее сильных хищника, Германия и Англия, награбили больше всего. Англия не потеряла ни пяди своей земли и своих колоний, «приобретя» немецкие колонии и часть Турции (Месопотамию). Германия потеряла почти все свои колонии, но приобрела неизмеримо более ценные территории в Европе, захватив Бельгию, Сербию, Румынию, часть Франции, часть России и пр. Речь идет о том, чтобы разделить эту добычу, при чем «атаман» каждой разбойничьей шайки, т.-е. и Англия и Германия, должен вознаградить в той или иной мере своих союзников, которые, за исключением Болгарии и в меньшей степени Италии, особенно много потеряли. Самые слабые союзники потеряли больше всего: в английской коалиции раздавлены Бельгия, Сербия, Черногория, Румыния, в германской Турция потеряла Армению и часть Месопотамии.

До сих пор добыча Германии несомненно и очень значительно больше, чем добыча Англии. До сих пор Германия победила, оказавшись неизмеримо сильнее, чем кто бы то ни было предполагал до войны. Понятно поэтому, что Германии выгодно было бы заключить мир как можно скорее, ибо ее соперник мог бы еще, в наивыгоднейшем мыслимом для него (хотя и не очень вероятном) случае, пустить в ход больший запас рекрутов и т. п.

Таково *объективное* положение. Таков данный момент борьбы за дележ империалистской добычи. Совершенно естественно, что *этот* момент породил пацифистские стремления, заявления и выступления преимущественно среди буржуазии и правительств германской коалиции, затем нейтральных стран. Так же естественно, что буржуазия и *ее* правительства вынуждены изо всех сил стремиться к тому, чтобы одурачить народы, прикрывая отвратительную наготу империалистского мира, дележ награбленного,—фразами, насквозь лживыми фразами о демократическом мире, о свободе малых народов, о сокращении вооружений и т. п.

Но если буржуазии естественно стремление одурачить народы, то как выполняют свою обязанность социалисты? Об этом в следующей статье (или главе).

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) II

ПАЦИФИЗМ КАУТСКОГО И ТУРАТИ

Каутский—самый авторитетный теоретик II Интернационала, самый видный вождь так называемого «марксистского центра» в Германии, представитель оппозиции, создавшей в рейхстаге особую фракцию: «социал-демократическую трудовую группу» (Гаазе, Ледебур и др.). В ряде с.-д. газет Германии помещены теперь статьи Каутского об условиях мира, перефразирующие официальное заявление «социал-демократической трудовой группы», с которым она выступила по поводу известной ноты германского правительства, предложившей переговоры о мире. Требуя предложения правительством определенных условий мира, это заявление между прочим содержит следующую характерную фразу:

...«Для того, чтобы эта нота (германского правительства) повела к миру, необходимо, чтобы во всех странах недвусмысленно была отвергнута мысль об аннексиях чужих областей, о политическом, хозяйственном или военном подчинении какого бы то ни было народа другой государственной власти»...

Перефразировывая и конкретизируя это положение, Каутский в своих статьях обстоятельно «доказывает», что Константинополь не должен достаться России и что Турция не должна быть чьим бы то ни было вассальным государством.

Присмотримся внимательнее к этим политическим лозунгам и аргументам Каутского и его единомышленников.

Когда дело касается России, т.-е. империалистского соперника Германии, тогда Каутский выдвигает не абстрактное, не «общее», а совершенно конкретное, точное, определенное требование: Константинополь не должен достаться России. Он *разоблачает* тем самым *действительные* империалистские замыслы... России. Когда дело касается Германии, т.-е. именно той страны, буржуазии и правительству которой большинство партии, считающей Каутского своим членом (и назначившей Каутского редактором своего главного, руководящего, теоретического органа, «Neue Zeit»), помогает вести империалистскую войну, тогда Каутский *не* разоблачает *конкретных* империалистских замыслов *своего* правительства, а ограничивается «общим» пожеланием или положением: Турция не должна быть чьим бы то ни было вассальным государством!!

Чем же отличается, по ее действительному содержанию, политика Каутского от политики боевых, так сказать, социал-шовинистов (т.-е. социалистов на словах, шовинистов на деле) Франции и Англии, которые прямо разоблачают конкретные империалистские шаги Германии, отделываясь «общими» пожеланиями или положениями насчет стран или народов, завоевываемых Англией и Россией? о захвате Бельгии, Сербии кричат, а о захвате Галиции, Армении, колоний в Африке молчат?

На деле, политика Каутского и Самба-Гендерсона одинаково помогает *своему* империалистскому правительству, обращая главное внимание на злокозненность соперника и неприятеля, набрасывая флер туманных, общих фраз и добреньких пожеланий на *столь же* империалистские шаги «*своей*» буржуазии. И мы перестали бы быть марксистами, перестали бы быть вообще социалистами, если бы ограничились христианским, так сказать, созерцанием доброты добреньких общих фраз, не вскрывая их *действительного* политического значения. Разве мы не видим постоянно, что дипломатия всех империалистских держав щеголяет прекраснодушнейшими «общими» фразами и «демократическими» заявлениями, *прикрывая* ими грабеж, изнасилование и удушение мелких народов?

«Турция не должна быть ни чьим вассальным государством»... Если я говорю только это, видимость получается такая, будто я сторонник полной свободы Турции. Но на деле я повторяю лишь фразу, обычно произносимую и немецкими дипломатами, которые *заведомо* лгут и лицемерят, прикрывая этой фразой тот *факт*, что Германия *сейчас* превратила Турцию в своего *и* финансового *и* военного вассала! И если я—немецкий социалист, то германской дипломатии только *выгодны* мои «общие» фразы, ибо действительное значение их состоит в *подкрашивании* германского империализма.

...«Во всех странах должна быть отвергнута мысль об аннексиях,... о хозяйственном подчинении какого бы то ни было народа»... Какое прекраснодушие! Империалисты тысячи раз «отвергают мысль» об аннексиях и финансовом удушении слабых народов, но не следует ли сопоставлять с этим *факты*, показывающие, что любой крупный банк Германии, Англии, Франции, Соединенных Штатов *держит* «*в подчинении*» мелкие народы? Может ли *на деле* теперешнее буржуазное пра-

вительство богатой страны отвергнуть аннексии и хозяйственное подчинение чужих народов, когда миллиарды и миллиарды вложены в железные дороги и прочие предприятия слабых народов?

Кто борется действительно с аннексиями и т. п.,—тот ли, кто бросает на ветер прекраснодушные фразы, объективное значение которых совершенно равносильно христианской святой водице, окропляющей коронованных и капиталистических разбойников, или тот, кто разъясняет рабочим невозможность прекращения аннексий и финансового удушения без свержения империалистской буржуазии и ее правительств?

Вот еще итальянская иллюстрация того пацифизма, который проповедуется Каутским.

В центральном органе итальянской социалистической партии «Avanti!» (Вперед) от 25 декабря 1916 г. известный реформист Филипп Турати поместил статью под заглавием «Абракадабра». 22 ноября 1916 г.—пишет он—парламентская социалистическая группа Италии внесла в парламент предложение о мире. В этом предложении она «констатировала согласие принципов, провозглашенных представителями Англии и Германии, принципов, долженствующих лечь в основу возможного мира, и пригласила правительство начать переговоры о мире при посредстве Соединенных Штатов и других нейтральных стран». Так излагает содержание социалистического предложения сам Турати.

6 декабря 1916 г. палата «хоронит» социалистическое предложение, «откладывая» обсуждение его. 12 декабря германский канцлер в рейхстаге от себя предлагает то, чего хотели социалисты Италии. 22 декабря выступает с своей нотой Вильсон, «перефразируя и повторяя—по выражению Ф. Турати—идеи и мотивы социалистического предложения». 23 декабря другие нейтральные государства выступают на сцену, перефразируя ноту Вильсона.

Нас обвиняют, что мы продались Германии, восклицает Турати. Не продались ли Германии и Вильсон и нейтральные государства?

17-го декабря Турати держал в парламенте речь, одно место которой вызвало необыкновенную—и заслуженную—сенсацию. Вот это место, по отчету «Avanti!»:

...«Предположим, что обсуждение такого рода, которое нам предлагает Германия, способно разрешить в главных чертах

вопросы вроде эвакуации Бельгии, Франции, восстановления Румынии, Сербии и, если вам угодно, Черногории; я добавлю вам исправление итальянских границ в отношении того, что̀ является бесспорно итальянским и отвечает гарантиям стратегического характера»... В этом месте буржуазная и шовинистская палата прерывает Турати; со всех сторон раздаются возгласы: «Превосходно! Значит, и вы также хотите всего этого! Да здравствует Турати! Да здравствует Турати»...

Турати, почувствовав, видимо, что-то неладное в этом восторге буржуазии, пытается «поправиться» или «объясниться»: ...«Господа,—говорит он,—не надо неуместных шуток. Одно дело допускать уместность и право национального единства, всегда признававшегося нами; другое дело—вызывать или оправдывать войну из-за этой цели».

Ни это «объяснение» Турати, ни статьи «Avanti!» в его защиту, ни письмо Турати от 21 декабря, ни статьи некоего «*b b*» в цюрихском «Volksrecht»[1] нисколько не «поправляют» дела и не устраняют факта, что *Турати попался!..* А вернее: попался не Турати, а попался весь социалистический пацифизм, представляемый и Каутским, и, как увидим ниже, французскими «каутскианцами». Буржуазная пресса Италии была права, подхватив это место в речи Турати и ликуя по поводу него.

Упомянутый «*b b*» пытается защитить Турати тем, что он-де говорил лишь о «праве наций на самоопределение».

Плохая защита! При чем же тут «право наций на самоопределение», которое, как всем известно, относится в программе марксистов—и относилось всегда в программе международной демократии—к защите *угнетенных* народов? К империалистской войне, т.-е. к войне из-за дележа колоний, из-за *угнетения* чужих стран, к войне *между* грабительскими, угнетающими державами из-за того, *кому* угнетать *больше* чужих народов?

Ссылаться на самоопределение наций в оправдание империалистской, а не национальной, войны—чем же это отличается от речей Алексинского, Эрвэ, Гайндмана, которые ссылаются на *республику* во Франции, противостоящую монархии в Германии, хотя всем известно, что данная война идет вовсе не из-за столкновения республиканизма с монархическим началом,

[1] «Народное Право». *Ред.*

а из-за дележа колоний и пр. между двумя империалистскими коалициями?

Турати объяснялся и оправдывался, что он *вовсе не* «оправдывает» войны.

Поверим реформисту Турати, сторонникy Каутского Турати, что его *намерением* не было оправдывать войну. Но кто же не знает, что в политике учитываются не намерения, а дела? не благие пожелания, а факты? не воображаемое, а действительное? Пусть Турати не хотел оправдывать войны, пусть Каутский не хотел оправдывать установление Германией вассальных отношений Турции к немецкому империализму. Но *на деле* у обоих добреньких пацифистов *получилось именно оправдание войны!* Вот в чем суть. Если бы Каутский не в журнале, который так скучен, что его никто не читает, а с трибуны парламента, перед живой, впечатлительной, обладающей южным темпераментом, буржуазной публикой произнес подобную фразу: «Константинополь не должен достаться России, Турция не должна быть ничьим вассальным государством», то не было бы ничего удивительного в возгласах остроумных буржуа: «Превосходно! Правильно! Да здравствует Каутский!»

Турати стоял фактически,—независимо от того, хотел ли он этого, сознавал ли он это,—на точке зрения буржуазного маклера, предлагающего полюбовную сделку между империалистскими хищниками. «Освобождение» итальянских земель, принадлежащих Австрии, было бы *на деле* прикрытием вознаграждения итальянской буржуазии за участие в империалистской войне гигантской империалистской коалиции, было бы несущественным придатком к дележу колоний в Африке, сфер влияния в Далмации и Албании. Реформисту Турати, пожалуй, естественно стоять на буржуазной точке зрения; но Каутский фактически ровнехонько ничем не отличался от Турати.

Чтобы не прикрашивать империалистской войны, чтобы не помогать буржуазии облыжно выдавать такую войну за национальную, за освобождающую народы, чтобы не оказываться на позиции буржуазного реформизма, надо было бы говорить не так, как говорят Каутский и Турати, а так, как говорил Карл Либкнехт, надо было бы заявить *своей* буржуазии, что она лицемерит, толкуя о национальном освобождении, что демократический мир невозможен в связи с

данной войной, если пролетариат не «обратит оружия» против *своих* правительств.

Такова и только такова могла бы быть позиция действительного марксиста, действительного социалиста, а не буржуазного реформиста. Не тот работает действительно на пользу демократического мира, кто повторяет общие, ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, добренькие пожелания пацифизма, а тот, кто разоблачает империалистский характер и данной войны и подготовляемого ею империалистского мира, кто призывает народы к революции против преступных правительств.

Некоторые пытаются иногда защитить Каутского и Турати тем, что легально нельзя было идти дальше «намека» против правительства, а такой «намек» есть у пацифистов этого рода. Но на это следует ответить, во-первых, что невозможность говорить правду легально есть довод не в пользу сокрытия правды, а в пользу необходимости нелегальной, т.-е. свободной от полиции и цензуры, организации и печати; во-вторых, что бывают исторические моменты, когда от социалиста *требуется* разрыв со всякой легальностью; в-третьих, что даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь в точь такие речи, как Турати и Каутский.

В следующей статье мы перейдем к французскому пацифизму, нашедшему себе выражение в резолюциях двух только что состоявшихся конгрессов рабочих и социалистических организаций Франции.

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) III

ПАЦИФИЗМ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ И СИНДИКАЛИСТОВ

Только что закончились конгрессы французской C. G. T. (Confédération générale du Travail, всеобщий союз профессиональных рабочих союзов) и французской социалистической партии. Истинное значение и истинная роль социалистического пацифизма в настоящий момент с особенной ясностью обрисовались здесь.

Вот резолюция синдикального конгресса, *единогласно* принятая всеми, и большинством ярых шовинистов с печальнознаменитым Жуо (Jouhaux) во главе, и анархистом Брутшу, и... «циммервальдистом» Меергеймом:

«Конференция национальных корпоративных федераций, союзов синдикатов (профессиональных союзов), бирж труда, приняв к сведению ноту президента Соединенных Штатов, «приглашающего все нации, находящиеся ныне в войне друг с другом, изложить публично их взгляды на те условия, на которых война могла бы быть окончена»,—

просит французское правительство согласиться на это предложение;

приглашает правительство взять на себя инициативу подобного же выступления перед своими союзниками, чтобы ускорить час мира;

заявляет, что федерация наций, являющаяся одним из залогов окончательного мира, может быть обеспечена лишь при независимости, территориальной неприкосновенности и политической и экономической свободе всех наций, и малых, и больших.

Организации, представленные на конференции, берут на себя обязательство поддерживать и распространять эту идею среди массы рабочих, дабы прекратилось неопределенное, двусмысленное положение, которое выгодно лишь для тайной дипломатии, против каковой всегда восставал рабочий класс».

Вот образец «чистого» пацифизма, вполне в духе Каутского,—пацифизма, одобренного официальной организацией рабочих, не имеющей ничего общего с марксизмом, состоящей в большинстве из шовинистов. Перед нами—выдающийся, заслуживающий самого серьезного внимания, документ *политического объединения* шовинистов и «каутскианцев» на платформе пустой пацифистской фразы. Если в предыдущей статье мы старались показать, в чем *теоретическая* основа единства взглядов шовинистов и пацифистов, буржуа и социалистических реформистов, то теперь мы видим это единство *практически* осуществленным в другой империалистской стране.

На конференции в Циммервальде, 5—9. IX. 1915, Меергейм заявил: «Le parti, les Jouhaux, le gouvernement, ce ne sont que trois têtes sous un bonnet» («партия, господа Жуо,

правительство, это—три головы под одним колпаком», т.-е. они—едино суть). На конференции С. G. Т. 26 декабря 1916 года Меергейм голосует, *вместе с Жуо*, пацифистскую резолюцию. 23-го декабря 1916 года один из самых откровенных и самых крайних органов германских социал-империалистов, хемницкая газета «Volksstimme»[1] помещает редакционную статью «Разложение буржуазных партий и восстановление социал-демократического единства». В этой статье воспевается, само собою, миролюбие Зюдекума, Легина, Шейдемана и К⁰, всего большинства германской социал-демократической партии, а также германского правительства, и провозглашается, что «первый конгресс партии, созванный после войны, должен восстановить единство партии, за исключением немногочисленных фанатиков отказа от платежа партийных взносов» (т. е. сторонников Карла Либкнехта!) «—единство партии на основе политики правления партии, социал-демократической фракции рейхстага и профессиональных союзов».

Яснее ясного тут выражена идея и провозглашена политика «единства» откровенных социал-шовинистов Германии с Каутским и К⁰, с «социал-демократической трудовой группой», единства на основе пацифистских фраз,—«единства», осуществленного во Франции 26 декабря 1916 г. между Жуо и Меергеймом!

Центральный орган итальянской социалистической партии «Avanti!» пишет в редакционной заметке 28 декабря 1916 г.:

«Если Биссолати и Зюдекум, Бономи и Шейдеман, Самба и Давид, Жуо и Легин перешли в лагерь буржуазного национализма и предали (hanno tradito, совершили измену) идейное единство интернационалистов, которому обещали служить верой и правдой, то мы останемся вместе с нашими немецкими товарищами, такими, как Либкнехт, Ледебур, Гофман, Мейер, с нашими французскими товарищами, такими, как Меергейм, Блан, Бризон, Раффен-Дюжанс, которые не изменились и не колебнулись».

Посмотрите, какая получается путаница:

Биссолати и Бономи *исключены*, как реформисты и шовинисты, из итальянской социалистической партии еще до войны. «Avanti!» ставит их на один уровень с Зюдекумом и Легином, и вполне правильно, конечно, но Зюдекум, Давид и

[1] «Голос народа». *Ред.*.

Легин стоят во главе германской якобы-социал-демократической, на деле социал-шовинистской партии, и то же самое «Avanti!» восстает против их исключения, против разрыва с ними, против образования III Интернационала. «Avanti!» объявляет, и совершенно правильно, перешедшими в лагерь буржуазного национализма Легина и Жуо, противопоставляя им Либкнехта и Ледебура, Меергейма и Бризона. Но мы видим, что Меергейм *голосует вместе с Жуо*, а Легин объявляет,—устами хемницкого «Народного Голоса»,—о своей уверенности в восстановлении единства партии с исключением *только* единомышленников Либкнехта, т. е. «единства» *вместе* с «с.-д. трудовой группой» (Каутский в том числе), к которой принадлежит Ледебур!!

Эта путаница вызвана тем, что «Avanti!» смешивает буржуазный пацифизм с революционным социал-демократическим интернационализмом, а такие опытные политиканы, как Легин и Жуо, великолепно поняли *тождество* социалистического и буржуазного пацифизма.

Как же в самом деле не ликовать господину Жуо и его газете, шовинистской «La Bataille»[1] по поводу «единодушия» Жуо с Меергеймом, когда в принятой единогласно резолюции, приведенной нами полностью, нет *на деле* ровнехонько ничего, кроме буржуазно-пацифистских фраз, нет *ни тени* революционного сознания, *ни одной* социалистической мысли!

Не смешно ли говорить об «экономической свободе всех наций, малых и больших», умалчивая о том, что пока не свергнуты буржуазные правительства и не экспроприирована буржуазия, эта «экономическая свобода» есть такой же *обман* народа, как фразы об «экономической свободе» граждан *вообще*, мелких крестьян и богачей, рабочих и капиталистов в современном обществе?

Резолюция, за которую голосовали единогласно Жуо и Меергейм, насквозь и целиком проникнута идеями «буржуазного национализма», который «Avanti!» справедливо отмечает у Жуо, но которого оно, «Avanti!», странным образом *не* видит у Меергейма.

Буржуазные националисты всегда и везде щеголяли «общими» фразами о «федерации наций» *вообще*, об «экономической свободе всех наций: больших и малых». Социалисты,

[1] «Битва». *Ред.*

в отличие от буржуазных националистов, говорили и говорят: ораторствовать об «экономической свободе больших и малых наций» есть отвратительное лицемерие, пока *одни* нации (напр., Англия и Франция) помещают заграницей, т.-е. дают в ссуду за ростовщические проценты малым и отсталым нациям, *десятки и десятки миллиардов франков капитала*, а малые и слабые нации находятся в кабале у них.

Социалисты не могли бы оставить без решительного протеста *ни единой фразы* в той резолюции, за которую единогласно голосовали Жуо и Меергейм. Социалисты заявили бы, в прямую противоположность этой резолюции, что выступление Вильсона явная ложь и лицемерие, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бешенства вооружение Соединенных Штатов явно в целях *второй* великой империалистской войны;—что французское буржуазное правительство, связанное по рукам и по ногам финансовым капиталом, рабом коего оно является, и тайными империалистскими, насквозь грабительскими и реакционными договорами с Англией, Россией и т. д., не в состоянии ни сказать, ни сделать чего-либо, кроме такой же лжи, по вопросу о демократическом и «справедливом» мире;—что борьба за подобный мир состоит не в повторении общих, пустых, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих, на деле только прикрашивающих империалистскую скверну, добреньких и сладеньких пацифистских фраз, а в заявлении народам *правды*, именно в заявлении народам: дабы получить демократический и справедливый мир, надо свергнуть буржуазные правительства всех воюющих стран и воспользоваться для этого вооружением миллионов рабочих, а также всеобщим озлоблением масс населения, дороговизной жизни и ужасами империалистской войны.

Вот что̀ должны были бы сказать социалисты вместо резолюции Жуо и Меергейма.

Французская социалистическая партия на своем конгрессе, который происходил в Париже одновременно с конгрессом C. G. T., не только не сказала этого, а приняла *еще худшую* резолюцию, 2 838 голосами против 109, при 20 воздержавшихся, т.-е. блоком социал-шовинистов (Ренодель и К⁰, так называемые «мажоритеры», сторонники большинства) и *лонгэтистов* (сторонников Лонгэ, французских каутскианцев)!!

При этом циммервальдист Бурдерон и кинталист (kinthalien, участник кинтальской конференции) Раффен-Дюжанс голосовали за эту резолюцию!!

Мы не будем приводить текста этой резолюции, ибо она непомерно длинна и совершенно неинтересна: в ней добренькие, сладенькие фразы о мире *поставлены рядом* с заявлением готовности поддерживать дальше так называемую «защиту отечества» во Франции, т.-е. поддерживать империалистскую войну, которую ведет Франция в союзе с такими еще более крупными и сильными разбойниками, как Англия и Россия.

Объединение социал-шовинистов с пацифистами (или каутскианцами) во Франции и с частью циммервальдистов стало, следовательно, фактом не только в C. G. T., но и в социалистической партии.

СТАТЬЯ (ИЛИ ГЛАВА) IV

ЦИММЕРВАЛЬД НА РАСПУТЬИ

28-го декабря пришли в Берн французские газеты с отчетом о конгрессе C. G. T., а 30-го декабря появилось в Бернской и Цюрихской социалистических газетах новое воззвание бернской I. S. K. («Internationale Sozialistische Komission»)—Международной Социалистической Комиссии, исполнительного органа Циммервальдского объединения. В этом воззвании, помеченном концом декабря 1916 года, говорится о предложении мира со стороны Германии, а также Вильсона и других нейтральных стран, при чем все эти правительственные выступления называются—и, разумеется, вполне справедливо называются—«комедиантской игрой в мир», «игрой для одурачения собственных народов», «лицемерными пацифистскими жестикуляциями дипломатов».

Этой комедии и лжи противопоставляется, как «единственная сила», способная осуществить мир и пр., «твердая воля» международного пролетариата «обратить оружие борьбы не на своих братьев, а на врага в собственной стране».

Приведенные цитаты наглядно показывают нам две в корне различные политики, которые до сих пор как бы уживались вместе внутри Циммервальдского объединения и которые окончательно разошлись теперь.

С одной стороны, Турати говорит определенно, и вполне

справедливо, что предложение Германии, Вильсона и т. д. явилось лишь «*перефразировкой*» итальянского «социалистического» пацифизма; заявление немецких социал-шовинистов и голосование французских показывает, что те и другие превосходно оценили пользу пацифистского прикрытия *их* политики.

С другой стороны, воззвание Интернациональной Социалистической Комиссии называет пацифизм всех воюющих и нейтральных правительств комедией и лицемерием.

С одной стороны, Жуо соединяется с Меергеймом, Бурдерон, Лонге и Раффэн-Дюжанс с Реноделем, Самба и Тома, а немецкие социал-шовинисты, Зюдекум, Давид, Шейдеман провозглашают предстоящее «восстановление социал-демократического единства» с Каутским и «социал-демократической трудовой группой».

С другой стороны, воззвание Интернациональной Социалистической Комиссии призывает «социалистические меньшинства» энергично бороться со «своими правительствами» «и с их социал-патриотическими наемниками» (Söldinge).

Или—или.

Разоблачать бессодержательность, нелепость, лицемерие буржуазного пацифизма *и л и* «перефразировывать» его в «социалистический» пацифизм? Бороться ли с Жуо и Реноделями, с Легинами и Давидами, как с «наемниками» правительств, *и л и* объединяться с ними на пустых пацифистских декламациях французского или немецкого образцов?

По этой линии идет теперь водораздел между циммервальдской правой, всегда восставшей из всех сил против раскола с социал-шовинистами, и циммервальдской левой, которая еще в Циммервальде не даром позаботилась публично отгородиться от правой, выступить и на конференции и после нее в печати с особой платформой. Приближение мира, или хотя бы усиленное обсуждение некоторыми буржуазными элементами вопроса о мире не случайно, а неизбежно вызвало особенно наглядное расхождение той и другой политики. Ибо мир всегда рисовался и рисуется буржуазным пацифистам и их «социалистическим» подражателям или перепевателям, как нечто принципиально отличное в том смысле, что идея: «война есть продолжение мирной политики, мир есть продолжение военной политики» оставалась всегда непонятой пацифистами обоих оттенков. Что империалистская война 1914—1917 годов есть продолжение империалистской

политики 1898—1914 годов, если не еще более раннего периода, этого не хотели и не хотят видеть ни буржуа, ни социал-шовинисты. Что мир может быть *теперь*, если не будут революционно свергнуты буржуазные правительства, лишь империалистским миром, продолжающим империалистскую войну, этого не видят ни буржуазные, ни социалистические пацифисты.

Как к оценке данной войны подходили с бессмысленными, вульгарными, обывательскими фразами о нападении или обороне вообще, так и к оценке мира подходят с такими же филистерскими общими местами, забывая о конкретной исторической ситуации, о конкретной действительности борьбы между империалистскими державами. А социал-шовинистам, этим агентам правительств и буржуазии внутри рабочих партий, естественно было ухватиться особенно за приближение мира, даже за разговоры о мире, чтобы *затушевать* вскрытую войною глубину их реформизма, их оппортунизма, чтобы восстановить свое подорванное влияние на массы. Поэтому социал-шовинисты, как мы видели, и в Германии, и во Франции делают усиленные попытки «объединиться» с нетвердой, беспринципной пацифистской частью «оппозиции».

И внутри Циммервальдского объединения, наверное, будут сделаны попытки затушевать расхождение двух непримиримых линий политики. Можно предвидеть двоякие попытки этого рода. «Деляческое» примирение будет состоять просто в том, чтобы механически соединить громкие революционные фразы (каковы, напр., фразы в воззвании Интернациональной Социалистической Комиссии) с оппортунистической и пацифистской практикой. Так было во II Интернационале. Архи-революционные фразы в воззваниях Гюисманса и Вандервельда и в некоторых резолюциях конгрессов только прикрывали архи-оппортунистическую практику большинства европейских партий, не переделывая ее, не подрывая ее, не борясь с ней. Сомнительно, чтобы внутри Циммервальдского объединения могла удаться вновь эта тактика.

«Принципиальные примирители» попробуют преподнести фальсификацию марксизма в духе, напр., такого рассуждения, что реформы не исключают революции, что империалистский мир с известными «улучшениями» границ национальностей или международного права или расходного бюджета

на вооружения и т. п. возможен на-ряду с революционным движением, как «один из моментов развертывания» этого движения и так далее и тому подобное.

Это было бы фальсификацией марксизма. Конечно, реформы не исключают революции. Дело однако идет сейчас не об этом, а о том, чтобы революционеры не исключали *себя* перед реформистами, т.-е. чтобы социалисты не подменяли своей революционной работы реформистскою. Европа переживает революционную ситуацию. Война и дороговизна обостряют ее. Переход от войны к миру вовсе еще не обязательно устраняет ее, ибо ниоткуда не следует, чтобы миллионы рабочих, имеющие теперь в своих руках великолепное вооружение, непременно и безусловно дали себя «мирно разоружить» буржуазии вместо выполнения совета К. Либкнехта, т.-е. обращения оружия против *своей* буржуазии.

Вопрос стоит не так, как его ставят пацифисты, каутскианцы: либо реформистская политическая кампания либо отказ от реформ. Это буржуазная постановка вопроса. На деле вопрос стоит так: либо революционная борьба, побочным продуктом которой, в случае ее неполной удачи, бывают реформы (это доказала вся история революций во всем мире) либо ничего кроме разговоров о реформах и посулов реформ.

Реформизм Каутского, Турати, Бурдерона, выступающий ныне в форме пацифизма, не только оставляет в стороне вопрос о революции (это *уже* есть измена социализму), не только на практике отказывается от всякой систематической и упорной революционной работы, но и доходит до заявлений, что уличные демонстрации суть авантюра (Каутский в «Neue Zeit», 26 ноября 1915 г.), доходит до защиты и до осуществления единства с откровенными и решительными противниками революционной борьбы, Зюдекумами, Легинами, Реноделями, Тома и пр., и проч.

Этот реформизм абсолютно непримирим с революционным марксизмом, который обязан всесторонне использовать настоящую революционную ситуацию в Европе для прямой проповеди революции, свержения буржуазных правительств, завоевания власти вооруженным пролетариатом, нисколько не зарекаясь и не отказываясь использовать реформы для развития борьбы за революцию и в ходе ее.

Ближайшее будущее покажет, как развернется ход событий

в Европе вообще, борьба реформизма-пацифизма с революционным марксизмом в частности, в том числе, и борьба двух частей Циммервальдского объединения.

Н. Л.

Цюрих, 1 января 1917 г. *Т. XIX, стр. 363—378.*

ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ ТЕЗИСОВ ОБРАЩЕНИЯ К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И КО ВСЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

1. С поворотом мировой политики от империалистской войны к открытому выступлению ряда буржуазных правительств за империалистский мир совпадает теперь поворот в развитии мирового социализма.

2. Первый поворот вызывает потоп пацифистских, добреньких и сантиментальных фраз, посулов, обещаний, которыми империалистская буржуазия и империалистские правительства усиливаются одурачить народы и «мирно» перевести их к состоянию послушной расплаты за грабительскую войну, мирно разоружить миллионы пролетариев, полууступочками прикрыть подготовляемые сделки о дележе колоний и о финансовом (при случае и политическом) удушении слабых наций,—сделки, составляющие содержание грядущего империалистского мира и прямое продолжение существующих теперь, особенно заключенных во время войны, тайных грабительских договоров между *всеми* державами *обеих* воюющих империалистских коалиций.

3[1]. Второй поворот состоит в «примирении» предавших социализм и перешедших на сторону буржуазного национализма или империализма социал-шовинистов, как течения, с *правым крылом циммервальдистов*, представляемым Каутским и К⁰ в Германии, Турати и К⁰ в Италии, Лонгэ-Прессман-Merrheim во Франции и т. п. Объединяясь на пустых, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих, пацифистских фразах, на деле *прикрывающих* империалистскую политику и империалистский мир, *подкрашивающих* их, вместо того,

[1] Соединить с § 4.

чтобы разоблачать их, эти два течения делают решительный шаг к величайшему обману рабочих, к укреплению господства в рабочем движении прикрытой социалистическими фразами буржуазной рабочей политики, тех вождей и тех привилегированных прослоек рабочего класса, которые помогали правительствам и буржуазии вести грабительскую империалистскую войну, называя это «защитой отечества».

4. Социал-пацифистская политика или политика социал-пацифистской фразы, получившая теперь преобладание в социалистических партиях главных стран Европы (см. выступление Каутского с пятью пацифистскими статьями в немецкой социал-демократической печати и одновременное заявление вождей социал-империализма в «Chemnitzer Volksstimme»[1] об их полной готовности на мир и единство с каутскианцами на базе пацифистских фраз; пацифистский манифест германской каутскианской оппозиции 7 января 1917 г.; голосование лонгэтистов и Реноделя с К⁰ совместно на съезде социалистической партии во Франции; Жуо и Мергейма, а также Брутшу, на съезде Confédération Générale du Travail[2] *за* резолюции, составленные из обманывающих народ пацифистских фраз; пацифистское такого же рода выступление Турати 17 декабря 1916 г. и защита его позиции всей социалистической итальянской партией,—эта политика при *всех возможных* условиях подготовляемого мира между теперешними, т.-е. *буржуазными* правительствами *обеих* империалистских коалиций означает превращение социалистических и синдикалистских (Жуо и Мергейм) организаций в *орудие* правительственных интриг и тайной империалистской дипломатии.

5. Возможные условия мира, подготовляемого ныне буржуазными правительствами обеих империалистских коалиций, определяются на деле теми *изменениями* в отношениях *силы*, которые произвела и может произвести война. Эти изменения в основных и главных чертах следующие: (а) германская империалистская коалиция до сих пор оказалась гораздо сильнее своей соперницы, и занятые германскими, и союзными с ними, войсками земли являются в их руках *залогом* при новом империалистском разделе мира (колоний, слабых стран, сфер влияния финансового капитала и т. п.), кото-

[1] «Хемницкий голос народа». *Ред.*
[2] Всеобщей Конфедерации Труда. *Ред.*

рый будет лишь формально закреплен миром; (б) английская империалистская коалиция надеется улучшить свое военное положение весной; но (в) истощение, вызванное войной, и, *главное,* трудность для финансовой олигархии ограбить народы *еще* больше, чем это сделано посредством неслыханных «военных прибылей», вызывает, в связи с боязнью пролетарской революции, стремления некоторых буржуазных кругов закончить войну поскорее сделкой между обеими группами империалистских разбойников; (г) в мировой политике виден поворот от коалиции англо-русской против Германии к коалиции (столь же империалистского характера) германо-русской против Англии,—коалиции, основанной на том, что царизм не в силах завоевать Константинополь, обещанный ему тайными договорами с Францией, Англией, Италией и проч., и стремится вознаградить себя за потери разделом Галиции, Армении и, может быть, Румынии и т. п., а также союзом с Германией для грабежа Азии против Англии; (д) другой крупный поворот в мировой политике состоит в гигантском обогащении, на счет Европы, финансового капитала Соединенных Штатов Америки, который увеличил за самое последнее время свои вооружения (как и японский империализм, хотя гораздо более слабый) в неслыханных размерах и который очень рад отвлечь от этих вооружений внимание «своих» рабочих посредством дешевых пацифистских фраз *насчет... Европы!*

6. Эту объективную политическую ситуацию, эту империалистскую действительность буржуазия, боясь пролетарской революции, вынуждена всячески пытаться прикрыть и прикрасить, отвлечь от нее внимание рабочих, одурачить их, и лучшим средством являются ни к чему не обязывающие, лицемерные, обычные для насквозь изолгавшейся дипломатии, фразы насчет «демократического» мира, свободы малых народов «вообще», «ограничения вооружений» и т. п. Такое одурачение народов тем легче совершается империалистской буржуазией, что, говоря, например, о «мире без аннексий», *всякая* буржуазия имеет в виду аннексии своего *соперника* и «скромно умалчивает» об аннексиях, *уже* произведенных *ею самою.* Германцы «забывают», что аннексией их *фактически* является не только Константинополь, Белград, Бухарест, Брюссель, но и Эльзас-Лотарингия, часть Шлезвига, прусская Польша и т. п. Царизм и его лакеи, империалистские буржуа России (Пле-

ханов и Потресов с К⁰ в том числе, т.-е. большинство партий О. К. в России) «забывают», что аннексией России является не только Эрзерум и часть Галиции, но и Финляндия, Украина и т. п. Французские буржуа «забывают», что они вместе с англичанами ограбили колонии Германии. Итальянские буржуа «забывают», что они грабят Триполи, Далмацию, Албанию и т. д. без конца.

7. При таком объективном положении вещей очевидной и безусловной задачей всякой искренней социалистической, всякой честной пролетарской политики (не говоря уже о сознательно-марксистской политике) является в первую голову и прежде всего последовательное, систематичное, смелое, безоговорочное *разоблачение пацифистского и демократического лицемерия своего правительства и своей буржуазии.* Без этого все фразы о социализме, синдикализме, интернационализме—один сплошной обман народа, ибо разоблачать аннексии своих империалистских соперников (все равно, называются ли прямо эти последние или только подразумеваются молча, посредством фраз против аннексий «вообще» и т. п. «дипломатических» приемов сокрытия своих мыслей) составляет прямой интерес и прямой гешефт *всех* продажных журналистов, всех империалистов, в том числе переряженных социалистами, каковы Шейдеман и К⁰, Самба и К⁰, Плеханов и К⁰ и проч.

8. Этой прямой своей обязанности совершенно не поняли Турати и К⁰, Каутский и К⁰, Лонгэ и Мергэйм и К⁰, которые представляют целое течение в международном социализме и которые *на деле, объективно,*—каковы бы ни были их добродетельнейшие намерения—просто помогают каждый «своей» империалистской буржуазии *одурачивать* народы, *подкрашивать* ее империалистские цели. Эти социал-пацифисты, т.-е. социалисты на словах, проводники буржуазно-пацифистского лицемерия на деле, играют ныне совершенно такую же роль, которую в течение веков играли христианские попы, прикрашивая фразами о любви к ближнему и о заповедях христа политику угнетающих классов, рабовладельцев, феодалов, капиталистов, *примиряя* угнетенные классы с их господством.

9. Политика, не обманывающая рабочих, а открывающая им глаза, должна состоять в следующем:

(а) Социалист каждой страны должен именно теперь, когда на очередь встал вопрос о мире, энергичнее, чем вообще,

разоблачать непременно *свое* правительство и *свою* буржуазию, разоблачать заключенные и заключаемые *ими* тайные договоры со *своими* империалистскими союзниками о дележе колоний, о разделе сфер влияния, о совместных финансовых предприятиях в других странах, о скупке акций, о монополиях, концессиях и т. п.

Ибо в этом и только в этом состоит та реальная, действительная, не лживая *основа*, суть, подготовляемого империалистского мира, все остальное—обман народа. Не тот стоит за демократический мир, без аннексий и т. п., кто клянется и божится, повторяя эти слова, а тот, кто *на деле* разоблачает *именно свою* буржуазию, своими *делами* разрушающую эти великие принципы истинного социализма и истинной демократии.

Ибо всякий парламентарий, редактор, секретарь рабочего союза, журналист, общественный деятель *всегда может* собрать скрываемый правительством и финансистами материал, содержащий *правду* о реальных основах империалистских сделок, и *невыполнение* этого долга социалистами есть *измена* с их стороны социализму. Нет сомнения, что *ни одно* правительство не разрешит свободно печатать разоблачения его действительной политики, его договоров, финансовых сделок именно теперь и т. п. Это не довод за отказ от разоблачений. Это довод за необходимость от холопского подчинения цензуре перейти к вольному, т.-е. бесцензурному, т.-е. нелегальному издательству.

Ибо социалист *другой* страны не может разоблачать правительство и буржуазию государства, воюющего с «его» нацией, не только в силу незнания языка, истории, особенностей народа и проч., но и в силу того, что *подобное* разоблачение является *империалистской* интригой, а не *интернационалистским* долгом.

Не тот интернационалист, кто клянется и божится, что он интернационалист, а только тот, кто действительно по-интернационалистски борется со *своей* буржуазией, со *своими* социал-шовинистами, со *своими* каутскианцами.

(б) Социалист каждой страны должен больше всего подчеркивать теперь в своей агитации необходимость полного недоверия не только к каждой политической фразе *своего* правительства, но и к каждой политической фразе *своих* социал-шовинистов, *на деле* служащих этому правительству.

(в) Социалист каждой страны должен больше всего разъяснять массам ту бесспорную истину, что действительно прочный, действительно демократический (без аннексий и т. д.) мир может быть заключен теперь *лишь* при условии, что его будут заключать не теперешние и вообще *не буржуазные* правительства, *а пролетарские* правительства, свергнувшие господство буржуазии и приступившие к ее экспроприации.

Война доказала особенно наглядно и при том практически ту истину, которая до войны повторялась всеми вождями социализма, ныне перешедшими к буржуазии, именно, что современное капиталистическое общество, по крайней мере, в передовых странах, вполне созрело для перехода к социализму. Если в интересах напряжения сил народа для грабительской войны пришлось, например, Германии направлять всю хозяйственную жизнь 66-миллионного народа *из одного центрального учреждения* в интересах сотни-другой финансовых магнатов или дворянчиков, монархии и К°, то *эту вещь* в интересах $^{9}/_{10}$ населения вполне могут сделать неимущие массы, если руководить их борьбой будут сознательные рабочие, освобождаясь от влияния социал-империалистов и социал-пацифистов.

Вся агитация за социализм должна быть из абстрактной и общей переделана в конкретную и непосредственно практическую; сделайте, экспроприируя банки, опираясь на массы, и в ее интересах, *то самое*, что *WUMBA*[1] делает в Германии!

(г) Социалист каждой страны должен разъяснять массам ту бесспорную истину, что если брать слова о «демократическом мире» всерьез, искренне и честно, а не употреблять их как *христианскую* лживую фразу, прикрывающую *империалистский* мир, то рабочие *только* одним способом могли бы действительно *теперь же* действительно осуществить такой мир, именно: *повернув оружие против своего правительства* (т.-е. выполняя совет Карла Либкнехта, осужденного за это на каторгу и сказавшего иными словами то, что наша партия в своем манифесте от 1 ноября 1914 г.[2] назвала превращением империалистской войны в гражданскую войну пролетариата против буржуазии за социализм).

---

[1] *WUMBA*—сокращенное от Waffen und Munitionbeschaffungsamt—ведомство снабжения оружием и боевыми припасами. *Ред.*

[2] См. XVIII т. Сочинений, стр. 61—66. *Ред.*

Когда Базельский манифест 24 ноября 1912 г., подписанный *всеми* социалистическими партиями и имевший в виду *именно ту самую войну,* которая наступила, грозил правительствам *«пролетарской революцией»* именно в связи с грядущей войной, когда он ссылался на Парижскую Коммуну, он говорил правду, от которой ныне трусливо отрекаются изменники социализма. Ибо если парижские рабочие в 1871 г. могли использовать прекрасное вооружение, данное им в руки Наполеоном III в его цезаристских целях, чтобы сделать попытку, геройскую и чествуемую социалистами всего мира, попытку свержения буржуазии и завоевания власти для осуществления социализма,—то в 1000 раз более осуществима, возможна и обещала бы надежды на успех подобная попытка теперь, когда гораздо большее число более организованных, более сознательных рабочих нескольких стран имеет в своих руках гораздо лучшее вооружение и когда массы с каждым днем просвещаются и революционизируются ходом войны. И главным препятствием к началу систематической пропаганды и агитации в этом духе во всех странах является теперь вовсе не «усталость масс», на которую ложно ссылаются Шейдеманы плюс Каутский и т. п.—«массы» не устали еще стрелять и будут стрелять еще весной в больших размерах, если их классовые враги не столкуются о дележе Турции, Румынии, Армении, Африки и проч.,—главным препятствием является доверие части сознательных рабочих к социал-империалистам и социал-пацифистам, и разрушение доверия к этим течениям, *идеям*, видам *политики*, должно стать главной задачей дня.

Насколько осуществима с точки зрения *настроения* самых широких масс такая попытка, может *доказать* только приступ, самый решительный, повсеместный, самый энергичный, к подобной агитации и пропаганде, поддержка, самая искренняя и беззаветная, всех революционных проявлений растущего озлобления масс, тех стачек и демонстраций, которые заставляют представителей буржуазии в России прямо признавать, что революция идет, и которые заставили Гельфериха сказать в рейхстаге: «Лучше держать в тюрьме левых социал-демократов, чем видеть трупы на Потсдамской площади», т.-е. признать, что у агитации левых *есть* почва в массах.

Во всяком случае, альтернатива, которую социалисты ясно должны ставить перед массами, такова: либо продолжать избивать друг друга ради прибылей капиталистов, сносить

дороговизну, голод и иго миллиардных долгов и комедию прикрытого демократическими и реформаторскими посулами империалистского *перемирия*, либо восстание против буржуазии.

Революционная партия, которая открыто перед всем миром грозила правительствам «пролетарской революцией» в случае наступления именно *такой* войны, которая наступила, эта партия морально убивает себя, если не дает рабочим и массам совета направить все помыслы и все усилия на восстание, когда массы превосходно вооружены, великолепно обучены военному искусству и истомлены сознанием нелепости, преступности той империалистской бойни, которой они до сих пор помогают.

(д) Социалисты должны во главу угла своей работы поставить борьбу с реформизмом, который всегда развращал революционное рабочее движение буржуазными идеями и который принял теперь несколько особую форму. Именно: он «опирается» на реформы, которые должна будет провести буржуазия после войны! он ставит вопрос так, будто, проповедуя, пропагандируя, подготовляя социалистическую революцию пролетариата, мы «упускаем из виду» «практическое», «теряем» шансы на реформы.

Вся эта постановка вопроса, обычная и у социал-шовинистов и у сторонников Каутского, который мог назвать «авантюрой» уличные демонстрации, в корне ненаучна, фальшива, буржуазно лжива.

За время войны мировой капитализм сделал шаг вперед не только к концентрации вообще, но и к переходу от монополий вообще к *государственному капитализму* в еще более широких размерах, чем прежде. Экономические реформы в этом направлении неизбежны.

В области политики империалистская война доказала, что именно с точки зрения империалистов *иногда* гораздо выгоднее иметь союзником маленькую, политически самостоятельную, финансово зависимую нацию, чем рисковать ирландскими или чешскими «инцидентами» (т.-е. восстаниями или переходом целых полков на сторону неприятеля) во время войны. Вполне возможно поэтому, что наряду с политикой прямого удушения мелких наций, от которой империализм никогда не сможет отказаться совершенно, он проведет в отдельных случаях политику «добровольного» (т.-е. только финансовым

удушением вызванного) союза с новыми маленькими национальными государствами или ублюдками государств, вроде Польши.

Отсюда отнюдь не вытекает, что социал-демократы, не изменяя себе, могут «голосовать» за подобные «реформы» империалистов или присоединяться к ним.

Только буржуазные реформисты, на позицию которых, по *сути* дела, перешли Каутский, Турати, Мергейм, ставят вопрос так: *или* отказ от революции и тогда реформы, *или* никаких реформ.

Весь опыт мировой истории, как и опыт русской революции 1905 г., учит нас обратному: *либо* революционная классовая борьба, побочным продуктом которой *всегда* бывают реформы (в случае неполного успеха революции), *либо* никаких реформ.

Ибо *единственной действительной* силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс, при том не такая, которая остается только на бумаге, как это было с II Интернационалом, а которая ведет к всесторонней революционной пропаганде, агитации и организации масс самими партиями, идущими во главе, а не в хвосте революции.

Только открыто провозглашая революцию, удаляя из рабочих партий всех противников или «скептических» допускателей ее, только делая *всю* работу партий революционной, социал-демократия в такие «*критические*» эпохи мировой истории, как теперь, может гарантировать массам либо полный успех их дела, в случае поддержки революции очень широкими массами, либо реформы, т.-е. уступки буржуазии, в случае неполного успеха революции.

Иначе, при политике Шейдеманов и Каутских, нет *никаких* гарантий, что реформы не будут сведены до нуля или осуществлены при таких полицейски-реакционных ограничениях, которые *исключат* возможность для пролетариата опереться дальше на них в своей повторной борьбе за революцию.

(е) Социалисты должны серьезно принять к исполнению лозунг Карла Либкнехта. Сочувствие *масс* этому имени одна из *гарантий* возможности и надежности революционной работы. Отношение Шейдемана и К⁰, Каутского и К⁰ к этому имени есть образец лицемерия, *на словах* кланяющегося «Либкнехтам всех стран», *на деле* борющегося с тактикой Либкнехта.

Либкнехт порвал не только с Шейдеманами (Реноделями,

Плехановыми, Биссолати), но и с *течением* Каутского (Лонгэ, Аксельрода, Турати).

Либкнехт провозгласил еще в своем письме в Parteivorstand [1] от *2 октября 1914 года:*

«Ich habe erklärt, dass die deutsche Partei, nach meiner innersten Ueberzeugung, von der Haut bis zum Mark *regeneriert* werden muss, wenn sie das Recht nicht werwirken will, sich social-demokratisch zu nennen, wenn sie sich die jetzt gründlich verscherzte Achtung der Welt wiedererwerben will» («Klassenkampf gegen den Krieg». Material zum Fall Liebknecht. Seite 22) (Geheim gedruckt in Deutschland: «Als Manuskript gedruckt») [2].

Все партии должны принять этот лозунг Либкнехта, и смешно, конечно, было бы думать о возможности выполнить этот лозунг без исключения из партии Шейдеманов, Легинов, Реноделей, Самба, Плехановых, Вандервельде и К°, или без разрыва с политикой уступок направлению Каутского, Турати, Лонгэ, Мергейма.

* * *

10. Мы предлагаем, поэтому, созыв конференции циммервальдцев и ставим следующие предложения этой конференции:

(1) Решительно, безоговорочно отвергнуть, как буржуазный реформизм (на основе вышеизложенных тезисов), социалистический пацифизм определенного направления: Лонгэ-Мергейма, Каутского, Турати и т. д., который принципиально отвергнут уже в Кинтале и должен быть отвергнут в его конкретной защите названными представителями *течений.*

(2) Объявить столь же решительный разрыв с социал-шовинизмом и в организационном отношении.

(3) Указать рабочему классу его непосредственные и неотложные революционные задачи именно в связи с истощением

---

[1] Правление партии. *Ред.*

[2] «Я заявил, что германской партии, по моему глубочайшему убеждению, нужна ***регенерация*** сверху донизу, если она не хочет потерять права называться социал-демократической, если она намерена восстановить свой, в настоящее время основательно потрепанный, престиж в глазах мира» («Классовая борьба против войны». Материалы к делу Либкнехта. Стр. 22). (Конспиративно напечатано в Германии «Напечатано на правах рукописи».) *Ред.*

терпения масс войной и ложью прекраснодушных пацифистских фраз буржуазии.

(4) Открыто признать и осудить полный разрыв со всем духом и всеми решениями Циммервальда и Кинталя как политики итальянской социалистической партии, вставшей именно на путь пацифизма, так и политики швейцарской социал-демократической партии, вотировавшей допустимость косвенных налогов в Цюрихе 4 ноября 1916 г., проведшей 7 января 1917, благодаря союзу «центровика» Р. Гримма с социал-патриотами Грейлихом, Г. Мюллером и К⁰, отсрочку на неопределенное время специального партийного съезда, назначенного на 11 февраля 1917 г. для обсуждения военного вопроса, и сносящей ныне молча прямой ультиматум тех же социал-патриотических вождей, открыто грозящих сложить мандаты, если партия отклонит защиту отечества.

Печальный опыт II Интернационала достаточно показал глубокий вред той практики, когда «общие», в общих фразах формулированные, революционные решения сопровождаются *на деле* реформистской практикой,—когда прокламирование интернационализма сопровождается отказом от действительно интернационалистского *совместного* обсуждения коренных вопросов тактики каждой отдельной партии, составляющей часть интернационального объединения.

Наша партия уже перед Циммервальдом и на конференции в Циммервальде сочла долгом ознакомить товарищей с нашим бесповоротным осуждением пацифизма, абстрактной проповеди мира, как буржуазного обмана (резолюция нашей партии, розданная в Циммервальде по-немецки в брошюре «Социализм и война»[1] и по-французски в листке с переводом резолюций). *Циммервальдская левая*, в образовании которой мы принимали участие, сорганизовалась отдельно в том же Циммервальде именно для того, чтобы показать, что мы поддерживаем циммервальдское объединение, *поскольку* оно борется с социал-шовинизмом.

Именно теперь окончательно обнаружилось, по нашему глубокому убеждению, что циммервальдское большинство или циммервальдская правая *вполне* повернула не к борьбе с социал-шовинизмом, а к сдаче всех позиций, к слиянию с ним на платформе пустых пацифистских фраз. И мы считаем

[1] См. XVIII т. Сочинений, стр. 185—223. *Ред.*

своим долгом заявить открыто, что поддержка иллюзий насчет единства Циммервальда и борьбы его за III Интернационал при таких условиях наносит величайший вред рабочему движению. Не как «угрозу» и не как «ультиматум», а как открытое сообщение своего решения мы заявляем, что при неизменности этого положения мы не останемся членами циммервальдского объединения.

Написано в первых числах января 1917 г.

Т. XXX, стр. 294—303.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ШАРЛЮ НЕНУ, ЧЛЕНУ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В БЕРНЕ

Уважаемый товарищ! Выступление господина национального советника Роберта Гримма 7 января тек. г. на заседании правления партии вместе со всеми социал-националистами и в значительной степени во главе их *за* резолюцию об отсрочке партийного съезда переполняет чашу терпения и окончательно разоблачает г-на национального советника Р. Гримма.

Председатель Международной Социалистической Комиссии, выбранной в Циммервальде, председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций, самый «авторитетный» представитель перед всем миром всего циммервальдского объединения, выступает вместе с социал-патриотами и во главе их, как прямой изменник Циммервальду, выступает с предложением сорвать партийный съезд, давно и специально назначенный для решения—в самой свободной и, по условиям места и времени, самой интернационально влиятельной стране Европы—для решения вопроса о защите отечества в империалистской войне!!

Можно ли молчать? можно ли сохранять спокойствие пред лицом такого факта, который навсегда опозорил бы, навсегда превратил бы в комедию все циммервальдское движение, если бы с г-на национального советника Р. Гримма не была сорвана маска?

Швейцарская социалистическая партия—единственная из европейских социалистических партий, которая прямо и офи-

циально, на открытом съезде, без помехи военной цензуры и военных властей примкнула к Циммервальду, поддержала его, дала двух членов Международной Социалистической Комиссии, выступила перед всем миром, как главнейшая представительница циммервальдского движения, если не говорить об итальянской партии, поставленной в неизмеримо более трудные условия вследствие гнета военного положения. И вот, в швейцарской социалистической партии, которая на своем съезде в Цюрихе, 4—5. XI 1916, окончательно решила—после проволочек, вызванных, между прочим, борьбой против откровенных социал-патриотов, только осенью 1916 г. отколовшихся от партии в особый Grütli-Verein,—решила созвать особый партийный съезд в феврале 1917 г. в Берне для решения военного вопроса и вопроса о защите отечества,—в этой партии нашлись люди, которые решили не допустить этого съезда, сорвать его, не дать рабочим *самим*, и притом именно во время войны, обсудить и решить вопрос об отношении к военщине и к защите отечества.

И во главе этих людей, политика которых бьет в лицо всему циммервальдскому движению, оказался председатель Международной Социалистической Комиссии!

Разве это не полная измена Циммервальду? Разве это не *оплевание* всех циммервальдских решений?

Стоит взглянуть хотя бы на некоторые из тех мотивов, которыми официально объясняется отсрочка съезда, чтобы понять все значение этой меры.

«Рабочие, видите ли, не готовы» еще решать этот вопрос!

Во всех манифестах, во всех резолюциях Циммервальда и Кинталя говорится много и много раз о том, что защита отечества в империалистской войне, войне между двумя империалистскими коалициями, войне из-за грабежа колоний и удушения слабых наций есть измена социализму все равно, относится ли это к «великим державам» или к маленьким нациям, сохранившим до поры до времени свою нейтральность. На десятки ладов повторяется эта мысль во всех официальных документах Циммервальда и Кинталя. В сотнях статей и заметок все социалистические газеты Швейцарии и особенно «Berner Tagwacht», редактируемая г-ном национальным советником Р. Гриммом, жевала и пережевывала эту мысль. В заявлениях симпатии К. Либкнехту, Хёглунду, Маклину и т. п. сотни раз подчеркивалось общее всем

циммервальдцам убеждение, что эти люди *верно* поняли положение и интересы *массы*, что сочувствие именно *массы*, т.-е. большинства угнетенных и эксплуатируемых, на *их* стороне, что пролетарии своим классовым инстинктом—всюду, и в «великой» воюющей Германии, и в маленькой нейтральной Швеции—схватывают ту истину, что защита отечества в империалистской войне есть *измена социализму*.

А теперь председатель Международной Социалистической Комиссии, при восторженном одобрении и горячей поддержке всех *определенных* представителей социал-патриотизма внутри швейцарской социалистической партии, H. Greulich'a, Huber'a, P. Pflüger'a, Manz-Schäppi и т. д. и т. п., выступает с лицемерным и лживым доводом, будто съезд партии откладывается, ибо «рабочие не готовы».

Это—возмутительное, непереносное лицемерие и ложь. Всем известно—и газета *Grütlianer* открыто печатает эту горькую правду,—что съезд откладывают потому, что названные социал-патриоты *боятся* рабочих, *боятся* рабочего решения против защиты отечества, *грозят* сложить свои мандаты в нац.-рате, если пройдет решение об отказе от защиты отечества. Социал-патриотические «вожди» швейцарской социалистической партии, стоящие и по сю пору, $2^1/_2$ года спустя после начала войны, за «защиту отечества», т.-е. за *защиту* империалистской буржуазии той или другой коалиции, эти вожди решили *сорвать съезд*, сорвать волю швейцарских социалистических рабочих, не позволить им обсудить во время войны, определить свое отношение к войне, к «защитникам отечества», т.-е. к лакеям империалистской буржуазии.

Вот в чем настоящая, всем прекрасно известная, причина отсрочки съезда, вот в чем измена Циммервальду председателя Международной Социалистической Комиссии, перебежавшего на сторону социал-патриотов швейцарской социалистической партии *против* швейцарских сознательных рабочих!

Вот в чем горькая правда, которую уже высказал откровенно социал-патриотический «Grütlianer», между прочим всегда наилучше осведомленный о том, что думают и делают *грютлианские* вожди, Грейлих, Пфлюгер, Huber, Manz-Schäppi и К°, *внутри* социалистической партии,—между прочим, писавший *за три дня* до заседания 7—I. 1917 года[1]:

[1] Здесь в рукописи пропуск. *Ред.*

Другой «официальный» мотив отсрочки съезда: комиссия, специально выбранная в декабре или даже ноябре 1916 г. для составления резолюций по военному вопросу, «не пришла к единогласию»!!

Точно Гримм и К⁰ не знали раньше, что единогласие *невозможно* по такому вопросу в швейцарской социалистической партии, если в ней остаются, не переходя в социал-патриотическую грютли-партию, такие «вожди», как Грейлих, Пфлюгер, Г. Мюллер, Губер, Манц-Шеппи, Отто Ланг и прочие, *вполне* разделяющие социал-патриотическую точку зрения «Грютли-союза» и лишь *обманывающие* социалистических рабочих своим участием в *социалистической* партии!

Точно летом 1916 года Гримм и К⁰ не видели ясно, что единогласия нет и быть не может по вопросу о защите отечества, ибо летом 1916 г. были напечатаны *социал-патриотические* тезисы Пфлюгера, Г. Мюллера и др., а Гримм, разумеется, тысячи *раз не мог не видеть* в *National-Rath'e*[1] социал-патриотических взглядов Грейлиха и К⁰, если не большинства членов социал-демократической фракции в National-Rath'e!

Гримм и К⁰ желают обманывать социалистических рабочих Швейцарии. Поэтому, назначая комиссию, они *не опубликовали* имен ее членов. А «Grütlianer» сказал *правду*, опубликовав эти имена и добавив, как само собою разумеющуюся, истину, всем известную истину, что единогласного решения *подобная* комиссия вынести не может!

Чтобы обманывать рабочих, Гримм и К⁰ *не* приняли постановления *немедленно* опубликовать резолюции комиссии, *скрывая* от рабочих правду. А резолюции давно готовы и *даже конфиденциально напечатаны!!*

Как и следовало ожидать, имена Huber, Pflüger, Klöti, G. Müller[2] значатся под резолюцией, *признающей* «защиту отечества», т.-е. оправдывающей *измену социализму* во время войны, империалистский характер которой разоблачен уже 1000 раз!! Имена Nobs, Affolter, Schneider, Naine, Graber[3] значатся под резолюцией, *отвергающей* «защиту отечества».

Посмотрите же, какую бесстыдную, бессовестную игру с социалистическими рабочими ведут Гримм и социал-патриоты:

[1] Национальном Совете. *Ред.*
[2] Губер, Пфлюгер, Клоти, Г. Мюллер. *Ред.*
[3] Нобс, Аффольтер, Шнейдер, Нэн, Грабер. *Ред.*

Они кричат, что рабочие не готовы, и кричат это как раз тогда, когда *сами* же эти вожди *скрывают* от рабочих *уже готовые резолюции*, определенно ставящие перед рабочими два круга идей, *две* непримиримые политики, политику социал-патриотическую и политику циммервальдскую!

Гримм и социал-патриоты—бессовестные обманщики рабочих, ибо они именно и решили сорвать съезд, не опубликовать резолюций, не дать рабочим открыто взвесить и обсудить обе политики, и они же кричат о «неподготовленности» рабочих!

Другие «официальные» доводы за отсрочку съезда: надо бороться с дороговизной, надо вести выборную кампанию и т. п.

Эти доводы—просто издевательство над рабочими. Кто же не знает, что мы—социал-демократы *не* против борьбы за реформы, но в отличие от социал-патриотов, в отличие от оппортунистов и реформистов *мы не ограничиваемся* борьбой за реформы, а *подчиняем* ее борьбе за революцию? Кто не знает, что именно эта политика изложена неоднократно в манифестах Циммервальда и Кинталя? Мы не против выборов и реформ для ослабления дороговизны, но *на первую очередь* мы ставим открытое заявление перед массами *правды*, именно: что *нельзя* преодолеть дороговизны иначе как экспроприируя банки и крупные предприятия, т.-е. совершая социальную революцию.

А к чему зовет пролетариат *каждый* манифест циммервальдского объединения в *ответ* на войну? в *связи* с войной?

К революционной массовой борьбе, к обращению оружия против врага в собственной стране (см. последнее обращение Internationale Sozialistische Kommission «an die Arbeiterklasse»[1], от конца декабря 1916 г.), т.-е. к обращению оружия против *своей* буржуазии, *своего* правительства.

Неужели не ясно отсюда для всякого, сколько-нибудь умеющего думать, человека, что именно политика *отказа* от защиты отечества *связана* с действительно революционной, с действительно социалистической борьбой против дороговизны? с действительно социалистическим, а не буржуазно-реформистским, использованием выборной кампании?

Неужели не ясно, что именно социал-патриотическая поли-

[1] «К рабочему классу». *Ред.*

тика, политика «защиты отечества» в империалистской войне, есть политика реформизма, т.-е. буржуазно-реформистской, *а не* социалистической борьбы с дороговизной, борьбы во время выборной кампании?

Как же можно «*откладывать*» съезд, решающий вопрос о «защите отечества» (т.-е. о выборе *между* социал-патриотической *и* социалистической политикой), «под предлогом» борьбы с дороговизной и т. п.?? Этим фальшивым, лживым доводом Гримм и социал-патриоты хотят *затушевать* от рабочих ту правду, что они и борьбу с дороговизной, и выборы, и пр. хотят проводить в буржуазно-реформистском, а не в циммервальдском духе?

6-го августа 1916 г. в Цюрихе Гримм выступал перед 115 Arbeitervertrauensleute aus der ganzen Schweiz[1], и он развил перед ними именно буржуазно-реформистскую и только реформистскую борьбу с дороговизной! Гримм «твердою поступью» идет к *своей цели:* к сближению с социал-патриотами *против* социалистических рабочих, *против* Циммервальда.

Но что особенно отвратительно при этом, так это то, что Гримм *прикрывает* свой переход на сторону социал-патриотов *усиленной* бранью против социал-патриотов *не-швейцарских.* Вот где один из самых глубоких корней измены Гримма, вот где один из самых глубоких источников всей той политики обмана, которую вскрыло 7-ое января 1917 года.

Посмотрите на *Berner Tagwacht:* каких только ругательных слов не расточала эта газета по адресу социал-патриотов русских, французских, английских, немецких, австрийских, одним словом, всех... кроме швейцарских! Гримм договорился до того, что назвал немецкого социал-патриота Эберта, члена Parteivorstand'a германской социал-демократической партии «einen Rausschmeisser in einem Bordell»[2] («Berner Tagwacht» №... от...).

Не правда ли, какой храбрец этот Гримм? Какой рыцарский воин этот Гримм? Как мужественно нападает он из Берна на социал-патриотов... в Берлине! Как благородно этот рыцарь *умалчивает* о социал-патриотах... *в Берне и в Цюрихе!*

Но чем же отличается Эберт в Берлине от Грейлиха,

[1] Ответственными работниками партии со всей Швейцарии. *Ред.*
[2] «Вышибалой публичного дома». *Ред.*

Манц-Шеппи, Пфлюгера в Цюрихе? от Густава Мюллера, Шнеебергера, Дюрра в Берне? *Решительно ничем. Они все— социал-патриоты.* Они все стоят на совершенно одинаковой принципиальной позиции. Они все проводят в массу идеи *не* социалистические, *а* «грютлиановские», т.-е. реформистские, националистские, буржуазные.

Когда Гримм летом 1916 г. составил свои тезисы по военному вопросу и составил их умышленно длинно и неясно, надеясь обмануть и левых и правых, надеясь «сыграть» на расхождении тех и других, он закончил эти тезисы следующей фразой:

«Органы партии и профессиональных союзов должны войти в соглашение между собой» (именно на случай угрозы войной и необходимости революционных массовых действий).

Но кто стоит во главе профессиональных союзов Швейцарии? Между прочим именно Шнеебергер и Дюрр, которые оба подписывали летом 1916 г. газету «Schweizerische Metallarbeiterzeitung»[1] как редакторы, вели эту газету в реакционном реформистском, социал-патриотическом духе, *прямо* заявляя, что они *за* «защиту отечества», *прямо* восставая против *всей* политики Циммервальда?

А во главе швейцарской социалистической партии, как доказало еще и еще раз 7-ое января 1917 года, стоят социал-патриоты Грейлих, Пфлюгер, Манц-Шеппи, Губер и т. д. и т. п. Итак, что же мы получаем?

Мы получаем, что Гримм в своих тезах предлагал партии поручить руководство революционных массовых действий *против войны как раз* социал-патриотам, Шнеебергерам, Дюррам, Грейлихам, Пфлюгерам и К°! Как раз *противникам* таких действий, как раз *реформистам!!*

Теперь, после 7 января 1917 года, вся «тактика» Гримма разоблачена до конца.

Он хочет считаться вождем левых, председателем Интернациональной Социалистической Комиссии, представителем и руководителем циммервальдистов, он обманывает рабочих какими угодно «ррреволюционными» фразами, *на деле прикрывая* ими старую социал-патриотическую, буржуазно-реформистскую практику партии.

Он клянется и божится, что он сочувствует К. Либкнехту,

---

[1] «Газета швейцарских металлистов». *Ред.*

Хеглунду и т. п., что он *их* сторонник, что он *их* политику проводит.

Но К. Либкнехт в Германии, Хеглунд в маленькой нейтральной Швеции боролись *не с иностранными, а* с своими собственными социал-патриотами, они нападали на реформистов и националистов у себя в Берлине, у себя в Стокгольме, а не в других странах. Они снискали себе своим беспощадным разоблачением социал-патриотов почетную ненависть *берлинских* и *стокгольмских* Грейлихов, Пфлюгеров, Шнеебергеров, Дюрров.

Неужели трудно понять, что когда французские шовинисты хвалят немца Либкнехта, а немецкие англичанина Маклина, то они поступают как мошенники, желая «интернационалистскими» фразами похвалы *чужому* интернационализму прикрыть *свой* национализм? Неужели трудно понять, что совершенно так же поступает Гримм, когда ругает социал-патриотов всех стран *кроме* Швейцарии и делает это именно для того, чтобы прикрыть свой переход на сторону швейцарских социал-патриотов?

Гримм обругал германского социал-патриота Эберта «Rausschmeisser in einem Bordell» за *то,* что он украл у немецких рабочих «Vorwärts»,—за то, что он, крича о расколе, *вышиб* и вышибает из партии левых.

Ну, а что делает Гримм у себя дома, в Швейцарии, вместе с печальными героями печального 7-го января 1917 г.?

А Гримм не украл у швейцарских рабочих обещанного им торжественно специального съезда по вопросу о защите отечества? А Гримм, крича о расколе, не подготовляет исключения из партии циммервальдистов?

Не будем же детски наивны, посмотрим же правде прямо в лицо!

На собрании 7-го января 1917 г. новые друзья и покровители Гримма, социал-патриоты, вместе с ним, кричали против раскола, при чем особенно обвиняли в раскольничестве организацию молодежи, а один крикнул секретарю партии Платтену, что Платтен «er sei kein Parteisekretär, er sei Parteiverräter» [1].

Неужели можно молчать, когда такие вещи говорятся и когда «вожди» хотят скрыть их от партии? Неужели швей-

[1] «Он—не секретарь партии, он—предатель партии». *Ред.*

царские социалистические рабочие не возмутятся подобными приемами?

В чем вина союза молодежи и Платтена? Только в том, что они искренние сторонники Циммервальда, искренние циммервальдисты, а не карьеристы. Только в том, что он *против* отсрочки съезда. И если сплетники кричат, будто против отсрочки съезда, как и вообще «против его величества Гримма», выступают только циммервальдские левые, как особая фракция, так разве не доказало 7-ое января 1917 года, что это сплетня? Разве не выступили против Гримма вы, тов. Ш. Нэн, никогда не примыкавший ни прямо ни косвенно, ни формально ни неформально, к циммервальдским левым?

Обвинение в расколе! Вот поистине избитое обвинение, с которым теперь во всех странах выступают как раз социал-патриоты всех стран для прикрытия того, как *они* вышибают из партии Либкнехтов и Хёглундов.

Написано в январе 1917 г.

Т. XIX, стр. 393—400.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

[В ХРИСТИАНИЮ]

17 февраля 1917 г. [Цюрих.]

Дорогая А. М.! Сегодня получили Ваше письмо и очень были рады ему. Мы долго не знали, что Вы в Америке, и не имели от Вас писем кроме одного с известием об отъезде Вашем из Америки.

Я написал Вам числа 7—8 января[1] (день отсылки письма из Стокгольма—прямо отсюда в Америку все перехватывают французы!), но Вас это письмо (со статьей для «Нового Мира») явно уже не застало в Нью-Йорке.

Насколько было приятно узнать от Вас о победе Николая Ивановича[2] и Павлова[3] в «Новом Мире» (я получаю эту газету дьявольски неаккуратно по вине, явно, почты, а не экспедиции самой газеты),—настолько же печально известие

---

1 Письмо это не разыскано. *Ред.*
2 Н. И. Бухарина. *Ред.*
3 П. В. Берзина. *Ред.*

о блоке Троцкого с правыми для борьбы против Николая Ивановича. Этакая свинья этот Троцкий—левые фразы и блок с правыми против цели левых!! Надо бы его разоблачить (Вам) хотя бы кратким письмом в «Социал-Демократ»!

Номер 1 «Internationalist»[1] уже получил и очень обрадовался. О конференции Socialist Labour Party и Socialist Party[2] 6—7 января 1917 г. имею неполные сведения. Кажись, Socialist Labour Party выкидывает всю программу-minimum (вот соблазн и опасность для Бухарина, который «на ефтом самом месте» спотыкался у нас с 1915 года!!). Крайне жаль, что не могу собрать всех документов о Socialist Labour Party (просил об этом Бухарина, но письма явно пропадают). Нет ли у вас материалов? Я бы мог вернуть по прочтении.

Я готовлю (почти приготовил материал) статью по вопросу об отношении марксизма к государству. Пришел к выводам еще резче против Каутского, чем против Бухарина (видели его «Nota Bene» в № 6 «Jugend-Internationale»?[3] и «Сборник «Социал-Демократа»» № 2?). Вопрос архиважный; Бухарин гораздо лучше Каутского, но ошибки Бухарина могут *погубить* это «правое дело» в борьбе с каутскианством.

Пришлю Вам свою статью о самоопределении против П. Киевского. Эх, жаль денег нет! Мы бы издали «Сборник «Социал-Демократа»» № 3 (весь материал *лежит*) и № 4 (статью Бухарина, которую мы отклонили сначала, о государстве, и мою статью о государстве)!

Циммервальдская правая, по-моему, идейно похоронила Циммервальд: Bourderon + Merrheim[4] в Париже голосовали за *пацифизм*, Kautsky[5] тоже 7 января 1917 г. в Берлине, Турати (17 декабря 1916 г.!!) и вся итальянская партия тоже. Это—смерть Циммервальда!! На словах *осудили* «социал-пацифизм» (см. кинтальскую резолюцию), а на деле повернули к нему!!

Гримм подло повернул к социал-патриотам внутри швейцарской партии (наш друг в Стокгольме пришлет Вам материал об этом), войдя в блок с ними 7 января 1917 г.

---

[1] «Интернационалист». *Ред.*
[2] Социалистическая партия. *Ред.*
[3] «Интернационал молодежи». *Ред.*
[4] Бурдерон + Меррегейм. *Ред.*
[5] Каутский. *Ред.*

(Parteivorstandsitzung[1] *против левых* за отсрочку съезда!! А теперь еще подлее напал на левых за Begründung des Referendums[2] (пришлем) и составил «среднюю», «центровскую» резолюцию. Имеете ли, можете ли достать Züricher «Volksrecht»?[3] Если нет, кое-что пришлем или постараемся.

Завтра (18 февраля) съезд шведской партии. Вероятно, раскол? Кажись, у молодых разброд и путаница *дьявольские*. Знаете ли Вы по-шведски? Можете ли наладить сотрудничество (мое и др. левых) в газете шведских молодых?

Отвечайте, пожалуйста, хоть кратко, но *быстро*, аккуратно, ибо нам страшно важно наладить *хорошую* переписку с Вами.

Лучшие приветы!

Ваш *Ленин*.

Т. XXIX, стр. 290—291.

ПИСЬМО А. М. КОЛЛОНТАЙ

5. III. 1917.

Дорогая А. М.! Газетные известия говорят о созыве на 12. V съезда молодых в Швеции для основания новой партии «на циммервальдских принципах».

Меня, признаться, это известие особенно волнует и возмущает. Ибо «Циммервальд» явно обанкрутился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили! Циммервальдское большинство это—Турати и К⁰, Каутский с Ледебуром, Merrheim—*все* перешло на позицию социал-пацифизма, осужденного столь торжественно (и столь бесплодно!) в Кинтале. Манифест Каутского и К⁰ от 7. I. 1917, ряд резолюций итальянской социалистической партии, резолюции Меррегейма—Жуо и Лонгэ—Бурдерона (+ Раффена Дюжанса в *единогласии* с Реноделем), разве это не банкротство Циммервальда? А Циммервальдский «центр»—Р. Гримм, который 7. I. 1917 вошел в *союз* с социал-патриотами Швейцарии для борьбы против левых!! Гримм, ругающий социал-патриотов *всех* стран,

---

[1] Заседания Правления партии. *Ред.*
[2] Обоснование референдума. *Ред.*
[3] Цюрихское «Народное Право». *Ред.*

кроме швейцарских, коих он *прикрывает!* C'est dégoûtant [1]. Я вне себя от бешенства на этих подлецов: противно слышать их и об них; противно еще более думать о работе вместе с ними. Комедиантство!

Собираемся собрать для Вас материалы об этом крахе Р. Гримма. Ответьте, можете ли достать züricher «Volksrecht» [2]. Там в *мотивах* референдума и в резолюции *левых* в Töss (11. II. 1917) и др. Вы найдете *главный* материал.

Но ведь шведские-то левые, *наверное*, в большинстве искренни. Это ясно. И надо во что бы то ни стало помочь им до 12. V, *заранее* понять всю пошлость социал-пацифизма и каутскианства, помочь им понять всю гнусность циммервальдского большинства; помочь им выработать себе хорошую программу и тактику для новой партии.

Ее-ей, нам надо (всем нам, левым в Швеции и могущим снестись с ними) сплотиться, напречь все усилия, помочь, ибо момент в жизни шведской партии, шведского *и скандинавского* рабочего движения *решительный.*

Раз Вы читаете по-шведски (и говорите тоже), на Вас ложится большая доза ответственности, если мы понимаем «интернационализм» не в смысле «моя хата с краю».

Я уверен, что Вы делаете очень многое. Хотелось бы сплотить, объединить левых для помощи шведам в столь трудный момент их жизни. Нельзя ли сорганизовать для этого в Христиании, Копенгагене и Стокгольме группу русских большевиков и левых, знающих по-шведски и могущих помочь? Разделить работу: собрать главные документы и статьи (мне послали полемику Нермана с Mauritz Västberg в Politiken [3] 28. XI. 1916 на тему «сначала программа, потом новая партия», но я не мог понять); выработать на помощь им свои тезисы; поместить на помощь им ряд статей. Шведы, могущие *писать* по-немецки, французски или английски, могли бы тоже войти в такую группу.

Как по-Вашему, возможно это или нет? Стоит повозиться над этим!

По-моему, стоит, но издали, со стороны я, конечно, не в состоянии судить. Я вижу только и *знаю* самым твердым

---

[1] Это отвратительно! *Ред.*
[2] Цюрихское «Народное Право». *Ред.*
[3] Мориц Вестберг в «Политикене». *Ред.*

образом, что вопрос о программе и тактике *нового* социализма, действительно революционного марксизма, а не поганого каутскизма, *стоит* на очереди дня *везде*. Это видно и по Socialist Labour Party [1] и «The Internationalist» [2] в Америке, и по данным о Германии (резолюции левых 7. I. 1917), и о Франции (брошюрка левых в Париже: «Les sociatistes de Zimmerwald et la guerre» [3]) *и т. д.*

В Дании *Трир* и др., наверное, примкнули бы к делу создания левой, *марксистской*, партии в Скандинавии; часть норвежских левых тоже. Борьба с Брантингом и К⁰ дело серьезное: нужда *должна* заставить посерьезнее отнестись к вопросам теории и тактики революционного марксизма.

По-моему, следовало бы двинуть работу подготовки к 12. V *немедленно* и с *трех* сторон одновременно: (1) группа помощи, о чем говорено выше; (2) группы скандинавских левых: напишите статейку (в шведских газетах) о необходимости основать *тотчас* такие группы для подготовки программы и тактики к 12. V.

(3)—третье меня особенно интересует *не* потому, что это самое важное (важнее инициативы изнутри), а потому, что *мы* можем тут помочь. Если бы, напр., Вы *сейчас* же, пересмотрев главную литературу левых и правых в Швеции, набросали *на основе ее* тезисы такого рода: теоретические (программные) и практические (тактические) разногласия: защита отечества; понятие империализма; характер войны; разоружение; социал-пацифизм; национальный вопрос; революция; «массовые действия»; диктатура пролетариата; гражданская война; отношение к профессиональным союзам; оппортунизм и борьба с ним *и т. д.*

Каждый тезис должен бы включать: (а) то, что̀ сказали («*с у т ь*») об этом левые в Швеции; (б) правые там же.

На основе этого, считаясь с позицией левых в России, Германии, Америке (главные страны в этом отношении), мы бы могли выработать свои тезисы и, опубликовав их по-шведски, *помочь* шведам вести подготовку к 12. V.

Некоторые *главные* места из *главнейших* резолюций и статей правого и левого крыла в Швеции надо бы для этого

---

[1] Социалистическая Рабочая партия. *Ред.*
[2] «Интернационалист». *Ред.*
[3] «Социалисты Циммервальда и война». *Ред.*

перевести на русский, или немецкий, или французский, или английский язык.

В сущности, морально и политически мы все ответственны за шведских молодых и должны помочь им.

Ваше положение архи-благоприятно для такой помощи. Пишите тотчас, что̀ Вы об этом думаете. Письмо это, пожалуй, полезно переслать и Людмиле вместе с Вашими соображениями.

Что за фигура Lindhagen? «с.-р.»? «народник»? «радикал-социалист»? Эрвэ?

Жму крепко руку и желаю всяких успехов.

Ваш *Ленин.*

Т. XIX, стр. 401—403.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, объединенной Центральным Комитетом (в отличие от *другой* партии, носящей *то же самое* название, но объединенной Организационным Комитетом), шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если *открытые* социал-патриоты и оппортунисты, швейцарские «грютлианцы», перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди *открыто* приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение,—если *прикрытые* социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в *прикрытой* форме такую же политику,—то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны, выступая по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые, в числе едва ли большем, чем 10—15 человек, были членами швейцарской социалистической партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения «Циммервальдской левой», решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так-называемого «центра», к которому принадлежат Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Жак Шмидт и др. в Швейцарии, Каутский, Гаазе, «Arbeitsgemeinschaft»[1] в Германии, Лонгэ, Прессман и др. во Франции, Сноуден, Рамсэй Макдональд и др. в Англии, Турати, Тревес и их друзья в Италии, названная выше партия «Организационного Комитета» (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Freie Jugend»[2], которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Töss[3] резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу, которые издали и распространили в некоторых местностях Французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на французском и немецком языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников империалистского правительства Гучкова—Милюкова и К°, непримиримых противников продолжения Россиею *империалистской* войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем

---

[1] «Рабочее содружество». *Ред.*

[2] «Свободная юность». *Ред.*

[3] Тесс. *Ред.*

необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободы.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете «Социал-Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 года[1]. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется *республиканское* правительство, желающее продолжать *империалистскую* войну, войну в союзе с империалистской буржуазией Англии и Франции, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем *против* «защиты отечества» в *такой* войне.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие, решающие посты принадлежат *монархистам* Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть русских рабочих посредством лозунга «немцы должны свергнуть Вильгельма» (правильно! но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и пр. своих королей, а русские своих монархистов, Львова и Гучкова??). Это правительство пытается посредством такого лозунга и *не* публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр., *и которые подтверждены правительством Гучкова—Милюкова—Керенского,*—выдать за «оборонительную» (т.-е. справедливую, законную даже с точки зрения пролетариата) свою *империалистскую* войну с Германией—выдать за «защиту» русской республики (которой в России *еще* нет и которую Львовы и Гучковы даже и *не пообещали* еще учредить!), защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и проч.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения,

---

[1] См. XVIII том Сочинений, ст. «Несколько тезисов. От редакции». *Ред.*

указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде гг. Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией «центра», партией «Организационного Комитета», партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: «пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной»,—если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы *и раньше* всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова—Милюкова! Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно Гучковское правительство *вело уже* переговоры о восстановлении монархии в России. *Только* вооружение и организация пролетариата способны *помешать* Гучковым и К⁰ *восстановить* монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России *и всей Европы* способен избавить человечество от ужасов империалистской войны!

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистским авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В номере 47 «Социал-Демократа» мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти *тотчас?* Мы ответили: 1) мы немедленно предложили бы мир *всем* воюющим народам; 2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении *всех* колоний и *всех* угнетенных или неполноправных народов; 3) мы немедленно начали и довели бы до конца освобождение народов угнетенных великороссами; 4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы *неприемлемы* не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, *и не* только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную войну против немецкой и не одной только немецкой буржуазии. *Мы повели бы ее.* Мы не пацифисты. Мы противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы

всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые *могут* оказаться необходимыми *в интересах социализма.*

Задача, которую мы обрисовали в № 47 «Социал-Демократа», гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а *объективные условия*, созданные империалистской войной, завели *все* человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру, или передать власть во *всех* цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России *менее* организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России *на известное, может быть очень короткое, время* застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия—крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков на основе опыта 1905 года, *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 года, и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи мы будем бороться и впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса *может* довести неизбежный и назревший аграрный переворот до *конфискации* всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг

выставляли мы всегда, и его выставили теперь в Петербурге и Центральный Комитет нашей партии и газета нашей партии «Правда». За *этот* лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельско-хозяйственными наемными рабочими с примыкающими к ним беднейшими крестьянами *и зажиточными крестьянами,* которых усилила столыпинская (1907—1914) аграрная «реформа». Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата и в первой (1906) и во второй (1907) Думе выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот, сам по себе, не был бы еще отнюдь социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позиции социалистического пролетариата в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как «Советы рабочих Депутатов», заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести—под давлением невыносимо-тяжелой империалистской войны и ее последствий—ряд революционных мер для *контроля* за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно *завершить* социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле *начнет* ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного,* самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского *социалистического* пролетариата.

Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К⁰ в Германии, Самба, Гэд, Ренодель и К⁰ во Франции, фабианцы и «лабуристы» в Англии. Мы твердо убеждены, что эту *грязную пену* на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже *кипит* настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского «затишья» 1871—1914 годов. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К⁰ и не такие колеблющиеся, бесхарактерные, придавленные рутиной «мирного» периода политики, как гг. Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало «группу Спартакуса», которое вело пропаганду в бременской «Arbeiterpolitik»[1].

Объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция *не* ограничится Россией.

Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 года лозунг: «превращение империалистской войны в гражданскую войну» угнетенных против угнетателей за социализм,—этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием социал-демократов «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского (и англо-французского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, господин Плеханов назвал его «грезофарсом» (Mittelding zwischen Traum und Komödie[2]). А представители центра отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой «прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве».

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в войну гражданскую *становится* фактом.

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!

---

[1] «Рабочая Политика». *Ред.*

[2] Среднее между мечтой и комедией. *Ред.*

По поручению отъезжающих товарищей, членов Р. С.-Д. Р. Партии (объединенной Центральным комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля н. ст. 1917 г.

Н. Ленин.

Написано 8 апреля (26 марта) 1917 г. *Т. XX, стр. 65—70.*

ИЗ ТЕЗИСОВ «ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ»

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

16. Международные обязанности рабочего класса России именно теперь с особенной силой выдвигаются на первый план.

Интернационализмом не клянется в наши дни только ленивый, даже шовинисты-оборонцы, даже гг. Плеханов и Потресов, даже Керенский называет себя интернационалистом. Тем насущнее обязанность пролетарской партии противопоставить со всей ясностью, точностью, определенностью интернационализм на деле интернационализму на словах.

Голые воззвания к рабочим всех стран, пустые заверения в своей преданности интернационализму, попытки прямо или косвенно установить «очередь» выступлений революционного пролетариата в разных воюющих странах, потуги заключить «соглашения» между социалистами воюющих стран о революционной борьбе, хлопотня с социалистическими съездами *для* кампании за мир и т. д., и т. д.—все это по своему *объективному* значению, как бы ни были искренни авторы таких идей, таких попыток или таких планов, все это одно фразерство, в *лучшем* случае—невинные добренькие пожелания, годные лишь для прикрытия *обмана* масс шовинистами. И наиболее ловкие, наиболее искушенные в приемах парламентского мошенничества *французские* социал-шовинисты давным-давно побили рекорд по части неслыханно громких и звонких пацифистских и интернационалистских фраз, *соединенных* с неслыханно наглой изменой социализму и Ин-

тернационалу, вступлением в министерства, ведущие империалистскую войну, голосованием за кредиты *или за займы* (как Чхеидзе, Скобелев, Церетели, Стеклов в последние дни в России), противодействием революционной борьбе в своей *собственной стране* и т. д. и т. д.

Добрые люди забывают часто жестокую, свирепую обстановку всемирной империалистской войны. Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными, сладенькими пожеланиями.

Интернационализм на деле—один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы*, такой же линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах.

Все остальное обман и маниловщина.

Три течения выработало международное социалистическое и рабочее движение за два с лишним года войны во *всех* странах, и кто сходит с *реальной* почвы признания этих трех течений, анализа их последовательной борьбы за интернационалистское на деле течение,—тот осуждает себя на бессилие, беспомощность и ошибки.

Три течения следующие:

1) Социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле—это люди, признающие «защиту отечества» в империалистской (и, прежде всего, в данной империалистской) войне.

Эти люди—наши *классовые* противники. Они перешли на сторону буржуазии.

Таково большинство официальных вождей официальной социал-демократии во *всех* странах. Гг. Плеханов и К⁰ в России, Шейдеманы в Германии, Ренодель, Гэд, Самба во Франции, Биссолати и К⁰ в Италии, Гайндман, фабианцы и «лабуристы» (вожди «рабочей партии») в Англии, Брантинг и К⁰ в Швеции, Трульстра и его партия в Голландии, Стаунинг и его партия в Дании, Виктор Бергер и пр. «защитники отечества» в Америке и т. п.

2) Второе течение—так наз. «центр»—люди, колеблющиеся между социал-шовинистами и интернационалистами на деле.

«Центр» весь клянется и божится, что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие

«давления» на правительства, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру», за всевозможные кампании в пользу мира, за мир без аннексий и т. д. и т. д.—*и за мир с социал-шовинистами.* «Центр»—за «единство», центр—противник раскола.

«Центр»—царство добренькой мелко-буржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле.

Гвоздь вопроса в том, что «центр» не убежден в необходимости революции против своих правительств, не проповедует ее, не ведет беззаветной революционной борьбы, выдумывает самые пошлые—и архи-«марксистски» звучащие—*отговорки* от нее.

Социал-шовинисты—наши *классовые противники, буржуа* среди рабочего движения. Они представляют слой, группы, прослойки рабочих, *объективно* подкупленных буржуазией (лучшая плата, почетные места и т. д.) и помогающих *своей* буржуазии грабить и душить мелкие и слабые народы, бороться *из-за* дележа капиталистической добычи.

«Центр»—люди рутины, изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники, привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют *особого* слоя, они представляют только *переход* от изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871—1914 годов, от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере,—*к полосе* новой, ставшей *объективно* необходимою со времени первой всемирной империалистической войны, открывшей *эру социальной революции.*

Главный вождь и представитель «центра»—Карл Каутский, виднейший авторитет II (1889—1914) Интернационала, образец полного краха марксизма, неслыханной бесхарактерности, самых жалких колебаний и измен с августа 1914 года. Течение «центра»—Каутский, Гаазе, Ледебур, так наз. «рабочее или трудовое содружество» в рейхстаге; во Франции—Лонгэ, Прессман и так наз. «миноритеры» (меньшевики) вообще, в Англии—Филипп Сноуден, Рамсэй Макдональд и мн. др.

вожди «независимой рабочей партии» и частью брит. соц. партии. Моррис Хилквит и мн. др. в Америке; Турати, Тревес, Модильяни и т. п. в Италии; Роберт Гримм и т. д. в Швейцарии; Виктор Адлер и К⁰ в Австрии; партия О. К., Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Церетели и пр. в России и т. п.

Понятно, что отдельные лица иногда переходят, незаметно для себя, с позиции социал-шовинизма на позицию «центра» и обратно. Всякий марксист знает, что классы отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из класса в класс; так и *течения* в политической жизни отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из одного течения в другое, несмотря на попытки и усилия *слить* течения.

3) Третье течение—интернационалисты на деле, ближе всего выражаемое «Циммервальдской левой» (мы перепечатываем в приложении ее манифест, от сентября 1915 г., чтобы читатели могли ознакомиться в подлиннике с рождением данного течения).

Главный отличительный признак: полный разрыв и с социал-шовинизмом и с «центром». Беззаветная революционная борьба против *своего* империалистского правительства и *своей* империалистской буржуазии. Принцип: «главный враг в собственной стране». Беспощадная борьба со сладенькой социал-пацифистской (социал-пацифист—социалист на словах, буржуазный пацифист на деле; буржуазные пацифисты мечтают о вечном мире *без* свержения ига и господства капитала) фразой и со всякими *отговорками*, направленными к отрицанию возможности или уместности, или своевременности революционной борьбы пролетариата и пролетарской, социалистической революции *в связи* с данной войной.

Виднейшие представители этого течения: в Германии—«группа Спартака», или «группа Интернационала», с Карлом Либкнехтом, как членом ее. Карл Либкнехт—знаменитейший представитель этого течения и *нового*, настоящего пролетарского Интернационала.

Карл Либкнехт призвал рабочих и солдат Германии *обратить оружие* против *своего* правительства. Карл Либкнехт делал это открыто с трибуны парламента (рейхстага). А потом он пошел на Потсдамскую площадь, одну из самых боль-

ших площадей Берлина, с нелегально отпечатанными прокламациями на демонстрацию с призывом: «долой правительство». Его арестовали и осудили *на каторгу*. Он сидит теперь в каторжной тюрьме в Германии, как и вообще *сотни*, если не тысячи, *истинных* социалистов Германии сидят в тюрьмах за борьбу против войны.

Карл Либкнехт вел беспощадную борьбу в речах и письмах не только *со своими* Плехановыми, Потресовыми (Шейдеманами, Легинами, Давидами и К⁰), *но и со своими людьми центра*, со своими Чхеидзе, Церетели (с Каутским, Гаазе, Ледебуром и К⁰).

Карл Либкнехт с своим другом Отто Рюлэ, вдвоем из ста десяти депутатов, порвали дисциплину, разрушили «единство» с «центром» и шовинистами, *пошли против всех*. *Один* Либкнехт представляет социализм, пролетарское дело, пролетарскую революцию. *Вся* остальная германская социал-демократия, по верному выражению Розы Люксембург (тоже член и один из вождей «группы Спартака»),—*смердящий труп*.

Другая группа интернационалистов на деле в Германии—бременская газета «Рабочая политика».

Во Франции ближе всего к интернационалистам на деле—Лорио и его друзья (Бурдерон и Мергейм скатились к социал-пацифизму), а также франц. Анри Гильбо, издающий в Женеве журнал «Завтра», в Англии—газета «Трэд-Юнионист» и *часть* членов Брит. Соц. Партии и Независимой Раб. Партии (напр., Виллиам Рёссель, открыто звавший к расколу с *изменившими* социализму вождями), шотландский народный учитель социалист *Маклин*, осужден буржуазным правительством Англии *на каторгу* за революционную борьбу против войны; сотни социалистов Англии в тюрьмах за те же преступления. Они и только они—интернационалисты *на деле;* в Америке—«Соц. Раб. Партия» и те элементы внутри оппортунистической «Соц. Партии», которые начали издавать с января 1917 г. газету «Интернационалист»; в Голландии—партия «трибунистов», издающих газету «Трибуна» (Паннекук, Герман Гортер, Вейнкоп, Генриетта Роланд-Хольст), бывшая центром в Циммервальде, перешедшая теперь к нам; в Швеции—партия молодых или левых с такими вождями, как Линдхаген, Туре Нерман, Карлсон, Стрем, З. Хеглунд, участвовавший лично в Циммервальде в основании «Циммервальдской левой»

и осужденный ныне в тюрьму за революционную борьбу против войны; в Дании—Трир и его друзья, ушедшие из ставшей вполне *буржуазной* «соц.-дем.» партии Дании, с *министром* Стаунингом во главе; в Болгарии—«тесняки»; в Италии—ближе всего секретарь партии Константин Ладзари и редактор центрального органа «Вперед» Серрати; в Польше—Радек, Ганецкий и др. вожди социал-демократии, объединенной «Краевым Правлением»; Роза Люксембург, Тышко, и др. вожди соц.-дем., объединенной «Главным Правлением»; в Швейцарии—те левые, которые составили мотивировку «референдума» (январь 1917 г.) для борьбы с социал-шовинистами и «центром» *своей* страны и которые на цюрихском кантональном соц. съезде в Тессе, 11 февраля 1917 г., внесли принципиально-революционную резолюцию против войны; в Австрии—молодые друзья Фридриха Адлера слева, действовавшие отчасти в клубе «Карл Маркс» в Вене,—клубе, закрытом ныне реакционнейшим австрийским правительством, губящим Фр. Адлера за его геройский, хотя и мало обдуманный, выстрел в министра, и т. д., и т. д.

Дело не в оттенках, которые есть и между левыми. Дело в *течении*. Вся суть в том, что не легко быть интернационалистом на деле в эпоху ужасной империалистской войны. Таких людей мало, но *только* в них—вся будущность социализма, *только* они—*вожди масс*, а не развратители масс.

Различие между реформистами и революционерами, среди с.-д., среди социалистов вообще, с объективной неизбежностью должно было претерпеть изменение в обстановке империалистской войны. Кто ограничивается «требованиями» к буржуазным правительствам о заключении мира или о «выявлении воли народов к миру» и т. п., тот *на деле* скатывается к реформам. *Ибо вопрос о войне*, объективно, стоит только *революционно*.

Нет выхода из войны к демократическому, не насильническому миру, к освобождению народов от кабалы *миллиардных* процентов господам капиталистам, нажившимся на «войне»,—нет выхода, кроме революции пролетариата.

От буржуазных правительств можно и должно требовать самых различных реформ, но нельзя, не впадая в маниловщину, в реформизм, требовать от этих, тысячами нитей империалистского капитала опутанных людей и классов, *разрыва*

этих нитей, а без такого разрыва все разговоры о войне против войны—пустые, обманчивые фразы.

«Каутскианцы», «центр»—революционеры на словах, реформисты на деле,—интернационалисты на словах, пособники социал-шовинизма на деле.

КРАХ ЦИММЕРВАЛЬДСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.— НЕОБХОДИМО ОСНОВАТЬ ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

17. Циммервальдский Интернационал с самого начала встал на колеблющуюся, «каутскианскую», «центровую» позицию, что и заставило *циммервальдскую левую* немедленно отгородиться, обособиться, выступить со *своим* манифестом (напечатанным в Швейцарии по-русски, по-немецки и по-французски).

Главный недостаток Циммервальдского Интернационала—причина его *краха* (ибо он потерпел уже идейно-политический крах)—колебания, нерешительность в важнейшем, практически *всеопределяющем* вопросе о полном разрыве с социал-шовинизмом и с социал-шовинистским старым Интернационалом, возглавляемым Вандервельдом, Гюисмансом в Гааге (Голландия) и пр.

У нас еще не знают, что циммервальдское большинство есть *именно каутскианцы*. А между тем это основной факт, который нельзя не учитывать и который теперь в Западной Европе общеизвестен. Даже шовинист, крайний немецкий шовинист Гейльман, редактор архи-шовинистской «Хемницкой Газеты» и сотрудник архи-шовинистского парвусовского «Колокола»—(разумеется, «социал-демократ» и ярый сторонник «единства» социал-демократии)—должен был признать в печати, что центр или «каутскианство» и *циммервальдское большинство*, это одно и то же.

А конец 1916-го и начало 1917-го годов окончательно установили этот факт. Несмотря на осуждение социал-пацифизма Кинтальским манифестом, *вся* циммервальдская правая, *все* циммервальдское большинство скатилось к социал-пацифизму: Каутский и К⁰ в ряде выступлений в январе и феврале 1917 года; Бурдерон и Мергейм во Франции, голосуя *единодушно* с социал-шовинистами за пацифистские резолюции социалистической партии (декабрь 1916 г.) и «генеральной конфедерации труда» (т.-е. общенациональной организации

французских профессиональных союзов, тоже в декабре 1916 г.); Турати и К⁰ в Италии, где вся партия заняла социал-пацифистскую позицию, а Турати лично «поскользнулся» (и не случайно, конечно) до *националистических*, прикрашивающих империалистскую войну, фраз в речи 17 декабря 1916 года.

Председатель Циммервальда и Кинталя Роберт Гримм в январе 1917 года вошел в союз с социал-шовинистами *своей* партии (Грейлих, Пфлюгер, Густав Мюллер и др.) *против* интернационалистов на деле.

На двух совещаниях *циммервальдцев* разных стран, в январе и феврале 1917 года это двойственное и двуличное поведение циммервальдского большинства было формально заклеймено левыми интернационалистами нескольких стран: Мюнценбергом, секретарем международной организации молодых и редактором прекрасной интернационалистской газеты «Интернационал Молодежи», Зиновьевым, представителем Ц. К. нашей партии; К. Радеком, польской с.-д. партии («Краевое Правление»); Харштейном, немецким социал-демократом, членом «Группы Спартак».

Русскому пролетариату многое дано; нигде в мире не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России. Но кому много дано, с того много спросится.

Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде *только* для информации.

Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления *новый*, революционный, пролетарский Интернационал, или вернее не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует.

Это—Интернационал тех «интернационалистов на деле», которых я точно перечислил выше. Они и только они—представители революционно-интернационалистских масс, а не развратители масс.

Если мало *таких* социалистов, то пусть спросит себя каждый русский рабочий, много ли было сознательных революционеров в России *накануне* революции февральской и мартовской 1917 года?

Дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата. Суть не в «провозглашении» интернационализма, а в том, чтобы уметь быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле.

Не будем обманываться надеждой на соглашения и международные конгрессы. Международные сношения, пока длится империалистская война, сжаты железными тисками империалистски-буржуазной военной диктатуры. Если даже «республиканец» Милюков, вынужденный терпеть побочное правительство Совета Рабочих Депутатов, *не пустил* в Россию, в апреле 1917 года, швейцарского социалиста, секретаря партии, интернационалиста, участника Циммервальда и Кинталя, *Фрица Платтена*, хотя он женат на русской, ехал к родственникам жены, хотя он участвовал в революции 1905 г. в Риге, сидел за это в русской тюрьме, внес залог, для освобождения, царскому правительству, хотел получить этот залог обратно, если республиканец Милюков мог *сделать* это в России в апреле 1917 года, то можно судить о том, чего стоят обещания и посулы, фразы и декларации насчет мира без аннексий и т. п. со стороны буржуазии.

А арест Троцкого английским правительством? А невыпуск Мартова из Швейцарии, а надежда заманить Мартова в Англию, где его ждет судьба Троцкого?

Не будем делать себе иллюзий. Не надо самообманов.

«Ждать» международных конгрессов или совещаний значит быть *изменником* интернационализма, раз доказано, что даже из Стокгольма к нам не пускают ни верных интернационализму социалистов, *ни даже писем от них*, несмотря на полную возможность и на полную свирепость военной цензуры.

Не «ждать», а *основать* третий Интернационал должна тотчас наша партия,—и сотни социалистов в тюрьмах Германии и Англии вздохнут с облегчением,—тысячи и тысячи немецких рабочих, которые устраивают ныне стачки и демонстрации, пугающие негодяя и разбойника Вильгельма, прочтут в *нелегальных* листках о нашем решении, о нашем братском доверии Карлу Либкнехту и только ему, о *нашем* решении бороться и *теперь* против «революционного оборончества»,—прочтут это и укрепятся в своем революционном интернационализме.

Кому много дано, с того много спросится. Нет в мире страны, где бы *сейчас* была такая свобода, как в России. Воспользуемся этой свободой не для проповеди поддержки буржуазии или буржуазного «революционного оборончества», а для смелого и честного, пролетарского и Либкнехтского,— *основания третьего Интернационала*, Интернационала, враждебного бесповоротно и изменникам—социал-шовинистам и колеблющимся людям «центра».

18. О том, что об объединении социал-демократов в России не может быть и речи, не приходится тратить много слов после вышесказанного.

Лучше остаться вдвоем, как Либкнехт,—и *это значит остаться с революционным пролетариатом*,—чем допускать, хотя бы на минуту мысль об объединении с партией О. К., с Чхеидзе и Церетели, которые терпят блок с Потресовым в «Рабочей Газете», которые голосуют за заем в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов, которые скатились к «оборончеству».

Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

Кто хочет *помочь* колеблющимся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому.

КАКОВО ДОЛЖНО БЫТЬ НАУЧНО-ПРАВИЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ ПОМОГАЮЩЕЕ ПРОЯСНЕНИЮ СОЗНАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА НАЗВАНИЕ НАШЕЙ ПАРТИИ?

19. Перехожу к последнему, к названию нашей партии. Мы должны назваться *Коммунистической партией*,—как называли себя Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Коммунистический Манифест», извращенный и преданный социал-демократией по двум главным пунктам: 1) рабочие не имеют отечества: «защита отечества» в империалистской войне есть измена социализму; 2) учение марксизма о государстве извращено II Интернационалом.

Название «социал-демократия» *научно* неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 года и популярнее повторил Энгельс в 1894 году. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т.-е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере

работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (социал-*демократы*). Демократия есть одна из форм *государства*. Между тем мы, марксисты, противники *всякого* государства.

Вожди II (1889—1914) Интернационала, гг. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость государства* для перехода к социализму,— но (и в этом отличие от Каутского и К⁰) *не такого государства*, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы Рабочих Депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: *жизнь* создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова.

Это *уже* вопрос практики масс, а не только теория вождей.

Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше *рождающееся*, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим *строжайший* порядок, необходимо *беспощадное* подавление насилием всяких попыток контр-революции и царистской и Гучковски-буржуазной.

Но наше *рождающееся*, новое государство *не есть* уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть *сама масса*, весь народ, а не кто-либо, над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию обычно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, *монархических*, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия

есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть *шора*, одеваемая на глаза революционному народу и *мешающая* ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы Рабочих, Крестьянских и всяких иных Депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в. 1871—1914 г.г., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократии». Ибо *тогда*, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции.

Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа. Выхода *нет*, кроме революции пролетариата.

И в такой момент, когда эта революция начинается, когда она делает свои первые, робкие, нетвердые, несознательные, слишком доверчивые к буржуазии шаги,—в такой момент большинство (это правда, это факт) «социал-демократических» вождей, «социал-демократических» парламентариев, «социал-

демократических» газет—а ведь именно таковы *органы* воздействия на массы—большинство их *изменило* социализму, *предало* социализм, перешло на сторону «своей» национальной буржуазии.

Массы смущены, сбиты с толку, обмануты *этими* вождями.

И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась того старого и устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил II Интернационал!

Пусть «многие» рабочие *понимают* социал-демократию почестному. Пора учиться различию субъективного от объективного.

Субъективно эти рабочие социал-демократы—вернейшие вожди пролетарских масс.

А объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит *вождей*, т.-е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны,— и все они «тоже-социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они предъявляют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией»...

А доводы против?.. «Смешают с анархистами-коммунистами»...

Отчего не боимся мы смешения с социал-националами и социал-либералами, с радикалами-социалистами, самой передовой и самой ловкой в буржуазном обмане масс буржуазной партией в французской республике?.. «Массы привыкли, рабочие «полюбили» *свою* социал-демократическую партию»...

Вот единственный довод, но ведь это довод, отбрасывающий прочь и науку марксизма, и задачи завтрашнего дня в революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II Интернационала, и порчу практического дела стаями окружающих пролетариев «тоже-социал-демократов».

Это довод рутины, довод спячки, довод косности.

А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим

миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую» грязную рубаху...

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Н. Ленин.

Петроград.
10 апреля 1917 года.

Т. XX, стр. 124—135.

ИЗ СТАТЬИ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА»

23) КАКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ, ПРОВОДЯЩИЙ И ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЙ БРАТСКИЙ СОЮЗ МЕЖДУ РАБОЧИМИ ВСЕХ СТРАН, НУЖЕН СЕЙЧАС НАРОДАМ?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Вообще говоря, для капиталистов и помещиков вреден и опасен всякий социалистический интернационал, но если немецкий Плеханов, т.-е. Шейдеман, сойдется и согласится с русским Шейдеманом, т.-е. Плехановым, если они откроют друг у друга следы социалистической совести, то, пожалуй, нам, капиталистам, следует приветствовать *такой* Интернационал *таких* социалистов, которые становятся на сторону *своих* правительств.

В, (с.-д. и с.-р.). Нужен социалистический интернационал, объединяющий всех: и Шейдеманов и Плехановых, и людей «центра», т.-е. колеблющихся между социал-шовинизмом и интернационализмом. Чем больше каша, тем больше «единство»: да здравствует великое социалистическое единство!

Г, («большевики»). Народам нужен только такой Интернационал, который объединяет действительно революционных рабочих, способных положить конец ужасной и преступной бойне народов, способный избавить человечество от ига капитала. Только такие люди (группы, партии и т. п.), как немецкий социалист Карл Либкнехт, сидящий в каторжной тюрьме, только люди, борющиеся беззаветно и со *своим* правительством, и со *своей* буржуазией, и со *своими* социал-шовинистами, и со *своим* «центром», могут и должны немедленно составить необходимый народам Интернационал.

Т. XX, стр. 143—144.

ВСЕРОССИЙСКАЯ АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Р. С.-Д. Р. П.

7—12 мая (24—29 апреля) 1917 г.

I

РЕЧЬ О ПРОЕКТЕ СОЗЫВА МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 8 МАЯ (25 АПРЕЛЯ)

Я не могу согласиться с тов. Ногиным. Я думаю, что мы имеем здесь политический факт необыкновенной важности, который нас обязывает начать энергичную кампанию против русских и англо-французских шовинистов, не принявших предложения этого Боргбьерга участвовать в конференции. Не надо забывать сути и подкладки всей этой истории. Я вам прочту точно сообщенное в «Рабочей Газете» предложение Боргбьерга и отмечу, что за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма. Германские капиталисты через посредство германских социал-шовинистов предлагают социал-шовинистам всех стран съехаться на конференцию. Вот почему надо развернуть большую кампанию.

Почему это они делают через социалистов? Потому что они хотят надувать рабочую массу. Господа дипломаты—люди тонкие: прямо сказать этой вещи нельзя, а надо подослать датского Плеханова. Мы видали за границей сотни раз германских шовинистов, надо их разоблачать.

(Читает выдержку из «Рабочей Газеты» № 39 от 8 мая (25 апреля) 1917 г.)

«Редактор центрального органа Датской социал-демократии «Socialdemokraten»[1] Боргбьерг от имени объединенного комитета трех скандинавских рабочих партий (Дания, Норвегия, Швеция) передал Исполнительному Комитету С. Р. и С. Д. обращенное ко всем социалистическим партиям России приглашение на международную социалистическую конференцию. Имевший, благодаря близкому соседству Дании с Германией, возможность сноситься с немецкими социал-демократами, главным образом, из фракции «большинства», Боргбьерг познакомил собрание с теми условиями, на которых представляет себе возможным заключение мира немецкая официальная социал-демократия и которые принесут с собой представители ее на конференцию.

Условия эти таковы:

[1] «Социал-Демократ». *Ред.*

Прежде всего они заявляют свое согласие с теми положениями, которые были приняты скандинавскими и голландскими социалистами на конференции 1915 г., т.-е, признанием права самоопределения наций, обязательного международного третейского суда и требованием постепенного разоружения. Затем от себя они прибавляют, что германская социал-демократия будет настаивать на том, чтобы:

1) все захваченные Германией и ее союзниками земли были возвращены;

2) русской Польше предоставлена была полная свобода—объявить ли себя независимой или присоединиться к России;

3) Бельгия была бы восстановлена, как вполне независимое государство;

4) точно так же должны быть восстановлены, как независимые государства Сербия, Черногория, Румыния;

5) Болгария получила бы болгарские области Македонии, а Сербия—свободный выход к Адриатическому морю.

Что касается Эльзас-Лотарингии, то тут мыслимо было бы мирное соглашение относительно исправления Лотарингской границы; относительно Познанских поляков—германцы будут добиваться предоставления им культ.-национ. автономии».

Тут не может быть и тени сомнения, что это предложение немецкого правительства, которое не делает таких шагов прямо и которому нужны услуги датских Плехановых, потому что на такие услуги немецкие агенты не годятся. На то на свете социал-шовинисты, чтобы они брали на себя такие услуги. Наша задача эту подоплеку, которую они скрывают, разоблачить перед всем миром от имени 70 000 рабочих пролетарской партии, собравшейся на конференцию. Необходимо напечатать подробную резолюцию, перевести ее на иностранные языки и дать достойный ответ, чтобы эти господа не смели соваться в социалистическую партию. (Читает проект резолюции.)

Социалистические газеты молчат сегодня утром. Они прекрасно знают, где зарыта собака. Они знают, что молчание—золото. Только «Рабочая Газета» помещает статью без всякой оценки: с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой стороны, надо признаться...

Русское правительство, как никто, может не сомневаться в том, что это, действительно, агент немецкого правительства.

Если нам все время кричат об освобождении Эльзас-Лотарингии, то этим господам надо напомнить, что здесь речь идет просто о кармане, ибо там имеются громадные богатства, а немецкие капиталисты дерутся с французскими из-за

того, кто больше награбит. Им выгодно, когда Плехановы говорят, что это святое дело—освободить Эльзас-Лотарингию. Когда немецкие социал-шовинисты говорят поэтому о мирном исправлении границ Эльзас-Лотарингии, читай: мирный дележ награбленной добычи между французскими и немецкими империалистами.

Я должен еще добавить: я забыл указать на тот факт, что немецкие представители «центра» Каутский, Гаазе, Ледебур пошли на эту конференцию. Это факт чрезвычайно позорный для них. Английские и французские социалисты на эту конференцию не идут. Это указывает на то, что англо-французские шовинисты, являющиеся якобы социалистами на деле—буржуазные агенты, потому что они способствуют продолжению империалистической войны, несмотря на те громадные усилия, которые делает через посредство Боргбьерга немецкое социалистическое большинство, потому что, несомненно, германское правительство через Боргбьерга говорит: положение таково, что я должен вам отдать вашу добычу (немецкие колонии в Африке). Это подтверждается тем, что положение Германии самое отчаянное, вести теперь эту войну—дело безнадежное, страна накануне гибели. Вот почему они говорят, что они готовы отдать почти всю добычу, ибо они все-таки стремятся при этом урвать кое-что. Дипломаты великолепно сносятся друг с другом, а буржуазные газеты, когда они пишут об иностранных делах, фразами одурачивают народ.

Несомненно, что когда английские и французские социал-шовинисты сказали, что они не идут на конференцию, они уже все знали: они пошли в свое министерство иностранных дел, и им там сказали: вот вам подоплека, и мы не хотим, чтобы вы туда шли. Так, и только так, обстояло дело.

Посмотрим, если русские солдаты получат эту резолюцию—а это, мне казалось бы, нужно сделать от имени 70 000 членов нашей партии,—тогда они, действительно, начнут понимать всю штуку, которую от них скрывали. Они поймут тогда, что вести дальше завоевательную войну Германия не может, и что речь идет только о том, чтобы задушить, ограбить Германию. Отрицать то, что Боргбьерг—агент немецкого правительства, нельзя.

Вот почему, товарищи, я думаю, что нам эту комедию социалистического съезда надо разоблачать, разоблачать все

эти съезды, как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной народных масс. Надо раз навсегда сказать правду так, чтобы ее услышали на фронте солдаты и рабочие всех стран. И наша кампания по поводу таких предложений и будет, с одной стороны, разъяснением нашей пролетарской линии, а с другой, таким массовым выступлением, каких еще не было. Вот почему я вас просил бы по возможности принять этот манифест, доставить в Исполнительный Комитет, перевести на иностранные языки и завтра напечатать в «Правде».

Товарищи, я думаю, что при создавшемся положении практично выбрать редакционную комиссию, если вы в основе согласны с манифестом. Резолюция тов. Каменева мне тоже кажется приемлемой, но ее надо рассматривать при обсуждении вопроса об Интернационале, а сейчас надо немедленно практически ответить на кампанию, которую поднял Боргбьерг.

II

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ И ЗАДАЧАХ Р. С.-Д. Р. П. 12 МАЯ (29 АПРЕЛЯ)

Сам тов. Зиновьев признал, что наш визит в Стокгольм будет последним, и что мы будем там с информационной целью.

Когда Гримм созывал на конференцию, я не пошел, так как я видел, что нельзя говорить с людьми, которые за социал-шовинизм. Мы говорим: «никакого участия с социал-шовинистами». Мы приходим и обращаемся к любой циммервальдской части. Гримм имел и моральное, и формальное право писать сегодняшнюю резолюцию. Его право опиралось на Каутского в Германии, на Лонге во Франции. Формально дело стоит так: Гримм напечатал: «мы распустим свое бюро, как только соберет бюро Гюисманс». Когда мы говорим, что в Циммервальде такое решение не принимают, он согласился, но заявил, что «большинство так смотрит»,—и это была правда.

Относительно визита: «информация будет, мы снесемся с левой циммервальдской». Рассчитывать, что мы кого-нибудь больше привлечем—надежды мало. Нечего делать себе иллюзии: во-первых, визит не состоится; во-вторых, будет последним; в-третьих, привлечь элементы, которые хотят рвать

с социал-шовинистами, мы технически не можем. Но пусть тов. Ногин нанесет первый, а товарищ Зиновьев—последний визит в Стокгольм. С моей стороны законное пожелание, чтобы опыт с последним визитом был проделан возможно скорее и успешнее.

Т. XX, стр. 254—256, 279.

СОЦИАЛ-ШОВИНИСТЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Социал-шовинисты, изменив социализму и перейдя на сторону «своих» капиталистов, естественно раскололись сообразно группировке капиталистов в войне. Так же естественно, что это—раскол временный. Плеханов не хочет совещаться с Шейдеманом, но тот же Плеханов отстаивает изменивший социализму «Интернационал» социал-шовинистов. Другими словами: Плеханов за раскол с Шейдеманом *на то время*, пока те капиталисты, агентами коих и Плеханов и Шейдеман являются, между собой расколоты. Плеханов за единство с Шейдеманами, когда «господа» (т. е. капиталисты обеих стран) помирятся. Нельзя отрицать, что в позиции Плеханова есть последовательность—последовательность *измены* социализму, последовательность услужения капиталистам не за страх, а за совесть.

Не удивительно также, что представители международного социалистического течения «центра» (Каутский и др.), будучи за «единство» с социал-шовинистами вообще, соглашаются на конференцию, организуемую агентом Шейдемана Боргбьергом, или организуют сами (как Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов) международную «социалистическую» конференцию *вместе* с Шейдеманами и Плехановыми. Не удивительно, что наши русские представители «центра» в лице «Рабочей Газеты» очень рассердились на нашу партию за ее отказ участвовать в конференции Боргбьерга.

Вчера вечером получена нами телеграмма от нашего стокгольмского корреспондента:

«*Гаазе, Лонгэ участвуют в конференции. «Спартак» отказался*».

Группой «Спартак» или группой «Интернационал» зовут в Германии ту группу, к которой принадлежит Карл Либкнехт.

В последнее время немало шумели, особенно заинтересованные в спутывании карт, люди, что вот-де группа Либкнехта объединилась с каутскианцами в новой «независимой социал-демократической партии Германии». На самом деле группа Либкнехта не полностью объединилась с каутскианцами, а сохранила организационную самостоятельность, войдя лишь во временный и условный блок против социал-шовинистов.

Вышеприведенная телеграмма еще и еще подтверждает это. Когда встало на очередь практическое дело, когда пришлось немедленно дать точный и ясный ответ, идти ли вместе с Шейдеманами и их агентами,—союз К. Либкнехта и его группы с К. Каутским и К⁰ *сразу распался.*

Наша резолюция о Боргбьерге нас «изолирует»,—опасались некоторые товарищи.

Нет, товарищи! Она изолирует нас от *колеблющихся.* Нет способа помочь колеблющимся, кроме того, чтобы перестать колебаться самим.

Правильность нашей резолюции против Боргбьерга подтверждена событиями замечательно полно и замечательно быстро. Каутскианцы немецкие (Гаазе) и французские (Лонгэ) продолжают еще колебаться, идя на совещания с социал-шовинистами, не решаясь окончательно отмежеваться от них.

Беря на себя почин такого окончательного размежевания, наша партия *уже начала* сплачивать элементы III Интернационала. Совпадение нашей тактики и тактики группы К. Либкнехта не случайность, а один из шагов на пути рождающегося III Интернационала.

Опубликовано 12 мая (29 апреля) 1917 г. *Т. XXX, стр. 326—327.*

О СОЗЫВЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЯКОБЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С УЧАСТИЕМ СОЦИАЛ-ШОВИНИСТОВ

«Известия Петр. Совета Р. и Солд. Деп.» печатают сегодня положение Исполнительного Комитета об организации комиссии по созыву Международной Конференции. В эту комиссию приглашается, между прочим, представитель от нашей партии. Само собою разумеется, что никакого участия ни в комиссии, ни вообще в созываемой конференции

с участием перешедших на сторону своей буржуазии якобы-социалистических министров наша партия не примет. Всякий, кто интересовался нашей партией и читал ее резолюцию о положении дел в Интернационале, не мог не знать этого.

Ц. К. нашей партии единогласно постановил, уже несколько дней тому назад, послать делегата на созываемую циммервальдскую конференцию с поручением немедленно покинуть эту конференцию и выйти из Циммервальдского союза, если конференция выскажется за какое бы то ни было сближение или совместное обсуждение дел вместе с социал-шовинистами.

«Правда» № 55, 25 (12) мая 1917 г. *Т. XX, стр. 366.*

ПИСЬМО К. РАДЕКУ

В СТОКГОЛЬМ

ТОВ. РАДЕКУ

29. V. 1917.

Дорогой друг! Пишу Вам первый раз письмо № 1, и прошу ответить, получили-ли. Постарайтесь прислать поскорее бюллетень № 1 (бюллетень Правды),—затем ответьте насчет того, имеете ли ответ из Женевы от Карпинского (я просил его прислать мне конец—«заключение»—книги по аграрному вопросу—и обе статьи: Юрия, «Петра Киевского»[1], и мою о самоопределении).

Я вполне с Вами согласен, что Циммервальд стал окончательно тормозом, что надо скорее рвать с ним (вы знаете, что я разошелся с конференцией по этому пункту). Надо всеми силами ускорять совещание левых, международное и *только* левых. Пишите, что можете сделать для этого: деньги (известную сумму около 3—4 тыс. рублей) вскоре пошлем.

Если бы поскорее международное совещание левых, то третий Интернационал был бы основан.

Можно ли рассчитывать на скандинавских левых? Просветили-ли Вы Хеглунда и К°? Можно-ли надеяться получить англичан и американцев? Не издать-ли вашей стокгольмской

[1] Г. Л. Пятаков. *Ред.*

тройке от имени Ц. К., плюс от поляков, плюс от «Arbeiterpolitik», плюс от Хеглунда и К⁰ ***тотчас*** международный призыв к совещанию *только* левых (перечень см. в нашей резолюции) в междунар[одном] масштабе?

Пишите, что̀ предпринимаете.

Извините, что пишу редко: некогда чертовски. Надеюсь, Вам теперь все рассказали.

Жму крепко руку. Ваш *Ленин.*

Ленинский сборник XXI, стр. 57—58.

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ К БРОШЮРЕ: «ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ» [1]

Я предлагаю, на стр. 27 [2], остаться в Циммервальде только для информации. Конференция не согласилась в этом пункте ее мной, и мне пришлось голосовать против резолюции об Интернационале. Уже теперь становится явственно видным, что конференция сделала ошибку и что ход событий быстро поправит ее. Оставаясь в Циммервальде, мы (хотя бы и против нашей воли) участвуем в оттягивании создания III-го Интернационала; мы косвенно тормозим его создание, будучи связаны мертвым грузом уже мертвого идейно-политически Циммервальда.

Положение нашей партии перед лицом всех рабочих партий всего мира теперь именно таково, что мы *обязаны* немедленно *основать* III-й Интернационал. Кроме нас *теперь* этого сделать некому, а оттяжки вредны. Оставаясь в Циммервальде лишь для информации, мы сразу развязали бы себе руки для такого создания (будучи в то же время в состоянии *использовать* Циммервальд, если бы обстоятельства сделали такое использование возможным).

Теперь же благодаря ошибке, сделанной конференциею, мы вынуждены пассивно ждать по меньшей мере до 5 июля 1917 г. (срок созыва Циммервальдской конференции; хорошо еще, если ее не отсрочат *еще* раз! она уже была раз отсрочена...).

[1] См. XX том Сочинений, стр. 111. *Ред.*
[2] См. там же, стр. 130. *Ред.*

Но решение, единогласно принятое Ц. К. нашей партии после конференции и напечатанное в № 55 «Правды», от 12 мая, на половину исправило ошибку: постановлено, что мы уходим из Циммервальда, если он пойдет совещаться с министрами[1]. Я позволю себе выразить надежду, что вторая половина ошибки будет исправлена вскоре, как только мы созовем первое международное совещание «левых» («третье течение», «интернационалистов на деле», см. выше, стр. 23—25[2]).

Т. XX, стр. 444—445.

ПИСЬМО К. РАДЕКУ

В СТОКГОЛЬМ

17/VI. 1917.

Дорогой Радек! По болезни я не мог следить последние дни за телеграммами. Поэтому неясно представляю себе дела Циммервальда.

Если правда, что запутавшийся, жалкий Гримм (не даром мы всегда не доверяли этому министериабельному негодяю!) сдал все Циммервальдские дела левым шведам и что сии последние созывают на днях Циммервальдскую конференцию, то я—от себя лично (пишу все сие только от себя)—архипредостерег бы от того, чтобы путаться с Циммервальдом.

«Вот бы хорошо захватить теперь Циммервальдский Интернационал» говорил сегодня Григорий.

По-моему, это—архиоппортунистическая и вредная тактика.

«Захватить» Циммервальд? Т. е. взять *на себя* мертвый груз итальянской партии (каутскианцев и пацифистов), швейцарских Грейлиха и К°, американской Socialist Party (еще похуже!), разных Peluso, лонгетистов и т. д. и т. п.

Это значило бы выкинуть за борт все наши принципы, забыть все, что мы писали и говорили против центра, запутаться и осрамиться самим.

Нет, если левые шведы взяли в свои руки Циммервальд и если они захотят путаться, надо *им* поставить ультиматум: *или* они объявляют на первой же Циммервальдской конфе-

---

[1] См. XX том Сочинений, стр. 366. *Ред.*

[2] См. там же, стр. 126—128. *Ред.*

ренции Циммервальд распущенным и основывают 3-ий Интернационал, *или* мы уходим.

Так или иначе надо похоронить поганый («гриммовский»: все же он гриммовский) Циммервальд во что бы то ни стало и основать *настоящий* 3-ий Интернационал *только* из левых, *только против каутскианцев*. Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Прочтите это письмо Орловскому и Ганецкому. Приветы наилучшие.

Извините за краткость: болен.

Здесь всего более похоже на канун июньских дней 1848-го года. Меньшевики и эсеры все и вся сдали и сдают кадетам (=Кавеньякам). Qui vivra verra [1].

Ваш Ленин.

Ленинский сборник XXI, стр. 58—59.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

[27 (14) июня 1917 г.]

Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики. Как раз во время войны чудовищная неправда такого отрывания становится еще чудовищнее. А со стороны буржуазии делается все возможное и все невозможное, чтобы внушить и поддержать эту идею. Незнакомство масс населения с внешней политикой неизмеримо более распространено, чем невежество в области внутренней. «Тайна» дипломатических сношений соблюдается свято в самых свободных капиталистических странах, в наиболее демократических республиках.

Обман масс народа разработан артистически по отношению к «делам» внешней политики, и нашей революции приходится от этого обмана трижды солоно. Миллионы экземпляров буржуазных газет разносят яд обмана повсюду.

С той или с другой из двух гигантски-богатых и гигантски-сильных групп империалистических хищников—так ставит основной вопрос современной внешней политики капиталистическая действительность. Так ставится этот вопрос классом

[1] Поживем—увидим. *Ред.*

капиталистов. Так ставится вопрос, разумеется, и широкой мелко-буржуазной массой, сохраняющей старые капиталистические взгляды и предрассудки.

Тому, чья мысль не выходит за пределы капиталистических отношений, непонятно, что рабочий класс, если он сознателен, *ни за одну* группу империалистских хищников стоять не может. Наоборот, рабочему непонятны обвинения в склонности к сепаратному миру с немцами или в фактическом служении такому миру, направляемые против социалистов, оставшихся верными братскому союзу рабочих всех стран против капиталистов всех стран. Ни в каком случае такие социалисты (следовательно, и большевики в их числе) ни на какой сепаратный мир между капиталистами пойти не могут. Ни сепаратного мира с немецкими капиталистами, ни союза с англо-французскими капиталистами—вот основа внешней политики сознательного пролетариата.

Восставая против этой программы, боясь разрыва с «Англией и Францией», наши меньшевики и эсеры фактически проводят капиталистическую программу внешней политики, отделываясь украшением этой программы цветами невинного красноречия вроде «пересмотра договоров», заявлений в пользу «мира без аннексий» и т. п. Все эти добрые пожелания осуждены на то, чтобы оставаться пустышкой, ибо *капиталистическая* действительность ставит вопрос ребром: либо в подчинении империалистам одной из групп, либо в революционной борьбе против всякого империализма.

Есть ли союзники для такой борьбы? Есть. Угнетенные классы Европы, пролетариат, прежде всего; угнетенные империализмом народы, народы Азии, как соседние нам, прежде всего.

Меньшевики и эсеры, называя себя «революционными демократами», ведут на деле контрреволюционную и антидемократическую внешнюю политику. Будь они революционерами, они советовали бы рабочим и крестьянам России встать во главе всех угнетенных империализмом народов и всех угнетенных классов.

«Тогда против России объединятся капиталисты всех остальных стран»,—возражают запуганные обыватели.—Это не невозможно. Зарекаться от всякой революционной войны «*революционный*» демократ не в праве. Но практическая вероятность такой войны невелика. Английские и немецкие им-

периалисты «помириться» против революционной России не смогут. Русская революция, уже в 1905 году вызвавшая революции в Турции, в Персии, в Китае, поставила бы в очень трудное положение и немецких и английских империалистов, если бы стала осуществлять действительно революционный союз с рабочими и крестьянами колониальных и полуколониальных стран, против деспотов, против ханов, за изгнание немцев из Турции, англичан из Турции, Персии, Индии, Египта и т. д.

Социал-шовинисты, французские и русские, любят ссылаться на 1793 год, чтобы прикрыть эффектной ссылкой свою измену революции. Как раз о том, что *действительно* «революционная» демократия России могла бы и должна была бы по отношению к угнетенным и отсталым народам выступать *в духе* 1793 года, у нас не хотят подумать.

В «союзе» с империалистами, то есть в позорной зависимости от них,—такова внешняя политика капиталистов и мелких буржуа. В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами против всяких и всех империалистов—такова внешняя политика пролетариата.

Ленинский сборник XXI, стр. 66—68.

О ВЫСТУПЛЕНИИ КАМЕНЕВА В Ц. И. К. ПО ПОВОДУ СТОКГОЛЬМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Речь т. Каменева в Ц. И. К. 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков.

В первой же фразе своей речи т. Каменев сделал заявление формального характера, которое придает его выступлению прямо чудовищный характер. Т. Каменев оговаривается, что выступает от себя лично, что «наша фракция этого вопроса не обсуждала».

Во-первых, с каких это пор в организованной партии по важным вопросам выступают отдельные члены «от себя лично», раз фракция вопроса не обсуждала, т. Каменев не имел права выступать. Вот первый вывод из его же слов.

Во-вторых, какое право имел т. Каменев забыть, что есть решение Ц. К. партии против участия в Стокгольме. Если

это решение не отменено съездом или новым решением Ц. К., то оно остается законом для партии. Если оно отменено, тогда бы т. Каменев не мог бы умолчать об этом, не мог бы говорить в прошлом времени: «мы, большевики, до сих пор относились к Стокгольмской конференции отрицательно».

Опять-таки вывод тот, что Каменев не только не имел права выступать, но и прямо нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю, не упоминая ни словом об обязательном для него решении Ц. К. А решение это в свое время было опубликовано в «Правде» и даже с добавлением, что представитель партии уйдет с Циммервальдской конференции, если она выскажется за участие в Стокгольме.

Доводы «прежнего» отрицательного отношения большевиков к участию в Стокгольме Каменев изложил неверно. Он умолчал о том, что там будут участвовать социал-империалисты, что общаться с таковыми позорно для революционного с.-д.

Как ни печально в этом сознаться, но сознаться надо: Старостин, часто и много путавший, в 1000 раз лучше, вернее, достойнее выразил точку зрения революционной социал-демократии, чем Каменев. Идут совещания с социал-империалистами, с министрами, с пособниками палачества в России— позор и предательство. Об интернационализме тогда нечего и говорить.

Доводы Каменева по существу дела за «изменение» нашего взгляда на Стокгольм слабы до смешного.

«Нам стало ясно,—говорил Каменев,—что Стокгольм с этого (??) момента перестает (??) быть слепым орудием в руках империалистских государств».

Это неправда. Ни единого факта нет, и привести ничего серьезного Каменев не мог. Если англо-французские социал-империалисты не идут, а немецкие идут, неужели это есть принципиальное изменение?? Неужели это вообще изменение с точки зрения интернационалиста? Неужели Каменев уже «забыл» решение конференции нашей партии (29 апреля) по вполне аналогичному случаю с датским социал-империалистом?

«Над Стокгольмом,—сказал Каменев, по передаче газет, далее,— начинает развеваться широкое революционное знамя, под которым мобилизуются силы всемирного пролетариата».

Это—пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это—вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистий социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий,—вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом.

Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничаньем с проделками социал-империалистов русских и немецких, с проделками министров буржуазного империалистского правительства Черновых, Скобелевых и К°.

Мы решили строить III Интернационал. Мы должны осуществлять это вопреки всем трудностям. Ни шагу назад, к сделкам между социал-империалистами и перебежчиками социализма!

Опубликовано 29 (16) августа 1917 г. *Т. XXI, стр. 78—79.*

О СТОКГОЛЬМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Многие интересуются теперь снова Стокгольмской конференцией. Вопрос о ее значении усиленно обсуждался газетами. Вопрос этот неразрывно связан с оценкой самых основ всего современного социализма, в его отношении к империалистской войне в особенности. Вот почему на Стокгольмской конференции следует остановиться поподробнее.

Революционные социал-демократы, т.-е. большевики, с самого начала высказывались против участия в этой конференции. Они исходили при этом из принципиальных оснований. Всем известно, что социалисты во всем мире, во всех странах, как воюющих, так и нейтральных, раскололись по вопросу об отношении к войне на два крупных основных деления. Одни встали на сторону своих правительств, своей буржуазии. Мы называем их социал-шовинистами, т.-е. социалистами на словах, шовинистами на деле. Шовинистом зовется тот, кто понятием «защита отечества» прикрывает защиту грабительских интересов «своих» правящих классов. В настоящей войне буржуазия обеих воюющих коалиций преследует грабительские цели: немецкая—воюет за ограбление Бельгии, Сербии и т. д., английская и французская—

за ограбление немецких колоний и проч., русская—за ограбление Австрии (Львов), Турции (Армения, Константинополь).

Поэтому те социалисты, которые стали на точку зрения своей буржуазии в настоящей войне, перестали быть социалистами, изменили рабочему классу, перешли на деле в лагерь буржуазии. Они стали классовыми врагами пролетариата. И история европейского и американского социализма, особенно за эпоху II Интернационала, т.-е. за время с 1889 по 1914 год, показывает нам, что такой переход части социалистов, особенно большинства вождей и парламентариев, на сторону буржуазии—не случайность. Во всех странах именно оппортунистическое крыло социализма поставило главные кадры социал-шовинистов. Социал-шовинизм, если рассматривать его научно, т.-е. не выхватывать отдельных лиц, а брать целое международное течение в его развитии, в совокупности его общественных связей, есть оппортунизм, дошедший до своего логического конца.

В пролетарских массах повсюду в более или менее ясной и острой форме наблюдается сознание предательства социализма социал-шовинистами, ненависть и презрение к виднейшим социал-шовинистам, каковы Плеханов в России, Шейдеман в Германии, Гэд и Ренодель с К⁰ во Франции, Гайндман и т. д. в Англии и проч., и проч.

Во всех странах за время войны наметилось, несмотря на отчаянные преследования со стороны буржуазии и затыкание рта, течение революционного интернационализма. Это течение осталось верно социализму. Оно не поддалось шовинизму, не позволило прикрывать его лживыми фразами о защите отечества, а разоблачало всю ложь этих фраз, всю преступность данной войны, которую буржуазия обеих коалиций ведет ради грабительских целей. К этому течению принадлежат, напр., Маклин в Англии, осужденный на полтора года каторги за борьбу против грабительской английской буржуазии, Карл Либкнехт в Германии, осужденный на каторгу разбойниками германского империализма за такое «преступление», как призыв к революции в Германии и разоблачение грабительского характера войны с ее стороны. К этому же течению принадлежат большевики в России, преследуемые агентами русского республиканско-демократического империализма за такое же «преступление», за которое преследуют Маклина и Карла Либкнехта.

Это направление единственно верно социализму. Это направление одно только не изменило тому торжественному заявлению своих убеждений, тому торжественному обещанию, которое единогласно подписали социалисты всего мира, всех стран без исключения в ноябре 1912 года в Базельском манифесте. В этом манифесте говорится, как раз, не о войне вообще,—войны бывают разные,—а именно о той войне, которая в 1912 году явно для всех подготовлялась и в 1914 году разразилась, о войне между Германией и Англией с их союзниками из-за мирового господства. И перед лицом такой войны Базельский манифест ни одним звуком не упоминает ни об обязанности, ни о праве социалистов «защищать отечество» (т.-е. оправдывать свое участие в войне), а говорит с полнейшей определенностью, что такая война должна вести к «пролетарской революции». Измена социализму со стороны социал-шовинистов всех стран особенно наглядно видна из того, что они все обходят теперь трусливо, как вор обходит место кражи, то место Базельского манифеста, где говорится о связи именно данной войны с пролетарской революцией.

Понятно, какая непроходимая пропасть существует между социалистами, оставшимися верными Базельскому манифесту и «отвечающими» на войну проповедью и подготовкой пролетарской революции, и социал-шовинистами, отвечающими на войну поддержкой «своей» национальной буржуазии. Понятно, как беспомощны, наивны и лицемерны потуги «примирить» или «объединить» то и иное течение.

Именно такие потуги во всем их убожестве наблюдаются со стороны третьего течения в мировом социализме, так называемого течения «центра» или «каутскианства» (по имени самого видного представителя «центра»—Карла Каутского). За все три года войны это течение во всех странах обнаружило свою полную безыдейность и беспомощность. В Германии, напр., ход событий заставил каутскианцев расколоться с немецкими Плехановыми и образовать особую, так называемую «независимую с.-д. партию», и все же эта партия боится сделать необходимые выводы, проповедует «единство» с социал-шовинистами в международном масштабе, продолжает обманывать рабочие массы надеждой на восстановление такого единства в Германии, тормозит единственно правильную пролетарскую тактику революционной борьбы со «своим» правительством, борьбы и во время войны, борьбы, которая

может и должна изменить свои формы, но которая не может быть отсрочиваема, отодвигаема.

Вот каково положение дел в международном социализме. Без ясной оценки этого положения, без принципиального взгляда на все течения международного социализма нельзя и подступиться к вопросу практического характера, наприм., к вопросу о Стокгольмской конференции. А между тем принципиальную оценку *всех* течений международного социализма дала *только* партия большевиков в подробной резолюции, принятой на конференции 24—29 апреля 1917 года и подтвержденной VI съездом нашей партии в августе. Забывать эту принципиальную оценку и рассуждать о Стокгольме помимо нее, значит становиться на почву полной беспринципности.

Как образец этой беспринципности, господствующей в среде всех мелкобуржуазных демократов, эс-эров и меньшевиков, можно указать статью в «Новой Жизни» от 10 августа. Статья эта именно потому и заслуживает внимания, что собирает вместе, в газете, стоящей на самом левом крыле мелкобуржуазных демократов, самые распространенные ошибки, предрассудки, безыдейность насчет Стокгольма.

«Можно относиться к Стокгольмской конференции,—пишет передовица «Новой Жизни»,—по тем или иным причинам отрицательно, можно принципиально осуждать попытки соглашения «оборонческих большинств». Но зачем же отрицать то, что своей очевидностью бьет в глаза? Ведь после известного решения английских рабочих, вызвавшего политический кризис в стране и произведшего первую глубокую трещину в «национальном единении» Великобритании, конференция приобрела значение, которого она до сих пор еще не имела».

Это рассуждение—образчик беспринципности. В самом деле, каким образом из-за того бесплодного факта, что по поводу Стокгольмской конференции дало глубокую трещину «национальное единение» в Англии, можно вывести вывод, будто мы обязаны заклеивать, а не углублять эту трещину. Принципиальный вопрос стоит так и только так: разрыв с оборонцами (социал-шовинистами) или соглашение с ними. Стокгольмская конференция была одной из многих попыток соглашения. Она не удалась. Ее неудача вызвана тем, что англо-французские империалисты *сейчас* вести переговоры о мире несогласны, а немецкие империалисты согласны.

Английские рабочие яснее почувствовали обман их английской империалистской буржуазией.

Спрашивается, как надо это использовать? Мы, революционные интернационалисты, говорим: это надо использовать для углубления разрыва пролетарских масс со своими социал-шовинистами, для доведения этого разрыва до конца, для устранения всех и всяких помех развитию революционной борьбы масс со своими правительствами, со своей буржуазией. Действуя так, именно мы и только мы углубляем трещину и доводим ее до разрыва.

А идущие в Стокгольм, или, вернее, проповедующие массам необходимость идти туда, теперь, когда жизнь «ушла» эту затею,—чего они достигают на деле? Только того, что заклеивают трещину, ибо Стокгольмская конференция заведомо собирается и поддерживается людьми, поддерживающими *свои* правительства, министериалистами Черновым и Церетели, Стаунингами, Брантингами, Трульстра, не говоря о Шейдеманах.

Вот что «своей очевидностью бьет всем в глаза», вот что забывают или затушевывают оппортунисты из «Новой Жизни», рассуждая совершенно беспринципно, вне общей оценки социал-шовинизма, как течения. Стокгольмская конференция есть собеседование министров, состоящих в империалистских правительствах. Как ни старается «Новая Жизнь» обойти этот факт, его не обойдешь. Звать рабочих идти в Стокгольм, звать их дожидаться Стокгольма, звать их возлагать какие бы то ни было надежды на Стокгольм, это значит говорить массам: «вы можете, вы должны ждать добра от соглашения мелкобуржуазных партий и министров, состоящих в империалистских правительствах, поддерживающих империалистские правительства».

Именно эту беспринципнейшую, вреднейшую пропаганду «Новая Жизнь», сама того не замечая, и ведет.

Из-за конфликта между социал-шовинистами англо-французскими и их правительствами она забывает, что такими же социал-шовинистами, поддерживающими свои правительства, остаются Черновы, Скобелевы, Церетели, Авксентьевы, Брантинги, Стаунинги, Шейдеманы. Разве это не беспринципность?

Вместо того, чтобы говорить рабочим: смотрите, англо-французские империалисты не позволили даже своим социал-шовинистам идти поговорить с социал-шовинистами немец-

кими,—значит война грабительская *и* со стороны Англии и Франции; значит, кроме разрыва со *всеми* правительствами, со *всеми* социал-шовинистами до конца нет спасения,—вместо того, чтобы говорить это, «Новая Жизнь» утешает рабочих иллюзиями:

«В Стокгольме,—пишет она,—собираются придти к соглашению о мире и совместно выработать общий план *борьбы:* отказ голосования кредитов, разрыв с «национальным единением», отозвание министров из правительств и т. п.».

Вся доказательность этой, насквозь лживой, фразы сводится к тому, что слово «борьба» набрано в ней жирным шрифтом. Нечего сказать, хорошее доказательство!

Через три года войны все еще кормить рабочих пустейшими посулами: «в Стокгольме собираются» разорвать с национальным единением...

Собираются это сделать кто? Шейдеманы, Черновы, Скобелевы, Авксентьевы, Церетели, Стаунинги, Брантинги, т.-е. именно люди (и партии), по несколько лет и по несколько месяцев проводящие политику национального единения. Как бы искренна ни была вера «Новой Жизни» в такое чудо, как бы добросовестно она ни исповедывала убеждение, будто это возможно, мы должны все же сказать, что «Новая Жизнь» распространяет величайший обман среди рабочих.

«Новая Жизнь» обманывает рабочих, внушая им доверие к социал-шовинистам: у нее выходит так, что вот-де хотя до сих пор социал-шовинисты и входили в министерства и проводили политику национального единения, но в Стокгольме в ближайшем будущем они договорятся, согласятся, столкуются и перестанут так поступать. Они начнут борьбу за мир, они откажутся от голосования кредитов и прочее, и прочее...

Все это сплошной и величайший обман. Все это есть реакционное утешение и успокаивание рабочих, внушение им доверия к социал-шовинистам. Но ведь те социалисты, которые не на словах, не для самообмана, не для обмана рабочих «борются за мир», давным-давно начали такую борьбу, не дожидаясь никаких международных конференций, начали такую борьбу именно разрывом национального единения, именно так, как Маклин в Англии, Карл Либкнехт в Германии, большевики в России.

«Мы вполне понимаем,—пишет «Новая Жизнь»,—законный и здоровый скептицизм большевиков по отношению к Реноделям и Шейдеманам, но публицисты из «Рабочего и Солдата» доктринерски не хотят из-за деревьев видеть леса; они не учитывают перемены настроения в массах, на которые опирались Ренодель и Шейдеман». Дело не в скептицизме, господа,—это у вас преобладающее настроение есть интеллигентский скептицизм, прикрывающий и выражающий беспринципность. Мы не скептики по отношению к Реноделям и Шейдеманам, мы враги их. Это «две большие разницы». Мы порвали с ними и зовем массы рвать с ними. Именно мы и только мы «учитываем» и перемену настроения в массах, и нечто еще, гораздо более важное и более глубокое, чем настроение и его перемена: основные интересы масс, непримиримость этих интересов с политикой социал-шовинизма, представляемой Реноделями и Шейдеманами. В Стокгольме господчики из «Новой Жизни» вместе с министрами российского империалистского правительства встретятся как раз с Шейдеманами и Реноделями (ибо Стаунинг и Трульстра, не говоря уже об Авксентьеве и Скобелеве, ничем серьезно не отличаются от Реноделей). А мы от Стокгольмской комедии между социал-шовинистами, в среде социал-шовинистов отворачиваемся как раз с тем и для того, чтобы открывать глаза *массам*, чтобы их интересы выражать, их звать на революцию, их перемену настроения использовать не для беспринципного подлаживания под данное настроение, а для принципиальной борьбы за полный разрыв с социал-шовинизмом.

«...Большевики,—пишет «Новая Жизнь»,—любят колоть глаза интернационалистам, идущим в Стокгольм, их соглашательством с Шейдеманами и Гендерсонами, «не замечая», что сами они по отношению к конференции,—разумеется, по глубоко различным причинам,—идут вместе с Плехановыми, Гэдами и Гайндманами».

Неверно, что мы идем вместе с Плехановыми по отношению к конференции! Это явная нелепость. Мы совпадаем с Плехановыми в нежелании идти на половинчатую конференцию с частью социал-шовинистов. Но наше *отношение* к конференции совсем не то, ни принципиально, ни практически не то, каково отношение Плехановых. Между тем, вы, называющие себя интернационалистами, вы действительно

идете вместе на конференцию с Шейдеманами, Стаунингами, Брантингами, вы действительно соглашательствуете с ними. Ведь это факт. «Великим делом объединения международного пролетариата» вы называете мелкое, мизерное, и в значительной степени интриганское, зависимое от империалистов одной из коалиций, дело *объединения социал-шовинистов*. Это факт.

Вы, якобы-интернационалисты, не можете проповедывать массам участия в Стокгольме (очень вероятно, что дальше проповеди дело не пойдет, ибо конференция не состоится, но идейное значение проповеди останется), вы не можете проповедывать массам участия в Стокгольме, не говоря кучи неправд, не сея иллюзий, не подкрашивая социал-шовинистов, не внушая массам надежды на то, будто Стаунинги и Брантинги, Скобелевы и Авксентьевы способны всерьез порвать «национальное единение».

Между тем, мы, большевики, в своей пропаганде против Стокгольма, говорим массам всю правду, продолжаем разоблачать социал-шовинистов и политику соглашения с ними, ведем массы к полному разрыву с ними. Если дело сложилось так, что немецкий империализм считает для себя данный момент удобным для участия в Стокгольме и посылает туда своих агентов Шейдеманов, а английский империализм считает момент для себя неудобным, не хочет теперь даже говорить о мире, то мы разоблачаем английский империализм и пользуемся конфликтом между ним и английскими пролетарскими массами для углубления их сознания, для усиленной пропаганды интернационализма, для разъяснения им необходимости полного разрыва с социал-шовинизмом.

Якобы интернационалисты из «Новой Жизни» поступают как интеллигентские импрессионисты, т.-е. люди, бесхарактерно поддающиеся настроению минуты и забывающие основные принципы интернационализма. Люди из «Новой Жизни» рассуждают так: раз английский империализм *против* Стокгольмской конференции, значит мы должны быть *за*. Значит конференция приобрела значение, которого она до сих пор не имела.

Рассуждать так, значит на деле впасть в беспринципность, ибо ведь немецкий империализм сейчас *за* Стокгольмскую конференцию из-за своих корыстных и грабительских империалистических интересов. Чего же стоит «интернационализм» таких «интернационалистов», которые боятся прямо признать

этот бесспорный и очевидный факт, которые вынуждены прятаться от него. Где же у вас гарантии, господа, что, участвуя в Стокгольме вместе с Шейдеманами, Стаунингами и К⁰, вы не явитесь фактически игрушкой, орудием в руках тайных дипломатов немецкого империализма? У вас таких гарантий быть не может. Их нет. Стокгольмская конференция, если она все же состоится, что очень мало вероятно, будет попыткой немецких империалистов позондировать почву насчет возможности такого-то или такого-то обмена аннексий. Вот таково будет реальное, действительное значение красноречивых речей Шейдеманов со Скобелевыми и К⁰. А если эта конференция не состоится, реальное значение будет иметь ваша проповедь массам, внушающая им лживые надежды на социал-шовинистов, на их близкое, возможное, вероятное «исправление».

В обоих случаях вы, желая быть интернационалистами, на деле оказываетесь пособниками социал-шовинистов то одной коалиции, то обеих коалиций.

А мы учитываем все перипетии и частности политики, оставаясь последовательными интернационалистами, проповедуя братский союз рабочих, разрыв с социал-шовинистами, работу над пролетарской революцией.

Опубликовано 8 сентября (26 августа) 1917 г. *Т. XXI, стр. 99—106.*

ПО ВОПРОСУ О ЦИММЕРВАЛЬДЕ

Теперь особенно ясна ошибка, что мы *не* вышли из него.

Всех надувают надеждой на Стокгольм. А Стокгольмская конференция «откладывается» с месяца на месяц.

А Циммервальд «*ждет*» Стокгольма! Каутскианцы + итальянцы, т.-е. большинство Циммервальда, «ждет» Стокгольма.

И мы участвуем в комедии, *отвечая* за нее перед рабочими.

Это позор.

Надо уйти из Циммервальда *тотчас*.

Оставаясь там только для информации, мы ничего не теряем, но *не отвечаем* за комедию «ожидания» Стокгольма.

Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же, на заседании пленума 3 сентября 1917 г.: *со-*

зываем конференцию левых, поручаем это стокгольмским представителям.

А то вышло так, что совершив глупость, оставшись в Циммервальде, наша партия, единственная в мире партия интернационалистов с 17 газетами и проч., *играет в соглашательство* с немецкими и итальянскими Мартовыми и Церетели, как Мартов соглашательствует с Церетели, а Церетели соглашательствует с эс-эрами, а эс-эры с буржуазией...

И это называется «стоять за» III Интернационал!!!

Написано в первой половине сентября 1917 г. *Т. XXI, стр. 130.*

ИЗ СТАТЬИ «К ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ»

В статье тов. Бухарина затронут еще один вопрос, на котором следует остановиться.

«...Вопрос о пересмотре нашей партийной программы должен быть связан с вопросом о выработке единой программы для международной партии пролетариата».

Это сказано несовсем ясно. Если понимать это так, что автор не советует нам принимать новой программы, отложив это дело до создания единой международной программы, программы III Интернационала, то против такого мнения следовало бы восстать самым решительным образом. Ибо отсрочка по такой причине (я полагаю, что другие причины для отсрочки не существуют, напр., никто не требовал отсрочки из-за недостаточной подготовки наших партийных материалов для пересмотра) была бы равносильна затягиванию дела создания III Интернационала с *нашей* стороны. Создание III Интернационала нельзя, конечно, понимать формально. Пока не победила хотя бы в одной стране пролетарская революция или пока не кончилась война, невозможно надеяться на быстрое и успешное движение вперед дела по созыву *большой* конференции революционно-интернационалистических партий разных стран, на их соглашение в деле формального утверждения новой программы. А до тех пор надо двигать вперед дело почином тех партий, которые сейчас поставлены

лучше других и могут сделать первый шаг, отнюдь не считая его, конечно, последним шагом, отнюдь не противопоставляя, во что бы то ни стало, своей программы другим «левым» (т.-е. революционно-интернационалистским) программам, а *идя* именно к выработке общей программы. Кроме России, нет сейчас ни одной страны в мире, где была бы сравнительная свобода съездов для интернационалистов и где было бы так много хорошо осведомленных в международных течениях и программах товарищей, как в нашей партии. Вот почему надо обязательно взять на себя почин. Это требует наш прямой долг, как интернационалистов.

Повидимому, именно так смотрит на дело и т. Бухарин, ибо в начале своей статьи он говорит, что «только что закончившийся (писано в августе) партийный съезд признал переработку программы необходимой» и что «для этой цели будет создан специальный съезд», из этих слов можно заключить, что против принятия новой программы на этом съезде т. Бухарин ничего не имеет.

Если это так, то по затронутому вопросу устанавливается полное единодушие. Едва ли найдется кто-либо, кто был бы против того, чтобы наш съезд, после принятия новой программы, выразил пожелание создания общей единой программы III Интернационала, предприняв для этого известные шаги вроде ускорения конференции левых, издания сборника на нескольких языках, образования комиссии по сводке материала о том, что сделано другими странами для «нащупывания» (по верному выражению товарища Бухарина) пути к новой программе (трибунисты в Голландии, левые в Германии). «Лигу социалистической пропаганды» в Америке т. Бухарин уже назвал, можно бы указать еще Американскую «Социалистическую *Рабочую* партию» и ее постановку вопроса о замене «политического государства индустриальной демократией».

Затем одно указание тов. Бухарина на недостаток в моем проекте я должен безусловно признать правильным. Тов. Б. цитирует то место этого проекта (на стр. 23 брошюры), где говорится о переживаемом Россией моменте, о Временном Правительстве капиталистов и т. д. Тов. Бухарин прав, критикуя это место и говоря, что его надо перенести в тактическую резолюцию или в платформу. Я вношу поэтому предложение либо выкинуть совершенно весь последний

абзац 23-ей страницы, либо изложить его следующим образом:

«Стремясь к созданию такого государственного устройства, которое наилучше обеспечивало бы как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности, партия пролетариата не может ограничиться» и т. д.

Наконец, по одному пункту я должен ответить здесь на один вопрос, возникший у некоторых товарищей, но не поднятый, насколько я знаю, в печати. Это вопрос о § 9 политической программы, о праве наций на самоопределение. Пункт состоит из двух частей: первая дает новую формулировку права на самоопределение, вторая содержит не требование, а декларацию. Вопрос, поставленный мне, состоял в том, уместна ли здесь декларация. Вообще говоря, декларациям место не в программе, но исключение из правила, по-моему, здесь необходимо. Вместо слова самоопределение, много раз подававшего повод к кривотолкам, я ставлю совершенно точное понятие: «право на свободное отделение». После опыта полугодовой революции 1917 года едва ли можно спорить, что партия революционного пролетариата России, партия, работающая на великорусском языке, обязана признать право на отделение. Завоевав власть, мы безусловно тотчас признали бы это право и за Финляндией, и за Украиной, и за Арменией, и за всякой угнетавшейся царизмом (и великорусской буржуазией) народностью. Но мы, с своей стороны, вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великоруссами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения, поэтому не ставим лозунга объединения всех и всяких государств вообще, ибо на очереди дня социальная революция ставит объединение *только* государств, перешедших и переходящих к социализму, освобождающихся колоний и т. д. Мы хотим *свободного* соединения, и потому мы обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным). Мы тем более обязаны

признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великоруссам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами.

Но мы хотим объединения, и это надо сказать, это так важно сказать в программе партии пестрого национального государства, что ради этого необходимо отступить от обычного, необходимо дать место декларации. Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа *привлекала* к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением. Иначе нарушается единство и братский союз *рабочих* всех стран. В отличие от буржуазных демократов мы ставим лозунг не братство народов, а братство *рабочих* всех народностей, ибо буржуазии всех стран мы не доверяем, считаем ее врагом.

Вот почему надо здесь допустить исключение из правила и вставить в § 9 *декларацию принципов*.

Т. XXI, стр. 314—317.

ЗАДАЧИ НАШЕЙ ПАРТИИ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

(ПО ПОВОДУ III ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

В № 22 «Рабочего Пути», от 28 сентября, был напечатан манифест III Циммервальдской конференции. Если мы не ошибаемся, он был еще помещен только в газете меньшевиков-интернационалистов «Искра», № 1, от 26 сентября, с добавлением самых кратких указаний на состав III Циммервальдской конференции и на дату ее (20—27 августа нового стиля); в других же газетах ни манифеста, ни сколько-нибудь подробных сведений о конференции не было.

Мы располагаем теперь некоторым материалом относительно этой конференции, состоящим из статьи в газете шведских левых социал-демократов «Politiken» (статья эта была переведена в органе финской социал-демократической партии «Työmies») и из двух письменных сообщений от одного польского и одного русского товарища, участвовавших в конференции. Расскажем сначала, основываясь на этих сведениях, про конференцию вообще, а затем перейдем к ее оценке и к оценке задач нашей партии.

I

На конференции присутствовали представители следующих партий и групп: 1) германской «независимой» социал-демократической партии («каутскианцы»); 2) швейцарской партии; 3) шведской *левой* партии (порвавшей всякую связь, как известно, с оппортунистической партией Брантинга); 4) норвежцев и 5) датчан (в нашем материале не указано, идет ли речь об официальной, оппортунистической, датской партии с министром Стаунингом во главе); 6) финской социал-демократической партии; 7) румын; 8) Р. С.-Д. Р. П. большевиков; 9) Р. С.-Д. Р. П. меньшевиков (Панин письменно заявил, что не будет принимать участия, с той мотивировкой, что конференция не полная; Аксельрод же приходил по временам на заседания, *но манифеста не подписал);* 10) меньшевиков-интернационалистов; 11) американской группы «христианских социалистов-интернационалистов» (?); 12) американской «группы социал-демократической пропаганды» (по всей видимости,— это та самая группа, которая упомянута в моей брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии)», стр. 24 [1], ибо именно эта группа начала в январе 1917 г. издавать газету «Интернационалист»; 13) польских социал-демократов, объединенных «Краевым Правлением»; 14) австрийской оппозиции («клуб Карла Маркса», закрытый австрийским правительством после казни Штюргка Фридрихом Адлером); этот клуб упомянут у меня в той же брошюре на стр. 25 [2]; 15) болгарских «независимых профессиональных союзов» (принадлежащих, как добавляет автор имеющегося у меня письма, не к «теснякам», т.-е. не к левой, интернационалистской болгарской партии, а к «широким», т.-е. к оппортунистической болгарской партии); этот представитель прибыл уже после окончания конференции, как и представители 16) сербской партии.

Из этих 16 партий и групп к тому «третьему» течению, о котором говорит резолюция нашей конференции 24—29 апреля 1917 г. (и моя брошюра, стр. 23 [3], где течение это названо течением «интернационалистов на деле»), принадле-

[1] См. XX том Сочинений, стр. 128. *Ред.*
[2] См. там же. *Ред.*
[3] См. там же, стр. 126—127. *Ред.*

жат номера 8, 12, 13 и 14; затем ближе к этому «левому» течению, или между ним и «центром» каутскианцев, стоят группы 4 и 16, хотя с точностью определить их позицию трудно,—возможно, что они принадлежат и к «центру». Далее, группы 1, вероятно, 2, 6 и 7, группа 10 и, вероятно, 15, принадлежат к каутскианскому «центру». Группы 5 (если это—партия Стаунинга) и 9—оборонцы, министериалисты, социал-шовинисты. Наконец, группа 11, явно, совершенно случайная.

Отсюда видно, что состав конференции был чрезвычайно пестрый,—даже нелепый, ибо собрались люди, *не* согласные в *основном*, поэтому *неспособные* действовать действительно дружно, действительно сообща, люди, неминуемо расходящиеся между собой в *коренном* направлении своей политики. Естественно, что «плодом» «сотрудничества» таких людей является либо перебранка и «склока», либо каучуковые, компромиссные, написанные для сокрытия правды, резолюции. Примеры и доказательства тому мы увидим сейчас же [1].

Написано в октябре 1917 г.

Т. XXX, стр. 357—358.

ИЗ ДОКЛАДА О МИРЕ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ Р. и С. Д. 8 НОЯБРЯ (26 ОКТЯБРЯ) 1917 г.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 6—7 ноября (24—25 октября) и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, должно немедленно начать переговоры о мире. Наше обращение должно быть направлено и к правительствам, и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны вышибить из рук наших врагов воз-

[1] На этом рукопись обрывается. *Ред.*

можность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного собрания, которое уже будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить. Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии, и будем действовать открыто перед всем народом. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне. Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия и, кроме того, во всех культурных странах необходимо созвать народные собрания, чтобы обсудить условия.

Предлагая немедленно заключить перемирие, мы обращаемся к сознательным рабочим тех стран, которые много сделали для развития пролетарского движения. Мы и обращаемся к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавшим всю силу своего классового сознания, и к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах и создавшим могучие организации.

В манифесте 27 (14) марта мы предлагали свергнуть банкиров, но сами своих не только не свергли, но даже вступили с ними в союз. Теперь мы свергли правительство банкиров.

Правительство и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. Советское движение в других странах, восстание германского флота, подавленное юнкерами палача Вильгельма. Наконец, надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно.

Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму.

Т. XXII, стр. 15—16.

ПИСЬМО ФИНСКИМ ТОВАРИЩАМ

[В ГЕЛЬСИНГФОРС]

11 ноября 1917 г. [Петроград].

ДЛЯ МАННЕРА, СИРОЛА, КУУСИНЕНА, ВАЛИИПАСА, ВИИКА

Уважаемые товарищи! С большой радостью услышал я от моих финских друзей, что вы стоите во главе революционного крыла Финской Социал-Демократической Рабочей Партии и ведете борьбу за дело пролетарской, социалистической революции. Я с уверенностью могу заявить от имени революционного пролетариата России, что большой организационный талант финских рабочих, их высокое развитие и длительная политическая школа демократических учреждений поможет им успешно осуществить социалистическую реорганизацию. Мы рассчитываем на братскую помощь революционной социал-демократии Финляндии.

Да здравствует международная социалистическая революция!

С лучшими приветами

Н. Ленин.

Т. XXIX, стр. 510.

ЗА ХЛЕБ И МИР

Два вопроса выдвинулись в этом месяце на первое место перед всеми другими политическими вопросами: вопрос о хлебе и вопрос о мире!

Империалистская война, война крупнейших и богатейших банковых фирм Англии и Германии, эта война, которая ведется за дележ добычи, за ограбление малых и слабых народов, эта ужасная, эта преступная война, разорившая все страны, истощившая все народы,—эта война ставит человечество перед дилеммой: или пожертвовать всей культурой, или же революционным путем сбросить с себя капиталистическое ярмо, устранить господство буржуазии и завоевать социалистическое общество и прочный мир.

Если не победит социализм, мир между капиталистическими государствами будет означать только перемирие, перерыв,

подготовку к новой бойне народов. Мир и хлеб—таковы основные требования рабочих и эксплуатируемых. Война обострила эти требования до крайней степени. Война ввергла в голод наиболее цивилизованные, наиболее культурно развитые страны. Но зато, с другой стороны, война как громадный исторический процесс неслыханным образом ускорила социальное развитие. Капитализм, развившийся в империализм, т.-е. в монополистический капитализм, превратился под влиянием войны в государственно-монополистический капитализм. Мы достигли теперь этой ступени развития мировой экономики, и она является непосредственным преддверием к социализму.

Поэтому разразившаяся в России социалистическая революция представляет только начало мировой социалистической революции. Мир и хлеб, свержение буржуазии, революционные средства для исцеления ран, нанесенных войной, полная победа социализма—вот цели борьбы.

Петроград
27 (14) декабря 1917 г.

Т. XXII, стр. 145

1918 год

ИЗ ДОКЛАДА НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ 23 ИЮЛЯ 1918 г.

Последние дни ознаменовались крайним обострением дел Советской Республики, вызванным как международным положением страны, так и контр-революционными заговорами и тесно связанным с ними продовольственным кризисом.

Позвольте остановиться на международном положении. Российская революция есть лишь один из отрядов международной социалистической армии, от выступления которых зависит успех и торжество совершенного нами переворота. Этот факт никем из нас не забывается. Точно так же нами учитывается, что первая роль пролетариата России в мировом рабочем движении объясняется не хозяйственным развитием страны. Как раз наоборот: отсталостью России, неспособностью так называемой отечественной буржуазии справиться с полками пролетариата, неспособностью ее на захват политической власти и на осуществление ею своей классовой диктатуры. Сознавая свое революционное одиночество, русский пролетариат ясно сознает, что необходимым условием и основной предпосылкой его победы является объединенное выступление рабочих всего мира или некоторых передовых в капиталистическом отношении стран. Но русский пролетариат великолепно знает, что в каждой стране он имеет как явных, так и скрытых друзей. Так, нет ни одной страны, где тюрьмы не были бы переполнены интернационалистами, сочувствующими Советской России; нет ни одной страны, где бы революционная мысль не находила своего отражения то в легальной, то в подпольной прессе. Поэтому-то, зная своих

истинных друзей, мы отвергаем всякое соглашение с меньшевиками, поддерживавшими Керенского и его наступление. По последнему вопросу очень характерно письмо интернационалистки Розы Люксембург (маленькое по размеру, но ярко интернациональное по существу), в английской газете «Дредноут Рабочего» по поводу июньского наступления. Роза Люксембург находит, что международный характер Великой Русской Революции был подорван предпринятым Керенским наступлением и той санкцией, которой Первый Всероссийский Съезд Советов освятил и одобрил его. Это наступление революционной России задержало развитие революции на Западе, и только диктатура пролетариата, переход к нему всей власти, привела к срыву всех тайных договоров, к разоблачению их хищнической империалистской сущности и, следовательно, к ускорению революционной развязки в Европе. Такое же могучее влияние на пробуждение и развертывание пролетарской энергии на Западе имело и наше обращение ко всем народам о заключении демократического мира без аннексий и контрибуций[1]. Все эти революционные акты открыли глаза рабочим всего мира, и никаким потугам буржуазных и социал-предательских группировок не удастся затемнить их пробудившееся классовое самосознание. Встреча, оказанная Керенскому английскими рабочими, это подтвердила с достаточной ясностью. Обаяние русской революции выразилось в первом грандиознейшем за все время войны выступлении германских рабочих, которые на Брестские переговоры реагировали колоссальной забастовкой в Берлине и других промышленных центрах. Это выступление пролетариата в стране, одурманенной угаром национализма и опьяненной ядом шовинизма, есть факт первостепенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата.

Неизвестно, как сейчас пойдет революционное движение в Германии. Несомненна лишь наличность там громадной революционной силы, проявление которой должно наступить с железной необходимостью. И напрасно винят немецких рабочих в том, что они революции не делают. С тем же правом можно было обвинить и русских рабочих, которые не сфаб-

[1] См. XXII том Сочинений, стр. 13—16. *Ред.*

риковали революции в течение 10 лет, от 1907 до 1917 года. Но, ведь, это не так. Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин. И этот момент близок и он неминуемо и неизбежно наступит. Нам легче было начать революцию, но чрезвычайно трудно ее продолжить и завершить. Страшно трудно дается революция в такой высоко развитой, с прекрасно организованной буржуазией стране, как Германия, но тем легче будет закончить победоносно социалистическую революцию после того, как она вспыхнет и зажжется в передовых капиталистических странах Европы.

Напрасно нас обвиняют в заключении Брестского договора,—чрезвычайно унизительного, тяжелого и насильнического,—и усматривают в этом полное отступничество от наших идеалов и приверженность к германскому империализму. И характерно, что это обвинение исходит от буржуазных кругов и социал-соглашательских элементов, которые сейчас на Украине, в Финляндии и на Кавказе, а меньшевики встречают с распростертыми объятиями немецких юнкеров. Такое же обвинение сыплется на нашу голову и со стороны безголовых левых эсеров. Мы великолепно сознаем всю тяжесть Брестского договора. Мы точно так же знаем, что по этому насильническому договору нам придется уплачивать Германии около 6-ти миллиардов рублей, по вычислениям заседающей в Берлине нашей экономической делегации. Положение безусловно трудное, но выход можно и нужно будет найти общими усилиями пролетариата и деревенской бедноты. И не безумная попытка левых социалистов-революционеров убийством Мирбаха вовлечь нас в войну—есть средство уйти от Брестского договора. Эта авантюра, наоборот, была на-руку военным германским партиям, положение которых, естественно, должно ослабеть в силу роста пораженчества не только среди германских рабочих, но и среди буржуазии. Ибо теперь после Брестского мира для всех ясно с очевидностью, что Германия ведет грабительскую войну, с явными империалистскими целями.

Т. XXII, стр. 146—149.

ПИСЬМО К. ЦЕТКИН

26. VII. 1918 г.

Глубокоуважаемая товарищ Цеткин!

Большое, горячее спасибо за ваше письмо от 27/6, которое мне принесла товарищ Герта Гордон. Я все сделаю, чтобы помочь товарищу Гордон.

Нас всех чрезвычайно радует, что Вы, товарищ Меринг и другие «товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами». Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западно-европейского рабочего класса, несмотря на все трудности, придут нам на помощь.

Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол—беднота за нас, а кулаки яростно против нас. Антанта купила чехо-словаков, бушует контр-революционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас сбросить. Тем не менее, мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 и 1849 г.г.) хода революции и победим буржуазию.

С большой благодарностью, наилучшими приветами

и горячим уважением

Ваш *Ленин.*

P. S. Моя жена просит передать Вам особый привет. Товарищу Гошка (его речь так же, как Вашу статью, мы перевели) и всем, всем друзьям наилучший привет.

P. S. Мне только что принесли новую государственную печать. Вот отпечаток. Надпись гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ленинский сборник XXI, стр. 248—249.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ НА ХОДЫНКЕ 2 АВГУСТА 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Российская революция указала всему миру пути к социализму и показала буржуазии, что близится конец ее торжества. Наша революция протекает в исключительно тяжелых условиях мировой бойни.

Революция не делается по заказу, но симптомы того, что весь мир готов для великих событий, несомненны.

Нас окружают враги, заключившие священный союз для свержения Советской власти, но они сами власти не получат.

Пусть не торжествуют белогвардейские банды—их успех кратковременен, в их среде уже растет брожение.

Красная армия, пополняемая революционным пролетариатом, поможет нам высоко поднять знамя мировой социальной революции.

Смерть—или победа!

Мы победим мирового кулака и отстоим дело социализма!

Т. XXIII, стр. 171.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В СОКОЛЬНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ 9 АВГУСТА 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Пятый год тянется война, и теперь уже всякому ясно, кому она была нужна. Кто был богат, тот стал еще богаче, а кто был беден, тот теперь в буквальном смысле слова задыхается под игом капитализма. Бедному народу эта война стоила кровавых жертв, а в награду он получил лишь голод, безработицу и еще хуже, чем прежде, затянутую на своей шее петлю.

Войну начали хищники Англии и Германии, которым стало тесно жить вместе, и вот каждый из них задумал задушить другого ценою потоков крови рабочего мира. Каждый из хищников уверяет, что его воодушевляет благо народа, но на самом деле он работает для блага своего кармана.

Англия грабит захваченные немецкие колонии, часть Палестины и Месопотамии, а Германия, в свою очередь, грабит Польшу, Курляндию, Литву и Украину. Миллионеры этих стран стали в 10 раз богаче, но они все-таки ошиблись в расчете.

Схватившись в мертвой схватке, эти хищники очутились у пропасти. Они уже не в силах остановить войну, которая неизбежно толкает народы на революцию.

Русская революция бросила искры во все страны мира и еще ближе подвинула к краю пропасти зарвавшийся империализм.

Товарищи, тяжело наше положение, но мы должны преодолеть все и удержать в своих руках знамя социалистической революции, поднятое нами.

Рабочие всех стран смотрят на нас с надеждой. Вы слышите их голос: продержитесь еще немного, говорят они. Вы окружены врагами, но мы придем к вам на помощь и общими усилиями сбросим, наконец, в пропасть империалистических хищников.

Мы слышим этот голос и мы даем клятву: да, мы продержимся, мы будем биться на своем посту изо всех сил и не сложим оружия перед лицом наступающей на нас мировой контр-революции!

Т. XXIII, стр. 174.

ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам. Я с тем бо́льшим удовольствием принял его предложение, что американские революционные пролетарии призваны именно теперь сыграть особенно важную роль, как непримиримые враги империализма американского, самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию в всемирной бойне народов из-за дележа прибылей капиталистов. Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие—все равно, прямое или косвенное, открытое или

лицемерно-прикрытое,—на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики.

История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира.

С тех пор прошло около 150 лет. Буржуазная цивилизация принесла все свои роскошные плоды. Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой. Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 г. душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их, а в 1918 г. душит российскую социалистическую республику, под предлогом «защиты» ее от немцев.

Но четыре года империалистской бойни народов не прошли даром. Обман народа негодяями обеих групп разбойников, и английской, и немецкой, разоблачен до конца неоспоримыми и очевидными фактами. Четыре года войны показали на результатах ее общий закон капитализма, в применении к войне между разбойниками из-за дележа их добычи: кто был всех богаче и всех сильнее, тот нажился и награбил больше всех; кто был всех слабее, того грабили, терзали, давили, душили до конца.

Разбойники английского империализма были сильнее всех, по количеству их «колониальных рабов». Английские капиталисты не потеряли ни пяди «своей» (т.-е. награбленной ими в течение столетий) земли, а награбили все германские колонии в Африке, заграбили Месопотамию и Палестину, придушили Грецию и начали грабить Россию.

Разбойники германского империализма были всех сильней по организованности и дисциплинированности «их» войск, но слабее колониями. Они потеряли все колонии, но ограбили половину Европы, задушили наибольшее число маленьких стран и слабых народов. Какая великая «освободительная» война с обеих сторон! Как хорошо «защищали отечество» разбойники обеих групп, капиталисты англо-французские и германские, вместе с их лакеями, социал-шовинистами, т.-е. социалистами, перешедшими на сторону *«своей»* буржуазии!

Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе—ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови—из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, освободительной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся *первыми* из душителей слабых народов всего мира.

Если германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия. Именно теперь англо-французская и американская буржуазная пресса распространяют в миллионах и миллионах экземпляров ложь и клевету про Россию, лицемерно оправдывая свой граби-

тельский поход против нее стремлением «защитить» будто бы Россию от немцев!

Чтобы опровергнуть эту гнусную и подлую ложь, не надо тратить много слов: достаточно указать на один общеизвестный факт. Когда в октябре 1917 г. рабочие России свергли свое империалистское правительство, Советская власть, власть революционных рабочих и крестьян, предложила открыто справедливый мир, мир без аннексий и контрибуций, мир с полным соблюдением равенства прав для всех наций,— предложила такой мир *всем* воюющим странам.

Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню.

Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннексионистский и насильственный Брестский мир!

Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает «вину» *за* Брестский мир на нас. Как раз капиталисты тех стран, от которых зависело превратить Брест в всеобщие переговоры о всеобщем мире, они же и выступают «обвинителями» нас! Стервятники англо-французского империализма, нажившиеся на грабеже колоний и на бойне народов, протянули войну вот уже скоро на целый год после Бреста, и они же «обвиняют» *нас*, большевиков, предложивших справедливый мир всем странам,—*нас*, разорвавших, опубликовавших, предавших всеобщему позору тайные преступные договоры между бывшим царем и англо-французскими капиталистами.

Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы порвали железные кольца империалистских связей, империалистских грязных договоров, империалистских цепей,— за то, что мы вырвались на свободу, пойдя на самые тяжелые жертвы ради этого,—за то, что мы как социалистическая республика, хотя бы и истерзанная, ограбленная империали-

стами, остались *вне* империалистской войны и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма.

Неудивительно, что банда международных империалистов ненавидит нас за это, что они «обвиняют» нас, что все лакеи империалистов, в том числе наши правые эсеры и меньшевики тоже «обвиняют» нас. В ненависти к большевикам этих сторожевых псов империализма, как и в сочувствии сознательных рабочих всех стран, мы почерпаем новую уверенность в правоте нашего дела.

Тот не социалист, кто не понимает, что ради победы над буржуазией, ради перехода власти к рабочим, ради *начала* международной пролетарской революции, можно и должно *не* останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе перед жертвой частью территории, перед жертвой тяжелых поражений от капитализма иных стран, перед жертвой дани капиталистам. Тот не социалист, кто не доказал *делами* своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперед.

Ради «своего» дела, т.-е. ради завоевания мирового господства, империалисты Англии и Германии не остановились перед полным разорением и удушением целого ряда стран, начиная от Бельгии и Сербии, продолжая Палестиной и Месопотамией. Ну, а социалисты ради «своего» дела, ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны выжидать, пока найдется путь без жертв? они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех? они должны ставить выше безопасность, целость «своего», буржуазией созданного, «отечества», по сравнению с интересами всемирной социалистической революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают.

Хищные звери англо-французского и американского империализма «обвиняют» нас в «соглашении» с немецким империализмом.

О, лицемеры! О, негодяи, которые клевещут на рабочее правительство, дрожа от страха перед тем сочувствием, с которым относятся к нам рабочие «их» собственных стран! Но их лицемерие будет разоблачено. Они притворяются, будто не понимают разницы между соглашением «социали-

стов» *с* буржуазией (своей и чужой) *против рабочих*, против трудящихся, и соглашением *для охраны* победивших свою буржуазию рабочих, с буржуазией одного цвета *против буржуазии* другого национального цвета, ради использования пролетариатом противоположности между разными группами буржуазии.

На самом деле всякий европеец прекрасно знает эту разницу, а американский народ, как я сейчас покажу, особенно наглядно «пережил» ее в своей собственной истории. Есть соглашения и соглашения, есть fagots et fagots [1], как говорят французы.

Когда хищники германского империализма в феврале 1918 года повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию, России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела международная революция, тогда я нисколько не колебался вступить в известное «соглашение» с французскими монархистами. Французский капитан Садуль, на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму, привел ко мне французского офицера де Люберсака. Я монархист, моя единственная цель—поражение Германии, заявил мне де Люберсак. Это само собою, ответил я (cela va sans dire). Это нисколько не помешало мне «согласиться» с де Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва железно-дорожных путей в интересах помехи наступлению немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев *мы* использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контр-интересы *других* империалистов. Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали пролетариат и ослабляли буржуазию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во *всякой* войне маневрирование, лавирование, отступление в ожидании того момента, когда

[1] Вещь вещи рознь. *Ред.*

дозреет быстро назревающая пролетарская революция в ряде передовых стран.

И, как бы ни выли от злобы акулы англо-французского и американского империализма, как бы ни клеветали они на нас, какие бы миллионы ни тратили на подкуп правоэсеровских, меньшевистских и прочих социал-патриотических газет, *я ни секунды не поколеблюсь* заключить *такое же* «соглашение» с хищниками немецкого империализма, в случае, если наступление на Россию англо-французских войск того потребует. И я превосходно знаю, что мою тактику одобрит сознательный пролетариат России, Германии, Франции, Англии, Америки, словом всего цивилизованного мира. Такая тактика облегчит дело социалистической революции, ускорит ее наступление, ослабит международную буржуазию, усилит позиции побеждающего ее рабочего класса.

Американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику. Когда он вел свою великую освободительную войну против угнетателей англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал тоже «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей-французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев.

«Историческая деятельность не тротуар Невского проспекта», говорил великий русский революционер Чернышевский. Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам,—тот не революционер, тот не освободил себя

от педантства буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контр-революционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры.

Вслед за буржуазией эти господа любят обвинять нас в «хаосе» революции, в «разрушении» промышленности, в безработице и бесхлебьи. Как лицемерны эти обвинения со стороны тех, кто приветствовал и поддерживал империалистскую войну или «соглашался» с продолжавшим эту войну Керенским! Именно империалистская война виновата во всех этих бедствиях. Революция, которая порождена войной, не может не пройти через невероятные трудности и мучения, оставшиеся в наследство от многолетней, разорительной, реакционной бойни народов. Обвинять нас в «разрушении» промышленности или в «терроре» значит лицемерить или обнаруживать тупое педантство, неспособность понять основные условия той бешеной, обостренной до крайности классовой борьбы, которая называется революцией.

В сущности, «обвинители» подобного рода, если они «признают» классовую борьбу, ограничиваются словесным признанием ее, на деле же впадают постоянно в мещанскую утопию «соглашения» и «сотрудничества» классов. Ибо в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны. Только слащавые попы—все равно, христианские или «светские» в лице салонных, парламентарных социалистов—могут не видеть, не понимать, не осязать этой необходимости. Только мертвые «человеки в футляре» способны отстраняться из-за этого от революции вместо того, чтобы со всей страстью и решительностью бросаться в бой тогда, когда история требует решения борьбой и войной величайших вопросов человечества.

В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция—война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке. В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промыш-

ленности и народного хозяйства, стояла *позади* 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *таком* основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!

Представители буржуазии понимают, что свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной. Но теперь, когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения *наемного*, капиталистического, рабства, свержения власти буржуазии,—теперь представители и защитники буржуазии, а равно социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чурающиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны.

Американские рабочие не пойдут за буржуазией. Они будут с нами, за гражданскую войну против буржуазии. Меня укрепляет в этом убеждении вся история всемирного и американского рабочего движения. Я вспоминаю также слова одного из самых любимых вождей американского пролетариата Евгения Дебса, который писал в «Призыве к разуму» (Appeal to Reason)—кажется, в конце 1915 года—в статье «What shall I fight for» («За что я буду сражаться»)—(я цитировал эту статью в начале 1916 года на одном публичном рабочем собрании в Берне, в Швейцарии),—что он, Дебс, дал бы себя скорее расстрелять, чем вотировать кредиты на настоящую, преступную и реакционную, империалистскую войну; что он, Дебс, знает лишь одну священную, законную, с точки зрения пролетариев, войну, именно: войну против капиталистов, войну за освобождение человечества от наемного рабства!

Меня не удивляет, что Вильсон, глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов, заключил в тюрьму Дебса. Пусть зверствует буржуазия против истинных интернационалистов, против истинных представителей революционного пролетариата! Чем больше ожесточения и зверства с ее стороны, тем ближе день победоносной пролетарской революции.

Обвиняют нас в разрушениях, созданных нашей революцией... И кто же обвинители? Прихвостни буржуазии,—той

самой буржуазии, которая за четыре года империалистской войны разрушила почти всю европейскую культуру, довела Европу до варварства, до одичания, до голода. Эта буржуазия требует теперь от нас, чтобы мы делали революцию не на почве этих разрушений, не среди обломков культуры, обломков и развалин, созданных войной, не с людьми, одичавшими от войны. О, как гуманна и справедлива эта буржуазия!

Ее слуги обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 1649-ый, французы свой 1793-ий год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищен и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии! Террор был справедлив и законен, когда его применяли в интересах замены одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством. Террор стал чудовищен и преступен, когда его стали применять в интересах свержения *всякого* эксплуататорского меньшинства, в интересах действительно огромного большинства, в интересах пролетариата и полупролетариата, рабочего класса и беднейшего крестьянства!

Буржуазия международного империализма перебила 10 миллионов человек, искалечила 20 миллионов на «своей» войне, войне из-за того, английским или немецким хищникам господствовать над всем миром.

Если *наша* война, война угнетенных и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров будет стоить полумиллиона или миллиона жертв во всех странах,—буржуазия скажет, что первые жертвы законны, вторые преступны.

Пролетариат скажет совсем другое.

Пролетариат усваивает себе теперь, среди ужасов империалистской войны,—вполне и наглядно ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта истина—та, что не может быть успешной революции без *подавления сопротивления эксплуататоров*. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это.

Мы знаем, что во всех странах бешеное сопротивление буржуазии против социалистической революции неизбежно и что оно будет *расти* по мере роста этой революции. Пролетариат сломит это сопротивление, он созреет окончательно к победе и к власти в ходе борьбы против сопротивляющейся буржуазии.

Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм умирает и разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры в том числе), приходится 10 000 великих и геройских актов—тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир.

Но если бы даже дело обстояло наоборот,—хотя я знаю, что такое допущение неверно,—если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, все-таки наша революция была бы, *и она будет перед всемирной историей*, велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической организации.

Каждая ошибка в такой работе, в этой добросовестнейшей и искреннейшей работе десятков миллионов простых рабочих и крестьян по переустройству всей их жизни,—каждая такая ошибка стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплуататорского меньшинства, успехов в деле надувания и объегоривания трудящихся. Ибо только *через* такие ошибки

научатся строить новую жизнь, научатся обходиться *без* капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь,—через тысячи препятствий—к победоносному социализму.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши крестьяне, которые одним ударом, в одну ночь с 25 на 26 октября (ст. ст.) 1917 года отменили всякую частную собственность на землю и теперь, месяц за месяцем, преодолевая необъятные трудности, исправляя сами себя, решают практически труднейшую задачу организации новых условий хозяйственной жизни, борьбы с кулаками, обеспечения земли за *трудящимися* (а не за богатеями), перехода к *коммунистическому* крупному земледелию.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши рабочие, которые национализировали теперь, за несколько месяцев, почти все крупнейшие фабрики и заводы и учатся тяжелым, ежедневным трудом новому делу управления целыми отраслями промышленности, налаживают национализированные хозяйства, преодолевают гигантское сопротивление косности, мелкобуржуазности, эгоизма, кладут камень за камнем фундамент *новой* общественной связи, *новой* трудовой дисциплины, *новой* власти профессиональных союзов рабочих над их членами.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши советы, созданные еще в 1905 году могучим подъемом масс. Советы рабочих и крестьян, это—новый *тип* государства, новый высший *тип* демократии, это—форма диктатуры пролетариата, способ управления государством *без* буржуазии и *против* буржуазии. Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся, перестав быть демократией для богатых, каковой остается демократия во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках. Впервые народные массы решают, в масштабе для сотни миллионов людей, задачу осуществить диктатуру пролетариев и полу-пролетариев,—задачу, без решения которой *не может быть* и речи о социализме.

Пусть педанты или люди, неизлечимо напичканные буржуазно-демократическими, или парламентарными, предрассудками, недоуменно качают головой по поводу наших Совдепов, останавливаясь, например, на отсутствии прямых выборов. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились за время

великих переворотов 1914—1918 годов. Соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся,—гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику,—такое соединение не дается сразу и не укладывается в избитые формы рутинного парламентарного демократизма. Новый мир, мир социализма,—вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская Республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера.

Когда старые буржуазно-демократические конституции расписывали, например, формальное равенство и право собраний,—наша, пролетарская и крестьянская, советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республиканцы свергали троны, тогда не заботились о формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии. Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах, и в деревнях, у богачей, *передали в с е* эти здания рабочим и крестьянам под *их* союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний—для трудящихся. Вот смысл и содержание нашей советской, нашей социалистической конституции.

И вот почему так глубоко уверены все мы, что, какие бы беды ни обрушились еще на нашу Республику Советов, ***она непобедима.***

Она непобедима, ибо каждый удар бешеного империализма, каждое поражение, наносимое нам международной буржуазией, поднимает к борьбе новые и новые слои рабочих и крестьян, обучает их ценой величайших жертв, закаляет их, рождает новый массовый героизм.

Мы знаем, что помощь от вас, товарищи-американские рабочие, придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе). Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели, как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы,

ставим ставку на неизбежность революции в *определенный* короткий срок. Мы видели две великих революции, 1905 и 1917, в своей стране и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению. Мы знаем, что обстоятельства выдвинули вперед *наш*, российский отряд социалистического пролетариата, не в силу наших заслуг, а в силу особой отсталости России, и что *до* взрыва международной революции возможен ряд поражений отдельных революций.

Несмотря на это, мы твердо знаем, что мы непобедимы, ибо человечество не сломится от империалистской бойни, а осилит ее. И первой страной, которая *сломала* каторжную цепь империалистской войны, была *наша* страна. Мы принесли тягчайшие жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но мы *сломали* ее. Мы стоим *вне* империалистских зависимостей, мы подняли перед всем миром знамя борьбы за полное свержение империализма.

Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, *они многочисленнее*, чем наши, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма. Рабочие рвут со своими социал-предателями, Гомперсами, Хендерсонами, Реноделями, Шейдеманами, Реннерами. Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической, большевистской, тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция.

Н. Ленин.

Т. XXIII, стр. 176—189.

20 авг. 1918 г.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ 23 АВГУСТА 1918 г.

В чем наша программа? В завоевании социализма. В настоящий момент мировой войны выхода из этой войны, помимо победы социализма, нет. Но этого многие не понимают. Сейчас большинство человечества против кровавой

бойны, но понять ее непосредственной связи с капиталистическим строем они не могут. Ужасы теперешней войны бросаются в глаза даже буржуазии, но не ей связывать конец войны с концом капиталистического строя... А эта главная мысль всегда отличала большевиков и революционных социалистов всех других стран от тех, кто хочет низвести на землю мир, сохранив капиталистический порядок в незыблемости.

Почему ведутся войны? Мы знаем, что большинство войн велось из-за интересов династий и называлось династическими. Но иногда войны велись из-за интересов угнетенных. Спартак поднял войну для защиты порабощенного класса. Такие же войны велись в эпоху колониальных угнетений, которые и сейчас не прекратили своего существования, в эпоху рабства и т. д. Эти войны были справедливыми, эти войны не могут быть осуждаемы.

Но когда мы говорим о настоящей европейской войне и осуждаем ее, то только потому, что она ведется классом угнетателей.

Какой цели служит настоящая война? Если верить дипломатам всех стран, то она ведется со стороны Франции и Англии в целях защиты малых народностей против варваров, гуннов-немцев; со стороны Германии она ведется против варваров-казаков, угрожающих культурному народу Германии и в целях защиты отечества от нападающих врагов.

Но нам известно, что эта война подготовлялась, нарастала и была неизбежна. Она была так же неизбежна, как неизбежна война между Америкой и Японией. В чем же заключается эта неизбежность?

А в том, что капитализм сосредоточил богатства земли в руках отдельных государств, разделил землю до последнего куска: дальнейшая дележка, дальнейшее обогащение может идти уже за счет других, одного государства за счет другого. Разрешиться этот вопрос может исключительно силой— и война поэтому между мировыми хищниками стала неизбежной.

Во главе настоящей войны до сего времени стояли две главные фирмы—Англия и Германия. Англия представляла самую сильную колониальную страну. Несмотря на то, что население самой Англии не более 40 миллионов,—население ее колоний более 400 миллионов. Она издавна, по праву

сильного, захватила чужие колонии, захватила массу земель и пользовалась эксплуатацией их. Но экономически она за последние 50 лет отстала от Германии. Промышленность Германии обогнала промышленность Англии. Крупный государственный капитализм Германии соединился с бюрократизмом, и Германия побила рекорд.

Между этими двумя гигантами решить спор на первенство нельзя было иначе, как силой.

Если Англия некогда, по праву сильного, захватила земли у Голландии, Португалии и т. д.,—то теперь на сцену выступила Германия и заявила, что наступил и мой черед поживиться за счет другого.

Вот в чем вопрос: в борьбе за разделение мира между сильнейшими. И потому, что обе стороны имеют капиталы в сотни миллионов, борьба между ними обратилась во всемирную.

Мы знаем, сколько тайных преступлений совершено за эту войну. Опубликованные нами тайные договоры доказали, что фразы, объяснявшие ведение войны, оставались словами, и все государства, как и Россия, были связаны грязными договорами поживиться за счет малых и слабых народностей. В результате, кто был сильным—обогатился еще более; кто был слабым,—раздавлен.

Обвинять отдельных лиц в начале войны нельзя; ошибочно обвинять королей и царей в создании настоящей бойни,—ее создал капитал. Капитализм уперся в тупик. Этот тупик не что иное, как империализм, диктовавший войну между конкурентами на весь мир. Величайшей ложью было объявление войны из-за освобождения малых народностей. Оба хищника стоят, все так же кровожадно поглядывая друг на друга, а около немало задавленных малых народностей.

И мы говорим: нет выхода из империалистской бойни иначе, как через гражданскую войну.

Когда мы об этом говорили в 14 г., нам отвечали, что это похоже на прямую линию, проведенную в пространство, но наш анализ подтвержден ходом всех дальнейших событий. В настоящий момент мы видим, что генералы шовинизма остаются без армии. Недавно во Франции, наиболее пострадавшей от войны, наиболее чутко относившейся к лозунгу защиты отечества, ибо враг стоял у ворот Парижа,—в этой стране оборонцы потерпели крушение; правда, шови-

низм потерпел крушение от людей шатающихся, как Лонге,—все же это не так важно. Мы знаем, что в первые дни революции в России власть попала в руки господ, говоривших одни слова, но державших в карманах те же царские договоры.

И если развитие партий влево в России прошло быстрей, то этому помог тот проклятый режим, что был до революции, и наша революция 1905 года.

В Европе же, где господствует умный и расчетливый капитализм, где он обладает мощной и стройной организацией, там освобождение от националистического угара идет медленнее. Но все же нельзя не видеть, что империалистская война умирает долгой, мучительной смертью.

По сообщениям, которым вполне можно доверять, разложение захватило германскую армию, и она занялась спекуляцией. Иначе и быть не может. В тот момент, когда очнувшийся солдат начинает понимать, что калечение и смерть происходят единственно из-за интересов буржуазии,—разложение не может не проникнуть в массы.

Французская армия, которая держалась дольше всех и стойче всех,—тоже показала, что процесс разложения ей не чужд. Суд над Мальви приподнял завесу и над событиями во Франции и сообщил, что тысячи солдат отказывались выступить на фронт.

Все это—предвестники тех же событий, что развернулись и в России. Только культурные страны дадут нам картины более жестокой гражданской войны, нежели дала Россия. Это подтверждает Финляндия, наиболее демократическая страна из всех других в Европе, страна, где женщина впервые получила право голоса,—эта страна дико и безжалостно расправлялась с красноармейцами, и последние легко не сдавались. Эта картина показывает, какая жестокая участь ждет эти культурные страны.

Вы сами видите, как абсурдно было обвинение большевиков в том, что разложение русской армии—дело их рук.

Мы представляем только один отряд, который прошел несколько дальше других рабочих отрядов, и не потому, что он лучше других, а потому, что глупая политика нашей буржуазии позволила рабочему классу России быстрее снять с себя ее иго. Сейчас, борясь за социалистический строй в России, мы боремся за социализм всего мира. Сей-

час во всех странах, на всех рабочих митингах, на всех рабочих собраниях только и разговора, что о большевиках, и нас знают, они знают, что мы в настоящее время делаем дело всего мира, исполняем работу для них.

Отменяя собственность на землю, национализируя предприятия, банки, которые занимаются в настоящий момент тем, чтобы организовать промышленность, мы имеем окрики со всех сторон, что творим массу ошибок. Да, но рабочие сами творят социализм, и каких бы мы ошибок ни наделали—на этой практике мы учимся и подготовляем почву для безошибочного искусства делать революцию.

Вот почему мы видим такую бешеную ненависть! Вот почему французский империализм не жалеет бросать десятки и сотни миллионов для поддержки контр-революции, ибо она несет с собой возвращение Франции русских долгов, выражающихся в миллиардах, от которых отказались рабочие и крестьяне.

В настоящий момент вся буржуазная пресса забавляется тем, что наполняет ложью свои столбцы вроде того, что Совет Народных Комиссаров выехал в Тулу, а что десять дней тому назад его видели в Кронштадте и т. д.; что Москва накануне падения и что Советские власти бежали.

Вся буржуазия, все бывшие Романовы, все капиталисты и помещики за чехо-словаков, ибо мятеж последних они связывают с возможностью падения Советской власти. Об этом знают союзники, и они предпринимают одну из серьезнейших битв. Им не хватало в России ядра, и ядро они обрели в чехо-словаках. Поэтому к мятежу последних нельзя относиться несерьезно. Этот мятеж повлек за собою ряд контр-революционных восстаний, ряд мятежей кулацких и белогвардейских ознаменовали собою последние страницы нашей революционной истории.

Положение Советской власти серьезно, на это не следует закрывать глаз. Но взгляните кругом, и уверенность в нашей победе не может не заполнить вас.

Германия понесла ряд поражений, и не секрет, что эти поражения—результат «измены» немецких солдат; французские солдаты отказались выступить на фронт в самый опасный момент из-за ареста товарища Андрио, которого пришлось правительству освободить, чтобы двинуть войска, и т. д. и т. д.

Мы принесли много жертв. Брестский мир—одна тяжелая рана, мы ждали революции в Германии, но она тогда еще не дозрела. Это происходит сейчас, революция безусловно идет и неминуема. Но только глупец может спрашивать, когда наступит революция на Западе. Революцию нельзя учесть, революцию нельзя предсказать, она является сама собой. И она нарастает и должна вспыхнуть. Разве за неделю до февральской революции кто-либо знал, что она разразится? Разве в тот момент, когда сумасшедший поп вел народ ко дворцу, кто-либо думал, что разразится революция 5-го года? Но революция нарастает и должна неминуемо произойти.

И мы должны сохранить Советскую власть до ее начала, наши ошибки должны послужить уроком западному пролетариату,—международному социализму. Спасение не только русской революции, но и международной на чехо-словацком фронте. И мы уже имеем сведения, что та армия, которую бесконечно предавали генералы, армия, которая бесконечно устала, эта армия, с приходом наших товарищей, коммунистов, рабочих, начинает побеждать, начинает проявлять революционный энтузиазм в борьбе с мировой буржуазией.

И мы верим, что победа за нами и что, победив, мы отстоим социализм.

Т. XXIII, стр. 192—196.

ПИСЬМО Я. А. БЕРЗИНУ

В БЕРН

20 сентября 1918 г. [Москва.]

Дорогие товарищи!

Сегодняшняя «Правда» привела выдержки из статьи Каутского против большевизма (Soz. Auslandspolitik).

Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм Каутского возбуждают вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы с теоретическим опошлением марксизма Каутским?

Можно ли терпеть, что даже такие люди, как Меринг и Цеткин, отгораживаются от Каутского более «морально» (если позволительно так выразиться), чем теоретически...

Каутский же не нашел лучшего, как писать теперь против большевиков?

Разве это довод? Разве можно так ослаблять свою позицию? Ведь это значит только давать оружие в руки Каутскому.

И это вместо того, чтобы писать:

Каутский *абсолютно* не понял и извратил чисто оппортунистически:

и учение Маркса о государстве,
» » о диктатуре пролетариата,
» » о буржуазной демократии,
» » о парламентаризме,
» » о роли и значении Коммуны и т. д.

Надо бы принять такие меры:

1) поговорить обстоятельно с левыми (спартаковцами и проч.), побудив их выступить в печати с принципиальным, теоретическим заявлением, что по вопросу о диктатуре Каутский дает пошлую бернштейниаду, а не марксизм;

2) издать поскорее по-немецки мое «Государство и революция»;

3) снабдить его хотя бы издательским предисловием в роде:

«Издатель считает особенно насущным выход в свет именно в данный момент, в виду полного извращения марксизма, как раз по данным вопросам последних произведений Каутского, заменяющего точку зрения диктатуры пролетариата пошлым социал-либерализмом в духе бернштейнианском и других оппортунистов».

4) Если нельзя быстро издать брошюры, то *в газетах* левых пустить заметку, подобную «издательскому предисловию».

Очень просил бы прислать (для меня особо) брошюру Каутского (о большевиках, диктатуре и проч.), как только она выйдет.

Затем собрать для меня все статьи Каутского о большевиках («Демократия и диктатура», конец 1917 или начало 1918 г.; затем статьи из «Soz. Auslandspolitik», август 1918 г.) и другие статьи, кои были.

Наилучшие приветы. *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 512.

ПИСЬМО Я. М. СВЕРДЛОВУ И Л. Д. ТРОЦКОМУ

ТТ. СВЕРДЛОВУ И ТРОЦКОМУ

1. X. 1918.

Дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам. А сегодня мы уже отстали.

Надо созвать *завтра* соединенное собрание.

ЦИК

Московского Совета

Райсоветов

Профессиональных союзов и прочая и прочая.

Сделать ***ряд*** докладов о *начале революции в Германии.*

(Победа *нашей* тактики борьбы с германским империализмом и т. д.).

Принять резолюцию.

Международная революция приблизилась *за неделю* на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием *дней ближайших.*

Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II + Эберт и прочие мерзавцы.

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще *только* духом), мы братский союз, ***хлеб,*** помощь военную

начинаем готовить.

Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции.

Вывод: 1) вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы *все* очистить и для нас *и для немецких* рабочих,
2) вдесятеро больше *записи* в войско.

Армия в 3 миллиона должна быть у нас *к весне* для помощи международной рабочей революции.

Эта резолюция должна в среду ночью пойти всему миру по телеграфу.

Назначьте собрание в среду в 2 ч. Начнем в *4*, мне дайте слово на $^1/_4$ часа вступления, я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину (а по телефону скажите только: *согласны*).

Привет! *Ленин.*

Ленинский сборнак XXI, стр. 252—253.

ПИСЬМО ОБЪЕДИНЕННОМУ ЗАСЕДАНИЮ В.Ц.И.К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 3 ОКТЯБРЯ 1918 г.

В Германии разразился политический кризис. Паническая растерянность и правительства, и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом. Безнадежность военного положения и отсутствие всякой поддержки господствующих классов трудящимися массами обнаружены сразу. Этот кризис означает либо начало революции, либо, во всяком случае, то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию.

Правительство морально подало в отставку и истерически мечется между военной диктатурой и коалиционным кабинетом. Но военная диктатура, в сущности, испробована уже с начала войны, и как раз теперь она перестала быть осуществимой, так как армия сделалась ненадежной. Привлечение же в кабинет Шейдеманов и К⁰ только ускорит революционный взрыв, сделает его более широким, более сознательным, более твердым и решительным после того, как разоблачится до конца все жалкое бессилие этих лакеев буржуазии, этих продажных людишек, таких же, как наши меньшевики и эсеры, как Гендерсоны и Сидней Уэббы в Англии, Альберы Тома и Ренодели во Франции и т. п.

Кризис в Германии только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата. Российский пролетариат с величайшим вниманием и восторгом следит за событиями. Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной

рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы. Теперь даже самые темные поймут, какую безмерно подлую измену социализму совершали меньшевики и эсеры, идя на союз с грабительской англо-французской буржуазией, ради, будто бы, отмены Брестского мира. И уже, разумеется, Советская власть не подумает помогать немецким империалистам попытками нарушить Брестский мир, взорвать его в такой момент, когда внутренние антиимпериалистические силы Германии начинают кипеть и бурлить,—в такой момент, когда представители германской буржуазии начинают оправдываться перед своим народом в заключении такого мира, начинают изыскивать средства «переменить» политику.

Но пролетариат России не только со вниманием и восторгом следит за событиями. Он ставит вопрос о том, чтобы напрячь все силы *для помощи немецким рабочим,* которым предстоят самые тяжелые испытания, самые тяжкие переходы от рабства к свободе, самая упорная *борьба и со своим и с английским империализмом.* Поражение германского империализма будет означать на известное время и рост наглости, зверства, реакционности и завоевательных попыток со стороны англо-французского империализма.

Большевистский рабочий класс России был всегда интернационалистским не на словах, а на деле, в отличие от тех мерзавцев, героев и вождей II Интернационала, которые либо прямо изменяли, вступая в союз со своей буржуазией, либо старались отделываться фразами, выдумывая (подобно Каутскому, Отто Бауэру и К⁰) отговорки от революции, выступая против всякого смелого, великого революционного действия, против всякой жертвы узко-национальными интересами во имя движения вперед пролетарской революции.

Российский пролетариат поймет, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма. Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма.

Начнем же немедленно готовиться. Докажем, что русский рабочий умеет гораздо более энергично работать, гораздо более самоотверженно бороться и умирать, когда дело идет

не об одной только русской, но и о международной рабочей революции.

Прежде всего удесятерим свои усилия по заготовке запасов хлеба. Постановим, что в каждом крупном элеваторе создается запас хлеба для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в трудное положение в их борьбе за освобождение от чудовищ и зверей империализма. Пусть каждая партийная организация, каждый профессиональный союз, каждая фабрика, мастерская и т. д. свяжутся специально с несколькими избранными ею волостями для укрепления союза с крестьянами, для помощи им, для просвещения их, для победы над кулаками, для полной очистки всех излишков хлеба.

Пусть таким же путем удесятерится наша работа по созданию пролетарской Красной армии. Перелом наступил,—мы все это знаем, видим и чувствуем. Рабочие и трудящиеся крестьяне передохнули от ужасов империалистической бойни, они поняли и на опыте увидали необходимость войны с угнетателями для защиты завоеваний их революции, революции трудящихся, их власти, Советской власти. Армия создается, Красная армия рабочих и бедных крестьян, готовых на все жертвы для защиты социализма. Армия крепнет и закаляется в битвах с чехо-словаками и белогвардейцами. Фундамент заложен прочно, надо спешить с возведением самого здания.

Мы решили иметь армию в 1.000.000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь.

Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег во всемирной рабочей революции. Возможны самые быстрые перемены, возможны попытки союза германского и англо-французского империализма против Советской власти.

Ускорить работу подготовки должны и мы. Удесятерим же наши усилия.

Пусть станет это лозунгом годовщины великой Октябрьской революции пролетариата!

Пусть станет это залогом грядущих побед всемирной пролетарской революции!

Т. XXIII, стр. 215—217.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ

Под этим заглавием я начал писать брошюру [1], посвященную критике только что вышедшей в Вене брошюры Каутского: «Диктатура пролетариата». Но, ввиду того, что моя работа затягивается, я решил просить редакцию «Правды» дать место краткой статье на ту же тему.

Более чем четырехлетняя изнурительнейшая и реакционная война сделала свое дело. В Европе чувствуется дыхание нарастающей пролетарской революции—и в Австрии, и в Италии, и в Германии, и во Франции, даже в Англии (крайне характерны, напр., в июльской книжке архиоппортунистического «Социалистического Обозрения», редактируемого полулибералом Рамсэем Макдональдом, «Признания капиталиста»).

И в такой момент вождь II Интернационала, господин Каутский, выпускает книгу о диктатуре пролетариата, т.-е. о пролетарской революции, книгу во сто раз более позорную, более возмутительную, более ренегатскую, чем знаменитые «Предпосылки социализма» Бернштейна. Почти 20 лет прошло со времени издания этой ренегатской книги, и теперь является повторение, усугубление ренегатства Каутским!

Ничтожная часть книги посвящена собственно русской большевистской революции. Каутский повторяет целиком меньшевистские премудрости, так что русский рабочий встретил бы это только гомерическим хохотом. Представьте себе, например, что «марксизмом» называется пересыпанное цитатами из полулиберальных сочинений полулиберала Маслова рассуждение о том, как богатые крестьяне стараются прибрать себе землю (ново!), как им выгодны высокие цены на хлеб и т. п. А рядом с этим пренебрежительное, совсем уже либеральное, заявление нашего «марксиста»: «Бедный крестьянин признается здесь» (т.-е. большевиками в Советской Республике) «постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы «диктатуры пролетариата»» (стр. 48 брош. К.).

Не правда ли, хорошо? Социалист, марксист, старается *нам*

---

[1] См. XXIII том Сочинений, стр. 335—412. *Ред.*

доказать *буржуазный* характер революции и при этом высмеивает, совершенно в духе Маслова, Потресова *и кадетов*, организацию бедноты в деревне.

«Экспроприации богатых крестьян вносят лишь новый элемент беспокойства и гражданской войны в процесс производства, который для своего оздоровления настоятельно требует спокойствия и безопасности» (стр. 49).

Невероятно, но факт. Это буквально сказано Каутским, а не Савинковым и не Милюковым!

В России мы столько уже раз видали, как «марксизмом» прикрываются защитники кулаков, что Каутский нас не удивит. Может быть, для европейского читателя придется подробнее остановиться на этом подлом прислужничестве буржуазии и либеральной боязни гражданской войны. Русскому рабочему и крестьянину достаточно указать пальцем на это ренегатство Каутского—и пройти мимо.

* * *

Едва ли не девять десятых книги Каутского посвящены общему теоретическому вопросу первейшей важности: вопросу об отношении диктатуры пролетариата к «демократии». И тут-то всего яснее полный разрыв Каутского с марксизмом.

Каутский уверяет своих читателей—с совершенно серьезным и чрезвычайно «ученым» видом,—что под «революционной диктатурой пролетариата» Маркс разумел не *«форму правления»,* исключающую демократию, а *состояние,* именно: «состояние господства». Господство же пролетариата, как большинства населения, возможно при строжайшем соблюдении демократии, и, напр., Парижская Коммуна, которая была как раз диктатурой пролетариата, была выбрана всеобщим голосованием. А что Маркс не имел в виду, говоря о диктатуре пролетариата, «формы правления» (или формы правительства, Regierungsform), это де «доказывается уже тем, что он, Маркс, считал возможным для Англии и Америки переход (к коммунизму) мирным, т.-е. демократическим путем» (20—21 стр.).

Невероятно, но факт! Каутский рассуждает именно так и громит большевиков за нарушение «демократии» в их конституции, во всей их политике, проповедует изо всех сил,

по всем поводам, «демократический, а не диктаторский метод».

Это—полнейший переход на сторону тех оппортунистов (вроде немецких, Давида, Кольба и других столпов социал-шовинизма, или английских фабианцев и независимцев, или французских и итальянских реформистов), которые говорили прямее и честнее, что не признают учения Маркса о диктатуре пролетариата, ибо оно де противоречит демократизму.

Это—полное возвращение к тому взгляду до-марксистского немецкого социализма, что де мы стремимся к «свободному народному государству», взгляду мещанских демократов, не понимавших, что *всякое* государство есть машина для подавления одного класса другим классом.

Это—полное отречение от революции пролетариата, на место которой ставится либеральная теория «завоевания большинства», «использования демократии»! Все, что сорок лет, с 1852 по 1891 год, проповедывали и доказывали Маркс и Энгельс о необходимости для пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, целиком забыто, извращено, выкинуто за борт ренегатом Каутским.

Разбирать подробно теоретические ошибки Каутского значило бы повторять то, что сказано мной в «Государстве и революции». В этом здесь нет надобности. Укажу лишь вкратце:

Каутский отрекся от марксизма, забывши, что *всякое* государство есть машина подавления одного класса другим и что самая *демократическая буржуазная* республика есть машина для угнетения пролетариата буржуазией.

Не «формой правления», а *государством иного типа* является диктатура пролетариата, пролетарское государство, машина для подавления *буржуазии пролетариатом*. Подавление необходимо потому, что буржуазия окажет всегда бешеное сопротивление ее экспроприации.

(Ссылка на то, что Маркс в 70-х годах допускал возможность мирного перехода к социализму в Англии и Америке, есть довод софиста, то-есть, проще говоря, мошенника, который жульничает при помощи цитат и ссылок. Во-1-х, эту возможность Маркс и тогда считал исключением. Во-2-х, тогда не было еще монополистического капитализма, т.-е. империализма. В-3-х, именно в Англии и Америке не было тогда—

(теперь есть)—военщины, как главного аппарата буржуазной государственной машины).

Где есть подавление, там не может быть свободы, равенства и проч. Поэтому Энгельс и говорил: «Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников; а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать».

Буржуазная демократия, ценность которой для воспитания пролетариата и обучения его к борьбе бесспорна, всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией для богатых, обманом для бедных.

Пролетарская демократия подавляет эксплуататоров, буржуазию—и потому не лицемерит, *не обещает им* свободы и демократии—а трудящимся дает *настоящую демократию*. Только Советская Россия дала пролетариату, и всему гигантскому трудящемуся большинству России, невиданную, невозможную и немыслимую ни в одной буржуазной демократической республике *свободу и демократию*, отняв, напр., дворцы и особняки у буржуазии (без этого свобода собраний—лицемерие), отняв типографии и бумагу у капиталистов (без этого свобода печати для трудящегося большинства нации есть ложь), заменив буржуазный парламентаризм демократической организацией *советов, в 1000 раз* более близких к «народу», более «демократичных», чем самый демократичный буржуазный парламент. *И так далее.*

Каутский выкинул за борт... «классовую борьбу» в применении к демократии! Каутский стал форменным ренегатом и лакеем буржуазии.

* * *

Мимоходом нельзя не отметить нескольких перлов ренегатства.

Каутский вынужден признать, что советская организация имеет не только русское значение, а мировое, что она принадлежит к «важнейшим явлениям нашего времени», что она обещает приобрести «решающее значение» в грядущих великих «битвах между капиталом и трудом». Но—повторяя

премудрость меньшевиков, благополучно перешедших на сторону буржуазии против пролетариата—Каутский «умозаключает»: советы хороши как «организации борьбы», а не как «государственные организации».

Великолепно! Организуйтесь в советы, пролетарии и беднейшие крестьяне! Но—боже упаси!—не смейте побеждать! не вздумайте победить! Как только вы победите буржуазию, так вам тут и капут, ибо «государственными» организациями в пролетарском государстве вы быть не должны. Вы должны, именно после вашей победы, распуститься!!

О, великолепный «марксист» Каутский! О, бесподобный «теоретик» ренегатства!

Перл номер второй. Гражданская война есть «смертельный враг» «социальной революции», ибо она, как мы уже слышали, «нуждается в спокойствии» (для богатых?) «и в безопасности» (для капиталистов?).

Пролетарии Европы! Не думайте о революции, пока вы не найдете такой буржуазии, которая бы *не наняла* против вас для гражданской войны Савинкова и Дана, Дутова и Краснова, чехо-словаков и кулаков!

Маркс в 1870 году писал: главная надежда, что война обучила французских рабочих владеть оружием. «Марксист» Каутский от 4-х летней войны ждет не применения рабочими оружия против буржуазии (упаси боже! это, пожалуй, не совсем «демократично»), а... заключения добренького мира добренькими капиталистами!

Перл номер третий. Гражданская война имеет еще одну неприятную сторону: тогда как в «демократии» есть «охрана меньшинства» (которую—заметим в скобках—так хорошо испытали на себе французские защитники Дрейфуса или Либкнехты, Маклины, Дебсы в последнее время),—гражданская война (слушайте! слушайте!) «грозит потерпевшему поражение полным уничтожением».

Ну, разве же не настоящий революционер этот Каутский? Он всей душой за революцию... только такую, чтобы не было серьезной борьбы, грозящей уничтожением! Он вполне «преодолел» старые ошибки старого Энгельса, который с восторгом воспевал воспитательное действие насильственных революций. Он, как «серьезный» историк, вполне отрекся от заблуждений тех, кто говорил, что гражданская война

закаляет эксплуатируемых, учит их создавать новое общество *без* эксплуататоров.

Перл номер четвертый. Была ли исторически велика и полезна диктатура пролетариев и мещан в революции 1789 года? Ничего подобного. Ибо пришел Наполеон. «Диктатура низших слоев выравнивает путь к диктатуре сабли» (стр. 26).——Наш «серьезный» историк—как и все либералы, в лагерь коих он перешел,—твердо уверен, что в странах, не видавших «диктатуры низших слоев»—например, в Германии, диктатуры сабли не было. Германия никогда не отличалась от Франции более грубой, более подлой диктатурой сабли,—это все клевета, придуманная Марксом и Энгельсом, которые бессовестно лгали, говоря, что до сих пор в «народе» Франции больше свободолюбия и гордости угнетенных, чем в Англии или Германии, и что Франция обязана этим именно своим революциям.

...Но довольно! Надо бы написать особую брошюру, чтобы перебрать все перлы ренегатства у подлого ренегата Каутского.

* * *

На «интернационализме» господина Каутского нельзя не остановиться. Нечаянно Каутский пролил на него яркий свет,—именно тем, что изобразил в самых сочувственных выражениях интернационализм меньшевиков, которые ведь тоже циммервальдисты,—уверяет сладенький Каутский,—которые ведь «братья» большевиков, не шутите!

Вот это сладенькое изображение «циммервальдизма» меньшевиков:

«Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. Пока это не достигнуто, русская армия должна была, по их мнению, стоять в боевой готовности»... А худые большевики «дезорганизовывали» армию и заключили худой Брестский мир...

Каутский говорит яснее ясного, что надо было оставить учредилку, не надо было брать власть большевикам.

Итак, интернационализм состоит в том, что надо *поддерживать «свое»* империалистское правительство, как поддерживали меньшевики и эсеры Керенского, прикрывать его

тайные договоры, обманывая народ сладенькой фразой: мы де «требуем» от зверей, чтобы они стали добрыми, мы «требуем» от империалистских правительств, чтобы они «приняли лозунг без аннексий и контрибуций».

По мнению Каутского, в этом состоит интернационализм. А по нашему мнению, это полное ренегатство.

Интернационализм состоит в разрыве со *своими* социал-шовинистами (т.-е. оборонцами) и со *своим* империалистским правительством, в революционной борьбе против него, в свержении его, в готовности идти на величайшие национальные жертвы (даже и на Брестский мир), если это полезно развитию *интернациональной* рабочей революции.

Мы прекрасно знаем, что Каутский и его компания (вроде Штребеля, Бернштейна и т. п.) были очень «возмущены» заключением Брестского мира: они бы хотели, чтобы мы сделали «жест»... отдающий в России моментально власть в руки буржуазии! Эти тупоумные, но добренькие и сладенькие немецкие мещане руководились не тем, чтобы пролетарская советская республика, первая в мире революционно свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах (мещане *боятся* пожара в Европе, *боятся* гражданской войны, нарушающей «спокойствие и безопасность»). Нет. Они руководились тем, чтобы во *всех* странах держался *мещанский* национализм, объявляющий себя «интернационализмом» за свою «умеренность и аккуратность». Пусть бы русская республика оставалась буржуазной и... дожидалась... Тогда бы все на свете были добрыми, умеренными, незавоевательными мещанами-националистами и в этом как раз состоял бы интернационализм!

Так думают каутскианцы в Германии, лонгетисты во Франции, независимцы (I. L. P.) в Англии, Турати и его «братья» по ренегатству в Италии и так далее и тому подобное.

Теперь уже лишь круглые дураки могут не видеть, что мы были не только правы, свергая свою буржуазию (и ее лакеев, меньшевиков и эсеров), но были правы также, заключая Брестский мир *после того,* как открытый призыв к общему миру, поддержанный публикацией и разрывом тайных договоров, был отклонен буржуазией согласия (Антанты). Во-1-х, если бы мы не заключили Брестского мира, мы сразу отдали бы власть русской буржуазии и тем повредили

величайшим образом всемирной социалистической революции. Во-2-х, ценою *национальных* жертв, мы сохранили такое *интернациональное* революционное влияние, что теперь вот прямо подражает нам Болгария, кипит Австрия и Германия, ослаблены *оба* империализма, а мы окрепли и *начали* создавать настоящую пролетарскую армию.

Из тактики ренегата Каутского вытекает, что немецкие рабочие должны теперь защищать отечество, вместе с буржуазией, и бояться больше всего немецкой революции, ибо англичане могли бы ей навязать новый Брест. Это и есть ренегатство. Это и есть мещанский национализм.

А мы говорим: завоевание Украины было величайшей национальной жертвой, а пролетариев и беднейших крестьян Украины оно закалило и *усилило,* как революционных борцов за интернациональную рабочую революцию. Украина пострадала—интернациональная революция выиграла, «развратив» немецкое войско, ослабив немецкий империализм, *сблизив* немецких, украинских и русских рабочих революционеров.

Было бы, конечно, «приятнее», если бы мы простой войной могли свергнуть и Вильгельма и Вильсона. Но это бредни. Свергнуть их внешней войной мы не можем. А двинуть вперед их *внутреннее* разложение мы можем. Мы достигли этого советской, пролетарской, революцией в *громадных* размерах.

Еще больше достигли бы такого успеха немецкие рабочие, если бы пошли на революцию, *не считаясь* с национальными жертвами (только в этом и состоит интернационализм), если бы они сказали (и *делом* подтвердили), что для них интерес международной рабочей революции *выше* целости, безопасности, спокойствия того или другого, *и именно своего,* национального государства.

* * *

Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Хендерсонов, Уэббов и К^0, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной.

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью.

Поэтому всячески надо разоблачать ренегатов, вроде Каутского, поддерживая этим революционные *группы* действительно интернационалистских пролетариев, которые есть во *всех* странах. Пролетариат отвернется быстро от предателей и от ренегатов и пойдет за этими группами, воспитает себе из них своих вождей. Недаром воет буржуазия всех стран о «мировом большевизме».

Мировой большевизм победит мировую буржуазию.

Написано 9 октября 1918 г. *Т. XXIII, стр. 218—221.*

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ГРУППЫ СПАРТАК

[В БЕРЛИН]

18 октября 1918 г. [Москва.]

Уважаемые товарищи! Сегодня получено известие о том, что группа Спартак вместе с бременской лево-радикальной группой предпринимает самые энергичные меры, чтобы способствовать созданию рабочих и солдатских Советов по всей Германии. Пользуюсь этим случаем, чтобы передать наши лучшие пожелания германским революционным социал-демократам-интернационалистам. Работа германской группы Спартак, которая вела систематическую революционную пропаганду в самых трудных условиях, действительно спасла честь германского социализма и германского пролетариата. Теперь наступает решительный час: быстро назревающая германская революция призывает группу Спартак к выполнению важнейших задач, и мы все твердо надеемся, что скоро германская социалистическая пролетарская республика нанесет решительный удар мировому империализму.

Надеюсь, что книга ренегата Каутского против диктатуры пролетариата принесет также известную пользу. Подтвердится правильность того, что всегда говорилось группой Спартака против каутскианцев, и массы скорее освободятся от влияния господина Каутского и К^0, влекущего их в болото.

Лучшие приветы с непоколебимой надеждой на то, что в ближайшем времени можно будет приветствовать победу пролетарской революции в Германии.

Ваш *Н. Ленин.*

Т. XXIX, стр. 511.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В. Ц. И. К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 22 ОКТЯБРЯ 1918 г.

Революционное движение пролетарских масс и крестьянства против империалистской войны сделало за последнее время громадные успехи во всех странах, особенно на Балканах, в Австрии и в Германии. Но именно эти успехи вызвали у международной буржуазии, во главе которой встала теперь англо-американская и французская, особое озлобление и стремление спешно организоваться в контрреволюционную силу для подавления революции, в первую же голову ее главного очага в данный момент, Советской власти в России.

Германская буржуазия и германское правительство, разбитые на войне и угрожаемые могучим революционным движением извнутри, мечутся в поисках спасения. Одно течение в правящих кругах Германии надеется еще оттяжками выиграть время до зимы и подготовить военную оборону страны на новой линии укреплений. Другое течение судорожно ищет соглашения с англо-французской буржуазией против революционного пролетариата и большевиков. Поскольку это течение натыкается на крайнюю несговорчивость победителей, англо-французских империалистов, постольку оно старается запугать их большевистской опасностью и подкупить их, оказывая им услуги против большевиков, против пролетарской революции.

Буржуазия подчиненных Германии или оккупированных ею стран еще усерднее ищет соглашения с Антантой, особенно в тех случаях, когда она, как например, в Финляндии, на Украине и т. п., сознает полную невозможность удержать свою власть над эксплуатируемыми трудящимися массами без помощи иностранных штыков.

В результате этих условий создается такое своеобразное положение для Советской власти: с одной стороны, мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь; а с другой стороны, мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь. На лицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обесси-

ливающих, приблизительно одинаково сильных, групп империалистских хищников. Остается одна группа победителей, англо-французских империалистов; она собирается делить между капиталистами весь мир; она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть советскую власть в России и заменить эту власть буржуазною; она готовится теперь напасть на Россию с юга, например, через Дарданеллы и Черное море или через Болгарию и Румынию, причем по крайней мере часть англо-французских империалистов, видимо, надеется на то, что германское правительство, по прямому или молчаливому соглашению с ними, станет уводить свои войска с Украины лишь по мере того, как Украину будут оккупировать англо-французские войска, для того, чтобы не допустить неизбежной иначе победы украинских рабочих и крестьян и создания ими украинского рабочего и крестьянского правительства.

Не везде и не до самой глубины широких рабочих и крестьянских масс проникло сознание того, что за спиной красновских и белогвардейских контр-революционеров на нас готовится натиск неизмеримо более опасной силы, силы международной контр-революционной буржуазии, англо-американской и французской в первую очередь. Это сознание мы должны неустанно нести в массы. На укрепление южного фронта, на создание и вооружение несравненно более могучей красной армии, чем теперь, необходимо обратить самое усиленное внимание. Каждая рабочая организация, каждый союз крестьянской бедноты, каждое советское учреждение должны снова и снова ставить на первое место порядка дня вопрос об усилении армии, пересматривать еще и еще раз, достаточно ли мы сделали, какие новые меры мы можем и должны предпринять.

В настроении наших рабочих и крестьянских масс наступил явный перелом. Крайняя усталость от войны массами преодолена. Армия создается и создалась. Выросла новая, коммунистическая дисциплина, дисциплина сознательная, дисциплина трудящихся. И этот факт дает нам полное основание надеяться с уверенностью, что мы можем отстоять и отстоим социалистическое отечество и победу международной пролетарской революции.

Т. XXIII, стр. 239—240.

ПИСЬМО А. А. ИОФФЕ

В БЕРЛИН

ТЕЛЕФОНОГРАММА

[23 октября 1918 г. Москва.]

Берлин. Русскому послу Иоффе.

Передайте немедленно Карлу Либкнехту наш самый горячий привет. Освобождение из тюрьмы представителя революционных рабочих Германии есть знамение новой эпохи, эпохи победоносного социализма, которая открывается теперь и для Германии и для всего мира.

От имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Ленин.

Свердлов.

Сталин.

Т. XXIX, стр. 515.

РЕЧЬ НА ДЕМОНСТРАЦИИ В ЧЕСТЬ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 3 НОЯБРЯ 1918 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

События показывают нам, что не напрасны были страдания народа.

Мы воюем не только с русским капитализмом. Мы боремся против капитализма всех стран, против всемирного капитализма,—за свободу всех рабочих...

Если нам и было трудно бороться с голодом и с врагами, то теперь мы видим, что у нас имеются миллионы союзников.

Это рабочие Австрии, Венгрии и Германии. В то время, как мы собрались здесь, освобожденный из тюрьмы Фридрих Адлер, вероятно, подъезжает к Вене. На венских площадях, вероятно, празднуется первый день австрийской рабочей революции.

Уже близко то время, когда повсеместно будет праздноваться первый день всемирной революции.

Мы работали и страдали недаром! Мировая международная революция победит!

Да здравствует международная пролетарская революция!

Опубликовано 5 ноября 1918 г. *Т. XXIII, стр. 241.*

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА МАРКСУ И ЭНГЕЛЬСУ 7 НОЯБРЯ 1918 г.

Мы открываем памятник вождям всемирной рабочей революции, Марксу и Энгельсу.

Века и века страдало и томилось человечество под гнетом ничтожной кучки эксплуататоров, которые измывались над миллионами трудящихся. Но если эксплуататоры прежней эпохи—помещики—грабили и теснили крепостных крестьян, раздробленных, распыленных, темных,—то эксплуататоры нового времени, капиталисты, увидали перед собой, среди угнетенных масс, передовой отряд этих масс, городских, фабрично-заводских, промышленных рабочих. Их объединила фабрика, их просветила городская жизнь, их закалила общая стачечная борьба и революционные выступления.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых.

Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться. Мы видим все, как в целом ряде стран занимается заря международной социалистической революции пролетариата. Несказанные ужасы

империалистской бойни народов вызывают всюду геройский подъем угнетенных масс, удесятеряют их силы в борьбе за освобождение.

Пусть же памятники Марксу и Энгельсу еще и еще раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не одиноки в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!

Т. XXIII, стр. 276.

ВСЕМ СОВЕТАМ

[ВСЕМ СОВДЕПАМ, ВСЕМ, ВСЕМ.]

ТЕЛЕФОНОГРАММА

10. XI. 1918 г. 7½ часов утра.

Сегодня ночью получены известия из Германии о победе революции в Германии.

Сначала Киль сообщил по радио, что власть там в руках Совета рабочих и матросов. Потом Берлин сообщил следующее:

«Привет свободы и мира всем!

Берлин и окрестности в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Адольф Гофман, депутат в сейме. Иоффе и персонал посольства возвращаются тотчас».

Из Берлина было также сообщение, что немецкие солдаты на фронте арестовали мирную делегацию от старого германского правительства и сами начали переговоры о мире с французскими солдатами.

Прошу принять все меры для немедленного извещения об этом всего населения.

Предсовнаркома *Ленин.*

Ленинский сборник XXI, стр. 257.

ПИСЬМО В. В. ВОРОВСКОМУ

[В СТОКГОЛЬМ.]

ТЕЛЕГРАММА

[10 ноября 1918 г. Москва.]

Сегодня получены из Германии известия о победе революции в Германии. Сначала Киль сообщил по радио, что власть перешла в руки Совета Рабочих и Матросов, потом Берлин сообщил следующее: «Привет», свобода, мир всем. Берлин и окрестности в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов [1]»...

Немецкие солдаты арестовали на фронте мирную делегацию старого германского правительства и сами начали переговоры о мире с французскими солдатами.

Председатель Совнаркома *Ленин.*

Т. XXIX, стр. 516.

В. В. ВОРОВСКОМУ

[В СТОКГОЛЬМ.]

ТЕЛЕГРАММА

[10 ноября 1918 г. Москва.]

По последним сведениям германские солдаты арестовали поехавшую для переговоров о перемирии делегацию немецких генералов. Германские солдаты вступили в непосредственные переговоры с французскими солдатами. Кайзер Вильгельм отрекся от престола. Канцлер принц Баденский подал в отставку. Новым канцлером будет правительственный социал-демократ Эберт. Во всех крупных городах Южной Германии всеобщая забастовка. Весь германский флот на стороне революции. В руках революционного флота все германские гавани Северного и Балтийского морей. Мы получили от Кильского Совета Солдатских Депутатов радиотелеграмму, адресованную интернациональному пролетариату,

[1] Следует несколько неразборчивых слов. *Ред.*

о том, что красное знамя веет над германским флотом и сегодня будут происходить похороны павших за свободу. Очень вероятно, что все это будет скрыто от германских солдат на восточном фронте—Украине. Всеми в вашем распоряжении средствами доведите эти факты до сведения германских солдат.

Ленин.

Т. XXIX, стр. 517.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вышедшая недавно в Вене брошюра Каутского «Диктатура пролетариата» (Wien, 1918, Ignaz Brand, стр. 63) представляет из себя нагляднейший пример того полнейшего и позорнейшего банкротства II Интернационала, о котором давно говорят все честные социалисты всех стран. Вопрос о пролетарской революции становится теперь практически в порядок дня в целом ряде государств. Поэтому разбор ренегатских софизмов и полного отречения от марксизма у Каутского является необходимым.

Но сначала надо подчеркнуть, что пишущему эти строки с самого начала войны приходилось многократно указывать на разрыв Каутского с марксизмом. Ряд статей 1914—1916 годов в заграничном «Социал-Демократе» и «Коммунисте» был посвящен этому. Статьи эти собраны в издании Петроградского Совета: Г. Зиновьев и Н. Ленин: «Против течения». Петрогр. 1918 г. (страниц 550). В брошюре, изданной в Женеве в 1915 году и переведенной тогда же на немецкий и французский языки, я писал о «каутскианстве»:

«Каутский, наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или «брентанизм»» (то-есть в либерально-буржуазное учение, признающее нереволюционную «классовую» борьбу пролетариата, что особенно ярко выразил русский писатель Струве и немецкий

экономист Брентано). «Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все, кроме* революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма, признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. д. Каутский, в 1909 году написавший целую книгу о приближении эпохи революций и о связи войны с революцией; Каутский, в 1912 году подписавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной цели, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле» (Г. Зиновьев и Н. Ленин: «Социализм и война», Женева, 1915, стр. 13—14[1]).

Далее. В написанной в 1916 году книге «Империализм, как новейший этап капитализма» (вышла в Петрограде в 1917 году)[2], я подробно разбирал теоретическую фальшь всех рассуждений Каутского об империализме. Я приводил определение империализма Каутским: «Империализм есть продукт высоко-развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединить к себе или подчинить все бо́льшие *аграрные* (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены». Я показывал полнейшую неверность этого определения и «приспособленность» его

[1] См. XVIII том Сочинений, стр. 185—223. *Ред.*
[2] См. XIX том Сочинений, стр. 67—175. *Ред.*

к затушевыванию самых глубоких противоречий империализма, а затем к примирению с оппортунизмом. Я приводил свое определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». Я показывал, что критика империализма у Каутского стоит даже ниже буржуазной, мещанской критики его.

Наконец, в августе и сентябре 1917 года, т.-е. до пролетарской революции в России (25 октября—7 ноября 1917 года), я написал вышедшую в Петрограде в начале 1918 года брошюру «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»[1] и здесь, в главе VI, об «Опошлении марксизма оппортунистами», посвятил особое внимание Каутскому, доказывая, что он совершенно извратил учение Маркса, подделывал его под оппортунизм, «отрекался от революции на деле при признании ее на словах».

В сущности, основная теоретическая ошибка Каутского в его брошюре о диктатуре пролетариата состоит именно в тех оппортунистических извращениях учения Маркса о государстве, которые подробно вскрыты в моей брошюре «Государство и революция».

Эти предварительные замечания были необходимы, ибо они доказывают, что Каутский был открыто обвинен мной в ренегатстве *задолго до того,* как большевики взяли государственную власть и были за это осуждены Каутским.

КАК КАУТСКИЙ ПРЕВРАТИЛ МАРКСА В ДЮЖИННОГО ЛИБЕРАЛА

Основной вопрос, затрогиваемый Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революции, именно о диктатуре пролетариата. Это—вопрос, имеющий важнейшее значение для всех стран, особенно для передовых, особенно для воюющих, особенно в настоящее время. Можно сказать без преувеличения, что это—самый главный вопрос

[1] См. XXI том Сочинений, стр. 365—455. *Ред.*

всей пролетарской классовой борьбы. Поэтому необходимо на нем внимательно остановиться.

Каутский ставит вопрос таким образом, что «противоположность обоих социалистических направлений» (т.-е. большевиков и не-большевиков) есть «противоположность двух в корне различных методов: демократического и диктаторского» (стр. 3).

Отметим мимоходом, что, называя не-большевиков в России, т.-е. меньшевиков и эсеров, социалистами, Каутский руководится их названием, т.-е. словом, а не тем *действительным местом,* которое они занимают в борьбе пролетариата с буржуазией. Великолепное понимание и применение марксизма! Но об этом подробнее ниже.

Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности» «демократического и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюры Каутского. И это—такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма, что Каутский, надо признать, далеко опередил Бернштейна.

Вопрос о диктатуре пролетариата есть вопрос об отношении пролетарского государства к буржуазному государству, пролетарской демократии к буржуазной демократии. Казалось бы, это ясно, как день. Но Каутский, точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к XX веку, лицом к XVIII, и в сотый раз, невероятно скучно, в целом ряде параграфов, жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью!

Поистине, точно во сне мочалку жует!

Ведь это же значит решительно не понять, что к чему. Ведь только улыбку вызывают потуги Каутского представить дело так, будто есть люди, проповедующие «презрение к демократии» (с. 11) и т. п. Такими пустячками приходится затушевывать, запутывать вопрос Каутскому, ибо он ставит вопрос по-либеральному, о демократии вообще, а не о буржуазной демократии, он избегает даже этого точного, классового понятия, а старается говорить о «досоциалистической» демократии. Почти треть брошюры, 20 страниц из 63, занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию

буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции.

Но ведь заглавие брошюры Каутского есть все же «Диктатура пролетариата». Что в этом именно суть учения Маркса, это общеизвестно. И Каутскому пришлось, после всей болтовни не на тему, привести слова Маркса о диктатуре пролетариата.

Как это проделал «марксист» Каутский, это уже прямая комедия! Слушайте:

«На одно слово Карла Маркса опирается тот взгляд» (который Каутский объявляет презрением к демократии)—так буквально значится на стр. 20. А на стр. 60-ой это повторено даже в такой форме, что (большевики) «вспомнили во-время словечко» (буквально так!! des Wörtchens) «и о диктатуре пролетариата, употребленное Марксом однажды в 1875 году в письме».

Вот это «словечко» Маркса:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Во-первых, назвать это знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению, «одним словом» или даже «словечком»—значит издеваться над марксизмом, значит отрекаться от него полностью. Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом. Каутский *не может не знать,* что и Маркс и Энгельс и в письмах и в печатных произведениях говорили о диктатуре пролетариата *многократно,* особенно и до и после Коммуны. Каутский не может не знать, что формула: «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революций 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, *в течение сорока лет.*

Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским? Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектизмом и софистикой. Каутский—великий мастер такой подмены. Если говорить практически-политически, то дело сведется к лакейству перед оппортунистами, т.-е. в конце концов перед буржуазией. С начала войны прогрессируя все быстрее, Каутский дошел до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле.

Еще более убеждаешься в этом, когда рассматриваешь, как замечательно «истолковал» Каутский «словечко» Маркса о диктатуре пролетариата. Слушайте:

«Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру»... (Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний, которые умышленно обходит начетчик в марксизме Каутский)... «Буквально, слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами. Единовластие, которое отличается от деспотизма тем, что оно мыслится не как постоянное государственное учреждение, а как преходящая мера крайности.

Выражение «диктатура пролетариата», следовательно, не диктатура одного лица, а одного класса, уже исключает, что Маркс имел в виду при этом диктатуру в буквальном смысле слова.

Он говорил здесь не о *форме правления*, а о *состоянии*, которое по необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть. Что Маркс здесь не имел в виду формы правления, это доказывается уже тем, что он держался взгляда, что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим» (стр. 20).

Мы нарочно привели полностью все это рассуждение, чтобы читатель мог ясно видеть, какими приемами оперирует «теоретик» Каутский.

Каутский пожелал подойти к вопросу таким образом, чтобы начать с определения «слова» диктатура.

Прекрасно. Подойти любым образом к вопросу—священное право всякого. Надо только отличать серьезный и честный подход к вопросу от нечестного. Кто хотел бы серьезно отнестись к делу при данном способе подхода к вопросу, тот должен бы дать *свое определение* «слова». Тогда вопрос был бы поставлен ясно и прямо. Каутский этого не делает.

«Буквально,—пишет он—слово диктатура означает уничтожение демократии».

Во-первых, это не определение. Если Каутскому угодно уклоняться от дачи определения понятию диктатура, к чему было выбирать данный подход к вопросу?

Во-вторых, это явно неверно. Либералу естественно говорить о «демократии» вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «для какого класса?» Всякий знает, например,—и «историк» Каутский знает это тоже,—что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию *среди рабовладельцев,* для них? Всем известно, что нет.

«Марксист» Каутский сказал чудовищный вздор и неправду, ибо *«забыл»* о классовой борьбе...

Чтобы из либерального и лживого утверждения, данного Каутским, сделать марксистское и истинное, надо сказать: диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что̀ тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура.

Но, как ни истинно это утверждение, а определения диктатуры оно не дает.

Рассмотрим следующую фразу Каутского:

...«Но, разумеется, взятое буквально, это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами»...

Подобно слепому щенку, который случайно тычет носом то в одну, то в другую сторону, Каутский нечаянно наткнулся здесь на *одну* верную мысль (именно, что диктатура есть власть, не связанная никакими законами), но определения диктатуры *все же не дал* и сказал, кроме того, явную историческую неправду, будто диктатура означает власть одного лица. Это и грамматически не верно, ибо диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс, и т. д.

Дальше Каутский указывает отличие диктатуры от деспо-

тизма, но, хотя его указание явно неверно, останавливаться на нем мы не будем, ибо это совершенно не относится к интересующему нас вопросу. Известна склонность Каутского от XX века поворачиваться к XVIII, а от XVIII к античной древности, и мы надеемся, что, добившись диктатуры, немецкий пролетариат учтет эту склонность, посадив, скажем, Каутского гимназическим учителем древней истории. От определения диктатуры пролетариата отлынивать посредством умствований о деспотизме есть либо крайняя глупость, либо весьма неискусное мошенничество.

В итоге мы получаем, что, взявшись говорить о диктатуре, Каутский наговорил много заведомой неправды, но никакого определения не дал! Он мог бы, не полагаясь на свои умственные способности, прибегнуть к своей памяти и выложить из «ящичков» все случаи, когда Маркс говорит о диктатуре. Он получил бы, наверное, либо следующее, либо по существу совпадающее с ним, определение:

Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами.

И вот эту-то простую истину, истину ясную, как божий день, для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи, каковой являются социал-империалисты всех стран), эту очевидную для всякого представителя эксплуатируемых, борющихся за свое освобождение, эту бесспорную для всякого марксиста истину приходится «войной отвоевывать» у ученейшего господина Каутского. Чем объяснить это?—Тем духом лакейства, которым пропитались вожди II Интернационала, ставшие презренными сикофантами на службе у буржуазии.

Сначала Каутский совершил подтасовку, заявив явный вздор, будто буквальный смысл слова диктатура означает единоличного диктатора, а потом он—на основании этой подтасовки!—заявляет, что у Маркса, значит, слова о диктатуре класса *имеют* не буквальный смысл (а такой, при котором диктатура не означает революционного насилия, а «мирное завоевание большинства при буржуазной»,—это заметьте,—демократии).

Надо отличать, видите ли, «состояние» от «формы правления». Удивительно глубокомысленное различие, совсем вроде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей!

Каутскому *нужно* истолковать диктатуру, как «состояние господства» (это выражение буквально употреблено у него на следующей же, 21-й, странице), ибо тогда *исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция.* «Состояние господства» есть состояние, в котором бывает любое большинство при... «демократии». Таким мошенническим фокусом *революция* благополучно *исчезает.*

Но мошенничество слишком грубое, и Каутского оно не спасет. Что диктатура предполагает и означает «состояние» неприятного для ренегатов *революционного насилия* одного класса над другим, этого «шила в мешке не утаишь». Вздорность различения «состояния» и «формы правления» всплывает наружу. О форме правления говорить здесь втройне глупо, ибо всякий мальчик знает, что монархия и республика разные формы правления. Господину Каутскому нужно доказывать, что *обе* эти формы правления, как и все переходные «формы правления» при капитализме, суть лишь разновидности *буржуазного государства,* т.-е. *диктатуры буржуазии.*

Говорить о формах правления, наконец, есть не только глупая, но и аляповатая фальсификация Маркса, который яснее ясного говорит здесь о форме или типе *государства,* а не о форме правления.

Пролетарская революция невозможна без насильственного разрушения буржуазной государственной машины и замены ее *новою,* которая, по словам Энгельса, «не является уже в собственном смысле государством».

Каутскому все это надо замазать и изолгать—этого требует его ренегатская позиция.

Посмотрите, к каким жалким увертками он прибегает.

Увертка первая: «Что Маркс не имел тут в виду формы правления, доказывается тем, что он считал возможным в Англии и Америке мирный переворот, т.-е. демократическим путем»...

Форма правления тут решительно не при чем, ибо бывают монархии, не типичные для буржуазного государства, например, отличающиеся отсутствием военщины, и бывают рес-

публики, вполне типичные, например, с военщиной и с бюрократией. Это общеизвестный исторический и политический факт, и Каутскому не удастся его фальсифицировать.

Если бы Каутский хотел серьезно и честно рассуждать, он бы спросил себя: бывают ли исторические законы, касающиеся революции и не знающие исключения? Ответ был бы: нет, таких законов нет. Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что́ Маркс однажды назвал «идеальным» в смысле среднего, нормального, типичного капитализма.

Далее. Было ли в 70-х годах нечто такое, что́ делало из Англии и Америки исключение в *рассматриваемом отношении?* Всякому, сколько-нибудь знакомому с требованием науки в области исторических вопросов, очевидно, что этот вопрос необходимо поставить. Не поставить его значит фальсифицировать науку, значит играть в софизмы. А поставив этот вопрос, нельзя сомневаться в ответе: революционная диктатура пролетариата есть *насилие* против буржуазии; необходимость же этого насилия *в особенности* вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), тем, что существует *военщина и бюрократия.* Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, *не было.* (А теперь они и в Англии и в Америке *есть.*)

Каутскому приходится буквально мошенничать на каждом шагу, чтобы прикрывать свое ренегатство!

И заметьте, как он показал здесь нечаянно свои ослиные уши: он написал: «мирно», *т.-е. демократическим путем!!*

При определении диктатуры Каутский изо всех сил старался спрятать от читателя основной признак этого понятия, именно: революционное *насилие.* А теперь правда вылезла наружу: речь идет о противоположности *мирного* и *насильственного переворотов.*

Здесь зарыта собака. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации для того и нужны Каутскому, чтобы *отговориться* от *насильственной* революции, чтобы прикрыть свое отречение от нее, свой переход на сторону *либеральной* рабочей политики, т.-е. на сторону буржуазии. Здесь зарыта собака.

«Историк» Каутский так бесстыдно фальсифицирует исто-

рию, что забывает основное: домонополистический капитализм—а апогеем его были именно 70-ые годы XIX века—отличался, в силу *экономических* его коренных свойств, которые в Англии и Америке проявились особенно типично, наибольшими, сравнительно, миролюбием и свободолюбием. А империализм, т.-е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по *экономическим* его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины. «Не заметить» этого, при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот, значит опуститься до самого дюжинного лакея буржуазии.

Увертка вторая. Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была *всеобщим* голосованием без лишения буржуазии ее избирательных прав, *«демократически»*. И Каутский торжествует: ...«Диктатура пролетариата была для Маркса» (или по Марксу) «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство» (bei überwiegendem Proletariat, S. 21).

Этот довод Каутского настолько забавен, что, поистине, испытываешь настоящее embarras des richesses (затруднение от обилия возражений). Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версали был «социалист» Луи Блан, что́, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. При чем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции, то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»?

Право же, видно, что Каутский пишет в такой стране, в которой полиция запрещает людям «скопом» смеяться, иначе Каутский был бы убит смехом.

В-третьих. Позволю себе почтительно напомнить наизусть знающему Маркса и Энгельса господину Каутскому следующую оценку Коммуны Энгельсом с точки зрения... «чистой демократии»:

«Видали ли когда-нибудь революцию эти господа» (антиавторитаристы)? «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»

Вот вам и «чистая демократия»! Как бы осмеял Энгельс того пошлого мещанина, «социал-демократа» (в французском смысле—40-х годов и в общеевропейском—1914—18 годов), который вздумал бы вообще говорить о «чистой демократии» в обществе, разделенном на классы!

Но довольно. Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства.

Маркс и Энгельс подробнейшим образом анализировали Парижскую Коммуну, показали, что ее заслугой была попытка *разбить, сломать* «готовую государственную машину». Маркс и Энгельс этот вывод считали столь важным, что *только* эту поправку внесли в 1872 году к «устарелой» (частями) программе «Коммунистического Манифеста». Маркс и Энгельс показали, что Коммуна уничтожала армию и чиновничество, уничтожала *парламентаризм,* разрушала «паразитический нарост—государство» и т. д., а премудрый Каутский, надев ночной колпак, повторяет то, что̀ тысячу раз говорили либеральные профессора,—сказки про «чистую демократию».

Недаром сказала Роза Люксембург 4 августа 1914 г., что немецкая социал-демократия теперь есть *смердящий труп.*

Увертка третья та: «Если мы говорим о диктатуре, как форме правления, то мы не можем говорить о диктатуре класса. Ибо класс, как мы уже заметили, может только господствовать, но не управлять»... Управляют же «организации» или «партии».

Путаете, безбожно путаете, господин «путаницы советник»! Диктатура не есть «форма правления», это смешной вздор. И Маркс говорит не о форме правления, а о форме или типе *государства*. Это совсем не то, совсем не то. Совершенно неверно также, что не может управлять *класс;* такой вздор мог сказать только «парламентский кретин», ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме «правящих партий». Любая европейская страна покажет Каутскому примеры управления ее господствующим *классом,* напр., помещиками в средние века, несмотря на их недостаточную организованность.

Итог. Каутский извратил самым неслыханным образом понятие диктатуры пролетариата, превратив Маркса в дюжинного либерала, т.-е. докатился сам до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии», прикрашивая и затушевывая классовое содержание *буржуазной* демократии, чураясь всего более *революционного насилия* со стороны угнетенного класса. Когда Каутский «истолковал» понятие «революционной диктатуры пролетариата» таким образом, что исчезло революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями, то в деле либерального искажения Маркса был побит всемирный рекорд. Ренегат Бернштейн оказался щенком по сравнению с ренегатом Каутским.

БУРЖУАЗНАЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Вопрос, безбожно запутанный Каутским, представляется на деле в таком виде.

Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные *классы,* а можно говорить только о *классовой* демократии. (В скобках сказать, «чистая демократия» есть не только *невежественная* фраза, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демократия будет, перерождаясь и превращаясь в привычку, *отмирать,* но никогда не будет «чистой» демократией.)

«Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию,

которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной.

Если Каутский чуть не десятки страниц посвящает «доказательству» той истины, что буржуазная демократия прогрессивна по сравнению с средневековьем и что ее обязательно должен использовать пролетариат в своей борьбе против буржуазии, то это именно либеральная болтовня, одурачивающая рабочих. Не только в образованной Германии, но и в необразованной России это—труизм. Каутский просто пускает «ученый» песок в глаза рабочим, рассказывая с важным видом и о Вейтлинге и об иезуитах в Парагвае, и о многом прочем, чтобы *обойти буржуазную* сущность современной, т.-е. *капиталистической демократии*.

Каутский берет из марксизма то, что приемлемо для либералов, для буржуазии (критика средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма вообще и капиталистической демократии в частности), и выкидывает, замалчивает, затушевывает в марксизме то, что *неприемлемо* для буржуазии (революционное насилие пролетариата против буржуазии для ее уничтожения). Вот почему Каутский и оказывается неизбежно, в силу его объективного положения и какова бы ни была его субъективная убежденность, лакеем буржуазии.

Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается—и при капитализме не может не оставаться—узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных. Вот этой истины, составляющей существеннейшую составную часть марксистского учения, «марксист» Каутский не понял. Вот в этом—коренном—вопросе Каутский преподносит «приятности» для буржуазии вместо научной критики тех условий, которые делают всякую буржуазную демократию демократией для богатых.

Напомним сначала ученейшему господину Каутскому те теоретические заявления Маркса и Энгельса, которые наш начетчик позорно «забыл» (в угоду буржуазии), а потом поясним дело наиболее популярно.

Не только древнее и феодальное, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» (Энгельс в его сочинении о государстве). «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, ко-

торым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» (Энгельс в письме к Бебелю от 28. III. 1875). «Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» (Энгельс в предисловии к «Гражданской войне» Маркса). Всеобщее избирательное право есть «показатель зрелости рабочего класса. *Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве*»[1] (Энгельс в его соч. о государстве). Господин Каутский разжевывает необычайно скучно первую часть этого положения, приемлемую для буржуазии. Вторую же, которую мы подчеркнули и которая для буржуазии не приемлема, ренегат Каутский замалчивает!

«Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы... Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver- und zertreten) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому работодателю» (Маркс в соч. о Парижской Коммуне «Гражд. война во Франции»).

Каждое из этих положений, прекрасно известных ученейшему господину Каутскому, бьет ему в лицо, изобличает все его ренегатство. Во всей брошюре Каутского нет ни капли понимания этих истин. Все содержание его брошюры есть издевательство над марксизмом!

Возьмите основные законы современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом»,—и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет

[1] Курсив Ленина. *Ред.*

ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка»,—на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски. Каутский бесстыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, напр., то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих.

О, мудрый и ученый Каутский об этом молчит! Он не понимает, этот ученый и политический деятель, что молчание об этом есть подлость. Он предпочитает рассказывать рабочим детские сказки вроде того, что демократия означает «охрану меньшинства». Невероятно, но факт! В лето 1918-ое от рождества христова, на пятом году всемирной империалистской бойни и удушения интернационалистских (т.-е. не предавших подло социализма, как Ренодели и Лонге, как Шейдеманы и Каутские, как Хендерсоны и Уэббы и т. п.) меньшинств во всех «демократиях мира», господин ученый Каутский сладеньким, сладеньким голосом воспевает «охрану меньшинства». Кто желает, может прочесть это на стр. 15 брошюры Каутского. А на странице 16 сей ученый индивид расскажет вам о вигах и тори в XVIII веке в Англии!

О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Если бы я был Круппом или Шейдеманом, или Клемансо, или Реноделем, я бы стал платить господину Каутскому миллионы, награждать его поцелуями Иуды, расхваливать его перед рабочими, рекомендовать «единство социализма» со столь «почтенными» людьми, как Каутский. Писать брошюры против диктатуры пролетариата, рассказывать о вигах и тори в XVIII веке в Англии, уверять, что демократия означает «охрану меньшинства», и умалчивать о *погромах* против интернационалистов в «демократической» республике Америке,—разве это не лакейские услуги буржуазии?

Ученый господин Каутский «забыл»—вероятно,—случайно забыл—«мелочь», именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой *буржуазной* партии, пролетариату же при всяком *серьезном*,

глубоком, коренном вопросе вместо «охраны меньшинства» достаются военные положения или погромы. *Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне.* Этот «закон» буржуазной демократии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле 1917 г. в демократической республике российской. Я нарочно беру примеры не только из времени войны, но также из довоенного, мирного времени. Слащавому господину Каутскому угодно закрыть глаза на эти факты XX века и зато рассказать рабочим удивительно новые, замечательно интересные, необыкновенно поучительные, невероятно важные вещи про вигов и тори в XVIII веке.

Возьмите буржуазный парламент. Можно ли допустить, что ученый Каутский никогда не слыхал о том, как биржа и банкиры *тем больше* подчиняют себе буржуазные парламенты, *чем сильнее* развита демократия? Из этого не следует, что не надо использовать буржуазный парламентаризм (и большевики так успешно использовали его, как едва ли другая партия в мире, ибо в 1912—14 годах мы завоевали всю рабочую курию в 4-ой Думе). Но из этого следует, что только либерал может забывать *историческую ограниченность и условность* буржуазного парламентаризма, как забывает об этом Каутский. На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречают угнетенные массы вопиющее противоречие между *формальным* равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и осложнений, делающих пролетариев *наемными рабами*. Именно это противоречие раскрывает глаза массам на гнилость, лживость, лицемерие капитализма. Именно это противоречие разоблачают постоянно агитаторы и пропагандисты социализма перед массами, *чтобы приготовить* их к революции! А когда началась эра революций, тогда Каутский повернулся задом к ней и стал воспевать прелести умирающей буржуазной демократии.

Пролетарская демократия, одной из форм которой является советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся. Написать целую книжку о демократии, как это сделал Каутский, говорящий на двух страницах о диктатуре и на десятках страниц о «чистой демократии»,—и *не заметить* этого, это значит по-либеральному извратить дело совершенно.

Возьмите внешнюю политику. Ни в одной, самой демократической, буржуазной стране она не делается открыто. Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке, Англии во сто раз шире и утонченнее, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики. Каутский этого не заметил, он об этом молчит, хотя в эпоху грабительских войн и тайных договоров о «разделе сфер влияния» (т.-е. о разделе мира разбойниками-капиталистами) это имеет кардинальное значение, ибо от этого зависит вопрос о мире, вопрос о жизни и смерти десятков миллионов людей.

Возьмите устройство государства. Каутский хватается за «мелочи» вплоть до того, что выборы «непрямые» (в советской конституции), но сути дела не видит. *Классовой* сущности государственного аппарата, государственной машины он не замечает. В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок—тем более искусных и верно действующих, чем развитее «чистая» демократия, *отталкивают* массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д. Советская власть *первая* в мире (строго говоря, вторая, ибо то же самое начала делать Парижская Коммуна) *привлекает* массы, именно *эксплуатируемые* массы, к управлению. Участие в буржуазном парламенте (который *никогда* не *решает* серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загородок, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент *чужое* учреждение, *орудие угнетения* пролетариев буржуазией, учреждение враждебного класса, эксплуататорского меньшинства.

Советы—непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, *облегчающая* им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как

только можно. Именно авангард трудящихся и эксплуатируемых, городской пролетариат, получает то преимущество при этом, что он наилучше объединен крупными предприятиями; ему всего легче выбирать и следить за выборами. Автоматически советская организация *облегчает* объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг их авангарда, пролетариата. Старый буржуазный аппарат—чиновничество, привилегии богатства, буржуазного образования, связей и проч. (эти фактические привилегии тем разнообразнее, чем развитее буржуазная демократия),—все это при советской организации отпадает. Свобода печати перестает быть лицемерием, ибо типографии и бумага отбираются у буржуазии. То же самое с лучшими зданиями, дворцами, особняками, помещичьими домами. Советская власть многие и многие тысячи этих лучших зданий отняла сразу у эксплуататоров, и таким образом сделала в миллион раз более «демократичным» право собраний для масс,—то право собраний, без которого демократия есть обман. Непрямые выборы в нелокальные, неместные советы облегчают съезды советов, делают *весь* аппарат дешевле, подвижнее, доступнее для рабочих и для крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требуется особенно быстро иметь возможность отозвать своего местного депутата или послать его на общий съезд советов.

Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллионы раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за пыльных буржуазных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и тем превращающий себя, объективно, в лакея буржуазии.

Не заметить этого мог только человек, который не способен *поставить вопроса* с точки зрения *угнетенных* классов.

Есть ли хоть одна страна в мире, из числа наиболее демократических буржуазных стран, в которой *средний, массовый* рабочий, средний, массовый *батрак* или деревенский полупролетарий вообще (т.-е. представитель угнетенной массы громадного большинства населения) пользовался хоть

приблизительно такой *свободой* устраивать собрания в лучших зданиях, такой *свободой* иметь для выражения своих идей, для защиты своих интересов, крупнейшие типографии и лучшие склады бумаги, такой свободой выдвигать именно людей своего класса на управление государством и на «устраивание» государства, как в советской России?

Смешно и думать, чтобы господин Каутский нашел в любой стране хоть одного из тысячи осведомленных рабочих и батраков, которые усомнились бы в ответе на этот вопрос. Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира сочувствуют Советской Республике именно потому, что видят в ней *пролетарскую* демократию, *демократию для бедных,* а не демократию для богатых, каковой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия.

Нами управляют (и наше государство «устрояют») буржуазные чиновники, буржуазные парламентарии, буржуазные судьи. Вот—простая, очевидная, бесспорная истина, которую знают по своему жизненному опыту, которую чувствуют и осязают ежедневно десятки и сотни миллионов людей из угнетенных классов во всех буржуазных странах, в том числе и самых демократических.

А в России совсем разбили чиновничий аппарат, не оставили на нем камня на камне, прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент—и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам, *их* советами заменили чиновников или *их* советы поставили над чиновниками, *их* советы сделали избирателями судей. Одного этого факта достаточно, чтобы все угнетенные классы признали Советскую власть, то-есть данную форму диктатуры пролетариата, в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Каутский не понимает этой, для всякого рабочего понятной и очевидной, истины, ибо он «забыл», «разучился» ставить вопрос: демократия *для какого класса?* Он рассуждает с точки зрения «чистой» (т.-е. бесклассовой? или вне-классовой?) демократии. Он аргументирует как Шейлок: «фунт мяса», больше ничего. Равенство всех граждан—иначе нет демократии.

Приходится ученому Каутскому, «марксисту» и «социалисту» Каутскому поставить вопрос:

может ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором?

Это чудовищно, это невероятно, что приходится ставить такой вопрос при обсуждении книги идейного вождя II Интернационала. Но «взялся за гуж, не говори, что не дюж». Взялся писать о Каутском,—разъясняй ученому человеку, почему не может быть равенства эксплуататора с эксплуатируемым.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ РАВЕНСТВО ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО С ЭКСПЛУАТАТОРОМ?

Каутский рассуждает следующим образом:

(1) «Эксплуататоры составляли всегда лишь небольшое меньшинство населения» (стр. 14 книжки Каутского).

Это бесспорная истина. Как следует рассуждать, исходя из этой истины? Можно рассуждать по-марксистски, социалистически; тогда надо взять за основу отношение эксплуатируемых к эксплуататорам. Можно рассуждать по-либеральному, буржуазно-демократически; тогда надо взять за основу отношение большинства к меньшинству.

Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идет о демократии, то-есть об одной из форм государства) в орудие господства своего класса, эксплуататоров, над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизбежно будет демократией для эксплуататоров. Государство эксплуатируемых должно коренным образом отличаться от такого государства, должно быть демократией для эксплуатируемых и *подавлением эксплуататоров,* а подавление класса означает неравенство этого класса, изъятие его из «демократии».

Если рассуждать по-либеральному, то придется сказать: большинство решает, меньшинство повинуется. Неповинующихся наказывают. Вот и все. Ни о каком классовом характере государства вообще, «чистой демократии» в частности, рассуждать нè к чему; к делу это не относится, ибо большинство есть большинство, а меньшинство есть меньшинство. Фунт мяса есть фунт мяса, и баста.

Каутский рассуждает именно так:

(2) «По каким бы причинам надо было господству пролетариата принимать и необходимо принимать такую форму, которая несовместима с демократией?» (стр. 21). Следует пояснение того, что пролетариат имеет на своей стороне большинство, пояснение весьма обстоятельное и весьма многословное, и с цитатой из Маркса, и с цифрами голосов в Парижской Коммуне. Вывод: «Режим, который так сильно коренится в массах, не имеет ни малейшего повода посягать на демократию. Он не всегда сможет обойтись без насилия, в тех случаях, когда насилие пускается в ход, чтобы подавить демократию. На насилие можно отвечать только насилием. Но режим, который знает, что за ним массы, будет применять насилие лишь для того, чтобы *охранять* демократию, а не для того, чтобы *уничтожать* ее. Он совершил бы прямо-таки самоубийство, если бы захотел устранить свою самую надежную основу, всеобщее избирательное право, глубокий источник могучего морального авторитета» (стр. 22).

Вы видите: отношение эксплуатируемых к эксплуататорам из аргументации Каутского исчезло. Осталось только большинство вообще, меньшинство вообще, демократия вообще, уже знакомая нам «чистая демократия».

Заметьте, что это говорится ***в связи с Парижской Коммуной!*** Приведем же для наглядности, как Маркс и Энгельс говорили о диктатуре ***в связи с Коммуной:***

Маркс: ...«Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру... чтобы сломать сопротивление буржуазии... рабочие придают государству революционную и преходящую форму»...

Энгельс: ...«Победившая» (в революции) «партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»...

Он же: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»...

Между Каутским и Марксом с Энгельсом расстояние, как—небо от земли, как между либералом и пролетарским революционером. Чистая демократия и просто «демократия», о которой говорит Каутский, есть лишь пересказ того же самого «свободного народного государства», т.-е. *чистая бессмыслица.* Каутский с ученостью ученейшего кабинетного дурака или с невинностью 10-летней девочки вопрошает: зачем бы это нужна была диктатура, ежели есть большинство? А Маркс и Энгельс разъясняют:

— — Затем, чтобы сломать сопротивление буржуазии,

— — затем, чтобы внушать реакционерам страх,

— — затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии,

— — затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников.

Каутский этих разъяснений не понимает. Влюбленный в «чистоту» демократии, не видящий ее буржуазности, он «последовательно» стоит на том, что большинству, раз оно большинство, не нужно «ломать сопротивления» меньшинства, не нужно «насильственно подавлять» его,—достаточно подавлять *случаи* нарушения демократии. Влюбленный в «чистоту» демократии, Каутский *нечаянно* совершает ту самую маленькую ошибку, которую всегда делают все буржуазные демократы: именно, он формальное равенство (насквозь лживое и лицемерное при капитализме) принимает за фактическое! Мелочь!

Эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому.

Эта истина, как она ни неприятна Каутскому, составляет существеннейшее содержание социализма.

Другая истина: действительного, фактического равенства не может быть, пока совершенно не уничтожена всякая возможность эксплуатации одного класса другим.

Эксплуататоров можно разбить сразу, при удачном восстании в центре или возмущении войска. Но, за исключением разве совсем редких и особенных случаев, эксплуататоров нельзя уничтожить сразу. Нельзя сразу экспроприировать всех помещиков и капиталистов сколько-нибудь большой страны. Далее, одна экспроприация, как юридический или политический акт, далеко не решает дела, ибо нужно фактически *сместить* помещиков и капиталистов, фактически *заменить* их другим, рабочим, управлением фабриками и имениями. Не может быть равенства между эксплуататорами,

которые в течение долгих поколений выделялись и образованием, и условиями богатой жизни, и навыками,—и эксплуатируемыми, масса коих даже в самых передовых и наиболее демократических буржуазных республиках забита, темна, невежественна, запугана, разрознена. Эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее.

Если эксплуататоры разбиты только в одной стране—а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение—то они остаются *все же сильнее* эксплуатируемых, ибо международные связи эксплуататоров громадны. Что часть эксплуатируемых или наименее развитых средне-крестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор *все* революции, Коммуна в том числе (ибо среди версальских войск, о чем «забыл» ученейший Каутский, были и пролетарии).

При таком положении вещей предполагать, что при сколько-нибудь глубокой и серьезной революции решает дело просто-напросто отношение большинства к меньшинству, есть величайшее тупоумие, есть самый глупенький предрассудок дюжинного либерала, есть *обман масс,* сокрытие от них заведомой исторической правды. Эта историческая правда состоит в том, что *правилом* является при всякой глубокой *революции долгое, упорное, отчаянное* сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми. Никогда,—иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского—эксплуататоры не подчинятся решению большинства эксплуатируемых, не испробовав в последней, отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества.

Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда*

превращается в *попытки* реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко, и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь... как наши меньшевики и эсеры.

И при таком положении вещей, в эпоху отчаянной, обостренной войны, когда историей ставятся на очередь дня вопросы о бытии или небытии вековых и тысячелетних привилегий,—толковать о большинстве и меньшинстве, о чистой демократии, о ненадобности диктатуры, о равенстве эксплуататора с эксплуатируемым! Какая бездна тупоумия, какая пропасть филистерства нужна для этого!

Но десятилетия сравнительно «мирного» капитализма, 1871—1914 годов, накопили в прилаживающихся к оппортунизму социалистических партиях авгиевы конюшни филистерства, узколобия, ренегатства...

* * *

Читатель заметил, вероятно, что Каутский в приведенной выше цитате из его книги говорит о посягательстве на всеобщее избирательное право (называя его—в скобках будь замечено—глубоким источником могучего морального авторитета, тогда как Энгельс по поводу той же Парижской Коммуны и по поводу того же вопроса о диктатуре говорит об авторитете вооруженного народа против буржуазии; характерно сравнить взгляд филистера и революционера на «авторитет»...).

Надо заметить, что вопрос о лишении эксплуататоров избирательного права есть *чисто-русский* вопрос, а не вопрос

о диктатуре пролетариата вообще. Если бы Каутский, не лицемеря, озаглавил свою брошюру: «Против большевиков», тогда это заглавие соответствовало бы содержанию брошюры и тогда Каутский имел бы право говорить прямо об избирательном праве. Но Каутский захотел выступить прежде всего, как «теоретик». Он озаглавил свою брошюру: «Диктатура пролетариата» *вообще*. Он говорит о советах и о России специально лишь во второй части брошюры, начиная с 5-го параграфа ее. В первой же части (из которой мною и взята цитата) речь идет о *демократии* и *диктатуре в о о б щ е*. Заговорив об избирательном праве, Каутский *выдал себя*, как полемиста против большевиков, *ни во грош не ставящего теорию*. Ибо теория, т.-е. рассуждение об общих (а не национально-особых) классовых основах демократии и диктатуры, должна говорить не о специальном вопросе, вроде избирательного права, а об общем вопросе: может ли быть демократия *сохранена и для богатых, и для эксплуататоров* в исторический период свержения эксплуататоров и замены их государства государством эксплуатируемых?

Так и только так может ставить вопрос теоретик.

Мы знаем пример Коммуны, мы знаем все рассуждения основателей марксизма в связи с нею и по поводу нее. На основании этого материала, я разбирал, например, вопрос о демократии и диктатуре в своей брошюре «Государство и революция», написанной до октябрьского переворота. Об ограничении избирательного права *я не говорил ни слова*. И теперь надо сказать, что вопрос об ограничении избирательного права есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая *особые условия* русской революции, *особый путь* ее развития. В дальнейшем изложении это и будет сделано. Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии. Это может быть так. После войны и после опыта русской революции это, вероятно, будет так, но это *необязательно* для осуществления диктатуры, это не составляет *необходимого* признака логического понятия диктатуры, это не входит *необходимым* условием в историческое и классовое понятие диктатуры.

Необходимым признаком, обязательным условием диктатуры является *насильственное* подавление эксплуататоров, как *класса*, и, следовательно, *нарушение* «чистой демократии», т.-е. равенства и свободы, *по отношению* к этому *классу*.

Так и только так может быть поставлен вопрос теоретически. И Каутский тем, что он не поставил так вопроса, доказал, что выступает против большевиков не как теоретик, а как сикофант оппортунистов и буржуазии.

В каких странах, при каких национальных особенностях того или иного капитализма будет применено (исключительно или преимущественно) то или иное ограничение, нарушение демократии для эксплуататоров, это—вопрос о национальных особенностях того или иного капитализма, той или иной революции. Теоретический вопрос стоит иначе, он стоит так: возможна ли диктатура пролетариата *без нарушения демократии* по отношению к классу *эксплуататоров?*

Каутский именно этот, теоретически *единственно* важный и существенный, вопрос обошел. Каутский приводил всякие цитаты из Маркса и Энгельса, *кроме тех,* которые относятся к данному вопросу и которые приведены мной выше.

Каутский разговаривал обо всем, что угодно, обо всем, что приемлемо для либералов и буржуазных демократов, что не выходит из их круга идей,—кроме главного, кроме того, что пролетариат не может победить, *не сломив сопротивления* буржуазии, *не подавив насильственно своих противников,* и что там, где есть «насильственное подавление», где нет «свободы», *конечно, нет демократии.*

Этого Каутский не понял.

* * *

Перейдем к опыту русской революции и к тому расхождению между Совдепами и Учред. Собранием, которое (расхождение) привело к роспуску Учредилки и к лишению буржуазии избирательного права.

СОВЕТЫ НЕ СМЕЮТ ПРЕВРАЩАТЬСЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Советы, это—русская форма пролетарской диктатуры. Если бы теоретик-марксист, пишущий работу о диктатуре пролетариата, действительно изучал это явление (а не повторял

мелкобуржуазные ламентации против диктатуры, как делает Каутский, перепевая меньшевистские мелодии), то такой теоретик дал бы общее определение диктатуры, а затем рассмотрел бы ее особую, национальную, форму, советы, дал бы критику их, как одной из форм диктатуры пролетариата.

Понятно, что от Каутского, после его либеральной «обработки» учения Маркса о диктатуре, ждать чего-либо серьезного нельзя. Но в высшей степени характерно посмотреть, как же он подошел к вопросу о том, что̀ такое советы, и как он справился с этим вопросом.

Советы, пишет он, вспоминая их возникновение в 1905 году, создали такую «форму пролетарской организации, которая была наиболее всеобъемлющей (umfassendste) из всех, ибо она обнимала всех наемных рабочих» (стр. 31). В 1905 году они были только местными корпорациями, в 1917 г. стали всероссийским объединением.

«Уже теперь,— продолжает Каутский,— советская организация имеет за собой великую и славную историю. А предстоит ей еще более могучая и притом не только в одной России. Везде оказывается, что против гигантских сил, которыми распоряжается в экономическом и политическом отношениях финансовый капитал, недостаточны» (versagen; это немецкое выражение немножко сильнее, чем «недостаточны», и немножко слабее, чем «бессильны») «прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата. От них нельзя отказаться, они остаются необходимыми для нормальных времен, но от времени до времени перед ними встают такие задачи, выполнить которые они не в силах, такие задачи, когда успех обещает только соединение всех политических и экономических орудий силы рабочего класса» (32).

Следует рассуждение о массовой стачке и о том, что «бюрократия профессиональных союзов», столь же необходимая, как профессиональные союзы, «не годится, чтобы руководить такими могучими массовыми битвами, которые все более становятся знаменем времени»...

...«Таким образом,—заключает Каутский,—советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу.

Но в праве ли мы требовать от советов еще большего? Большевики, которые после ноябрьской (по новому стилю, т.-е., по-нашему, октябрьской) революции 1917 года приобрели вместе с левыми социалистами-революционерами большинство в русских Советах Рабочих Депутатов, перешли после разгона Учредительного Собрания к тому, чтобы из Совета, который был до тех пор *боевой*

организацией одного *класса*, сделать *государственную организацию*. Они уничтожили демократию, которую русский народ завоевал в мартовской (по новому стилю, по-нашему, февральской) революции. Соответственно этому, большевики перестали называть себя *социал-демократами*. Они называют себя *коммунистами*» (стр. 33, курсив Каутского).

Кто знает русскую меньшевистскую литературу, тот сразу видит, как рабски переписывает Каутский Мартова, Аксельрода, Штейна и К⁰. Именно «рабски», ибо Каутский до смешного искажает факты в угоду меньшевистским предрассудкам. Каутский не позаботился, напр., справиться у своих информаторов, вроде берлинского Штейна или стокгольмского Аксельрода, *когда* подняты были вопросы о переименовании большевиков в коммунисты и о значении советов, как государственных организаций. Если бы Каутский навел эту простую справку, он не написал бы строк, вызывающих смех, ибо оба эти вопроса подняты были большевиками *в апреле 1917 года*, например, в моих «тезисах» 4 апреля 1917 года [1], т.-е. *задолго до* октябрьской революции 1917 года (не говоря уже о разгоне Учредилки 5 января 1918 года).

Но выписанное мною полностью рассуждение Каутского есть *гвоздь* всего вопроса о Советах. Гвоздь именно в том, должны ли Советы стремиться к тому, чтобы стать государственными организациями (большевики в апреле 1917 года выдвинули лозунг: «вся власть Советам», и на конференции партии большевиков в том же апреле 1917 года большевики заявили, что не удовлетворяются буржуазной парламентарной республикой, а требуют рабоче-крестьянской республики типа Коммуны или типа Советов);—*или* Советы не должны стремиться к этому, не должны брать власти в руки, не должны становиться государственными организациями, а должны оставаться «боевыми организациями» одного «класса» (как выражался Мартов, благовидно прикрашивая своим невинным пожеланием тот факт, что советы были под меньшевистским руководством *орудием подчинения рабочих буржуазии*).

Каутский повторил рабски слова Мартова, взяв *обрывки* из теоретического спора большевиков с меньшевиками и перенеся эти обрывки, без критики и без смысла, на общетеоретическую, обще-европейскую почву. Вышла такая каша,

[1] См. XX том Сочинений, стр. 87—90. *Ред.*

которая у каждого сознательного русского рабочего, если бы он ознакомился с приведенным рассуждением Каутского, вызвала бы гомерический смех.

Таким же смехом будут встречать Каутского все европейские рабочие (кроме горстки закоренелых социал-империалистов), когда мы им объясним, в чем тут дело.

Каутский оказал Мартову медвежью услугу, доведя до абсурда, с необыкновенной наглядностью, ошибку Мартова. В самом деле, посмотрите, что̀ вышло у Каутского.

Советы обнимают всех наемных рабочих. Против финансового капитала прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата недостаточны. Советам предстоит великая роль не только в России. Они сыграют решающую роль в великих решающих битвах между капиталом и трудом в Европе. Так говорит Каутский.

Прекрасно. «Решающие битвы между капиталом и трудом», не решают ли они вопроса о том, какой из этих классов завладеет государственной властью?

Ничего подобного. Боже упаси.

В «решающих» битвах союзы, охватывающие всех наемных рабочих, *не должны становиться государственной организацией!*

А что такое государство?

Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Итак, угнетенный класс, авангард всех трудящихся и эксплуатируемых в современном обществе, должен стремиться к «решающим битвам между капиталом и трудом», *но не должен трогать* той машины, посредством которой капиталом подавляется труд!

— —*Не должен ломать* этой машины!— —*Не должен* своей всеобъемлющей организации *использовать для подавления эксплуататоров!*

Великолепно, превосходно, господин Каутский! «Мы» признаем классовую борьбу,—как ее признают все либералы, т.-е. без низвержения буржуазии...

Вот где полный разрыв Каутского и с марксизмом и с социализмом становится явным. Это—переход, фактически, на сторону буржуазии, которая готова допустить все, что̀ угодно, кроме превращения организаций угнетенного ею класса в государственные организации. Здесь уже Каутскому никак не

спасти своей, все примиряющей, от всех глубоких противоречий отделывающейся фразами, позиции.

Либо Каутский отказывается от всякого перехода государственной власти в руки рабочего класса, либо он допускает, чтобы рабочий класс брал в руки старую, буржуазную, государственную машину, но никоим образом не допускает, чтобы он сломал, разбил ее, заменив новою, пролетарскою. Так или эдак «толковать» и «разъяснять» рассуждение Каутского, в обоих случаях разрыв с марксизмом и переход на сторону буржуазии очевиден.

Еще в «Коммунистическом Манифесте», говоря о том, какое государство нужно победившему рабочему классу, Маркс писал: «государство, т.-е. организованный, как господствующий класс, пролетариат». Теперь является человек с претензией, что он продолжает быть марксистом, и заявляет, что организованный поголовно и ведущий «решающую борьбу» с капиталом пролетариат *не должен* делать своей классовой организации государственною. «Суеверная вера в государство», про которую Энгельс в 1891 году писал, что она «перешла в Германии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих»,—вот что обнаружил здесь Каутский.—Боритесь, рабочие,—«соглашается» наш филистер (на это «согласен» и буржуа, раз рабочие все равно борются и приходится думать лишь о том, как сломать острие их меча),—боритесь, но *не смейте побеждать!* Не разрушайте государственной машины буржуазии, не ставьте на место буржуазной «государственной организации» пролетарскую «государственную организацию».

Кто всерьез разделял марксистский взгляд, что государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, кто сколько-нибудь вдумался в эту истину, тот никогда не мог бы договориться до такой бессмыслицы, что пролетарские организации, способные победить финансовый капитал, не должны превращаться в государственные организации. Именно в этом пункте и сказался мелкий буржуа, для которого государство «все же таки» есть нечто внеклассовое, или над-классовое. Почему бы, в самом деле, позволено было пролетариату, *«одному классу»*, вести решающую войну с *капиталом*, который господствует не только над пролетариатом, но над всем народом, над всей мелкой буржуазией, над всем крестьянством,—но не позволено было

пролетариату, «*одному классу*», превращать свою организацию в государственную? Потому, что мелкий буржуа *боится* классовой борьбы и не доводит ее до конца, *до самого главного*.

Каутский запутался совершенно и выдал себя с головой. Заметьте: он признал сам, что Европа идет навстречу к решающим битвам между капиталом и трудом и что прежние методы экономической и политической борьбы пролетариата недостаточны. А эти методы как раз и состояли в использовании *буржуазной* демократии. Следовательно?..

Каутский побоялся додумать, что̀ из этого следует.

...Следовательно, только реакционер, враг рабочего класса, прислужник буржуазии, может размалевывать теперь прелести буржуазной демократии и болтать о чистой демократии, поворачиваясь лицом к отжившему прошлому. Буржуазная демократия *была* прогрессивна по отношению к средневековью, и использовать ее надо было. Но теперь она *недостаточна* для рабочего класса. Теперь надо смотреть не назад, а вперед, к замене буржуазной демократии *пролетарскою*. И если подготовительная работа к пролетарской революции, обучение и формирование пролетарской армии были возможны (и необходимы) *в рамках* буржуазно-демократического государства, то, раз дошло дело до «решающих битв», ограничивать пролетариат этими рамками значит быть изменником пролетарского дела, значит быть ренегатом.

Каутский попал в особенно смешной просак, ибо повторил довод Мартова, *не заметив*, что у Мартова этот довод опирается *на другой* довод, которого у Каутского нет! Мартов говорит (а Каутский за ним повторяет), что Россия еще не дозрела до социализма, из чего естественно вытекает: рано еще превращать Советы из органов борьбы в государственные организации (читай: своевременно обращать Советы, при помощи меньшевистских вождей, в органы *подчинения* рабочих империалистской буржуазии). Каутский же *не может* сказать прямо, что Европа не дозрела до социализма. Каутский писал в 1909 году, когда он еще не был ренегатом, что *преждевременной* революции теперь бояться нельзя, что изменником был бы тот, кто из боязни поражения отказался бы от революции. Отречься *прямо* от этого Каутский не решается. И выходит такая бессмыслица, которая всю

глупость и трусость мелкого буржуа разоблачает до конца: с одной стороны, Европа зрела для социализма и идет к решающим битвам труда с капиталом,—а с другой стороны, *боевую организацию* (т.-е. складывающуюся, растущую, крепнущую в борьбе), организацию пролетариата, авангарда и организатора, вождя угнетенных, *нельзя* превращать в государственную организацию!

* * *

В практически-политическом отношении идея, что Советы необходимы, как боевая организация, но не должны превращаться в государственные организации, еще бесконечно более нелепа, чем в теоретическом. Даже в мирное время, когда нет на-лицо революционной ситуации, массовая борьба рабочих с капиталистами, например, массовые стачки, вызывают страшное озлобление с обеих сторон, чрезвычайную страстность борьбы, постоянные ссылки буржуазии на то, что она остается и хочет оставаться «хозяином в доме» и т. п. А во время революции, когда политическая жизнь кипит, такая организация, как советы, охватывающая *всех* рабочих *всех* отраслей промышленности, затем *всех* солдат и все трудящееся и беднейшее сельское население,—такая организация сама собою, ходом борьбы, простой «логикой» натиска и отпора неизбежно приходит к постановке вопроса *ребром*. Попытка занять серединную позицию, «примирить» пролетариат и буржуазию является тупоумием и терпит жалкий крах: так было в России с проповедью Мартова и других меньшевиков, так же неизбежно будет и в Германии и в других странах, если Советы разовьются сколько-нибудь широко, успеют объединиться и упрочиться. Сказать Советам: боритесь, но не берите сами в руки всей государственной власти, не становитесь государственными организациями—значит проповедывать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией. Смешно и думать о том, чтобы такая позиция в ожесточенной борьбе могла привести к чему-либо, кроме позорного краха. Сиденье между двух стульев—вечная судьба Каутского. Он делает вид, что ни в чем не согласен с оппортунистами в теории, а на самом деле он во всем существенном (то-есть во всем, что относится к революции) согласен с ними *на практике*.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Вопрос об Учредительном Собрании и его разгоне большевиками—гвоздь всей брошюры Каутского. К этому вопросу он возвращается постоянно. Кивками на то, как большевики «уничтожили демократию» (см. выше в одной цитате из Каутского), переполнено все произведение идейного вождя II Интернационала. Вопрос, действительно, интересный и важный, ибо соотношение буржуазной и пролетарской демократии здесь предстало перед революцией практически. Посмотрим же, как рассматривает этот вопрос наш «теоретик-марксист».

Он цитирует «тезисы об Учредительном Собрании», которые были написаны мной и опубликованы в «Правде» 26. XII. 1917 [1].

Казалось бы, лучшего доказательства серьезного подступа к делу со стороны Каутского, с документами в руках, и ожидать нельзя. Но взгляните, *как* цитирует Каутский. Он не говорит, что этих тезисов было 19, он не говорит, что в них был поставлен вопрос как о соотношении обычной буржуазной республики с Учредительным Собранием и Республики Советов, так и об *истории* расхождения в нашей революции Учредительного Собрания с диктатурой пролетариата. Каутский обходит все это и просто заявляет читателю, что «особенно важны из них (из этих тезисов) два»: один—что эсеры раскололись после выборов в Учредительное Собрание, но до его созыва (Каутский молчит о том, что это тезис пятый), другой—что республика советов вообще более высокая демократическая форма, чем Учредительное Собрание. (Каутский молчит о том, что это—тезис третий.)

И вот, только из этого третьего тезиса Каутский цитирует полностью частицу его, именно, следующее положение:

«Республика Советов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с *обычной,* буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный [2] переход к социализму»

---

[1] См. XXII том Сочинений, стр. 131—134. *Ред.*

[2] Между прочим. Это выражение «наиболее безболезненный» переход Каутский цитирует многократно, покушаясь, очевидно, на иронию. Но так как покушение это с негодными средствами, то Каутский через несколько страниц совершает передержку и

(Каутский опускает слово «обычной» и вступительные слова тезиса: «для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата»).

Процитировав эти слова, Каутский с великолепной иронией восклицает:

«Жаль только, что к этому выводу пришли лишь после того, как оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании. Раньше никто не требовал его более бурно, чем Ленин».

Так сказано буквально на стр. 31-ой книги Каутского! Ведь это же перл! Только сикофант буржуазии мог представить дело так лживо, чтобы читатель получил впечатление, будто все разговоры большевиков о более высоком типе государства суть выдумка, появившаяся на свет *после* того, как большевики оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании!! Столь гнусную ложь мог сказать только негодяй, продавшийся буржуазии, или, что совершенно одно и то же, доверившийся П. Аксельроду и скрывающий своих информаторов.

Ибо всем известно, что я в первый же день своего приезда в Россию, 4. IV. 1917 г., прочел публично тезисы, в которых заявил о превосходстве государства типа Коммуны над буржуазной парламентарной республикой. Я заявлял это потом *неоднократно* в печати, например, в брошюре о политических партиях[1], которая была переведена на английский и появилась в Америке в январе 1918 года, в нью-йоркской газете «Evening Post». Мало того. Конференция партии большевиков в конце апреля 1917 года приняла резолюцию о том, что пролетарско-крестьянская республика выше буржуазной парламентарной республики, что наша партия последнею не удовлетворится, что программа партии должна быть соответственно изменена.

Как назвать после этого выходку Каутского, уверяющего немецких читателей, будто я бурно требовал созыва

цитирует фальшиво: «безболезненный» переход! Конечно, такими средствами подсунуть противнику бессмыслицу не трудно. Передержка помогает также обойти довод по существу: наиболее безболезненный переход к социализму возможен лишь при поголовной организации бедноты (Советы) и при содействии центра государственной власти (пролетариата) такой организации.

[1] См. XX том Сочинений, стр. 136—144. *Ред.*

Учредительного Собрания, и лишь после того, как большевики остались в нем в меньшинстве, стал «умалять» честь и достоинство Учредительного Собрания? Чем можно извинить такую выходку?[1] Тем, что Каутский не знал фактов? Но тогда зачем было ему браться писать о них? или почему бы не заявить честно, что я, Каутский, пишу на основании сведений от меньшевиков Штейна и П. Аксельрода с К⁰? Каутский желает претензией на объективность прикрыть свою роль прислужника обиженных на свое поражение меньшевиков.

Однако это только цветочки. Ягодки впереди будут.

Допустим, что Каутский не пожелал или не мог (??) получить от своих информаторов перевода большевистских резолюций и заявлений по вопросу о том, удовлетворяются ли они буржуазной парламентарной демократической республикой. Допустим даже это, хотя это и невероятно. Но ведь тезисы-то мои от 26. XII. 1917 г. Каутский *прямо упоминает* на стр. 30-ой своей книги.

Эти-то тезисы знает Каутский полностью, или из них он знает только то, что̀ ему перевели Штейны, Аксельроды и К⁰? Каутский цитирует *третий* тезис по *коренному* вопросу о том, сознавали ли большевики *до* выборов в Учредительное Собрание и говорили ли они *народу*, что республика Советов выше буржуазной республики. *Но Каутский умалчивает о 2-ом тезисе.*

А второй тезис гласит:

«Выставляя требование созыва Учредительного Собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 года *неоднократно подчеркивала*, что *республика советов является более высокой формой демократизма, чем обычная, буржуазная республика с Учредительным Собранием*» (курсив мой).

Чтобы представить большевиков беспринципными людьми, «революционными оппортунистами» (это выражение, не помню, в какой связи, употребляет где-то в своей книге Каутский), господин Каутский *скрыл от немецких читателей*, что в тезисах есть прямая ссылка на «*неоднократные*» заявления!

Таковы те мелкие, мизерные и презренные приемы, кото-

[1] Кстати сказать: подобной меньшевистской лжи очень много в брошюре Каутского! Это—памфлет озлобленного меньшевика.

рыми оперирует господин Каутский. От *теоретического* вопроса он таким образом увернулся.

Верно это или нет, что буржуазно-демократическая парламентарная республика стоит *ниже*, чем республика типа Коммуны или типа Советов? В этом гвоздь, а Каутский это обошел. Все то, что дал Маркс в анализе Парижской Коммуны, Каутский «забыл». Он «забыл» и письмо Энгельса к Бебелю от 28. III. 1875 г., в котором особенно наглядно и вразумительно выражена та же мысль Маркса: «Коммуна не была уже государством в собственном смысле слова».

Вот вам самый выдающийся теоретик II Интернационала, который в специальной брошюре о «Диктатуре пролетариата», специально рассуждая о России, где прямо и неоднократно поставлен вопрос о форме государства, более высокого, чем демократически-буржуазная республика, замалчивает этот вопрос. Чем же это отличается *на деле* от перехода на сторону буржуазии?

(Заметим в скобках, что и здесь Каутский плетется в хвосте русских меньшевиков. У них людей, знающих «все цитаты» из Маркса и Энгельса, сколько угодно, но ни один меньшевик с апреля 1917 г. до октября 1917 г. и с октября 1917 г. до октября 1918 г. *ни разу* не попробовал разобрать вопроса о государстве типа Коммуны. Плеханов тоже обошел этот вопрос. *Пришлось, верно, помолчать.)*

Само собою разумеется, что разговаривать о разгоне Учредительного Собрания с людьми, которые называют себя социалистами и марксистами, но на деле переходят к буржуазии по *главному* вопросу, по вопросу о государстве типа Коммуны, значило бы метать бисер перед свиньями. Достаточно будет напечатать в приложении к настоящей брошюре мои тезисы об Учредительном Собрании полностью. Из них читатель увидит, что вопрос был поставлен 26. XII. 1917 г. и теоретически, и исторически, и практически-политически.

Если Каутский, как теоретик, совершенно отрекся от марксизма, то он мог бы, как историк, рассмотреть вопрос о борьбе Советов с Учредительным Собранием. Мы знаем из многих работ Каутского, что он *умел* быть марксистским историком, что *такие* работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство. Но по данному вопросу Каутский и как историк *отворачивается* от истины, игнорирует *общеизвестные* факты, поступает как

сикофант. Ему *хочется* представить большевиков беспринципными, и он рассказывает, как пробовали большевики *смягчить* конфликт с Учредительным Собранием, прежде чем разогнать его. Решительно ничего дурного тут нет, отрекаться нам не от чего; тезисы я печатаю полностью, и в них сказано яснее ясного: господа колеблющиеся мелкие буржуа, засевшие в Учредительном Собрании, либо миритесь с пролетарской диктатурой, либо мы вас «революционным путем» победим (тезисы 18 и 19).

Так всегда поступал и так всегда будет поступать действительно революционный пролетариат по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

Каутский стоит в вопросе об Учредительном Собрании на формальной точке зрения. В тезисах у меня сказано ясно и многократно, что интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного Собрания (см. тезисы 16 и 17). Формально-демократическая точка зрения и есть точка зрения *буржуазного* демократа, который не признает, что интерес пролетариата и пролетарской классовой борьбы стоит выше. Каутский, как историк, не мог бы не признать, что буржуазные парламенты являются органами того или иного класса. Но теперь Каутскому понадобилось (для грязного дела отречения от революции) забыть марксизм, и Каутский *не ставит вопроса,* органом какого *класса* было Учредительное Собрание в России. Каутский не разбирает конкретной обстановки, ему не хочется посмотреть на факты, он ни слова не говорит немецким читателям о том, что в тезисах дано не только теоретическое освещение вопроса об ограниченности буржуазной демократии (тезисы №№ 1—3), не только конкретные условия, определившие несоответствие партийных списков половины октября 1917 года с действительностью в декабре 1917 года (тезисы №№ 4—6), но и *история классовой борьбы и гражданской войны* в октябре—декабре 1917 года (тезисы №№ 7—15). Из этой конкретной истории мы сделали вывод (тезис № 14), что лозунг «вся власть Учредительному Собранию» стал *на деле* лозунгом кадетов и калединцев и их пособников.

Историк Каутский этого не замечает. Историк Каутский никогда не слыхал о том, что всеобщее избирательное право дает иногда мелкобуржуазные, иногда реакционные и контрреволюционные парламенты. Историк-марксист Каутский не

слыхал о том, что одно дело—форма выборов, форма демократии, другое дело классовое содержание данного учреждения. Этот вопрос о классовом содержании Учредительного Собрания прямо поставлен и разрешен в моих тезисах. Возможно, что мое разрешение неверно. Ничто не было бы для нас так желательно, как марксистская критика нашего анализа со стороны. Вместо того, чтобы писать совсем глупые фразы (их много у Каутского) насчет того, будто кто-то мешает критике большевизма, Каутскому следовало бы приступить к такой критике. Но в том-то и дело, что критики у него нет. Он даже и *не ставит вопроса* о классовом анализе советов, с одной стороны, и Учредительного Собрания, с другой. И поэтому *нет возможности* спорить, дискутировать с Каутским, а остается только *показать* читателю, почему нельзя Каутского назвать иначе, как ренегатом.

Расхождение Советов с Учредительным Собранием имеет свою историю, которую не мог бы обойти даже историк, не стоящий на точке зрения классовой борьбы. Каутский и этой фактической истории не пожелал *коснуться*. Каутский скрыл от немецких читателей тот общеизвестный факт (который теперь скрывают лишь злостные меньшевики), что Советы и при господстве меньшевиков, т.-е. с конца февраля до октября 1917 года, расходились с «общегосударственными» (т.-е. буржуазными) учреждениями. Каутский стоит, в сущности, на точке зрения примирения, согласования, сотрудничества пролетариата и буржуазии; как бы Каутский ни отрекался от этого, но такая его точка зрения есть факт, подтверждаемый всей брошюрой Каутского. Не надо было разгонять Учредительного Собрания, это и значит: не надо было доводить до конца борьбу с буржуазией, не надо было свергать ее, надо было примириться пролетариату с буржуазией.

Почему же Каутский умолчал о том, что меньшевики занимались этим мало почтенным делом с февраля по октябрь 1917 года и ничего не достигли? Если было возможно помирить буржуазию с пролетариатом, почему же при меньшевиках примирение не удалось, буржуазия держалась в стороне от Советов, Советы назывались *(меньшевиками)* «революционной демократией», а буржуазия—«цензовыми элементами»?

Каутский скрыл от немецких читателей, что именно

меньшевики в «эпоху» (II—X 1917 г.) своего господства называли Советы революционной демократией, тем самым признавая их превосходство над всеми прочими учреждениями. Только благодаря сокрытию этого факта, у историка Каутского вышло так, что расхождение Советов с буржуазией не имеет своей истории, что оно явилось сразу, внезапно, беспричинно, в силу дурного поведения большевиков. А на деле как раз *более чем полугодовой* (для революции это—громадный срок) *опыт* меньшевистского соглашательства, попыток примирения пролетариата с буржуазией и убедил народ в бесплодности этих попыток и оттолкнул пролетариат от меньшевиков.

Советы—прекрасная, имеющая великое будущее, боевая организация пролетариата, признается Каутский. Раз так, вся позиция Каутского разваливается, как карточный домик или как мечтание мелкого буржуа о том, чтобы сбойтись без острой борьбы пролетариата с буржуазией. Ибо вся революция есть сплошная и притом отчаянная борьба, а пролетариат есть передовой класс *всех* угнетенных, фокус и центр всех стремлений всех и всяких угнетенных к своему освобождению. Советы—орган борьбы угнетенных масс—естественно, отражали и выражали настроения и перемену взглядов этих масс неизмеримо быстрее, полнее, вернее, чем какие бы то ни было другие учреждения (в этом, между прочим, один из источников того, почему советская демократия есть высший тип демократии).

Советы успели с 28 февраля (старого стиля) по 25 октября 1917 года созвать *два* всероссийских съезда гигантского большинства населения России, всех рабочих и солдат, семи или восьми десятых крестьянства, не считая массы местных, уездных, городских, губернских и областных съездов. За это время буржуазия не успела созвать ни одного учреждения, представляющего большинство (кроме явно поддельного, издевательского, озлобившего пролетариат, «демократического совещания»). Учредительное Собрание отразило *то же* настроение масс, *ту же* политическую группировку, что первый (июньский) Всероссийский Съезд Советов. Ко времени созыва Учредительного Собрания (январь 1918 года) состоялся второй Съезд Советов (октябрь 1917 года) и третий (январь 1918 года), при чем оба они *показали яснее ясного,* что массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков.

шевиков и эсеров, перешли на сторону большевиков, *то-есть* отвернулись от мелкобуржуазного руководства, от иллюзий соглашения с буржуазией и перешли на сторону пролетарской революционной борьбы за свержение буржуазии.

Следовательно, одна уже *внешняя история* советов показывает неизбежность разгона Учредительного Собрания и *реакционность* его. Но Каутский твердо стоит на своем «лозунге»: пусть гибнет революция, пусть буржуазия торжествует над пролетариатом, лишь бы процветала «чистая демократия». Fiat justitia, pereat mundus![1].

Вот краткие итоги Всероссийских Съездов Советов в истории русской революции:

Всероссийские Съезды Советов	Число делегатов	Из них большевиков	% большевиков
1-ый (3. VI. 1917)	790	103	13
2-ой (25. X. 1917)	675	343	51
3-ий (10. I. 1918)	710	434	61
4-ый (14. III. 1918)	1 232	795	64
5-ый (4. VII. 1918)	1 164	773	66

Достаточно взглянуть на эти цифры, чтобы понять, почему защита Учредительного Собрания или речи (вроде речей Каутского) о том, что большевики не имеют за собой большинства населения, встречаются у нас только смехом.

СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Как я уже указывал, лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. *Эта* составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо партии, а выросла сама собой в ходе борьбы. Историк Каутский этого, конечно, не заметил. Он не понял, что буржуазия, еще при господстве меньшевиков

[1] «Пусть совершится правосудие, хотя бы погиб мир». *Ред.*

(соглашателей с буржуазией) в советах, сама отделила себя от советов, бойкотировала их, противопоставляла себя им, интриговала против них. Советы возникли без всякой конституции и *больше года* (с весны 1917 до лета 1918) жили без всякой конституции. Озлобление буржуазии против самостоятельной и всемогущей (ибо всех охватывающей) организации угнетенных, борьба—притом самая беззастенчивая, корыстная, грязная—борьба буржуазии против советов, наконец, явное участие буржуазии (от кадетов до правых эсеров, от Милюкова до Керенского) в корниловщине,—вот что *подготовило* формальное исключение буржуазии из советов.

Каутский о корниловщине слыхал, но он плюет величественно на исторические факты и ход, формы борьбы, определяющие *формы* диктатуры: при чем тут факты, в самом деле, раз речь идет о «чистой» демократии? «Критика» Каутского, направленная против отнятия избирательных прав у буржуазии, отличается поэтому такой... сладенькой наивностью, которая была бы умилительна, если бы исходила от ребенка, и которая вызывает отвращение, когда исходит от лица, официально еще не признанного слабоумным.

...«Если бы капиталисты при всеобщем избирательном праве оказались незначительным меньшинством, то они скорее бы помирились со своей судьбой» (33)... Неправда ли, мило? Умный Каутский много раз видал в истории и вообще прекрасно знает из наблюдения живой жизни таких помещиков и капиталистов, которые считаются с волей большинства угнетенных. Умный Каутский твердо стоит на точке зрения «оппозиции», т.-е. на точке зрения внутри-парламентской борьбы. Он так и пишет буквально: «оппозиция» (стр. 34 и мн. др.).

О, ученый историк и политик! Не мешало бы вам знать, что «оппозиция» есть понятие мирной и только парламентской борьбы, то-есть понятие, соответствующее не-революционной ситуации, понятие, соответствующее *отсутствию революции*. В революции речь идет о беспощадном враге в гражданской войне—никакие реакционные иеремиады мелкого буржуа, боящегося такой войны, как боится ее Каутский, не изменят этого факта. Рассматривать вопросы беспощадной гражданской войны, когда буржуазия идет на все преступления—пример версальцев и их сделки с Бисмарком говорит кое-что для всякого человека, который относится к

истории не как гоголевский Петрушка,—когда буржуазия призывает на помощь иностранные государства и интригует с ними против революции, это—комизм. Революционный пролетариат должен, подобно «путаницы советнику» Каутскому, одеть ночной колпак и рассматривать буржуазию, которая организует дутовские, красновские и чешские контр-революционные восстания, которая платит миллионы саботажникам,—рассматривать ее, как легальную «оппозицию». О, глубокомыслие!

Каутского интересует исключительно формально-юридическая сторона дела, так что, читая его рассуждения о советской конституции, невольно вспоминаешь слова Бебеля: «юристы, это—насквозь реакционные люди». «В действительности—пишет Каутский—капиталистов одних нельзя сделать бесправными. Кто такой капиталист в юридическом смысле? Имущий? Даже в такой далеко ушедшей по пути экономического прогресса стране, как Германия, пролетариат которой столь многочисленен, учреждение советской республики сделало бы политически бесправными большие массы. В 1907 году в Германской империи число занятых промысловым трудом и их семей в трех больших группах, сельское хозяйство, промышленность и торговля, составляло около 35 миллионов в группе служащих и наемных рабочих, а в группе самостоятельных 17 миллионов. Следовательно, партия вполне может быть большинством среди наемных рабочих, но меньшинством в населении» (стр. 33).

Вот — один из образчиков рассуждений Каутского. Ну, разве же это не контр-революционное хныканье буржуа? Почему вы всех «самостоятельных» зачислили в бесправных, господин Каутский, когда вы прекрасно знаете, что громаднейшее большинство русских крестьян наемных рабочих не держит, значит, прав не лишается? Разве это не фальсификация?

Почему вы, ученый экономист, не привели хорошо известных вам и имеющихся в той же немецкой статистике 1907 года данных о наемном труде в сельском хозяйстве по группам хозяйств? Почему вы не показали немецким рабочим, читателям вашей брошюры, этих данных, из коих было бы видно, *сколько эксплуататоров,* как немного эксплуататоров из всего числа «сельских хозяев» по немецкой статистике?

Потому что ваше ренегатство сделало вас простым сикофантом буржуазии.

Капиталист, видите ли, неопределенное юридическое понятие, и Каутский на нескольких страницах громит «произвол» советской конституции. Английской буржуазии этот «серьезный ученый» позволяет веками вырабатывать и разрабатывать новую (для средневековья новую) буржуазную конституцию, а нам, рабочим и крестьянам России, сей представитель лакейской науки не дает никаких сроков. От нас он требует до буквочки разработанной конституции в несколько месяцев...

...«Произвол»! Подумайте только, какая бездна самого грязного лакейства перед буржуазией, самого тупого педантства обнаруживается *таким* упреком. Когда насквозь буржуазные и большею частью реакционные юристы капиталистических стран в течение веков или десятилетий разработали детальнейшие правила, написали десятки и сотни томов законов и разъяснений законов, *притесняющих* рабочего, связывающих по рукам и ногам *бедняка*, ставящих тысячи придирок и препон любому простому трудящемуся человеку из народа,—о, тогда буржуазные либералы и господин Каутский не видят тут «произвола»! Тут «порядок» и «законность»! Тут все обдумано и прописано, как можно «дожать» бедняка. Тут есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников (про них Каутский вообще молчит, вероятно, именно потому, что Маркс придавал громадное значение *разбитию* чиновничьей машины...),—адвокатов и чиновников, умеющих истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов. Это—не «произвол» буржуазии, это не диктатура корыстных и грязных, напившихся народной крови эксплуататоров, ничего подобного. Это—«чистая демократия», с каждым днем становящаяся все чище и чище.

А когда трудящиеся и эксплуатируемые классы, впервые в истории, отрезанные империалистской войной от своих зарубежных братьев, составили *свои* Советы, призвали к политическому строительству *те массы*, которые буржуазия угнетала, забивала, отупляла, и стали *сами* строить *новое*, пролетарское государство, стали в пылу бешеной борьбы, в огне гражданской войны *намечать* основные положения о государстве *без эксплуататоров*,—тогда все мерзавцы бур-

жуазии, вся банда кровопийц, с их подпевалой, Каутским, завопила о «произволе»! Ну где же, в самом деле, этим неучам, рабочим и крестьянам, этой «черни» суметь истолковать свои законы? Где же им взять чувство справедливости, им, простым трудящимся, не пользующимся советами образованных адвокатов, буржуазных писателей, Каутских и мудрых старых чиновников?

Из моей речи 29. IV. 1918[1] господин Каутский цитирует слова: ...«Массы сами определяют порядок и сроки выборов»... И «чистый демократ» Каутский умозаключает:

...«Следовательно, дело обстоит, повидимому, так, что каждое собрание избирателей по своему усмотрению определяет порядок выборов. Произвол и возможность отделаться от неудобных оппозиционных элементов внутри самого пролетариата были бы таким образом доведены до высшей степени» (стр. 37).

Ну, чем это отличается от речей чернильного кули, нанятого капиталистами, который вопит по поводу угнетения массою при стачке «желающих трудиться» прилежных рабочих? Почему чиновничье-*буржуазное* определение порядка выборов в «чистой» буржуазной демократии *не* есть произвол? Почему чувство справедливости *у масс, поднявшихся на борьбу* с их вековыми эксплуататорами, у масс, просвещаемых и закаляемых этой отчаянной борьбой, должно быть ниже, чем у *горсток* воспитанных в *буржуазных* предрассудках чиновников, интеллигентов, адвокатов?

Каутский—истинный социалист, не смейте заподозривать искренность этого почтеннейшего отца семейства, этого честнейшего гражданина. Он—горячий и убежденный сторонник победы рабочих, пролетарской революции. Он только желал бы, чтобы сладенькие интеллигентики-мещане и филистеры в ночном колпаке *сначала,* до движения масс, *до* их бешеной борьбы с эксплуататорами и непременно *без* гражданской войны, составили умеренный и аккуратный *устав развития революции*...

С глубоким нравственным возмущением наш ученейший Иудушка Головлев рассказывает немецким рабочим, что 14. VI. 1918 Всероссийский Ц. И. К. Советов постановил исключить из Советов представителей партии правых эсеров и меньшевиков. «Это мероприятие—пишет Иудушка Каутский,

[1] См. XXII том Сочинений, стр. 469—498. *Ред.*

весь горя от благородного негодования,—направляется не против определенных лиц, которые совершили определенные наказуемые действия... Конституция советской республики ни слова не говорит о неприкосновенности депутатов-членов советов. Не определенные *лица*, а определенные *партии* исключаются здесь из Советов» (стр. 37).

Да, это в самом деле ужасно, это нестерпимое отступление от чистой демократии, по правилам которой будет делать революцию наш революционный Иудушка Каутский. Нам, русским большевикам, надо было сначала обещать неприкосновенность Савинковым и К°, Либерданам с Потресовыми («активистам») и К°, потом написать уголовное уложение, объявляющее «наказуемым» участие в чехо-словацкой контр-революционной войне или союз на Украине, или в Грузии с немецкими империалистами *против* рабочих своей страны, и только *потом*, на основании этого уголовного уложения, мы были бы в праве, согласно «чистой демократии», исключать из советов «определенных лиц». Само собою разумеется при этом, что чехо-словаки, получающие через Савинковых, Потресовых и Либерданов или при помощи их агитации деньги от англо-французских капиталистов, а равно Красновы, имеющие снаряды от немцев при помощи украинских и тифлисских меньшевиков, смирно сидели бы до тех самых пор, пока мы изготовим правильное уголовное уложение, и, как самые чистые демократы, ограничивались ролью «оппозиции»...

Не менее сильное нравственное негодование вызывает у Каутского то, что советская конституция отнимает избирательные права у тех, кто «держит наемных рабочих с целью прибыли». «Работник на дому или маленький хозяйчик—пишет Каутский—с одним подмастерьем может жить и чувствовать вполне по-пролетарски, а у него нет избирательного права» (стр. 36).

Какое отступление от «чистой демократии»! Какая несправедливость! До сих пор, правда, все марксисты полагали и тысячи фактов подтверждали, что мелкие хозяйчики самые бессовестные и прижимистые эксплуататоры наемных рабочих, но Иудушка Каутский берет, разумеется, не *класс* мелких хозяйчиков (и кто это выдумал вредную теорию классовой борьбы?), а отдельных лиц, таких эксплуататоров, которые «живут и чувствуют вполне по-пролетарски». Знаменитая «бережливая Агнеса», которую считали давно

умершей, воскресла под пером Каутского. Эту бережливую Агнесу выдумал и пустил в ход в немецкой литературе, несколько десятилетий тому назад, «чистый» демократ, буржуа Евгений Рихтер. Он пророчил несказанные беды от диктатуры пролетариата, от конфискации капитала у эксплуататоров, он вопрошал с невинным видом, кто такой капиталист в юридическом смысле. Он брал пример бедной бережливой швеи («бережливая Агнеса»), у которой злые «диктаторы пролетариата» отнимают ее последние гроши. Было время, когда вся немецкая социал-демократия потешалась над этой «бережливой Агнесой» чистого демократа Евгения Рихтера. Но это было давно, так давно, когда еще жил Бебель, говоривший открыто и прямо правду, что-де в нашей партии много национал-либералов; это было так давно, когда еще Каутский не был ренегатом.

Теперь «бережливая Агнеса» воскресла в лице «вполне по-пролетарски живущего и чувствующего мелкого хозяйчика с одним подмастерьем». Злые большевики обижают его, отнимают у него избирательное право. Правда, «всякое избирательное собрание», как говорит тот же Каутский, может в Советской Республике пустить к себе связанного, допустим, с данным заводом бедного мастерка, если он, в виде исключения, не эксплуататор, если он *на деле* «живет и чувствует вполне по-пролетарски». Но разве можно положиться на знание жизни, на чувство справедливости неупорядоченного и действующего (о, ужас!) без устава заводского собрания простых рабочих? Разве не ясно, что лучше дать избирательное право *всем* эксплуататорам, *всем,* нанимающим наемных рабочих, чем рисковать возможностью, что рабочие обидят «бережливую Агнесу» и «по-пролетарски живущего и чувствующего мастерка»?

* * *

Пусть презренные негодяи ренегатства, приветствуемые буржуазией и социал-шовинистами [1], поносят нашу советскую

[1] Я только что прочел передовицу в «Франкфуртской Газете» (22. X. 1918, № 293), с восторгом пересказывающую брошюру Каутского. Газета биржевиков довольна. Еще бы! А товарищ из Берлина пишет мне, что «Форвертс», газета Шейдеманов, в специальной статье заявил, что подписывается почти под каждой строчкой Каутского. Поздравляем, поздравляем!

конституцию за то, что она отнимает избирательное право у эксплуататоров. Это хорошо, ибо это ускорит и углубит раскол революционных рабочих Европы с Шейдеманами и Каутскими, Реноделями и Лонгэ, Хендерсонами и Рамсеями Макдональдами, со старыми вождями и старыми предателями социализма.

Массы угнетенных классов, сознательные и честные вожди из революционных пролетариев будут *за* нас. Достаточно ознакомить таких пролетариев и эти массы с нашей советской конституцией, и они скажут сразу: вот где настоящие *наши люди*, вот где настоящая рабочая партия, настоящее рабочее правительство. Ибо оно не обманывает рабочих болтовней о реформах, как *обманывали нас все названные вожди*, а борется всерьез с эксплуататорами, проводит всерьез революцию, борется *на деле* за полное освобождение рабочих.

Если эксплуататоры лишены избирательного права Советами после годовой «практики» Советов, *значит* эти Советы суть действительно организации угнетенных масс, а не продавшихся буржуазии социал-империалистов и социал-пацифистов. *Если* эти советы отняли избирательное право у эксплуататоров, *значит*, советы не органы мелко-буржуазного соглашательства с капиталистами, не органы парламентской болтовни (Каутских, Лонгэ и Макдональдов), а органы действительно революционного пролетариата, ведущего борьбу не на живот, а на смерть с эксплуататорами.

«Книжка Каутского здесь почти неизвестна», пишет мне из Берлина на-днях (сегодня—30. X.) хорошо осведомленный товарищ. Я бы посоветовал нашим послам в Германии и в Швейцарии не пожалеть тысяч на скупку этой книги и на *раздачу ее даром* сознательным рабочим, чтобы втоптать в грязь ту «европейскую»—читай: империалистскую и реформистскую—социал-демократию, которая давно стала «смердящим трупом».

* * *

В конце своей книги, на стр. 61 и 63, господин Каутский горько плачет по поводу того, что «новая теория» (как он называет большевизм, боясь прикоснуться к анализу Парижской Коммуны Марксом и Энгельсом) «находит сторонников даже в старых демократиях, как, напр., Швейцария».

«Непонятно» для Каутского, «если эту теорию, принимают немецкие социал-демократы».

Нет, это вполне понятно, ибо революционным массам становятся противны, после серьезных уроков войны, и Шейдеманы и Каутские.

«Мы» всегда были за демократию—пишет Каутский—и вдруг мы же откажемся от нее!

«Мы», оппортунисты социал-демократии, всегда были против диктатуры пролетариата, и Кольбы с К⁰ открыто говорили это *давно*. Каутский знает это и напрасно думает, что он скроет от читателей очевидный факт своего «возвращения в лоно» Бернштейнов и Кольбов.

«Мы», революционные марксисты, никогда не делали себе божка из «чистой» (буржуазной) демократии. Плеханов в 1903 г. был, как известно, революционным марксистом (до его печального поворота, приведшего его к позиции русского Шейдемана). И Плеханов говорил тогда на съезде партии, принимавшем программу, что пролетариат в революции отнимет, при надобности, избирательное право у капиталистов, *разгонит какой угодно парламент,* если он окажется контрреволюционным. Что именно такой взгляд единственно соответствует марксизму, это увидит всякий хотя бы из приведенных мною выше заявлений Маркса и Энгельса, это, очевидно, вытекает из всех основ марксизма.

«Мы», революционные марксисты, не говорили народу таких речей, с которыми любили выступать каутскианцы всех наций, лакействуя перед буржуазией, подделываясь под буржуазный парламентаризм, замалчивая *буржуазный* характер современной демократии и требуя только *ее* расширения, *ее* доведения до конца.

«Мы» говорили буржуазии: «вы, эксплуататоры и лицемеры, говорите о демократии, в то же время ставя на каждом шагу тысячи препон участию *угнетенных масс* в политике. Мы ловим вас на слове и требуем, в интересах этих масс, расширения *вашей* буржуазной демократии, *дабы подготовить массы к революции* для свержения вас, эксплуататоров. И если вы, эксплуататоры, попытаетесь оказать сопротивление нашей пролетарской революции, мы вас подавим беспощадно, мы вас сделаем бесправными, мало того: мы не дадим вам хлеба, ибо в нашей пролетарской республике эксплуататоры будут бесправны, будут лишены огня и воды,

ибо мы всерьез, а не по-шейдемановски и не по-каутскиански—социалисты».

Вот как говорили и будем говорить «мы», революционные марксисты, и вот почему угнетенные массы будут за нас и с нами, а Шейдеманы и Каутские будут в помойной яме ренегатов.

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ?

Каутский убежденнейшим образом считает и называет себя интернационалистом. Шейдеманов он объявляет «правительственными социалистами». Защищая меньшевиков (Каутский не говорит прямо, что солидарен с ними, но целиком проводит их взгляды), Каутский обнаружил замечательно наглядно, какого сорта его «интернационализм». А так как Каутский—не одиночка, а представитель течения, неизбежно выросшего в обстановке II Интернационала (Лонгэ во Франции, Турати в Италии, Нобс и Гримм, Грабер и Нэн в Швейцарии, Рамсей Макдональд в Англии и т. п.), то остановиться на «интернационализме» Каутского поучительно.

Подчеркивая, что меньшевики тоже были в Циммервальде (диплом, несомненно, но... диплом подгнивший), Каутский следующим образом рисует взгляды меньшевиков, с которыми он согласен:

...«Меньшевики хотели всеобщего мира. Они хотели, чтобы все воюющие приняли лозунг: без аннексий и контрибуций. До тех пор, пока это не достигнуто, русская армия должна была, по этому взгляду, стоять в боевой готовности. Большевики же требовали немедленного мира во что бы то ни стало, они готовы были, в случае необходимости, заключить сепаратный мир, они старались силой вынудить его, усиливая и без того уже большую дезорганизацию армии» (стр. 27). Большевики должны были, по мнению Каутского, не брать власти и довольствоваться учредилкой.

Итак, интернационализм Каутского и меньшевиков состоит вот в чем: от империалистического буржуазного правительства требовать реформ, но продолжать его поддерживать, продолжать поддерживать ведомую этим правительством войну, пока все воюющие не приняли лозунга: без аннексий и контрибуций. Такой взгляд выражали неоднократно и

Турати, и каутскианцы (Гаазе и др.), и Лонгэ с К°, заявлявшие, что мы де *за* «защиту отечества».

Теоретически, это—полное неумение отделиться от социал-шовинистов и полная путаница в вопросе о защите отечества. Политически, это—подмена интернационализма мещанским национализмом и переход на сторону реформизма, отречение от революции.

Признание «защиты отечества» есть оправдание, с точки зрения пролетариата, данной войны, признание ее законности. А так как война остается империалистской (и при монархии, и при республике)—независимо от того, где стоят неприятельские войска в данный момент, в моей или чужой стране,—то признание защиты отечества есть *на деле* поддержка империалистской, грабительской буржуазии, полная измена социализму. В России и при Керенском, в буржуазно-демократической республике, война продолжала оставаться империалистской, ибо ее вела буржуазия, как господствующий класс (а война есть «продолжение политики»); и особенно наглядным выражением империалистского характера войны были тайные договоры о дележе мира и грабеже чужих стран, заключенные бывшим царем с капиталистами Англии и Франции.

Меньшевики гнусно обманывали народ, называя такую войну оборонительной или революционной, и Каутский, одобряя политику меньшевиков, одобряет обман народа, одобряет роль мелких буржуа, услуживавших капиталу надувательством рабочих, привязыванием их к колеснице империалистов. Каутский проводит типично мещанскую, филистерскую политику, воображая (и внушая массам вздорную мысль), будто *выставление лозунга* меняет дело. Вся история буржуазной демократии разоблачает эту иллюзию: для обмана народа буржуазные демократы всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело в том, чтобы *проверить* их искренность, чтобы со словами сопоставить *дела,* чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской *фразой,* а доискиваться *классовой реальности.* Империалистская война не тогда перестает быть империалистской, когда шарлатаны или фразеры, или мещане-филистеры выдвигают сладенький «лозунг»,—а лишь тогда, когда *класс,* ведущий империалистскую войну и связанный с ней миллионами экономических нитей (а то и канатов), оказывается на деле *свергнутым*

и когда его заменяет у власти действительно революционный класс, пролетариат. *Иначе из империалистской войны, а равно из империалистского, грабительского мира—вырваться нельзя.*

Одобряя внешнюю политику меньшевиков, объявляя ее интернационалистской и циммервальдистской, Каутский, во-1-х, показывает этим всю гнилость циммервальдского, оппортунистического, большинства (не даром мы, *левая* Циммервальда, сразу отгородились от такого большинства!), а во-2-х—и это самое главное—Каутский переходит с позиции пролетариата на позицию мелкой буржуазии, с позиции революционной на позицию реформистскую.

Пролетариат борется за революционное свержение империалистской буржуазии, мелкая буржуазия за реформистское «усовершенствование» империализма, за приспособление к нему, при *подчинении* ему. Когда Каутский был еще марксистом, напр., в 1909 году, когда он писал «Путь к власти», он отстаивал именно идею о неизбежности *революции* в связи с войной, он говорил о приближении *эры революций*. Базельский манифест 1912 года прямо и определенно говорит о *пролетарской революции* в связи с той самой империалистской войной между германскою и английскою группами, которая в 1914 году и вспыхнула. И в 1918 году, когда революции в связи с войной начались, вместо того, чтобы разъяснять их неизбежность, вместо того, чтобы обдумывать и продумывать до конца *революционную* тактику, способы и приемы подготовки к революции, Каутский стал называть интернационализмом реформистскую тактику меньшевиков. Разве это не ренегатство?

Меньшевиков хвалит Каутский за то, что они настаивали на сохранении боевой готовности армии. Большевиков он порицает за то, что они усиливали и без того уже большую «дезорганизацию армии». Это значит хвалить реформизм и подчинение империалистской буржуазии, порицать революцию, отрекаться от нее. Ибо сохранение боевой готовности означало и было при Керенском сохранение армии с *буржуазным* командованием (хотя бы и республиканским). Всем известно—и ход событий наглядно подтвердил,—что эта республиканская армия сохраняла *корниловский* дух, благодаря корниловскому командному составу. Буржуазное офицерство не могло не быть корниловским, не могло не тяготеть к

империализму, к насильственному подавлению пролетариата. Оставить по-старому все основы империалистской войны, все основы *буржуазной* диктатуры, починить мелочи, подкрасить пустячки («реформы»)—вот к чему сводилась *на деле* меньшевистская тактика.

И наоборот. Без «дезорганизации» армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся. Рядом с армией контр-революция никогда не терпела, не могла терпеть вооруженных рабочих. Во Франции—писал Энгельс—после каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих». Вооруженные рабочие были зачатком *новой* армии, организационной ячейкой *нового* общественного строя. Раздавить эту ячейку, не дать ей вырасти—было первой заповедью буржуазии. Первой заповедью всякой победоносной революции—Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это—было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новою. Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию («дезорганизация»,—вопят по этому поводу реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя через труднейший мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция); иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне, новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса. Историк Каутский прежде понимал это. Ренегат Каутский забыл это.

Какое право имеет Каутский называть Шейдеманов «правительственными социалистами», если он *одобряет* тактику меньшевиков в русской революции? Меньшевики, поддерживая Керенского, вступая в его министерство, были правительственными социалистами точно так же. От этого вывода никак не увернется Каутский, если только попробует поставить вопрос о *господствующем классе,* ведущем империалистскую войну. Но Каутский избегает поставить вопрос

о господствующем классе, вопрос обязательный для марксиста, ибо одна постановка такого вопроса разоблачила бы ренегата.

Каутскианцы в Германии, лонгетисты во Франции, Турати и К° в Италии рассуждают так: социализм предполагает равенство и свободу наций, их самоопределение; *поэтому,* когда на нашу страну нападают, или когда неприятельские войска вторгнулись в нашу землю, социалисты в праве и обязаны защищать родину. Но это рассуждение есть, теоретически, либо сплошная издевка над социализмом, либо мошенническая увертка, а практически-политически это рассуждение совпадает с рассуждением совсем темного мужичка, который не умеет даже и подумать о социальном, классовом характере войны и о задачах революционной партии во время реакционной войны.

Социализм против насилия над нациями. Это бесспорно. Но социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного* насилия. Значит, говорить о «насилии» вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой.

То же самое относится и к насилию над нациями. Всякая война состоит в насилии над нациями, но это не мешает социалистам быть *за* революционную войну. Классовый характер войны—вот основной вопрос, стоящий перед социалистом (если он не ренегат). Империалистская война 1914—1918 годов есть война между двумя группами империалистской буржуазии за дележ мира, за дележ добычи, за ограбление и удушение мелких и слабых наций. Такую оценку войны дал Базельский манифест в 1912 году, такую оценку подтвердили факты. Кто сходит с этой точки зрения на войну, тот не социалист.

Если немец при Вильгельме или француз при Клемансо говорят: я в праве и обязан, как социалист, защищать родину, если неприятель вторгся в мою страну, то это рассуждение не социалиста, не интернационалиста, не революционного пролетария, а *мещанина-националиста.* Ибо в этом рассуждении исчезает классовая революционная борьба рабочего против капитала, исчезает оценка *всей* войны в целом, с точки зрения мировой буржуазии и мирового пролетариата,

т.-е. исчезает интернационализм, остается убогий, заскорузлый национализм. Мою страну обижают, мне до большего нет дела, вот к чему сводится такое рассуждение, вот в чем его мещански-националистская узость. Это все равно, как если бы по отношению к индивидуальному насилию, над одним лицом, кто-либо рассуждал: социализм против насилия, поэтому я лучше пойду на предательство, чем сидеть в тюрьме.

Француз, немец или итальянец, который говорит: социализм против насилия над нациями, *поэтому* я защищаюсь, когда враг вторгся в мою страну, *предает* социализм и интернационализм. Ибо такой человек *видит только* свою «страну», выше всего ставит «свою»... *«буржуазию»,* не думая *об интернациональных связях,* делающих войну империалистской, делающих *е г о* буржуазию звеном в цепи империалистского грабежа.

Все мещане и все тупые и темные мужички рассуждают именно так, как рассуждают ренегаты каутскианцы, лонгетисты, Турати и К⁰, именно: в моей стране враг, а больше мне ни до чего нет дела [1].

Социалист, революционный пролетарий, интернационалист рассуждает иначе: характер войны (реакционная она или революционная) зависит не от того, кто напал и в чьей стране стоит «враг», а *от того, какой класс* ведет войну, какая политика продолжается данной войной. Если данная война есть реакционная империалистская война, т.-е. ведомая двумя мировыми группами империалистской, насильнической, грабительской реакционной буржуазии, то всякая буржуазия (даже малой страны) превращается в участника грабежа, и моя задача, задача представителя революционного пролетариата, готовить *мировую пролетарскую революцию,* как *е д и н с т в е н н о е* спасение от ужасов мировой

[1] Социал-шовинисты (Шейдеманы, Ренодели, Хендерсоны, Гомперсы и К⁰) отказываются от всяких речей об «Интернационале» во время войны. Они считают «изменниками»... социализму врагов своей буржуазии. Они *за* завоевательную политику своей буржуазии. Социал-пацифисты (т.-е. социалисты на словах, мещанские пацифисты на деле) выражают всякие «интернационалистские» чувства, восстают против аннексий и проч., но на деле продолжают поддерживать свою империалистскую буржуазию. Разница между двумя типами несерьезная, вроде как разница между капиталистом со злыми и капиталистом с сладкими речами на устах.

войны. Не с точки зрения «своей» страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения *моего участия* в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции.

Вот что такое интернационализм, вот какова задача интернационалиста, революционного рабочего, действительного социалиста. Вот какую *азбуку* «забыл» ренегат Каутский. И его ренегатство становится еще более наглядным, когда он от одобрения тактики мелкобуржуазных националистов (меньшевиков в России, лонгетистов во Франции, Турати в Италии, Гаазе и К⁰ в Германии) переходит к критике большевистской тактики. Вот эта критика:

«Большевистская революция была построена на предположении, что она послужит исходным пунктом для всеобщей европейской революции; что смелая инициатива России побудит пролетариев всей Европы подняться.

При таком предположении было, разумеется, безразлично, какие формы примет русский сепаратный мир, какие тяжести и потери территории (буквально: членовредительства или калечения, Verstümmelungen) принесет он русскому народу, какое истолкование самоопределения наций он даст. Тогда безразлично было также, способна Россия защищаться или нет. Европейская революция, по этому взгляду, составляла наилучшую защиту русской революции, она должна была принести всем народам на прежней российской территории полное и настоящее самоопределение.

Революция в Европе, которая принесла бы там социализм и укрепила его, должна была также стать средством для устранения тех помех, которые ставились в России осуществлению социалистического производства экономической отсталостью страны.

Все это было очень логично и хорошо обосновано, если только допустить основное предположение: что русская революция неминуемо должна развязать европейскую. Ну, а как же в том случае, если этого не случится?

До сих пор это предположение не оправдалось. И теперь пролетариев Европы обвиняют, что они покинули и предали русскую революцию. Это—обвинение против неизвестных, ибо кого же сделать ответственным за поведение европейского пролетариата?» (стр. 28).

И Каутский разжевывает дополнительно, что Маркс, Энгельс, Бебель ошибались не раз насчет наступления ожидавшейся ими революции, но что они никогда не строили своей тактики на ожидании революции *в «определенный срок»* (стр. 29), тогда как, дескать, боль-

шевики «поставили все на одну карту всеобщей европейской революции».

Мы нарочно выписали столь длинную цитату, чтобы показать читателю наглядно, как «ловко» подделывает Каутский марксизм, подменяя его пошлым и реакционным мещанским взглядом.

Во 1-х, приписывать противнику явную глупость и потом опровергать ее есть прием не очень-то умных людей. Если бы большевики построили свою тактику на ожидании революции в других странах *к определенному сроку,* это была бы бесспорная глупость. Но большевистская партия этой глупости не сделала: в моем письме к американским рабочим (20. VIII. 1918 [1]) я прямо отгораживаюсь от этой глупости, говоря, что мы рассчитываем на американскую революцию, но не к определенному сроку. В моей полемике против левых эсеров и «левых коммунистов» (январь—март 1918 г.) я неоднократно развивал ту же самую мысль. Каутский совершил маленькую... совсем маленькую передержку, на которой и построил свою критику большевизма. Каутский смешал во-едино тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в более или менее близкий, но не в определенный срок, и тактику, рассчитывающую на европейскую революцию в определенный срок. Маленький подлог, совсем маленький!

Вторая тактика есть глупость. Первая *обязательна* для марксиста, для всякого революционного пролетария и интернационалиста;—*обязательна,* ибо только она марксистски-правильно учитывает объективное положение во всех европейских странах, порождаемое войной, только она отвечает интернациональным задачам пролетариата.

Подменивши крупный вопрос об основах революционной тактики вообще мелким вопросом о той ошибке, которую могли бы сделать революционеры-большевики, но которой они не сделали, Каутский благополучно отрекся от революционной тактики вообще!

Ренегат в политике, он в теории *не умеет даже поставить вопроса* об объективных предпосылках революционной тактики.

И здесь мы подошли ко второму пункту.

---

[1] См. настоящий том, стр. 416—418. *Ред.*

Во 2-х. Расчет на европейскую революцию обязателен для марксиста, если есть налицо *революционная ситуация*. Это—азбучная истина марксизма, что тактика социалистического пролетариата не может быть одинакова тогда, когда есть налицо революционная ситуация, и тогда, когда ее нет.

Если бы Каутский поставил этот, обязательный для марксиста, вопрос, он увидел бы, что ответ получается безусловно против него. Задолго до войны все марксисты, все социалисты были согласны в том, что европейская война создаст революционную ситуацию. Когда Каутский еще не был ренегатом, он ясно и определенно признавал это—и в 1902 году («Социальная революция») и в 1909 году («Путь к власти»). Базельский манифест от имени всего II Интернационала признал это: не даром социал-шовинисты и каутскианцы («центровики», люди, колеблющиеся между революционерами и оппортунистами) всех стран, как огня, боятся соответствующих заявлений Базельского манифеста!

Следовательно, ожидание революционной ситуации в Европе было не увлечением большевиков, а *общим мнением* всех марксистов. Если Каутский отделывается от этой бесспорной истины такими фразами, что-де большевики «всегда верили в всемогущество насилия и воли», то это именно пустозвонная фраза, *прикрывающая* бегство и позорное бегство Каутского от постановки вопроса о революционной ситуации.

Далее. Наступила революционная ситуация на деле или нет? И этого вопроса Каутский не сумел поставить. На него отвечают экономические факты: голод и разорение, созданные войной повсюду, означают революционную ситуацию. На данный вопрос отвечают также политические факты: уже с 1915 года ясно обнаружился во *всех* странах процесс раскола старых, сгнивших социалистических партий, процесс *отхода масс* пролетариата от социал-шовинистских вождей налево, к революционным идеям и настроениям, к революционным вождям.

5-го августа 1918 года, когда писал свою брошюру Каутский, не видеть этих фактов мог лишь человек, боящийся революции, изменяющий ей. А теперь, в конце октября 1918 года, революция в *ряде* стран Европы растет на глазах у всех и весьма быстро. «Революционер» Каутский, который желает, чтобы его считали попрежнему марксистом, оказался таким близоруким филистером, который—подобно

филистерам 1847 года, осмеянным Марксом,—не видел приближающейся революции!!

Мы подошли к третьему пункту.

В 3-х. Каковы особенности революционной тактики при условии, что есть налицо европейская революционная ситуация? Каутский, став ренегатом, побоялся поставить этот обязательный для марксиста вопрос. Каутский рассуждает, как типичный филистер-мещанин или темный крестьянин: наступила «всеобщая европейская революция» или нет? Если наступила, тогда *и он* готов стать революционером! Но тогда—заметим мы—всякая сволочь (вроде тех негодяев, которые иногда примазываются теперь к победившим большевикам) станет объявлять себя революционером!

Если нет, тогда Каутский отворачивается от революции! У Каутского нет и тени понимания той истины, что революционера-марксиста отличает от обывателя и мещанина уменье *проповедывать* темным массам необходимость назревающей революции, *доказывать* ее неизбежность, *разъяснять* ее пользу для народа, *готовить* к ней пролетариат и все трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Каутский приписал большевикам бессмыслицу, будто они ставили все на одну карту, рассчитывая, что европейская революция наступит в определенный срок. Эта бессмыслица обратилась против Каутского, ибо у него как раз вышло: тактика большевиков была бы правильна, если бы европейская революция наступила к 5 августа 1918 года! Именно это число упоминает Каутский как время писания его брошюры. И когда через несколько недель после этого 5 августа стало ясным, что революция в ряде европейских стран наступает, то все ренегатство Каутского, вся его фальсификация марксизма, все его неуменье рассуждать революционно и даже ставить вопросы революционно обнаружились во всей своей прелести!

Когда пролетариев Европы обвиняют в измене—пишет Каутский—то это обвинение против неизвестных.

Ошибаетесь, господин Каутский! Посмотрите в зеркало, и вы увидите тех «неизвестных», против коих это обвинение направлено. Каутский прикидывается наивным, он делает вид, что не понимает, *кто* такое обвинение направлял и *какой смысл* оно имеет. На самом же деле Каутский прекрасно знает, что обвинение это выставляли и выставляют немецкие

«левые», спартаковцы, Либкнехт и его друзья. Обвинение это выражает *ясное сознание* того, что немецкий пролетариат совершал предательство русской (и международной) революции, когда душил Финляндию, Украину, Латвию, Эстляндию. Обвинение это направляется прежде всего и больше всего не против *массы,* которая всегда забита, а против тех *вождей,* которые, подобно Шейдеманам и Каутским, *не исполняли* своего долга революционной агитации, революционной пропаганды, революционной работы в массах против их косности, которые действовали фактически *наперерез* революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетенного класса. Шейдеманы прямо, грубо, цинично, большей частью корыстно предавали пролетариат и переходили на сторону буржуазии. Каутскианцы и лонгетисты делали то же самое, колеблясь, шатаясь, трусливо озираясь на тех, кто силен в данную минуту. Каутский всеми своими писаниями во время войны *угашал* революционный дух вместо того, чтобы поддерживать, развивать его.

Это останется прямо-таки историческим памятником мещанского отупения «среднего» вождя немецкой официальной социал-демократии, что Каутский даже не понимает, какое гигантское *теоретическое значение*, какое еще бóльшее агитационное и пропагандистское значение имеет «обвинение» пролетариев Европы в том, что они предали русскую революцию! Каутский не понимает, что это «обвинение» есть— при цензурных условиях германской «империи»—едва ли не единственная форма, в которой не предавшие социализма немецкие социалисты, Либкнехт и его друзья, выражают *свой призыв к немецким рабочим* сбросить Шейдеманов и Каутских, оттолкнуть таких «вождей», освободиться от их отупляющей и опошляющей проповеди, подняться, *вопреки* им, *мимо* них, через них, к революции, *на революцию!*

Каутский не понимает этого. Где же ему понять тактику большевиков? Можно ли ожидать от человека, который отрекается от революции вообще, чтобы он взвесил и оценил условия развития революции в одном из наиболее «трудных» случаев?

Тактика большевиков была правильной, была *единственно* интернационалистской тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко-националистическом желании

отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать»—она была основана на правильном (до войны, до ренегатства социал-шовинистов и социал-пацифистов общепризнанном) *учете* европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*. Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия *масс* повсюду тактике, революционной на деле) стал *мировым* большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм добил старый, гнилой Интернационал Шейдеманов и Каутских, Реноделей и Лонгэ, Хендерсонов и Макдональдов, которые будут теперь путаться в ногах друг у друга, мечтая о «единстве» и воскрешая труп. Большевизм *создал* идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи, и опыт *начавшейся эпохи революций*.

Большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на *все* языки мира, показав на примере *Советской власти,* что рабочие и беднейшие крестьяне *даже* отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, *в состоянии* были целый год, среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплуататорами (коих поддерживала буржуазия *всего* мира), сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, начать творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма.

Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать. В то время, как рабочим всего мира с каждым днем становится яснее, что тактика Шейдеманов и Каутских не избавляла от империалистской войны и от наемного рабства у империалистской буржуазии, что эта тактика не годится в образец для всех стран,—в это время массам пролетариев

всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм *годится как образец тактики для всех.*

Не только обще-европейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России. Этого всего мало для полной победы социализма? Конечно, мало. Одной стране бо́льшего сделать нельзя. Но эта одна страна, благодаря Советской власти, сделала все же столько, что даже, если бы русскую Советскую власть завтра раздавил мировой империализм, допустим, путем соглашения германского империализма с англо-французским, даже в этом, худшем из худых случаев большевистская тактика оказалась бы принесшей громадную пользу социализму и поддержавшей рост непобедимой мировой революции.

ПРИСЛУЖНИЧЕСТВО БУРЖУАЗИИ ПОД ВИДОМ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»

Как уже было сказано, книге Каутского следовало бы называться—если бы заглавие правильно передавало содержание—не «Диктатура пролетариата», а «Перепев буржуазных нападок на большевиков».

Старые «теории» меньшевиков о буржуазном характере русской революции, т.-е. старое искажение марксизма меньшевиками (в 1905 г. *отвергнутое* Каутским!), теперь вновь подогреты нашим теоретиком. Придется остановиться на этом вопросе, как ни скучен он для русских марксистов.

Русская революция буржуазная—говорили все марксисты России перед 1905 годом. Меньшевики, подменяя марксизм либерализмом, выводили отсюда: следовательно, пролетариат не должен идти дальше того, что́ приемлемо́ для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней. Большевики говорили, что это—либерально-буржуазная теория. Буржуазия стремится совершить преобразование государства по-буржуазному, *реформистски,* а не революционно, сохраняя по возможности и монархию и помещичье землевладение и т. п. Пролетариат должен вести буржуазно-демократическую революцию до ее конца, не давая себя «связать» реформизмом буржуазии. *Классовое* соотношение сил при буржуазной ре-

волюции большевики формулировали так: пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либеральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековье, помещичье землевладение.

В союзе пролетариата с крестьянством *вообще* и обнаруживается буржуазный характер революции, ибо крестьянство вообще есть мелкие производители, стоящие на почве товарного производства. Далее, добавляли тогда же большевики, пролетариат присоединяет к себе *весь полупролетариат* (всех эксплуатируемых и трудящихся), нейтрализует среднее крестьянство и *ниспровергает* буржуазию: в этом состоит социалистическая революция в отличие от буржуазно-демократической. (См. мою брошюру 1905 года: «Две тактики», перепечатанную в сборнике: «За 12 лет», Петербург, 1907 года [1].)

Каутский принял косвенное участие в этом споре в 1905 г., высказавшись, по запросу тогдашнего меньшевика, Плеханова, по существу дела *против* Плеханова, что вызвало тогда особые насмешки большевистской печати. Теперь Каутский ни *словечком* не вспоминает тогдашних споров (боится разоблачения его же заявлениями!) и тем лишает немецкого читателя всякой возможности понять суть дела. Господин Каутский *не мог* рассказать немецким рабочим в 1918 году о том, как в 1905 году он был за союз рабочих с крестьянами, а не с либеральной буржуазией, и на каких условиях он защищал этот союз, какую программу проектировал для этого союза.

Попятившись назад, Каутский под видом «экономического анализа», с горделивыми фразами об «историческом материализме», защищает теперь подчинение рабочих буржуазии, разжевывая, при помощи цитат из меньшевика Маслова, старые либеральные взгляды меньшевиков; при этом цитатами доказывается новая мысль об отсталости России, а вывод из этой новой мысли делается старый, в том духе, что-де при буржуазной революции не идти дальше буржуазии! И это—вопреки всему тому, что говорили Маркс и Энгельс, сравнивая буржуазную революцию 1789—1793 г.г. во Франции с буржуазной революцией в Германии в 1848 году!

Прежде чем переходить к главному «доводу» и главному

[1] См. VIII том Сочинений, стр. 27—126. *Ред.*

содержанию «экономического анализа» у Каутского, отметим, что первые же фразы обнаруживают курьезную путаницу мыслей или непродуманность мыслей автора:

«Экономической основой России—вещает наш «теоретик»—является доныне сельское хозяйство, и притом именно мелкое крестьянское производство. Им живет около $^4/_5$, может быть, даже $^5/_6$ населения» (стр. 45). Во-первых, любезный теоретик, подумали ли вы, сколько может быть эксплуататоров среди этой массы мелких производителей? Конечно, не более $^1/_{10}$ всего их числа, а в городах еще меньше, ибо там крупное производство более развито. Возьмите даже невероятно высокую цифру, допустите, что $^1/_5$ мелких производителей—эксплуататоры, теряющие избирательное право. И тогда вы получите, что 66% большевиков на V Съезде Советов представляли *большинство населения*. А к этому надо еще добавить, что среди левых эсеров всегда была внушительная часть за Советскую власть, т.-е. принципиально *все* левые эсеры были за Советскую власть, а когда часть левых эсеров пошла на восстание-авантюру в июле 1918 года, то от них отделились из их бывшей партии две новые партии, «народников коммунистов» и «революционных коммунистов» (из видных левых эсеров, коих еще старая партия выдвигала на важнейшие государственные посты; к первой принадлежит, напр., Закс, ко второй Колегаев). Следовательно, Каутский сам опроверг — нечаянно! — смехотворную сказку, будто за большевиками стоит меньшинство населения.

Во-2-х, любезный теоретик, подумали ли вы о том, что мелкий крестьянский производитель *неизбежно* колеблется между пролетариатом и буржуазией? Эту марксистскую истину, подтвержденную всей новейшей историей Европы, Каутский «забыл» очень кстати, ибо она разбивает в пух и прах всю меньшевистскую «теорию», им повторяемую! Если бы Каутский не «забыл» этого, он не мог бы отрицать необходимость пролетарской диктатуры в стране с преобладанием мелких крестьянских производителей.

Рассмотрим главное содержание «экономического анализа» нашего теоретика.

Что Советская власть есть диктатура, это бесспорно, говорит Каутский. «Но есть ли это диктатура *пролетариата?*» (стр. 34).

«Крестьяне составляют, по советской конституции, большинство населения, имеющего право участвовать в законодательстве и управлении. То, что̀ нам выставляют как диктатуру *пролетариата*, оказалось бы, если бы это было проведено последственно и если бы один класс, вообще говоря, мог непосредственно осуществлять диктатуру, что́ осуществимо лишь для партии,—то оказалось бы диктатурой *крестьянства*» (стр. 35).

И, чрезвычайно довольный столь глубокомысленным и остроумным рассуждением, добрый Каутский пытается острить: «Выходит как будто бы, что наиболее безболезненное осуществление социализма обеспечено тогда, когда оно отдастся в руки крестьян» (стр. 35).

Подробнейшим образом, с рядом чрезвычайно ученых цитат из полулиберального Маслова, наш теоретик доказывает новую мысль о заинтересованности крестьян в высоких ценах на хлеб, в низкой заработной плате городским рабочим и т. д., и т. п. Эти новые мысли, кстати сказать, тем скучнее изложены, чем меньше обращено внимания на действительно новые явления после-военного времени, например, на то, что крестьяне требуют за хлеб не денег, а товаров, что у крестьян не хватает орудий, которых нельзя достать в необходимом числе ни за какие деньги. Об этом еще особо ниже.

Итак, Каутский обвиняет большевиков, партию пролетариата, в том, что она отдала диктатуру, отдала дело проведения социализма в руки мелкобуржуазного крестьянства. Прекрасно, господин Каутский! Каковы же должны были бы быть, по вашему просвещенному мнению, отношения пролетарской партии к мелкобуржуазному крестьянству?

Об этом наш теоретик предпочел помолчать,—должно быть, вспомнив пословицу: «слово—серебро, молчание—золото». Но Каутский выдал себя следующим рассуждением:

«В начале Советской Республики Крестьянские Советы представляли из себя организации *крестьянства* вообще. Теперь Республика эта провозглашает, что Советы представляют организации пролетариев и *бедных* крестьян. Зажиточные теряют избирательное право в Советы. Бедный крестьянин признается здесь постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы при «диктатуре пролетариата»» (стр. 48).

Какая убийственная ирония! Ее можно услыхать в России от любого буржуа: они все злорадствуют и смеются, что Советская Республика открыто признается в существовании беднейших крестьян. Они смеются над социализмом. Это

их право. Но «социалист», который смеется над тем, что после разорительнейшей четырехлетней войны у нас остаются—и надолго останутся—беднейшие крестьяне, такой «социалист» мог родиться только в обстановке массового ренегатства.

Слушайте дальше:

...«Советская Республика вмешивается в отношения между богатыми и бедными крестьянами, но не посредством нового распределения земли. Чтобы устранить нужду горожан в хлебе, в деревни посылаются отряды вооруженных рабочих, которые отнимают у богатых крестьян излишки хлеба. Часть этого хлеба отдается городскому населению, другая—беднейшим крестьянам» (стр. 48).

Разумеется, социалист и марксист Каутский глубоко возмущен мыслью о том, что такая мера могла бы распространяться дальше, чем на окрестности бо́льших городов (а она у нас распространяется на всю страну). Социалист и марксист Каутский наставительно замечает, с бесподобным, несравненным, восхитительным хладнокровием (или тупоумием) филистера: ...«Они (экспроприации зажиточных крестьян) вносят новый элемент беспокойства и гражданской войны в процесс производства»... (гражданская война, вносимая в «процесс производства», это уже нечто сверхъестественное!)... «который для своего оздоровления настоятельно нуждается в спокойствии и безопасности» (49).

Да, да, насчет спокойствия и безопасности для эксплуататоров и спекулянтов хлебом, которые прячут его излишки, срывают закон о хлебной монополии, доводят до голода население городов,—насчет этого марксисту и социалисту Каутскому, конечно, следует вздохнуть и пролить слезу. Мы все социалисты и марксисты и интернационалисты—кричат хором господа Каутские, Гейнрихи Веберы (Вена), Лонгэ (Париж), Макдональд (Лондон) и т. п.—мы все за революцию рабочего класса, только... только так, чтобы не нарушать спокойствия и безопасности спекулянтов хлебом! И это грязное прислужничество капиталистам мы прикрываем «марксистской» ссылкой на «процесс производства»... Если это марксизм, то что же называется лакейством перед буржуазией?

Посмотрите, что́ получилось у нашего теоретика. Он обвиняет большевиков в том, что они выдают диктатуру крестьянства за диктатуру пролетариата. И в то же время он

обвиняет нас в том, что мы вносим гражданскую войну в деревню (мы это считаем своей *заслугой*), что мы посылаем в деревню отряды вооруженных рабочих, которые открыто провозглашают, что осуществляют «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», помогают этому последнему, экспроприируют у спекулянтов, богатых крестьян, излишки хлеба, укрываемые ими в нарушение закона о хлебной монополии.

С одной стороны, наш марксист-теоретик стоит за чистую демократию, за подчинение революционного класса, вождя трудящихся и эксплуатируемых, большинству населения (включая, следовательно, и эксплуататоров). С другой стороны, он *против* нас разъясняет неизбежность буржуазного характера революции, буржуазного потому, что крестьянство в целом стоит на почве буржуазных общественных отношений, и в то же время претендует на отстаиванье им пролетарской, классовой, марксистской точки зрения!

Вместо «экономического анализа» это—каша и путаница первого сорта. Вместо марксизма это—обрывки либеральных учений и проповедь лакейства перед буржуазией и перед кулаками.

Запутанный Каутским вопрос большевики уже в 1905 году разъяснили полностью. Да, революция наша буржуазная, *пока* мы идем *вместе* с крестьянством, как *целым*. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали. Потуги Каутского «изобличать» нас по этому пункту изобличают только путаницу его взглядов и боязнь его вспомнить то, что он писал в 1905 году, когда он не был еще ренегатом.

Но в 1917 году, с *апреля* месяца, задолго до Октябрьской революции, до взятия власти нами, мы говорили открыто и разъясняли народу: остановиться на этом революция теперь не сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед, *к социализму*. Ибо иначе идти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе *облегчать* муки трудящихся и эксплуатируемых *нельзя*.

Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции

подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем,* вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, *против капитализма,* в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистическою*. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом. Это значило бы посредством квази-ученых ссылок на прогрессивность буржуазии по отношению к средневековью протаскивать реакционную защиту буржуазии по отношению к социалистическому пролетариату.

Советы, между прочим, потому именно представляют из себя неизмеримо более высокую форму и тип демократизма, что, объединяя и втягивая в политику *массу рабочих и крестьян,* они дают самый близкий к «народу» (в том смысле, в котором Маркс говорил в 1871 году о действительно народной революции), самый чуткий барометр развития и роста политической, классовой зрелости масс. Советская конституция не писалась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция *вырастала* из хода развития *классовой борьбы,* по мере созревания *классовых противоречий*. Именно те факты, которые вынужден признать Каутский, доказывают это.

Сначала советы объединяли крестьянство в целом. Неразвитость, отсталость, темнота именно беднейших крестьян отдавала руководство в руки кулаков, богатеньких, капиталистов, мелкой буржуазии, мелкобуржуазных интеллигентов. Это была пора господства мелкой буржуазии, меньшевиков и социалистов-революционеров (считать тех и других социалистами могут только глупцы или ренегаты вроде Каутского). Мелкая буржуазия неминуемо, неизбежно колебалась между диктатурой буржуазии (Керенский, Корнилов, Савинков) и диктатурой пролетариата, ибо ни на что самостоятельное мелкая буржуазия неспособна, по коренным свой-

ствам ее экономического положения. К слову сказать, Каутский полностью отрекается от марксизма, отделываясь при анализе русской революции юридическим, формальным, служащим буржуазии для прикрытия ее господства и для обмана масс, понятием «демократия» и *забывая* о том, что «демократия» выражает на деле иногда *диктатуру буржуазии,* иногда бессильный реформизм мещанства, подчиняющегося этой диктатуре, и т. д. У Каутского выходит, что в капиталистической стране были буржуазные партии, была пролетарская, ведущая за собой большинство пролетариата, его массу (большевики), *но не было* мелкобуржуазных партий! Не было *классовых корней,* мелкобуржуазных корней у меньшевиков и эсеров!

Колебания мелкой буржуазии, меньшевиков и эсеров просветили массы и оттолкнули громадное большинство их, все «низы», всех пролетариев и полупролетариев, от таких «вождей».

В советах получили преобладание (в Питере и Москве к октябрю 1917 года) большевики, среди эсеров и меньшевиков усилился раскол.

Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до октябрьской революции оно *не было* разрушено). *Буржуазная* революция была нами доведена *до конца.* Крестьянство шло за нами *в целом.* Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы объединяли крестьянство *вообще.* Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918-го года. Чехословацкое контр-революционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, *а из жизни* училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии. «Левые эсеры», как всякая мелкобуржуазная партия, отражали колебания масс, и именно летом 1918 года они раскололись: часть пошла вместе с чехо-словаками (восстание в Москве, когда Прошьян, захватив телеграф—на час!—оповещал России о свержении большевиков, затем измена главнокомандующего армией против чехо-словаков, Муравьева и т. д.); часть, названная выше, осталась с большевиками.

Обострение продовольственной нужды в городах ставило все резче вопрос о хлебной монополии (про которую «забыл» теоретик Каутский в своем экономическом анализе, повторяющем зады, вычитанные десять лет тому назад у Маслова!).

Старое, помещичье и буржуазное, даже демократически-республиканское, государство посылало в деревню вооруженные отряды, находившиеся фактически в распоряжении буржуазии. Этого господин Каутский не знает! В этом он не видит «диктатуры буржуазии», боже упаси! Это—«чистая демократия», особенно, если это одобрялось бы буржуазным парламентом! О том, как Авксентьев и С. Маслов, в компании Керенских, Церетели и т. п. публики эсеров и меньшевиков, арестовывали летом и осенью 1917 года членов земельных комитетов, об этом Каутский «не слыхал», об этом он молчит!

Все дело в том, что государство буржуазное, осуществляющее диктатуру буржуазии чрез посредство демократической республики, не может признаться перед народом в том, что оно служит буржуазии, не может сказать правды, вынуждено лицемерить.

А государство типа Коммуны, государство советское, открыто и прямо говорит народу *правду,* заявляя, что оно есть диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, привлекая к себе именно этой правдой десятки и десятки миллионов новых граждан, забитых при любой демократической республике, втягиваемых в политику, в *демократию,* в управление государством Советами. Советская республика посылает в деревни отряды вооруженных рабочих; в первую голову более передовых, из столиц. Эти рабочие несут социализм в деревню, привлекают на свою сторону бедноту, организуют и просвещают ее, помогают ей *подавить сопротивление буржуазии.*

Все, знающие дело и бывавшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает *сама* «октябрьскую» (т.-е. пролетарскую) «революцию». Наступает перелом. Волна кулацких восстаний сменяется подъемом бедноты, ростом «комитетов бедноты». В армии растет число комиссаров из рабочих, офицеров из рабочих, командиров дивизиями и армиями из рабочих. В то время, как Каутский, напуганный июльским (1918 г.) кризисом и воплями буржуазии, бежит за ней «петушком» и пишет целую брошюру, проникнутую убеждением, что большевики

накануне их свержения крестьянством, в то время, как Каутский усматривает «сужение» (стр. 37) круга тех, кто поддерживает большевиков, в отколе левых эсеров,— в это время *действительный* круг сторонников большевизма *вырастает необъятно*, ибо просыпаются к *самостоятельной* политической жизни десятки и десятки миллионов деревенской бедноты, освобождаясь от опеки и от влияния кулаков и деревенской буржуазии.

Мы потеряли сотни левых эсеров, бесхарактерных интеллигентов и кулаков из крестьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты [1].

Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила Советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет сил против него.

Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии.

Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы «целым», т.-е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции. (Но и этим, в скобках сказать, не было бы доказано, что пролетариат не должен был брать власти, ибо только пролетариат довел действительно до конца буржуазно-демократическую революцию, только пролетариат сделал кое-что серьезное для приближения мировой пролетарской революции, только пролетариат создал советское государство, второй шаг, после Коммуны, в направлении к социалистическому государству.)

[1] На VI съезде советов (7—9/XI 1918) было с решающим голосом 967 депутатов, из них 950 большевиков, да с совещательным 351, из них 335 большевиков. Итого 97% большевиков.

С другой стороны, если бы большевистский пролетариат попробовал сразу, в октябре—ноябре 1917 года, не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев *подготовить* и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п.,—тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что обще-крестьянская революция есть *еще* революция буржуазная и что *без ряда переходов, переходных ступеней,* сделать ее социалистическою в отсталой стране нельзя.

Каутский *все* перепутал в важнейшем теоретическом и политическом вопросе и на практике оказался просто прислужником буржуазии, вопящим против диктатуры пролетариата.

* * *

Такую же, если не большую, путаницу внес Каутский в другой интереснейший и важнейший вопрос, именно: была ли принципиально правильно поставлена, а затем была ли целесообразно проведена *законодательная* деятельность Советской Республики в аграрном преобразовании, этом труднейшем и в то же время важнейшем социалистическом преобразовании? Мы были бы несказанно благодарны всякому западно-европейскому марксисту, если бы он, ознакомившись хотя бы с важнейшими документами, дал *критику* нашей политики, ибо этим он помог бы нам чрезвычайно, помог и назревающей революции во всем мире. Но Каутский дает вместо критики невероятную теоретическую путаницу, превращающую марксизм в либерализм, а на практике пустые, злобные, мещанские выходки против большевиков. Пусть судит читатель:

«Крупного землевладения нельзя было удержать. Это сделала революция. Это стало ясным тотчас же. Его нельзя было не передать крестьянскому населению»... (Неверно, господин Каутский: вы подставляете «ясное» для вас на место отношения разных *классов* к вопросу; история революции доказала, что коалиционное правительство буржуа с

мелким буржуа, меньшевиками и эсерами, вело политику сохранения крупного землевладения. Это особенно доказал закон С. Маслова и аресты членов земельных комитетов. Без диктатуры пролетариата «крестьянское население» не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом.)

...«Однако насчет того, в каких формах должно это произойти, единства не было. Мыслимы были различные решения»... (Каутского больше всего заботит «единство» «социалистов», кто бы себя ни называл этим именем. О том, что основные классы капиталистического общества должны приходить к различным решениям, он забывает.) ...«С социалистической точки зрения самым рациональным было бы передать крупные предприятия в государственную собственность и предоставить крестьянам, которые до сих пор были заняты в них, как наемные рабочие, обработку крупных имений в формах товарищества. Но это решение предполагает таких сельских рабочих, которых в России нет. Другим решением могла бы быть передача крупного землевладения в государственную собственность, с разделом его на мелкие участки, сдаваемые в аренду малоземельным крестьянам. Тогда было бы еще осуществлено кое-что от социализма»...

Каутский отделывается, как всегда, знаменитым: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. Он ставит *рядом* различные решения, не задаваясь мыслью—единственно реальной, единственно марксистской мыслью—о том, каковы должны быть *переходы* от капитализма к коммунизму в таких-то *особых условиях*. В России есть наемные сельские рабочие, но их немного, и *поставленного* Советскою властью вопроса о том, как перейти к коммунальной и товарищеской обработке земли, Каутский не коснулся. Курьезнее всего, однако, что Каутский хочет видеть «кое-что от социализма» в раздаче мелких участков земли в аренду. На самом деле это *мелкобуржуазный* лозунг, и «от социализма» тут *ничего* нет. Если «государство», сдающее земли в аренду, *не* будет государством типа Коммуны, а будет парламентарной буржуазной республикой (именно таково постоянное предположение Каутского), то сдача земли мелкими участками будет типичной *либеральной реформой*.

О том, что Советская власть отменила *всякую* собственность на землю, Каутский молчит. Хуже того. Он совершает

невероятную подтасовку и цитирует декреты Советской власти так, что опускается наиболее существенное.

Заявив, что «мелкое производство стремится к полной частной собственности на средства производства», что учредилка была бы «единственным авторитетом», способным помешать разделу (утверждение, которое вызовет хохот в России, ибо все знают, что рабочие и крестьяне авторитетными считают *только* Советы, а учредилка стала лозунгом чехо-словаков и помещиков),—Каутский продолжает:

«Один из первых декретов советского правительства постановил: 1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. 2. Помещичьи имения, равно как все земли, удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов уездных советов крестьянских депутатов, впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле».

Процитировав *только эти два пункта,* Каутский заключает:

«Ссылка на Учредительное Собрание осталась мертвой буквой. Фактически крестьяне отдельных волостей могли делать с землею, что хотели» (47).

Вот вам образцы «критики» Каутского! Вот вам «ученая» работа, больше всего похожая на подлог. Немецкому читателю внушается, что большевики капитулировали перед крестьянством по вопросу о частной собственности на землю! что большевики предоставили крестьянам враздробь («отдельным волостям») делать, что хотят!

А на самом деле цитируемый Каутским декрет—первый декрет, изданный 26 октября 1917 г. (ст. ст.)[1],—состоит не из 2-х, а из 5-ти статей *плюс* восемь статей «наказа», причем про наказ сказано, что он «должен служить для руководства».

В 3-ей статье декрета говорится, что хозяйства переходят *«к народу»,* что обязательно составление «точной описи всего конфискуемого имущества» и «строжайшая революционная охрана». А в наказе говорится, что «право частной собственности на землю отменяется навсегда», что «земельные участки с высококультурными хозяйствами» *«не*

[1] См. XXII том Сочинений, стр. 20—23. *Ред.*

подлежат разделу», что «весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа», что «вся земля поступает в общенародный земельный фонд».

Далее, одновременно с роспуском Учредительного Собрания (5. I. 1918 г.), Третьим Съездом Советов принята «*декларация прав* трудящегося и эксплуатируемого народа»[1], вошедшая теперь в основной закон Советской Республики. В этой декларации статья II, 1 говорит, что «частная собственность на землю отменяется» и что «образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием».

Следовательно, ссылка на Учредительное Собрание *не* осталась мертвой буквой, ибо другое общенародное представительное учреждение, неизмеримо более авторитетное в глазах крестьян, взяло на себя решение аграрного вопроса.

Далее, 6 (19) февраля 1918 года опубликован закон о социализации земли, который еще раз подтверждает отмену всякой собственности на землю, передает распоряжение и землей и *всем частновладельческим* инвентарем советским властям *под контролем федеральной советской власти;* в задачи распоряжения землей ставит

«развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству» (ст. 11, пункт *д*).

Вводя *уравнительное* землепользование, этот закон на основной вопрос: «кто имеет право пользоваться землей», отвечает:

«ст. 20. Отдельными участками поверхности земли для общественных и личных надобностей в пределах Российской Советской Федеративной Республики могут пользоваться: А) В целях культурно-просветительных: 1) Государство, в лице органов Советской власти (федеральной, областной, губернской, уездной, волостной и сельской). 2) Общественные организации (под контролем и с разрешения местной Советской власти). Б) Для занятия сельским хозяйством: 3) Сельско-хозяйственные коммуны. 4) Сельско-хозяйственные товарищества. 5) Сельские общества. 6) Отдельные семьи и лица»...

[1] См. XXII том Сочинений, стр. 174—178. *Ред.*

Читатель видит, что Каутский совершенно извратил дело и представил немецкому читателю в абсолютно фальшивом виде аграрную политику и аграрное законодательство пролетарского государства в России.

Теоретически важных, основных, вопросов Каутский даже не сумел поставить!

Эти вопросы следующие:

1) Уравнительность землепользования и

2) Национализация земли,—отношение той и другой меры к социализму вообще и к переходу от капитализма к коммунизму в частности.

3) Общественная обработка земли, как переход от мелкого раздробленного земледелия к крупному общественному; удовлетворяет ли постановка этого вопроса в советском законодательстве требованиям социализма?

По первому вопросу необходимо установить прежде всего два следующие основные факта: а) большевики и при учете опыта 1905 года (сошлюсь, например, на свою работу об аграрном вопросе в первой русской революции [1]) указывали на демократически-прогрессивное, демократически-революционное значение лозунга уравнительности и в 1917 году, *до* Октябрьской революции вполне определенно говорили об этом. б) Проводя закон о социализации земли,—закон, «душой» которого является лозунг уравнительного землепользования,—большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требования большинства трудящихся должны быть *изжиты ими самими;* ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем *помогать* крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, *перейти* от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим.

Теоретик-марксист, который хотел бы помочь рабочей революции своим научным анализом, должен бы был ответить, во-первых, верно ли, что идея уравнительности землепользования имеет демократически-революционное значение, значение доведения до конца *буржуазно*-демократической революции? Во-вторых, правильно ли поступили большевики,

[1] См. XI том Сочинений. *Ред.*

проводя своими голосами (и лояльнейшим образом соблюдая) мелкобуржуазный закон об уравнительности?

Каутский не сумел даже *заметить,* в чем состоит, теоретически, гвоздь вопроса!

Каутскому никогда не удалось бы опровергнуть того, что идея уравнительности имеет прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте. Дальше этот переворот идти не может. Доходя до конца, он *тем яснее,* тем *скорее,* тем *легче* обнаруживает перед массами *недостаточность* буржуазно-демократических решений, необходимость выйти за их рамки, перейти к *социализму.*

Сбросившее царизм и помещиков крестьянство мечтает об уравнительности, и никакая сила не могла бы помешать крестьянам, избавленным и от помещиков, и от *буржуазно-*парламентарного, республиканского государства. Пролетарии говорят крестьянам: мы вам поможем дойти до «идеального» капитализма, ибо уравнительность землепользования есть идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя. И в то же время мы вам покажем недостаточность этого, необходимость перехода к общественной обработке земли.

Интересно бы посмотреть, как бы попробовал Каутский опровергать правильность *такого* руководства крестьянской борьбой со стороны пролетариата!

Каутский предпочел уклониться от вопроса...

Далее, Каутский прямо обманул немецких читателей, скрыв от них, что *в законе* о земле Советская власть дала *прямое* преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место.

С крестьянством до конца буржуазно-демократической революции,—с беднейшей, пролетарской и полупролетарской частью крестьянства вперед к социалистической революции! Такова была политика большевиков, и это была единственная марксистская политика.

А Каутский путается, не умея поставить ни одного вопроса! С одной стороны, он *не смеет* сказать, что пролетарии должны были разойтись с крестьянством в вопросе об уравнительности, ибо он чувствует нелепость подобного расхождения (да притом в 1905 году Каутский, когда он не был еще ренегатом, ясно и прямо отстаивал союз рабочих и крестьян, как условие победы революции). С другой

стороны, Каутский цитирует сочувственно либеральные пошлости меньшевика Маслова, который «доказывает» утопичность и реакционность мелкобуржуазного равенства *с точки зрения социализма* и умалчивает о прогрессивности и революционности мелкобуржуазной борьбы за равенство, за уравнительность, *с точки зрения буржуазно-демократической революции*.

У Каутского выходит путаница без конца: заметьте, что Каутский (1918 года) *настаивает* на *буржуазном* характере русской революции. Каутский (1918 года) требует: не выходите из этих рамок! И тот же Каутский усматривает «кое-что *от социализма*» (для *буржуазной* революции) в *мелкобуржуазной* реформе, сдаче мелких участков земли *бедным* крестьянам (т.-е. в приближении к уравнительности)!!

Пойми, кто может!

Каутский, сверх того, обнаруживает филистерское неумение считаться с действительной политикой определенной партии. Он цитирует *фразы* меньшевика Маслова, *не желая видеть действительной* политики партии меньшевиков в 1917 году, когда она, в «коалиции» с помещиками и кадетами, отстаивала фактически *либеральную аграрную реформу и соглашение с помещиками* (доказательство: аресты членов земельных комитетов и законопроект С. Маслова).

Каутский не заметил, что фразы П. Маслова о реакционности и утопичности мелкобуржуазного равенства прикрывают на деле меньшевистскую политику *соглашения* крестьян с помещиками (т.-е. обдувания крестьян помещиками) вместо *революционного* свержения помещиков крестьянами.

Ну, и «марксист» Каутский!

Именно большевики строго учли различие буржуазно-демократической революции от социалистической: доводя до конца первую, они открывали дверь для перехода ко второй. Это—единственно революционная и единственно марксистская политика.

И напрасно повторяет Каутский беззубые либеральные остроты: «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству» (50).

Очень остроумно!

Нигде и никогда мелкие крестьяне большой страны не были под влиянием пролетарского государства.

Нигде и никогда мелкие крестьяне не приходили к открытой классовой борьбе беднейших крестьян с богатыми, вплоть до гражданской войны между ними, *при условии* пропагандистской, политической, экономической и военной поддержки беднейших пролетарской государственной властью.

Нигде и никогда не было такого обогащения спекулянтов и богатеев от войны, при таком разорении массы крестьян.

Каутский повторяет старье, пережевывает старую жвачку, боясь и подумать о новых задачах пролетарской диктатуры.

А что, любезный Каутский, если у крестьян *не хватает* орудий для мелкого производства, а пролетарское государство *помогает* им доставать машины для коллективной обработки земли, есть ли это «теоретическое убеждение»?

Перейдем к вопросу о национализации земли. Наши народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму.

Каково же должно быть отношение марксистов к национализации земли?

Каутский и здесь не умеет даже поставить теоретического вопроса или—что̀ еще хуже—умышленно обходит вопрос, хотя из русской литературы известно, что Каутский знает о давних спорах среди русских марксистов по вопросу о национализации земли, о муниципализации земли (передача крупных имений местным самоуправлениям), о разделе.

Прямой насмешкой над марксизмом является утверждение Каутского, что передача крупных имений государству и сдача их мелкими участками в аренду малоземельным крестьянам осуществляла бы «нечто от социализма». Мы уже указали, что тут нет никакого социализма. Но этого мало: тут нет и *буржуазно-демократической* революции, доведенной до конца.

С Каутским случилось большое несчастье, что он доверился меньшевикам. От этого произошел курьез: защищающий буржуазный характер нашей революции, Каутский, обвиняющий большевиков за то, что они вздумали идти к социализму, *сам* дает либеральную реформу под видом социализма,

не доводя этой реформы до полной чистки всего средневековья в отношениях землевладения! У Каутского, как и у его советчиков-меньшевиков, получилась защита либеральной буржуазии, боящейся революции, вместо защиты последовательной буржуазно-демократической революции.

В самом деле. Почему бы в государственную собственность превращать только крупные имения, а не все земли? Либеральная буржуазия достигает этим наибольшего сохранения старины (т.-е. наименьшей последовательности в революции) и наибольшей легкости возврата к старому. Радикальная, т.-е. доводящая до конца буржуазную революцию, буржуазия выставляет лозунг *национализации земли*.

Каутский, который в давно-давно прошедшие времена, почти 20 лет тому назад, написал прекрасный марксистский труд об аграрном вопросе, не может не знать указаний Маркса на то, что национализация земли является именно *последовательным* лозунгом *буржуазии*. Каутский не может не знать полемики Маркса с Родбертусом и замечательных разъяснений Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», где особенно наглядно показано и революционное в буржуазно-демократическом смысле значение национализации земли.

Меньшевик П. Маслов, которого Каутский так неудачно выбрал в советчики себе, отрицал, чтобы русские крестьяне могли пойти на национализацию всей (в том числе и крестьянской) земли. До известной степени этот взгляд Маслова мог стоять в связи с его «оригинальной» теорией (повторяющей буржуазных критиков Маркса), именно, отрицанием абсолютной ренты и признанием «закона» (или «факта», как выражался Маслов) «убывающего плодородия почвы».

На деле уже в революции 1905 года обнаружилось, что громадное большинство крестьян России, и общинников, и подворников, стоит за национализацию всей земли. Революция 1917 года подтвердила это и, после перехода власти к пролетариату, осуществила это. Большевики остались верны марксизму, не пытаясь (вопреки Каутскому, который нас в этом обвиняет—без тени доказательств) «перескочить» через буржуазно-демократическую революцию. Большевики прежде всего помогли наиболее радикальным, наиболее революционным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства, именно левым эсе-

рам, провести то, что́ фактически явилось национализацией земли. Частная собственность на землю в России с 26. X. 1917 г., т.-е. с первого дня пролетарской, социалистической, революции, отменена.

Этим создан фундамент, наиболее совершенный с точки зрения развития капитализма (не разрывая с Марксом, Каутский не сможет отрицать этого), и в то же время создан земельный строй, *наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму. С точки зрения буржуазно-демократической, революционному крестьянству в России *дальше идти некуда:* ничего «идеальнее», с этой точки зрения, как национализация земли и равенство землепользования, ничего «радикальнее» (с этой же точки зрения) *быть не может*. Именно большевики, только большевики, только в силу победы *пролетарской* революции, помогли крестьянству довести буржуазно-демократическую революцию действительно до конца. И только этим они сделали максимум для облегчения и ускорения перехода к социалистической революции.

Можно судить по этому, какую невероятную путаницу преподносит читателю Каутский, который обвиняет большевиков в непонимании буржуазного характера революции и который сам обнаруживает такое отступление от марксизма, что *молчит* о национализации земли и выставляет наименее революционную (с буржуазной точки зрения), либеральную аграрную реформу, как «нечто от социализма»!——

Мы подошли здесь к третьему из поставленных выше вопросов, к вопросу о том, насколько учла пролетарская диктатура в России необходимость перехода к общественной обработке земли. Каутский совершает здесь опять-таки нечто весьма похожее на подлог: он цитирует только «тезисы» одного большевика, говорящие о задаче перехода к коллективной обработке земли! Процитировав один из этих тезисов, наш «теоретик» победоносно восклицает:

«Тем, что известная вещь объявляется задачей, задача, к сожалению, не решается. Коллективное сельское хозяйство в России осуждено пока на то, чтобы оставаться на бумаге. Нигде еще и никогда мелкие крестьяне не переходили к коллективному производству на основании теоретических убеждений» (50).

Нигде еще и никогда не было такого литературного мошенничества, до которого опустился Каутский. Он цитирует «тезисы», умалчивая о *законе* Советской власти. Он говорит

о «теоретическом убеждении», умалчивая о пролетарской государственной власти, имеющей в руках и заводы, и товары! Все то, что̀ писал марксист Каутский в «Аграрном вопросе» в 1899 году по вопросу о средствах, имеющихся в руках пролетарского государства, для постепенного перевода мелких крестьян к социализму, забыто ренегатом Каутским в 1918 году.

Конечно, несколько сот поддерживаемых государством сельско-хозяйственных коммун и советских хозяйств (т.-е. за счет государства обрабатываемых товариществами рабочих крупных хозяйств),—этого очень мало. Но разве можно назвать «критикой» обход этого факта Каутским?

Национализация земли, проведенная в России пролетарской диктатурой, наиболее обеспечила доведение до конца буржуазно-демократической революции,—даже на случай, что победа контр-революции повернула бы от национализации назад к разделу (этот случай специально разобран был мной в книжке об аграрной программе марксистов в революции 1905 года[1]). А кроме того национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии.

Итог: Каутский дал нам, теоретически, невероятную кашу, с полным отречением от марксизма, а на практике лакейство перед буржуазией и ее реформизмом. Нечего сказать, хороша критика!

* * *

«Экономический анализ» промышленности начинается у Каутского следующим великолепным рассуждением:

В России есть крупная капиталистическая промышленность. Нельзя ли на этой основе построить социалистическое производство? «Так можно бы думать, если бы социализм состоял в том, чтобы рабочие отдельных фабрик и рудников брали их себе в собственность» (буквально: присваивали их себе), «чтобы отдельно вести хозяйство на каждой из фабрик» (52). «Как раз сегодня, 5 августа, когда я пишу эти строки,—добавляет Каутский,—из Москвы сообщают об одной речи Ленина от 2 августа, в которой он, как передают, сказал: «Рабочие крепко держат фабрики в своих руках, а кре-

[1] См. XI том Сочинений. *Ред.*

стьяне не отдадут земли помещикам». Пароль: «фабрика—рабочим, земля—крестьянам» был до сих пор не социал-демократическим, а анархо-синдикалистским» (52—53).

Мы выписали целиком это рассуждение, чтобы русские рабочие, которые прежде уважали Каутского, и уважали за дело, сами увидали приемы перебежчика к буржуазии.

Подумайте только: 5 августа, когда налицо была уже масса декретов о национализации фабрик в России, причем ни одна фабрика не была «присвоена» рабочими, а *все* передавались в собственность республики, 5 августа Каутский, на основании явно мошеннического толкования одной фразы из моей речи, внушает немецким читателям мысль, будто бы в России фабрики передаются отдельным рабочим! И Каутский после этого на протяжении десятков и десятков строк жует жвачку про то, что фабрики нельзя передавать по-одиночке рабочим!

Это не критика, а прием лакея буржуазии, который нанят капиталистами, чтобы оболгать рабочую революцию.

Фабрики надо передавать государству, или общине, или потребительным обществам—пишет еще и еще раз Каутский и наконец добавляет:

«На этот путь и попытались теперь вступить в России»... Теперь!! то-есть что же это значит? в августе? Что же Каутский не мог заказать своим Штейну, Аксельроду или другим друзьям русской буржуазии перевода хотя бы одного декрета о фабриках?

...«Как далеко это зашло, этого еще не видно. Эта сторона Советской Республики во всяком случае представляет наибольший интерес для нас, но она остается еще целиком во мраке. В декретах недостатка нет»... (Поэтому Каутский их *содержание* игнорирует, или скрывает от своих читателей!), «но недостает надежных сведений о действии этих декретов. Социалистическое производство невозможно без всесторонней, детальной, надежной и быстро информирующей статистики. Таковой Советская Республика до сих пор создать не могла. То, что́ мы узнаем об ее экономических действиях, крайне противоречиво и не поддается никакой проверке. Это тоже один из результатов диктатуры и подавления демократии. Нет свободы прессы и слова» (53).

Вот как пишется история! От «свободной» прессы капиталистов и дутовцев Каутский получил бы сведения о фабриках, переходящих к рабочим... Поистине, великолепен этот надклассовый «серьезный ученый»! Ни одного из бесконечного

количества фактов, свидетельствующих, что фабрики передаются *только* Республике, что распоряжается ими составленный с преобладающим участием выборных от профессиональных союзов рабочих орган Советской власти, Высший Совет Народного Хозяйства,—ни одного из таких фактов Каутский не желает и касаться. Он упорно, с упрямством человека в футляре, твердит одно: дайте мне мирную демократию, без гражданской войны, без диктатуры, с хорошей статистикой (Советская Республика создала статистическое учреждение и привлекла все лучшие статистические силы России, но, конечно, скоро идеальной статистики получить нельзя). Одним словом, революции без революции, без бешеной борьбы, без насилий,—вот чего требует Каутский. Это все равно, как если бы требовали стачек без бурной страстности рабочих и хозяев. Отличите-ка подобного «социалиста» от дюжинного либерального чиновника!

И, опираясь на такой «фактический материал», т.-е. умышленно обойдя с полным презрением многочисленные факты, Каутский «заключает»:

«Сомнительно, получил ли русский пролетариат в смысле действительных практических завоеваний, не декретов, в Советской Республике больше, чем он получил бы от Учредительного Собрания, в котором, точно так же, как и в Советах, преобладали социалисты, хотя и другой окраски» (58).

Перл, не правда ли? Это изречение мы советуем почитателям Каутского распространить пошире среди русских рабочих, ибо лучшего материала для оценки своего политического падения Каутский дать бы не мог. Керенский тоже был «социалист», товарищи-рабочие, только «другой окраски»! Историк Каутский довольствуется кличкой, званьем, которое себе «присвоили» правые эсеры и меньшевики. О фактах, говорящих, что при Керенском меньшевики и правые эсеры поддерживали империалистскую политику и мародерство буржуазии, историк Каутский и слышать не хочет, о том, что Учредительное Собрание давало большинство именно этим героям империалистской войны и буржуазной диктатуры, он скромно умалчивает. И это называется «экономическим анализом»!..

В заключенье еще один образчик «экономического анализа»:

...«Советская Республика, через девять месяцев своего существования, вместо того, чтобы распространить всеобщее благосостоя-

ние, оказалась вынужденной объяснять, от чего происходит всеобщая нужда» (41).

Кадеты приучили нас к таким рассуждениям. Прислужники буржуазии все так рассуждают в России: дайте-ка, дескать, через 9 месяцев всеобщее благосостояние—после четырехлетней разорительной войны, при всесторонней помощи иностранного капитала саботажу и восстаниям буржуазии в России. Решительно никакой разницы, ни тени разницы между Каутским и контр-революционным буржуа *на деле* не осталось. Сладенькие речи, подделанные «под социализм», повторяют то, что грубо, без обиняков, без прикрас, говорят корниловцы и дутовцы и красновцы в России.

* * *

Предыдущие строки были написаны 9 ноября 1918 г. В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и других северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета.

Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним.

23 (10) ноября 1918 г.

Приложение I

ТЕЗИСЫ ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ[1]

Приложение II

НОВАЯ КНИГА ВАНДЕРВЕЛЬДЕ О ГОСУДАРСТВЕ

Мне довелось лишь после прочтения книги Каутского ознакомиться с книгой Вандервельде: «Социализм против государства» (Париж 1918). Сопоставление обеих этих книг

[1] См. XXII том Сочинений, стр. 131—134. *Ред.*

напрашивается невольно. Каутский—идейный вождь Второго (1889—1914) Интернационала, Вандервельде—формальный представитель его, как председатель Международного Социалистического Бюро. Оба представляют полное банкротство II Интернационала, оба «искусно», со всей ловкостью опытных журналистов, прикрывают марксистскими словечками это банкротство, свой собственный крах и переход на сторону буржуазии. Один особенно наглядно показывает нам типичное в немецком оппортунизме, тяжеловесном, теоретичном, грубо фальсифицирующем марксизм посредством отсечения от марксизма того, что̀ для буржуазии неприемлемо. Другой типичен для романской—в известной мере можно сказать: западно-европейской (в смысле: к западу от Германии лежащей)—разновидности господствующего оппортунизма, более гибкой, менее тяжеловесной, тоньше фальсифицирующей марксизм посредством того же основного приема.

Оба извращают в корне как учение Маркса о государстве, так и учение его о диктатуре пролетариата, причем Вандервельде больше останавливается на первом вопросе, Каутский на втором. Оба затушевывают теснейшую, неразрывную связь того и другого вопросов. Оба на словах революционеры и марксисты, на деле—ренегаты, направляющие все усилия на то, чтобы *отговориться* от революции. У обоих нет и тени того, что пронизывает насквозь все произведения Маркса и Энгельса, того, что̀ отличает социализм на деле от буржуазной карикатуры на него, именно: выяснения задач революции *в отличие* от задач реформы, выяснения революционной тактики в отличие от реформистской, выяснения роли пролетариата *в уничтожении* системы или порядка, строя наемного рабства, в отличие от роли пролетариата «великих» держав, делящегося с буржуазией частичкой ее империалистской сверхприбыли и сверхдобычи.

Приведем несколько существеннейших рассуждений Вандервельде в подтверждение такой оценки.

Вандервельде цитирует Маркса и Энгельса чрезвычайно усердно, подобно Каутскому. И, подобно Каутскому, он цитирует из Маркса и Энгельса все, что̀ угодно, *кроме* того, что̀ совершенно неприемлемо для буржуазии, что̀ отличает революционера от реформиста. О завоевании политической власти пролетариатом—сколько угодно, ибо это уже введено практикой в исключительно парламентарные рамки.

О том, что Маркс и Энгельс после опыта Коммуны сочли необходимым дополнить устарелый отчасти «Коммунистический Манифест» разъяснением той истины, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной, что он должен *разбить* ее,—об этом *ни единого словечка!* Вандервельде, как и Каутский, точно сговорившись, обходят полным молчанием как раз наиболее существенное из *опыта* пролетарской революции, как раз то, что отличает революцию пролетариата от реформ буржуазии.

Как и Каутский, Вандервельде говорит о диктатуре пролетариата, чтобы отговориться от нее. Каутский это проделал путем грубых фальсификаций. Вандервельде то же самое осуществляет потоньше. В соответственном параграфе, параграфе 4, о «завоевании политической власти пролетариатом», он посвящает подразделение *«в»* вопросу о «коллективной диктатуре пролетариата», «цитирует» Маркса и Энгельса (повторяю: опуская как раз то, что относится к самому главному, к *разбитию* старой, буржуазно-демократической государственной машины) и заключает:

...«В социалистических кругах обыкновенно так себе представляют социальную революцию: новая коммуна, на этот раз побеждающая, и не в одном пункте, а в главных центрах капиталистического мира.

Гипотеза; но гипотеза, не имеющая в себе ничего невероятного в такое время, когда уже становится видным, что послевоенный период во многих странах увидит неслыханные антагонизмы классов и социальные конвульсии.

Только, если неудача Парижской Коммуны, не говоря о трудностях русской революции,—доказывает что-либо, то это именно невозможность покончить с капиталистическим строем до тех пор, пока пролетариат не подготовится достаточно к использованию той власти, которая в силу обстоятельств могла бы достаться в его руки» (стр. 73).

И больше ровно ничего по сути дела!

Вот они, вожди и представители II Интернационала! В 1912 году они подписывают Базельский манифест, в котором прямо говорят о связи именно той войны, которая в 1914 году вспыхнула, с пролетарской революцией, прямо *грозят* ею. А когда пришла война и создалась революционная ситуация, они начинают, эти Каутские и Вандервельды, отговариваться от революции. Извольте видеть: революция по типу Коммуны есть только не невероятная гипотеза! Это совершенно

аналогично рассуждению Каутского о возможной роли Советов в Европе.

Но ведь так рассуждает всякий образованный *либерал,* который, несомненно, согласится теперь, что новая коммуна «не невероятна», что Советам предстоит большая роль и т. п. Пролетарский революционер отличается от либерала тем, что, как теоретик, анализирует именно новое *государственное* значение Коммуны и Советов. Вандервельде *умалчивает* обо всем, что подробно излагают на эту тему Маркс и Энгельс, анализируя опыт Коммуны.

Как практик, как политик, марксист должен бы выяснить, что только изменники социализма могли бы теперь отстраниться от задачи: выяснять необходимость пролетарской революции (типа Коммуны, типа Советов или, допустим, какого-либо третьего типа), разъяснять необходимость подготовки к ней, пропагандировать в массах революцию, опровергать мещанские предрассудки против революции и т. д.

Ничего подобного ни Каутский, ни Вандервельде не делают именно потому, что они сами изменники социализма, желающие среди рабочих сохранить репутацию социалистов и марксистов.

Возьмите теоретическую постановку вопроса.

Государство и в демократической республике есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Каутский эту истину знает, признает, разделяет,—но... но обходит самый коренной вопрос, какой же класс, почему и какими средствами должен подавлять пролетариат, когда он завоюет пролетарское государство.

Вандервельде знает, признает, разделяет, цитирует это основное положение марксизма (стр. 72 его книги), но... ни словечка о «неприятной» (для господ капиталистов) теме *насчет подавления сопротивления эксплуататоров!!*

Вандервельде, как и Каутский, эту «неприятную» тему совершенно обошли. В этом и состоит их ренегатство.

Вандервельде, как и Каутский, великий мастер по части замены диалектики эклектицизмом. С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться. С одной стороны, под государством можно понимать «совокупность нации» (смотри словарь Литтрэ,—труд ученый, что и говорить,—стр. 87 у Вандервельде), с другой стороны, под государством можно понимать «правительство» (там же).

Эту ученую пошлость Вандервельде выписывает, одобряя ее, *рядом* с цитатами из Маркса.

«Марксистский смысл слова «государство» отличается от обычного,—пишет Вандервельде. Возможны «недоразумения» в силу этого. «Государство у Маркса и Энгельса, это не государство в широком смысле, не государство, как орган ведения, представитель общих интересов общества (intérêts généraux de la société). Это—государство-власть, государство—орган авторитета, государство—орудие господства одного класса над другим» (стр. 75—76 у Вандервельде).

Об уничтожении государства Маркс и Энгельс говорят только во втором смысле... «Утверждения слишком абсолютные рисковали бы оказаться неточными. Между государством капиталистов, основанным на господстве исключительно одного класса, и государством пролетарским, преследующим цель уничтожения классов, есть много переходных ступеней» (стр. 156).

Вот вам «манера» Вандервельде, лишь чуточку отличающаяся от манеры Каутского, по существу же тождественная с ней. Диалектика отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории. Эклектик не хочет «слишком абсолютных» утверждений, чтобы просунуть свое мещанское, свое филистерское пожелание *«переходными ступенями»* заменить революцию.

О том, что переходной ступенью между государством, органом господства класса капиталистов, и государством, органом господства пролетариата, является именно *революция,* состоящая в *свержении* буржуазии и в *ломке,* в разбитии *ее* государственной машины, об этом Каутские и Вандервельды молчат.

О том, что диктатура буржуазии должна смениться диктатурой *одного* класса, пролетариата, что за «переходными ступенями» *революции* последуют «переходные ступени» постепенного отмирания пролетарского государства, это Каутские и Вандервельды затушевывают.

В этом и состоит их политическое ренегатство.

В этом и состоит, теоретически, философски, подмена диалектики эклектицизмом и софистикой. Диалектика конкретна и революционна, «переход» от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от «перехода» демократического пролетарского государства к не-государству («отмирание государства»). Эклектика и софистика Каутских и Вандервельдов, в угоду буржуазии, смазывают

все конкретное и точное в классовой борьбе, подставляя общее понятие «перехода», куда можно запрятать (и куда *девять десятых* официальных *социал-демократов* нашей эпохи *прячет*) отречение от революции!

Вандервельде, как эклектик и софист, поискуснее, потоньше, чем Каутский, ибо посредством *фразы:* «переход от государства в узком смысле к государству в широком смысле» можно обойти все, какие бы то ни было, вопросы революции, обойти все различие между революцией и реформой, даже различие между марксистом и либералом. Ибо какой же европейски образованный буржуа вздумает отрицать «вообще» «переходные ступени» в таком «общем» смысле?

«Я согласен с Гэдом,—пишет Вандервельде,—в том, что невозможно социализировать средства производства и обмена без предварительного выполнения двух следующих условий:

1. Превращение теперешнего государства, органа господства одного класса над другим, в то, что Менгер называет народным государством труда, посредством завоевания пролетариатом политической власти.

2. Отделение государства, органа авторитета, и государства, органа ведения, или, употребляя сен-симонистское выражение, управления людьми от администрирования вещами» (89).

Это пишет Вандервельде курсивом, особенно подчеркивая значение таких положений. Но ведь это чистейшая эклектическая каша, полный разрыв с марксизмом! Ведь «народное государство труда» есть лишь пересказ старого «свободного народного государства», с которым щеголяли немецкие социал-демократы в 70-х годах и которое Энгельс клеймил, как бессмыслицу. Выражение «народное государство труда» есть фраза, достойная мелкобуржуазного демократа (вроде нашего левого эсера),—фраза, заменяющая классовые понятия *внеклассовыми*. Вандервельде ставит рядом и завоевание *пролетариатом* (одним *классом)* государственной власти, и «народное» государство, не замечая того, что получается каша. У Каутского с его «чистой демократией» получается такая же каша, такое же антиреволюционное, мещанское игнорирование задач классовой революции, классовой, пролетарской диктатуры, *классового* (пролетарского) государства.

Далее. Управление людьми исчезнет и уступит место администрированию вещами лишь тогда, когда отомрет *всякое* государство. Этим сравнительно отдаленным будущим Ван-

дервельде загромождает, затеняет задачу *завтрашнего* дня: *свержение* буржуазии.

Такой прием опять-таки равняется прислужничеству либеральной буржуазии. Либерал согласен поговорить о том, что будет тогда, когда людьми не надо будет управлять. Отчего же не заняться столь безвредными мечтами? А вот о подавлении пролетариатом сопротивления буржуазии, сопротивляющейся ее экспроприации,—об этом помолчим. Этого требует классовый интерес буржуазии.

«Социализм против государства». Это поклон Вандервельде пролетариату. Поклониться нетрудно, всякий «демократический» политик умеет кланяться своим избирателям. А под прикрытием «поклона» проводится антиреволюционное, антипролетарское содержание.

Вандервельде подробно пересказывает Острогорского насчет того, сколько обмана, насилия, подкупа, лжи, лицемерия, притеснения бедных прячется под цивилизованной, прилизанной, приглаженной внешностью современной буржуазной демократии. Но вывода из этого Вандервельде не делает. Того, что буржуазная демократия подавляет трудящуюся и эксплуатируемую массу, *а пролетарская демократия* должна будет *подавлять буржуазию,* он не замечает. Каутский и Вандервельде слепы к этому. Классовый интерес буржуазии, за которой плетутся эти мелкобуржуазные изменники марксизму, *требует* обхода этого вопроса, замалчивания его или прямого отрицания надобности в таком подавлении.

Мещанский эклектицизм против марксизма, софистика против диалектики, филистерский реформизм против пролетарской революции, вот как надо бы было озаглавить книгу Вандервельде.

Т. XXIII, стр. 335—412.

О «ДЕМОКРАТИИ» И ДИКТАТУРЕ

Немногочисленные номера берлинского «Красного Знамени» и венского «Клича» (Weckruf), органа коммунистической партии немецкой Австрии, дошедшие до Москвы, показывают нам, что предатели социализма, поддерживавшие войну хищников-империалистов, все эти Шейдеманы и Эберты, Австерлицы и Реннеры, встречают достойный отпор от истинных

представителей революционных пролетариев Германии и Австрии. Мы горячо приветствуем оба органа, знаменующие жизненность и рост III Интернационала.

Повидимому, главным вопросом революции и в Германии и в Австрии является теперь вопрос: Учредительное Собрание или власть Советов? Представители обанкротившегося II Интернационала, все от Шейдемана до Каутского, стоят за первое и называют свою точку зрения защитой «демократии» (Каутский даже договорился до «чистой демократии») в противоположность диктатуре. Взгляды Каутского я разобрал подробно в только что вышедшей в Москве и Петрограде брошюре: «Пролетарская революция и ренегат Каутский»[1]. Попытаюсь вкратце изложить суть спорного вопроса, который стал теперь практически на очередь дня для всех передовых капиталистических стран.

Шейдеманы и Каутские говорят о «чистой демократии» или о «демократии» вообще, чтобы обмануть массы и скрыть от них *буржуазный* характер *современной* демократии. Пусть буржуазия продолжает сохранять в своих руках весь аппарат государственной власти, пусть горстка эксплуататоров продолжает пользоваться прежней, буржуазной, государственной машиной! Выборы, производимые при таких условиях, буржуазия, понятное дело, любит называть «свободными», «равными», «демократическими», «всенародными», ибо эти слова служат для сокрытия правды, для сокрытия того, что собственность на средства производства и политическая власть остается у эксплуататоров, что поэтому о действительной свободе, о действительном равенстве для эксплуатируемых, т.-е. для громадного большинства населения, не может быть и речи. Буржуазии выгодно и необходимо скрывать от народа *буржуазный* характер современной демократии, изображать ее демократией вообще или «чистой демократией», и Шейдеманы, а также Каутские, повторяя это, *на деле* покидают точку зрения пролетариата и переходят на сторону буржуазии.

Маркс и Энгельс, когда они последний раз вдвоем подписывали предисловие к «Коммунистическому Манифесту» (это было в 1872 году), считали необходимым особо обратить внимание рабочих на то, что пролетариат не может

[1] См. XXIII том Сочинений, стр. 335—412. *Ред.*

просто овладеть готовой (т.-е. буржуазной) государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что он должен сломать, разбить ее. Ренегат Каутский написал целую брошюру о «Диктатуре пролетариата», скрыв от рабочих эту важнейшую марксистскую истину, извратив в корне марксизм, и понятно, что похвалы, которые господа Шейдеманы и К⁰ расточали этой брошюре, были вполне заслужены, как похвалы агентов буржуазии тому, кто переходит на сторону буржуазии.

Говорить о чистой демократии, о демократии вообще, о равенстве, о свободе, о всенародности, когда рабочие и все трудящиеся голодны, раздеты, разорены, измучены не только капиталистическим наемным рабством, но и 4-х летней грабительской войной, а капиталисты и спекулянты продолжают владеть своей награбленною «собственностью» и «готовым» аппаратом государственной власти, это значит издеваться над трудящимися и эксплуатируемыми.

Это значит бить в лицо основным истинам марксизма, который учил рабочих: вы должны использовать буржуазную демократию, как громадный исторический прогресс по сравнению с феодализмом, но ни на минуту не забывайте буржуазный характер этой «демократии», ее исторической условности и ограниченности, не разделяйте «суеверной веры» в «государство», не забывайте, что государство и при самой демократической республике, а не только при монархии, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим.

Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией вообще, или чистой демократией *(буржуазную)* демократическую республику, на деле представляющую из себя диктатуру буржуазии, диктатуру эксплуататоров над трудящимися массами. Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры (теперь, к сожалению, при помощи Фридриха Адлера) поддерживают эту ложь и это лицемерие. А марксисты, коммунисты, разоблачают его и говорят рабочим и трудящимся массам прямую и открытую правду: на деле демократическая республика, учредительное собрание, всенародные выборы и т. п. есть диктатура буржуазии и для освобождения труда от ига капитала нет иного пути, как смена этой диктатуры *диктатурой пролетариата.* Только диктатура пролетариата в состоянии освободить

человечество от гнета капитала, от лжи, фальши, лицемерия буржуазной демократии, этой демократии *для богатых,* в состоянии установить демократию *для бедных,* т.-е. сделать блага демократии доступными *фактически* для рабочих и беднейших крестьян, тогда как теперь (даже и при самой демократической—*буржуазной*—республике) эти блага демократии *фактически* недоступны громадному большинству трудящихся.

Возьмем, например, свободу собраний и свободу печати. Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры уверяют рабочих, что теперешние выборы в Учредительное собрание в Германии и в Австрии происходят «демократически». Это ложь, ибо *на деле* капиталисты, эксплуататоры, помещики, спекулянты держат в своих руках $^{9}/_{10}$ лучших зданий, которые пригодны для собраний, и $^{9}/_{10}$ запасов бумаги, типографий и прочее. Рабочий в городе, батрак и поденщик в деревне *на деле* отстранены от демократии как этим «священным правом собственности» (охраняемым господами Каутскими и Реннерами, к которым перешел, к сожалению, и Фридрих Адлер), так и буржуазным аппаратом государственной власти, т.-е. буржуазными чиновниками, буржуазными судьями и прочее. Теперешняя «свобода собраний и печати» в «демократической» (буржуазно-демократической) республике немецкой есть ложь и лицемерие, ибо *на деле* это есть *свобода для богачей* покупать и подкупать прессу, *свобода богачей* спаивать народ сивухой буржуазной газетной лжи, *свобода богачей* держать в своей «собственности» помещичьи дома, лучшие здания и т. п.

Диктатура пролетариата *отнимает* у капиталистов в пользу трудящихся помещичьи дома, лучшие здания, типографии, склады бумаги.

Это будет замена «всенародной», «чистой» «демократии» «диктатурой одного класса»—вопят Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры (вместе с их заграничными единомышленниками, Гомперсами, Хендерсонами, Реноделями, Вандервельдами и К[0]).

Неправда—ответим мы. Это будет заменой фактической диктатуры буржуазии (каковую диктатуру лицемерно прикрывают формы демократической буржуазной республики) диктатурой пролетариата. Это будет заменой демократии для богатых демократиею для бедных. Это будет заменой

свободы собраний и печати для меньшинства, для эксплуататоров, свободой собраний и печати для *большинства* населения, для трудящихся. Это будет гигантским, всемирно-историческим *расширением* демократии, превращением ее из лжи в правду, освобождением человечества от оков капитала, *искажающего* и урезывающего всякую, даже и самую «демократическую» и республиканскую, *буржуазную* демократию. Это будет заменой буржуазного государства *пролетарским* государством, каковая замена есть единственный путь к отмиранию государства вообще.

Почему же нельзя достигнуть такой цели без диктатуры одного класса? почему нельзя прямо перейти к «чистой» демократии? спрашивают лицемерные друзья буржуазии или наивные клейнбюргеры и филистеры, одураченные ею.

Мы отвечаем: потому, что во всяком капиталистическом обществе решающее значение могут иметь либо буржуазия, либо пролетариат, а мелкие хозяйчики неизбежно остаются колеблющимися, бессильными, глупыми мечтателями о «чистой», т.-е. внеклассовой или надклассовой демократии. Потому, что из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса. Потому, что победить буржуазию, свергнуть ее в состоянии только пролетариат, ибо это единственный класс, который объединен и «вышколен» капитализмом и который в состоянии увлечь за собой колеблющуюся массу трудящихся, живущих по мелкобуржуазному,—увлечь ее за собой или по крайней мере «нейтрализовать» ее. Потому что только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного *подавления сопротивления* эксплуататоров. В Германии и Австрии это сопротивление пока еще не развернулось открыто, ибо пока еще не началась экспроприация экспроприаторов. Это сопротивление будет отчаянным, бешеным, когда такая экспроприация начнется. Скрывая это от себя и от рабочих, Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры совершают предательство интересов пролетариата, переходят в самый решительный момент от позиции классовой борьбы и свержения ига буржуазии на позиции соглашения пролетариата с буржуазией, на позицию «социального мира» или примирения эксплуататоров с эксплуатируемыми.

«Революции—локомотивы истории», говорил Маркс. Революции быстро учат. Рабочие городов, батраки деревень Германии и Австрии быстро поймут измену делу социализма со стороны Шейдеманов и Каутских, Австерлицев и Реннеров. Пролетариат отбросит прочь этих «социал-предателей», социалистов на словах, предателей социализма на деле, как отбросил он в России таких же мелких буржуа и филистеров, меньшевиков и «социалистов-революционеров». Пролетариат увидит—тем скорее, чем полнее будет господство названных «вождей»,—что только замена буржуазного государства, будь то самая демократическая буржуазная республика, государством типа Парижской Коммуны (о котором так много говорил Маркс, искаженный и преданный Шейдеманами и Каутскими), или государством типа Советов, в состоянии открыть дорогу к социализму. Диктатура пролетариата избавит человечество от ига капитала и от войн.

Написано 23 декабря 1918 г. *Т. XXIII, стр. 440—444.*

1919 год

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ УБИЙСТВА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ И КАРЛА ЛИБКНЕХТА 19 ЯНВАРЯ 1919 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Сегодня в Берлине буржуазия и социал-предатели ликуют,—им удалось убить К. Либкнехта и Р. Люксембург. Эберт и Шейдеман, в течение 4-х лет гнавшие рабочих на убой ради грабительских интересов, теперь взяли на себя роль палачей пролетарских вождей. На примере германской революции мы убеждаемся, что «демократия» есть только прикрытие буржуазного грабежа и самого дикого насилия.

Смерть палачам!

Т. XXIII, стр. 477.

ИЗ ДОКЛАДА НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 20 ЯНВАРЯ 1919 г.

Товарищи, последнее событие в Германии, зверское, предательское убийство Либкнехта и Люксембург, представляет собой событие не только самое драматическое и трагическое в начинающейся немецкой революции,—оно, кроме того, проливает необыкновенно яркий свет на постановку вопросов современной борьбы в теперешних течениях различных политических взглядов и в теперешних теоретических построениях. Как раз из Германии мы больше всего слышали речей, хотя бы, например, о пресловутой демократии, о лозунгах демократии вообще, как и о лозунгах независимости рабочего класса от государственной власти. Эти лозунги, которые кажутся на первый взгляд, пожалуй, не связанными друг с другом, на самом деле тесно связаны. Они тесно

связаны потому, что показывают, как до сих пор, несмотря на громадный опыт классовой борьбы пролетариата, сильны еще мелкобуржуазные предрассудки; как до сих пор классовая борьба сплошь да рядом признается, по немецкому выражению, только губами, не проходя действительно ни в голову, ни в сердце тех, кто о ней говорит. Каким образом, в самом деле,—если мы припомним хотя бы азбуку политической экономии, как ее усваивали из «Капитала» Маркса, того учения о классовой борьбе, на котором мы все стоим обеими ногами,—каким образом, при обострении борьбы в теперешнем размахе, теперешнем размере, когда ясно, что социалистическая революция встала в порядок дня во всем мире, когда это практически ясно из действий в самых демократических странах,—каким образом тут можно говорить о демократии вообще, или каким образом тут можно говорить о независимости. Кто думает таким образом, тот—если говорить по теории политической экономии—показывает, что он ни одной страницы не понимал в «Капитале» Маркса, которым у нас теперь клянутся без исключения все социалисты всех стран.

Но, на самом деле, клянясь этим произведением, они, однако, когда почти подошли к той главной борьбе, к которой вел «Капитал» Маркса, от этой классовой борьбы отступают и воображают, что может существовать внеклассовая или надклассовая демократия, что демократия в современном обществе, пока капиталисты остаются при собственности, может быть иная, не буржуазная демократия, т.-е. прикрытая фальшивыми, лживыми демократическими вывесками, буржуазная диктатура. Как раз из этой самой Германии недавно неслись к нам голоса о том, что вот там может быть, и даже наверное, диктатура пролетариата не выйдет из рамок демократии, что демократия останется осуществленной. Как раз там люди, претендовавшие на то, что они учителя марксизма, люди, бывшие идеологами всего Второго Интернационала с 1889 по 1914 гг. вроде Каутского, выступали со знаменем демократии, не понимая, что демократия, пока собственность остается у капиталистов, есть только насквозь лицемерное прикрытие диктатуры буржуазии, и что ни о каком серьезном решении вопроса об освобождении труда из-под ига капитала не может быть и речи, если это лицемерное прикрытие не будет сорвано, если мы не поставим

вопроса так, как его всегда учил ставить Маркс и как его учила ставить повседневная борьба пролетариата, и как учила ставить каждая стачка, каждое обострение профессиональной борьбы. Поставить вопрос так, что, пока собственность остается за капиталистами, всякая демократия будет только лицемерно прикрытой буржуазной диктатурой. Всякие речи о всеобщем голосовании, о всенародной воле, о равенстве голосующих будут сплошным обманом, ибо не может быть равенства между эксплуататором и эксплуатируемым, между владельцем капитала и собственности и современным наемным рабом.

Конечно, буржуазная демократия есть исторически громадный прогресс по сравнению с царизмом, самодержавием, монархией и всякими остатками феодализма. Конечно, мы должны будем ее использовать и тогда будем ставить вопрос так, что, пока на очереди не стоит борьба рабочего класса за всю власть, использование форм буржуазной демократии для нас обязательно. Но дело в том, что мы к этому решительному моменту борьбы как раз пришли в международном масштабе. Именно теперь вопрос стал так: удержат ли капиталисты власть над средствами производства и, прежде всего,—собственность на орудия производства. А это значит, что они готовят новые войны. Война империалистская показала нам с полной очевидностью, как капиталистическая собственность связана с этой бойней народов и привела к ней неудержимо и неуклонно. Но тогда всякие речи о демократии в смысле выражения общенародной воли наглядно для всех оказываются обманом, оказываются только привилегией капиталистов и богачей одурманивать наиболее отсталые слои трудящихся и своей печатью, которая остается у собственников, и всеми прочими средствами политического воздействия.

Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, демократией и т. п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей линии ставшие ренегатами марксизма и ренегатами социализма,—либо диктатура пролетариата для того, чтобы железной рукой подавить буржуазию, натравливающую самые несознательные элементы на лучших вождей всемирного пролетариата. Либо победа

пролетариата для подавления буржуазии, которая тем более бешено сейчас организует самое отчаянное сопротивление пролетариату, чем яснее она увидела, что этот вопрос поставлен массами. Ибо до сих пор, в громадном большинстве случаев, она считала недовольство и возмущение рабочих временным выражением их недовольства. До сих пор английские, например, капиталисты, самые может быть опытные в деле политического обмана рабочих, самые политически воспитанные, организованные, они и до сих пор, сплошь и рядом, так и рассматривают дело, что война, конечно, привела к недовольству и это неизбежно порождает и породит рабочие волнения, но чтобы вопрос состоял теперь в том, кто же будет во главе государства, в чьих руках будет государственная власть и останется ли собственность у господ капиталистов,—этого они еще не высказали. А, между тем, события показали, что именно этот вопрос был несомненно поставлен в порядок дня не только в России, но и в целом ряде западно-европейских стран, и даже не только участвовавших в войне, а и таких нейтральных, которые сравнительно меньше пострадали, вроде Швейцарии и Голландии.

Буржуазия больше всего воспитывалась и воспитывала массы в духе буржуазного парламентаризма, а в них назревало, что стало с очевидностью ясно, советское движение, движение за советскую власть. Советское движение перестало быть русской формой власти пролетариата, оно стало позицией международного пролетариата в его борьбе за власть, оно стало вторым шагом ко всемирному развитию социалистической революции. Первым шагом была Парижская Коммуна, которая показала, что к социализму рабочий класс придет не иначе, как через диктатуру, через насильственное подавление эксплуататоров. Это первое, что показала Парижская Коммуна, что рабочий класс не сможет идти к социализму через старое буржуазно-демократическое парламентарное государство, а лишь через государство нового типа, которое и парламентаризм и чиновничество разбивает снизу доверху.

Вторым шагом, с точки зрения всемирного развития социалистической революции, явилась советская власть. И если ее сначала считали, а ее можно было и даже должно было считать, если не сходить с почвы фактов, явлением только

русским, то теперь события показали, что это не только русское явление, что это международная форма борьбы пролетариата, что войны, которые по новому перетасовали пролетарские и полупролетарские массы, дали им новую организацию, воочию противопоставленную грабительскому империализму, противопоставленную классу капиталистов с его неслыханными, небывалыми до войны прибылями, повсюду создали эти новые массовые организации борьбы, организации пролетариата для свержения власти буржуазии.

Не все сознавали это значение Советов, когда Советы возникли. Не все и сейчас это значение сознают. Но нам-то, которые пережили зачатки этих Советов в 1905 году, нам-то, которые пережили после февральской революции 1917 года долгую полосу колебания и качания между советской организацией масс и мелкобуржуазной, соглашательской, предательской идеологией,—нам-то теперь картина яснее ясного. Она лежит перед нами, как на ладони, и мы, с точки зрения этой картины, с точки зрения того, как развертывалась и развертывается с каждым днем все шире и глубже борьба пролетариата за власть в государстве против капиталистической собственности, подходим к разрешению вопроса. С этой точки зрения, чего стоят все указания о демократии и все фразы о «независимости» и тому подобные речи, постоянно сбивающиеся на какую-то позицию внеклассовую, забывающую, что в капиталистическом обществе господствует буржуазия, что капиталистическое общество рождается именно из власти буржуазии и в политической и в экономической сфере. Именно власть пролетариата, но ничего среднего, во сколько-нибудь серьезных вопросах, на сколько-нибудь продолжительное время быть не может. А кто говорит о независимости, кто говорит о демократии вообще, тот сознательно или несознательно предполагает что-то среднее, что-то межклассовое, что-то надклассовое. И во всех случаях это есть самообман, это есть обман, это есть прикрытие того, что пока власть капиталистов остается, до тех пор, пока у капиталистов остается собственность на орудия производства,—до тех пор демократия может быть менее широка, может быть более широка, цивилизована и т. п., а на деле останется буржуазная диктатура, и тем яснее, тем очевиднее из каждого крупного противоречия ключом бьет гражданская война.

Чем ближе к демократии политические формы Франции, тем скорее там из такого дела, как дело Дрейфуса, вытекала гражданская война. Чем шире демократия в Америке, с пролетариатом, интернационалистами и даже с простыми пацифистами, тем скорее вытекают случаи линчевания и вспышки гражданской войны. Значение этого тем яснее нам теперь, когда первая неделя буржуазной свободы, демократии в Германии привела к самой бешеной, гораздо более острой, чем у нас, гораздо более отчаянной схватке гражданской войны. И кто судит об этих вспышках с точки зрения того, установлен ли суд тех или других партий; кто судит с точки зрения простого убийства Либкнехта и Люксембург, те вооружаются слепотой и трусостью мысли, не желая понять того, что перед нами тут есть вспышки неудержимой гражданской войны, которая из всех противоречий капитализма вытекает неудержимо. Средины нет и быть не может. Всякие речи о независимости или демократии вообще, какими бы соусами их ни облекали, есть величайший обман, величайшее предательство социализма. И если теоретическая пропаганда большевиков, которые теперь являются фактическими основателями Интернационала, если теоретическая проповедь большевиков о гражданской войне не далеко хватила и сплошь и рядом останавливалась перед цензурными рогатками и военными заградительными мерами империалистских государств, то уже не проповедь, не теория, а факты гражданской войны становятся тем более бешеными, чем более стара, чем более продолжительна демократия западноевропейских государств. Эти факты пробьют самые отсталые, самые тупые черепа. Теперь о лучших людях, которые толкуют о демократии вообще, о независимости, об этих людях можно говорить, как об ископаемых.

Т. XXIII, стр. 481—485.

ПИСЬМО К РАБОЧИМ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Товарищи! В конце своего письма к американским рабочим, от 20 августа 1918 г.[1], я писал, что мы находимся в осажденной крепости, пока другие армии международной

[1] См. XXIII том Сочинений, стр. 176—189. *Ред.*

социалистической революции не пришли нам на помощь. Рабочие разрывают со своими социал-предателями, Гомперсами и Реннерами, добавлял я. Рабочие приближаются медленно, но неуклонно, к коммунистической и большевистской тактике.

С тех пор, как написаны эти слова, прошло менее 5 месяцев, и приходится сказать, что назревание всемирной пролетарской революции в связи с переходом рабочих разных стран к коммунизму и большевизму шло за это время чрезвычайно быстро.

Тогда, 20 августа 1918 г., только наша, большевистская, партия порвала решительно со старым, II, Интернационалом 1889—1914 годов, который так позорно обанкротился во время империалистской войны 1914—18 годов. Только наша партия перешла вполне на новый путь, от опозорившего себя союзом с грабительской буржуазией социализма и социал-демократизма к коммунизму, от мелкобуржуазного реформизма и оппортунизма, которые насквозь пронизывали и пронизывают официальную социал-демократию и социалистические партии, к действительно пролетарской революционной тактике.

Теперь, 12 января 1919 года, мы видим уже целый ряд коммунистических пролетарских партий, не только в пределах бывшей империи царя, например, в Латвии, Финляндии, Польше, но и в Западной Европе, в Австрии, Венгрии, Голландии, наконец, в Германии. Когда германский «Союз Спартака» с такими всемирно известными и всемирно знаменитыми вождями, с такими верными сторонниками рабочего класса, как Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг, порвал окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана и Зюдекума, с этими социал-шовинистами (социалистами на словах, шовинистами на деле), навсегда опозорившими себя союзом с грабительской, империалистской буржуазией Германии и с Вильгельмом II, когда «Союз Спартака» назвал себя «коммунистической партией Германии»,—тогда *основание* действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, *Коммунистического Интернационала,* стало *фактом.* Формально это основание еще не закреплено, но фактически III Интернационал теперь уже существует.

Теперь уже все сознательные рабочие, все искренние социалисты не могут не видеть, какое подлое предательство социализма совершили те, кто, подобно меньшевикам и «социалистам-революционерам» в России, подобно Шейдеманам и Зюдекумам в Германии, подобно Реноделям и Вандервельдам во Франции, Хендерсонам и Уэббам в Англии, Гомперсам и К⁰ в Америке, поддерживали «свою» буржуазию в войне 1914—1918 годов.

Эта война вполне разоблачила себя, как империалистская, реакционная, грабительская война и со стороны Германии и со стороны капиталистов Англии, Франции, Италии, Америки, которые теперь начинают ссориться из-за дележа награбленной добычи, из-за дележа Турции, России, африканских и полинезийских колоний, Балкан и т. п. Лицемерные фразы Вильсона и «вильсонистов» о «демократии» и «союзе народов» разоблачаются удивительно быстро, когда мы видим захват левого берега Рейна французской буржуазией, захват Турции (Сирия, Месопотамия) и части России (Сибирь, Архангельск, Баку, Красноводск, Асхабад и т. д.) французскими, английскими и американскими капиталистами,— когда мы видим все усиливающуюся вражду из-за дележа награбленной добычи между Италией и Францией, между Францией и Англией, между Англией и Америкой, между Америкой и Японией.

И рядом с теми трусливыми, половинчатыми, насквозь пропитанными предрассудками буржуазной демократии, «социалистами», которые вчера защищали «свои» империалистские правительства, а сегодня ограничиваются платоническими «протестами» против военного вмешательства в Россию,—рядом с ними растет в странах Антанты число людей, которые идут по дороге коммунистической, по дороге Маклина, Дебса, Лорио, Ладзари, Серрати, таких людей, которые поняли, что только свержение буржуазии, разрушение буржуазных парламентов, только Советская власть и диктатура пролетариата способны подавить империализм, обеспечить победу социализма, обеспечить прочный мир.

Тогда, 20 августа 1918 г., пролетарская революция ограничивалась Россией, и «Советская власть», т.-е. принадлежность *всей* власти в государстве Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, казалась еще (да и была на деле) только российским учреждением.

Теперь, 12 января 1919 г., мы видим могучее «советское» движение не только в частях бывшей империи царя, например, в Латвии, в Польше, на Украйне, но и в западноевропейских странах, и в нейтральных (Швейцария, Голландия, Норвегия), и в страдавших от войны (Австрия, Германия). Революция в Германии—которая особенно важна и характерна, как одна из наиболее передовых капиталистических стран—сразу приняла «советские» формы. Весь ход развития германской революции и особенно борьба «спартаковцев», т.-е. истинных и единственных представителей пролетариата, против союза предательской сволочи, Шейдеманов и Зюдекумов, с буржуазией,—все это показывает ясно, как *поставлен* вопрос историей по отношению к Германии: «Советская власть» или буржуазный парламент, под какими бы вывесками (вроде «Национального» или «Учредительного» Собрания) он ни выступал.

Такова *всемирно-историческая* постановка вопроса. Теперь это можно и должно сказать без всякого преувеличения.

«Советская власть» есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская Коммуна. Гениальный анализ содержания и значения этой Коммуны, данный Марксом в его «Гражданской войне во Франции», показал, что Коммуна создала *новый тип* государства, *пролетарское государство*. Всякое государство, в том числе и самая демократическая республика, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Пролетарское государство есть машина для подавления буржуазии пролетариатом, а такое подавление необходимо в силу того бешеного, отчаянного, ни перед чем не останавливающегося сопротивления, которое оказывают помещики и капиталисты, вся буржуазия и все ее приспешники, все эксплуататоры, когда начинается их свержение, когда начинается экспроприация экспроприаторов.

Буржуазный парламент, хотя бы самый демократический в самой демократической республике, в которой сохраняется собственность капиталистов и их власть, есть машина для подавления миллионов трудящихся кучками эксплуататоров. Социалисты, борцы за освобождение трудящихся от эксплуатации, должны были использовать буржуазные парламенты, как трибуну, как одну из баз для пропаганды, агитации,

организации, *пока борьба наша ограничивалась рамками буржуазного строя*. Теперь, когда всемирная история поставила на очередь дня вопрос о разрушении всего этого строя, о свержении и подавлении эксплуататоров, о переходе от капитализма к социализму,—теперь ограничиваться буржуазным парламентаризмом, буржуазной демократией, прикрашивать ее, как «демократию» вообще, затушевывать ее *буржуазный* характер, забывать, что всеобщее избирательное право, пока сохраняется собственность капиталистов, есть одно из орудий буржуазного государства,—это значит позорно изменять пролетариату, переходить на сторону его классового врага, буржуазии, быть изменником и ренегатом.

Три направления в всемирном социализме, о которых с 1915 года неустанно говорит большевистская печать, стоят теперь перед нами, в свете кровавой борьбы и гражданской войны в Германии, с особенной отчетливостью.

Карл Либкнехт—это имя известно рабочим всех стран. Повсюду, и особенно в странах Антанты, это имя есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции. Это имя есть символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом. Это имя—символ непримиримой борьбы с империализмом не на словах, а на деле, борьбы, готовой на жертвы как раз тогда, когда «своя» страна охвачена угаром империалистских побед. С Либкнехтом и «спартаковцами» идет все, что осталось честного и действительно революционного среди социалистов Германии, все, что̀ есть лучшего и убежденного в пролетариате, все массы эксплуатируемых, в которых кипит возмущение и растет готовность на революцию.

Против Либкнехта—Шейдеманы, Зюдекумы и вся эта банда презренных лакеев кайзера и буржуазии. Это такие же предатели социализма, как Гомперсы и Викторы Бергеры, Хендерсоны и Уэббы, Ренодели и Вандервельде. Это—та верхушечка подкупленных буржуазией рабочих, которых мы, большевики, звали (адресуя это название к русским Зюдекумам, меньшевикам) «агентами буржуазии в рабочем движении», и которых лучшие из социалистов Америки окрестили великолепным по экспрессивности и по глубокой правдивости выражением: «labour lieutenants of the capitalist class», «рабо-

чими лейтенантами класса капиталистов». Это *новейший* «modern», *тип* социалистического предательства, ибо во всех цивилизованных, передовых странах буржуазия грабит—путем ли колониального угнетения или путем финансового извлечения «выгод» с формально независимых слабых народов—грабит население, во много раз превышающее население «своей» страны. Отсюда—экономическая возможность «сверхприбылей» для империалистской буржуазии и употребления доли из этой сверхприбыли на подкуп известного верхушечного слоя пролетариата, на превращение его в реформистскую, оппортунистическую, боящуюся революции, мелкую буржуазию.

Между спартаковцами и шейдемановцами—колеблющиеся, бесхарактерные «каутскианцы», единомышленники Каутского, на словах «независимые», на деле *зависящие* целиком и по всей линии сегодня от буржуазии и шейдемановцев, завтра от спартаковцев, частью идущие за первыми, частью за вторыми, люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле неспособных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски «демократию» вообще, то-есть *на деле* защищающих *буржуазную* демократию.

В каждой капиталистической стране всякий мыслящий рабочий узнает, в измененной соответственно национальным и историческим условиям обстановке, именно эти три основные направления и среди социалистов и среди синдикалистов, ибо империалистская война и начало всемирной пролетарской революции во всем мире порождает однородные идейно-политические течения.

* * *

Предыдущие строки были написаны до зверского и подлого убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург правительством Эберта и Шейдемана. Эти палачи, лакействуя перед буржуазией, предоставляли германским белогвардейцам, сторожевым псам священной капиталистической собственности, линчевать Розу Люксембург, убивать выстрелами в спину Карла Либкнехта, с явно-ложной ссылкой на его «побег»

(русский царизм, подавляя в крови революцию 1905 года, много раз прибегал к подобному убийству с такой же ложной ссылкой на «побег» арестованных),—и в то же время эти палачи прикрывали белогвардейцев авторитетом якобы ни в чем неповинного, якобы выше классов стоящего правительства! Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами. Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости. Пусть дурачки каутскианцы толкуют в своей газете «Фрейхейт» о «суде» из представителей «всех» «социалистических» партий (палачей Шейдеманов эти лакейские души продолжают называть социалистами)! Эти герои филистерского тупоумия и мещанской трусости не понимают даже того, что суд есть орган государственной власти, а борьба и гражданская война в Германии идет как раз из-за того, в чьих руках будет эта власть: в руках ли буржуазии, которую будут «обслуживать» Шейдеманы, как палачи и погромщики, Каутские, как хвалители «чистой демократии», или в руках пролетариата, который свергнет эксплуататоров-капиталистов и раздавит их сопротивление.

Кровь лучших людей всемирного пролетарского Интернационала, незабвенных вождей международной социалистической революции закалит новые и новые массы рабочих к борьбе не на жизнь, а на смерть. И эта борьба приведет к победе. Мы пережили в России летом 1917 г. «июльские дни», когда русские Шейдеманы, меньшевики и эсеры, также «государственно» прикрывали «победу» белогвардейцев над большевиками, когда на улицах Петрограда казаки линчевали рабочего Воинова за распространение большевистских воззваний. Мы знаем по опыту, как быстро такие «победы» буржуазии и ее холопов излечивают массы от иллюзий буржуазного демократизма, «всенародного голосования» и тому подобное.

* * *

Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам,

служащих самой черной монархической и помещичьей реакции, уже начинается;—что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты. Пример немецких оккупационных войск на Украйне достаточно убедителен.

Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит попрежнему за военное вмешательство в России, за «экономическое окружение» (Клемансо) и удушение советской республики. Вся пресса, служащая этой буржуазии, т.-е. большинство купленных капиталистами ежедневных газет Англии и Франции, пророчит быстрый крах Советской власти, расписывает ужасы голода в России, лжет про «беспорядки» и про «непрочность» советского правительства. Войска белогвардейцев, помещиков и капиталистов, которым помогает Антанта и офицерами, и снарядами, и деньгами, и вспомогательными отрядами, эти войска отрезывают голодный центр и север России от самых хлебородных районов, от Сибири и от Дона.

Бедствия голодающих рабочих в Петрограде и Москве, в Иваново-Вознесенске и других неземледельческих центрах действительно велики. Никогда не вынесли бы рабочие массы таких бедствий, таких мук голода, на которые обрекает их военное вмешательство Антанты (вмешательство, зачастую прикрытое лицемерными обещаниями не посылать «своих» войск, при продолжающейся посылке «чернокожих», затем снарядов, денег, офицеров),—массы не вынесли бы таких бедствий, если бы рабочие не понимали, что они отстаивают дело социализма и в России и во всем мире.

«Союзные» и белогвардейские войска держат Архангельск, Пермь, Оренбург, Ростов на Дону, Баку, Асхабад, но «советское движение» завоевало Ригу и Харьков. Латвия и Украйна становятся советскими республиками. Рабочие видят, что великие жертвы приносят они не напрасно, что победа Советской власти идет и ширится, растет и крепнет по всему миру. Каждый месяц тяжелой борьбы и великих жертв усиливает дело Советской власти во всем мире, ослабляет ее врагов, эксплуататоров.

У эксплуататоров есть еще достаточно силы в руках, чтобы убивать и линчевать лучших вождей всемирной пролетарской революции, чтобы усугублять жертвы и муки рабочих в оккупируемых или завоевываемых странах и областях. Но у эксплуататоров всего мира не хватит сил, чтобы удержать победу всемирной пролетарской революции, несущей освобождение человечества от ига капитала, от вечной угрозы новых и неизбежных при капитализме империалистских войн.

Опубликовано 24 января 1919 г. *Т. XXIII, стр. 494—500.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А. М. — см. *Коллонтай А. М.*
Авксентьев Н. Д. — 397, 398, 399, 400, 524.
Австерлиц Фридрих — 545, 547, 548, 549, 550.
Адлер Виктор — 40, 77, 257, 369.
Адлер Фридрих — 255, 256, 257, 259, 371, 406, 451, 547, 548.
Аксельрод П. Б. — 41, 50, 56, 65, 83, 94, 95, 100, 120, 151, 160, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 185, 186, 187, 188, 192, 197, 198, 199, 215, 217, 225, 269, 315, 344, 360, 369, 406, 483, 489, 490, 537.
Александр — см. *Шляпников А. Г.*
Александра Михайловна — см. *Коллонтай А. М.*
Алексинский Г. И. — 29, 56, 88, 89, 127, 324.
Ан — 89.
Андрио — 433.
Аффольтер Ганс — 349.
Б. — см. *Бухарин Н. И.*
Бадаев А. Е. — 52, 202, 254, 315.
Балабанова Анжелика — 140.
Бауэр Отто — 438, 520.
Бебель Август — 71, 203, 312, 469, 491, 497, 501, 510.
Беленин — см. *Шляпников А. Г.*
Бергер Виктор — 367, 560.
Берзин П. В. — 354.
Берзин Я. А. — 434.
Бернштейн Эдуард — 34, 67, 140, 141, 240, 313, 440, 446, 458, 467, 503.
Бетман-Гольвег Т. — 68, 253.
Бисмарк Отто — 23, 496.
Биссолати Леонид — 12, 28, 48, 51, 127, 180, 181, 194, 253, 255, 277, 328, 344, 367.
Блан Александр — 328.
Блан Луи — 465.
Бономи Иваное — 328.
Боргбьер Фредерик — 380, 382, 383, 384, 385.
Борхардт Юлиан — 58, 155, 156.
Бош Евгения — 233.
Брантинг Карл-Яльмар — 33, 46, 127, 180, 194, 358, 367, 397, 398, 400, 406.
Брентано Луйо — 456.
Брэйлсфорд — 101.
Бриан Аристид — 182, 186, 197.
Бризон Пьер — 231, 307, 311, 328, 329.
Брутшу — 327, 336.
Булкин Ф. А. (Семенов) — 277.
Бурдерон Альбер — 152, 204, 205, 206, 208, 221, 229, 331, 332, 334, 355, 356, 370, 372.
Бухарин Н. И. — 211, 212, 230, 231, 232, 233, 234, 264, 265, 354, 355, 402, 403.
Вайнкоop Давид — 16, 140, 141, 146, 154, 281, 370.
Валиипас Э. — 409.
Вальян Эдуард — 28, 81, 119, 120, 121, 127, 181.
Вандервельде Эмиль — 14, 17, 20, 39, 48, 51, 52, 65, 68, 77, 80, 88, 94, 128, 129, 137, 158, 176, 184, 186, 189, 198, 206, 217, 258, 261, 286, 313, 333, 344, 372, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 548, 558, 560.
Варин (Фридолин В.) — 232.
Веббы Сидней и Беатриса — 194, 197, 275, 437, 447, 470, 558, 560.
Вебер Гейнрих — см. *Бауэр Отто.*
Вейтлинг Вильгельм — 468.
Вестберг Мориц — 357.
Виик К. — 409.
Вильгельм II. — 6, 9, 21, 102, 197, 319, 361, 362, 374, 408, 436, 447, 454, 508, 557.
Вильсон Вудро — 323, 330, 331, 332, 424, 447, 558.
Воинов И. А. — 562.
Воровский В. В. — 389, 454.
Вурм — 183, 196.
Гаазе Гуго — 39, 65, 79, 128, 129, 140, 141, 184, 215, 217, 253, 254, 286, 296, 303, 321, 360, 365, 368, 370, 382, 384, 385, 505, 510.
Габсбурги — 53.
Гайндман Генри — 28, 29, 46, 48, 51, 59, 65, 92, 93, 94, 100, 119, 120, 121, 149, 158, 184, 186, 194, 198, 206, 217, 236, 278, 279, 286, 312, 313, 324, 367, 394, 399.

Ганецкий Я. С. — 371, 389.
Ганон Г. А. — 235.
Гарибальди Джузеппе — 104.
Гарденин — 103, 104.
Гарнс Бернард — 109.
Гвоздев К. А. — 277, 279.
Гегель Г. Е. — 101, 102.
Гейльман Эрнст — 372.
Гейне Вольфганг — 77, 79, 121, 176, 184, 187.
Гельферих Карл — 341.
Гендерсон Артур — 137, 184, 278, 286, 322, 399, 429, 437, 447, 470, 502, 509, 515, 548, 558, 560.
Гении — 121.
Гильбо Анри — 167, 314, 370.
Гильом Джемс — 70.
Гильфердинг Рудольф — 269, 272.
Гинденбург Пауль — 79.
Гобсон Джон — 269, 270, 271.
Гогенцоллерны — 53.
Голый Павел — 73, 147.
Гомперс Самуэль — 174, 429, 509, 548, 557, 558, 560.
Гордон Герта — 414.
Гортер Герман — 16, 74, 127, 184, 370.
Горький Максим (Пешков А. М.) — 19.
Гофман Адольф — 328, 453.
Грабер Эрнст-Пауль — 349, 504.
Грав Жан — 59, 207.
Грей Э. — 68.
Грейлих Густав — 127, 180, 194, 303, 304, 345, 348, 349, 351, 352, 353, 373, 388.
Григорий — см. *Зиновьев Г. Е.*
Гримм Роберт — 67, 127, 140, 147, 152, 154, 155, 156, 165, 236, 281, 296, 298, 345, 346, 347, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 360, 369, 373, 383, 388, 504.
Губер Ганс — 298, 348, 349, 352.
Гучков А. И. — 104, 170, 319, 360, 361, 362, 376.
Гэд Жюль — 19, 20, 28, 48, 51, 52, 58, 59, 65, 92, 93, 119, 120, 121, 131, 158, 159, 164, 179, 191, 192, 217, 250, 308, 309, 312, 364, 367, 394, 399, 544.
Гюисманс Камилл — 55, 206, 214, 224, 225, 230, 231, 236, 260, 261, 262, 333, 372, 383.
Давид Эдуард — 70, 89, 93, 121, 134, 183, 188, 194, 197, 198, 199, 200, 239, 250, 253, 261, 272, 328, 332, 364, 365, 370, 442.
Дан Ф. И. — 56, 444.
Дебс Евгений — 166, 203, 205, 208, 221, 229, 312, 424, 444, 558.
Добролюбов Н. А. — 326.
Дрейфус Альфред — 444, 471, 556.
Дункер Кэте — 237.
Дутов А. И. — 444.
Дэлэзи Ф. — 95.
Дюма Шарль — 93.
Дюрр К. — 352, 353.
Желябов А. И. — 104.
Жуо Леон — 152, 164, 206, 327, 328, 329, 330, 332, 336, 356.
Закс Г. Д. — 518.
Загулич В. И. — 315, 362.
Зиборди Джиованни — 11, 12.
Зиновьев Г. Е. — 67, 146, 154, 156, 209, 211, 231, 373, 383, 384, 388, 455, 456.
Зорге Фридрих-Антон — 175, 196, 273.
Зюдекум Альберт — 11, 42, 46, 50, 51, 68, 79, 83, 98, 116, 119, 128, 129, 137, 138, 140, 142, 163, 183, 184, 186, 187, 198, 217, 261, 313, 315, 328, 332, 334, 557, 558, 559, 560.
Ильин В. — см. *Ленин В. И.*
Иоффе А. А. — 451, 453.
Кавеньяк Луи-Эжен — 389.
Кайо — 101.
Каменев Л. Б. — 19, 383, 391, 392.
Карлсон К. — 370.
Карпинский В. А. — 167, 386.
Каспаров В. М. — 145, 146.
Каутский Карл — 14, 16, 17, 18, 19, 20, 28, 30, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 48, 51, 54, 56, 59, 65, 67, 68, 69, 70, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 88, 92, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141,

142, 152, 158, 159, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 170, 172, 173, 176, 179, 181, 183, 184, 185, 186, 189, 191, 192, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 204, 205, 206, 214, 215, 217, 224, 239, 240, 245, 250, 253, 268, 269, 270, 273, 275, 276, 282, 286, 288, 296, 303, 307, 311, 313, 314, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 332, 334, 335, 336, 338, 341, 342, 343, 344, 355, 356, 360, 365, 368, 370, 372, 376, 382, 383, 384, 385, 395, 434, 435, 438, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 552, 561, 562.

Кейр-Гарди Джемс — 28.

Керенский А. Ф. — 51, 319, 361, 366, 412, 423, 445, 496, 505, 506, 507, 522, 524, 538.

Керр Чарльз 153, 166. 211.

Киевский П. — см. *Пятаков Г. Л.*

Кинкель Г. — 145, 146.

Клаузевитц Карл — 102, 103.

Клемансо Жорж — 470, 508, 563.

Клоти Эмиль — 349.

Клюк-фон — 39.

Кобецкий М. В. — 41, 44.

Колегаев А. Л. — 518.

Коллонтай А. М. — 16, 17, 34, 41, 42, 43, 141, 142, 143, 144, 152, 165, 167, 210, 211, 230, 232, 235, 236, 354, 356.

Кольб Вильгельм — 176, 184, 187, 198, 199, 442, 503.

Коричонер Франц — 255.

Корнелиссен Христиан — 59, 207.

Корнилов Л. Г. — 522.

Коссовский В. (М. Я. Левинсон) — 90, 91, 137.

Краснов П. Н. — 444, 500.

Кричевский Б. Н. — 171, 198.

Кропоткин П. А. — 59, 207.

Крупп Альфред — 470.

Крупская Н. К. — 33, 41, 232, 234, 236, 237, 414.

Кунов Генрих — 95, 96, 98, 99, 104, 116, 139, 171.

Куусинен Отто — 409.

Ладзари Константин — 371, 558.

Ланг Отто — 349.

Ларин Ю. (Лурье М. А.) — 18, 46, 50.

Лассаль Фердинанд — 113, 247.

Леви Пауль — 573.

Левицкий В. О. (В. О. Цедербаум) — 315.

Легин Карл — 89, 122, 129, 132, 133, 135, 137, 174, 183, 184, 186, 187, 193, 194, 195, 197, 198, 200, 236, 239, 244, 250, 253, 272, 278, 286, 328, 329, 352, 334, 344, 364, 365, 370.

Ледебур Георг — 152, 155, 307, 311, 314, 321, 328, 329, 356, 368, 370, 382.

Ледер Л. Д. — 29.

Ленин В. И. — 15, 18, 20, 34, 42, 43, 44, 57, 68, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 152, 153 154, 155, 156, 167, 168, 175, 176, 207, 209, 211, 212, 230, 231, 232, 234, 235, 237, 257, 293, 314, 330, 356, 359, 366, 379, 387, 389, 409, 414, 429, 435, 436, 448, 451, 453, 454, 455, 456, 489, 536.

Ленч Пауль — 70, 98, 104, 121, 244, 275.

Леруа-Болье А. — 170.

Летайер — 309.

Либкнехт Карл — 28, 53, 71, 89, 134, 152, 184, 196, 199, 204, 206, 208, 221, 227, 229, 250, 253, 254, 258, 296, 297, 311, 313, 325, 328, 329, 334, 340, 343 344, 347, 352, 353, 354, 365, 369, 370, 374, 375, 379, 384, 385, 394, 398, 444, 451, 514, 551, 556, 557, 560, 561.

Лизис — см. *Летайер.*

Линдгаген Карл — 359, 370.
Литвинов М. М. — 17, 18, 42, 55, 67.
Ллойд-Джордж Дэвид — 101, 109, 170, 184, 186, 195, 197, 278, 279.
Де-Ло — 297.
Лонгэ Жан — 205 206, 215, 225, 259, 286, 296, 303, 307, 311, 312, 313, 330, 332, 335, 338, 344, 356, 360, 368, 383, 384, 385, 432, 470, 502, 504, 505, 515, 520.
Лорио Фернанд — 370, 558.
Львов Г. Е. — 361.
Люберсак-де Жан — 421.
Людмила — см. *Сталь Л. Н.*
Люкас — 125.
Люксембург Роза — 16, 94, 115, 119, 120, 234, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 253, 282, 370, 371, 412, 466, 551, 556, 557, 561.
Лялин см. *Пятаков Г. Л.*
Маевский Е. (В. А. Гутовский) — 56.
Майерас Варфоломей — 286.
Макдональд Рамзей — 28, 286, 360, 368, 440, 502, 504, 515, 520.
Макензен Август — 79.
Маклин Джон — 313, 347, 353, 370, 394, 398, 444, 558.
Максимович — см. *Литвинов М. М.*
Мальви Жан-Луи — 432.
Маннер Куллерво - 409.
Манц-Шеппи Карл — 348, 349, 352.
Маркс Карл — 70, 71, 75, 94, 102, 103, 104, 105, 115, 118, 120, 162, 164, 175, 197, 246, 247, 248, 265, 268, 272. 273, 274, 278, 279, 280, 309, 314, 375, 377, 406, 435, 441, 442, 444, 445, 452, 453, 457, 459, 460, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 476, 477, 481, 482, 485, 491, 498, 502, 503, 507, 510, 513, 517, 522, 534, 535, 540, 541, 542, 543, 546, 550, 552, 553, 559.
Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) — 14, 16, 18, 29, 38, 41, 49, 89, 120, 123, 168, 170, 173, 205, 215, 225, 232, 247, 250, 269, 271, 272, 286. 315, 316, 360, 369, 374, 402, 483, 484, 486, 487,
Мартынов А. С. (Пикер) — 171, 198.
Маслов Н. П. — 19, 25, 28, 29, 43, 49, 50, 440, 441, 517, 519, 524, 532, 534.
Маслов С. Л. — 524, 527, 532.
Мейер Эрнст — 328.
Менгер А. — 544.
Меринг Франц — 28, 29, 37, 94, 115, 119, 120, 237, 253, 414, 434, 557.
Мерргейм Артур — 58, 147, 152, 164, 204, 205, 206, 327, 328, 329, 330, 332, 335, 336, 338, 343, 344, 355, 356, 370, 372.
Мешковский И. П. (Гольденберг) — 19.
Мильеран Александр — 104, 164, 182, 308.
Милюков П. Н. — 170, 197, 319, 360, 361, 362, 374, 441, 496.
Мирбах Вильгельм — 413.
Модильяни Эммануэле — 369.
Монитор (Monitor) — 82, 130, 182, 183, 184, 195, 196.
Моргари Оддино — 151, 215—216, 225.
Муравьев М. А. — 523.
Муранов М. К. — 52, 137, 202, 254, 315.
Муссолини Бенито — 48.
Мэн Том — 273.
Мюллер Густав — 345, 349, 352, 373.
Мюнценберг Вильгельм — 373.
Наполеон I — 241, 445.
Наполеон III (Луи Бонапарт) — 70, 103, 341.
Науман Фр. — 170, 186, 197.
Нерман Туре — 357, 370.
Николай II Романов — 23, 102, 318, 319, 361, 433.
Нобс — 349, 504.
Ногин В. П. (Макар) — 380, 384.
Nota-Bene — см. *Бухарин Н. И.*
Нэн Шарль — 147, 303, 304, 346, 349, 354, 504.
Орловский — см. *Воровский В. В.*
Орнатский — см. *Чичерин Г. В.*
Острогорский — 545.
Павлов — см. *Берзин П. В.*
Панин (Модзюб М.) — 406,

Паннекук Антон — 16, 18, 28, 40, 74, 96, 127, 184, 209, 234, 370.
Петровский Г. И. — 34, 52, 202, 254, 315.
Платтен Фриц — 155, 209, 303, 353, 354, 374.
Плеханов Г. В. — 19, 20, 25, 28, 29, 41, 42, 43, 46, 48, 49, 50, 51, 55, 56, 59, 65, 70, 73, 74, 76, 77, 83, 87, 88, 89, 92, 93, 94, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 116, 119, 120, 121, 127, 128, 129, 131, 139, 141, 149, 158, 159, 162, 163, 179, 188, 192, 194, 199, 206, 217, 236, 247, 250, 253, 255, 261, 262, 272, 278, 286, 303, 304, 313, 315, 337—338, 344, 362, 365, 366, 367, 370, 373, 376, 379, 380, 381, 384, 386, 394, 395, 399, 456, 491, 503, 517.
Потресов А. Н. (Старовер) — 85, 102, 137, 250, 253, 262, 272, 277, 279, 315, 338, 362, 366, 370, 375, 441, 500.
Прессман Адриэн — 215, 225, 259, 286, 296, 311, 312, 335, 360, 368.
Прошьян П. П. — 523.
Пуанкаре Раймонд — 23.
Пфлюгер Пауль — 348, 349, 352, 353, 373.
Пятаков Г. Л. — 231, 355, 386.
Равич С. Н. — 167.
Радек Карл — 66, 96, 140, 145, 146, 153, 154, 155, 156, 209, 232, 233, 234, 235, 236, 371, 373, 386, 388.
Раковский Христиан — 74, 142.
Раффен-Дюжанс — 328, 331, 332, 356.
Реннер Карл — 429, 545, 547, 548, 549, 550, 557.
Ренодель Пьер — 68, 176, 184, 195, 206, 217, 253, 278, 279, 307, 312, 315, 330, 332, 334, 336, 343, 344, 356, 364, 367, 394, 399, 429, 437, 447, 470, 502, 509, 515, 548, 558, 560.
Ривлин Л. С. — 147.
Ривлина Е. И. — 147.
Рихтер Евгений — 501.
Робеспьер Максимилиан — 104.
Родбертус-Ягецов Карл — 534.
Ролланд-Гольст Генриетта — 16, 74, 142, 152, 155, 209, 211, 281, 316, 370.
Ропшин — 104.
Россель Вильямс — 205, 208, 221, 229, 370.
Роттштейн Ф. А. — 208.
Рубанович И. А. — 50, 51, 149, 160.
Рыбалка (Юркевич Л.) — 235.
Рюдорфер — 125.
Рюле Отто — 204, 205, 206, 208, 221, 229, 239, 258, 311, 370.
Савинков Б. В. — 441, 444, 500, 522.
Садуль Жак — 421.
Саландра А. — 104.
Самба Марсель — 39, 52, 58, 65, 80, 128, 129, 137, 184, 195, 206, 236, 250, 253, 255, 286, 312, 313, 322, 328, 332, 338, 344, 364, 367.
Самойлов Ф. Н. — 52, 202, 254, 315.
Сафаров Георгий — 204.
Свердлов Я. М. — 436, 451.
Серрати Джиачинто Менотти — 371, 558.
Сирола Юрий — 409.
Сисмонди Симон — 268.
Скобелев М. И. 250, 277, 315, 360, 362, 367, 393, 397, 398, 399, 400, 401.
Смирнов Е. (Э. Гуревич) — 19—25, 28, 49, 50.
Сноуден Филипп — 360, 368.
Спектатор (Нахимсон) — 245, 269.
Сталин И. В. — 451.
Сталь Л. Н. — 359.
Стаунинг Торвальд — 258, 260, 261, 262, 313, 367, 371, 397, 398, 399, 400, 401, 406, 407.
Стеклов Ю. М. — 367.
Стрем Фредерик — 370.
Струве П. Б. — 105, 170, 171, 455.
Суварин Борис — 306, 307, 311, 313, 314.
Сундбо И. П. — 262.
Тальгеймер Август — 237.
Тома Альберт — 286, 312, 332, 334, 437.
Толстой Лев — 310.
Тревес Клавдио — 215, 217, 225, 286, 360, 369.

Трепов А. Ф. — 318.
Трир Герзон — 262, 358, 371.
Троцкий Л. Д — 42, 74, 88, 89, 140, 141, 142, 205, 209, 232, 269, 271, 314, 315, 316, 355, 374, 436.
Трульстра Питер — 16, 17, 18, 63, 64, 65, 80, 127, 180, 194, 263, 367, 397, 399.
Туратти Филипп — 152, 307, 321, 323, 324, 325, 326, 331, 334, 335, 336, 338, 343, 344, 355, 356, 360, 369, 373, 446, 504, 505, 508, 509, 510.
Тышко Лео (Иогихес) — 371.
Уэббы Беатриса и Сидней — см. *Веббы.*
Фейербах Людвиг — 61, 114.
Фитцджерольд С. В. — 167.
Хартштейн - см. *Леви Пауль.*
Хеглунд Зет — 17, 81, 127, 141, 142, 143, 144, 211, 230, 235, 313, 347, 353, 354, 370, 386, 387.
Хейльз Джоч — 273.
Хельман — 261.
Хилквит Морис — 166, 369.
Церетели И. Г. — 367, 369, 370, 375, 397, 398, 402, 524.
Цеткин Клара — 42, 80, 142, 237, 253, 393, 414, 434, 557.
Череванин Ф. А. — 85.
Чернов В. М. — 393, 397, 398.
Чернышевский Н. Г. — 326.
Чичерин Г. В. — 208.
Чхеидзе Н. С. — 43, 50, 86, 89, 141, 160 173, 194, 205, 215, 217, 225, 232, 233, 247, 250, 277, 279, 286, 315, 316, 360, 362, 367, 369, 370, 375.
Чхенкели А. И. — 89, 247, 250, 253, 272.
Шагов Н. Р. — 52, 202, 254, 315.
Шейдеман Филипп — 55, 79, 80, 122, 129, 137, 138, 172, 173, 278, 279, 286, 307, 328, 332, 338, 341, 343, 344, 364, 365, 367, 370, 373, 379, 384, 385, 394, 397, 398, 399, 400, 401, 429, 437, 447, 470, 501, 502, 503, 504, 507, 509, 514, 515, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 557, 553, 559, 560, 561, 562.
Шкловский Г. Л. — 155.
Шлютер Герман — 211.
Шляпников А. Г. — 14, 15, 18, 32, 41, 44, 46, 55, 144, 145, 212, 230, 231, 232, 236.
Шмидт Артур — 291.
Шмидт Жак — 360.
Шнеебергер Фридрих — 352, 353.
Шнейдер Фридрих — 349, 360.
Штейн А. (Рубинштейн) — 483, 490, 537.
Штребель Гейнрих — 129, 237, 240, 446.
Штюргк Ф. — 259, 406.
Штюрмер Б. В. — 318.
Шульце — 111.
Эберт Фридрих — 253, 351, 353, 436, 454, 545, 551, 561.
Эгли Карл — 297.
Энгельс Фридрих — 36, 38, 70, 76, 102, 103, 162, 175, 182, 184, 195, 196, 247, 265, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 309, 314, 375, 377, 442, 443, 445, 452, 453, 459, 460, 463, 464, 466, 468, 469, 476, 477, 479, 481, 485, 491, 502, 503, 507, 510, 517, 540, 541, 542, 543, 544, 546.
Эрве Густав — 28, 51, 324, 359.
Эрвин Бельгер — 125.
Юниус — см. *Люксембург Роза.*
Юрий — см. *Пятаков Г. Л.*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1914 год

Тезисы о войне (первоначальный текст) 5
Задачи революционной социал-демократии в Европейской войне. (Резолюция группы социал-демократов.) 8
Европейская война и международный социализм 11
Письмо А. Г. Шляпникову 17/X 14
Письмо А. Г. Шляпникову 27/X 15
Письмо А. Г. Шляпникову 31/X 18
Война и российская социал-демократия 20
Положение и задачи социалистического Интернационала 27
Письмо А. Г. Шляпникову 14/XI 32
Мертвый шовинизм и живой социализм 35
Письмо А. Г. Шляпникову — конец декабря 41
Письмо А. М. Коллонтай — конец декабря 42
Письмо А. М. Коллонтай — конец декабря 43

1915 год

Что же дальше? 45
Декларация Центрального комитета РСДРП, оглашенная на Лондонской конференции 52
Из решений конференции заграничных секций РСДРП 54
Письмо А. Г. Шляпникову 11/II 55
Первое мая и война 57
О борьбе с социал-шовинизмом 62
Письмо Карлу Радеку — конец июня 66

Стр.
Из брошюры «Социализм и война» 69
Крах II Интернационала 90
Письмо Карлу Радеку — конец июля 140
Письмо А. М. Коллонтай 141
Письмо А. М. Коллонтай 142
Письмо А. М. Коллонтай — август 143
Письмо А. М. Коллонтай — конец августа 144
Письмо В. М. Каспарову — конец августа 145
Письмо Карлу Радеку — конец августа 146
Письмо Е. И. Ривлиной — начало сентября 147
Проект резолюции Циммервальдской левой 147
Три заметки по поводу проекта манифеста Циммервальдской конференции 150
Проект предложения на первой Циммервальдской конференции об отклонении военных кредитов 151
Добавления к заявлению Циммервальдской левой 151
План статьи о Циммервальдской конференции 151
Письмо А. М. Коллонтай — между 8 и 13/IX 152
Письмо Карлу Радеку 19/IX 153
Письмо Карлу Радеку 20/IX 154
Письмо Г. Л. Шкловскому — конец сентября — начало октября . 155
Письмо Карлу Радеку — конец сентября 156
Первый шаг 156
Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г. 161
Письмо А. М. Коллонтай 9/XI 165
Письмо А. М. Коллонтай 22/XI 167
Письмо В. А. Карпинскому и С. Н. Равич — конец ноября — начало декабря 167
Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов . . 168
Письмо Лиге социалистической пропаганды в Америке 173
Оппортунизм и крах II Интернационала 176

1916 год

Оппортунизм и крах II Интернационала 189
Речь на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г. . . 201
О задачах оппозиции во Франции 204
Раскол или гниение? 207
Письмо Генриетте Ролланд-Гольст — начало года 209
Письмо А. М. Коллонтай 19/III 210

Стр.
Письмо А. М. Коллонтай — март 211
Предложение Центрального комитета РСДРП второй социалистической конференции, созываемой I. S. K. (Бернской) 213
Предложение Центрального комитета РСДРП 2-й социалистической конференции 222
Письмо А. М. Коллонтай — весна 230
Письмо А. Г. Шляпникову — май 230
Письмо А. Г. Шляпникову — июнь 232
Письмо А. М. Коллонтай — июнь 235
Письмо А. М. Коллонтай 25/VII 236
О брошюре Юниуса 237
Приветствие съезду итальянской социалистической партии . . . 251
Письмо Францу Коричонеру 25/X 255
Речь на съезде Швейцарской социал-демократической партии 4 ноября 1916 г. 258
Целый десяток «социалистических» министров 260
Интернационал молодежи 263
Империализм и раскол социализма 266
О лозунге «разоружения» 281
Письмо Артуру Шмидту 1/XII 291
Тезисы об отношении Швейцарской социал-демократической партии к вопросу о войне 293
Задачи левых циммервальдистов в Швейцарской с.-д. партии . . 295
Открытое письмо Борису Суварину — вторая половина декабря 306

1917 год

Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический 317
Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям . . 335
Открытое письмо к Шарлю Нэну, члену международной социалистической комиссии в Берне — январь 346
Письмо А. М. Коллонтай 17/II 354
Письмо А. М. Коллонтай 5/III 356
Прощальное письмо к швейцарским рабочим 359
Из тезисов «Задачи пролетариата в нашей революции» 366
Из статьи «Политические партии в России и задачи пролетариата» 379
Всероссийская апрельская конференция РСДРП 380
Социал-шовинисты и интернационалисты 384

Стр.

О созыве международной якобы социалистической конференции с участием социал-шовинистов 385
Письмо К. Радеку 29/V 386
Из послесловия к брошюре: «Задачи пролетариата в нашей революции» 387
Письмо К. Радеку 17/VI 388
Внешняя политика русской революции 389
О выступлении Каменева в Ц.И.К. по поводу Стокгольмской конференции 391
О Стокгольмской конференции 393
По вопросу о Циммервальде 401
Из статьи «К пересмотру партийной программы» 402
Задачи нашей партии в Интернационале 405
Из доклада о мире на втором Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д. 8 ноября (26 октября) 1917 г. 407
Письмо финским товарищам 11/XI 409
За хлеб и мир 409

1918 год

Из доклада на московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г. 411
Письмо К. Цеткин 26/VII 414
Речь на митинге красноармейцев на Ходынке 2 августа 1918 г. 415
Речь на митинге в Сокольническом районе 9 августа 1918 г. . 415
Письмо к американским рабочим 416
Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г. . 429
Письмо Я. А. Берзину 20/IX 434
Письмо Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому 1/X 436
Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 5 октября 1918 г. 437
Пролетарская революция и ренегат Каутский 440
Письмо членам группы Спартак 18/X 448
Резолюция, принятая на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. 449
Письмо А. А. Иоффе 23/X 451
Речь на демонстрации в честь австро-венгерской революции 3 ноября 1918 г. 451

Стр.

Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. 452
Всем советам — телефонограмма 453
Письмо В. В. Воровскому 10/XI 454
Телеграмма В. В. Воровскому 10/XI 454
Пролетарская революция и ренегат Каутский 455
Приложение I. Тезисы об учредительном собрании . . . 539
Приложение II. Новая книга Вандервельде о государстве 539
О «демократии» и диктатуре 545

1919 год

Речь по поводу убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта 19 января 1919 г. 551
Из доклада на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. 551
Письмо к рабочим Европы и Америки 556
Указатель имен 565

ОБ'ЕДИНЁННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

Наблюдала за изданием редактор
М. Тарская.
Ответ. корректор Я. Кононович.
Технические редактора
В. Брюхачев и А. Иванова.

★

Сдано в набор 27/III 1936 г. Подписано в печать 13/VII 1936 г. Формат 82 × 110 1/32. Бум. лист. 9 1/8. Тип. зн. в 1 бум. лист. 152 192. Печ. л. 36 1/2. Тираж 50 тыс. экз. Партиздат № 147. Уполн. Главлита Б-24800. Заказ 622. Бумага фаб-ки им. Менжинского. Коленкор Щелковской фабрики.

Цена 3 руб. 25 коп. Переплет 1 руб.

★

Фабрика книги «Красный пролетарий»
Партиздата ЦК ВКП(б).
Москва, Краснопролетарская, 16.

4 руб. 25 коп.